

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2024

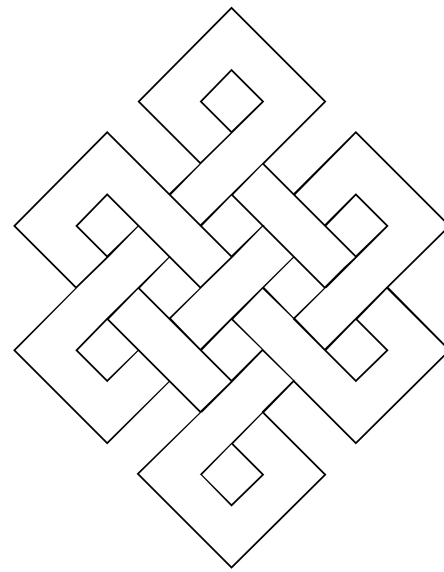
№ 2

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№2
2024

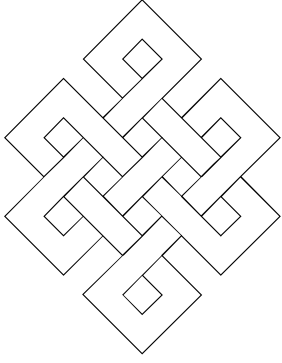
nit.tuva.asia

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

9 772079 848005

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2024

№ 2

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отроценко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Бахтикирева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор
Макаров В. С., редактор
Гайдин Б. Н., редактор

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, Editor
Boris N. Gaydin, Editor

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTS, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

<i>Иванов Е. Е., Ершов В. И. (Россия)</i> Тувинские пословицы как объект сопоставительной паремиографии (на широком языковом фоне)	6
<i>Петрушевская Ю. А. (Беларусь), Лазарева О. В. (Россия)</i> Образность в тувинских и белорусских пословицах (в поисках общего и специфического в пословичных образах)	24
<i>Зиновьева Е. И., Алёшин А. С., Цховребов А. С. (Россия)</i> Тувинские паремии с компонентом-религиозным (на фоне других языков)	40
<i>Бредис М. А. (Россия)</i> Особенности семантики числа сто в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков)	61
<i>Просяникова О. И., Скорик К. В. (Россия)</i> Категоризация окружающего мира в тувинском, бурятском и якутском эпосе через призму ахроматической пары белый / черный	75
<i>Нелюбова Н. Ю., Скнарев Д. С., Кол Ч. Ш. (Россия)</i> Роль гастрономического компонента в выражении аксиологического смысла тувинских паремий (на фоне русского и французского материала)	90
<i>Соян А. М. (Россия)</i> Характеристика человека в тувинских загадках (на полевом и лексикографическом материале)	112
<i>Бочина Т. Г. (Россия)</i> Юрта и ее детали в тувинских загадках	125
<i>Ломакина О. В., Николаева Е. К., Селиверстова Е. И., Гишкаева Л. Н. (Россия)</i> Река в тувинской паремике: образность и символика (на фоне центральноазиатского паремиологического континуума)	141

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Ламажаа Ч. К. (Россия), Шаймерденова М. Дж. (Казахстан)</i> Кадак — шарф подношения и освящения (из истории традиции)	152
--	-----

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

<i>Натсак О. Д., Балакина Г. Ф. (Россия)</i> Гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва	177
<i>Куклина М. В., Красноштанова Н. Е., Дирин Д. А., Богданов В. Н., Труфанов А. И. (Россия)</i> Трансформация транспортной доступности и развитие туризма в Тоджинском кожууне Республики Тыва	193
<i>Тарбастаева И. С. (Россия)</i> Сельско-городское взаимодействие в Туве (по материалам интервью с уроженцами Овюрского района)	209
<i>Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н., Накисбаев Д. В. (Россия)</i> Студенческая семья глазами тувинской молодежи	225
<i>Ростовская Т. К. (Россия), Натсак О. Д. (Россия), Еламанова А. С. (Казахстан)</i> Неполные семьи в Туве и Казахстане: статистико-демографический взгляд на проблему	243
<i>Филиппова В. В., Куклина М. В., Труфанов А. И., Саввинова В. Н., Красноштанова Н. Е., Федорова А. С., Итегелова А. П., Кобылкин Д. В. (Россия)</i> Взаимодействие коренных малочисленных народов: жизнестойкость и устойчивость развития отдалённых и труднодоступных территорий	263

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

<i>Маничкин Н. А. (Кыргызстан)</i> Народный орнамент в советской кинодокументалистике Казахстана и Кыргызстана: этапы фиксирования и осмысления исторической памяти	285
<i>Скрябина А. А. (Россия)</i> Общетюркская лексика в наименованиях орудий труда якутского языка (лексические параллели в тюркских языках Сибири)	300

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Соян Ш. Ч. (Россия)</i> Экономические, технологические, экологические и инфраструктурные проблемы развития Республики Тыва и сопредельных территорий: итоги IV международной научно-практической конференции	316
---	-----

CONTENTS

SPECIAL THEME

<i>Ivanov Eu. Eu., Ershov V. I. (Russia)</i> Tuvan proverbs as an object of Comparative Paremiography (on a wide linguistic background)	6
<i>Petrushevskaya Yu. A. (Belarus), Lazareva O. V. (Russia)</i> Imagery in Tuvan and Belarusian proverbs (in search of common and specific proverbial images)	24
<i>Zinovieva E. I., Alyoshin A. S., Tskhovrebov A. S. (Russia)</i> Tuvan paroemias with a component-religion (against the background of other languages)	40
<i>Bredis M. A. (Russia)</i> Features of the semantics of the number hundred in Tuvan linguoculture (against the background of a few Turkic and Mongolian languages)	61
<i>Prosyannikova O. I., Skorik K. V. (Russia)</i> Categorization of the surrounding world in the Tuvan, Buryat and Yakut epics through the prism of the achromatic pair white / black	75
<i>Nelyubova N. Yu., Sknarev D. S., Kol Ch. Sh. (Russia)</i> The role of the gastronomic component in expressing the axiological meaning of Tuvan proverbs (against the background of Russian and French material)	90
<i>Soyan A. M. (Russia)</i> Human characteristics in Tuvan riddles (based on field and lexicographic material)	112
<i>Bochina T. G. (Russia)</i> The yurt and its details in Tuvan riddles	125
<i>Lomakina O. V., Nikolaeva E. K., Seliverstova E. I., Gishkaeva L. N. (Russia)</i> The River in Tuvan paremics: imagery and symbolism (against the background of the Central Asian paremiological continuum)	141

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

<i>Lamazhaa Ch. K. (Russia), Shaimerdenova M. J. (Kazakhstan)</i> Kadak is a scarf of offering and consecration (from the history of tradition)	152
---	-----

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Natsak O. D., Balakina G. F. (Russia)</i> Gender differences in adaptive strategies of the population of the Republic of Tuva	177
<i>Kuklina M. V., Krasnoshtanova N. E., Dirin D. A., Bogdanov N. V., Trufanov A. I. (Russia)</i> Transformation of transport accessibility and tourism development in Todzhinsky kozhuun of the Republic of Tuva	193
<i>Tarbastaeva I. S. (Russia)</i> Rural-urban interaction in Tuva (based on interviews with natives of the Ovyursky District).....	209
<i>Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A., Vasilieva E. N., Nakisbaev D. V. (Russia)</i> Student family through the eyes of Tuvan youth	225
<i>Rostovskaya T. K. (Russia), Natsak O. D. (Russia), Elamanova A. S. (Kazakhstan)</i> Single-parent families in Tuva and Kazakhstan: a statistical and demographic view of the problem	243
<i>Filippova V. V., Kuklina M. V., Trufanov A. I., Savvinova A. N., Krasnoshtanova N. E., Fedorova A. S., Itegelova A. P., Kobylkin D. V. (Russia)</i> Interaction of indigenous minority peoples: resilience and sustainable development of remote and hard-to-reach territories	263

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

<i>Manichkin N. A. (Kyrgyzstan)</i> Folk ornament in Soviet documentary films of Kazakhstan and Kyrgyzstan: stages of fixation and comprehension historical memory	285
<i>Skryabina A. A. (Russia)</i> Common Turkic vocabulary in the names of tools of the Yakut language (lexical parallels in the Turkic languages of Siberia)	300

ACADEMIC LIFE

<i>Soyan S. Ch. (Russia)</i> Economic, technological, environmental, and infrastructural problems of the development of the Republic of Tuva and adjacent territories: results of the IV International Scientific and Practical conference	316
--	-----

Специальная тема
«Языковое разнообразие
тувинского фольклора»

Ответственные редакторы:
доктор филологических наук
Ольга Валентиновна Ломакина
(Российский университет дружбы народов),
кандидат филологических наук
Надежда Дарьевна Сувандии
(Тувинский государственный университет)

Special theme
“Linguistic diversity
of Tuvan folklore”

Edited by
Olga V. Lomakina
Doctor of Philology,
RUDN University,
Nadezhda D. Suvandii
Candidate of Philology,
Tuvan State University

DOI: 10.25178/nit.2024.2.1

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

Статья

Тувинские пословицы как объект сопоставительной паремиографии (на широком языковом фоне)

Евгений Е. Иванов

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Виктор И. Ершов

МГИМО МИД России, Российская Федерация

В статье определяются принципы и содержание описания тувинских пословиц в рамках сопоставительной паремиографии. Для этого предлагаются их сравнения с пословичными соответствиями и эквивалентами в других языках Евразии (славянских, германских, романских, тюркских, монгольских и др.). Доказывается актуальность сопоставительного лексикографического описания тувинских пословиц. Это позволит использовать их в широких типологических и лингвокультурологических исследованиях, включить тувинский пословичный фонд в международные паремиологические базы данных различных языков мира.

Установлено, что наиболее репрезентативным в сопоставительном плане является лексикографическое описание единиц пословичных фондов разных языков, основанное на последовательной межязыковой корреляции содержания и формы пословиц. Выделены значимые в лексикографическом плане типы межязыковой корреляции тувинских пословиц, описаны правила их презентации в переводных и сопоставительных паремиологических словарях. Выявлены, дифференцированы и лексикографически упорядочены элементы содержания и формы пословиц тувинского языка, общие с пословицами других языков. Определены наиболее типологически значимые зоны лексикографического описания пословичных единиц в проекции на их аналоги и корреляты в пословичных фондах ряда славянских, германских, романских, тюркских, монгольских и других языков.

Ключевые слова: паремиология; пословица; сопоставительный словарь; тувинский язык; славянский язык; германский язык; романский язык; тюркский язык; монгольский язык

Для цитирования:

Иванов Е. Е., Ершов В. И. Тувинские пословицы как объект сопоставительной паремиографии (на широком языковом фоне) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 6-23. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.1>

Иванов Евгений Евгеньевич — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: ivanov-rudn@mail.ru

Ершов Виктор Иванович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 6 МГИМО МИД России. Адрес: 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. Эл. адрес: ershovik@mail.ru

IVANOV, Eugene Eugenevich, Doctor of Philology, Professor, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: ivanov-rudn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

ERSHOV, Victor Ivanovich, Candidate of Philology, Associate Professor, English language Department No. 6, MGIMO University, Postal address: 76, Prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russian Federation. E-mail: ershovik@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3765-6954

Tuvan proverbs as an object of Comparative Paremiography (on a wide linguistic background)

Eugene Eu. Ivanov

RUDN University, Russian Federation,

Victor I. Ershov

MGIMO University, Russian Federation

The article discusses the principles and content of describing Tuvan proverbs in the context of comparative paremiography. It proposes comparing them with proverbial counterparts and equivalents in other Eurasian languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, and Mongolian) to achieve this goal. The relevance of a comparative lexicographic approach to describing Tuvan proverbs is demonstrated. This will enable their use in broader typological and linguistic-cultural studies, as well as the inclusion of the Tuvan proverb corpus in international paremiological databases for various languages around the world. It has been established that the lexicographic description of units from proverb collections in different languages is the most representative when compared to other methods. This description is based on a consistent correlation between the content and form of proverbs in various languages.

The significant types of interlingual correlations in Tuvan proverbs have been highlighted, and the rules for presenting them in translated and comparative dictionaries have been described. Common elements in the content and form of Tuvan proverbs that are similar to those of other languages have been identified, differentiated, and lexicographically organized.

Typologically significant areas of lexicographic descriptions of proverb units have been identified through projection onto their counterparts and correlates in proverb collections from a number of Slavic, Germanic, Romance, Turkic, and Mongolian languages, among others.

Keywords: *paremiography; paremiology; proverb; comparative dictionary; Tuvan language; Slavic language; Germanic language; Romance language; Turkic language; Mongolian language*

For citation:

Ivanov Eu. Eu. and Ershov V. I. Tuvan proverbs as an object of Comparative Paremiography (on a wide linguistic background). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 6-23 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.1>

Введение

Тувинские пословицы в последние годы достаточно широко и разнообразно описываются в сопоставлении с пословицами различных языков: тюркских и монгольских (Байжанова, 2004ab; Николаева и др., 2023; и др.¹), индоевропейских — германских, романских, славянских (Болат-оол, Пелевина, 2017; Бытотова, 2020; Бредис, Иванов, 2022b; Зиновьева, Алёшин, 2022, 2023; Колесникова, 2022; Петрушевская, 2022b; и др.)², а также уральских, сино-тибетских и др. (Иванищева, Мэнцзе, 2021;

¹ Также см.: Михайлова Э. В., Шамаева М. Е. Якутские пословицы с компонентом-зоонимом (сравнительный анализ с пословицами на турецком, азербайджанском, тувинском, монгольском языках) // Юный ученый. 2019, № 7 (27). С. 10–13; Чугунеева А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019, № 10–2(37). С. 18–21.

² Также см.: Айыыр С. О. Деонтические нормы в русских, тувинских и английских пословицах, репрезентирующих концепт дружба // Германские языки и сопоставительное языкознание: современные проблемы и перспективы развития: сб. науч. статей / отв. ред. Е. Г. Борисова, А. В. Шаталова. М.: Диона, 2019. С. 62–68; Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки: международный научный журнал. 2019, № 6. С. 25–27.

Петрушевская, 2023). Тувинские пословицы включаются в полилингвальные паремиологические справочники, например, в словарь О. Чобаноглу «Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü» (2004), в котором описываются некоторые паремиологические параллели из 40 тюркских языков (в направлении от турецкого языка к другим языкам)¹.

Вместе с тем не существует ни одного сопоставительного тувинско-иностранного паремиологического словаря, в том числе и на материале таких значимых в плане межкультурной коммуникации пар языков, как тувинского и русского, тувинского и английского, а также тувинского и монгольского, тувинского и китайского. Методология создания таких словарей только начинает разрабатываться. Так, на сегодняшний день обоснованы принципы, содержание и образцы описания тувинских пословиц в рамках отдельных лексикографических зон на европейском языковом фоне в полилингвальном паремиологическом словаре (Бредис и др., 2021). Разработаны принципы, содержание и образцы лингвокультурологического комментария в тувинско-русско-английском словаре (Иванов, 2023а).

Нужно отметить, что в переводной «Тувинско-русский словарь» (1968; второе издание — 2014)² включены некоторые тувинские пословицы (всего 125 единиц) и их переводы на русский язык, а также (если есть) русскоязычные эквиваленты и соответствия. При этом предполагается, что

«если пословица или поговорка имеет русский эквивалент, то этот эквивалент приводится в качестве перевода. При отсутствии буквального совпадения тувинской и русской пословицы или поговорки после нее дается буквальный перевод с пометой *букв.* При наличии только приблизительно соответствующей русской пословицы или поговорки дается литературный перевод, а затем русское соответствие в скобках с пометой *соотв.*»³.

Однако, во-первых, в тувинско-русском словаре нигде не уточняется, что имеется в виду под понятием «русский эквивалент». В словарных статьях русскоязычные «эквиваленты» тувинских пословиц всегда приводятся без указания на то, являются они собственно пословичными эквивалентами (т. е. эквивалентными русскими пословицами), или только переводами, например, «дөрт даванныг-аът-даа болза бүдүрүүр *посл.* конь о четырех ногах, и тот спотыкается»⁴ и «чут боорга, ыт семириир — аарыг боорга, лама байыыр *посл.* от джута собака жиреет, от болезней лама богатеет»⁵. Во-вторых, помета *букв.* применительно к пословицам дается крайне редко и только в случае наличия у данной тувинской пословицы общего переносного значения, например, «дагыр-эргек талазын тыртар *погов.* своя рубашка ближе к телу (*букв.* кривой палец к себе тянет)»⁶. И в-третьих, пословичные соответствия приводятся непоследовательно, во многих случаях они отсутствуют в словаре, хотя и имеются в русском языке, например, «хат чок болза, сиген бажы шимчевес *посл.* если ветра нет, то трава не шевелится (*соотв.* нет дыма без огня)»⁷, однако «даг көрбейн — эдэң азынма, суг көрбейн — идиң ужулба *посл.* не увидев горы — не откидывай полы, не увидев воды — не снимай сапоги»⁸, ср. соответствие в русском языке *Не говори «Гоп!», пока не перепрыгнешь*⁹. В связи с этим возникает впечатление, с одной стороны, что у многих тувинских пословиц имеются в русском языке пословичные эквиваленты (пословицы такого же или близкого лексического состава и общего содержания), что не соответствует действительности (в русском языке, например, нет пословицы о джуте, собаке, болезнях и ламе и т. п.), а с другой стороны, что у многих тувинских пословиц отсутствуют соответствия в русском языке (на самом деле таких соответствий достаточно много). Сравнительно небольшое количество пословиц, неточность и неполнота их описания в тувинско-русском словаре не позволяют рассматривать

¹ Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. (На турец. яз.)

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. (На тув. и рус. яз.); Тувинско-русский словарь. 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл: Тываполиграф, 2014. (На тув. и рус. яз.)

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 14.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Там же. С. 141.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Там же. С. 140.

⁹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 196.

его в качестве фактической и методологической основы для развития тувинско-иноязычной паремиографии.

Между тем новейшие исследования показывают, что обращение к дву- и полиязычным паремиологическим словарям позволяют весьма существенно объективизировать и верифицировать дифференциацию общих с другими языками и этноспецифических единиц в составе пословичного фонда данного языка, что значительно облегчает и делает репрезентативным выделение и описание национально-культурной семантики пословиц и особенностей пословичной картины мира данного народа (Бредис, Иванов, 2021; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Петрушевская, 2022a, 2024).

Актуальной задачей в этой связи является разработка методологии сравнения пословиц тувинского и других языков в аспекте ее лексикографической значимости и применимости, что создаст необходимые методологические основания для объективного сопоставления тувинских и иноязычных пословиц в полилингвальных словарях любого типа. Лексикографическое описание тувинских пословиц на иноязычном фоне позволит, в свою очередь, использовать их в разного рода типологических и лингвокультурологических исследованиях, включить тувинский пословичный фонд в международные паремиологические базы данных различных языков мира.

Цель исследования — определить принципы и содержание описания тувинских пословиц в сопоставительной паремиографии на материале их сравнения с пословичными соответствиями и эквивалентами в разных евроазиатских языках (славянских, германских, романских, финно-угорских, балтийских, тюркских, монгольских и др.).

В качестве фактического материала для исследования послужили 770 тувинских пословиц¹ и свыше 2000 их аналогов, соответствий, эквивалентов из различных языков по материалам полилингвальных паремиологических словарей конца XX — начала XXI века².

Методологически исследование опирается на основные положения теории паремиологии как раздела языкознания (Паремиология ... , 2015; Паремиология ... , 2020; Паремиология ... , 2021), теории пословиц как единиц афористической подсистемы языка (Иванов, 2019ab, 2020, 2022cd, 2023b), теории сравнительной типологии пословиц (Ivanov, Feldman, 2006; Seliverstova, 2020; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021), теории семантики и структуры тувинских пословиц (Курбатский, 2001: 342–245; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Иванов, 2022ab; Ломакина, 2022; Селиверстова, 2022), теории нормативной и полилингвальной паремиографии (Иванов, 2009; Мокиенко, 2012; Никитина, 2016; Мокиенко, Никитина, 2021; Бредис, Иванов, 2022a; Никитина, Роголёва, 2022).

¹ Пословицы отобраны с помощью сплошной выборки из сборника: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020 (На тув. и рус. яз.). Также учитывались материалы изданий: Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966 (На рус. и тув. яз.); Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976 (На тув. и рус. яз.); а также словари: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968 (На тув. и рус. яз.); Тувинско-русский словарь. 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл: Тываполиграф, 2014 (На тув. и рус. яз.).

² См.: Grigas K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius: Leydykla Vaga, 1987 (На литов. яз.); Strauss E. Dictionary of European Proverbs: in 3 vol. London & New York: Routledge, 1994 (На англ. яз.); Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997 (На англ. яз.); Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: СПбГУ, 2000; Muñoz J. S. 1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso). S. A. Eiusna: Ediciones Internacionales Universitarias, 2001. (На исп. яз.); Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / сост. Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. Могилёв: МГУ, 2014; Мудрость слова сквозь века и народы: десятиязычный словарь фразеологических эквивалентов / под ред. Н. А. Гончаровой. Минск: Беларуская навука, 2015; Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020 (На белорус. яз.).

Принципы лексикографирования пословиц при их межъязыковом сравнении

При составлении любого словаря необходимо определить как наиболее важные, основополагающие принципы лексикографирования избранных для описания фактов языка, так и наиболее значимые, существенные в этой связи характеристики данного языкового материала, которые будут отражены в словаре данного типа.

В полилингвальной паремиографии, на наш взгляд, целесообразно придерживаться общих принципов, которые уже проверены временем и достаточно хорошо зарекомендовали себя как в описательной паремиографии, так и вообще в лексикографии. К таковым следует отнести прежде всего основные положения лексикографирования, разработанные в середине XX в. проф. Б. А. Лариным (Ларин, 1960, 1977, и др.) и его научной школой в Санкт-Петербургском университете: «принцип полноты словника, принцип точной паспортизации материала, принцип временной и пространственной характеристики описываемых единиц, принцип ретроспективной лингвокультурологической характеристики, принцип комплексного описания вокабул» (Мокиенко, 2012: 72). Ларинские принципы впоследствии были неоднократно апробированы в лексикографии, в том числе, что весьма показательно, в паремиографии и фразеографии при создании в начале XXI века под руководством проф. В. М. Мокиенко серии наиболее репрезентативных по количественному охвату языкового материала и глубине его словарной интерпретации справочников русских пословиц¹, поговорок² и сравнений³, а также ряда полилингвальных русско-иноязычных словарей пословиц⁴ и крылатых выражений⁵. Не менее показательно и то, что данные принципы были успешно апробированы и на материале других языков при составлении двуязычных и полилингвальных словарей пословиц⁶, а также словарей крылатых выражений⁷.

В каждом типе словаря ларинские принципы лексикографирования приобретают разную значимость и получают различное выражение, поэтому всякий раз требуют специального обоснования своего использования. Так, применительно к полилингвальной паремиографии вообще, и в частности к тувинско-иноязычным словарям, данные принципы дифференцируются по своей важности (на главные и второстепенные) и могут быть реализованы следующим образом.

Второстепенными по своей роли в полилингвальных словарях пословиц являются, во-первых, принцип точной паспортизации материала, а во-вторых, принцип временной и пространственной характеристики описываемых единиц. Второстепенность данных принципов тем не менее не исключает важность следования им при межъязыковом сопоставлении пословиц, поскольку обеспе-

¹ См.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

² См.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

³ См.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений: более 45 000 образных выражений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

⁴ См.: Mokienko V. M., Ruiz-Zorilla Cruzate M., Walter H., Zainouldinov A. Russisch-Deutsch-Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter mit europäischne Parallelen. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2009 (На нем. яз.); Walter H., Mokienko V., Komorowska E., Kusal K. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald: E. M. A.-Universität; Szczecin: Volumina, 2014 и др.

⁵ См.: Chlebda W., Mokienko W. M., Szulezhkova S. G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask: Oficyna Wydawnicza leksem, 2003 (На польск. яз.); Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилёв: МГУ, 2019.

⁶ См.: Иванов Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. Могилев: Брама, 2001; Иваноў Я. Я., Раманава Н. К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2006 (На белорус. яз.); Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2007 (На белорус. яз.); Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Иванова. Магілёў: МДУ, 2009 (На белорус. яз.); и др.

⁷ См.: Крылатыя выразы ў беларускай мове. Ч. 1. 3 іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў. Магілёў: МДУ, 2004 (На белорус. яз.); Крылатыя выразы ў беларускай мове. Ч. 2. 3 рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў, В. В. Чэх. Магілёў: МДУ, 2006 (На белорус. яз.); Иваноў Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. — XX ст. Магілёў: МДУ, 2011 (На белорус. яз.); и др.

чивает наглядное представление о ее «жизни» (параметрах ее существования в синхроническом и в диахроническом аспектах).

Главными (первостепенными) в теории и практике полилингвальной паремиографии являются, на наш взгляд, принцип полноты словника, принцип ретроспективной лингвокультурологической характеристики и принцип комплексного описания вокабул. Следование именно этим принципам дает необходимые основания для должной объективности и репрезентативности как двуязычного, так и многоязычного паремиологического словаря.

Точность паспортизации пословиц

Принцип точной паспортизации материала в полилингвальном словаре пословиц предполагает указание на источник каждой единицы как входного языка (тувинского), так и выходного языка (одного или нескольких). Такое указание должно содержать информацию о фиксации данной пословицы как в речевом источнике — письменном (сборнике или словаре, литературном тексте) или устном (фольклорном тексте, записи в полевых условиях), так и в ее собственно языковом источнике — диалекте или социолекте.

Например, для тувинских пословиц важным будет указание на все существующие источники их фиксации, что позволит проследить для каждой пословицы (особенно для каждого из ее формальных вариантов) широту и разнообразие как регистрации в справочных изданиях, так и употребления в письменной и устной речи.

В свою очередь, для коррелятивных иноязычных единиц важным будет прежде всего указание на справочные источники, а также на литературные тексты (в случае, если пословица литературного происхождения) и на фольклорные тексты (в случае, если пословица восходит к устной народной поэзии).

Временная и пространственная характеристика пословиц

Принцип временной и пространственной характеристики описываемых единиц предполагает указание на время и место фиксации (и в ряде случаев, при необходимости, и реализации) единиц входного языка (тувинского) и выходного языка (одного или нескольких). Такое указание должно содержать информацию о времени появления на свет того справочного источника или того литературного произведения, о месте (в географическом плане) записи того фольклорного текста, в котором зафиксирована данная пословица, а также информацию о том ареале и времени функционирования, которые ее характеризуют. В этих аспектах принцип временной и пространственной характеристики пословиц тесно связан с принципом их точной паспортизации, оба принципа взаимодополняют друг друга, а словарные пометы, в которых они реализуются, как правило, помещаются либо в одной лексикографической зоне, либо в сопредельных зонах.

Например, для тувинской пословицы (и каждого ее формального варианта) значимым будет указание на время издания письменных источников ее фиксации (справочной и художественной литературы), на время и место записи фольклорных текстов, где фиксируется пословица, на ареал фиксации пословицы (тувинцы-тоджинцы, центгельские тувинцы и др.).

В свою очередь, для коррелятивных иноязычных единиц значимым будет указание на время их первой фиксации, их интернациональный или универсальный характер.

Полнота словника в полилингвальной паремиографии

Принцип полноты словника предполагает не только исчерпывающую представленность в полилингвальном паремиологическом словаре единиц входного языка, но и максимально полную репрезентацию их межъязыковых коррелятов в других языках. В этой связи стремление к большому объему словника входного языка позволяет не только предоставить для сопоставления более обширный языковой материал, но и дает основания для включения его в квантитативную типологию пословичных фондов языков мира. Увеличение объема единиц выходного языка (или нескольких языков сравнения) позволяет более глубоко дифференцировать общие с другими языками и уникальные единицы, что дает возможность более точно выявить объем этнокультурного компонента в составе пословичного фонда данного (входного) языка.

Например, для тувинского языка как входного в полилингвальном паремиологическом словаре важным будет максимальное расширение объема единиц, поскольку в существующих отдельных изданиях тувинских пословиц их состав обычно не превышает тысячи единиц, что объективно мало для полноценного сопоставления с пословицами других языков и критически недостаточно для использования тувинского пословичного фонда в широких типологических исследованиях. Так, во многих языках состав только наиболее употребительных в синхронии и диахронии пословиц колеблется от 500 до 1500 единиц (Ivanov, 2002; Паремиология ..., 2015: 48–66; Паремиология ..., 2020: 52–60)¹.

В свою очередь, для иноязычных единиц важным будет не только увеличение их объема, но и количества и разнообразия выходных языков, пропорционально чему будет возрастать значимость фиксации каждого факта межъязыкового сравнения (общности или лакунарности) в составе пословичных фондов тувинского и других языков (что будет особенно важным для каждой данной пары языков на широком языковом фоне).

Лингвокультурологическая характеристика пословиц

Принцип ретроспективной лингвокультурологической характеристики предполагает указание на наличие в составе единиц входного и выходного языков в полилингвальном паремиологическом словаре таких компонентов, которые имеют этнокультурную и/или лингвокультурную маркированность, а также указание на значимые в этнокультурном и/или лингвокультурном плане характеристики их происхождения или функционирования. Такое указание должно содержать этнолингвокультурный и/или историко-этимологический комментарий в проекции на межъязыковое сопоставление пословиц (при этом в переводных словарях сохраняется традиционное направление от входного языка к выходному языку, а в сопоставительных словарях предусматривается равнозначное комментирование всех языков с выделением тех пословичных компонентов, которые образуют межъязыковые пары).

Например, для единиц входного языка в тувинско-иноязычном словаре пословиц значимым будет указание не только на входящие в их состав слова-реалии и другие этнолингвомаркеры, но и на комплекс той этноспецифической информации, которая ассоциативно и/или референциально связана с фактами истории и культуры Тувы, природных и социально-экономических условий, традиционного и современного уклада жизни тувинского народа, менталитета, мировосприятия и системы ценностей тувинцев и др. Особенную значимость такое указание приобретает в случаях, когда этнолингвокультурная специфика компонентов, происхождения или функционирования тувинских пословиц детерминирует их внутреннюю форму и/или общее значение.

Для единиц иных языков в тувинско-иноязычном паремиологическом словаре значимым будет указание только на те их компоненты, особенности происхождения или функционирования, которые тем или иным образом сопоставимы с соответствующими параметрами тувинских пословиц.

Комплексный подход к описанию пословичного вокабуляра

Принцип комплексного описания вокабул обычно предполагает синтез разноаспектного описания лексикографически значимых характеристик их формы и содержания, к которым относятся: «1) вокабульное выражение; 2) стилистическая характеристика (употребительность, сфера распространения, экспрессивно-стилистическая квалификация); 3) точное и полное толкование значения; 4) точная паспортизация источника; 5) объяснение истории и этимологии, толкование непонятных (особенно диалектных, иноязычных или жаргонных) слов, входящих в пословицу или поговорку» (Мокиенко, 2012: 80).

Не все указанные характеристики релевантны для полилингвального словаря пословиц. Так, точная паспортизация источника вокабулы согласуется с принципом точной паспортизации материала, рассмотренным выше, и реализуется как его необходимый компонент (применительно к вокабуле). Точное и полное толкование значения и стилистическая характеристика (употребительность, сфера

¹ В сопоставительной паремиографии даже есть специальные полилингвальные словари, где сопоставляются только пословичные минимумы разных языков, см.: Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: СПбГУ, 2000; Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв: МГУ, 2007; и др.

распространения, экспрессивно-стилистическая квалификация) вокабул релевантны для нормативного словаря пословиц, однако в полилингвальной паремиографии применяются весьма редко (и, как правило, в переводных словарях¹), по причине значительных трудностей в межъязыковом сравнении семантики и стилистических свойств пословиц.

Бесспорно релевантными для полилингвального паремиологического словаря остаются две характеристики комплексного описания вокабул — вокабульное выражение и объяснение истории и этимологии, толкование непонятных (диалектных, иноязычных и т. п.) слов или выражений, входящих в пословицу входного языка.

При этом указанные две характеристики вокабулы приобретают в полилингвальной паремиографии релевантность и для пословиц выходного языка (или выходных языков), поскольку любой полилингвальный словарь всегда имеет свойство обратимости (реальное или потенциальное), когда направление межъязыкового сравнения меняет свой вектор (от выходного языка к входному языку). Хотя такая обратимость ограничена, как правило, рамками каждой словарной статьи, однако может получать и самостоятельную значимость, если в полилингвальный словарь включается обратный индекс (словник выходного языка в проекции на словник входного языка).

Толкование непонятных слов в пословицах

Объяснение истории и этимологии, толкование непонятных (диалектных, иноязычных и т. п.) слов или выражений, входящих в пословицы входного (выходного) языка, имеет собственную значимость и реализуется независимо от ретроспективной лингвокультурологической характеристики, хотя и может с ней соотноситься или пересекаться (когда непонятное слово или выражение является этнолингвокультурно маркированным). К непонятым словам, помимо диалектных и иноязычных, следует относить и историзмы, архаизмы, а также малоупотребительные (редкие) слова, которые достаточно часто встречаются в пословицах и без объяснения которых бывает трудно адекватно интерпретировать пословичный смысл.

Например, для тувинских пословиц важным представляется толкование не только диалектизмов и историзмов, но и таких лексем, общих для тюркских языков, а также общих для тувинского и нетюркских языков (монгольского, русского и др.), которые имеют в тувинском языке специфические оттенки значения. Не менее важным является и толкование тех лексических единиц, которые в составе пословиц приобретают дополнительные коннотации.

Для иноязычных пословиц в полилингвальной паремиографии актуальным является объяснение происхождения и толкование прежде всего таких непонятных слов и выражений, которые по своей роли в содержании пословицы соотносятся с лексическими единицами в тувинском языке.

Способы вокабульного выражения пословиц

Под вокабульным выражением в полилингвальном словаре пословиц следует понимать не только общепринятое в лексикографии отражение их формы (лексико-грамматической и фонетической организации, формальной вариативности), но и специфические, значимые для межъязыкового сравнения их параметры, к которым можно отнести структурно-семантическую модель пословицы и доминантные в составе ее плана содержания образы и понятия. Такое понимание вокабулы в полилингвальной паремиографии можно назвать широким, поскольку оно предполагает как межъязыковую эквивалентность (равнозначность, равноценность, равносильность использования в текстах на разных языках), так и межъязыковую корреляцию (соотнесенность, связь между содержанием и формой единиц в разных языках).

В этой связи избранный способ вокабульного выражения пословицы входного языка детерминирует вид полилингвального словаря: переводной или сопоставительный.

В переводном словаре вокабула обычно выражается целой пословицей, включая формальные варианты, а также лексемой, входящей в состав нескольких пословиц (в составе ключевых компонентов),

¹ См, например: Кузьмин С. С., Шадрин Н. Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок: 500 единиц. СПб.: МИК; Лань, 1996; Margulis A., Kholodnaya A. Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. North Carolina: McFarland & Company, Inc.; London: Publishers Jefferson, 2000. (На англ. и рус. яз.).

которые образуют словарное гнездо вокруг данной лексемы (при этом сама лексема выполняет роль идентификатора пословиц, входящих в данное гнездо).

В сопоставительном словаре вокабула может быть выражена не только целой пословицей, включая ее формальные варианты, не только лексемой-идентификатором из ее компонентного состава, но и пословичной структурно-семантической моделью (которая выступает инвариантом для построенных по данной модели пословиц разных языков), а также отдельными лексемами, выражающими общие для различных языков пословичные образы или понятия (выступающими как универсальные или типологически значимые для образов и понятий, содержащихся в пословицах сопоставляемых языков).

Например, для тувинской паремиографии значимым является создание как переводных справочников (тувинско-русского, тувинско-английского и др.), так и сопоставительных словарей на широком языковом фоне, поскольку доказано, что «пословицы тувинского народа не существуют изолированно, входят в евразийский паремиологический континуум, в котором коррелируют как с азиатскими, так и европейскими пословичными фондами» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 243).

При этом только сопоставительные словари пословиц, основанные не на межъязыковой эквивалентности, а на корреляции содержания и формы единиц разных языков позволяют полно и достоверно отобразить как типологическую общность, так и этническую специфичность пословичного фонда тувинского народа в многообразии и многоаспектности его языковых и культурных связей с другими народами.

Типы межъязыковой корреляции пословиц в переводных словарях

Предложенное здесь широкое понимание вокабульного выражения в рамках полилингвальной паремиографии требует специального пояснения того, что представляет собой межъязыковая корреляция как предмет описания в сопоставительном паремиологическом словаре и какие типы межъязыковой корреляции пословиц являются наиболее лексикографически значимыми.

Под межъязыковыми коррелятами целесообразно понимать пословицы, которые соотносятся в разных языках на основании хотя бы одного общего для них свойства их содержания и/или формы. Актуализаторами корреляции пословиц разных языков могут выступать общие структурно-семантические модели (а также общность логико-семантической структуры, количества и соотношения структурных частей, лексического состава, грамматической организации пословиц), общие образы и/или общие понятия (а также разного рода их типы, семиотические классы, тематические группы, семантические разряды, устойчивые синтагматические сочетания, бинарные комбинации, разновидности в зависимости от участия в формировании плана содержания пословиц).

Межъязыковая корреляция пословиц является необходимым условием для фиксации и описания типологически значимых сходств / расхождений между пословичными фондами разных языков, на основе чего появляется возможность объективного количественного анализа степени типологической близости / отдаленности языков по характеру и свойствам их пословичных единиц. Именно на основе межъязыковой корреляции пословиц выявлены типологически значимые сходства и расхождения и установлена степень типологической близости / отдаленности между пословицами тувинского и белорусского языков, не имеющих генетической и ареальной общности и культурных контактов (Петрушевская, 2022b), а также выявлены пословичные универсалии в тувинском языке на фоне современных европейских языков (Петрушевская, 2023).

Межъязыковые пословичные корреляты дифференцируются на ряд типов в зависимости от корреляции содержания и формы пословиц в разных языках. В этом смысле под типом межъязыковой корреляции пословиц следует понимать определенную связь межъязыковых сходств / различий в содержании и форме пословиц.

Ранее проведенные исследования показали, что «в самом общем виде можно выделить девять возможных типов сходств / различий пословиц в аспекте межъязыкового сравнения их содержания и формы (лексико-грамматической организации): 1) полное совпадение и по содержанию, и по форме; 2) полное совпадение по содержанию и частичное совпадение по форме; 3) полное совпадение по содержанию и полное несовпадение по форме; 4) частичное совпадение по содержанию и полное несовпадение по форме; 5) частичное совпадение и по содержанию, и по форме; 6) частичное совпадение по содержанию и полное совпадение по форме; 7) полное несовпадение и по содержанию, и

по форме; 8) полное несовпадение по содержанию и частичное совпадение по форме; 9) полное несовпадение по содержанию и полное совпадение по форме» (Иваноў, 2003: 53).

Предметом сопоставительной паремиологии могут быть все девять указанных типов, при этом «наибольшую значимость при сравнительном изучении пословиц имеют первые четыре типа межъязыковых коррелятов» (Иваноў, 2011: 55–56). Однако акцент на полное совпадение пословичных значений в разных языках лексикографически значим только для переводных словарей, где на первый плане всегда выходит стремление к смысловой равнозначности (поэтому в одном из четырех типов частичное совпадение по содержанию разноязычных пословиц компенсируется их полным совпадением по форме). Именно данные четыре типа межъязыковых коррелятов положены в основу теории и практики лексикографирования пословиц в переводной паремиографии.

Применительно к тувинско-иноязычному переводному словарю типы межъязыковой корреляции пословиц должны быть основаны на равнозначности (или близости) пословичного содержания.

Полное совпадение тувинских и иноязычных пословиц по содержанию и по форме встречается в пословицах-аналогах, которых сравнительно мало, и они относятся, как правило, к универсальным или интернациональным единицам. Так, несколько пословиц, аналогичных пословицам разных языков, было зафиксировано в тувинском языке при выявлении в нем провербиальных универсалий (Петрушевская, 2023: 263–264). Например:

Бакка бак улажыр ‘Беда не приходит одна’¹

= англ. *Troubles never come alone*;

= белорус. *Бяда адна не ходзіць*;

= испан. *Un mal no viene solo*;

= нем. *Ein Unglück kommt selten allein*;

= польск. *Bieda nigdy sama jedna nie przychodzi*;

= рус. *Беда она не приходит*;

= украин. *Біда ніколи не ходить одна*;

= франц. *Un malheur ne vient jamais seul*;

= чешск. *Neštěstí nikdy nechodí samo*².

Гораздо чаще пословицы-аналоги являются заимствованиями, поэтому сохраняют форму и содержание, близкие своему оригиналу в языке-доноре, даже в тех случаях, если они не характерны или даже противоречат свойствам большинства пословиц в языке-реципиенте. Так, «большинство тувинских пословиц основано на прямом двучленном психологическом параллелизме» (Курбатский, 2001: 343), что предполагает их двухчастную композиционную структуру, где одна часть содержит социальный образ, а другая — природный. Одночленных пословиц либо двухчастных пословиц без противопоставления социальных и природных образов в тувинском языке немного, и большинство из них имеет легко узнаваемый заимствованный характер (даже несмотря на имеющие место изменения в составе лексических компонентах как результат ассимиляции). Например:

Алыры амыр, Бээри берге ‘Взять легко, Отдавать трудно’³

= рус. *Легко взять, да трудно отдать*⁴.

Бурган чокта, орук ажык ‘Без бога открыта дорога’⁵

= рус. *Без Бога широка дорога*⁶.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 89.

² Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 18–19.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 15.

⁴ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 122.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 22.

⁶ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь ... С. 70.

Полное совпадение тувинских и иноязычных пословиц по содержанию и частичное совпадение по форме имеет место в случаях, когда в семантически коррелятивных пословицах разных языков используются одни и те же доминантные образы или понятия (детерминирующие общность содержания, а также являющиеся общими элементами пословичной формы). Например:

Кырган авт орук часпас 'Старый конь не собьётся с дороги'¹

≈ рус. *Старый конь борозды не портит*²;

≈ рус. *Старый конь мимо не ступит*³.

Полное совпадение тувинских и иноязычных пословиц по содержанию и полное несовпадение по форме представляет собой наиболее значимый в переводческой паремиографии тип межъязыковой корреляции, поскольку наибольшее количество пословичных эквивалентов в разных языках основано на общности смысла (что обусловлено общностью человеческого мышления и оценки социальной действительности) и разнице в форме его выражения (что детерминировано различием в языковых картинах мира разных этносов). Например:

Хат чокта, сиген бажы шимчевес 'Без ветра трава не зашелестит'

≈ рус. *Нет дыма без огня*⁴;

≈ вепс. *Meheta jäl'ged ei tegesoiš* 'Без человека следы не образуются'⁵.

Частичное совпадение тувинских и иноязычных пословиц по содержанию и полное несовпадение по форме является наиболее частотным типом межъязыковой корреляции пословиц при их переводе с одного языка на другой, поскольку предполагает только смысловую связь между пословицами разных языков, которая основывается только на межъязыковом сопоставлении базовых пословичных значений, которые интерпретируются носителем языка «на основании комплекса имеющихся у него знаний и представлений о действительности, а также собственного запаса пословиц» (Бредис, Иванов, 2022b: 21). Например:

Холум-холум кылдыр ажылдаар, Хырным-хырным кылдыр чиир 'Работать иди – рук не щади, Попалась еда – не жалей живота'⁶

~ рус. *Ешь – потей, работай – мерзни*⁷.

Поскольку базовые знания носителей языка различаются в разных этнокультурах, постольку только смысловая связь между пословицами разных языков всегда трактуется весьма (а во многих случаях и предельно) свободно, что существенно расширяет возможности и выбор при переводе. Поэтому данный тип межъязыковой корреляции пословиц представлен в переводной паремиографии, как правило, максимально широко.

Типы межъязыковой корреляции пословиц в сопоставительной паремиографии

Для сопоставительной паремиографии, в свою очередь, важно полное либо частичное совпадение пословиц по форме (лексико-грамматической организации), поскольку в сопоставительных словарях на первый план выходит стремление к максимально объективному отражению формальной общности при том, что значения пословиц, которые сравниваются в таких словарях, могут и полностью не совпадать. Следует заметить, что полное совпадение по форме и частичное совпадение или полное несовпадение по содержанию пословиц разных языков обычно не учитывается в словарной практике, поскольку представлено весьма редкими случаями межъязыковой пословичной омонимии.

Наиболее значимыми для сопоставительной паремиографии являются четыре следующих типа межъязыковой корреляции пословиц: 1) полное совпадение и по форме, и по содержанию; 2) частичное

¹Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 37.

²Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь ... С. 429.

³Там же. С. 429.

⁴Там же. С. 32.

⁵Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed = Что на уме, то и на языке. Вепские пословицы и поговорки / сост.: О. Ю. Жукова. Петрозаводск: Периодика, 2018. С. 11.

⁶Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 58.

⁷Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь ... С. 331.

совпадение по форме и полное совпадение по содержанию; 3) частичное совпадение и по форме, и по содержанию; 4) частичное совпадение по форме и полное несовпадение по содержанию. В зависимости от актуализаторов межъязыковой корреляции пословиц данные четыре ее типа реализуются в различных разновидностях пословичных коррелятов, которые можно лексикографически представить следующим образом.

Так, полное совпадение и по форме, и по содержанию характерно в разных языках для пословиц-аналогов, имеющих тождественные структурно-семантические модели, одинаковый или максимально близкий лексический состав, идентичные доминантные образы и/или понятия. Полных совпадений пословиц крайне мало, чаще встречаются максимально близкие по форме единицы (причем преимущественно среди пословичных вариантов в одном из языков). Например:

Азаан сөс – керткен ыяш ‘Обещанное слово — срубленное дерево’¹

Сөглээн сөс – керткен ыяш ‘Сказанное слово — дерево с зарубкой’²

= калмыц. *Керчен модн билрдуга Kelcn үзү марткдддуга* ‘Зарубки на дереве не изглаживаются, Сказанное слово не забывается’³.

Частичное совпадение по форме и полное совпадение по содержанию присуще таким разноязычным пословицам, которые характеризуются либо тождественной структурно-семантической моделью, в рамках которой данные пословицы незначительно отличаются по своему лексическому составу, либо разными структурно-семантическими моделями, однако одним и тем же лексическим компонентом, выражающим доминантный образ (доминантное понятие). Например:

Азаан сөс — керткен ыяш ‘Обещанное слово — срубленное дерево’⁴

= белорус. *Слова як птушка: выпусціў — не вернеш* ‘Слово как птица: выпустишь — не вернешь’⁵;

= испан. *La palabra y la piedra / bala suelta no tienen vuelta* ‘Слово как брошенный камень / пулю не вернуть’⁶; *La palabra que sale de la boca, nunca torna* ‘Слово, вылетевшее из уст, никогда не возвращается’⁷;

= итальян. *La parola detta non sa tornare indietro* ‘Сказанное слово не может вернуться назад’⁸;

= латыш. *Vārds ir kā zvirbulis: palaidis — nenokērsi* ‘Слово похоже на воробья: выпустишь — не вернешь’⁹;

= литов. *Žodis kaip paukštis; išlekią ir nebesugausi* ‘Слово как птица: выпустил не вернешь’¹⁰;

= нем. *Ein Wort, das entflohen, fängst du nicht mehr rein* ‘Слово, которое полетело от тебя, больше не вернешь’¹¹;

= польск. *Słowo jak wróbel: wypuść, to nie złapiesz* ‘Слово как воробей: если выпустишь, то не поймашь’;

= рус. *Слово не воробей: вылетит — не поймашь*¹²;

= украин. *Слово — не горобець: випустиш — не впіймаєш* ‘Слово — не воробей: выпустишь — не поймашь’¹³;

= франц. *La parole n'est pas un moineau, une fois envolée, tu ne la rattraperas pas* ‘Слово не воробей, улетит, обратно не поймашь’¹⁴.

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 26.

² Там же. С. 238.

³ Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1905. 111 с.

⁴ Тувинско-русский словарь ... С. 26.

⁵ Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: СПбГУ, 2000. С. 281.

⁶ Мудрость слова сквозь века и народы: десятиязычный словарь фразеологических эквивалентов / под ред. Н. А. Гончаровой. Минск: Беларуская навука, 2015. С. 23.

⁷ Muñoz J. S. 1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso). S. A. Eiunsa: Ediciones Internacionales Universitarias, 2001. P. 172.

⁸ Мудрость слова сквозь века и народы... С. 23.

⁹ Grigas K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvuių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius: Leydykla Vaga, 1987. S. 562.

¹⁰ Там же. С. 562.

¹¹ Мудрость слова сквозь века и народы ... С. 23.

¹² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь ... С. 826.

¹³ Мудрость слова сквозь века и народы ... С. 23.

¹⁴ Там же. С. 23.

Частичное совпадение и по форме, и по содержанию характерно для таких разноязычных пословиц, которые имеют идентичные доминантные образы и/или понятия, однако различаются по структурно-семантическим моделям. Например:

- Аазаан сөс — керткен ыяш* ‘Обещанное слово — срубленное дерево’¹
 ~ англ. *A word spoken is beyond recalling* ‘Сказанное слово не вспомнишь’²;
 ~ белорус. *Слова давай, дык яго і трымай* ‘Слово дал, то его и держи’;
 ~ итальян. *La parola uscite dalla bocca non si può richiamare* ‘Слово, вылетевшее из уст, невозможно вспомнить’³;
 ~ нем. *Das Wort muss stehen* ‘Слово нужно держать’;
 ~ польск. *Dałem słowo i muszę dotrzymać* ‘Дал слово и должен его сдержать’;
 ~ рус. *Слово давать — так слово держать; Слово давать и слово держать должно быть одно и то же*⁴.

Частичное совпадение по форме и полное несовпадение по содержанию характерно для разноязычных пословиц, которые имеют разные структурно-семантические модели, различный лексический состав, за исключением единичных компонентов, выражающих идентичные образы и/или понятия. Например:

- Аазаан сөс — керткен ыяш* ‘Обещанное слово — срубленное дерево’⁵
 ≠ белорус. *Слова вецер, а пісьмо грунт* ‘Слово ветер, а написанное земля’;
 ≠ польск. *Dobrze mówią: pismo grunt, słowo wiatr* ‘Правильно сказано: написанное земля, слово ветер’;
 ≠ украин. *Слово — вітер, письмо — грунт* ‘Слово — ветер, написанное — земля’⁶.

Такой тип межъязыковой корреляции пословиц приобретает особенную значимость и обычно широко представлен в сопоставительных словарях лингвокультурологической и/или лингвоаксиологической направленности, где важно репрезентировать не только сходства и различия в семантике и структуре разноязычных пословиц, но и то, каким образом и насколько в них совпадают и различаются этноязыковые картины мира.

Заключение

Создание полилингвальных тувинско-иноязычных паремиологических словарей должно основываться на методологически верных и верифицированных принципах лексикографирования пословиц при их межъязыковом сравнении. К таким принципам можно отнести точность паспортизации пословиц, их временную и пространственную характеристику, полноту словника входного и выходного языка, лингвокультурологическую характеристику пословиц, комплексный подход к описанию пословичного вокабуляра (в том числе толкование непонятных слов в пословицах и различные способы вокабульного выражения пословиц).

Наиболее репрезентативным в сопоставительном плане является лексикографическое описание единиц пословичных фондов разных языков, основанное на последовательной межъязыковой корреляции содержания и формы пословиц. При этом типы межъязыковой корреляции пословиц существенно различаются в переводных и в сопоставительных словарях пословиц.

В переводной паремиграфии наиболее значимы такие типы межъязыковой корреляции пословиц, как полное совпадение и по содержанию, и по форме, полное совпадение по содержанию и частичное совпадение по форме, полное совпадение по содержанию и полное несовпадение по форме, частичное совпадение по содержанию и полное несовпадение по форме.

¹ Тувинско-русский словарь ... С. 26.

² Мудрость слова сквозь века и народы ... С. 23.

³ Там же. С. 23.

⁴ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. С. 265.

⁵ Тувинско-русский словарь ... С. 26.

⁶ Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны ... С. 265.

В сопоставительной паремиографии наиболее значимы такие типы межъязыковой корреляции пословиц, как полное совпадение и по форме, и по содержанию, частичное совпадение по форме и полное совпадение по содержанию, частичное совпадение и по форме, и по содержанию, частичное совпадение по форме и полное несовпадение по содержанию.

Перспективой дальнейших исследований является создание на основе предложенных принципов ряда переводных и сопоставительных тувинско-иноязычных словарей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байжанова, Н. Р. (2004а) К вопросу о генезисе тюркских пословиц (на примере паремий, связанных с образом коня) // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 101–105.
- Байжанова, Н. Р. (2004b) Метафорические образы, характеризующие человека, в алтайских пословицах (в сопоставлении с тувинскими) // Языки коренных народов Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва, Н. Н. Широбокова, А. Р. Тазранова. Новосибирск : Изд-во НГУ. 236 с. С. 60–72.
- Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022а) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022b) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бытотова, Р. С. (2020) Человек и его характеристика в русских и тувинских пословицах и поговорках как отражение национально-ценностных ориентиров в языковой картине мира // Вестник Тувинского государственного университета. Серия 1: Социальные и гуманитарные науки. № 3 (64). С. 22–33.
- Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
- Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2023) Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом *сөс* на иноязычном фоне // Новые исследования Тувы. № 3. С. 21–35. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>
- Иванищева, О. Н., Мэнцзе, Лян (2021) Мир животных сквозь призму народной мудрости: сопоставительный анализ русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок о коне / лошади / олене // Человек. Культура. Образование. № 3(41). С. 106–123.
- Иванов, Е. Е. (2009) Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2 (24). С. 88–92.
- Иванов, Е. Е. (2019а) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
- Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
- Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 11 (4). С. 659–706. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
- Иванов, Е. Е. (2022а) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>
- Иванов, Е. Е. (2022b) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1389. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>
- Иванов, Е. Е. (2022c) Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Иванов, Е. Е. (2022d) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Иванов, Е. Е. (2023a) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е. (2023b) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иваноў, Я. Я. (2003) Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў // Studia sławistyczne. Т. 4. S. 49–55.

Иваноў, Я. Я. (2011) Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні // Філологічны студыі. № 6/2. С. 53–63. (На белорус. яз.).

Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ларин, Б. А. (1960) О работе над новыми словарями // Вестник Ленинградского государственного университета. № 20. С. 151–156.

Ларин, Б. А. (1977) История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М. : Просвещение. 224 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Мокиенко, В. М. (2012) Принципы ларинской лексикографии в трехтомном большом словаре пословиц, поговорок и сравнений русского языка // Вопросы лексикографии. № 1 (1). С. 70–84.

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2021) Восточнославянские параллели и уникалии в трехязычном аксиологическом словаре пословиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Т. 20. № 4. С. 126–136. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.10>

Никитина, Т. Г. (2016) Сопоставительный словарь пословиц и поговорок как лингвокультурологический и лингвокраеведческий источник // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 4. С. 142–149.

Никитина, Т. Г., Рогалёва, Е. И. (2022) Русские пословицы в лингвоаксиологической и лексикографической интерпретации: традиции и инновации // Вопросы лексикографии. № 24. С. 70–92. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/24/4>

Николаева, Е. К., Селиверстова, Е. И., Ломакина, О. В., Сувандии, Н. Д. (2023) Образ горы в тувинской паремиологии как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022a) Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. Т. 12. № 3. С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Петрушевская, Ю. А. (2022b) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Петрушевская, Ю. А. (2024) Чувашские параллели белорусских пословиц (аналогичные единицы и тождественные пословичные модели) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 230–246. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.15>

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Ivanov, E. E. (2002) Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS. 140 p.

Ivanov, E., Feldman, V. (2006) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. Vol. 1. P. 85–97.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 15.02.2024 г.

Дата принятия 19.03.2024 г.

REFERENCES

Baizhanova, N. R. (2004a) On the question of the genesis of Turkic proverbs (using the example of parodies related to the image of a horse). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 101–105. (In Russ.).

Baizhanova, N. R. (2004b) Metaphorical images characterizing a person in Altai proverbs (in comparison with Tuvan ones). In: *Languages of the indigenous peoples of Siberia*. Ed. by N. B. Koshkareva, N. N. Shirobokova and A. R. Tazranova. Novosibirsk, NGU Publ. 236 p. Pp. 60–72. (In Russ.).

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) The formation of the image of a woman in Tuvan and German proverbs. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bytova, R. S. (2020) Man and his characteristics in Russian and Tuvan proverbs and sayings as a reflection of national value orientations in the linguistic picture of the world. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Issue 1: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki, no. 3 (64), pp. 22–33. (In Russ.).

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2023) Tuvan paroemias of comparative semantics with the component sos as compared to foreign language material. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Ivanishcheva, O. N. and Mentsze, Lian (2021) The world of animals through the prism of folk wisdom: a comparative analysis of Russian, Chinese, Tuvan and Sami proverbs and sayings about a horse/deer. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, no. 3(41), pp. 106–123. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2009) Criteria for systematization of aphoristic material as an object of lexicographic description. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 2 (24), pp. 88–92. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2019a) Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 11 (4), pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E. (2022a) Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022b) Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1389. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022c) Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Ivanov, E. E. (2022d) Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E. (2023a) Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E. (2023b) Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Neliubova, N. Yu. (2021) Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–233. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E. (2003) Principles of comparative description of the aphoristic paremiology of the Belarusian and Russian languages. *Studia slawistyczne*, vol. 4, pp. 49–55. (In Belarussian).

Ivanov, E. E. (2011) Paremiological systems of the Belarusian and Russian languages: similarities and discrepancies. *Filologichni studii*, no. 6/2, pp. 53–63. (In Belarussian).

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).

Larin, B. A. (1960) About working on new dictionaries. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 20, pp. 151–156. (In Russ.).

Larin, B. A. (1977) *The history of the Russian language and general linguistics (selected works)*. Moscow, Prosveshchenie. 224 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Mokienko, V. M. (2012) Principles of Larin lexicography in a three-volume large dictionary of proverbs, sayings and comparisons of the Russian language. *Voprosy leksikografii*, no. 1 (1), pp. 70–84. (In Russ.).

Mokienko, V. M. and Nikitina, T. G. (2021) East Slavic parallels and singularities in the trilingual axiological dictionary of proverbs. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, vol. 20, no. 4, pp. 126–136. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.10>

Nikitina, T. G. (2016) Comparative Dictionary of proverbs and sayings as a linguoculturological and linguocritical source. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 142–149. (In Russ.).

Nikitina, T. G. and Rogaleva, E. I. (2022) Russian proverbs in linguo-axiological and lexicographic interpretation: Traditions and innovations. *Russian Journal of Lexicography*, no. 24, pp. 70–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/24/4>

Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii, N. D. (2023) The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Paremiology without Borders (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN University Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiology in Discourse (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiology at the crossroads of Languages and Cultures (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN University Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaja, Yu. A. (2022a) Belarusian parallels of Vepsian proverbs: in search of typologically common and ethno-specific. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 497–505. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaja, Yu. A. (2022b) Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Petrushevskaiia, Yu. A. (2023) Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages). *New Research of Tuva*, no. 1, no. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Petrushevskaiia, Yu. A. (2024) Chuvash parallels of Belarusian proverbs (analogous units and identical proverbial models). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 230–246. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.15>

Seliverstova, E. I. (2022) Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Ivanov, E. E. (2002) *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague, RSS. 140 p.

Ivanov, E. and Feldman, V. (2006) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages). *Acta Germano-Slavica*, vol. 1, pp. 85–97.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 15.02.2024.

Acceptance date: 19.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.2

Статья

Образность в тувинских и белорусских пословицах (в поисках общего и специфического в пословичных образах)

Юлия А. Петрушевская

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь,

Олеся В. Лазарева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье рассматриваются общие и специфические черты в образной семантике пословиц тувинского и белорусского языков в аспекте выявления универсалий и уникалий в пословичных образах. Материалом исследования послужили издания тувинских и белорусских пословиц.

Установлено, что пословичная образность реализуется на основе, во-первых, семантической двуплановости, а во-вторых, экспрессивности и изобразительности. Наиболее значимыми образами в пословицах обоих языков являются социальные (мир индивида и мир социума в их взаимосвязи), соматические (мир физического естества человека), предметные (мир вещей, созданных трудом человека), природные (мир неживой природы), фаунистические (мир живых существ и их сообществ), фитонимические (мир растений и их систем). Вместе с тем распределение пословичных образов в каждом из языков не совпадает ни по их ранжированию, ни по составу. В тувинских пословицах преобладают в порядке уменьшения значимости в пословичной семантике образы социальные, фаунистические, соматические, предметные, природные, фитонимические; в белорусских пословицах — социальные, фаунистические, предметные, природные, соматические, фитонимические образы. Состав пословичных образов каждой группы специфичен для разных языков, однако различия проявляются более всего в количественном плане. Общность качественного характера имеет место для сравнительно небольшого числа пословичных образов универсальной природы. Распределение образов в пословицах двух языков репрезентирует специфику категоризации действительности в этнической картине мира тувинского и белорусского народов.

Ключевые слова: паремология; пословица; семантика; образность; межъязыковое сопоставление; тувинский язык; белорусский язык

Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 20231303 (Республика Беларусь); публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238-1 «Модель мультязычного терминологического словаря» (Российская Федерация).

Для цитирования:

Петрушевская Ю. А., Лазарева О. В. Образность в тувинских и белорусских пословицах (в поисках общего и специфического в пословичных образах) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 24-39. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.2>

Петрушевская Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Адрес: 212022, Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1. Эл. адрес: petrushevskaja@msu.by

Лазарева Олеся Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: lazareva-ov@rudn.ru

Article

Imagery in Tuvan and Belarusian proverbs (in search of common and specific proverbial images)

Yuliya A. Petrushevskaya

Mogilev State A. Kuleshov University, Republic of Belarus,

Olesya V. Lazareva

RUDN University, Russian Federation

The article examines the common and specific features of the figurative semantics of proverbs in the Tuvan and Belarusian languages, with a focus on identifying universal and unique aspects of proverbial imagery. Publications of proverbs from both languages serve as the basis for the research. It has been established that proverbial imagery is based on, firstly, semantic ambiguity and, secondly, expressiveness and figurativeness. The most significant images in proverbs from both languages are social (the world of individuals and society in their interaction), somatic (human physical nature), objective (things created by human labor), natural (inanimate nature), and faunal (living beings and their communities).

At the same time, the distribution of images in proverbs does not coincide in terms of their ranking or composition between the two languages. In Tuvan proverbs, social, faunal, somatic, objective, and natural images are more prevalent, while phytonymic images are less common. In Belarusian proverbs, the order is social, faunal, objective, natural, somatic and phytonymic. The composition of proverb images in each group is unique to different languages. However, the differences between them are most evident in quantitative terms. There are only a few proverb images that have a universal quality. These images represent the general characteristics of reality in the ethnic worldview of the Tuvan and Belarusian people.

The distribution of images in proverbs in the two languages reflects the specific way each ethnic group categorizes reality.

Keywords: paremiology; proverb; semantics; imagery; interlanguage comparison; Tuvan language; Belarusian language

Financing

The research was carried out with the support of the Belarusian Republican Foundation for Basic Research, scientific project No. 20231303 (Republic of Belarus); the publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 124022500238-1 "Multilingual terminological dictionary model» (Russian Federation).

For citation:

Petrushevskaya Yu. A. and Lazareva O. V. Imagery in Tuvan and Belarusian proverbs (in search of common and specific proverbial images). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 24-39 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.2>

PETRUSHEVSKAYA, Yuliya Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Language, Mogilev State A. Kuleshov University. Postal address: 1 Kosmonavtov St., 212022 Mogilev, Republic of Belarus. Email: petrushevskaya@msu.by

[ORCID ID: 0000-0002-7855-8309](https://orcid.org/0000-0002-7855-8309)

LAZAREVA Olesya Viktorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Email: lazareva-ov@rudn.ru

[ORCID ID: 0000-0002-1227-4493](https://orcid.org/0000-0002-1227-4493)

Введение

Семантика тувинских пословиц и поговорок в последнее время стала предметом активных исследований на фоне других языков в самых разных аспектах: лингвокультурологическом (Бытотова, 2020; Ломакина, 2022; Монгуш, 2023), этнолингвистическом (Марфина, Шкуран, 2022), лингвоаксиологическом (Нелюбова, 2022а; 2023), лингвокогнитивном (Иванов, 2022ab; Колесникова, 2022), контрастивном (Зиновьева, Алёшин, 2023), типологическом (Иванищева, Мэнцзе, 2021; Петрушевская, 2023). При этом достаточно часто предметом исследования выступает образная семантика тувинских пословиц, однако непосредственному сравнению пословичных образов в тувинском языке и других языках посвящено не более десятка статей (Байжанова, 2004; Болат-оол, Пелевина, 2017; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Нелюбова, 2022b; Варламова и др., 2023; Николаева и др., 2023; и др.¹). Сопоставление образной семантики тувинских и белорусских пословиц проводилось лишь однажды в рамках сравнительного анализа тувинского и белорусского пословичных фондов (Петрушевская, 2022b: 253–256). Образы в пословицах тувинского и белорусского языка никогда не были предметом специального исследования.

Образность тувинских пословиц достаточно неплохо исследована в дескриптивном плане. Особенности использования природных и социальных образов в паремиях последовательно описываются Г. Н. Курбатским в его фундаментальном труде «Тувинцы в своем фольклоре» (Курбатский, 2001). Образная семантика в пословицах тувинского языка анализируется при изучении особенностей отражения в них гендерных стереотипов (Лопсан, 2022), контраста и бинарных структур (Селиверстова, 2022), групп номинаций и отдельных концептов (Кужугет и др., 2019; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Сувандии, 2023) и др.

Образный план белорусских пословиц глубоко и всесторонне описан в ряде основополагающих исследований особенностей языка и поэтики паремий белорусского языка (Янкоўскі, 1971; Лепешаў, 2006; Иваноў, 2017). Выявлены общие характеристики национально-культурного своеобразия и языковой специфики образной семантики белорусских пословиц на фоне основных европейских языков (Петрушэўская, 2021). Установлены параметры плана содержания пословиц белорусского языка (Иваноў, Петрушэўская, 2021, 2022). Отдельное внимание в новейших сопоставительных исследованиях пословиц белорусского и других языков отводится анализу образной семантики (Петрушевская, 2022а: 501–502), а также лексических компонентов как репрезентантов пословичных образов (Петрушевская, 2024: 239–240).

Актуальность исследования заключается в том, что сравнение образов в тувинских и белорусских пословицах позволит не только выявить и описать образные параллели в пословичных фондах, но и установить типологически значимые сходства и различия в образной семантике пословиц двух языков, что представляется еще одним шагом в решении проблемы определения универсалий и уникалий в пословичной образности тюркских и славянских языков.

Цель исследования — выявить общие и специфические черты в образной семантике пословиц тувинского и белорусского языков в аспекте языковой типологии.

Фактическим материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц² и свыше 14 000 белорусских пословиц³. Помимо этого, с целью верификации типологической значимости некоторых пословичных образов также привлекались для анализа пословицы из других языков по

¹ Также см.: Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки: международный научный журнал. 2019, № 6. С. 25–27; Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремииологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019, № 10–2(37). С. 18–21.

² Пословицы отобраны с помощью сплошной выборки из сборника: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. Также учитывались материалы изданий: Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966 (На рус. и тув. яз.); Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976 (На тув. и рус. яз.); а также словари: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968 (На тув. и рус. яз.); Тувинско-русский словарь. 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл: Тываполиграф, 2014 (На тув. и рус. яз.).

³ Основным материалом для сопоставления послужили свыше 12000 белорусских пословиц и поговорок, зафиксированных в сборнике: Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976 (На белорус. яз.). Помимо этого было проанализировано около 2000 белорусских пословиц и поговорок литературного и библейского происхождения по материалам изданий: Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А.

материалам белорусско-иностранноязычных¹ и полилингвальных паремиологических словарей², а также паремиографических источников русского языка³.

Методологической базой исследования послужили основные положения теории пословицы как фразовых текстов (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021) и как афористических единиц языка (Иванов, 2019ab, 2020, 2022cd), теории сравнительной типологии пословиц (Seliverstova, 2020; Бредис, Иванов, 2021), теории национальной специфичности пословичных фондов генетических, ареально и типологически далеких языков (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Бредис, Иванов, 2022).

Сопоставление пословиц осуществлялось в направлении от тувинского к белорусскому языку. В качестве *tertium comparationis*⁴ при межъязыковом сравнении выступили общие для двух генетически, типологически и ареально далеких языков представления о семиотической сущности и плане содержания пословиц, языковой образности и особенностях ее реализации в пословицах, роли и месте образов в семантике и структуре пословиц.

Типологически значимые параметры пословичной образности

Пословичная образность, как известно, реализуется в двух видах, что соответствуют двум аспектам существования и понимания пословицы как единицы языка и как фразового текста и является типологически значимым при межъязыковом сопоставлении образной семантики единиц национальных пословичных фондов.

Первый вид реализации пословичной образности предполагает наличие в пословице двух семантических планов, «когда представление об одном фрагменте действительности (предмете, явлении, событии, ситуации и т. д.) передается в речи через называние иного фрагмента действительности (предмета, явления, события, ситуации и т. д.)» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 240). Пословичный образ выступает здесь прототипом обобщенного значения пословицы как языковой единицы и связан с ним ассоциативными отношениями на основе аналогии.

Так, в тувинской пословице *Кокпага киргенде, койгун чүгүрүк, Коданга киргенде, ыт ээрги* 'Заяц по знакомой тропе быстрее бежит, Собака в своем дворе громче лает'⁵ сообщается не о зайце и собаке и их повадках; с помощью образов животных передается мысль о том, что человек те или иные свои

Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011 (На беларус. яз.); Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997 (На беларус. яз.); Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1. З іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў. Магілёў: МДУ, 2004 (На беларус. яз.); Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 2. З рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў, В. В. Чэх. Магілёў: МДУ, 2006 (На беларус. яз.); Иваноў Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2011 (На беларус. яз.); Лепта біблейскай мудрасці: біблейскія крылатыя выражэнні і афарызмы на руском, англійском, беларуском, немецком, словацком і украінском мовах / сост. Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжыновіч, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. Могилёў: МГУ, 2014.

¹ См.: Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Иванова. Магілёў: МДУ, 2009 (На беларус. яз.); Иваноў Я. Я., Раманава Н. К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2006 (На беларус. яз.); Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв: МГУ, 2007; Иванов Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. Могилев: Брама, 2001; Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2007 (На беларус. яз.).

² См.: Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997 (На англ. яз.); Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: СПбГУ, 2000; Лепта біблейскай мудрасці: русско-славянский словарь біблейскіх выражэнні і афарызмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова и др. Могилёв: МГУ, 2019.

³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

⁴ *Tertium comparationis* (лат.) — третий член сравнения, наличие общих оснований для межъязыкового сопоставления тех или иных единиц разных языков.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 34.

качества, способности, возможности и т. п. реализует более эффективно в привычных для себя условиях. В таких случаях, как отмечал Г. Н. Курбатский, «при описании пословиц и поговорок подчас приходится, абстрагируясь от главного, обобщенно-метафорического содержания, принимать во внимание, прежде всего, их первоначальный, буквальный, реалистически конкретный смысл» (Курбатский, 2001: 344).

В белорусской пословице *Відаць пана па халявах* 'Видно дворянина по его сапогам'¹ говорится не об одежде дворян; данная пословица употребляется в значении «узнать, что за человек кто-либо, всегда очень просто по его манере жить»², поскольку она обязана своим возникновением ряду исторических фактов, на которых основан пословичный образ. Во-первых, «в Беларуси XVI–XVIII вв. дворяне ходили в цветных сафьяновых сапогах, которые после них донашивали их слуги, пришивая к цветным голенищам черные головки и задники и тем самым выделяясь среди прочих простых людей»³, во-вторых, многие мелкопоместные дворяне того времени делали то же самое, тем самым выдавая свою бедность либо скупость (новые цветные сапоги стоили очень дорого), и в-третьих, «мещане нередко носили сапоги с цветными голенищами, нарушая этим нормы *leges sumptuariae*⁴, предписывающие им носить только серые либо черные сапоги» (Иваноў, 2000: 96–97).

Второй вид реализации пословичной образности предполагает только один семантический план в пословице, когда образ в ней, как и в любом народнопоэтическом тексте, «отождествляется с экспрессивностью и может передаваться с помощью различных средств выразительности» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 240). Под образностью здесь понимается само по себе «наличие изобразительности, конкретно-предметного представления, наглядности, картинности при обозначении предмета или явления словом или более крупной языковой единицей», когда «образ помогает представить обозначаемое на базе других явлений действительности, в конкретном выраженном сопоставлении с ними, что способствует созданию усиленного впечатления об обозначаемом»⁵. Пословичный образ выступает в данном случае стилистическим средством в пословице как фразовом тексте, которое участвует в формировании ее обобщенного содержания.

Так, в тувинской пословице *Алышкылар ынаа Хая-даштан артык* 'Любовь братьев Крепче скалы'⁶ нерушимость взаимной любви родных братьев друг к другу выражается с помощью использования образа скалы (сила братской любви уподобляется твердости скалы).

В другой тувинской пословице *Кижы экизи — хүн, Кижы багы — чылан* 'Добрый человек — как солнце, Злой человек — как змея' доброта и злоба как качества человека прямо сравниваются с солнцем и змеей, образы которых не только помогают наглядно представить проявление добра и зла, но и с большей экспрессией их противопоставить.

В белорусской пословице *Праўду і ў полымі не спаліць, і ў вадзе не ўтаніць* 'Правду и в огне не сжечь, и в воде не утопить'⁷ несокрушимость истины передается с помощью обращения к архетипическим образам огня и воды, испытание одновременно которыми не может выдержать ни одно живое существо (это значит, как утверждается в пословице, что истина существует независимо от людей, которые не только не смогут ее уничтожить, но и смогут ее сохранить, даже погибнув сами).

Еще в одной белорусской пословице *Старая дзеўка, як дзіравы кажух, — адзін дух* 'Старая дева, как дырявый кожух, — один дух'⁸ состарившаяся незамужняя женщина прямо сравнивается с дырявой одеждой на основе ряда общих свойств: во-первых, их обоюдной непригодности к использованию (соответственно, для любовных отношений в браке, поскольку «старая», и для ношения в холодную

¹ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1. С. 301.

² Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997. С. 51.

³ Лепешаў І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2004. С. 294. (На беларус. яз.)

⁴ *Leges sumptuariae* (лат.) — «сумптуарные законы», направленные против излишней роскоши, как правило, в одежде, обстановке, еде и др., были широко распространены в древних и средневековых социумах, частично применялись в европейских государствах и позже (в XVI–XVIII вв.).

⁵ Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 247.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 15.

⁷ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. С. 433.

⁸ Там же. С. 18.

погоду, поскольку «дырявая»), а во-вторых, сохранения у них только несущественных признаков (на основе метафоры «дух», которая понимается, соответственно, как «душа», поскольку у стареющей женщины остается ее внутренний мир, которого недостаточно для жизни в браке, и как «запах», поскольку всякий кожан из овчины специфически пахнет, даже дырявый и непригодный к носке).

Исследование показало, что пословицная образность первого типа (на основе семантической двухплановости) присуща 7% тувинских и около 18% белорусских пословиц (здесь и далее — от количества проанализированных единиц). В свою очередь, пословицная образность второго типа (на основе экспрессивности и изобразительности) присуща 93% тувинских и 82% белорусских пословиц. Это означает, что переосмысление содержания пословицы на основе образной семантики присутствует примерно лишь в каждой четырнадцатой тувинской пословице, но почти в каждой седьмой белорусской пословице (от общего количества единиц с образной семантикой в пословицных фондах данных языков).

Показатели характера пословицной образности позволяют определить типологическую близость / отдаленность пословиц разных языков по типу образной семантики. Так, по нашим подсчетам, пословицы тувинского языка оказываются ближе по данному критерию к английским пословицам, у которых также малочисленна семантическая двухплановость на основе образности (11%)¹, а белорусские пословицы близки по этому показателю пословицам близкородственного и территориально общего русского языка (около 20%)², а также генетически и ареально близким польскому языку (23%)³ и чешскому языку (24%)⁴, а кроме этого, еще и немецкому языку (26%)⁵, оказавшему, как известно, заметное влияние на пословицные фонды восточнославянских и западнославянских языков.

Реализация пословицной образности в двухчастных пословицах

Пословицная образность имеет особенную значимость и приобретает специфическую реализацию в плане содержания двухчастных по структуре пословиц, которые есть как в тувинском и белорусском языках, так и во всех языках мира (двухчастная структура пословицы является, как известно, одной из языковых универсалий). Глубина межъязыковых различий пословицной образности в двухчастных пословицах детерминирована теми или иными особенностями таких пословиц в каждом языке.

Так, большинство проанализированных тувинских пословиц (примерно 85%) основано, по определению Г. Н. Курбатского, «на прямом двучленном психологическом параллелизме» (Курбатский, 2001: 343). Всего в этой связи можно выделить три основных типа использования пословицной образности.

В первом случае обе композиционные части пословицы содержат пословицные образы, тождественны по значению, однако одна из них имеет прямой смысл, а другая — переносный на основе образного переосмысления. Например, *Тенектиң сөзү анчыг, Теректиң бүрүзү ажыг*⁶ «У глупца слова противны, У тополя листья горьки»⁷, где первая композиционная часть пословицы в образной форме выражает смысл второй части, и без нее может интерпретироваться по-иному. «Подлинный, обобщающий смысл первая часть пословицы приобретает только в сочетании со второй» (там же: 344).

¹ По материалам словаря: Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. Магілёў: МДУ, 2009.

² По материалам словарей: Иванов Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. Могилёв: Брама, 2001; Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв: МГУ, 2007.

³ По материалам словаря: Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2007.

⁴ По материалам словарей: Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). Санкт-Петербург: СПбГУ, 2000; Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997.

⁵ По материалам словаря: Иваноў Я. Я., Раманава Н. К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2006. С.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 51.

⁷ Здесь дается более точная версия перевода (с буквальным соответствием порядка следования композиционных частей в тувинской пословице и в ее переводе на русский язык), чем в сборнике: Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 51.

Во втором случае, обе композиционные части пословицы содержат пословичные образы, не тождественны по значению, имеют прямой смысл, однако неравны по своей значимости в рамках общего пословичного смысла, который формируется на основании содержания только одной из частей, тогда как другая часть выступает в качестве дополнительной ассоциации, аргумента, иллюстрации и др. Например, *Шоочадан быжыг эт чок, Шоваадан шынчы эш чок* 'Надежнее замка запора нет, Надежней друга человека нет'¹, где вторая часть с образом друга является содержательно доминирующей, а первая часть с образом домашней утвари используется в аргументативной функции, при этом обе композиционные части могут интерпретироваться безотносительно друг друга, т. е. «в содержательном плане относительно самостоятельны и вполне могут рассматриваться отдельно, порознь» (там же: 345).

В третьем случае, только одна из композиционных частей пословицы содержит пословичные образы, при этом обе части не тождественны по значению, имеют прямой смысл. Например, *Кижил олур, Алдар олбес* 'Человек смертен, Слава бессмертна'², где первая часть содержит образ человека и семантически и семиотически зависима от второй части, поскольку имеет «трюистическое содержание», т. е. «предназначена для фиксации и сохранения наиболее очевидных и общеизвестных в рамках традиционной картины мира представлений о действительности» (Иванов, 2022а: 325–326) и не может употребляться самостоятельно в прямом смысле. «Трюистические пословицы всегда имеют переносный смысл. Будучи употребленными в прямом значении трюистические пословицы тут же утрачивают присущую всем пословицам как фольклорному жанру эпистемологическую значимость (и начинают восприниматься как высказывания, лишённые коммуникативной цели, избыточные или даже бессмысленные в данной речевой ситуации)» (Иванов, 2023: 1161–1162).

В белорусском языке также немало двухчастных пословиц (около 10%), однако в большинстве из них структурные части семантически связаны и не имеют самостоятельного содержания (часто синтаксически связаны союзной и/или присловной связью), поэтому такие пословицы воспринимаются как единая синтаксическая конструкция (что характерно для славянских языков³ и других европейских языков различных языковых групп индоевропейской языковой семьи⁴). Например, *Добраму чалавечку добра і ў запечку, а якой благаце дрэнна і на куце* 'Хорошему человечку хорошо и за печкой, а дрянному человечку плохо на печке' (употребляется в значении «Удовлетворение или неудовлетворение человека собственной жизнью зависит прежде всего от того, как он сам к ней относится»⁵; *Наперад не вытыкайся, пазаду не заставайся* 'Вперед не вырывайся, позади не оставайся'⁶; *Палавіна свету скача, а палавіна свету плача* 'Половина мира танцует, половина мира горюет'⁷ (употребляется в значении «Одним хорошо, другим плохо»); *Як няма рыбы без косці, так і няма чалавека без злосці* 'Как не бывает рыбы без кости, так не бывает и человека без злости'⁸ и т. п. При этом почти для всех таких пословиц характерна образная семантика как в одном, так и во втором своем проявлении.

В тувинском языке двухчастные пословицы такого типа встречаются достаточно редко (не более 5% от количества проанализированных единиц), например, *Багын сөглээрге — Бачыды арлыр* 'Правду расскажешь — Совість очистишь'⁹; *Даартагы чагдан Бөгүнгү өкпө дээр* 'Лучше сегодня — ливер, Чем завтра — сало'¹⁰; *Даг дег караны Довук дег ак базар* 'Правда с ноготок Гору лжи победит'¹¹; *Сагышта чорза-даа, Салым хоржок* 'Желание есть большое, Да таланта нет'¹² и т. п. При этом, как можно видеть, примерно только половине из них присуща образная семантика.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 72.

² Там же. С. 33.

³ См.: Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: СПбГУ, 2000.

⁴ См.: Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997.

⁵ Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997. С. 65.

⁶ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. С. 462.

⁷ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1. С. 431.

⁸ Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. С. 625.

⁹ Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 19.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 48.

В свою очередь, в белорусском языке часть пословиц (примерно 2%) имеет такое же композиционное построение, как и большинство тувинских, а соотношению содержания частей у таких белорусских паремий вполне может быть квалифицировано как свойственный тувинским пословицам «прямой двучленный психологический параллелизм», при котором в разных ее частях сближаются «образы природные и социальные» (Курбатский, 2001: 343), например: *Каню хваста не вяжы, а бабе праўды не кажы* ‘Коню хвост не завязывай, женщине правду не рассказывай’¹; *Карову б’юць за зык, а бабу за язык* ‘Корову бьют за непослушание, женщину — за язык’²; *Млын меле — мука будзе, язык меле — бяда будзе* ‘Мельница мелет — мука будет, язык мелет — беда будет’³; *Рукі набрудзіш — вадою памыееш, душу забрудзіш — мылам не адмыееш* ‘Руки испачкаешь — водой отмоешь, душу загрязнишь — мылом не отмоешь’⁴ и т. п.

Весьма симптоматично, что даже у небольшого количества двухчастных белорусских пословиц, аналогичных по своему композиционному построению тувинским паремиям, можно обнаружить все три основные разновидности использования пословичной образности, характерных для таких пословиц в тувинском языке.

Так, в белорусском языке обе композиционные части пословицы могут содержать пословичные образы, быть тождественными по значению, при этом одна из частей может иметь прямой смысл, а другая — переносный на основе образного переосмысления (аналогично первому типу образной семантики двухчастных тувинских пословиц). Например, *Не кручаны — не рамень, не вучаны — не чалавек* ‘Не перекручен — не ремень, не научен — не человек’⁵, где первая часть с образом ремня переосмыслена и в переносном смысле тождественна прямому значению второй части с образом человека.

В белорусском языке обе композиционные части пословицы могут содержать пословичные образы, не тождественны по значению, иметь прямой смысл, быть неравными по своей значимости в рамках общего пословичного смысла, который формируется на основании содержания только одной из частей, тогда как другая часть используется как дополнительная ассоциация, аргумент, иллюстрация и др. (аналогично второму типу образной семантики двухчастных тувинских пословиц). Например, *Нявестка не дачушка — сяннік не падушка* ‘Невестка не дочушка — набитый сеном мешок не подушка’⁶, где первая часть с образами невестки и дочери содержательно доминирует в пословице, а вторая часть с образами мешка с сеном и подушка имеет иное значение и выполняет роль аргумента, доказывая истинность содержания первой части.

В белорусском языке только одна из композиционных частей пословицы может содержать пословичные образы, при этом обе ее части будут иметь прямой смысл и не будут тождественными по значению (аналогично третьему типу образной семантики двухчастных тувинских пословиц). Например, *Гарэлка горка, ды яе п’юць, замужам нядобра, ды ідуць* ‘Водка горькая, но ее пьют, замужем плохо, но идут’⁷, где только первая часть имеет образную семантику (содержит образ водки), отличное от второй части переносное значение, однако семиотически и семантически зависима от нее, поскольку характеризуется трюистическим содержанием (не имеет самостоятельной эпистемологической значимости в своем прямом смысле).

Наличие в пословичном фонде белорусском языке единиц, аналогичных по композиционному построению тувинским пословицам, свидетельствует о том, что феномен «прямого двучленного психологического параллелизма» (там же: 343) обладает признаком универсальности, поскольку фиксируется в нетождественных по лексико-грамматической организации и в некоррелятивных по семантике пословицах двух генетически, типологически и ареально далеких языков. Универсальными на этом же основании можно считать и типы образной семантики в пословицах такого композиционного построения.

¹ Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. С. 267.

² Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997. С. 81.

³ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. С. 390.

⁴ Там же. С. 327.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 2. С. 16.

Вместе с тем существенное различие в количественных показателях двухчастных образных пословиц с «прямым двучленным психологическим параллелизмом» в тувинском и в белорусском языках (соответственно, 85% и 2%, т. е. в соотношении примерно 40/1) позволяет утверждать, что характер реализации образной семантики в двухчастных пословицах непосредственно обусловлен спецификой их композиционного построения в разных языках.

Тематические группы пословичных образов

Образы в пословицах выполняют разные функции, основной из которых является репрезентативная — обозначение внеязыковой действительности. Совокупность образов, содержащихся в пословицах данного языка, репрезентирует номинацию и категоризацию действительности в рамках пословичной картины мира данного народа. В этой связи значимым как в описательном, так и в сопоставительном плане является установление и ранжирование основных тематических групп пословичных образов.

В результате сопоставительно-типологического анализа тувинских и белорусских пословиц установлено, что пословичные образы в обоих языках дифференцируются на шесть основных тематических групп: социальные (мир индивида и мир социума в их взаимосвязи), соматические (мир физического естества человека), предметные (мир вещей, созданных трудом человека), природные (мир неживой природы), фаунистические (мир живых существ и их сообществ), фитонимические (мир растений и их систем). Распределение в каждом из языков пословичных образов не совпадает ни по ранжированию, ни по составу их тематических групп.

Исследование показало, что в проанализированном фонде тувинских пословиц тематические группы образов ранжированы в следующем порядке (по уменьшению степени их количественной представленности): социальные (31%), фаунистические (24%), соматические (18%), предметные (13%), природные (9%), фитонимические (5%).

Социальная образность в пословицах тувинского языка (31%) прежде всего представлена образом *кижи* 'человек', а также рядом следующих образов (по степени уменьшения продуктивности), выраженных прямыми номинациями кровного родства, различий людей по полу, возрасту, роду занятий, социальному статусу, качествам личности и др., названиями реалий устройства и жизни социума, социальных взаимоотношений и др.: *ада* 'отец', *ава* 'мать', *өңнүк, өң, эш* 'друг', *бай* 'богач', *оглу* 'сын', *уруг* 'дочь', *бичиш, чаш* 'ребенок', *чон* 'народ', *аал* 'селение', *оол* 'мальчик', *кыс* 'девочка', *төрел* 'родня', *чалгаа* 'ленивый', *харам* 'скупой', *хаан* 'хан', *лама* 'лама', *чазый, чилби* 'обжора', *аалчы* 'гость', *чаа* 'война', *шош, чогуш* 'драка', *кадай* 'жена', *дүжүмет* 'чиновник', *акый, дуңмай* 'брат старший, младший', *угба, дуңма* 'сестра старшая, младшая', *ашак* 'старик', *нойон* 'чиновник, князь', *кортук киж* 'трус', *оор, ооржу киж* 'вор', *аңчы* 'охотник', *күдээ* 'зять', *каты* 'тесть', *кат-ие* 'теща' и др.

Фаунистическая образность в тувинских пословицах (24%) передана следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности), которые выражены прямыми номинациями самых различных животных (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022: 51): *аът* 'конь, лошадь, мерин', *ыт* 'собака', *мал* 'скот', *куш* 'птица', *кулун* 'жеребёнок', *теве* 'верблюд', *хой* 'овца, баран', *бөрү* 'волк', *өшкү* 'коза', *инек* 'корова', *сааскан* 'сорока', *анай* 'козлёнок', *киш* 'соболь', *күске* 'мышь', *мал* 'конь', *аң* 'зверь', *аскыр* 'жеребец', *буга* 'бык', *каарган* 'ворона', *балык* 'рыба', *байлаң* 'малёк рыбы', *бызаа* 'телёнок', *кускун* 'ворон', *торга* 'дятел', *тоолай* 'кролик, заяц' и др.

Соматическая образность в пословицах тувинского языка (18%) представлена рядом следующих основных образов (по степени уменьшения продуктивности), выраженных прямыми номинациями частей тела и внутренних органов человека: *карак* 'глаз', *бут* 'нога', *хол* 'рука', *баш* 'голова', *арын, шырай* 'лицо', *салаа* 'палец', *кулак* 'ухо', *аас* 'рот', *хан* 'кровь', *чүрек* 'сердце', *дыл* 'язык', *хырын* 'живот', *хөрөк* 'грудь', *хавак* 'лоб', *думчук* 'нос', *эгин* 'плечо', *дүк* 'волос', *сөөк* 'кость', *диш* 'зуб', *баар* 'печень', *эрgek* 'большой палец' и др.

Предметная образность в тувинских пословицах (13%) представлена рядом следующих основных образов (по степени уменьшения продуктивности), которые выражены прямыми номинациями различных реалий кочевого быта, домашнего обихода, гастрономии, одежды, хозяйства, занятий, промыслов, торговли и др.: *өг* 'юрта', *бижек* 'нож', *эзер* 'седло', *ине* 'игла', *аргамчы* 'аркан', *кидис* 'кошма', *арага* 'водка', *эът* 'мясо', *чаг* 'сало', *алдын* 'золото', *көгээржик* 'фляжка кожаная', *идик* 'сапог', *эдек* 'подол',

мөңгүн 'серебро', *аяк*, *паш* 'чаша', *тараа* 'хлеб, зерно', *дашка* 'чарка, чашка', *даңза* 'трубка курительная', *хачы* 'ножницы', *боо* 'ружьё', *хендир*, *чеп* 'верёвка', *балды* 'топор', *сүт* 'молоко', *акша* 'деньги' и др.

Природная образность в пословицах тувинского языка (9%) передана следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности), которые выражены прямыми номинациями различных объектов и явлений неживой природы (включая): *суг* 'вода', *даг* 'гора', *от* 'огонь', *чер* 'земля', *орук* 'дорога', *хүн* 'солнце', *арт* 'перевал', *далай* 'море', *дүн* 'ночь', *эртен* 'утро', *хүн* 'день', *чаашкын* 'дождь', *хат* 'ветер', *уя* 'гнездо', *хем* 'река', *шөл* 'поле', *ай* 'луна', *туман* 'туман', *хөл* 'озеро', *хая* 'скала', *даш* 'камень', *дээр* 'небо', *үер* 'половодье' и др.

Фитонимическая образность в тувинских пословицах (5%) представлена сравнительно небольшим рядом следующих основных образов (по степени уменьшения продуктивности), которые выражены прямыми номинациями различных растений, их видов и систем: *ыяш* 'дерево', *арыг* 'лес', *сиген*, *овт* 'трава', *таңды* 'тайга высокогорная', *чечек* 'цветок', *каңмыыл* 'перекати-поле', *терек* 'тополь', *үңүш* 'растение', *шиви* 'ель' и др.

В свою очередь, в пословичном фонде белорусского языка, как показало исследование¹, тематические группы образов ранжированы уже несколько иначе в следующем порядке (по уменьшению степени их количественной представленности): социальные (36%), фаунистические (21%), предметные (17%), природные (13%), соматические (11%), фитонимические (2%).

Социальная образность в белорусских пословицах (36%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *чалавек*, *людзі* 'человек, люди', *пан* 'помещик, дворянин', *дурань* 'дурак', *баба* 'женщина', *бацька* 'отец', *дзіця* 'ребенок', *гаспадар* 'хозяин', *гаспадыня* 'хозяйка', *стары*, *старац* 'старый', *дзеўка*, *дзеўчына* 'девушка, девочка', *госць* 'гость', *голы* 'бедный', *дачка* 'дочь', *вайна* 'война', *жонка* 'жена', *чужы* 'чужой', *сын* 'сын', *сірата* 'сирота', *бойка* 'драка', *друг* 'друг', *злодзей* 'вор', *кірмаш* 'ярмарка', *цешица* 'теща', *кум* 'крестный отец', *кума* 'крестная мать', *матка*, *маці* 'мать', *муж*, *мужык* 'муж', *мужык* 'крестьянин', *музыка* 'музыкант', *поп* 'священник', *разумны* 'умный', *радня*, *род* 'родня', *сусед* 'сосед', *брат* 'брат', *айчыым* 'отчим', *бедны* 'бедный', *вяселле* 'свадьба', *гультай* 'лентяй', *доктар* 'врач', *зяць* 'зять', *удава* 'вдова', *няўмека* 'неумельный', *салдат* 'солдат' и др.

Фаунистическая образность в пословицах белорусского языка (21%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *конь* 'конь', *сабака* 'собака', *варона* 'ворона', *воўк* 'волк', *кабыла* 'кобыла', *каток*, *кот* 'кот', *котка*, кошка 'кошка', *птушка* 'птица', *рыба* 'рыба', *свіння* 'свинья', *арол* 'орел', *бык* 'бык', *верабей* 'воробей', *вол* 'вол', *бабёр* 'бобр', *заяц* 'заяц', *каза* 'коза', *карова* 'корова', *курыца* 'курица', *мыш* 'мышь', *парася* 'поросенок', *певень* 'петух', *рак* 'рак', *сава* 'сова', *сарока* 'сорока', *вош* 'вошь', *аўца* 'овца', *гадзюка* 'гадюка', *гусь* 'гусь', *звер* 'зверь', *зязюля* 'кукушка', *камар* 'комар', *муха* 'муха', *салавей* 'соловей' и др.

Предметная образность в белорусских пословицах (17%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *грошы* 'деньги', *каша* 'каша', *кій*, *палка* 'палка', *хата* 'изба', *хлеб* 'хлеб', *кут* 'красный угол в избе', *лапаць* 'лапоть', *воз*, *калёсы* 'телега', *адзенне*, *адзежа* 'одежда', *вяроўка* 'веревка', *гаршчок* 'горшок', *гарэлка* 'водка', *дом* 'дом', *кажух* 'кожух', *лыжка* 'ложка', *мех*, *мяшок* 'мешок', *сані* 'сани', *печ* 'печь', *бот* 'сапог', *бочка* 'бочка', *брытва* 'бритва', *гуж* 'гуж', *гумно* 'гумно', *золата* 'золото', *карчма* 'трактир', *каса* 'коса', *чарка* 'чарка', *малако* 'молоко', *меч* 'меч', *мука* 'мука', *рака* 'река' и др.

Природная образность в белорусских пословицах (13%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *вада* 'вода', *дарога* 'дорога', *зямля* 'земля', *агонь* 'огонь', *балота* 'болото', *вецер* 'ветер', *гара* 'гора', *гняздо* 'гнездо', *гром* 'гром', *дождж* 'дождь', *лета* 'лето', *корч*, *пень* 'пень', *сонца* 'солнце', *гной* 'навоз', *камень* 'камень', *мароз* 'мороз', *снег* 'снег' и др.

¹ Квантитативные параметры тематических групп пословичных образов были дополнительно верифицированы на материале 1500 наиболее употребительных пословиц в современном белорусском языке, зафиксированных в следующих изданиях: Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011; Ivanov E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague: RSS, 2002; Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: СПбГУ, 2000.

Соматическая образность в белорусских пословицах (11%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *вока* 'глаз', *галава* 'голова', *нага* 'нога', *рот* 'рот', *рука* 'рука', *язык* 'язык', *сівізна* 'седина', *сэрца* 'сердце', *вусы* 'усы', *вуха* 'ухо', *зуб* 'зуб', *кішка* 'кишка', *лоб* 'лоб', *пуп* 'пуп' и др.

Фитонимическая образность в пословицах белорусского языка (2%) представлена следующими основными образами (по степени уменьшения продуктивности): *лес* 'лес', *дрэва* 'дерево', *арэх* 'орех', *вярба* 'верба', *грыб* 'гриб', *крапіва*, *жыгучка* 'крапива' и др.

Типологически значимым при межъязыковом сравнении пословичных образов можно считать, во-первых, список их тематических групп, во-вторых, их ранжирование по количественной представленности, в-третьих, список образов в тематической группе, и в-четвертых, ранжирование образов по их продуктивности внутри каждой тематической групп в разных языках.

В этой связи сопоставление пословичной образности в генетически, типологически и ареально далеких тувинском и белорусском языках показало, что универсальными являются список тематических групп пословичных образов, высокий квантитативный ранг тематических групп «социальные образы» и «фаунистические образы» и низкий квантитативный ранг тематической группы «фитонимические образы», а также высокий ранг продуктивности отдельных образов внутри одной тематической группы (в состав первых пяти по степени продуктивности в обоих языках входят социальные образы человека и бая / пана, соматические образы глаза, головы, руки и ноги, природные образы воды, земли, огня и дороги, фаунистические образы коня и собаки, фитонимический образ дерева).

Уникальными (для данной пары языков) являются ранжирование ряда тематических групп пословичных образов (разные ранги у одних и тех же тематических групп в каждом языке), списки пословичных образов внутри отдельных тематических групп (конкретный состав образов в одной тематической группе в разных языках различается от одной четверти до более половины), распределение по рангу пословичных образов в тематической группе (отдельные образы в составе одной и той же тематической группы имеют различную продуктивность в каждом из языков).

Так, тематическая группа соматических пословичных образов является в тувинском языке третьей по своей количественной представленности в кругу иных групп, а в белорусском только пятой (предпоследней); обладает в тувинском языке списком образов, почти в два раза превышающим по количеству список образов в белорусском языке; имеет в тувинском языке весьма разнообразный состав, достаточно подробно репрезентирующий как внешние части человеческого тела, так и его внутренние органы.

Довольно неожиданным результатом исследования является тот факт, что тематическая группа природных пословичных образов (отражающих мир неживой природы) занимает в тувинском языке только пятое (предпоследнее) место по своей количественной представленности в кругу иных групп (в белорусском — четвертое). В свою очередь, тематическая группа предметных пословичных образов неожиданно оказалась в белорусском языке на третьем месте по количественной представленности среди иных групп (в тувинском — на четвертом).

Такое распределение и наполнение тематических групп пословичных образов в тувинском и белорусском языках можно объяснить ментальными различиями двух народов (спецификой категоризации действительности в традиционной картине мира), а также исторически сложившейся весьма существенной разницей между тувинцами и белорусами в этнокультурном и лингвокультурном плане (традиционном укладе и образе жизни, содержании фольклора и его роли в народной культуре, системе духовных и материальных ценностей и др.).

Заключение

Сопоставление пословичных фондов тувинского и белорусского языков в аспекте выявления различной семантики пословиц позволило установить, во-первых, типологически значимые параметры пословичной образности, во-вторых, особенности реализации пословичной образности в двухчастных пословицах, и в-третьих, тематические группы пословичных образов.

Типологически значимыми свойствами пословичной образности являются, с одной стороны, ее семантическая двухплановость, а с другой стороны, ее экспрессивность и изобразительность, что де-

терминировано двумя аспектам существования и понимания пословиц, соответственно, как единиц языка и как фразовых текстов.

Реализация пословичной образности в двухчастных пословицах имеет специфический характер в тувинском и в белорусском языках, который проявляется в качественном и количественном своеобразии различных типов образной семантики, обусловленной спецификой разных видов пословичной двухчастности (структурной и композиционно-содержательной).

Тематические группы пословичных образов дифференцируются на социальные (мир индивида и мир социума в их взаимосвязи), соматические (мир физического естества человека), предметные (мир вещей, созданных трудом человека), природные (мир неживой природы), фаунистические (мир живых существ и их сообществ), фитонимические (мир растений и их систем).

Результаты исследования показали, что распределение пословичных образов по тематическим группам в тувинском и белорусском языках не совпадает ни по ранжированию, ни по составу. В тувинских пословицах преобладают в порядке уменьшения значимости в пословичной семантике образы социальные, фаунистические, соматические, предметные, природные, фитонимические; в белорусских пословицах — социальные, фаунистические, предметные, природные, соматические, фитонимические образы.

Состав пословичных образов каждой группы специфичен для разных языков, однако различия проявляются более всего в количественном плане. Общность качественного характера имеет место для сравнительно небольшого числа пословичных образов универсальной природы. Распределение образов в пословицах двух языков репрезентирует специфику категоризацию действительности в этнической картине мира тувинского и белорусского народов.

Ближайшей перспективой дальнейшего сопоставительного изучения образной семантики тувинских и белорусских пословиц видится, во-первых, более подробный анализ межъязыковых сходств и различий пословичных образов внутри отдельных тематических групп в тувинском и белорусском языках, во-вторых, сравнение парных пословичных образов в плане их комбинаторного потенциала в двух языках, и в-третьих, количественный анализ пословичной образности в тувинском и белорусском языках на широком языковом фоне, что позволит объективно установить типологическую близость / отдаленность образной семантики пословиц как данной пары языков, так и каждого из данных языков по отношению к другим языкам мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байжанова, Н. Р. (2004) Метафорические образы, характеризующие человека, в алтайских пословицах (в сопоставлении с тувинскими) // Языки коренных народов Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва, Н. Н. Широкова, А. Р. Тазранова. Новосибирск: Изд-во НГУ. 236 с. С. 60–72.

Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремнологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бытогова, Р. С. (2020) Человек и его характеристика в русских и тувинских пословицах и поговорках как отражение национально-ценностных ориентиров в языковой картине мира // Вестник Тувинского государственного университета. Серия 1: Социальные и гуманитарные науки. № 3 (64). С. 22–33.

Варламова, И. Ю., Будильцева, М. Б., Пугачев, И. А., Куулар, Е. М. (2023) Образ женщины в языковой картине мира тувинцев и русских (на материале фразеологии в паремиях) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 44–60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.3>

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2023) Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом *сөс* на иноязычном фоне // Новые исследования Тувы. № 3. С. 21–35. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Иванищева, О. Н., Мэнцзе, Лян (2021) Мир животных сквозь призму народной мудрости: сопоставительный анализ русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок о коне/лошади/олене // Человек. Культура. Образование. № 3(41). С. 106–123.

Иванов, Е. Е. (2019a) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 11 (4). С. 659–706. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е. (2022a) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2022b) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1389. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022c) Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Иванов, Е. Е. (2022d) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Иванов, Е. Е. (2023) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорах: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Иваноў, Я. Я. (2000) Семантыка беларускіх афарызмаў // Весці Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта. № 2. С. 94–99. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я. (2017) Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 208 с. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2021) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 4. С. 44–52. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2022) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 1. С. 75–79. (На белорус. яз.)

Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Лепешаў, І. Я. (2006) Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы. 279 с. (На белорус. яз.)

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Лопсан, А. П. (2022) Гендерные стереотипы в пословицах и поговорах тувинского языка // Вестник Тувинского государственного университета. Серия 1: Социальные и гуманитарные науки. № 4 (100). С. 44–53.

Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Тема родства в русских и тувинских паремиях как отражение традиционных семейных ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. № 3 (74). С. 136–153.

Монгуш, Ш. В. (2023) Роль паремий в репрезентации концепта охота в тувинской лингвокультуре // Когнитивные исследования языка. № 3–1 (54). С. 758–762.

Нелюбова, Н. Ю. (2022a) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Нелюбова, Н. Ю. (2022b) Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах // Вестник Челябинского государственного университета. № 9 (467). С. 169–177.

Нелюбова, Н. Ю. (2023) Метафорическое представление гастрономического культурного кода во французских, русских и тувинских паремиях: аксиологический аспект // Когнитивные исследования языка. № 2 (53). С. 458–465.

Николаева, Е. К., Селиверстова, Е. И., Ломакина, О. В., Сувандии, Н. Д. (2023) Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022a) Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. Т. 12. № 3. С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Петрушевская, Ю. А. (2022b) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Петрушевская, Ю. А. (2024) Чувашские параллели белорусских пословиц (аналогичные единицы и тождественные пословичные модели) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 230–246. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.15>

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 220 с. (На белорус. яз.).

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Сувандии, Н. Д. (2023) Чеп 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Янкоўскі, М. А. (1971) Паэтыка беларускіх прыказак. Мінск : Вышэйшая школа. 159 с. (На белорус. яз.)

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 01.02.2024 г.

Дата принятия: 09.03.2024 г.

REFERENCES

Baizhanova, N. R. (2004) Metaphorical images characterizing a person in Altai proverbs (in comparison with Tuvan ones). In: *Languages of the indigenous peoples of Siberia*. Ed. by N. B. Koshkareva, N. N. Shirobokova and A. R. Tazranova. Novosibirsk, NGU Publ. 236 p. Pp. 60–72. (In Russ.).

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) The formation of the image of a woman in Tuvan and German proverbs. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bytotova, R. S. (2020) Man and his characteristics in Russian and Tuvan proverbs and sayings as a reflection of national value orientations in the linguistic picture of the world. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 3 (64), pp. 22–33. (In Russ.).

Varlamova, I. Yu., Budil'tseva, M. B., Pugachev, I. A. and Kuular, E. M. (2023) The image of a woman in the linguistic picture of the world of Tuvans and Russians (based on the material of phraseology in paroemias). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 44–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.3>

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2023) Tuvan paroemias of comparative semantics with the component cec as compared to foreign language material. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Ivanishcheva, O. N. and Mentsze, Lian (2021) The World of Animals through the Prism of Folk Wisdom: a Comparative Analysis of Russian, Chinese, Tuvan and Sami Proverbs and Sayings about a Horse/Deer. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, no. 3(41), pp. 106–123. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2019a) Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 11 (4), pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E. (2022a) Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022b) Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1389. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022c) Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Ivanov, E. E. (2022d) Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E. (2023) Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Neliubova, N. Yu. (2021) Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–233. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaja, Yu. A. (2021) The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E. (2000) Semantics of Belarusian aphorisms. *Vestsi Gomel'skaga dziazhaunaga universiteta*, no. 2, pp. 94–99. (In Belarussian).

Ivanov, E. E. (2017) *Aphoristic units in the Belarussian language*. Magileu, MDU imia A. A. Kuliashova. 208 s. (In Belarussian).

Ivanov, E. E. and Petrushevskaja, Yu. A. (2021) The main components of a proverb as a linguistic unit: a proverbial structural and semantic model. *Vestsi BDPU. Seryia 1: Pedagogika. Psikhologiya. Filalogiya*, no. 4, pp. 44–52. (In Belarussian).

Ivanov, E. E. and Petrushevskaja, Yu. A. (2022) The main components of a proverb as a linguistic unit are: lexical composition, grammatical organization, formal and structural-semantic variants. *Vestsi BDPU. Seryia 1: Pedagogika. Psikhologiya. Filalogiya*, no. 1, pp. 75–79. (In Belarussian).

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) The concept of torel ('relative') in the Tuvan linguistic world picture. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).

Lepeshau, I. Ia. (2006) *Paremiology as a separate branch of linguistics*. Grodna, GrDU imia Ianki Kupaly. 279 p. (In Belarussian).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Lopsan, A. P. (2022) Gender stereotypes in proverbs and sayings of the Tuvan language. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 4 (100), pp. 44–53. (In Russ.).

Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) The theme of kinship in Russian and Tuvan parodies as a reflection of traditional family values. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 3 (74), pp. 136–153. (In Russ.).

Mongush, Sh. V. (2023) The role of proverbs in the representation of the concept hunting in Tuva linguacultural. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 3–1 (54), pp. 758–762. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2022a) Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Neliubova, N. Yu. (2022b) The axiological function of animalistic images in French and Tuvan proverbs. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (467), pp. 169–177. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2023) Metaphorical representation of the gastronomic cultural code in French, Russian and Tuvan parodies: axiological aspect. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (53), pp. 458–465. (In Russ.).

Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii, N. D. (2023) The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Paremiology without Borders (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN University Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiology in Discourse (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiology at the crossroads of Languages and Cultures (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN University Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2022a) Belarussian parallels of Vepsian proverbs: in search of typologically common and ethno-specific. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 497–505. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaya, Yu. A. (2022b) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Petrushevskaya, Iu. A. (2023) Tuvan and Belarussian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Petrushevskaya, Yu. A. (2024) Chuvash parallels of Belarussian proverbs (analogous units and identical proverbial models). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 230–246. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.15>

Petrushevskaya, Yu. A. (2021) *Linguistic specificity and national peculiarity of the proverbs of the Belarussian language*. Magileu, MDU imia A. A. Kuliashova. 220 p. (In Belarussian).

Seliverstova, E. I. (2022) Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Suvandii, N. D. (2023) *Cher 'earth' in Tuvan paroemias*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Iankouski, M. A. (1971) *The poetics of Belarussian proverbs*. Minsk, Vysheishaia shkola. 159 p. (In Belarussian).

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 01.02.2024.

Acceptance date: 09.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.3

Статья

Тувинские паремии с компонентом-религионимом (на фоне других языков)

Елена И. Зиновьева

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация,

Алексей С. Алёшин

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича,

Российская Федерация,

Алан С. Цховребов

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматриваются тувинские паремии с компонентами-религионимами на фоне бурятского, осетинского, русского и шведского языков. Подобные пословицы и поговорки присутствуют в различных языках. Как количество паремийных единиц с подобными компонентами, так и состав самих компонентов-религионимов различается в каждом языке в зависимости от культурно-религиозных особенностей народа-носителя соответствующего языка, а также от наличия и объема паремиографических источников.

Тенгрианско-шаманистско-буддийский религиозный синкретизм тувинцев обусловил состав религионимов, используемых в составе паремий: наряду с лексемами “бурган”, “Богда” и “лама” в тувинских паремиях функционируют “хам” и “аза”. Однако в исследуемом паремиологическом фонде количественно преобладают единицы, восходящие к буддизму. С точки зрения структурных моделей в исследуемых тувинских паремиях доминирует синтаксический параллелизм.

Сходства в паремиях тувинского и других анализируемых языков наблюдаются в использовании в их составе таких религионимов, как наименования священнослужителей и мифологем. И лама, и шаман оцениваются в выражениях тувинской народной мудрости негативно. Та же ситуация наблюдается и при оценке священника в осетинских и шведских паремиях, попа — в русских.

Отличия проявляются в общем количестве паремий с компонентом-религионимом в каждом языке, количестве и составе самих используемых компонентов-религионимов, в преобладании определенных типов синтаксических моделей паремий, выражаемых частных установках культуры и сопоставлениях (бог — черт в тувинских и русских паремиях, шаман — силач — в бурятских, священник (поп) — черт — в русских и шведских, священник — мулла — в осетинских и др.). В тувинских паремиях в большей степени отразились буддистские верования, тогда как в бурятских наблюдается превалирование лексики, связанной с шаманизмом.

Ключевые слова: паремия; религионим; тувинский язык; бурятский язык; осетинский язык; русский язык; шведский язык

Для цитирования:

Зиновьева Е. И., Алёшин А. С., Цховребов А. С. Тувинские паремии с компонентом-религионимом (на фоне других языков) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 40-60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.3>

Зиновьева Елена Иннокентьевна — доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. Эл. адрес: e.i.zinovieva@spbu.ru

Алёшин Алексей Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков факультета социальных цифровых технологий Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. Адрес: 193232, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Большевиков, д. 22, к. 1. Эл. адрес: alexis001@mail.ru

Цховребов Алан Солтанович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. Эл. адрес: alanec1985@mail.ru

Tuvan paroemias with a component-religion (against the background of other languages)

Elena I. Zinovieva

Saint Petersburg State University, Russian Federation,

Alexey S. Alyoshin

Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Russian Federation,

Alan S. Tskhovrebov

Saint Petersburg State University, Russian Federation

The article examines Tuvan paroemias with religious names against the background of other languages, such as Buryat, Ossetian, Russian, Swedish. Similar paroemias are found in various languages, but the number and composition of proverbial units with religious names differ depending on the cultural and religious background of the speakers, as well as the availability of paremiography sources. The religious syncretism of Tengrian-Shamanism and Buddhism in Tuva has influenced the composition of religious names in proverbs. In addition to the lexemes “Burgan”, “Bogda” and “Lama”, “Ham” and “Aza” also function in Tuvan proverbs. However, Buddhism dominates the paremiological corpus under study in terms of quantity. From a structural point of view, syntactic parallelism prevails in the studied Tuvan proverbs.

Similarities between the paroemias in Tuvan and other languages analyzed are observed in the use of religious names, such as the names of priests and mythological figures, in their composition. Both lamas and shamans are evaluated negatively in Tuvan folklore. The same situation can be observed when evaluating priests in Ossetian and Swedish parables, and in Russian. Differences are manifested in the total number of paroemias with a religious component in each language, as well as in the number and composition of religious names themselves. They also differ in the predominance of certain syntactic patterns of paroemia, expressed in cultural attitudes and comparisons. For example, in Tuvan and Russian, the god – devil dichotomy is common, while in Buryat parables, the shaman-strongman distinction is more prevalent. In Ossetian parables, there is a prevalence of the priest-devil relationship, and in Swedish, the priest-mullah contrast. Buddhist beliefs are better reflected in Tuvan parables, while shamanistic beliefs predominate in Buryat.

Keywords: *paroemia; religious name; Tuvan language; Buryat language; Ossetian language; Russian language; Swedish language*

For citation:

Zinovieva E. I., Alyoshin A. S. and Tskhovrebov A. S. Tuvan paroemias with a component-religion (against the background of other languages). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 40-60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.3>

ZINOVIEVA, Elena Innokentievna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. Postal address: 11, Universitetskaya naberezhnaya, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6253-9739

ALYOSHIN, Alexey Sergeevich, Candidate of Philology, Associative Professor; Head, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Digital Sciences, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications. Postal address: 22 Bolshevnikov Av., 193232 St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: alexis001@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6058-8844

TSKHOVREBOV, Alan Soltanovich, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. Postal address: 11, Universitetskaya naberezhnaya, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: alanec1985@mail.ru

Введение

В настоящее время в научной литературе используются разные термины, определяющие лексику, относящуюся к сфере религии, различных конфессий, церкви. Термин «религионим» представляется нам наиболее универсальным, поэтому вслед за Ю. Н. Михайловой мы будем использовать его в значении «слово или составное наименование (устойчивое сочетание) религиозной сферы употребления, являющееся обозначением конфессионального понятия»¹.

Анализу религионимов как тематическому разряду лексики посвящались на материале русского языка работы И. В. Бугаевой², Г. Н. Складневской (Складневская, 2012), Р. И. Горюшиной³ и др. Применительно к европейским языкам изучение религиозной лексики отражено большей частью в публикациях лексикографического характера⁴. Что же касается фразеологических и паремических единиц, то исследований религионимов в их составе намного меньше. Можно назвать единичные работы последних лет, например, диссертационное исследование А. В. Деньгиной «Фразеологические единицы с компонентом-религионимом в английском и французском языках»⁵; концептуальной дихотомии «"Бог" — "дьявол"» во фразеологии и паремиологии русинского языка на фоне других славянских языков посвящена статья О. В. Ломакиной и В. М. Мокиенко (Ломакина, Мокиенко, 2019); исследование фразеологических единиц с компонентом, обозначающим злой дух, в английском, турецком и русском языках представлено в диссертации А. Г. Нуруллиной⁶.

Между тем паремии с компонентом-религионимом отличаются большим лингвокультурологическим потенциалом в каждом языке, несут информацию о специфических реалиях культуры, связанных с конфессиональными особенностями, об отношении народа-носителя языка к мифологемам, священнослужителям и т. п.

Пословицы тувинского языка уже неоднократно являлись объектом рассмотрения в лингвокультурологическом аспекте. Так, они привлекали внимание исследователей в связи с отражением гендерных стереотипов (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020); бинарных структур (Селиверстова 2022), символикой числового кода (Бредис и др., 2022); универсальностью и этноспецифичностью структурных моделей (Петрушевская, 2023), в аспекте лингвокультурологии (Бредис, Иванов, 2022b; Иванов, 2023) и др. Однако в аспекте отражения отдельных фрагментов языковой картины мира тувинские паремии исследованы в меньшей степени (см, например: Зиновьева, Алёшин, 2023; и др.). Паремии тувинского языка с компонентом-религионимом на иноязычном фоне до настоящего времени не являлись объектом исследования.

Целью статьи является системно-структурное и лингвокультурологическое исследование тувинских паремий с компонентом-религионимом на фоне бурятского, осетинского, русского и шведского языков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: отобрать паремии с интересующим нас компонентом из рассматриваемых лексикографических источников каждого из языков; выявить структурно-синтаксические модели исследуемых паремий в каждом из рассматриваемых языков; выделить установки культуры, выраженные в анализируемых единицах; проанализировать аксиологическую оценку, выражаемую паремиями.

Методика исследования в связи с поставленными задачами включает несколько последовательных этапов:

¹ Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба: По данным толковых словарей русского языка: автореферат дис. ... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2004. С. 4.

² Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010.

³ Горюшина Р. И. Лексика христианства в русском языке: Системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов: дисс. ... канд. фил. наук. Волгоград, 2002.

⁴ Азаров А. А. Русско-английский словарь религиозной лексики. М.: РУССО, 2002; Портянников В. А. Немецко-русский и русско-немецкий словарь христианской лексики. Нижний Новгород: Издание Братства во имя св. князя Александра Невского, 2001.

⁵ Деньгина А. В. Фразеологические единицы с компонентом-религионимом в английском и французском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2019.

⁶ Нуруллина А. Г. Фразеологические единицы с компонентом, обозначающим злой дух, в английском, турецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2017.

- 1) отбор паремий с компонентом-религионимом из лексикографических источников в пяти языках;
- 2) выявление структурных моделей анализируемых пословиц;
- 3) определение выражаемых в пословицах культурных установок, ценностных предпочтений и оценок относительно каждого религионима;
- 4) анализ образной составляющей пословичных единиц.

В статье используются методы описательного, структурного, лингвокультурологического, аксиологического и компаративного анализа, приемы количественных подсчетов и стилистической характеристики.

Источниками исследования послужили: сборники «Пословицы и поговорки тувинского народа»¹, «Большой словарь русских пословиц»², словари шведских паремий П. Хольма³ и Ф. Стрёма⁴, сборник бурятских пословиц и поговорок Б. Ц. Бальбуровой⁵, сборники осетинских паремий⁶.

Паремии тувинского языка с компонентом-религионимом

Ч. К. Ламажаа Тува рассматривает как лимитрофную зону — территорию, которая находится между цивилизациями, испытывает их влияние, но не входит полностью ни в одно цивилизационное поле. С одной стороны, Тува много веков развивалась как часть территории Внутренней Азии кочевников, шаманистов, буддистов. С другой стороны, она уже два века также является и частью российской цивилизации (Ламажаа, 2021: 178). Что касается тувинского языка и религии тувинцев, то ученая справедливо отмечает «водораздел» между тувинцами-тюрьками и другими тюрьками. Этот «водораздел» — буддизм, мировая религия, которая укрепилась в Туве во второй половине XVIII в. Тувинцы-буддисты не вписываются в тюркский «идеал», в котором тюрки должны быть приверженцами ислама (там же: 184).

Отличительной особенностью Тувы в исторической ретроспективе стало распространение буддизма без подавления шаманизма (Гарри, 2020: 13).

Как отмечают исследователи, большинство современных тувинцев являются буддистами скорее по традиции, полагая достаточным соблюдать религиозные обряды (Дашковский и др., 2021: 26), не вникая особенно в суть учения (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020: 145–146). Более того, по мнению Ч. К. Ламажаа, в республике в настоящее время «происходит очевидный процесс укрепления добуддийских воззрений, который в том числе выражается в широкой распространенности семейных, родовых, территориальных обрядов освящения местностей, объектов природы — *дагылга*. Эти обряды призваны укрепить связь современных тувинцев, по их убеждениям, с духами родовых мест, духами их предков, в коммуникации с которыми им помогают обычно шаманы, но нередко обряды проводят и ламы, и старейшины *аймаков* (родственных объединений)» (Ламажаа, 2021: 186).

Можно говорить о существовании у тувинцев в области религии тэнгрианско-шаманистско-буддийского синкретизма, схему формирования которого представила в своей работе О. М. Хомушку (Хомушку, 2010).

Таким образом, в качестве тувинских религионимов мы рассматриваем термины тувинского языка, связанные и с шаманизмом, и с буддизмом. Рассмотрим отражение религиозных представлений тувинцев в паремиях с компонентом-религионимом.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. В связи с тем, что как писали М. А. Бредис и др., данный сборник содержит множество неточных переводов тувинских пословиц на русский язык (Бредис и др., 2021: 145), в ряде случаев переводы уточнены.

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОлмаМедиаГрупп, 2010.

³ Holm P. 3530 ordspråk och talesätt: "ett ord i rättan tid". Stockholm : Bonnier fakta, 1984.

⁴ Ström F. Svenska ordstäv. Stockholm : Tidens Förlag, 1929.

⁵ Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Ц. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020.

⁶ Ирон диссагтæ æмæ æмбисæндтæ. / Сарæзтой йæ Айларты И., Гæджынагы Р., Кцойты Р. Дзæуджыхъæу: Ир, 2006; Ирон адæмы сфæлдыстад / Сарæзта йæ Калоты Х. Орджоникидзе, 1975; Быдтаты А., Бтемыраты Б. Ирон хъæлдзæг ныхæстæ æмæ фыдæлты æмбисæндтæ. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 1998.

Приемом сплошной выборки материала из сборника Б. К. Будупа «Пословицы и поговорки тувинского народа»¹ было отобрано 16 пословичных единиц с компонентом-религионимом. Согласно принятой в данном исследовании методике, рассмотрим сначала структурные модели данных пословиц.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие паремийные модели:

1. Предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма с семантическими отношениями уподобления, выраженными бессоюзным предложением (10 единиц):

Азага кыскаш-даа эвес, Бурганга чула-даа эвес 'Ни бургану лампада, ни чёрту щипцы' (ППТН: 14);

Бодуңну богдага бодава, Эжиңни эникке деңневе 'Не мни себя святым Богда, не считай товарища щенком' (ППТН: 21);

Булуттан кортпа, Бурганга тейлеве 'Грозы не бойся, богу не молись' (ППТН: 22);

Дөңгүр лама төлге каржы, Төрээн өшкү ытка каржы (ППТН: 26) 'Лысый лама не любит детей, окотившаяся коза не терпит собак'²;

Маадырны чон тывар, Маанайны лама номчуур 'Героя находит народ, молебен читает лама' (ППТН: 39);

Хуурактар көвүдээрге — ядараарының демдээ, Кулун-чаваа көвүдээрге — байырының демдээ 'Много хуураков расплодилось — к бедности, жеребят много расплодилось — к богатству' (ППТН: 60);

Чаараанда, саяктаар, Чадараанда, хамнаар 'От боли иноходью идёт, от бедности шаманом станет' (ППТН: 62);

Чут болурга, ыт семирир, Аарыг болурга, лама байыыр 'От джута (падежа скота, вызванного бескормницей) собака жиреет, от болезней лама богатеет' (ППТН: 69);

Аксында — бурган, Артында — хырын 'Во рту — бог, в уме — выгода' (ППТН: 84);

Курт-чажар балыг эндевес, Хуурмак лама аарыг эндевес (ППТН: 110) 'Чёрная муха рану находит, лживый лама болезнь находит'³.

2. Простые предложения (4 единицы), включающие в свой состав прилагательные и наречия в сравнительной и превосходной степени:

Азаның бичези кончуг 'Маленький чёрт самый шустрый' (ППТН: 14);

Кашпык-үүрге чүктээн бадарчыдан Хатка чуулган каңмыыл дээрэ 'От перекасти-поля больше толку, чем от бродячего ламы' (ППТН: 31);

Танывазы бургандан Танывазы аза дээрэ 'Лучше незнакомый чёрт, чем неизвестный бог' (ППТН: 51);

Азарганчыг аза сартымы 'Мал как чёртов гостинец' (ППТН: 83). Последняя паремия по сути представляет собой устойчивое сравнение.

3. Единичными примерами представлены следующие структурно-семантические модели:

— Сложное предложение с придаточным изъяснительным с соотносительным словом: *Эртемге чоок кижы Бургандан ырак* 'Кто близок к науке, тот далёк от бога' (ППТН: 77);

— Простое двусоставное предложение с отрицанием: *Бурган чокта, орук ажык* 'Без бога открыта дорога' (ППТН: 22).

Таким образом, структурно-синтаксически в рассматриваемом корпусе тувинских паремий преобладают единицы компаративной структуры и семантики.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых тувинскими паремиями **культурных установок и ценностных предпочтений относительно каждого религионима.**

Под установками культуры, вслед за В. Н. Телия, понимаются ментальные прескрипции (предписания), оценивающие социальные и духовные практики человека (Телия, 2004).

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное изд-во имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт "Радуга Тувы"», 2020. Здесь и далее указаны страницы из сборника в формате (ППТН: страница).

² Перевод на русский язык А. М. Соян.

³ Перевод на русский язык А. М. Соян.

Компонентами-названиями божества в рассматриваемом собрании паремий тувинского языка являются *Бурган* и *Богда*.

Слово *бурган* в этимологическом словаре Б. И. Татаринцева толкуется следующим образом: «Бурган — ‘бог, божество; бурхан, идол, икона’¹, в тувинско-русском словаре «бурган — ‘бог, божество’². *Богда* в тувинско-русском словаре переводится как «Будда, бог, святой»³.

Тувинские пословицы с этим компонентом выражают разные культурные установки. Они призывают не считать себя выше других: *Бодуңну богдага бодава, Эжиңни эникке деңневе* ‘Не мни себя святым Богда, не считай товарища щенком’ (ППТН: 21); говорят о том, что вера не предполагает анализа или доказательств, человек должен просто верить: *Эртемге чоок кижги Бургандан ырак* ‘Кто близок к науке, тот далёк от бога’ (ППТН: 77). О лицемерном человеке говорится: *Аксында — бурган, Артында — хырын* ‘Во рту — бог, в уме — выгода’ (ППТН: 84).

Пословицы с данным компонентом амбивалентны. Так, выражается идея, что Бог, которого не знаешь, может оказаться хуже чёрта: *Танывазы бургандан Танывазы аза дээрэ* ‘Лучше незнакомый чёрт, чем неизвестный бог’ (ППТН: 51). О человеке, которому трудно дать однозначную характеристику, тувинская пословица говорит: *Азага кыскаш-даа эвес, Бурганга чула-даа эвес* ‘Ни бургану лампада, ни чёрту щипцы’ (ППТН: 14). Ср. в русском языке: *Ни Богу свечка, ни черту кочерга*. Об этимологии и характеристике перевода данной пословицы на русский язык см. в статье М. А. Бредиса и Е. Е. Иванова (Бредис, Иванов, 2022b: 28).

Можно предположить, что в советское время, когда активно пропагандировался атеизм, возникли паремии *Бурган чокта, орук ажык* ‘Без бога открыта дорога’ (ППТН: 22) и *Булуттан кортпа, Бурганга тейлеве* ‘Грозы не бойся, богу не молись’ (ППТН: 22).

Неприглядными предстают в тувинских паремиях священнослужители *лама* и ученики *ламы хуураки*. А. М. Хомушку объясняет данный факт следующим образом:

«В традиционном тувинском обществе особая роль отводилась шаманам и ламам как носителям сверхъестественных и сокровенных знаний. Однако, близость к правителям стала причиной того, что не всегда фигуру шамана и ламы оценивали однозначно. В литературе советского времени было распространено негативное мнение об их социальной роли» (Хомушку, 2011: 397).

Характеристики *ламы* в паремиях отрицательны:

лама не любит детей — *Дөңгүр лама төлге каржы, Төрээн өшкү ытка каржы* ‘Лысый лама не любит детей, окотившаяся коза не терпит собак’ (ППТН: 26);

героями являются простые люди, а лама только читает молебен — *Маадырны чон тывар, Маанайны лама номчуур* ‘Героя находит народ, молебен читает лама’ (ППТН: 39);

лама становится богаче, если болеет большее количество людей, наживается на человеческих болезнях — *Чут болурга, ыт семириир, Аарыг болурга, лама байыыр* ‘От джута (массового падежа скота вследствие бескормицы) собака жиреет, от болезней лама богатеет’ (ППТН: 69);

лама лжив, находит болезнь там, где ее не существует — *Курт-чажар балыг эндевес, Хуурмак лама аарыг эндевес* ‘Чёрная муха рану находит, лживый лама болезнь находит’ (ППТН: 110);

от *ламы* нет никакой пользы — *Кашпык-үүрге чүктээн бадарчыдан Хатка чуулган каңмыл дээрэ* ‘От перекасти-поля больше толку, чем от бродячего *ламы*’ (ППТН: 31).

Таким образом, паремийный портрет *ламы* таков: лысый (бритоголовый) человек, переходящий с места на место, читающий молебен, никчемный, наживающийся на чужих бедах и болезнях, лживый, не способный на подвиги.

Если количество учеников *ламы* — *хуураков* увеличивается, это ведет к поборам, следовательно, к бедности: *Хуурактар көвүдээрге — ядараарының демдээ, Кулун-чаваа көвүдээрге — байырының демдээ* ‘Много *хуураков* расплодилось — к бедности, жеребят много расплодилось — к богатству’ (ППТН: 60).

Хам (шаман) как компонент пословицы только один раз встретился в исследуемых тувинских паремиях. Шаманом, по мнению народной мудрости, становятся вынужденно: *Чараанда, саяктаар, Чадараанда, хамнаар* ‘От боли иноходью идёт, от бедности шаманом станет’ (ППТН: 62).

¹ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка: в 4-х т. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. С. 295.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 122.

³ Там же. С. 106.

Из демонимов в рассматриваемых тувинских паремиях фигурирует *аза*:

Азага кыскаш-даа эвес, Бурганга чула-даа эвес ‘Ни бургану лампада, ни чёрту щипцы’ (ППТН: 14);

Азаның бичези кончуг ‘Маленький чёрт самый шустрый’ (ППТН: 14); *Танывазы бургандан Танывазы аза дээрэ* ‘Лучше незнакомый чёрт, чем неизвестный бог’ (ППТН, с. 51);

Азарганчыг аза сартыы ‘Мал как чёртов гостинец’ (ППТН: 83).

А.-Х. О. Базырчап и А. А. Конгу отмечают, что невидимая сила, которая негативно влияет на людей и на животных, носит у тувинцев собирательное название *аза*. В «пантеоне» духов *аза* относился к особому народу, созданному Эрлик-ханом во времена сотворения земли. Поэтому *аза* обитает и в подземном, Нижнем, мире, и в Среднем мире (Базырчап, Конгу, 2020: 136–137).

Паремии отмечают типичный инструмент *аза* — *кыскаш* ‘щипцы’. Указываются такие характеристики *аза*, как подвижность, «шустрость», скупость — чертов гостинец настолько мал, что становится эталоном сравнения. Незнакомый черт и неизвестный бог противопоставляются в паремии в пользу незнакомого черта.

III. Образная составляющая рассматриваемых тувинских паремий проявляется как на уровне структурно-синтаксическом, так и на лексическом.

На структурно-синтаксическом уровне выделяется компаративность тувинских паремий. Это и образный параллелизм, и наличие морфологически выраженных сравнений с помощью степеней сравнения прилагательных и наречий. Паремия уподобляет образ заносчивого человека, мнящего себя святым *Богда*, человеку, считающему своего товарища щенком. Если атрибут бургана — лампада, то черта — щипцы. Лама предстает лысым, и он не любит детей, как окотившаяся коза не любит собак. Хуураки уподобляются жеребятam, жиреющая от джута собака — богатеющему ламе, черная муха — лживому ламе, перекасти-поле — бродячему ламе. Шаман имплицитно уподобляется больному коню: *Чаараанда, саяктаар, Чадараанда, хамнаар* ‘От боли иноходью идёт, от бедности шаманом станет’ (ППТН: 62). Прием контраста, противопоставления также создает образность: *Хуурактар көвүдээрге ядараарының демдээ, Кулун-чаваа көвүдээрге — байыырының демдээ* ‘Много хуураков расплодилось — к бедности, жеребят много расплодилось — к богатству’ (ППТН: 60). Увеличение учеников ламы — к бедности, жеребят — к богатству.

Как и в других тувинских паремиях, параллели между хорошо знакомыми миром животных (собака, щенок, коза, черная муха, конь, жеребята) и растений (перекасти-поле) и миром людей-священнослужителей (*лама, хуурак, хам*) позволяют более точно и образно охарактеризовать людей. Ярче всего в рассматриваемых тувинских пословицах возникает стереотипное отрицательно оценочное образное представление о ламе.

Перейдем к рассмотрению паремий языков, служащих в данном исследовании фоном для сопоставления с тувинскими единицами.

Паремии бурятского языка с компонентом-религионимом

Традиционной религией бурят является шаманизм. Но в Бурятии распространен также и буддизм. Пронаблюдаем, какое отражение нашли религиозные взгляды бурятского народа в исследуемых нами паремиях с компонентом-религионимом. Приемом сплошной выборки материала из словаря пословиц бурятского языка было отобрано 18 единиц.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие модели бурятских паремий:

1. Предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма с семантическими отношениями уподобления, выраженными бессоюзным предложением (4 единицы):

Абада жороо мори абахагуй, аянда бөөе хүүр дуулахагуй ‘На облавную охоту не брать коня иноходца, перед дорогой не слушать шамана’;

Бүтшэм газар батаганаатай, бөөтэй хүн боохолдойтой ‘Душное место — с мухами, местность с шаманами — с чертями’;

Буруу дуудаха бөөшүүлэй зэмэ, буруу бариха — баряашанай зэмэ, зүб байсарнь буриха — бурхашуулай зэмэ ‘Ложное призывание — вина шаманов, неправильное лечение — вина костоправа, при правильном обряде не отзываться — вина богов’;

Наратай байгаад бороо ородог, ламатай байгаад, хүн үхэдэг ‘Дождь идет и при солнышке, люди умирают и при ламе’.

2. Бессоюзные конструкции с сопоставительно-противительными отношениями. Каждая из двух частей подобных предложений представляет собой простое предложение, состоящее из предикативной основы (8 единиц):

Бөө — бардам, бүхэ — мундаг ‘Шаман гордый, силач крепкий’;

Бөө хүн ёһо дээрэ, ноён хүн хуули дээрэ ‘Шаман — на традициях, ноён — на законах’;

Бөө хүн үһөөрхүү, бүхэ хүн һайрхуу ‘Шаманы — мстительны, силачи — хвастливы’;

Бөөгэй һамган эдеэрхүү, бүхын һамган хүшэрхүү ‘Жена шамана хваткая, жена силача мощная’;

Бөөгэй һамган хабархуу, дарханай һамган эдирхүү ‘Жена шамана сильная, жена кузнеца дерзкая’;

Бөө хүн үһөөрхүү, бүхэ хүн хүшэрхүү ‘Шаманы — мстительны, силачи — здоровенны’;

Ламын һамган лабаархуу, боогэй һамган бүдүүрхүү ‘Жена ламы щепетильная, жена шамана надменная’;

Аман дээрээ абарга баатар, үнэндээ үһэн шүдхэр. ‘На словах — смелый богатырь, на самом деле — трусливый черт’.

3. Предложения с логической рядоположенностью компонентов (2 единицы):

Гүрбан дулии ‘Три глухих’, *Номгүй лама дүлии, нүгаһагүи нүүр дүлии, нохойгүй айл дүлии.* ‘Без книги лама глухой, без утки озеро глухое, без собаки дом глухой’;

Дүрбэн хара ‘Четыре черных’, *Һүгүй сай хара, хирээ хара, дасангүй лама хара, дошхоной сэдьхэл хара.* ‘Чай без молока — черный, ворон — черный, лама без дацана — черный, у грозного — помыслы черны’.

4. Бессоюзное предложение с условно-временным значением (1 единица): *Бөө хүн үхэмгэй, ашань бөө боломгой.* ‘Шаман умирает, дар передается внуку’.

5. Предложения сравнительной структуры (2 единицы):

Бөө шэнгээр бөөлэхэ, лама шэнгээр лабжаганаха ‘Камлать, как шаман, начитывать, как лама’;

Лужаганнуур луу, лабжагануур лама ‘Громоподобный дракон, громогласный лама’.

6. Простое односоставное предложение (1 единица): *Айранда ада шүдхэр олон* ‘У трусливого кругом черти да нечисти’.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых бурятскими паремиями культурных установок и ценностных предпочтений относительно каждого религионима.

Количественно в рассматриваемом корпусе бурятских паремий преобладают единицы с компонентом «шаман». Паремии с этим компонентом призывают не доверять шаману: *Абада жороо мори абахагүи, аянда бөөе хүүр дуулахагүи* ‘На облавную охоту не брать коня иноходца, перед дорогой не слушать шамана’. Отрицательная оценка служителя религиозного культа проявляется в утверждении, что рядом с шаманами находятся черти: *Бүтшэм газар батаганаатай, бөөтэй хүн боохолдойтой* ‘Душное место — с мухами, местность с шаманами — с чертями’. Ироничная народная философия гласит, что если шаман неправильно призывает духов — это его вина, как и вина костоправа, который неправильно лечит. Но тогда и тот факт, что при правильно проведенном обряде боги не отзываются — вина богов: *Буруу дуудаха бөөшүүлэй зэмэ, буруу бариха — баряшанай зэмэ, зүб байсарнь буриха — бурхашуулай зэмэ* ‘Ложное призывание — вина шаманов, неправильное лечение — вина костоправа, при правильном обряде не отзываться — вина богов’. В паремии отражается вера в то, что дар шамана передается по наследству: *Бөө хүн үхэмгэй, ашань бөө боломгой* ‘Шаман умирает, дар передается внуку’.

Интересно, что народная бурятская мудрость прямо наделяет шаманов определенными качествами и чертами поведения — гордостью, следованием традициям, мстительностью:

Бөө — бардам, бүхэ — мундаг ‘Шаман гордый, силач крепкий’;

Бөө хүн ёһо дээрэ, ноён хүн хуули дээрэ ‘Шаман — на традициях, ноён — на законах’;

Бөө хүн үһөөрхүү, бүхэ хүн һайрхуу ‘Шаманы — мстительны, силачи — хвастливы’;

Бөө хүн үһөөрхүү, бүхэ хүн хүшэрхүү ‘Шаманы — мстительны, силачи — здоровенны’.

При этом шаман противопоставляется силачу и чиновнику (ноёну, нойону).

Любопытно, что в бурятских паремиях фигурирует и жена шамана, которая, в свою очередь, также наделяется определенными личностными характеристиками — она хваткая, сильная, надменная:

Бөөгэй хамган эдеэрхүү, бүхын хамган хүшэрхүү ‘Жена шамана хваткая, жена силача мощная’;

Бөөгэй хамган хабархуу, дарханай хамган эдирхүү ‘Жена шамана сильная, жена кузнеца дерзкая’;

Ламын хамган лабархуу, боогэй хамган бүдүүрхүү ‘Жена ламы щепетильная, жена шамана надменная’;

Аман дээрээ абарга баатар, үнэндээ үэһэн шүдхэр ‘На словах — смелый богатырь, на самом деле — трусливый черт’.

При этом жена шамана противопоставляется жене силача, кузнеца и ламы.

Шаман и лама сопоставляются по способу отправления религиозного обряда: *Бөө шэнгээр бөөлэхэ, лама шэнгээр лабжаганаха* ‘Камлать, как шаман, начитывать, как лама’.

Ламу бурятские паремии характеризуют следующим образом:

он громогласный (когда читает молебен) — *Лужаганнуур луу, лабжагануур лама* ‘Громоподобный дракон, громогласный лама’;

его атрибутами являются книга и дацан — *Гүрбан дули* ‘Три глухих’, *Номгүй лама дүли, нүгаһагүй нүүр дүли, нохойгүй айл дүли* ‘Без книги лама глухой, без утки озеро глухое, без собаки дом глухой’;

Дүрбэн хара ‘Четыре черных’, *Һүгүй сай хара, хирээ хара, дасангүй лама хара, дошхоной сэдьхэл хара*. ‘Чай без молока — черный, ворон — черный, лама без дацана — черный, у грозного — помыслы черны’.

Как и тувинские паремии, бурятские свидетельствуют о том, что не всегда произнесенный ламой молебен помогает, приносит пользу: *Наратай байгаад бороо ородог, ламатай байгаад, хүн үхэдэг* ‘Дождь идет и при солнышке, люди умирают и при ламе’.

Демоним *шүдхэр* (черт), с одной стороны, наделяется в бурятских пословицах трусостью:

Аман дээрээ абарга баатар, үнэндээ үэһэн шүдхэр ‘На словах — смелый богатырь, на самом деле — трусливый черт’.

а, с другой стороны, трусливый человек сам видит везде чертей: *Айранда ада шүдхэр олон* ‘У трусливого кругом черти да нечисти’.

III. Образная составляющая рассматриваемых бурятских паремий проявляется в основном в паремиях с логическим рядоположением бытовых или природных конкретных реалий и человека, его внутреннего мира. Например, озеро без утки, дом без собаки и лама без книги одинаково глухи; чай без молока так же черен, как лама без дацана и помыслы у грозного человека; дождь идет в то время, как светит солнце, люди умирают в то время, как лама читает молебен. Кроме того, для характеристики ламы через уподобление используется образ мифологического существа — дракона. Образы шамана (как и его жены) формируются прямым перечислением их личностных характеристик и использованием приема противопоставления с другими лицами — силачами, чиновниками и др.

Паремии шведского языка с компонентом-религионимом

Основной религией шведов является христианство, протестантизм. Из сборников шведских паремий приемом сплошной выборки материала было отобрано свыше 200 паремий с компонентом-религионимом. 150 из отобранных единиц — это паремии с компонентом *Gud* ‘бог’. В силу непропорционального объема и количественной несоотнесенности материала с этим компонентом в рассматриваемых языках паремии шведского языка (как и осетинского, и русского) с компонентом «Бог» в данной статье детально рассматриваться не будут.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие модели шведских паремий с компонентом-религионимом:

1. Компаративные паремии (имплицитно или эксплицитно) содержащие сравнение (23 единицы). Эта группа единиц, в свою очередь, может быть классифицирована следующим образом:

1.1. Сложносочиненные предложения с противительными союзами:

Vår herre ger, men påven tar äran ‘Господь наш даёт, а Римский Папа славу принимает’;

Satan hämtar honom och prästen får betala frakten ‘Чёрт его забирает, а священнику оплачивать транспортировку’.

1.1.1. Сложносочиненные и простые предложения с противительными союзами, включающие прилагательные и наречия в сравнительной степени:

Det är bra att ha biskopen till morbror, men det är bättre att ha vår herre till sin far 'Хорошо иметь епископа дядей, но лучше иметь Господа нашего отцом';

Fan är listig men påven är värre 'Чёрт хитёр, но Римский Папа ещё хитрее';

Nya kvastar sopa bäst, och unga präster dra mesta folket 'Новые метлы метут лучше всего, а молодые священники привлекают больше всего народу';

Djävulens fallrep är starkare än ett ankartåg, men finare än tråden i en spindelväv 'Верёвочная лестница дьявола крепче якорного каната, но тоньше нитей паутины'.

1.2. Предложения с логической рядоположенностью компонентов:

Satan tycker om rika änkor och feta präster 'Сатана любит богатых вдов и толстых священников';

Fan och prästen studera tillsammans 'Чёрт и священник учились вместе';

Prästers list och kvinnors svek — akta dig för deras lek! 'Хитрость священника и коварство женщин — берегись их игры!';

Gamla apor, unga präster och vilda djur skall man icke släppa in i en jungfrubur 'Старых обезьян, молодых священников и диких животных нельзя пускать в девичью спальню';

Änkans sorg och fans bön äro lika långa 'Печаль вдовы и молитва чёрта делятся одинаково долго'.

1.2.1. Предложения с логической рядоположенностью компонентов и предикатом, выраженным сравнительным оборотом: *Väpnad präst och lysten mö äro som blommor i mars* 'Вооружённый священник и похотливая девушка — как цветы в марте'.

1.3. Предложения идентификации (простые и сложные по синтаксической структуре):

Advokater och soldater äro satans lekkamrater 'Адвокаты и солдаты — друзья по играм сатаны';

Hin och bödeln äro tjocka släkten 'Нечистый и палач — близкие родственники';

Tiggarmunkar äro löss, som satan satt i Vår herres päls 'Монахи-францисканцы — вши, которых сатана поместил в шубу Господа нашего'.

1.3.1. Предложения идентификации с компонентом-прилагательным в превосходной степени:

Fan är prästens bästa hund 'Чёрт — лучшая собака священника';

Påven är den största av syndare, närmast kommer biskopen 'Римский Папа самый большой грешник, а за ним епископ'.

1.4. Простые предложения, представляющие собой сравнительные обороты:

Han är lika känd som prästens hund 'Известный, как собака священника';

Klok som en häst och lärd som en präst 'Умный как лошадь и учёный как священник'.

1.5. Простые предложения с прилагательными в сравнительной и превосходной степени:

Ingen är bättre klokare än en avsatt präst 'Никто не является лучшим пономарём, чем священник, лишённый сана';

Bättre fan till rådgivare än ingen alls 'Лучше чёрт в советчиках, чем никого вообще';

Kvinnan känner konsten bättre än djävulen 'Женщина владеет искусством лучше самого дьявола';

Det finns fler brokiga hundar än prästens 'Есть больше пёстрых собак, чем только собака священника'.

1.6. Предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма: *Av litet föl kan bli stor häst, av fattig pippling kan bli en präst* 'Из маленького жеребца может получиться большая лошадь, из бедного дьячка может получиться священник'.

2. Не компаративные поговорки (191 единица).

2.1. Простые предложения:

I brist på tjuv tar fan en biskop 'За неимением вора чёрт берёт священника';

Än lever den gamle guden och prästen i Bro 'До сих пор живут ещё старый бог и священник в Бру¹';

¹ Бру — населённый пункт в муниципалитете Уппландс-Бру Стокгольмского лена Швеции.

Man gör ej god ärkebiskop av en skalk ‘Из проходимца не получится хорошего архиепископа’;
Mårten Luthers stövlar passar icke varje sockenpräst ‘Сапоги Мартина Лютера не подходят любому приходскому священнику’;
Kappa och krage gör ingen präst ‘Мантия и воротник не делают священника’;
Prästsäcken är utan botten ‘Мешок священника не имеет дна’;
En ung präst måste ha ett nytt helvete ‘Молодому священнику достаётся новый ад’;
Prästen har sin hand i allt mellan vaggan och graven ‘Священник прикладывает руку ко всему между колыбелью и могилой’;
För prästen skall man intet dölja ‘От священника нельзя ничего скрывать’;
Prästen har dubbla nycklar — till himmelen och skafferiet ‘У священника два ключа — от неба и от кладовки’;
Gå icke före prästen och icke efter stackaren ‘Нельзя идти перед священником и после нищего’;
Ingen präst ger offret tillbaka ‘Ни один священник не отдаст пожертвование обратно’ и др.

2.2. Сложноподчиненные предложения.

2.2.1. С придаточным условия:

När Vår herre icke vill, har icke ens biskopen makt ‘Когда Господь наш не хочет, даже у епископа власти нет’;

Fan är värst, när han står i predikstolen ‘Чёрт хуже всего, когда он стоит за кафедрой’;

Ger man fan ett finger, så tar han hela handen ‘Если чёрту дать палец, то он возьмёт всю руку’;

Prästen ler i sitt hjärta när han ser en kvinna ‘Священник улыбается внутри, когда видит женщину’ и др.

2.2.2. С придаточным изъяснительным: *Den som inte vill till himmelen, behöver ingen präst* ‘Тому, кто не хочет на небо, не нужен священник’ и др.

2.2.3. С придаточным времени: *Medan prästen predikar, går fan ut på strövtåg* ‘Пока священник проповедует, чёрт идёт на прогулку’ и др.

2.2.4. С придаточным меры и степени:

Aldrig är kyrkan så full, att inte prästen får rum ‘Никогда церковь не бывает так полна народу, чтобы не нашлось места священнику’;

Aldrig är det så kallt att prästen fryser i kyrkan, så länge offret pågår ‘В церкви никогда не бывает так холодно, чтобы священник замёрз во время сбора пожертвований’ и др.

2.2.5. С придаточным места: *Där biskop håller krog, må väl prästerna dricka* ‘Там, где епископ держит кабак, священники могут пить’ и др.

Обращает на себя внимание превалирование в рассматриваемом корпусе шведских паремий компаративных по структуре и семантике.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых шведскими паремиями культурных установок и ценностных предпочтений относительно каждого религионима.

Вторым по частотности компонентом шведских паремий, включающих религионим, (после компонента «Бог») является *präst* ‘священник’. Стереотипное представление о священнике в шведских паремиях амбивалентно. С одной стороны, это знающий и образованный человек:

En gammal präst vet mer än tio studenter ‘Старый священник знает больше, чем десять студентов’;

Klok som en häst och lärd som en präst ‘Умный как лошадь и учёный как священник’.

Священник выполняет свою работу, как и любой другой человек: *Prästen vid boken, bonden vid plogen (var och en till sitt)* ‘Священник за книгой, крестьянин за плугом’.

С другой стороны, в паремиях выражаются такие культурные установки, как жадность, стремление священника к обогащению:

Prästsäcken är utan botten ‘Мешок священника не имеет дна’;

Prästen har dubbla nycklar — till himmelen och skafferiet ‘У священника два ключа — от неба и от кладовки’;

Ingen präst ger offret tillbaka ‘Ни один священник не отдаст пожертвование обратно’.

Кроме священника в шведских пословицах фигурируют *biskop* ‘епископ’, *ärkebiskop* ‘архиепископ’, *påve* ‘Римский Папа’, *pippling* ‘дьячок’ и *klockare* ‘пономарь’. Епископ и Римский папа оцениваются паремиями отрицательно — они грешники и стяжатели:

Vår herre ger, men påven tar äran ‘Господь наш даёт, а Римский Папа славу принимает’;

Fan är listig men påven är värre ‘Чёрт хитёр, но Римский Папа ещё хитрее’;

Påven är den största av syndare, därefter kommer biskopen ‘Римский Папа самый большой грешник, а за ним епископ’;

Påven älskar en vacker visa: pengar och gåvor mitt hjärta lisa ‘Римский Папа любит красивую песню: деньги и дары моё сердце улаждают’;

Där biskop håller krog, må väl prästerna dricka ‘Там, где епископ держит кабака, священники могут пить’.

Интересны характеристики демонимов в шведских пословицах. Это *satan* ‘сатана’, *djävul* ‘дьявол’ и *fan* ‘черт’. В анализируемых пословицах шведского языка дьявол, с одной стороны, предстает коварным и хитрым, в его сети легко попасть, раз поддавшись соблазну, кажется, что путь, предлагаемый им надежный и крепкий, но ступивший на него проваливается: *Djävulens fallrep är starkare än ett ankartåg, men finare än tråden i en spindelväv* ‘Верёвочная лестница дьявола крепче якорного каната, но тоньше нитей паутины’. С другой стороны, человек всегда нуждается в совете и помощи со стороны, поэтому *Bättre fan till rådgivare än ingen alls* ‘Лучше иметь советником чёрта, чем никого вообще’.

Прежде всего в исследуемых компаративных паремиях обращает на себя внимание дихотомия нечистая сила (черт, сатана) — священнослужители (священник, папа римский, епископ). Приведем примеры:

Satan hämtar honom och prästen får betala frakten ‘Сатана забирает его, а священник платит за транспортировку’;

Fan är listig men påven är värre ‘Чёрт хитёр, но римский папа ещё хитрее’;

Fan och prästen studera tillsammans ‘Чёрт и священник учатся вместе’;

Fan är prästens bästa hund ‘Чёрт — любимая собачка священника’;

Fan är värst, när han står i predikstolen ‘Чёрт хуже всего, когда стоит за кафедрой’.

В этой подгруппе шведских паремий наличествует, во-первых, прямое сравнение черта и священника — отмечается одинаковый статус того и другого: *Fan och prästen studera tillsammans* ‘Чёрт и священник учились вместе’. В некоторых аспектах священнослужители превосходят черта, так, папа римский оказывается хитрее черта. Черт и священник отождествляются по своему статусу, но вместе с тем священник оказывается хуже: *Fan är värst, när han står i predikstolen* ‘Чёрт хуже всего, когда стоит за кафедрой’. Нужно отметить, что и сама церковь выступает в паремиях как дом, в котором служит черт: *Kyrkan är ett gammalt hus och fan en skalk* ‘Церковь — старый дом, а чёрт — слуга в нём’. Идею функционального сходства черта и священника подтверждают и другие шведские паремии, ср., например: *Medan prästen predikar, går fan ut på strövtåg* ‘Пока священник проповедует, чёрт идёт прогуляться’; *När fan blir gammal, blir han präst* ‘Когда чёрт стареет, он становится священником’.

Интерес представляют те паремии с компонентом-демонимом, в которых сам представитель нечистой силы как бы осуществляет сравнение, например, делает рядоположенными вора и епископа: *I brist på tjuv tar fan en biskop* ‘За неимением вора чёрт берёт епископа’, богатых вдов и толстых священников: *Satan tycker om rika änkor och feta präster* ‘Сатана любит богатых вдов и толстых священников’.

Кроме священнослужителей, в шведских паремиях имплицитно и эксплицитно присутствует сравнение черта и лиц женского пола: *Dit fan själv inte vill gå, skickar han en präst eller en käring* ‘Туда, куда чёрт не хочет идти, он посылает священника или старуху’; *Kvinnan känner konsten bättre än djävulen* ‘Женщина владеет искусством лучше, чем дьявол’; *Änkans sorg och fans bön äro lika långa* ‘Печаль вдовы и молитва чёрта делятся одинаково долго’. При этом черт и женщина или уравниваются в своих возможностях, или женщина оказывается даже искуснее.

В шведских сравнительных паремиях близкими черту оказываются палач: *Hin och bödeln äro tjocka släkten* ‘Чёрт и палач — близкие родственники’, а также адвокаты и солдаты: *Advokater och soldater äro satans lekkamrater* ‘Адвокаты и солдаты — друзья сатаны по его играм’.

В паремиях через противопоставление скупого человека и черта осуждается скупость: *Snål spar och skrutt tar* ‘Скупой экономит, а чёрт забирает’ и безделье, которое образно вербализуется как «подушка под голову черту»: *Sysslolöshet är fans hufvudkudde* ‘Безделье — подушка чёрту под голову’.

В образе дьявола (сатаны) предстает в шведских сравнительных паремиях война: *Krig är en djävul, som äter guld och skiter kiselstenar* 'Война — это дьявол, который ест золото и выделяет кремни'; *Svärdens klang är satans taffelmusik* 'Звон мечей — это обеденная музыка для сатаны'. В этой связи паремия отмечает, что по сравнению с христианами, которые уничтожают друг друга, один дьявол никогда не сражается с другим: *Kristna kriga mot kristna, men den ene djävulen icke mot den andre* 'Христиане воюют с христианами, но не один дьявол с другим'.

III. Образная составляющая рассматриваемых шведских паремий проявляется в основном в паремиях сравнительной семантики, а также в паремиях с рядоположенностью компонентов. Интересны сопоставления образов священнослужителей и нечистой силы, где они оказываются похожими или даже нечистые оказываются в чем-то лучше. Ср. паремию: *Fan är inte så svart som man målar honom* 'Чёрт не такой чёрный, как его малюют'. Ср. в русском языке: *Не так страшен черт, как его малюют*.

В отличие от тувинских и бурятских паремий шведские единицы более прагматичны и категоричны, более ироничны. Образы природы в них практически отсутствуют, но в большом количестве наличествуют образы людей — вдовы, палач, солдаты, адвокаты, женщина, старуха, монахи, крестьянин и др. Необходимо отметить метафоры: война — это дьявол, безделье — подушка под голову дьяволу.

Паремии осетинского языка с компонентом-религионимом

Осетинский язык относится к северо-восточной подгруппе иранской группы индоиранской ветви индоевропейских языков и является единственным сохранившимся реликтом скифо-сарматского языкового мира.

Осетины по вероисповеданию в основном православные христиане, но среди осетинского народа есть и мусульмане, исповедующие ислам (сунниты).

Рассмотрим осетинские паремии с компонентом-религионимом. Из сборников пословиц и поговорок осетинского языка приемом сплошной выборки материала было извлечено 95 единиц. Паремий с компонентом «Бог» в рассматриваемом корпусе насчитывается 60 единиц. В данной статье, как уже отмечалось, они не будут подвергнуты анализу.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие модели осетинских паремий с компонентом-религионимом:

1. Простые предложения/

1.1. Простые двусоставные предложения:

Иу сауджын йæхи чиньдзы йедтæмæ никæйы чиньдзы зыдта 'Один священник знал только свою книгу'¹;

Сауджын æмæ хилдасæг кæрæдзи нæ уарзынц 'Священник и парикмахер друг друга не любят';

Сауджын ма сайын зоны 'Священник хотя бы умеет жульничать';

Сауджын æмæ моллойæн сæ куыст — сайын 'У священника и Муллы одна работа — обманывать';

Хæйрæг да куы сайа, уæд — кæсгæ-кæсын 'Черт обманывает, глядя на тебя';

Иу сайд хæйрæгыл дæр æрцæуы 'Один раз даже черт обманывается';

Хæйрæгæн йæ уд йæ аууæтты цæуы 'Душа черта идет в его тени';

Хæйрæджы хæрисын цæвæг дыууæрдæм кæрды 'Черта коса косит в обе стороны';

Хæйрæг цыргъаг æмæ зынгæй тæрсы 'Черт боится острых предметов и огня';

Æдæймагæн йæ хæйрæджы хай йемæ райгуыры æмæ амæлы 'Частичка (доля) черта рождается и умирает вместе с человеком';

Сауджынæй — сайддæр æмæ фæлывддæр 'Он хитрее и коварнее священника';

Хæйрæджы хай — фыдбылызы хай 'Доля черта — доля горя'.

1.2. Простые односоставные предложения:

¹ Здесь и далее перевод А. С. Цховребова.

Сауджын хысыны дэр бэрэг вэйиы ‘Священник везде узнаваем в любом одеянии’;

Хэйрэджи сайдэн хос нэй ‘Обманутый чертом не лечится’.

2. Сложноподчиненные предложения:

2.1. С придаточным условия:

Сауджын аргъуыды куы фэрэдийы, уэд алули-алули факканы ‘Если священник ошибается во время молитвы, то говорит «аминь, аминь»’;

Сауджыны куы нэмай, уэд — нэмæгау ‘Если бить священника, то как следует, до конца’;

Сауджын сайгæ куынæ кæна, уэд амарди ‘Если священник перестанет обманывать, его не станет’.

2.2. С придаточным времени:

Сауджыны кбухæн рæсугд куы апæа кæны, уэд йæ мидбылты бахуды ‘Когда целуют руку священника, он мило улыбается’;

Хэйрæг арыдæй фидауы ‘Черт смотрится хорошо, когда опален’;

Хэйрæджытæн сæ сæн нуæзт куы фæцис, уэд лалым бæлхæдтой ‘Когда черти закончили пить вино, они купили бурдюк’.

2.3. Изъяснительные предложения с соотносительными словами:

Хэйрæг кæмæ раргом уа, уый æвдыдæй нæ зайы ‘Тот, к кому черт повернется, без горя не остается’;

Хэйрæджи сайдэн Хуыцаумæ дэр нэй хос ‘Того, кого обманул черт, не излечит даже Бог’;

Хэйрæджи сайдыл хъуын дэр нæ хæцы ‘Даже волос не растет на том, кого обманул черт’.

3. Сложные предложения с подчинительной связью:

Сауджын хъæуæй куы ахизы, уэддæр ма фæстæмæ фæкæс-фæкæс кæны: кæд ма мын исчи мæ фæдыл рахæссы, зæгъгæ ‘Даже тогда, когда священник уходит из села, все еще оглядывается, вдруг кто-то еще что-то ему несет вслед’;

Сауджынай ма цы азад, уый та молло алвдыта, æмæ сæгъ цæрæнбонты æлвдыдæй баззад ‘То, что не смог выстричь священник, выстриг Мулла, и коза осталась стриженной на всю жизнь’.

4. Бессоюзные предложения, выражающие сопоставительно-противительные отношения:

Хэйрæджи сайдэн мах хос и, сауджыны сайдэн нэй ‘Обманутого чертом спасти можно, обманутого священником — нельзя’;

Сауджын — фæливарæг æмæ молло — кæлæнгæнæг ‘Священник — жулик, Мулла — колдун’;

Сауджын сауджыны нæ сайы, рувас — рувасы ‘Священник священника не обманывает, лиса — лису’;

Бон — адæмы, æхсæв — хэйрæджыты ‘День принадлежит людям, ночь — чертям’;

Хэйрæг — размæ зæвæтджын, фæстæма кбæхджын ‘У черта копыта вперед, ноги назад’;

Гуырæгæ ракæнай, мæлгæ акæнай — сауджынаг пайда ‘Родишься ты или умрешь — священнику выгода’.

5. Сложные двукомпаративные предложения с компонентами-наречиями и прилагательными в сравнительной степени с конструкцией «чем... тем...»: *Сауджын, цас фылдæр рынчынтæ уа, уыйас хъæздыгдæр кæны* ‘Чем больше больных, тем богаче священник’.

6. Представляет интерес поговорка, в которой вторая часть поясняет первую: *Сауджынаг авд гуыбыны ис: ницæмæй æфсæды* ‘У священника 7 животов: никак не наедается’.

Приведенная классификация показывает, что со структурно-синтаксической точки зрения в анализируемом корпусе осетинских поговорок преобладает модель простого двусоставного предложения.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых осетинскими поговорками культурных установок и ценностных предпочтений относительно каждого религионима.

В исследуемом материале выделяются в порядке убывания частотности следующие компоненты-религионимы: *сауджын* ‘священник’, *хэйрæг* ‘черт’, *молло* ‘мулла’.

Осетинские поговорки вербализуют следующее стереотипное представление о священнике, аккумулирующее установки культуры народа:

— отличающийся внешний вид, одежда, длинные волосы: *Сауджын хысыны дэр бэрæг вэйиы* ‘Священник везде узнаваем в любом одеянии’; *Сауджын æмæ хилдасæг кæрæдзи нæ уарзынц* ‘Священник и парикмахер друг друга не любят’;

— хитрость и коварство: *Сауджын аргъуыды куы фæрæдийы, уæд алули-алули фæкæны* 'Если священник ошибается во время молитвы, то говорит «аминь, аминь»'. Очень хитрого и коварного человека сравнивают со священником, священник в паремиях — эталон хитрости и коварства, ср.: *Сауджынæй — сайддæр æмæ фæлывддæр* 'Он хитрее и коварнее священника';

— склонность к обману: *Сауджын ма сайын зоны* 'Священник хотя бы умеет жульничать'. Эта черта сближает священника, с одной стороны, с чертом (которого он превосходит в способности к обману):

Хæйрæджы сайдæн мах хос и, сауджыны сайдæн нæй 'Обманутого чертом спасти можно, обманутого священником — нельзя', с другой стороны, с муллой: *Сауджын æмæ моллойæн сæ куыст — сайын* 'У священника и Муллы одна работа — обманывать';

Сауджын — фæливаг æмæ молло — кæлæнгæнаг 'Священник — жулик, Мулла — колдун';

Сауджынæй ма цы аздад, уый та молло алвыдта, æмæ сæгъ цæрæнбонты æлвыдæй баззад 'То, что не смог выстричь священник, выстриг Мулла, и коза осталась стриженной на всю жизнь'.

Священник не может жить без обмана, этим он зарабатывает: *Сауджын сайгæ куынæ кæна, уæд амарди* 'Если священник перестанет обманывать, его не станет';

— алчность: *Сауджынæн авд гуыбыны ис: ницæмæй æфсæды* 'У священника 7 животов: никак не наедается';

Сауджын хъæугæй куы ахизы, уæддæр ма фæстæмæ фæкæс-фæкæс кæны: кæд ма мын исчи мæ фæдыл рахæссы, загъгæ 'Даже тогда, когда священник уходит из села, все еще оглядывается, вдруг кто-то еще что-то ему несет вслед';

— священник наживается на страданиях людей, любой этап жизни человека приносит ему выгоду:

Сауджын, цас фылдæр рынчынтæ уа, уыйас хъæздыгдæр кæны 'Чем больше больных, тем богаче священник';

Гуыргæ ракæнай, мæлгæ акæнай — сауджынæн пайда 'Родишься ты или умрешь — священнику выгода'.

Оценка священника в народной мудрости выражена в следующей паремии: *Сауджыны куы нæмай, уæд — нæмæгау* 'Если бить священника, то как следует, до конца'.

Стереотипное представление о черте в анализируемых осетинских паремиях выглядит следующим образом:

— внешний облик представителя нечистой силы: *Хæйрæг — размæ зæвæтджын, фæстæма къæхджын* 'У черта копыта вперед, ноги назад';

— черт активен ночью: *Бон — адамы, æхсæв — хæйрæджыты* 'День принадлежит людям, ночь — чертям';

— у черта есть свои страхи: *Хæйрæг цыргъаг æмæ зынгæй тæрсы* 'Черт боится острых предметов и огня';

— черт причиняет людям зло: *Хæйрæджы сайдæн хос нæй* 'Обманутый чертом не лечится'; *Хæйрæг кæмæ раргом уа, уый æвдыдæй нæ зайы* 'Тот, к кому черт повернется, без горя не остается'; *Хæйрæджы сайдæн Хуыцаумæ дæр нæй хос* 'Того, кого обманул черт, не излечит даже Бог'; *Хæйрæджы сайдыл хъуын дæр нæ хæцы* 'Даже волос не растет на том, кого обманул черт'.

Интересно следующее заключение народной мудрости: *Æдæймагæн йæ хæйрæджы хай йемæ райгуыры æмæ амæлы* 'Частичка (доля) черта рождается и умирает вместе с человеком'.

Оценка и отношение к черту однозначно выражены в паремии: *Хæйрæг арыдæй фидауы* 'Черт посмотрится хорошо, когда опален'.

III. Образная составляющая рассматриваемых осетинских паремий, как и шведских, заключается в постоянном сопоставлении священнослужителей (православного священника и муллы, которые оказываются похожими друг на друга в своем поведении) с нечистой силой (чертом). При этом священнослужители часто превосходят черта в своих отрицательных качествах. Осетинские пословицы ироничны: *Хæйрæджытæн сæ сæн нуæзт куы фæцис, уæд лалым бæлхæдтой* 'Когда черти закончили пить вино, они купили бурдюк'; *Сауджынæй ма цы аздад, уый та молло алвыдта, æмæ сæгъ цæрæнбонты æлвыдæй баззад* 'То, что не смог выстричь священник, выстриг Мулла, и коза осталась стриженной на всю жизнь' и др. В ироничных осетинских паремиях используется гипербола: *Сауджынæн авд гуыбыны ис: ницæмæй æфсæды* 'У священника 7 животов: никак не наедается'. С одной стороны, осетинские па-

ремии развернуто отражают конкретную ситуацию: *Сауджын хъауаёй куы ахизы, уаждар ма фæстæмæ фæкæс-фæкæс кæны: кæд ма мын исчи мæ фæдыл рахæссы, зæгъгæ* 'Даже тогда, когда священник уходит из села, все еще оглядывается, вдруг кто-то еще что-то ему несет вслед', с другой стороны, они очень лаконичны и наполнены философским содержанием: *Хæйрæг да куы сайа, уæд — кæсгæ-кæсын* 'Черт обманывает, глядя на тебя'; *Хæйрæджы хæрисын цæвæг дыууæрдæм кæрды* 'Черта коса косит в обе стороны'; *Æдæймагæн йæ хæйрæджы хай йемæ райгуыры æмæ амæлы* 'Частичка (доля) черта рождается и умирает вместе с человеком'; *Хæйрæджы хай — фыдбылызы хай* 'Доля черта — доля горя'.

Паремии русского языка с компонентом-религионимом

Верующие носители русского языка исповедуют христианское православие. В корпусе отобранных паремий русского языка с компонентом-религионимом оказалось 1466 единиц, из них 1325 паремий с компонентом «Бог», которые в рамках данной статьи не рассматриваются.

1. С точки зрения структуры выделяются следующие модели русских паремий с компонентом-религионимом:

1. Паремии компаративной структуры и семантики

1.1. Предложения с противопоставлением, выраженным союзом «а» («да»): *Бес и рогат, и хвостат, а корове не брат; От беса крестом, а от свиньи пестом; Грозен (страшен) черт, да милостив Бог; Скупой копит, а черт мошну тачает; У богатого сам черт детей качает, а у бедного и Бог люльки бросает; Хвалился черт всюю вселенною овладеть, а Бог ему и над свиньей воли не дал; Не бойся черта, а бойся лихого человека* и др. Сравнительная семантика подобных паремий может поддерживаться наличием сравнительной степени прилагательного в составе единицы: *Бес всех умнее, а злой дух; Бес всех умнее, а люди не хвалят; Черт мудёр, а наш брат мудрей черта* или формой существительного в творительном падеже со значением сравнения: *Не смылит ни бельмеса, а вертится бесом* — в данной паремии вторая часть по сути представляет собой устойчивое сравнение; *Не смылит ни бельмеса, а сердится бесом*.

1.2. Предложения с компонентом-наречием в сравнительной степени. Подобные паремии допускают лексическую вариативность:

Показался (покажется) сатана лучше ясного сокола;

Полюбился (полюбится) сатана пуще (лучше) ясного сокола;

Понравится сатана лучше всякого сокола.

1.3. Предложения с синтаксическим параллелизмом:

От черта — крестом, от медведя — пестом, а от дурака — ничем;

Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утопился; а мы гордимся, куда годимся?

1.4. Предложения со свернутым сравнением: *Все черти равны, все те ж бобры*. Ср.: *Соболи, бобры, все черти равны*.

Имплицитно представлено сравнение в тех паремиях, где представители нечистой силы логически сопоставляются с женщиной, с ее равными, а иногда и превосходящими качествами. Эти единицы отличаются широкой лексической вариативностью:

Где бес не сможет, туда бабу пошлет;

Где дьявол не сможет, там баба переможет;

Где сатана не сможет, туда бабу пошлет;

Где сам черт не смылит, там бабу пошлет;

Где черт не сладит, туда бабу пошлет;

Где черт не сможет, там баба переможет;

Куда черт не успеет, туда бабу пошлет.

2. Не компаративные паремии

2.1. Простые предложения:

Бес беса и хвалит;

И чёрт под старость в монахи пошёл;

*Сатана и святых искушает;
Сатана худом ворочает;
Каждый чёрт по-своему поёт;
Есть и на чёрта гром;
Глухому поп две обедни не служит;
Сытому попу пояс не к сану;
Чёрт и век не пьёт, а людей искушает и др.*

2.2. Сложные предложения:

2.2.1. Сложноподчиненные

— с придаточным условия:

*Будешь лукавить, так чёрт задавит;
И всяк бы косил, если б чёрт косу носил;
Если нет чёрта в доме, так зятя прими;
Во что чёрт ни нарядится, всё чёртом останется и др.*

— с придаточным изъяснительным: *Кто лукавит, того чёрт задавит; Кто старое вспомянет, того чёрт на расправу потянет и др.*

— с придаточным времени: *Чем чёрт не шутит, когда Бог спит; Пока жирный похудеет, худого чёрт возьмёт и др.*

— с придаточным определительным: *Каков чёрт от люльки, таков и в могилку и др.*

2.2.2. Сложносочиненные предложения:

*Велика у дьявола сила, да воли ему нет;
Нашёл чёрт болото, да и сам ему не рад и др.*

2.2.2. Сложные предложения с подчинительной и сочинительной связью: *Жди, когда сатана сдохнет, а он ещё и хворать не собирался и др.*

Выделяются предложения со значением совета, в которых используется глагол в повелительном наклонении:

*Не всякому чёрту кланяйся;
Не поддавайся чёрту — так ему и власти над тобой нет;
Ставь свечу и чёрту — не знаешь, куда угодишь;
Богу молись, да и чёрта не серди;
Не шути с чёртом — из дубинки выпалит и др.*

Структурно-синтаксическая классификация русских паремий показывает явное доминирование паремий сопоставительной структуры и семантики в рассматриваемом фрагменте паремиологической картины мира, а также эксплицитно выраженную дидактичность единиц.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых русскими паремиями культурных установок и ценностных предпочтений относительно каждого религионима.

В русских паремиях выделяются такие религионимы как *поп, монах, пономарь, звонарь, бес, дьявол, сатана, черт*. Наиболее частотными являются черт (62 паремии в рассматриваемом материале) и поп — 53 паремии. Отметим, что все служители культа характеризуются в паремиях отрицательно:

*Где поп, тут не надобен и чёрт;
Поп в гости — черти на погосте;
Попам и на том свете хорошо: помрут — прямо к чёрту попадут;
На чёрта только слава, а монах поросёнка съел;
Чёрт монаху не попутчик, монах его проведёт;
Поп сыт от алтаря, а дьячок от пономаря и др.*

Поп в русских паремиях жаден, склонен к обману:
*Попы как утки: уж и зоб своротило, а всё хватает;
У попа глаза завидующие, руки загребующие;
У попа не карманы, а мешки; Врут и попы, не токмо что бабы.*

Отношение к попу ироничное: *Умён как поп Семён: книги продал, карты купил; Знают и без попа, что воскресный день свят.*

Демонимы в русских поговорках квалифицируются как злые духи, противостоящие и враждебные человеку:

Бес всех умнее, а злой дух;

Бес всех умнее, а люди не хвалят.

Люди могут превосходить представителей нечистой силы по уму: *Черт мудёр, а наш брат мудрей черта.*

В поговорках русского языка присутствует дихотомия Бог — нечистая сила:

Грозен (страшен) черт, да милостив Бог;

Хвалился черт всею вселенною овладеть, а Бог ему и над свиньей воли не дал.

Защититься от нечистой силы можно, сотворив крестное знамение:

От беса крестом, а от свиньи пестом;

От черта — крестом, от медведя — пестом, а от дурака — ничем.

Бог должен помогать бедным (но не всегда это так), а черт служит богатым: *У богатого сам черт детей качает, а у бедного и Бог люльки бросает.*

Наименования нечистой силы выступают в поговорках в следующих оппозициях:

«бес — корова» (по внешнему облику, наличию хвоста и рогов): *Бес и рогат, и хвостат, а корове не брат;*

«черт — скупой» (при осуждении скупости): *Скупой копит, а черт мошну тачает;*

«черт — лихой человек», при этом лихой человек, по представлениям народной мудрости, оказывается страшнее черта: *Не бойся черта, а бойся лихого человека.*

Самую объемную группу поговорок, вербализующих оппозицию, составляют поговорки, выражающие оппозицию «черт (бес, сатана) — баба».

Русская народная мудрость советует на всякий случай не гневить нечистую силу:

Ставь свечу и чёрту — не знаешь, куда угодишь;

Богу молись, да и чёрта не сердь.

III. Образная составляющая рассматриваемых русских поговорок отличается тем, что священнослужители не уравниваются «функционально» с представителями нечистой силы, а отчетливо выделяется противопоставление светлых (Бог) и темных сил (демонимы). Священнослужители (особенно поп) часто фигурируют в иронических поговорках, к попу русский народ относится с насмешкой. Иронически уравниваются способности нечистой силы и женщины.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Общность и различия проанализированных поговорок тувинского языка с поговорками языков, послуживших фоном для анализа обнаруживаются на уровне структурных моделей рассмотренных единиц, ценностных предпочтений, культурных установок, оценочности и образности религиозных понятий в составе поговорок.

В тувинских поговорках, как и в поговорках бурятского, шведского и русского языков преобладают компаративные по структуре и семантике единицы. Для проанализированных поговорок осетинского языка более характерны простые двусоставные предложения, философские заключения. Компаративность создается в тувинском языке с помощью синтаксического параллелизма и поговорок, содержащих степени сравнения прилагательных и наречий. В бурятских поговорках также используется прием синтаксического параллелизма и логическая рядоположенность компонентов поговорок. Но кроме того, для бурятских поговорок характерны простые предложения с противопоставлением. Для шведских и русских поговорок свойственно прямое сопоставление и рядоположенность компонентов поговорок. В поговорках всех привлеченных к анализу пяти языков сформулировано стереотипное представление о священнослужителях и нечистой силе. Во всех языках, кроме шведского (где он амбивалентен) образ священнослужителя отрицателен.

Если в тувинских паремиях уподобляются мир животных и мир людей; в бурятских противопоставляются люди (шаман, лама, силач, кузнец, жены шамана и ламы), прямо перечисляются личные качества священнослужителей; в шведских и осетинских единицах священник и черт напрямую сравниваются и воспринимаются как «функционально» одинаковые, а в русских доминирует противопоставление «Бог — нечистая сила». Шведские и русские паремии о священнослужителях более иронично-насмешливы. И в шведских, и в русских паремиях уподобляются черт и женщина. Шведские паремии более прагматичны, русские отличаются дидактичностью и амбивалентностью поведения человека по отношению к черту, стремлением не гневить черта.

Благодарности

Авторы выражают благодарность кандидату филологических наук, доценту кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета Айланме Мылдыргыновне Соян за уточнение переводов паремий на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базырчап, А.-Х. О., Конгу, А. А. (2020) Представления о злых духах у тувинцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19. № 3: Археология и этнография. С. 134–146. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022a) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022b) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Гарри, И. Р. (2020) Буддизм и политика во Внутренней Азии // Oriental Studies. Т. 13. № 1. С. 8–16. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-8-16>

Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2021) Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Зиновьева, Е. И., Алешин, А. С. (2023) Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом *сөс* на иноязычном фоне // Новые исследования Тувы. №3. С. 21–35. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ламажаа Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Концептуальная дихотомия «бог» — «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного университета. № 447. С. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/447/7>

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословицном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Скляревская, Г. Н. (2012) Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания // Вестник НГУ. Т. 11. № 9. С. 36–40.

Телия, В. Н. (2004) Культурно-языковая компетенция, ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки славянской культуры. 344 с. С. 19–30.

Хомушку, А. М. (2011) Социальная роль шамана и ламы в традиционной культуре тувинцев // Мир науки, культуры, образования № 5 (30). С. 396–398.

Хомушку, О. М. (2010) Трансформация добуддийских архетипов в процессе их взаимодействия с буддийскими представлениями в мировоззрении народов Саяно-Алтая // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и центрально-азиатского региона. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности: в 2 ч. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан : Хакасское книжное издательство. Ч. II. 280 с. С. 260–267.

Дата поступления: 30.01.2024 г.

Дата принятия: 08.03.2024 г.

REFERENCES

Bazyrchap A.-Kh. O. and Kongu A. A. (2020) Evil Spirits as Viewed by the Tuvans. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 134–146. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Garri, I. R. (2020) Buddhism and Politics in Inner Asia. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 1, pp. 8–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-8-16>

Dashkovskii, P. K., Shershneva, E. A., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2021) Religious Situation in the Republic of Tuva (Based on the Results of a Sociological Study). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 18–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2023) Tuvan paroemias of comparative semantics with the component *sös* as compared to foreign language material. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Ivanov, E. E. (2023) Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Lamazhaa Ch. K. (2021) Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to the faith. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) The Conceptual Dichotomy “God” — “Devil” in Russian Phraseology and Paroemiology (Against the Slavic Background). *Tomsk State University Journal*, no. 447, pp. 55–62. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/447/7>

Petrushevskaiia, Yu. A. (2023) Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Seliverstova, E. I. (2022) Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Skiarevskaia, G. N. (2012) The Vocabulary of Orthodoxy in Modern Russian: the experience of lexicological analysis and lexicographic description. *Vestnik NGU*, vol. 11, no. 9, pp. 36–40. (In Russ.).

Teliia, V. N. (2004) Cultural and linguistic competence, its high probability and deep intimacy in the units of phraseological composition of the language. In: *Cultural layers in phraseological units and in discursive practices* / ed. by V. N. Teliia. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 344 p. Pp. 19–30. (In Russ.).

Khomushku, A. M. (2011) The social role of the shaman and lama in the traditional Tuvan culture. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (30), pp. 396–398. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (2010) Transformation of pre-Buddhist archetypes in the process of their interaction with Buddhist concepts in the worldview of the peoples of the Sayano-Altai. In: *Tuvan writing and the issues of the study of scripts and written monuments of Russia and the Central Asian region*. Materials of the international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Tuvan writing: in 2 parts / ed. by K. A. Bicheldei. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. Part II. 280 p. Pp. 260–267. (In Russ.).

Submission date: 30.01.2024.

Acceptance date: 08.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.4

Статья

Особенности семантики числа сто в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков)

Михаил А. Бредис

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Работа посвящена анализу тувинских фольклорных текстов и фразеологических единиц с числовым компонентом «чүс» 'сто'. Материалы получены методом сплошной выборки из соответствующих лексикографических изданий и сборников фольклорных текстов. Цель работы — рассмотрение семантики нумератива «чүс», его символики в качестве компонента числового кода тувинской лингвокультуры в сопоставлении с этим числом в алтайском, хакасском, бурятском, монгольском и калмыцком языках. В исследовании использовались методы описательно-аналитического и лингвокультурологического анализа.

Выявлено, что нумератив «чүс» в составе числового кода тувинской культуры не обладает сакральностью и особенной силой символики и частотность его употребления в фольклорных текстах и фразеологии разных разрядов относительно невелика. Тем не менее числовой компонент «чүс» играет в них роль, символизирующую множественность, иногда определенный количественный предел.

Сопоставительный анализ показал, что у соседних с тувинцами тюрков Саяно-Алтая и у монгольских народов символика числового компонента сто также не принадлежит к сфере сакрального или магического, но при этом данный нумератив в фольклорно-мифологическом плане имеет значение всеобщности, множества и в некоторых случаях предела.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинский фольклор; тюркский язык; монгольский язык; символика чисел; числовой код; фразеология; паремиология

Материалы статьи частично вошли в доклад, прочитанный на международной междисциплинарной конференции «Текст и дискурс: проблемы анализа, интерпретации, перевода» (19–22 сентября 2023 г., г. Иркутск, Россия).

Для цитирования:

Бредис М. А. Особенности семантики числа сто в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 61–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.4>

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: bredis-ma@rudn.ru

BREDIS, Mikhail Alekseevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: bredis-ma@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-4885-952X

Article

Features of the semantics of the number hundred in Tuvan linguoculture (against the background of a few Turkic and Mongolian languages)

Michail A. Bredis

RUDN University, Russian Federation

The work is dedicated to the analysis of Tuvan folklore texts and phraseological units containing the numerical component “chus” (hundred). The materials were collected through continuous sampling from relevant lexical sources and collections of folkloric texts. The aim of the study is to examine the semantics of the number “chus”, its symbolic significance as a component of the numeric code of Tuvan linguistic culture, in comparison with its use in other languages such as Altai, Khakass, Buryat, Mongolian, and Kalmyk. Descriptive-analytical and linguo-cultural methods were employed in this study. It has been revealed that the numerical code “chus”, which is part of the Tuvan culture, does not have the sacredness or special power of symbolism, and its frequency of use in folklore texts and phraseology across different categories is relatively low. However, the numerical component “chus” still plays a role, symbolizing multiplicity and sometimes a certain quantitative limit.

A comparative analysis of the Turks of the Sayano-Altai region, who are neighboring the Tuvans and Mongolian people, has shown that the symbolism of the numerical component hundred does not belong to the realm of the sacred or magical. At the same time, this numeral has a meaning of universality, plurality, and in some cases, a limit in folklore and mythology.

Keywords: Tuvan language; Tuvan folklore; Turkic language; Mongolian language; symbolism of numbers; numerical code; phraseology; paremiology

The materials of the article were partially included in the report read at the international interdisciplinary conference “Text and Discourse: Problems of Analysis, Interpretation, Translation” (September 19–22, 2023, Irkutsk, Russia).

For citation:

Bredis M. A. Features of the semantics of the number hundred in Tuvan linguoculture (against the background of a few Turkic and Mongolian languages). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 61-74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.4>

Введение

Будучи компонентом числового кода лингвокультуры, нумеративы, встречающиеся в тувинском фольклоре и фразеологии, вызывают исследовательский интерес. Автор с коллегами уже опубликовал ряд работ, посвящённых описанию с точки зрения лингвистики нумеративной лексики в тувинском фольклоре и фразеологии (Бредис и др. 2022; Бредис, 2023; Бредис, Новоспасская, 2023; Бредис, Сюз, 2023).

Выявление общего для разных лингвокультур в изучении специфических компонентов фразеологизмов (включая паремии) представляется нам наиболее важным в сопоставительном плане. Затем с учётом общего следует описывать специфику. Это положение подтверждают новейшие исследования тувинских паремий на фоне различных языков (Бредис, Иванов, 2022; Иванов, 2022ab; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Ломакина, 2022; и др.).

Целью работы является рассмотрение символики нумератива чүс ‘сто’ в качестве компонента числового кода культуры в тувинском фольклоре и фразеологии (на фоне ряда тюркских и монгольских языков), а также рассмотрение особенностей употребления этого числа. Из числа фольклорных произведений для исследования мы выбрали тувинский героический эпос и народные сказки. В рам-

как фразеологии были рассмотрены тувинские фразеологические единицы и паремии (пословицы и поговорки). В ходе работы выявлена роль нумератива *чүс* в тувинской лингвокультуре, его семантика и символика. Также задачей было рассмотрение универсального и этноспецифического компонента в употреблении числа *сто* в сравнении с данным нумеративом в других лингвокультурах.

В качестве материала для исследования использовалась авторская картотека, которая включает в себя тувинские (22), хакасские (16), алтайские (27), монгольские (25), бурятские (18) и калмыцкие (73) примеры фразеологизмов (в том числе паремий) и фрагментов фольклорных текстов с числовым компонентом *сто* (всего 181 единица). В процессе применялся приём сплошной выборки из авторитетных фразеологических и паремиографических словарей, а также фольклорных текстов¹, с соответствующими примерами из рассматриваемых языков.

В качестве методологической базы исследования использовались научные работы, в которых в различных аспектах описывается числовой код культуры в фольклоре и фразеологии (Гармаева, 2008; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2021; Бредис и др., 2022; Бредис, 2023; Бредис, Новоспаская, 2023; Бредис, Сюэ, 2023; Бурькин, 2004; Мижит, 2010; Пюрбеев, 2015; Чугунекова, 2019), особенности традиций, мифологии и фольклора тюркских и монгольских народов (Бабуева, 2001; Жуковская, 2002; Кенин-Лопсан, 2021; Кульганек, 2017; Курбатский, 2001; Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022; Ойноткинова, 2021; Самдан, 2016; Сорова, Лукина, 2022; Субракова, 2005), по теории лингвокультурного сопоставления паремий (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Бредис, Иванов, 2021; Иванов, 2023; Нелюбова, Ломакина, Мирзаева, 2023; и др.), а также программные работы по теории паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021).

В работе применялся описательный метод с элементами лингвокультурологического и историко-этимологического анализа. Анализ производился в соответствии с семантикой и образностью компонентов, связанных с числом *сто*. При сопоставлении паремий учитывались их семантические доминанты, ключевые образы и значения.

Число *чүс* в тувинской мифологии и фольклоре

Тувинское число *чүс* 'сто' не относится к числам, традиционно семиотически заряженным и обладающим высокой частотностью употребления в тувинском фольклоре и фразеологии. В других тюркских лингвокультурах нумератив *сто* также по своей символике не находится на первых ролях. Известно, что ряд чисел, наделённых особой символикой, у большинства тюркских народов включает в себя нумеративы 3, 4, 7, 9, 12 и 40 (Сравнительно-историческая ... , 2001: 580). При этом число *чүс* встречается в фольклорных текстах и обладает определенной степенью символики. Интересно, что

¹ Абай Гэсэр-Хубун: Эпосе : (Эхирит. булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказителя Маншута Имененова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961–1964; Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеп ле укаа сөстөр) / сост. Н. Р. Ойноткинова. Новосибирск, 2010; Бальбурова Б. Буряад арадай оньон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020; Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров, Б.-Х. Б. Цыбикова. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 2000; Би «Жаңһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева ; дааврта ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009; Калмыцко-русский словарь. 26000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977; Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011; Несказочная проза хакасов / сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко и др. Новосибирск: Наука, 2016; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020; Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: Джангар, 2007; Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997; Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994; Тыва тоолдар, II. 1951; Тыва улустун тоолдары. Кызыл: ТывНУЧ, 1947; Тувинско-русский фразеологический словарь = Тыва-орус фразеология словары: около 1500 фразеологизмов / сост. Я. Ш. Хертек; под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975; Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакаское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021; Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ, 1992.

если говорить о топонимике тюркских народов, то здесь числительное *сто*, наоборот, относится некоторыми исследователями даже к ведущим и стержневым числам. Так, Е. Койчубаев в работе о топонимах Казахстана считает важными числительные *жеті* ‘семь’, *тоғыз* ‘девять’, *қырық* ‘сорок’, *жүз* ‘сто’, *мың* ‘тысяча’, которые символически указывают на неопределенно большое количество, на понятие ‘много’, приводя в пример топоним *Жузарал* (букв. ‘сто островов’, в значении ‘очень много островов’) (Койчубаев, 1974: 9). Это подтверждают и топонимы Тувы, например, Чүс-Дыт (букв. ‘сто лиственниц’), местность, названная по обилию растущих там лиственниц, и Чүс-Табарганныг (букв. ‘сто табарганов (сурков)’), местность, названная по обилию водившихся там табарганов (Ондар, 2007: 501). В этих названиях нумератив *чүс* символизирует ‘большое множество, обилие’.

В фольклорных текстах Тувы (эпических произведениях и сказках) число *чүс* не настолько популярно и символически заряжено, как число *тос* ‘девять’ или кратное девяти *тозан тос* ‘девянносто девять’ (Бредис, 2023: 253). Уступающее магическим девяткам по символической мощи числительное *чүс* тем не менее играет определённую роль в художественном мире тувинского фольклора. В тувинских героических сказаниях это число в основном связано с гиперболами, символизируя большие множества. Так, в тувинском сказании «Тон-Аралчын хаан» неуёмная кровожадность двух страшных чудовищ из Нижнего мира подчеркивается с помощью числа сто. Эти чудовища через каждые сто дней поедали печень ста человек. В сказании Курбусту-Хаан отправляет Тон-Аралчын хана с поручением уничтожить этих чудовищ, чтобы установить безопасность во всей вселенной (Мижит, 2010: 161). Ощущение у слушателей угрозы и опасности для людей, исходящих от этих двух чудовищ, в сказании создается неоднократным повтором числа *чүс* ‘сто’ (так, чудовище Адыгыр-Кара-Мангыс говорит: *Ам чүс хонгаш, чүс кижиниң баарын / Чиир мен ‘Сейчас раз в сто дней, печень ста человек ем’*)¹. Нумератив одновременно является и точным числом, и несет символику множественности.

Близкое к сотне число 108 также связано с символикой сакрального и мощного числа *тос* (Бредис, 2023: 253), так как кратно девяти. Почитание этого числа у тувинцев в большой мере определяется тем, что речь идет о священном числе буддистов. Интересно, что в сказании «Тана-Херель» (в записи Л. В. Гребнева) количество жён бездетного Шан-хана составляло 108, но при этом разделилось вовсе не в соответствии с кратностью девятке: сто жён хана молились Золотой дангыне (Алдын-дангына) и родили сто мальчиков, а восемь жён отказались молиться «такой же, как они сами, женщине», и родили восемь щенков (Гребнев, 1960: 12).

Нумератив *чүс*, как правило, используется в сказаниях в значении ‘большого количества’. Например, отправляясь в дальний путь, необходимо взять с собой как можно больше провизии. В сказании «Алдай-Буучу» Хан-Буудай перед дорогой за своей невестой приказывает подданным приготовить и доставить сто барб толчёного жареного проса, сто валухов и сто плиток чая (*чүс барба чиңге-тараа-дан, чүс ирттен, чүс шайдан белеткеп эккелиңер*)². Здесь *чүс* употребляется в значении ‘очень много’. Речь действительно идёт о большом количестве провианта: *барба* — это парные кожаные перемётные сумы, мешки, валухи — это кастрированные бараны. А повтор числа *чүс* является художественным приёмом, призванным поразить воображение слушателей. В том же сказании Узун-Сарыг-хан поручает зятю пригнать большой табун лошадей, говоря: *Шаанда сээң ачаңдан малга келген чүс ишлги чылгы бар чүве* ‘Есть табун в сто красновато-рыжих коней, данный ещё давно твоим отцом в калым...’ (Гребнев, 1960: 139).

В эпосе «Хунан-Кара» хан велит кузнецу сделать из ста чаш-котлов одну черную булатную чашу-котел (*чүс казан папты кара чаңгыс болат казан пап кылдыр*)³. Число *чүс* придаёт эпический размах размерам огромного казана. Таких же богатырских размеров достигает шапка, которую сшила жена для Боктуг-Кириша в сказании «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей»: *Оон ыңай чүс киш кежи-биле бөрт* ‘И ещё — сшила я шапку из ста соболей’ (ТГС: 490–491).

¹ Тыва улустун тоолдары. Кызыл: ТывНУЧ, 1947. С. 148.

² Тыва тоолдар, II. 1951. С. 82.

³ Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997. С. 106. Далее ссылки на примеры из данного издания оформлены в тексте следующим образом (ТГС: страница).

Неоднократно нумератив *чүс* используется в эпосе для определения большого множества людей. Персонажи эпоса посылают посольных, чиновников, слуг, подданных, сами, отправляясь в путь, берут с собой сто человек. Так в сказании «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» Чашка-хан отправляет множество провожатых:

Чашка-Хаан эң эки дүжүметтерин болгаи хааларын

«Уругларны чер ортузу чегдир үдегер!» — дээш,

Чүс кижичорудуп каап-тыр (ТГС: 524).

Послал сто человек,

Чиновников лучших своих и посольных, Чашка-Хан:

“До середины пути детей моих проводите!” — сказал’ (ТГС: 525).

Отец Хан-Ченгея, поймав своего коня, повёл с собой сто человек для обустройства аала сына: *Аян-Кулазын тудуп мунгаиш, / Чүс кижини эдерткен* ‘Аян-Кула поймал, верхом сел, / Сто человек с собой повел’ (ТГС: 524–525). В эпосе «Хунан-Кара» главный герой в одной фразе использует числительное *чүс* пять раз:

Бир эртен көөрүмге

Чүс көк бора айтты мунган,

Чүс көк торгу тоннуг кижичи

Чиге соңгу чүктен

Чиге буруңгаар чоруп турар.

Бир эртен көөрүмге

Чүс кара айтты мунган

Чүс кара торгу тоннуг

Чүс кижичоруп турар,

Чүү улус боор чүмел, ачай? (ТГС: 94)

Однажды утром смотрю:

Сто человек в синих шелковых тонах

На ста сиво-серых конях

Прямо с северной стороны

Прямо в южную сторону едут.

Однажды утром смотрю:

Сто человек

В ста черных тонах

На ста черных конях едут.

Что это за люди, отец? (ТГС: 95)

В данном случае сто человек, вероятно, означают действительно сто человек, а точнее, сотню — подразделение конного войска. Древнетюркское числительное *jüz* ‘сто’ использовалось у многих народов также в значении ‘отряд из ста человек’ (Сравнительно-историческая ... , 2001: 574). В тюркских и монгольской армиях сотня была одной из основных боевых единиц, которая в свою очередь делилась на десять десятков. Каждой сотне назначался командир — сотник (древнетюркск. *jüz başı*) (там же: 568). В рассматриваемом отрывке речь идет о воинах, отправляющихся в дальние края к морю Ус на войну. В средние века сотня могла быть грозной самостоятельной силой. При этом сопоставление *бир* ‘один’ (*бир эртен* ‘однажды утром, букв. одно утро’) и *чүс*, а также многократный повтор числительного *чүс*, являются поэтическими приёмами, которые усиливают художественное восприятие текста, нагнетают ощущение тревоги. Рассматриваемая строфа характеризуется начальной аллитерацией, при которой многократно повторяется нумератив *чүс*.

Перед угрозой множества воинов (ста воинов на ста конях) Хунан-Кара по совету своего волшебного богатырского коня Арзылан-Кара произносит заклинание: *Чүс Арзылаң-Кара айттыг, / Чүс Хунан-Кара бол!* ‘На ста конях Арзылан-Кара / В сто Хунан-Кара превратись!’ (ТГС: 128–129). Превратившись в сто богатырей, Хунан-Кара на ста конях одолел вставшего на его пути врага и продолжил путь.

В рассказе о крупных потерях в сказании «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» также используется нумератив *чүс*: *Чүс кижиниң кезиш арткан, / Чүс айттың кезиш арткан...* ‘Из сотни людей половина осталась, / Из сотни коней половина осталась...’ (ТГС: 422–423).

Интересно употребление числительного *чүс* в тувинских фольклорных текстах для гиперболического определения точности и силы выстрела из лука. Так, в сказании «Хунан-Кара» хан велит выковать волшебные стрелы, которые могли бы пролететь сквозь сто конских подвздошных костей (*чүс айттың үттүг чарнының үдүн чире адар*) и сквозь сто воловьих вьюков с дровами (*чүс шары чүгү ыяшты*) (ТГС: 108–109). Числительное *чүс* создает эпический размах в описании волшебного оружия — стрел.

В богатырской сказке «Хайындырынмай Багай-оол» также описываются необыкновенные состязания в стрельбе из лука, в которых участники должны прострелить стрелой дрова в ста воловьих возах так, чтобы поджечь их. Затем стрела должна пройти сквозь отверстия в ста лисьих подвздошных костях, пробить ушки у сотни игл и пройти сквозь сто шуб, сделанных из шкур валухов¹. Стрела, которую из лука пустил Хайындырынмай Багай-оол, пронзила все мишени, обеспечив ему победу в нелёгком состязании:

...чүс шары чүбгү ыяшты
өрттендир дэггэши,
чүс дилгиниң
үттүг чарнын өттүр деггеш,
чүс тевениң үдүн чире деггеш
чүс ирт кежи тонну үттей деггеш...²

...дрова в ста воловьих возах
пронзила [она] так, что их подожгла,
сто лисьих подвздошных костей
насквозь прошла,
через ушки ста игл, надломив [их], прошла,
через сто шкур валухов насквозь прошла...³

Нумератив чүс здесь опосредованно становится символом богатырской силы или волшебных атрибутов персонажей эпоса. Одновременно в отрывке используется прием повтора числа чүс, способствующий достижению особой эпической художественной выразительности текста.

В тувинских сказках число чүс так же, как и в эпосе, используется в определительной функции в отношении множества людей:

Баа Бага-хаан-каты
Хайындырынмай күдээзинге
чүс оолду
өнчү болзун дээш
чүс кысты
паштанчы болзун дээш...⁴

Тесть Баа Бага-хан
из парней и девиц
сто парней отобрал,
«Выделяю в наследство», – сказал,
сто девиц отобрал,
«Пусть стряпухами будут»...⁵

Как мы видим, роль числа чүс в тувинском фольклоре связана с его определительной функцией в отношении множества людей, животных и предметов. Данный нумератив участвует в создании эпических гипербола, является символом богатырской силы и волшебства, а также способствует созданию художественной выразительности текста.

Нумератив сто в фольклоре ряда тюркских и монгольских языков

В алтайском эпосе число *jüs* 'сто' имеет сходную с тувинской семантику и символику и не отличается большой частотностью. Чаще всего оно используется для характеристики эпических объектов, выступает в значении 'очень много' в отношении людей и животных. При описании большого количества животных в эпосе «Маадай-Кара» упоминания о скоте часто сочетаются с числом *jüs* например: *jüs байталым* 'сто кобылиц', *jüs буура* 'сто верблюдов', *jüs бука* 'сто быков', *jüs ирик* 'сто барашков', *jüs ат* 'сто лошадей' (Сорова, Лукина, 2022: 21).

В алтайских легендах *jüs* символизирует предел количества, предел возраста. У алтайцев существует сказание о роде *Jüs* 'Сто'. Людей из этого рода стало на земле очень много, и перестали они своим горам поклоняться, начали воровать. Куда, верховное божество, покарал их за это, ограничив число рода только сотней человек:

¹ Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994. С. 157.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 159.

⁴ Там же. С. 178, 180.

⁵ Там же. С. 179, 181.

Кудай ачынала, мынайда айткан: Јусттердин јўзи јўс акчага турбазын, баштары полтинкага турбазын. Билелеринде јўулгек кижден болзын. Јўс кижден өтпөй, бирден өлүп туругр – деген¹

Кудай, рассердившись, так сказал: «Пусть лица дьюсов ста рублей не стоят, головы их полтинника не стоят. Пусть в ваших семьях по одному сумасшедшему будет. Не превышая ста человек, по одному умирайте»²

Здесь *јўс акчага турбазын* ‘ста рублей не стоят’ используется как показатель малой ценности этих людей, за которые никто не даст хорошей цены. Сто рублей сопоставляется с полтинником (50 копеек), символизируя отсутствие достоинства. С тех пор в роду *Јўс* лишь один человек из ста доживает до ста лет (*јўс кижинен бир ле кижи јўс јаш јажаар боло берген*)³. В этой фразе число *јўс* используется в значении ‘очень много’, ‘предельно много’ в отношении возраста человека.

В хакасском фольклоре число *чўс* не относится к почитаемым и сакральным. По данным О. В. Субраковой, в хакасском эпосе наиболее употребительными являются числа первого десятка, из десятков по частотности следуют *алтон* ‘шестьдесят’, *иліг* ‘пятьдесят’, *читон* ‘семьдесят’ и *хырых* ‘сорок’, и очень редко используются числительные *тоғызон* ‘девяносто’ и *чўс* ‘сто’ (Субракова, 2005: 100–101). В 89 текстах хакасской несказочной прозы нам удалось обнаружить *чўс* лишь дважды. В обоих случаях оно не имеет особой символики. В легенде «Чанар-Хус» числительное *чўс* используется в сочетании с упоминанием коней, когда речь идёт о калыме (*чўс асхыр*)⁴, а в легенде Таг кизілері («Горные люди») — с наименованием денежных купюр, где уточняется, каких купюр: *чўзерден ме? ‘По сто что-ли?’*⁵.

В монгольском мире число *зуун* ‘сто’ также не является символическим или сакральным, в отличие, например, от почитаемого буддистами числа 108. Сто, помимо точного числа, чаще всего означает ‘большое количество, много’. Так, у народа халха после рождения ребёнка в семье, где прежде дети умирали, использовались в большом количестве магические обереги, а одежду ему шили из «ста кусков», собираемых матерью в юртах, где росли здоровые дети. В данном случае выражение *сто кусков* применяется в значении ‘много’ (Жуковская, 2002: 114).

В бурятском фольклоре число *зуун* ‘сто’ также не является частотным и символически используется в значении ‘много’ в отношении людей, животных или эпических предметов. Подобно тувинскому и алтайскому фольклору, в бурятском число *зуун* используется в описании заданий, которые хан даёт главным героям, для выражения их трудности. Так, в бурятской сказке «Уран Тангарик» хан предлагает испытуемым войти в дом, в котором сто комнат (*зуун таһагтай гэр*)⁶, пройти все сто комнат, и выйти через ту же дверь, куда и вошли. Числительное *зуун* здесь подчёркивает масштабы жилища. Затем хан даёт новое задание: *Би нэгэ зуун хони алахаби, зуун хониной мяхан гээшые нэгэ сүүдхэ соо булта эдгэд лэ, зуун тогооной архи байха, нөөхи хорзо, тэрэниие хадаа хуу уугаад лэ, үглөөдэр тэрэ зуун хонинойнгоо арһые эд болгоод байһан хүндэ ухэби*⁷ ‘Я заколю сто овец. Мясо этих ста овец надо съесть за сутки. Будет архи ста котлов, и вот это все хорзо надо выпить...’⁸ Число *зуун* здесь символизирует огромное количество и нереальность выполнения задания.

Никакой сакральностью число *зуун* в бурятском фольклоре не обладает. В сказке «Будамшу Даа» есть фрагмент, построенный на игре слов *зуун* ‘сто’ и *зун* ‘лето’, которые звучат одинаково. В нём хитрец Будамши просит у богача одну копну сена, взамен обещая поставить на его земле летом (*зун*) одну копну, а богачу слышится: *зуун нэгэ бухал хэжэ ухэб* ‘сто одну копну поставлю’⁹.

¹ Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. С. 268.

² Там же. С. 269.

³ Там же. С. 268.

⁴ Несказочная проза хакасов / сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко и др. Новосибирск: Наука, 2016. С. 200.

⁵ Там же. С. 92–93.

⁶ Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров, Б.-Х. Б. Цыбикова. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 2000. С. 200.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же. С. 201.

⁹ Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров, Б.-Х. Б. Цыбикова. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 2000. С. 158.

В калмыцком эпосе «Джангар» число зун 'сто' упоминается 61 раз¹ и употребляется в значении 'очень много'. Так, Хонгор похваляется: «В ста странах прослыл хитрецом я <...> В моем племени — сто семей!» (Бурькин, 2004: 106; курсив источника. — М. Б.). Обращение к Хонгору также содержит число зун: *Зун оран зогсам / Зэргтэ Хоңһр минь!* 'Способный остановить (нападение) ста стран, / Храбрый Хонгор мой!' (Пюрбеев, 2015: 130).

Описание богатырского коня также не обходится без числа сто: «У искроподобного красного скакуна Крепкие мышцы тряслись перед сражением За семьдесят суток вперед, Слабые мышцы тряслись за сто суток вперед», — конь, после того, как на него надели упряжь, «подумал О предстоящем пробеге на сто лет, О предстоящих шестилетних мучениях своих» (Бурькин, 2004: 113; курсив источника. — М. Б.). Здесь число зун символизирует очень большой отрезок времени. Перед походом герои эпоса объезжают 'сто белых хурулов' (там же: 114), а богатырям во дворце Джангара подают яства, приготовленные на сто вкусов (*зун амтн төгсгсн идэн*), то есть отличающиеся необыкновенным разнообразием (Пюрбеев, 2015: 53). Этот образ 'яств на сто вкусов' повторяется в тексте неоднократно. Кроме того, в эпосе число зун используется в других сочетаниях: *зун орнд зөрггэрн харх (алдршх)* 'отличиться (прославиться) в 100 странах (о Джангаре)', *зун жилин ша тоолдх* 'устанавливать очередность (караулов) на 100 лет', *зун күүд* 'сто девиц', *зун текин өвр* 'рога ста козлов' (там же: 93). Во всех приведённых примерах число зун используется для выражения эпического значения всеобщности и множественности. При этом число сто не носит сакрального характера в отличие от числа 108, которое имеет очень высокую частотность употребления в тексте, что объясняется влиянием буддизма.

Анализ показывает, что в фольклоре тюрков Саяно-Алтая и монгольских народов нумератив сто, так же, как и в тувинском фольклоре, не обладает сакральностью, не заряжен мощной символикой, и всё же играет отведенную ему творчеством народа роль в создании фольклорной образности, несёт определительную функцию, символизирует значение 'очень много', иногда выступая в качестве предела в пространстве и времени.

Семантика числа чүс в тувинской фразеологии

Число чүс находит отражение во фразеологии тувинского языка. Это число, не обладая сакральностью и высокой частотностью употребления, в основном выступает в значении большого определённого исчислимого. Во фразеологическом словаре тувинского языка находим характеристику обычного человека: *Чүс сөөктүг, кара баштыг* 'нормальный, такой же, как все остальные (о человеке, букв. 'имеющий сто костей и чёрную голову')². Нумератив чүс используется здесь в значении множества, поскольку известно, что на самом деле костей в организме взрослого человека примерно в два раза больше.

В тувинских поговорках число чүс также имеет семантику множественности. Так, в поговорке о дружбе говорится: *Муң лаң орнуга / Чүс эштиг чор* 'Не имей тысячи лан, / А имей сто друзей'³. С помощью образов с числительными выражается пословичная идея *Много друзей лучше, чем много денег*. Причем друзья ценятся как минимум в десять раз выше, о чем говорит оппозиция чисел чүс 'сто' и муң 'тысяча'. Возможно, речь идет о заимствовании тувинцами русской поговорки *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* или о контактной параллели. В любом случае в тувинской лингвокультуре эта поговорка стала тувинской и содержит упоминание об этнокультурно маркированной единице — лане⁴.

¹ Би «Жаңһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; дааврта ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009. С. 137.

² Тувинско-русский фразеологический словарь = Тыва-орус фразеология словари: около 1500 фразеологизмов / сост. Я. Ш. Хертек; под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 194.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 40.

⁴ Лан (лян) — это денежная единица и мера веса в Цинской империи. Ланы имели хождение и на территории современной Тувы. В одном лане чуть больше 37 г серебра. См.: Урянхайско-тувинская энциклопедия / под общ. ред. С. К. Шойгу, отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: ООО «ИП Журналист», 2021. Т. II. С. 6.

Аналоги этой поговорки в монгольском и бурятском языках больше напоминают русский вариант: монг. *Зуун төгрөгтэй явснаас, зуун нөхөртэй явсан нь дээр* 'Лучше иметь сто друзей, чем иметь сто тугриков' (Кульганек, 2017: 117); бурятск. *Зуун түхэртэй байнхаар, зуун нүхэртэй байхан дээрэ* 'Лучше быть со ста друзьями, чем со ста рублями'¹.

Число *чүс* в тувинских пословицах символизирует большое множество (людей): *Чүвезин оорлаткан кижги / Чүс каралыг* 'Обворованный / Сто человек подозревает'²; *Чүс кижиниң арнын көөр орнунга, / Чаңгыс кижиниң адын танып ал* 'Лучше имя одного узнать, / Чем сотню в лицо увидеть'³. В последней пословице число *чүс* выступает в оппозиции к *чаңгыс* 'один, единственный'. В калмыцком паремиологическом фонде существует полный семантический и образный аналог этой тувинской поговорки: *Зун күүнә чирә үзхәр, нег күүнә нер сур* 'Чем видеть в лицо сто человек, лучше спроси имя одного'⁴.

Помимо указания на большое множество людей, число *чүс* символизирует большой отрезок времени: *Чүсте балыг / Чүс хонар* 'Сустав поранишь / — За сто дней излечишь'⁵. Здесь имеется в виду большая длительность лечения.

В хакасском паремиологическом фонде число *чүс* 'сто' также выступает в значении большого множества: *Чидіктіг кизінің чүс чазых, / Алған кизінің бір чазых* 'Сто грехов у потерявшего / И единственный у взявшего' (Чугунекова, 2019: 20). Множество *чүс* противопоставляется единичности (*бір* 'один'). Согласно исследованиям А. Н. Чугунековой, число *сто*, наряду с числом *тысяча*, «в паремических выражениях хакасского и тувинского языков часто выступают в оппозиции единичности» (там же).

В алтайских паремиях также наблюдается употребление числа *јүс* 'сто' с семантикой множественности в оппозиции к единичности: *Јүс јожон ат болгончо, / Сок јангыс јүгүрүк болзын* 'Чем сто смиренных лошадей иметь, / Лучше один скакун (Ойноктинова, 2012: 187). Также число *јүс* выступает в сочетании с наименованием денежной единицы как мерило ценности: *Уйалбастын јүзи јүс акчага турбас, / Оозы он акчага турбас* 'Лицо бесстыдника ста рублей (букв. 'денег') не стоит, / Рот десяти рублей не стоит' (там же: 249). В этой поговорке *јүс акча* 'сто рублей (денег)' сопоставляется с ещё менее ценной суммой — *он акча* 'десять рублей (денег)'. Но и этой суммы никто за бесстыдника не даст. Надо отметить, что в алтайском языке понятия стыд и совесть не дифференцируются (там же: 250). Число *јүс* в алтайских паремиях используется и в значении большого, количества в отношении времени, возраста человека: *Јүс те јашту болзон, / Јүрүминде бир јүс болзын* 'Если и сто лет [тебе] будет, / Пусть в жизни [у тебя] одно лицо будет' (там же: 251). Здесь также наблюдается оппозиция чисел *јүс* 'сто' и *бир* 'один'. Пословица советует человеку быть искренним и правдивым всегда, на протяжении всей жизни, до преклонного возраста, поскольку в алтайском обществе двуличие, лицемерие осуждается.

В монгольских паремиях число *зуу(н)* 'сто' также выступает в значении большого количества, иногда чрезмерного: *Зуун ямаанд жаран ухна* 'У ста коз шестьдесят козлов-производителей' (Кульганек, 2017: 118). В русском языке одним из семантических аналогов этой поговорки является паремия *У одной овечки семь пастухов*. В монгольской поговорке число *зуун* сопоставляется с *жаран* 'шестьдесят'. Шестьдесят производителей на сто коз — образное указание на избыточное количество, в несколько раз превышающее необходимое. Образность этой поговорки отмечает скотоводческую специализацию традиционного хозяйства монголов.

Аналогичная по образности и семантике поговорка бытует у бурятского народа: *Зуун ямаанда жаран ухана* 'Для ста коз — шестьдесят козлов'⁶. Число *зуун* в бурятских паремиях имеет семантику 'много' в отношении людей, животных, предметов и времени: *Нэгэ тэмээнэй хоргооһон зуун тэмээ халтируулаха* 'От кизяка одного верблюда заскользят сто верблюдов'⁷; *Зуун айлай үүдэ татаха, зуудаг нохойн тархи сохихо* 'Двери ста домов открывать, лающей собаки голову бить'⁸. *Зуун наһандаа зугаалажа, зунай*

¹ Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ, 1992. С. 49.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 69.

³ Там же.

⁴ Калмыцко-русский словарь. 26000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 255.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 69.

⁶ Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 123.

⁷ Там же. С. 152.

⁸ Там же. С. 123.

наранда яргажа, зуун граммдажа ябаха ‘До ста лет жить, веселиться, греться под лучами солнца, и сто грамм себе позволять’¹.

Примерно ту же символику несет число зун ‘сто’ в калмыцких паремиях. Оно употребляется в значении множества или большого отрезка времени, а также предельного возраста: *Зун жилин ээмг бээв чигн / Зун жилин ээж аав уга* ‘Хотя и есть род, насчитывающий целый век, / Но нет родителей, доживающих до ста лет’²; *Арвн герин андн болсн, / Зун герин зутаһул болсн* ‘Ставший позорищем для десяти семей (дворов), / Послуживший насмешкой для ста семей (дворов)’³; *Зун күүнэс зун утц авхла, / Угата күүнд киилгд күрдг* ‘Если у ста человек взять по нитке, / То бедняку достанет на рубашку’⁴. Последняя по слову является семантическим аналогом известной русской поговорки *С миру по нитке, голому рубашка*, построенной по модели **Много понемногу = много**.

Итак, мы видим, что число чүс в тувинской фразеологии и паремиях несёт семантику множественности, полноты, больших временных отрезков. Эта семантика характерна для числа *сто* в алтайской, хакасской, монгольской, бурятской и калмыцкой лингвокультурах, при этом в ряде случаев сходными являются и ключевые образы паремий.

Заключение

В результате проведённого анализа собранного материала в данной работе выяснилось, что число *сто* в тувинской, хакасской, алтайской, монгольской, бурятской и калмыцкой лингвокультурах имеет сходную символику. Ни в тюркских, ни в монгольских языках *сто* не входит в ряд сильных магических чисел, в отличие от числа 108, почитаемого в буддизме. В героических эпосах и других фольклорных произведениях тюркских народов Саяно-Алтая число *сто* встречается довольно редко или в некоторых произведениях почти не встречается, при этом большей частотностью обладают числа, кратные магической девятке (девять, девяносто девять, сто восемь и др.).

В тувинском фольклоре и фразеологии число чүс символизирует большое множество и определяет большие временные отрезки, выступая в качестве гиперболы. В ряде случаев чүс не несёт метафорической семантики, обозначая конкретное количество. При этом число чүс, его повторы в фольклорных произведениях, играют определённую роль в создании образности, художественной выразительности текста.

Символика тувинского чүс обнаруживает сходство с семантикой числа *сто* у монгольских народов. Примером этому служат идентичные паремии в тувинском и калмыцком языках, в которых отразились очень давние контакты тувинцев и калмыков. Кроме того, общие черты тувинской и монгольской культуры восходят к историческому соседству тувинцев, монголов и бурят, которое закономерно способствовало лингвокультурному трансферу. Также следует учитывать языковую общность тюркских и монгольских народов в рамках алтайской макросемьи языков.

Лингвокультурологический анализ паремий и фразеологизмов позволил выявить универсальные, общетюркские и этноспецифические аспекты числового кода тувинцев, связанные с числом чүс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабуева, В. Д. (2001) Мир традиций бурят. Улан-Удэ : Улзы. 144 с.
- Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

¹ Там же. С. 122.

² Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: Джангар, 2007. С. 32.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 125.

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–30. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Новоспаская Н. В. (2023) Особенности употребления нумератива пять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 36–50. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>

Бредис, М. А., Сюз, Б. (2023) Символика числа семь в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 274–289. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.19>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В. Мокиенко, В. М. (2021) Числовой код русинской культуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. № 2 (45). С. 202–212.

Бурькин, А. А. (2004) Числа в поэтике «Джангара» // Монголоведение. Вып. 3. С. 103–119.

Гармаева, А. Э. (2008) Числовая символика в монгольском языке: семантика и функции // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 105–110.

Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М. : Изд-во восточной литературы. 148 с.

Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М. : Восточная литература. 247 с.

Иванов, Е. Е. (2022a) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2022b) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2023) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 248 с.

Койчубаев, Е. (1974) Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата : Наука. 275 с.

Кульганек, И. В. (2017) Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб. : Петербургское Востоковедение. 182 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Мижит, Э. Б. (2010) Тувинская традиционная космология в героическом эпосе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 149–172.

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Нелюбова, Н. Ю., Ломакина, О. В., Мирзаева, С. В. (2023) ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 3. С. 595–615. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

Ойноктинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров / отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск : Институт филологии. 353 с.

Ойноткинова, Н. Р. (2021) Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты. Новосибирск : ИПЦ НГУ. 622 с.

Ондар, Б. К. (2007) Топонимический словарь Тувы. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 550 с.

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Пюрбеев, Г. Ц. (2015) Эпос “Джангар”: Культура и язык (Этнолингвистические этюды). Элиста : КИГИ РАН. 300 с. (На рус. и калм. яз.).

Самдан, З. Б. (2016) Миф в фольклорной традиции тувинцев (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск : Наука. 180 с.

Сорова, И. Н., Лукина, Ю. С. (2022) Особенности употребления числительных в тюркских эпосах (на примере якутского олонхо, башкирского кубаир, алтайского кай черчек) // Алтаистика. № 1 (04). С. 15–29.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. (2001) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М. : Наука. 822 с.

Субракова, О. В. (2005) Сакральные числа хакасского эпоса // Чатхан: история и современность. Материалы II Международного симпозиума по чатханной музыке и горловому пению / науч. ред. Л. В. Анжиганова. Абакан : Хакасское книжное издательство. 112 с. С. 100–104.

Чугунекова, А. Н. (2019) Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 10–2(37). С. 18–21. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11640>

Дата поступления: 21.02.2024 г.

Дата принятия: 09.03.2024 г.

REFERENCES

- Babueva, V. D. (2001) *The world of Buryat traditions*. Ulan-Ude, Ulzy. 144 p. (In Russ.).
- Bredis, M. A. (2023) Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremiology in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Bredis, M. A. and Novospasskaia N. V. (2023) Features of the use of the numeral five in Tuvan linguoculture (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 36–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>
- Bredis, M. A. and Xue, B. (2023) Symbolism of the number seven in Tuvan linguoculture (in comparison with Turkic, Mongolian and Chinese languages). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 274–289. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.19>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. Mokienko, V. M. (2021) Numerical code of the Rusyn culture (based on phraseological material). *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (45), pp. 202–212. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2004) Numbers in the poetics of “Jangar”. *Mongolovedenie*, issue 3, pp. 103–119. (In Russ.).
- Garmaeva, A. E. (2008) Numerical symbolism in the Mongolian language: semantics and functions. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 105–110. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvan Heroic Epic (experience of historical and ethnographic analysis)*. Moscow, Izd-vo vostochnoi literatury. 148 p. (In Russ.).

Zhukovskaia, N. L. (2002) *Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism*. Moscow, Vostochnaia literatura. 247 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022a) Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022b) Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*. vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2023) Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditional Tuvan culture*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 248 p. (In Russ.).

Koichubayev, E. (1974) *A short explanatory dictionary of toponyms of Kazakhstan*. Alma-Ata, Nauka. 275 p. (In Russ.).

Kul'ganek, I. V. (2017) *Mongolian proverbs and sayings. Research, translation, commentary*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 182 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Mizhit, E. B. (2010) Tuvan Traditional Cosmology in the Heroic Epic. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 149–172. (In Russ.).

Moskvicheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Neliubova, N. Y., Lomakina, O. V., Mirzaeva, S. V. (2023) LABOR in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 3, pp. 595–615. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres* / ed. by O. N. Laguta. Novosibirsk, Institut filologii. 353 p. (In Russ.).

Oinotkinova, N. R. (2021) *The mythological picture of the Altai people's world: concepts, motifs, plots*. Novosibirsk, IPTs NGU. 622 p. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2007) *Toponymic Dictionary of Tuva*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 550 p. (In Russ.).

Paremiology without Borders (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN University Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiology at the crossroads of Languages and Cultures (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN University Publ. 246 p. (In Russ.).

Piurbeev, G. Ts. (2015) *The epic "Dzhangar": Culture and language (Ethnolinguistic studies)*. Elista, KIGI RAN. 300 p. (In Russ. and Kalm.).

Samdan, Z. B. (2016) *Myth in the folklore tradition of the Tuvans (forms of existence, plot composition, character system)*. Novosibirsk, Nauka. 180 p. (In Russ.).

Sorova, I. N. and Lukina, Yu. S. (2022) Features of the use of numerals in Turkic epics (using the example of Yakut olonkho, Bashkir kubair, Altai kai cherchek). *Altaistika*, no. 1 (04), pp. 15–29. (In Russ.).

Comparative historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary (2001) / ed. by E. R. Tenishev. 2nd ed. Moscow, Nauka. 822 p. (In Russ.).

Subrakova, O. V. (2005) Sacred numbers of the Khakass epic. In: *Chathan: History and modernity*. Proceedings of the II International Symposium on Chathan Music and Throat Singing / ed. by L. V. Anzhiganova. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 112 p. Pp. 100–104. (In Russ.).

Chugunekova, A. N. (2019) Symbolism of numbers in Khakass and Tuvan paremiology. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 10–2 (37), pp. 18–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11640>

Submission date: 21.02.2024.

Acceptance date: 09.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.5

Статья

Категоризация окружающего мира в тувинском, бурятском и якутском эпосе через призму ахроматической пары белый / черный

Ольга И. Просяникова, Ксения В. Скорик

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Российская Федерация

В статье рассматриваются лексические значения слов, служащие для цветообозначения окружающего мира в эпических произведениях родственных этносов — тувинцев, бурят и якутов. Цветообозначение передает восприятие мира человеком и позволяет проследить процесс категоризации окружающего цветового пространства.

Сопоставительный анализ употребления ахроматических цветов в тувинском, бурятском и якутском эпосах позволил выявить типологические и генетические черты мировосприятия, свойственные этим народам ввиду культурных взаимодействий на протяжении веков.

Отмечается сходство в положительном восприятии белого цвета и отрицательном — черного, в актуализации эпитетами коннотативных значений оценочности и усиления качества. Результаты контекстуального анализа показали способность реализовывать переносные значения прилагательных-цветообозначений, свидетельствуют о символическом значении цветов и их ритуальном статусе для этих этносов.

Наличие характерных черт объясняется исторической близостью данных народов, духовной связью, принадлежностью к одной языковой группе. Однако установлены и расхождения, которые фиксируют этнокультурные особенности категоризации цветового мировосприятия.

Ключевые слова: цветообозначение; фольклор; эпос; тувинский язык; бурятский язык; якутский язык; ахроматическая пара

Для цитирования:

Просяникова О. И., Скорик К. В. Категоризация окружающего мира в тувинском, бурятском и якутском эпосе через призму ахроматической пары белый / черный // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 75-89. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.5>

Просяникова Ольга Игоревна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург — Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Эл. адрес: olgapros@mail.ru

Скорик Ксения Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург — Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Эл. адрес: myenglishprof@mail.ru

PROSYANNIKOVA, Olga Igorevna, Doctor of Philology, Associate Professor; Head, Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10, Peterburgskoe shosse, 196605 St. Petersburg — Pushkin, Russian Federation. E-mail: olgapros@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9080-3058

SKORIK, Kseniya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10, Peterburgskoe Shosse, 196605 St. Petersburg — Pushkin, Russian Federation. E-mail: myenglishprof@mail.ru

Article

Categorization of the surrounding world in the Tuvan, Buryat and Yakut epics through the prism of the achromatic pair white / black

Olga I. Prosyannikova, Ksenia V. Skorik

Pushkin Leningrad University, Russian Federation

The article examines the lexical meanings of words that help to describe the surrounding world in epic works by related ethnic groups — Tuvans, Buryats, and Yakuts. Color designations convey a person's perception of the world and allow us to trace the process of categorizing the surrounding color space.

A comparative analysis of the use of achromatic colors in the Tuvan, Buryat, and Yakut epics has revealed typological and genetic features of the worldviews of these peoples due to cultural interactions over centuries. There is a similarity in the positive perception of white and negative perception of black, as well as the actualization of connotative values and enhancement of quality through epithets.

The results of the contextual analysis have shown the ability to understand the figurative meanings of adjective-color combinations, indicating the symbolic significance of flowers and their ritual significance for these ethnic groups.

These characteristic features can be explained by the historical proximity, spiritual connection, and belonging to the same language group of these peoples. However, there are also differences that reflect the ethnocultural specifics of the categorization of color perceptions.

Keywords: color designation; folklore; epic; Tuvan language; Buryat language; Yakut language; achromatic pair

For citation:

Prosyannikova O. I. and Skorik K. V. Categorization of the surrounding world in the Tuvan, Buryat and Yakut epics through the prism of the achromatic pair white / black. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 75-89. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.5>

Введение

Цветообозначение и его отражение в языке решают проблему восприятия человеком реального мира. Эпические произведения, относящиеся к жанру фольклора, концентрируют в себе характерные черты древнего фольклорного отображения действительности, жизненные наблюдения и культурные традиции.

Обращение к исследованию бурятского, тувинского и якутского эпосов обусловлено следующими причинами. Эти народы объединяет принадлежность к алтайской языковой семье, внутри которой тувинский и якутский относятся к языкам тюркской группы, а бурятский — к монгольским языкам. Исторические связи этих языков порождают языковые сходства и различия¹. Сопоставительный ана-

¹ Вопрос родства этих языков до сих пор порождает споры, поскольку существуют противоположные точки зрения. Одни соглашаются с мнением о генетическом сходстве языков алтайской группы, другие объясняют наличие общих элементов в лексике и грамматике результатом тесного взаимодействия этносов и сложной интерференции на всех уровнях языка (Рассадин, Трофимова, Болд, 2018: 223; Болдырев, 2007: 9). С одной стороны, взаимодействие этих языков говорит о широком проникновении элементов языка одной группы в язык другой как о примере языкового трансфера (Lomakina, 2021), но исторические и географические

лиз лексических значений цветообозначений хроматического и ахроматического спектров, а также смешанных цветов в различных языках позволяет установить универсальные и этнокультурные стереотипы восприятия окружающего мира (Бакеева, 2012; Сыдыков, 2011; и др.¹).

Лексическая группа цветообозначений, представляющая один из самых древних пластов лексики, состоит из названий цветов и оттенков, которые в целом делают ее отдельной и самостоятельной. Анализ цветообозначений позволяет установить на языковом уровне процесс познания окружающего пространства посредством зрительного восприятия его цветового мира. Известно, что люди, независимо от расового происхождения, этнической принадлежности, пола, культуры и прочих координат, одинаково различают цвета. В частности, создатели теории основных цветообозначений Б. Берлин и П. Кей выделяют 11 основных цветов, составляющих универсальный инвентарь системы цветообозначения, соответствующие им лексемы релевантны для любого языка, независимо от генетической принадлежности (Berlin, Kay, 1969: 2-3). Однако количество названий цветов и оттенков варьируется в различных языках при наличии в них базовых цветов ахроматического спектра — белого и черного, которые являются универсальными для всех культур.

Сопоставительный анализ цветообозначений в настоящей работе позволяет выявить сходства в восприятии и категоризации окружающего мира через цветовое его представление, установить некоторые универсальные явления, определить идиоэтнические признаки цветовосприятия, свойственные отдельному этносу.

В анализируемых языках антонимичная пара «белый — черный» выражена лексемами тув. *ак — кара*, якут. *манан / үрүҥ — хара*, бурят. *сагаан — хара*. Ахроматические цветообозначения являются самыми частотными в фольклорных текстах и таким образом подтверждают свое сакральное значение в прошлом и доминирующую роль в настоящем времени (Божедонова, 2020: 110). Универсальность этой бинарной системы основывается на цветовом противопоставлении.

Белый цвет является положительным определяющим и символизирует свет, чистоту, связан с понятиями добра, счастья, благополучия, правдивости, чистоты и благородства (Баранникова, 1979: 210). Аксиологическая роль белого цвета выполняется в рамках положительных значений, поэтому белый цвет в культурах исследуемых этносов наделяется символизмом и сакральностью. Оценочный компонент в семантической структуре фольклорного слова преобладает и даже нейтрализует номинативный (Сердюк, 2009: 189). В связи с этим необходимо отметить такую особенность фольклорного слова, как диффузность его семантики, которая является результатом фольклорной символики и реликтовых ритуальных представлений (Оссовецкий, 1982: 29; и др.²). При включении в фольклорный текст обычные слова, не теряя своего прямого значения, приобретают, благодаря контексту, дополнительные важные значения. А. Т. Хроленко объясняет необычность фольклорных цветовых определений их предельной широтой функционирования. «Цветовые» же прилагательные выступают в функции оценочных слов и теряют свою цветовую определенность³. И такое явление наблюдается многократно при анализе цветообозначений в эпических сказаниях бурят, тувинцев и якутов.

Выбор материала для исследования обусловлен тем, что фольклорные произведения несут культурный код народа, который является коллективной языковой личностью, а архаические корни эпоса позволяют различить глубинные смыслы и символизм этих произведений. Слово в фольклоре хранит семиотические и символические глубины народной культуры, опосредованное отражение реального мира (Червинский, 1989; Хроленко, 2021).

обстоятельства стали причиной несовпадений слов базового фонда при наличии множества общих слов, обозначающих второстепенные понятия (Щербак, 1966: 23). С другой стороны, народы имеют общее потомственное кочевое происхождение, религиозные верования, территориальное соседство, что создало предпосылки для формирования определенных сходств в культуре и менталитете этих народов.

¹ Баинова О. А. Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья: Лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2005; Рыскулова Г. Ш. Семантика и символика цветообозначений кара (черный), ак (белый) в языке эпоса «Манас» в сопоставлении с русским языком: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2004.

² Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2021. С. 30.

³ Там же. С. 41, 52.

Материалом для исследования выбраны тексты бурятского эпоса «Аламжи Мэргэн»¹, тувинского — «Хунан-Кара», «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей»², якутского эпоса — «Кыыс Дэбилийэ»³. Выбор этих произведений обусловлен возможностью работать с академическими изданиями, в которых представлены тексты на языке оригинала и подстрочный перевод.

При исследовании использовались методы сплошной выборки для подбора примеров, метод контекстуального анализа для установления особенностей функционирования лексем в контексте, сопоставительный анализ для выявления сходств и различий в употреблении колористической лексики в фольклорном тексте как показателя мировосприятия.

Из истории вопроса

Изучение семантики основных цветообозначений проводилось многими исследователями на материале различных языков, в частности цветообозначения в алтайских языках изучались А. Н. Кононовым, Л. Л. Габышевой, С. Ч. Донгак, А. Е. Божедоновой (Кононов, 1978; Габышева, 1994; Донгак, 2004; Божедонова, 2020), А. А. Баиновой⁴, А. К. Башариной⁵, Д. П. Хинзеевой⁶. Лингвокультурологический аспект цветового кода как универсального компонента этнокультурных языковых картин мира рассматривается Т. Г. Бочиной на материале тувинских загадок (Бочина, 2023), О. В. Ломакиной — в тувинской паремиологии (Ломакина, 2022), И. А. Дамбуевым — в бурятской топонимике (Дамбуев, 2020). Сравнительные исследования лексики цветообозначений тувинского и бурятского языков проводили Г. А. Дырхеева и Ч. С. Цыбенова (Дырхеева, Цыбенова, 2022), семантики ахроматических цветообозначений на материале якутского, алтайского и хакасского эпосов А. Е. Божедонова (Божедонова, 2020).

В настоящем исследовании проводится анализ лексического состава цветообозначений с целью установления на языковом уровне особенностей цветового мировосприятия разными этносами, определения функционирования колористической лексики, выявления универсальных и лингвокультурных коннотаций в фольклорных произведениях на материале бурятского, тувинского и якутского эпосов.

Цветообозначение «белый»

В тувинском языке цветообозначение «белый» обозначается лексемой *ак* и имеет значения: 1) *прям. и перен.* белый; 2) чистый, честный, роскошный, седой; 3) сивый (масть лошади). В качестве положительного по значению эпитет «белый» присутствует во всех сочетаниях. В тувинском эпосе наибольшее число употреблений *ак* зафиксировано в отношении жилища *ак өг* 'белая юрта' и объектов природы *ак туруг* 'белый утес', *ак хая/ чалым/даш* 'белая скала/ гора/ камень', *ак чаңнык* 'белая молния', *ак булут* 'белая туча/облако'.

В текстах эпоса в сочетаниях с предметным существительным (объектом) прилагательное *ак* придает положительную оценочность предмету, выделяя его из общего ряда таких же предметов, наделяя символическим смыслом, магической силой и ритуальной ролью: *ак өг* 'белая юрта', *ак ном* 'белая книга', *ак ирт* 'белая овца-вожак', *ак аржыыл/тон* 'белый платок, халат', *ак ок* 'белая стрела', *ак балды* 'белый топор'.

¹ Бурятский героический эпос / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1991. Далее цитируется в тексте с сокращением и указанием страниц, напр.: (БГС: 128–131).

² Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое предприятие РАН, 1997. Далее цитируется в тексте с сокращением и указанием страниц, напр.: (ТГС: 128–131).

³ Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1993. Далее цитируется в тексте с сокращением и указанием страниц, напр.: (ЯГС: 128–131).

⁴ Баинова О. А. Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья: Лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2005.

⁵ Башарина А. К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах (опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.

⁶ Хинзеева Д. П. Цветообозначения в бурятском языке: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011.

<p>Ак торгу кудуузунга ушта соп эккелгештин, Ак туругнуң кырынга, Алды каът кылдыр чада салып алгаштың, Иезиниң Алды ама Ак торгу аржыылын ушта соккаштың, Тейинниң кырынга, Алды каът кылдыр сый туткаштың, Ак номун номчуп, Ак шугумунга бижип-ле берге олуруп-тур эвеспе он (ТГС: 178).</p>	<p>Вынул драгоценность-подстилку из белого шелка, В шесть слоев ее сложил, На белый утес положил. Вынул материнский Шелковый платок В шесть раз длинней своей ширины, В шесть слоев его сложил, На макушку свою [положил], Стал белую книгу читать, Белыми чертами стал писать, оказывается (ТГС: 179)!</p>
---	--

Предметы, которым придавалось особое значение, помечаются как белые. Например, *ак кадак* ‘белая шелковая лента’, которую преподносили почетным гостям, *ак белек* ‘дар / подарок’. В этих примерах маркируется сема уважения и почтения.

Прилагательное *ак* используется в описании внешности человека со значением ‘седой’: *ак баштыг ашак* ‘седовласый старик’, *ак салдыг* ‘белая борода’, *аксагалдай* ‘белобородый’.

Переносные положительные значения присутствуют в сочетаниях *ак сагыштыг* ‘чистые мысли’ (1), *ак малдыг* ‘белый скот’ в значении имеющий ухоженный вид (2):

<p>(1)</p>	<p>Боктуг-Кириш ону дыңнааш, ашакты: «Аас-кежиктиг, ак сагыштыг кырган-дыр — дыр сен ...» (ТГС: 492).</p>	<p>Услышав это, Боктуг-Кириш сказал старику: «Ты, старик, с чистой душой: добрая [весь]» (ТГС: 493).</p>
<p>(2)</p>	<p>...Хүн-Хаанның, Ай-Хаанның, Дээр- Хаанның Үш даңгыналарын чалап эккээр болза, Дирлип-даа болур, Өглүг-баштыг, ак малдыг, Аал-чурттуг-даа болур чүве-дир ийин (ТГС: 326).</p>	<p>... Хюн-Хана, Ай-Хана, Дэр-Хана — Трех дангын, если доставить, привезти, Можно будет его оживить, Он сможет иметь семью, иметь белый скот, Иметь свой аал-становище (ТГС: 327).</p>

Лексемой *ак* отмечается светлая масть животных: *ак аът* ‘белый конь’, *ак чылгы* ‘табун белых лошадей’, *ак ховаган* ‘белая бабочка’, *ак кодан* ‘белый заяц’, *ак шары* ‘белый вол’. Всего зафиксировано 52 случая употребления цветоименования *ак*.

В целом необходимо отметить особое положение белого цвета как символа чистоты, благополучия, добра и почта в сознании носителей тувинского языка. Коннотативное значение в сочетаниях *ак сүт* ‘белое молоко’, *ак чем* ‘белая еда’, *ак хой* ‘белый скот’, *ак орук* ‘белая дорога’, *ак даш* ‘белый камень’ обусловлено традициями и верованиями.

Сакральность молока, являвшегося главнейшим элементом питания кочевых тувинцев, связана с белым цветом, поскольку он ассоциировался с понятиями о чистоте и благополучии (Донгак, Ондар, 2019: 234–235). Молоко как лучшая часть белой пищи (*ак чем*) является главным подношением в праздничных ритуалах и считается священным продуктом (1). Скот белой масти посвящали богествам Верхнего мира, такое животное после обряда посвящения считалось священным, его отпускали в стадо как символ охранителя (2). Обряд *ак орук* совершается для благословения счастливой дороги. С особым почитанием относились тувинцы к белому камню, кремню, который использовался для высекания огня и лечения больных.

(1)	Ак чемим дээжизин Аяк-таваам-биле авап көр.	Самое лучшее из белой пищи, Вместе с посудой принять извольте (Кыргыз, 2015: 88).
(2)	Аал-оран шыпшың турзун! Айыыл-ондак келбезин! Ак хунаның өдээ Байып турзун!	В стойбище покой пусть будет! Опасности пусть минуют! У белого козла загон пусть увеличивается! (там же: 69).

Белый цвет в якутском языке обозначается двумя лексемами *үрүн* и *манган / маҕан*, что объясняется происхождением прилагательных: *үрүн* восходит к древним тюркским языкам, *манган / маҕан* заимствован из монгольского. В связи с этим они различаются по сочетаемости с другими языковыми единицами и по семантическому объему. Э. К. Пекарский определяет *үрүн* как противоположный черному *хара* и образующий сочетания с существительными, обозначающими людей, животных, растений, минералов, местностей¹.

Прилагательное *үрүн* в тексте поэмы образует сочетания с различными категориями понятий: *үрүн дьиэ* ‘белый дом’, *үрүн түүлэх* ‘белая шерсть’, *үрүн былыт* ‘белое облако’, *үрүн сүүрүк* ‘белые бегунцы’. Сакральность белого цвета *үрүн* придается в сочетаниях *үрүн күн* ‘белое солнце’, символизирующее жизнь, и *үрүн илгэ* ‘белая влага’ как символ белой божественной жидкости². В словосочетаниях *үрүн тыын*, *үрүн харах* реализуются переносные значения ‘светлая, чистая душа’ (1, 2), ‘светлый, добрый глаз’ (2):

(1)	Үрүн тыынын өрүһүлтэтин өйдөө, Хара тыынын харыһылтатын санаа (ЯГС: 226).	О спасении светлой души своей вспомни, О сохранении черной души подумай! (ЯГС: 227).
(2)	<...> Кыыс Дэилийэ Бухатыыр, Үрүн тыыммын өрүһүйэн, Сүөн тыыммын толуйан баран, Арҕаа Сибииргэ Айыы аймаҕын адаҕыта, Алаһа дьиэ тэрийэ барбыттааҕа, Ол иэримэ дьиэтигэр (ЯГС: 270).	<...> Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр, белую душу мою спасшая, толстую душу мою защитившая, на землю Западный Сибиир племя айыы поселить, уютное жилище создать отправилась (ЯГС: 271).
(3)	Үрүн харахтаах Өтүрэн көрбөт Үүт туманын түһэрэн <...> (ЯГС: 260).	<...> взорами светлых глаз непроницаемый бело-молочный туман напустили <...> (ЯГС: 261).

Прилагательное *манган* реализует признаки ‘белый, белесоватый, светлый’ в отношении лошади, неба, одежды, внешности³ и употребляется в прямом номинативном значении: *манган кухлэ* ‘белые сани’, *манган халлаан* ‘белое небо’. Однако сочетание *манган халлаан*, являющееся самым частотным эпитетом в описании неба и облаков, приобретает дополнительное значение в сложных словосочетаниях *күндүл манган халлаан / кыыда манган халлаан* ‘снежно-белое небо’. Слово *күндү* ‘дорогой, драгоценный, бриллиант’ придает сочетанию значение ‘сверкающее белизной небо’ за счет выдвигания семы ‘сверкающий’. *Кыыдам* ‘мелкая снежная пыль, пороша’ в составе сложного эпитета подчеркивает белизну снега. Сочетание *үүт манган халлаан* ‘молочно-белое небо’ придает

¹ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х тт. Якутск, 1959. Т. 3. Стб. 3178–3180.

² Там же. Стб. 2815.

³ Там же. Ст. 1523.

оттенок мягкого приглушенного белого. В сочетании *добун манган халлаан* ‘гладко-белое / чистое небо’ выдвигается семантика прилагательного *дбулуу* ‘совершенной гладкий’.

Переносное значение реализуется в сочетании *манган суол* дословно ‘белый путь’, что означает счастливый путь и везение в дороге (1), в сочетании *манган уустара* ‘белые мастера’ реализуется значение ‘искусные, лучшие’ (2):

(1)	Тоѳус тоѳойдоох Толомон манган суолун Ололмун туттарыахтын! (ЯГС: 240).	С девятью препонами большой белый путь твой пусть броды откроет! (ЯГС: 241).
(2)	Өр өтөр аҕай Күүтэллэрин кытты Үөһээ чэбдик халлаан Сэттэ дэҕил манган уустара <...> Тура түспүттэрэ баара да <...> Үс түүннээх күн устата Утуйар уу түбүн билбэккэ <...> (ЯГС: 260).	Долго, не долго ли ожидала, — Семеро искусных мастеров, на верхнем небе живущих <...> Только ногами ступили три и три ночи сладости сна не знали <...> (ЯГС: 261).

Общее число лексем со значением ‘белый’ в якутском олонхо составило 93.

В бурятском эпосе насчитывается самое большое число употреблений цветообозначения белый 124. Прилагательное *сагаан* ‘белый’ в качестве эпитета определяет положительные черты людей и предметов как в прямом номинативном значении *сагаан байхада* ‘белый снег’, *сагаан үүлэн* ‘белое облако’, так и в переносном. В представленных ниже сочетаниях, выделенных как частотные, прилагательное *сагаан* реализует различные коннотативные значения: *сагаан дайда* ‘белая земля’ в значении любимая и почитаемая (1), *сагаан байсонье* ‘белый дворец’ (2) в значении красивый, роскошный, *сагаан тараагта / харгы* ‘белая дорогая’, исходя из контекста, ‘счастливая’ (3) или особенная — ‘широкая, главная’ (4), *сагаан тэнгэри* ‘белое небо’ со значением чистое, светлое.

(1)	Гэшхэлдэши үгэй-лэ Гэгээн сагаан дайдайеым Гэшхэлдэжи, алхалдажи ерэхэн Хэнии хүбүүл?! (БГС: 120)	«Чей ты сын, Топтать посмевший Священную светлую землю мою, Которую топтать нельзя?!» (БГС: 121).
(2)	Үргэн сагаан байсандаа Үдэршье нуухадаа Уйдаха байналши, Охоршилхо байналши! (БГС: 106)	«Сидя изо дня в день В своем просторном белом дворце, Ты заскучаешь И затоскуешь в нем!» (БГС: 107).
(3)	<...> Аламжи Мэргэн хүбүүниин Ара гэрээн урайгшаа Үбэри сагаан харгүйяар Уруудажы талиибал (БГС: 206).	<...> «Аламжи Мэргэн, молодой» В сторону юга Южной светлой дорогой Помчался от дома [родного] И вдаль ускакал (БГС: 207).
(4)	Түүнэһээн сааша-ла Мүнхүн бээе бэелжи, Мүхүрөөн шарай шарайлжи Хаанай сагаан тараагтаар Ханхинаса хатарбал <...> (БГС: 184).	После этого, Прежний свой вид она обрела, Снова румяной стала, По широкой ханской дороге Звонкой рысью она поскакала <...> (БГС: 185).

Цветобозначение «белый» во всех трех языках маркирует положительные характеристики людей и предметов, передает эмоционально-положительную семантику и сакральное значение. Общим является цветобозначение белый для неба, что говорит о его восприятии в культуре этих народов как образа чистого и светлого пространства, как символа Верхнего мира, в котором существуют божественные силы. Сакральное свойство белого цвета связано с традициями и ритуалами, в которых используются предметы белого цвета. Переносные значения в сочетаниях с абстрактными существительными реализуют семы непорочности, чистоты, благородства.

Цветобозначение «черный»

Второй компонент в ахроматической паре белый /черный обозначается лексемами бурят. *хара*, тув. *кара*, якут. *хара* и имеет значение 1) черный, 2) темный. В противоположность положительной оценочности белого черный цвет представляет собой в большинстве случаев негативное определяющее и ассоциируется со злом, жестокостью, несчастьями и бедствиями. Наряду с белым является частотным в текстах эпоса, наблюдается его высокая сочетаемость с прямыми и переносными значениями. Несмотря на отрицательную коннотацию значения, в отдельных случаях имеет место выдвигание семы силы и усиления какого-либо качества предмета или явления.

В результате исследования цветобозначений в тюркских языках А. Н. Кононов выделил в качестве основных значений 'черный, темный, мрачный, суровый, печальный, несчастный', а также в качестве дополнительных значений 'большой, крупный, главный, великий, чистый' (Кононов, 1978: 161-169). Все эти значения характерны для тувинского и якутского языков.

В тувинских сказаниях эпитет *кара* 'черный' является самым частотным (образует 200 сочетаний) и ассоциируется, как правило, с негативными явлениями, чувствами и эмоциями. Наибольшим числом употребления отмечено сочетание *кара дажын / халзын / шокар* 'черный камень / гора / скала', которое несет эмоционально-негативную оценку. Однако в описании книги судеб *судур* сочетание *кара даш каптаазын* 'облаченная в черные каменные пластины' выдвигается положительная значимость черного камня, сакральность самой книги и ценность каменной защиты.

Уш кулаш Сарыг судурунун Өң каптаазынныг <i>кара дажын</i> Хакпаңайндыр ажыдып <...> (ТГС: 62).	Трехсаженную Желтую <i>судур</i> <...> Быстро раскрыл — Задрожал <i>каптаазын</i> из черного камня (ТГС: 63).
--	--

Черный цвет в качестве эпитета определяет одежду, реализуя прямое номинативное значение: *кара саар* 'черная юфта', *кара торгу тон* 'черный шелковый халат', *кара идиш-биле* 'черные идики'; описание внешности: *кара хавак* 'черные брови', *кара хыл* 'черный волос'; 'окрас зверей': *кара аът* 'черный конь', *кара кулун* 'черный жеребенок', *кара богба / кара чаваа* 'черный стригунок', *кара шишижек* 'черная пташка-чиж', *кара киш* 'черный соболь', *кара кымыскаяк* 'черные муравьи', *кара дас* 'черный гриф', *кара буура* 'темный верблюд', *кара кускун* 'черный ворон', *кара кужа* 'черный баран', *кара буга* 'черный бык'. Однако и прямое номинативное значение может придавать в контексте эмоционально-оценочное значение, усиливая ассоциирующееся с черным цветом чувство тревоги, беды. Например, эпитет *кара* в сочетаниях *кара чернин* 'черная земля', *кара хая* 'черная скала', *кара хөл* 'черное озеро', *кара далай* 'черное море', *кара хову* 'черная степь' выполняет усилительную функцию отрицательного качества. В примерах *кара саар* 'черная юфта', *кара торгу тон* 'черный шелковый халат', *кара идиш-биле* 'черные идики', напротив, выдвигается положительное значение 'богатая одежда'.

(1)	Оң, солагай холу-биле <i>Кара черни</i> сиртиледир каккылап <...> (ТГС: 312).	Лево́й и право́й нога́ми так бил, Что черная земля дрожала, оказывается <...> (ТГС: 313).
(2)	Эр киж <i>кара черниң</i> кырынга, <i>Кара хая</i> баарынга Өлүр-даа, төрүттүнер-даа Ужурлуг болгай <...> (ТГС: 136).	Мужчина на черной земле, Перед черной скалой Рожаться, умирать Должен ведь <...> (ТГС: 137).

Цветообозначение *кара* в различных сочетаниях функционирует как интенсификатор, усиливая какие-либо качества и выразительность (Аннай, 2016: 94). В таких словосочетаниях реализуются семы ‘грозный’, ‘большой’, ‘крепкий’, ‘богатый’:

(1)	Дөрбелчин <i>кара алдын ширээниң</i> кырындыва Каңгырт кылдыр Халып үне берген туруп-тур эвеспе аан (ТГС: 152).	На большой золотой квадратный <i>ширэ</i> Со стуком Его поставил, оказывается (ТГС: 153).
(2)	Үш түме <i>кара чааны</i> Үзе тиилээн мен, эжим. Тос шагда дооступ көрбээн, Тос түме <i>кара чааны</i> Доңгайты баскан мен, эжим (ТГС: 132).	Одолел, друг мой, В тридцати тысячах <i>грозных сражений</i> , Победил я, друг мой, В девяноста тысячах <i>грозных сражений</i> , Не прекращавшихся девять сроков (ТГС: 133)!
(3)	<i>Кара араганы</i> Ижиртип-даа кагган мен, эжим (ТГС: 134).	Я хана поил Крепкой арагой (ТГС: 135).
(4)	... Кажыр <i>кара дарганга</i> Каң-Мөгеден соктургаш (ТГС: 398).	Могучему-грозному кузнецу Кан-Могө выковать наказали (ТГС: 399).
(5)	Хаанның алдан кулаш Улуг <i>кара селемезин</i> Ап алгаштың, Кылаштап чоруй баргаш (ТГС: 88).	Взяв ханскую Большую крепкую саблю В шестьдесят сажень Шагом отправился (ТГС: 89).
(6)	<i>Кара баглаажынга</i> Катап кылаштап келгештиң (ТГС: 156).	К большой коновязи Вернулся (ТГС: 157).

Необходимо отметить и сочетания *караңгы кара дүн* ‘темная черная ночь / мгла’, *кара-кара булуттар* ‘черные-черные облака / тучи’ неоднократно употребляемые для интенсификации цвета и создания таким образом дополнительного эффекта тревожности.

Переносное значение ‘злой’ про душу человека отмечено в сочетании *кара малгааш* ‘черная грязь’:

« <i>Кара малгааштан</i> башка Мындыг-даа чүмеңер бар эвес» (ТГС: 162).	«Кроме черной грязи, Ничего другого в вас нет!» (ТГС: 163).
--	--

Неоднократно в тексте эпоса встречается сложный эпитет *кара-шокар даш бажы* ‘темно-пестрые вершины гор’. Прилагательное *шокар* ‘пестрый, рябой, пятнистый’ в этом сочетании придает не оттеночность, а вытупает в изобразительной роли. Таким образом передаются тени облаков на горных вершинах и лучи солнца, пробивающиеся сквозь облака, отчего горы кажутся пятнистыми.

Даң бажы шара-хере, Даш бажы <i>кара-шокар</i> апарганда <...> (ТГС: 92).	Когда же забрезжил рассвет И вершины гор темно-пестрыми стали <...> (ТГС: 93)
--	---

В якутском эпосе количество употреблений лексемы *хара* составило 70 слов. Частотность употребления и коннотативность семантики эпитета *хара* ‘черный’ в якутском олонхо подтверждает и Р. В. Корякина (Корякина, 2011: 179). Особенностью якутского олонхо явились антонимичные пары в параллельных строках, демонстрирующие противопоставление: *үрүг былыт* ‘белое облако’ / *хара былыт* ‘черное облако’, *үрүг тыын* ‘светлая душа’ / *хара тыын* ‘черная душа’, *үрүг түүлэх* ‘белая шерсть’ / *хара түүлэх* ‘черная шерсть’, *үрүг сүүрүк* ‘белые бегунцы’ / *хара сүүрүк* ‘черные бегунцы’ (поэтическое обозначение большого количества скота).

(1)	Дьэ, көвүрээбит үрүң сүүрүгүң Үс төгүл үллэн үөскээтин! Аңыйаабыт хара сүүрүгүң Аңыс тэгил аллан хангаатын! (ЯГС: 280).	Убавившиеся белые бегунцы твои пусть возродятся втрое! Уменьшившиеся черные бегунцы твои Пусть увеличатся восьмикратно! (ЯГС: 281).
(2)	Кыыс Дэбилийэ <...> Хара тыын харыһыгын санаарай, Үрүң тыын өрүһүлтэтин өйдөөрөй, Сырдык тыын сыанатын ырытаарай <...> (ЯГС: 168).	Кыыс Дэбилийэ <...> о защите черных душ наших вспомнит, о спасении белых душ наших подумает, о ценностях светлых душ наших помыслит (ЯГС: 169).
(3)	Үрүң-хара түүлэҕи Өлөрөн-өһөрөн барбыттар Үрдүк айыыларбыт Үтүө дьүүлэрэ Үһүөрүйэр күннээх буоллаҕына <...> (ЯГС: 152).	[Хотя] белошерстным и черношерстным нашим урон нанесли — высоких божест-айыы справедливая благосклонность милостиво снизойдет <...> (ЯГС: 153).

Несмотря на то, что прилагательное *хара* используется в прямом номинативном значении, в контексте может проявляться его эмоционально-оценочное коннотативное значение: *хара тыа* ‘темный лес / дерево’, *хара быар* ‘черная печень’, *хара былыт* ‘черная туча’, *хара хаан* ‘черная кровь’, *хара дьиэ* ‘черный дом’, *хара халҕан* ‘черная дверь’, *хара тии* ‘черные зубы’, *хара харах* ‘черный глаз’, *хара куй* ‘темная пещера’.

(1)	<...> Хара тыа буллун Хамыйа тартылар <...> (ЯГС: 98).	<...> зверей из темных лесов таскать начали <...> (ЯГС: 99).
(2)	Ити кэнниттэн Итир былгыттар дьиэгэнистилэр, Хара былыттар ханыыластылар <...> (ЯГС: 250).	После этого перистые облака появились, черные тучи сгустились <...> (ЯГС: 251).
(3)	<...> Хара хаана тохтубут, Иэдьэгэй этэ сэймэктэммит <...> (ЯГС: 142).	<...> Черная кровь его истекает, Нежное тело его искромсано <...> (ЯГС: 143).
(4)	<...> Хара быардара Халтан ойоҕосторунан быгылаабыт <...> (ЯГС: 132).	<...> черные печени их меж оголенными ребрами обнажились <...> (ЯГС: 133).

Эпитет *хара* к существительному *тыа* является одним из частотных и реализует значение непроходимого, необъятного леса как части огромного пространства, в котором обитают эпические герои.

Переносные значения наблюдаются в отношении абстрактных сущностей: *хара тыын* ‘черная душа’, о жестоком, злом, подлом человеке (1), *хара дьай* ‘черная беда, нечисть’ (2); в предметных существительных: *хара тангас* ‘черная одежда’ в значении простой повседневной (3), *хара чалахайа* ‘черная слизь, способная причинить зло’(4):

(1)	<...> Үрүң тыыны өллөйдөһөн, Хара тыыны харыһыйсан көрүөх этим (ЯГС: 198).	<...> белую душу его спасти, черную душу его защитить могли бы» (ЯГС: 199).
-----	--	--

(2)	<...> Хаан аймагым ааттааға Хара дьайбын Халбарытыһаарай диэммин <...> (ЯГС: 182).	<...> кровная родственница черную беду мою изгнать поможет <...> (ЯГС: 183)
(3)	<...>Хаан чаҕаан сэбэрэлэнэн баран, Халтан ойоҕоспутун халхалыыр Хара танас диэни Харахтыы иликпит <...> (ЯГС: 104).	<...> голые бока свои одеждой не прикрыли еще: то, что черной одеждой зовется, никогда не напяливали <...> (ЯГС: 105).
(4)	<...> Хара чалахайа саккыраабыт, Харыалаах таныыта тартаннаабыт Хара балахай муруннаах эбит <...> (ЯГС: 134).	<...> черной слизью капающий, грязный черный нос черные ноздри свои раздувает <...> (ЯГС: 135).

В словарной статье бурятско-русского словаря *хара* делается пометка относительно значения этого слова: «Черный цвет символизирует несчастье, горе гибель всего, что движется и дышит; чернота связывается с ночью, а ночь со злом...» (БГС: 398). Таким образом, фиксируется отрицательная эмоционально-оценочная характеристика этого цветообозначения, что подтверждается примерами. Всего прилагательное *хара* ‘черный, темный’ в качестве эпитета наблюдается 101 раз. Самым частотным является сочетание *хара далай* ‘черное море’, в котором эпитет *хара* в значении ‘темный’ придает таинственность и неизвестность этому природному объекту (1). Черным цветом обозначены каменные ворота *хара шулуун хаалга*, символизирующие неприступность (2), и дворец чудовища *хара байсан*, ассоциирующийся со злом (3):

(1)	Хара ехэ далая Үрмөтөсөөн зугаалба (БГС: 266).	[так долго беседовали], что пенкой покрылось Большое черное море (БГС: 267).
(2)	Гурбан зуугаад алаабхя Үүдээрэни гэшхэлбэ, Хара шулуун хаагалдаа Хаха мүргүн тулаба (БГС: 92).	Он проскакал Мимо трехсот лавок, Уперся в ворота Из черного камня (БГС: 93).
(3)	Мангад Ехэ Гахаяя Модон хара байсандан Ерэлдэжи байбал-даа (БГС: 142).	Он подъехал К черному деревянному дворцу Могучего мангадхя (БГС: 143).

М. И. Тулохонов отмечает функциональное своеобразие эпитета *хара* в эпическом контексте, который передает значения ‘крепкий, сильный, чистый, дремучий’ (БГС: 35). Такое же явление было описано нами относительно цветообозначения *кара* в тувинском эпосе.

(1)	Модон хара эмэлээ Тохолдожи орхёбо (БГС: 74).	Его оседлал Седлом из крепкого дерева (БГС: 75).
(2)	Нариихан Шарга мориниин Дүрбэн хара турууяа Тулалдажи шагналайл (БГС: 148).	Стройный соловый конь, Четырьмя крепкими копытами упершись, Стоял и прислушивался (БГС: 149).
(3)	Мойһон хара нюдүнһөө Мондогой хара нёлмоһуй Мухарюулажи уярлайл (БГС: 206).	Из его темных, Как черемуха, глаз Крупные чистые слезы катились (БГС: 207).

(4)	Найгама <i>хара шибэрын</i> Отоложи байбал-даа, Гараа угэй байбал-даа! (БГС: 180).	Как ни прорубался топор, Через ту дремучую чашу – Пробиться так и не смог! (БГС: 181).
(5)	Шара наран болходо Малгай <i>хара нарһанда</i> Хүрхү бартай ошобол (БГС: 148).	Солнце уже закатилось, К сосне с густой кроной Он приблизился, К ней подъехал (БГС: 149).

Переносное значение *хара* ‘злой’ реализуется в сочетаниях *хара һанаһан* ‘черные мысли’ (1), *хара зүрхэн* ‘черное сердце / душа’ (2), переносное значение ‘простой’ отмечено в словосочетании *унаган хара албата* ‘подданные’, люди, имеющие простое происхождение, буквально ‘черный люд’ (3):

(1)	Хара ехэй <i>һанаһан</i> <...> (БГС: 268).	Коварство большое замыслил <...> (БГС: 269).
(2)	<i>Хара ехэ үһеэ</i> <i>Хара зүрхээр</i> отолоогүйб, Хартанай ёродо отолооб! (БГС: 164).	Кос своих черных, длинных Не по своей воле лишаясь – Из-за черной злобы людской! (БГС: 165).
(3)	Унаган <i>хара албатуйн</i> Хааниин болжи зонхилбол (БГС: 68).	Ханом он сделался Миролюбивых подданных (БГС: 69).

Как и в тувинском эпосе эпитет *хара* используется для маркирования в черный цвет предметов одежды (*хара сэнмэ* ‘черное сукно’, *хара сабахяа* ‘черные сапоги’), животных (*хара хирээ* ‘черный ворон’, *хара булган* ‘черный соболь’, *хара морин* ‘вороной конь’), внешности (*хара үһэйе* ‘черные волосы’, *хара нюдүнһээ* ‘черные глаза’). Частотное употребление наблюдается в описании моря *хара далайяа* и гор *хара шулуун*.

Цветообозначение черный в тувинском языке обладает более широкой сочетаемостью с существительными, функционирование в роли интенсификатора с выдвиганием контекстуальной семы отмечается во всех анализируемых языках, переносные значения с отрицательной оценочностью немногочисленны, но фиксируются в эпосах, также отмечены положительные коннотации в переносных значениях в тувинском языке.

Оппозиция черный / белый как смысловое противопоставление отмечено в тексте тувинского эпоса в эпизоде поединка, когда проявляются переносные значения *белый* ‘добрый’, *черный* ‘злой’. Перекидывая черный и белый камни в руке перед поединком, богатыри Демир-Моге и Хунан-Кара рассуждают, кому какой исход битвы предначертан. Поединок заканчивается победой Хунан-Кара, который, схватив Демир-Моге, кружит его между белым и черным облаками, решая, в какой мир его отправить в черный или белый, Нижний или Верхний. И наконец сбрасывает его на черную землю.

(1)	Ак-кара дашты-даа Оң, солагай чарыккы холдарында Олуй-солуй кажыктап, тевектеп <...> (ТГС: 214).	Белый и черный камни Из руки в руку Крест-накрест перекидывая <...> (ТГС: 215).
(2)	<...> Ак-кара булуттуң аразы-биле-даа Тырыкылай соп эккелгештиң-даа <...> (ТГС: 226).	Между белой и черной тучами Его закружил <...> (ТГС: 227).

Заключение

Цветовые обозначения как языковое выражение мировосприятия, с одной стороны, демонстрируют черты универсального восприятия окружающего мира, с другой стороны — отражают в атрибутивах к объектам уникальные этнокультурные особенности. В фольклорных текстах, к которым относятся тексты рассмотренных эпических произведений, лексемы цветоименований подтверждают диффузность семантики, другими словами, способность актуализировать контекстуальные смыслы, обусловленные этнокультурными традициями и менталитетом. Такое свойство фольклорного слова насыщает смысловой объем произведения и его экспрессивно-оценочный потенциал.

Наибольшей частотностью обладают ахроматические цветовые обозначения, являющиеся базовыми в цветовом спектре. Хроматические цветовые обозначения представлены в текстах сказаний неравномерно, выделяются приоритетные и периферийные позиции цветов, что свидетельствует об этнокультурных особенностях восприятия.

Цветовые обозначения в эпических текстах функционируют как изобразительные прилагательные в прямом номинативном значении, как оценочные эпитеты положительного и отрицательного характера. Отмечена особая функция усиления качества, свойств и признаков предмета или объекта в сочетаниях прилагательного цвета и определенного существительного. Такое функционирование характерно в той или иной степени для всех рассматриваемых языков в зависимости от цветообозначения и атрибутируемого объекта.

При реализации переносного значения выдвигается нецветовое значение, связанное с символикой цвета и ритуальным статусом предмета.

Кроме универсального восприятия цвета выявлены этнокультурные расхождения, связанные с окружающей средой и традиционными смыслами.

В соответствии с ранжированием цветового спектра ахроматические цвета как основные в тексте эпических произведений занимают главенствующее положение. Универсальность значения белого как положительного знака подтверждено примерами из всех трех исследуемых эпических сказаний. В сознании народов белый цвет отождествляется с чистым, светлым, благородным и противопоставляется черному. Наблюдается совпадение в употреблении цветообозначения «белый» в переносном значении, имеющем исключительно положительную коннотацию. Выявлено сходство сакрального значения цветообозначения «белый» в культуре трех народов, что объясняется архетипичностью ритуалов и традиций, свойственных данным этносам. В восприятии бурят, тувинцев и якутов белый цвет символизирует чистоту и благородство помыслов, олицетворяет благополучие и счастье, имеет ритуальное значение.

Черный цвет не имеет однозначно негативной семантики, несмотря на общие для этносов ассоциации со злом и несчастьем. Прямое номинативное значение не всегда несет отрицательный смысл, отражая реальные явления. В тувинском эпосе черный цвет может выступать как символ богатства и могущества. Во всех анализируемых языках наблюдается такая особенность, как роль интенсификатора качества или признака в сочетании с существительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аннай, Э. К. (2016) Лексемы *кара* 'черный', *көк* 'синий', *кызыл* 'красный' как экспрессивные средства в тувинском языке // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т. 15. № 9. Филология. С. 93–111.

Бакеева, Д. А. (2012) Символика цвета в разнообразных культурах мира: мифологический этап // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6 (20). С. 30–33.

Баранникова, Е. В. (1979) Бурятские волшебные-фантастические сказки. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 254 с.

Бождонова, А. Е. (2020) Семантика ахроматических цветообозначений в эпических текстах (сопоставительный анализ на материале текстов якутского, алтайского, хакасского эпосов) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Сер. Эпосоведение. № 3 (19). С. 107–117.

Болдырев, Б. В. (2007) Морфология эвенкийского языка. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 932 с.

Бочина, Т. Г. (2023) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Габышева, Л. Л. (1994) Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо // Язык — миф — культура народов Сибири / редкол.: Л. Л. Габышева (науч. ред.) и др. Якутск : ЯГУ. 168 с. С. 3–23.

Дамбуев, И. А. (2020) Цветообозначение *сагаан* 'белый' в бурятской топонимике // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Вып. 2 (28). С. 106–117. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2020-2-106-117>

Донгак, С. Ч. (2004) Цвет и его символика в тувинской кочевой культуре // Ученые записки ТИГИ / отв. ред. В. Д. Март-оол. Кызыл : Типография Госкомитета РТ по печати и информацииназвание издательства. Вып. 20. 418 с. С. 213–227.

Донгак, С. Ч., Ондар, А. У. (2019) Сакральные аспекты «белой пищи» у тувинских кочесников // Культура и цивилизация. Т. 9. № 2А. С. 233–239.

Дырхева, Г. А., Цыбеннова, Ч. С. (2022) Белый цвет в традиционном мировоззрении тувинцев и бурят: семантика и ассоциативный тезаурус // Монголоведение. Т. 14. № 3. С. 634–648. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2022-3-634-648>

Кононов, А. Н. (1978) Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Наука, ГРВЛ. 283 с. С. 159–179.

Корякина, Р. В. (2011) Эпитет «хара» (черный) как ключевое слово в якутском олонхо // Якутский героический эпос олонхо: состояние и перспективы изучения : Материалы респуб. науч. конф. 27 мая 2011 г. / отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск : Издательский дом СВФУ. 305 с. С. 179–187.

Кыргыз, З. К. (2015) Тувинские народные песни и обрядовая поэзия. Новосибирск : Сибирская горница. 432 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Оссовецкий, И. А. (1982) Лексика современных русских народных говоров. М. : Наука. 198 с.

Рассадин, В. И., Трофимова, С. М., Болд, Л. (2018) Тюрко-монгольские параллели среди терминов духовной культуры в монгольских языках // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 222–231.

Сердюк, М. А. (2009) Слово в фольклорном тексте: семантическая структура субстанциональные свойства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. 96. С. 184–191.

Сыдыков, А. Н. (2011) Этнолингвистика: опыт ретроспективы. Бишкек : БГУ. 236 с.

Хроленко, А. Т. (1984) Коннотативный аспект фольклорного слова // Вопросы семантики: межвуз. сб. / отв. ред. А. Н. Дубяго. Калининград : КГУ. 217 с. С. 89–95.

Червинский, П. П. (1989) Семантический язык фольклорной традиции. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета. 222 с.

Щербак, А. М. (1966) О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. № 3. С. 21–35.

Berlin, V., Kay, P. (1969) Basic Colour Terms: their Universality and Evolution. Berkeley : University of California Press. 370 p.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of God and faith in uzbek and tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17. № 2. P. 125–135.

Дата поступления: 20.02.2024 г.

Дата принятия: 09.03.2024 г.

REFERENCES

Annai, E. K. (2016) The lexemes *kara* 'black', *kok* 'blue', *kyzyl* 'red' as expressive means in the Tuvan language. *Vestnik NGU. Issue "Istoriia, filologiiia"*, vol. 15, no. 9, pp. 93–111. (In Russ.).

Bakeeva, D. A. (2012) The symbolism of color in various cultures of the world: a mythological stage. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6 (20), pp. 30–33. (In Russ.).

Barannikova, E. V. (1979) *Buryat magical and fantastic fairy tales*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 254 p. (In Russ.).

Bozhedonova, A. E. (2020) Semantics of achromatic color meanings in epic texts (comparative analysis based on the texts of the Yakut, Altai, Khakass epics). *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Issue "Eposovedenie"*, no. 3 (19), pp. 107–117. (In Russ.).

Boldyrev, B. V. (2007) *Morphology of the Evenk language*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 932 p. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2023) Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Gabysheva, L. L. (1994) Spatial-temporal vocabulary and color metaphor in olonkho texts. In: *Language – myth – culture of the peoples of Siberia* / Ed. by L. L. Gabysheva et al. Yakutsk, YaGU. 168 p. Pp. 3–23. (In Russ.).

Dambuev, I. A. (2020) Colour designation караан 'white' in the Buryat toponymy. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, issue 2 (28), pp. 106–117. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2020-2-106-117>

Dongak, S. Ch. (2004) Color and its symbolism in Tuvan nomadic culture. *Scientific notes of TIGI* / ed. by V. D. Mart-ool. Kyzyl, Tipografiia Goskomiteta RT po pechatu i informatsiinazvanie izdatel'stva. Issue 20. 418 p. Pp. 213–227. (In Russ.).

Dongak, S. Ch. and Ondar, A. U. (2019) Sacred aspects of "white food" among Tuvan nomads. *Kul'tura i tsivilizatsiia*, vol. 9, no. 2A, pp. 233–239. (In Russ.).

Dyrkheva, G. A. and Tsybenova, Ch. S. (2022) White Color in Traditional Worldviews of Tuvans and Buryats: Semantics and Associative Thesaurus Approached. *Mongolian Studies*, vol. 14, no. 3, pp. 634–648. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2022-3-634-648>

Kononov, A. N. (1978) Semantics of color meanings in Turkic languages. In: *The Turkological collection 1975* / ed. by A. N. Kononov. Moscow, Nauka, GRVL. 283 p. Pp. 159–179. (In Russ.).

Koriakina, R. V. (2011) The epithet "hara" (black) as a keyword in Yakut olonkho. In: *Yakut heroic epic of olonkho: composition and prospects of presentation: Materials of the Scientific Conference on May 27, 2011* / ed. by V. N. Ivanov. Yakutsk, Izdatel'skii dom SVFU. 305 p. Pp. 179–187. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (2015) *Tuvan folk songs and ritual poetry*. Novosibirsk, Sibirskaiia gornitsa. 432 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Ossovetskii, I. A. (1982) *Vocabulary of modern Russian vernacular*. Moscow, Nauka. 198 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I., Trofimova, S. M. and Bold, L. (2018) Turkic-Mongolian parallels among the terms of spiritual culture in the Mongolian languages. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 222–231. (In Russ.).

Serdiuk, M. A. (2009) A word in a folklore text: semantic structure and substantial properties. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, issue 96, pp. 184–191. (In Russ.).

Sydykov, A. N. (2011) *Ethnolinguistics: a retrospective experience*. Bishkek, BGU. 236 s. (In Russ.).

Khrolenko, A. T. (1984) The connotative aspect of the folklore word. In: *Questions of semantics* / ed. by A. N. Dubiago. Kaliningrad, KGU. 217 p. Pp. 89–95. (In Russ.).

Chervinskii, P. P. (1989) *The semantic language of the folklore tradition*. Rostov-na-Donu, Izd-vo Rostovskogo universiteta. 222 p. (In Russ.).

Shcherbak, A. M. (1966) On the nature of the lexical relationships of the Turkic, Mongolian and Tungusic-Manchu languages. *Voprosy iazykoznaniiia*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.).

Berlin, B. and Kay, P. (1969) *Basic Colour Terms: their Universality and Evolution*. Berkeley, University of California Press. 370 p.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of God and faith in uzbek and tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Submission date: 20.02.2024.

Acceptance date: 09.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.6

Статья

Роль гастрономического компонента в выражении аксиологического смысла тувинских паремий (на фоне русского и французского материала)

Наталья Ю. Нелюбова, Дмитрий С. Скнарев

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Чодураа Ш. Кол

Средняя общеобразовательная школа им. Л. Б. Чадамба с. Тоора-Хем Республики Тыва, Российская Федерация

Статья посвящена аксиологическому анализу тувинских пословиц и поговорок с компонентом гастрономической тематики на фоне русских и французских паремий. Анализ проведен на материале авторской картотеки, полученной путем сплошной выборки из паремнографических источников трех языков, построенных по тематическому принципу.

Проведенное исследование позволило выявить важную роль пищевого компонента в выражении аксиологического смысла паремий трех языков. Выявленные компоненты-символы представляют гастрономические традиции этносов и позволяют установить как универсальные, так и специфические черты в восприятии ценностей и определенных жизненных ситуаций. Для тувинских паремий типично употребление наименований различных видов мяса, молочных продуктов и зерна, то есть традиционных продуктов питания, выступающих в качестве символической основы для отражения различных ценностей и ценностных диад: труд — лень, дружба, семья, народ, богатство — бедность, слово, красота. Русский материал выявляет связь гастрономических паремий с самыми разными темами и соответствующими ценностями, однако еда в нем рассматривается скорее не как ценность, а как жизненная необходимость. Репрезентация пищи как отдельной ценности ярко выражена во французских паремиях, где выявлено самое большое число разнообразных компонентов, обозначающих еду, так как для французской культуры особенно характерны гастрономические традиции. Кроме того, во французском словаре, в отличие от тувинского и русского, имеется отдельная рубрика, посвященная еде и столу, что подтверждает роль еды как ценности для французов.

Ключевые слова: паремия; гастрономический компонент; тувинский язык; русский язык; французский язык; аксиологический смысл; культурный код

Материалы статьи частично вошли в доклад, прочитанный на международной междисциплинарной конференции «Текст и дискурс: проблемы анализа, интерпретации, перевода» (19–22 сентября 2023 г., г. Иркутск, Россия).

Публикация выполнена в рамках проекта № 202802-2-000 «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Нелюбова Н. Ю., Скнарев Д. С., Кол Ч. Ш. Роль гастрономического компонента в выражении аксиологического смысла тувинских паремий (на фоне русского и французского материала) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 90-111. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.6>

Нелюбова Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: nat.nelubova@mail.ru

Скнарев Дмитрий Сергеевич — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: sknarev_ds@pfur.ru

Кол Чодураа Шолбан-ооловна — заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель первой квалификационной категории средней общеобразовательной школы им. Л. Б. Чадамба с. Тоора-Хем Республики Тыва. Адрес: 668530, Россия, Республика Тыва, Тоджинский район, с. Тоора-Хем, ул. Советская, д. 26. Эл. адрес: 4odon@mail.ru

The role of the gastronomic component in expressing the axiological meaning of Tuvan proverbs (against the background of Russian and French material)

Natalia Yu. Nelyubova, Dmitry S. Sknarev

RUDN University, Russian Federation,

Choduraa Sh. Kol

L. B. Chadamba Secondary school, Toora-Khem, Republic of Tuva, Russian Federation

The article presents an axiological analysis of Tuvan proverbs and sayings with gastronomic themes, comparing them to Russian and French proverbs. The analysis is based on a card file of the author, which was compiled by continuously sampling from paremiographic sources in three languages. The sampling was done according to a thematic principle. The conducted research has revealed the significant role of food in the expression of axiological meanings in paroemias from three different languages. Identified symbols represent gastronomic traditions of different ethnic groups and allow us to identify both universal and unique features in the perception of values and specific life situations.

For Tuvan paroemias, it is common to use names of various meats, dairy products, and grains, which are traditional food items that serve as a symbolic basis for expressing various values and value pairs, such as work — laziness, friendship — family, people — wealth, and beauty. In contrast, the Russian material shows a connection between gastronomic proverbs and various topics, but food is not seen as a value itself, but rather as a necessary part of life. The representation of food as a separate value is clearly expressed in French parodies, where a large number of different food components are revealed. Gastronomic traditions are an important part of French culture, and this is reflected in the language. The French dictionary has a separate section devoted to food and dining, which further emphasizes the importance of food in French culture. In contrast, the Tuvan and Russian languages do not have such a dedicated section for food. This difference in approach to food may be due to cultural differences between the three languages. However, food plays an important role in the French cultural code.

Keywords: *paremia; gastronomic component; Tuvan language; Russian language; French language; axiological meaning; cultural code*

The materials of the article were partially included in the report read at the international interdisciplinary conference "Text and Discourse: Problems of Analysis, Interpretation, Translation" (September 19–22, 2023, Irkutsk, Russia).

The publication was carried out within the framework of project No. 202802-2-000 "Linguistic and cultural research of the communicative reality of modern Russia" of the RUDN Grant Support System for scientific projects.

For citation:

Nelyubova N. Yu., Sknarev D. S. and Kol Ch. Sh. The role of the gastronomic component in expressing the axiological meaning of Tuvan proverbs (against the background of Russian and French material). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 90-111. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.6>

NELYUBOVA, Natalia Yuryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: nat.nelubova@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-6538-8267](https://orcid.org/0000-0002-6538-8267)

SKNAREV, Dmitry Sergeevich, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Professor, Department of Russian Language and Linguoculturology, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: sknarev_ds@pfur.ru

ORCID ID: [0000-0002-9404-8421](https://orcid.org/0000-0002-9404-8421)

KOL, Choduraa Sholban-oolovna, Deputy Director, L. B. Chadamba secondary school, Toora-Khem, Republic of Tuva. Postal address: 26 Sovetskaya St., Toora-Khem village, Todzhinsky district, Republic of Tuva, 668530, Russia. Email: 4odon@mail.ru

Введение

В процессе аксиологического анализа паремиологического материала важно отметить роль ключевых лексем в создании как общего смысла, так и ценностного значения пословиц и поговорок. Как правило, ключевые компоненты бывают связаны с определенным кругом тем, представляющих основные ценности этноса и культурные коды. Код культуры понимается как «формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия» (Красных, 2016: 131), а также как «совокупность знаков, составляющих план выражения для культурного содержания, внутренне связанной системы культурно ценностной информации и установок, носящих конвенциональный характер и формирующихся в пределах культуры»¹.

Изучению значимых образных компонентов в тувинском фольклоре, в том числе в сопоставлении с аналогичным материалом других языков, посвящен ряд исследований, выполненных в рамках различных методологических подходов (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Иванов, 2022; и др.). Некоторые компоненты представляют важные для этноса культурные коды через символические образы. Речь идет о номинациях животных (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Иванов, Монгуш, 2023; Нелюбова, 2022с; Соян, 2023). Ряд работ посвящен элементам, представляющим соматический (Денисенко, Калинина, 2023; Мамбетова и др., 2023), цветовой коды (Бочина, 2023b; и др.) и др.

Важным аспектом нам представляется изучение паремиологического фонда с точки зрения функционирования в нем гастрономических компонентов, так как часто с помощью метафорических образов, связанных с едой, передается смысл и мораль различных жизненных ситуаций, в том числе аксиогенных, или ценностнопорождающих, по терминологии В. И. Карасика (Карасик 2015: 26). Е. В. Ничипорчик отмечает, что «каждая пословица, выступающая знаком типовой ситуации, обозначение которой зачастую представлено кластером синонимичных пословиц, — это определенная точка напряжения, связанная с той или иной жизненной проблемой, и организация паремипространства в целом отражает взаимосвязь этих проблем в реальной действительности» (Ничипорчик, 2023а: 137).

Т. В. Маркелова и М. В. Петрушина говорят об оценочных ситуациях как об одном из параметров функционального устройства системы средств выражения оценочности: в некоторых случаях «переносное значение оценки создается за счет использования ассоциативного потенциала слова в контексте» (Маркелова, Петрушина, 2019: 11), а гастрономические образы обладают широким метафорическим потенциалом в контексте аксиогенной ситуации, представленной в паремиях.

Цель данной статьи — определить роль и особенности функционирования гастрономического компонента в процессе создания аксиологического смысла тувинских паремий в сопоставлении с русскими и французскими.

Необходимость изучения пищевых традиций народов и их репрезентации в языке объясняется тем, что «приверженность традиционной кухне считается прежде всего маркером этнической идентичности» (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022: 171). Прием пищи представляет собой как биологический, так и «культурный процесс, отражающий многовековые традиции народа» (Абакарова, Омарова, 2016: 68), не только базовую физиологическую потребность, но и важный культурно-бытовой ритуал, который указывает на принадлежность человека определенной этнической общности (Чеснокова, Фернандес Санчес, 2017: 50–51). Таким образом, пища — ярко выраженная этническая и национальная константа (Павловская, 2022а: 285). Разные виды пищевых продуктов и традиции приготовления блюд, имеющие к ним отношение праздники и ритуалы непосредственно связаны с основной системой ценностей народа (Борисова, Эбзеева, 2019: 820), из чего следует важность исследования функционирования гастрономических компонентов паремий в аксиологическом ракурсе. Анализ, проведенный в данном ракурсе в сопоставительном аспекте, представлен нами ранее на материале ряда разноструктурных языков (Нелюбова, 2023ab; Нелюбова и др., 2023).

Функционирование гастрономических компонентов интересно проследить на примере яркого и самобытного тувинского материала с точки зрения соотношения представления в нем пищевых традиций и аксиологического потенциала.

¹ Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков; отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 40.

Как отмечает Ч. К. Ламажаа,

«богатство культуры и особенности языка тувинцев таковы, что в них можно увидеть целые исторические слои и огромное наследие предков — древних кочевых племен Центральной Азии <...> В основном письменные свидетельства знаний и мыслей тувинцев мы можем получить или опосредованно (в исторических документах, в записях путешественников, работах первых исследователей Тувы), или в зафиксированном устном народном творчестве, в фольклоре» (Ламажаа, 2018: 16).

Описанию историко-этнографических аспектов тувинского фольклора посвящена книга Г. Н. Курбатского (Курбатский, 2001); необходимо отметить также паремиографические источники — словари тувинских пословиц и поговорок¹, фиксирующие данный материал.

Важным является изучение тувинского паремиологического материала как одной из азиатских частей евразийского паремиологического континуума с точки зрения его корреляции с паремиями европейских частей данного континуума. В данном случае в качестве фона нами были выбраны русский и французский языки, так как русские поселенцы на территории Тувы, по словам Г. Н. Курбатского, выступали в качестве посредников в процессе освоения «тувинцами европейской культуры» (Курбатский, 2001: 32), одной из наиболее ярких частей которой является французская культура, к тому же, известная своей гастрономической традицией. Общность и различия в традициях питания могут быть обусловлены спецификой исторического, культурного развития этносов, географического положения стран и регионов и климатических условий.

В данной статье мы придерживаемся понимания паремии как минимального текста, состоящего

«из одного или нескольких предложений с определенной структурой и лексическим составом. Выражая всегда обобщенную социокультурную ситуацию, паремиологический текст обладает природой этнолингвистической формулы, которая вырабатывалась с помощью особой системы мировоззрения народа <...> Паремии, как и любой другой текст, — это не только содержательно, но и структурно самостоятельные произведения устного народного творчества» (Кацуба, 2009: 11).

Мы считаем, что важную роль в формировании и представлении заложенного в паремии этнолингвистического содержания выполняют ключевые, в нашем случае — гастрономические компоненты.

Традиции питания напрямую зависят от культурного и исторического контекста, а тувинцы — «народ древней истории и самобытной культуры. Их, по отзывам путешественников и исследователей, отличали самобытность, своеобразие, самостоятельность языка, типа, религии, образа жизни — несмотря на сильное монгольское влияние, живость, энергия, инициатива, бодрость духа, самоуверенность, личное достоинство, разнообразие индивидуальных характеров» (Курбатский, 2001: 6). В тувинских паремиях отражаются особенности преимущественно кочевого образа жизни, характерного для эпохи создания пословиц и поговорок. Если говорить о традициях питания кочевников в целом, нужно уточнить, что их ряды изначально «пополнялись двумя основными путями. Во-первых, бывшими охотниками, тяготевшими к преимущественному потреблению мясных продуктов. Во-вторых, выходцами из древнейших смешанных скотоводческих и зерновых миров, питавшихся не только и даже не столько мясом, сколько молочными продуктами и небольшим количеством зерновых» (Павловская, 2022b: 236). Тем не менее, исследователи отмечают, что «мясо скота употребляется и в повседневной жизни, и в обрядово-ритуальных праздниках. То есть мясная продукция остается «сердцем» тувинской кухни, как и во многих других азиатских культурах» (Мал-маган. Тувинцы ... , 2023: 4). Данные особенности нашли подтверждение в собранном нами материале тувинских паремий с гастрономическим компонентом.

Материалы и методы

Методологическая база исследования основана на понимании паремиологии как самостоятельного направления в лингвистике (Мокиенко, 2010; Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Seliverstova, 2020), на новейших исследованиях в области сопоставительной и типологической паремиологии (Seliverstova, 2020; Бредис, Иванов, 2021; Alyoshin, Ivanov, 2023), ко-

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020.

нитивного и лингвокультурологического описания паремий (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Бредис, Иванов, 2022; Иванов, 2023).

В процессе анализа материала использовались описательно-аналитический, лингвокультурологический, лингвоаксиологический, сравнительно-сопоставительный методы, метод семного анализа, прием сплошной выборки при составлении картотеки паремий и статистический метод при подсчете количества паремий гастрономической тематики относительно общего числа пословиц и поговорок, представленных в словарях.

В качестве источников материала были использованы словари тувинских¹, русских² и французских³ пословиц и поговорок, построенные по тематическому принципу. Авторская картотека составила около 1500 паремий трех языков с гастрономическими компонентами. В качестве иллюстративного материала в статье было приведено более 90 иллюстративных примеров.

Функционирование гастрономического компонента в тувинских паремиях

Картотека тувинских паремий была собрана путем сплошной выборки из словаря «Тувинские пословицы и поговорки» (1966), организованному по тематическому принципу. Тематическая группа «Еда» в данном источнике отсутствует, однако гастрономические компоненты были выявлены в 42 единицах, относящихся к различным тематическим группам, что составляет 12,8% от общего количества единиц (327), представленных в словаре. Все пословицы картотеки представлены также в словаре «Пословицы и поговорки тувинского народа» (2020).

С учетом полученных и представленных нами ранее данных (Нелюбова, 2022b: 150) был проведен количественный анализ, позволивший определить процент паремий с гастрономическим компонентом в пределах тематических рубрик. Результаты представлены в таблице 1 в порядке убывания количественного показателя.

Таблица 1. Количество единиц с гастрономическим компонентом в тематических рубриках словаря «Тувинские пословицы и поговорки» (1966), в %

Table 1. The number of units with a gastronomic component in the thematic headings of the dictionary "Tuvan proverbs and sayings" (1966), in %

№	Тематическая рубрика	Количество единиц с гастрономическим компонентом
1.	Чалгаа, ажыл кылбазының дугайында 'Лень, безделье'	38
2.	Ажыл, мергежил дугайында 'Труд, мастерство'	37,5
3.	Харам кижги дугайында 'Скупость, жадность'	31
4.	Дарлакчыларга удур 'Против угнетателей'	13
5.	Найырал, дуза дугайында 'Дружба, помощь'	11,5
6.	Өске четтестер дугайында 'Другие пороки'	7,4

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. Далее ссылка на примеры из данного издания в тексте оформлены следующим образом: (ТПП: страница); Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. 112 с. Далее ссылка на примеры из данного издания в тексте оформлены следующим образом: (ЛПТН: страница). В тексте статьи нами приводятся переводы примеров, предложенные в данных источниках. При наличии расхождения перевода в двух словарях, указываются два варианта перевода одной тувинской пословицы из разных изданий.

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. Далее ссылка на примеры из данного издания в тексте оформлены следующим образом: (НМ: страница).

³ Montreynaud, F., Pierron, A, Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006. Далее ссылка на примеры из данного издания в тексте оформлены следующим образом: (DPD: страница)

7.	<i>Ие, өг-бүлө, төрөл, уруглар дугайында</i> ‘Мать, семья, родня, дети’	3,8
8.	<i>Хайгаарал, чагыг дугайында</i> ‘Наблюдение, наставление’	3,8
9.	<i>Чулчуруушкун, хоозун чугаа дугайында</i> ‘Болтливость, пустословие’	3,7

Проведенный анализ показал, что наименования рубрик в словаре тувинских паремий в основном совпадают с названиями основных ценностей. Данный факт облегчил задачу анализа аксиологической семантики единиц полученной картотеки. Данные, приведенные в таблице, показывают, что основной процент паремий с пищевым компонентом связан с ценностной диадой **күш-ажыл — чалгаа чорук — труд — лень**:

Холу шимчээр — хырын тодар, хоозун чугаа — хүн бадар ‘Работаешь — сытым будешь, болтаешь — день потеряешь’ (ТПП: 76, 77);

Шалытчыда — крупчаат, чалгаапайда — куруг аас ‘Ударник — с крупчаткой, ленивый — с пустым мешком’ (ТПП: 74–75);

Чиир эъттиң чаглыы херек, кылыр иштиң деги херек ‘Мясо выбирай пожирнее, работу начинай побыстрее’ (ТПП: 76, 77);

Ажыл соонда аьш-чем амданныг ‘После работы еда вкусна’ (ТПП: 78, 79).

Из приведенных примеров можно заключить, что труд в тувинских паремиях воспринимается как ценность, а лень рассматривается как порок:

Чадаг кижээ чер ырак, чалгаа кижээ чем ырак ‘Пешему путь далёк, ленивому еда далека’ (ТПП: 84, 85);

Чалгаа кижиниң өөнде чарган ыаш чок, чазый кижиниң өөнде аьш-чем чок ‘У лентяя не ищи дров, у скупого не ищи еды’ (ТПП: 86, 87).

Как порок воспринимается также жадность (Нелюбова, 2023а: 463).

Считаем важным обратить внимание на компонент *бижек* ‘нож’ в паремиях:

Шапты бижек эътке дынмас, чалгаа кижини ишке дынмас ‘Тупой нож мясо не осилит, а лентяй — работу’ (ТПП: 86, 87);

Аьт турда, эзер муңчок, бижек турда, хын муң чок ‘Был бы конь — седло найдётся, был бы нож — мясо будет’ (ТПП: 86, 87), ‘Был бы конь — седло найдётся, был бы нож — ножны найдутся’ (ППТН: 18).

Нож, согласно пословицам, обеспечивает сытость. «У каждого тувинца, даже у молодых, на левом боку к поясу приворачивались сдвоенные деревянные ножны с большим охотничьим ножом для разделывания туши животного и маленьким бижек, употребляемым во время еды» (Курбатский, 2001: 26).

Отметим, что пороком считается **чазый ‘обжорство’** как проявление дурного качества **харамы ‘жадность, скупость’**:

Саасканның караа чаарда, чазыйның караа чагда ‘Сорока ищет сбитую спину, обжора — сало’ (ТПП: 90, 91);

Чидиг кескенин билбес, чилби чигенин билбес ‘Нож не разбирает, что резал, обжора не замечает, что ел’ (ТПП: 90, 91);

Чединместе — чевен аттыг, чеми чокта — харам аттыг ‘Не из чего сшить — неумёхой назовут, нечем угостить — скупой прослышет’ (ТПП: 90, 91).

Интересны паремии рубрики *Дарлакчыларга удур* ‘Против угнетателей’:

Кадыг эътке чаш талаар, каржы чаңга чон талаар ‘Ребёнок не любит жёсткого мяса, народ не терпит грубого нрава’ (ТПП: 28, 29);

Тоткан кижиге тогду кудуруу кадыг ‘Сытому и курдюк молодого барана жесток’ (ТПП: 30, 31).

В первом примере через значимый гастрономический компонент обозначены ценности **өг-бүлө** ‘семья’ и **чон** ‘народ’. Во втором представитель власти, предстающий как угнетатель, обозначен метафорически как сытый, даже пресыщенный человек, которому даже самое мягкое мясо кажется жестким. Через отрицательное отношение к угнетателям косвенно выражается ценность **хосталга** ‘свобода’.

Ценность **найырал** 'дружба' отражена в паремиях соответствующей рубрики:

Эп бажы — чаг, сөс бажы — хан 'У дружбы — сало, у вражды — кровь' (ТПП: 68, 69);

Чарын ээдин чааскаан чивес, чанында эшке кара салбас 'С другом в ладу живи, кусок мяса с ним дели' (ТПП: 70, 71), 'С другом в ладу и согласии живи, кусок мяса с лопатки с другом дели' (ППТН: 65).

В паремиях рубрики о других пороках снова осуждается **ажыл кылбазы** 'безделье':

Этке дажаараар, этке тодар 'От мяса — сытость, от богатства — безделье' (ТПП: 112, 113), 'От богатства — чванство, от мяса — обжорство' (ППТН: 78);

Чүдэрээри — чүректе, аштаары — адакта 'От похмелья сердце страдает, от безделья желудок пустеет' (ТПП: 114, 115).

В первом примере отрицательно оценивается влияние **байлак** 'богатства' на человека. Во втором — упоминается похмелье как последствие злоупотребления спиртным, в результате которого страдает **кадыкшыл** 'здоровье' (в данном случае — сердце), а здоровье представляет одну из основных ценностей.

Среди паремий, представляющих ценность **өг-бүле** 'семья', отметим единицу *Тараалыг кижги тодуг, адалыг кижги чоргаар* 'Человек с хлебом сыт, с отцом — горд' (ТПП: 44, 45).

Хотя представления о сытости и богатстве связывались с хлебом, зерном (*тараа*), даже у имевших пашни хлеб не был главной пищей. Собирали его относительно немного. Посевы могли оставлять без сожаления и отправлялись в чужой край (Курбатский, 2001: 52). В данном контексте необходимо подчеркнуть, что многие примеры пословиц показывают привязанность тувинцев к семье, а в изучаемом нами словаре рубрика о семье и родственных отношениях является самой многочисленной (Нелюбова, 2022b: 150, 155).

Предметом гордости является большая семья в силу того, что она «обеспечивала коллективные усилия по добыче пропитания, поддержанию хозяйства» (Ламажаа, 2018: 30). Важность умения вести хозяйство отражена в пословице *Чаражынга шай хайындырбас, чажынга аът өртевес* 'Красотой чая не вскипятишь, к кося коня не привяжешь' (ТПП: 48, 49). В ней упоминается другая сопредельная ценность — **чаражы** 'красота', уступающая в данном случае по значимости ценности **ажыл-агый-жызы** 'хозяйственность'. В контексте последнего примера отметим, что чай представлял собой важный продукт.

«У бедняков чай был главной, а нередко и единственной пищей, им подавляли чувство голода. Обильным чаепитием подавляли чувство голода <...> По возможности его пили с поджаренным пшеном, молочными продуктами, бараниной. Признак крайней бедности усматривали в потреблении черного, не заправленного молоком чая» (Курбатский, 2001: 28).

Различали несколько видов чая.

«Важнейшим продуктом питания, вкусным, полезным и даже целебным, считали сваренный с молоком и солью кирпичный чай <...> Желтый плиточный чай <...> толкли вечером в чаевой ступке <...>, а варили утром (там же: 27–28).

Некоторые ценностные приоритеты обозначены в гастрономических паремиях рубрики, содержащей наставления. В частности, подчеркивается важность сказанного слова по сравнению с пищей: *Эки сөзүң этке сатпа, чагыг сөзүң чагга сатпа* 'Доброе слово не отдавай за мясо, свой секрет не меняй на сало' (ТПП: 126, 127).

Параллель между ценностью еды и сказанного слова наблюдаем и в пословице рубрики о болтливости и пустословии: *Сөөк хемдээш, хемиртинге чедер, сөс сөглээш, эчизинге чедер* 'Начал есть — доедай, начал говорить — договаривай' (ТПП: 104, 195) 'Начал есть — доедай до кости, начал говорить — договаривай до сути' (ППТН: 50).

Анализ тувинских паремий (см. также: Нелюбова, 2023a: 462–463) с пищевым компонентом показал, что основные гастрономические образы представлены лексемами, обозначающими общее (геогр. видовое) понятие *аши-чем* 'еда, пища, продукты', *эшт* 'мясо' и его различные виды, *чаг* 'сало' и др. Мясо считалось самой ценной пищей, особенно жирное: *Чаашкынны үнүш күзээр, чаглыг этти кижги күзээр* 'Траве нужен дождь, человеку — мясо' (ТПП: 76, 77), 'Трава мечтает о дожде, человек — о жирном мясе' (ППТН: 62).

Оппозиция обозначений разных видов мяса и субпродуктов часто соотносится с ценностной диадой *байлак — ядызы* ‘богатство — бедность’. «Жесткое, жилистое невкусное мясо кыры-локтевой кости передних ног, предплечья мелких животных пословица противопоставляет бедру задних ног-чо́да: “чок мен дээш, чо́да карты чиве; бай мен дээш, кыры картты ка́мба (бай мен дээш, балдыр э́ди ка́мба” — не ешь пленку чо́да (голени), как бы ни был беден; не бросай пленку кыры (болони), как бы ни был богат <...>. Пословицы считают кыры долей нищих» (Курбатский, 2001: 25). Та же тематика рассмотрена в паремиях *Чаг иштинде бүүрек дег, чанчык иштинде таакпы дег* ‘Живёт, как почка в сале, как табак в кисете’ (ТПП: 146, 147), где речь идет о зажиточном человеке и *Тоткан кижээ тогду кудуруу кадыг* ‘Сытому человеку и годовой овцы курдюк жесткий’ (ТПП: 30, 31), где сытость выступает как признак достатка.

В примере *Даартагы чагдан бөгүнгү өкпе дээр* ‘Лучше сегодня легкие, чем завтра сало’ (ТПП: 138, 139), ‘Лучше сегодня — ливер, чем завтра — сало’ (ППТН: 23) мы видим универсальную пословичную модель, присутствующую, в частности в русской паремии *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*, где гастрономический компонент отсутствует.

Кроме компонентов-наименований различных видов мяса, в тувинских паремиях встречаются также наименования «молочных продуктов, или ак чем — белая пища, т. е. пища из молочных продуктов: чай, творог, сметана, ааржы — питательная пища долгого хранения из молочных продуктов и др.» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 242). Отметим первостепенное значение в питании тувинцев молочных продуктов, особенно летом. Все виды молока считались почетным кушаньем. «Уважаемому гостю подносили пиалу, доверху наполненную молоком или молочной водкой-арагой, как бы говоря: пусть твое молоко льется через край (т. е. пусть у тебя будет много молока). При этом старались не пролить ни капли: “ак чем төкпес” — не проливают белой пищи» (Курбатский, 2001: 27).

Проведенное исследование позволило выбрать значительное число тувинских паремий с пищевым компонентом (12,8% от общего количества единиц, представленных в словаре) и важную роль соответствующих метафорических образов в передаче аксиологического смысла. Выявленные ключевые лексемы представляют в основном специфические продукты питания, характерные для тувинцев как народа, связанного с кочевым образом жизни и климатом: обозначения различных видов мяса, частей, внутренностей животных, употребляемых в пищу; наименования молочных продуктов и в меньшей степени зерна.

Функционирование гастрономического компонента в русских паремиях

В материале словаря русских пословиц и поговорок¹, организованного по тематическому принципу, как и тувинском словаре, рубрика *Еда* отсутствует, но гастрономические компоненты встречаются в пословицах различных тематических групп. Всего они были обнаружены в 1124 единицах, что составляет 10,8% от общего количества пословиц (10410), представленных в словаре. Результаты проведенного анализа русского паремнографического материала пищевой тематики были подробно представлены нами ранее (Нелюбова, 2023ab; Нелюбова, Дугалич, Кадилина, Кол, 2023).

В различных тематических группах, как и в случае с тувинским материалом, паремии с гастрономическим компонентом обнаружены в неодинаковом количественном соотношении. Наименования рубрик в словаре русских паремий, как и тувинских, в основном совпадают с названиями основных ценностей. Полученные данные о процентном соотношении русских гастрономических паремий в различных рубриках словаря были описаны нами ранее (Нелюбова и др., 2023: 937). Считаем необходимым привести их и в данной статье для единства представления материала трех языков (таб. 2).

¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.

Таблица 2. Количество единиц с гастрономическим компонентом в тематических рубриках словаря русских пословиц и поговорок «Народная мудрость» (2011), в %
 Table 2. The number of units with a gastronomic component in the thematic headings of the dictionary of Russian proverbs and sayings “Folk Wisdom” (2011), in %

№	Тематическая рубрика	Количество единиц с гастрономическим компонентом
1.	Добродетели и пороки	38,5
2.	Гость и хозяин	35
3.	Труд и безделье	17,5
4.	Страсти и желания	14
5.	Мужчина и женщина	14
6.	Время и возраст	10,8
7.	Радость и печаль	10
8.	Вера и религия	8,76
9.	Любовь и ненависть	8,6
10.	Красота и несовершенство	8,1
11.	Брак и семья	8
12.	Счастье и горе	7,8
13.	Богатство и бедность	7
14.	Дружба и вражда	6,7
15.	Знание и невежество	6,3
16.	Государство и власть	5,9
17.	Правда и ложь	5,1
18.	Здоровье и болезни	4,9
19.	Ум и глупость	4,7
20.	Война и мир	3,9
21.	Добро и зло	3,3
22.	Жизнь и смерть	2,6

Проведенный анализ показал самую высокую частотность паремий с пищевым компонентом в рубриках *Добродетели и пороки* и *Гость и хозяин*. В пословицах о добродетелях и пороках речь идет о **мудрости** и **силе**: *Премудрость во щах, вся сила в капусте* (НМ: 208), где сразу необходимо отметить важность в русской кухне такого продукта, как капуста. Она была в России самым популярным овощем, так как без нее нельзя было приготовить щей, квашеная капуста была главным овощем зимой и весной, источником витаминов, которые не терялись при хранении. Напротив, их становилось только больше. Кроме того, капуста разнообразила стол во время продолжительных постов (Павловская, 2022а: 195).

В ряде паремий как антиценность представлена **зависть**: *Завидчику калач, жалобицику камень* (НМ: 221).

Ценность представляет **смелость**, которая выражена через противопоставление трусости, представленной как отрицательное качество:

Салака не рыба, трус не человек (НМ: 233);

Смелому уху хлебать, а трусливому и тюри не видать (НМ: 233),

а также **честность**, которую подчеркивают пословицы о воровстве, где данное качество постулируется как порок, причем порок, от которого трудно избавиться:

Вор и сытый, и обутый, и одетый украдёт (НМ: 215);

Вору некраденый кусок приедается (НМ: 216).

Однако самым многочисленным является блок пословиц, касающихся пристрастия к пьянству (244 пословицы из 256 единиц рассматриваемой рубрики).

В целом в русских поговорках наблюдается двойственное отношение к пьянству и спиртным напиткам:

Вино надвое растворено: на веселье и на похмелье (НМ: 230);

Пить — добро, а не пить — лучше того (НМ: 226).

В некоторых пословицах отражается положительно отношение к употреблению спиртных напитков: *вино веселит сердце; чарка вина прибавит ума; пьяного да малого бог бережет*¹ и терпимое отношение к тем, кто ими злоупотребляет, даже в некоторой степени Божье покровительство:

Пьяница покается, Богу вспомнется, а трезвый никогда (НМ: 227);

Пьяный хоть в тумане, а всё видит Бога (НМ: 227);

Человека хлеб живит, а вино крепит (НМ: 229);

Пьяница проспится, а дурак — никогда (НМ: 227).

В последнем примере содержится мысль о том, что лучше быть пьяницей, чем дураком, недостаток которого исправить нельзя. Преимущество пьяного отражено и в пословице *Пьяный да умный — человек думный* (НМ: 227).

Анализируя в русских пословицах разного рода связи, которые наблюдаются в жизни и детерминированы наличием/отсутствием ума, Е. В. Ничипорчик выделяет среди прочих отношения «ум — вредные привычки» (Ничипорчик, 2023b: 165–166).

Отметим, что ценность **ума** представлена во многих поговорках данной тематики, предупреждающих о последствиях пьянства, которое, хотя и веселит, но лишает разума:

Вино с разумом не ладит (НМ: 230);

Кто не упивается вином, тот бывает крепок умом (НМ: 231) и др.,

в результате чего человек может совершать необдуманные поступки:

Вино вину творит (НМ: 230),

привлечь беду:

Вином горя не зальёшь, а новое наживёшь (НМ: 231);

Счастлив тот, кто вина не пьёт (НМ: 231);

Пьянство ноги отнимает, пьянство в бездонную беду человека вводит (НМ: 227),

что в итоге представляет опасность для **жизни**, являющейся одной из основных ценностей:

В вине больше погибает, чем в море утопает (НМ: 230);

Боле умирают от пьянства, нежели от убийства (НМ: 222).

В ряде приведенных выше примеров, смысл которых: пить — несчастье, а не пить — счастье, через антисценарии поведения человека, подверженного пьянству, выражается ценность **счастья**. В частности, данное пристрастие препятствует счастью **семьи**, которая также представляет собой ценность:

Пьянство — души потопление, семья разорение (НМ: 227);

Вино полюбил — семью разорил (НМ: 230),

где имеется в виду разорение не только материальное, как и в пословице.

¹ Козько Н. А. Концептосфера «спиртные напитки» в национальной языковой картине мира: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Челябинск, 2006. С. 15.

Пьянство разоряет царство (НМ: 227),
что показывает ценность **материального достатка**, или **богатства** (кроме того, пьянство доводит до **бедности**):

В кабак пойдёшь суму найдёшь (НМ: 222),

Бутылочки да рюмочки доведут до сумочки (НМ: 222)),

но и духовное, о чем свидетельствует компонент *душа*, а также компоненты религиозной тематики в единицах, демонстрирующих ценность **веры и религии**:

Вина напиться — бесу предаться (НМ: 230);

В кабаке бываем, а в церкви отбиваем (НМ: 222).

Кроме того, русские поговорки предупреждают, что из-за пьянства человек теряет еще одну из важнейших ценностей — **работу**, так как пьянство несовместимо с трудом и мастерством:

Было ремесло, да хмелем заросло (НМ: 222);

Пьянство в работе не товарищ (НМ: 227).

Значительный процент поговорок с гастрономическим компонентом выявлен в рубрике *Гость и хозяин*, что объясняется русской традицией **гостеприимства**, восприятием его как самостоятельной ценности. Гостеприимство на Руси было «важнейшим принципом общественной жизни, а угощение было основой гостеприимства» (Павловская, 2022а: 164). Данное качество для русского человека связано, в первую очередь с тем, чтобы накормить пришедшего в дом, принять его хлебосольно:

Гостя сперва накорми, а потом вестей спроси (НМ: 182);

Умел в гости звать, умей и угощать (НМ: 184);

Встречай хлебом-солью, провожай добрым словом (НМ: 181) и др.

Именно лексема *хлеб-соль* выявлена как один из наиболее частотных гастрономических компонентов в единицах рассматриваемой рубрики:

Милости просим, а хлеб-соль по-старинному (НМ: 181);

Хлеб-соль и разбойника смиряет (НМ: 184);

Старая хлеб-соль не забывается (НМ: 184) (см.: Нелюбова и др., 2023: 937–938).

Хлеб и соль в рассматриваемой единице «соединены в русском сознании как нечто целое, ценное и необходимое, <...> как важнейшие совместимые виды пищи символизируют собой пищу в ее совокупности» (Ковшова, 2016: 280). Подчеркнем, что

«сочетание *хлеба и соли* играло роль исключительно емкого символа: хлеб выражает пожелание богатства и благополучия, а соль защищает от враждебных сил и влияний. У русских в начале и в конце обеда советовали съесть для счастья кусочек хлеба с солью. Угощение *гостя* хлебом-солью устанавливало между ним и хозяином отношения приязни и доверия»¹.

Одной из рубрик, насчитывающих высокий процент поговорок с гастрономическим компонентом, является *Вера и религия*. **Вера** как одна из ключевых ценностей для русского человека «тесно связана с концептом “Бог”. Это базовый концепт русской культуры, на основе которого формировалось сознание русского человека» (Иванов, Маслова, Мокиенко, 2022: 12), что обуславливает наличие большого количества поговорок с компонентами, имеющими отношение к приему пищи и религиозными образами, в том числе библейскими:

Бог весть, что нам есть (НМ: 97);

Бог даст день, Бог даст и пищу (НМ: 98);

Снеси вас чёрт, а нас накорми Бог (НМ: 107);

Не с поста, а с обжорства мрут люди (НМ: 113);

Адам Еву послушал, да яблочко скушал (НМ: 113) и др.

¹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь / авторы-сост. В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995. С. 387.

Суммируя полученные результаты проведенного исследования, укажем гастрономические компоненты, выявленные в русских паремиях, среди которых отметим родовые названия: *еда, пища, стол*, названия продуктов питания и напитков: *хлеб, соль, щи, пирог, каша, мясо, мука, пряник, блины, оладьи, дрожжи, сметана, сало, яйцо, масло, кость, редька, реп(к)а, лук, чеснок, горох, яблоко, грибы и их виды (грузди), ягоды и их виды (малина, клюква), мясо, рыба и ее виды (сиг, салака), рак, орехи, мед, квас, кисель, молоко, вода, брага, пиво, вино, водка*. Выявленные элементы в своем большинстве составляли основу русского стола:

«хлеб, каши, крупяные похлебки, кисели, пироги, блины, оладьи <...>. Широко использовались молочные и кисломолочные продукты: молоко ..., масло, сливки, сметана <...>. Из сладостей на первом месте был мед <...>. Мясо ели нечасто, в основном говядину и свинину, реже баранину, съедали все части животного, как, впрочем, в любой крестьянской культуре <...> Яйца использовали в основном в выпечке, в составе теста и начинки. Рыбу ели во время постов, ловили то, что водилось в окрестностях» (Павловская, 2022а: 163–164).

Самая высокая частотность выявлена у лексемы *хлеб*, в том числе в составе единицы *хлеб-соль*, намного превосходя все остальные продукты питания. Многочисленны единицы, обозначающие разновидности хлеба и связанные с ним понятия: *калач, ломоть, каравай, сухарь / сухарик, краюха / краюшка, крошка/кроха, корка*, а также наименования зерновых культур: *рожь, пшеница, овес* и др. Т. Г. Бочина отмечает, что «центральное место в пищевом рационе русских занимают хлебобулочные изделия и изделия из теста вообще (46% паремий). Зерновая основа рациона соответствует представлениям о том, что земледелие — традиционная деятельность русского народа» (Бочина, 2023а: 215), то есть приведенные результаты исследования русских паремий показывают, что они отражают русские традиции питания, а именно тот факт, что

«основой русской кухни на протяжении всей истории было зерно и изделия из него. В первую очередь, хлеб <...>. Хлеб для русского человека был самой жизнью, а для России — богатством <...>. Поражает то, что хлеб сохранил свое почти сакральное значение до современности» (Павловская, 2022а: 185).

Таким образом, «хлеб у русских — больше, чем пропитание, он — символ пропитания (Степанов, 2004: 311).

Как один из ключевых символов в русской картине мира рассматривается каша.

«Издавна в русской народной культуре каша понимается как ритуальная еда, используемая во время трапезы на родинах, крестинах, свадьбе, поминках, т.е. в главных семейных обрядах <...> Кашу готовят из пшеницы или гречки на молоке с добавлением масла, меда, иногда сала; делают ее крутой <...> В пословицах и поговорках <...> отражен образ *каши* как чего-то очень значимого в представлениях человека об устройстве своего семейного мира в целом» (Ковшова, 2016: 259–261).

Посредством данного образа, как и других компонентов, указанных выше, в паремиях представлена ценность **семьи**:

В семье и каша лучше естся (НМ: 52);

В родной семье и каша гуще (НМ: 52);

Как хорошая жена да жирные щи, так другого добра и не ищи (НМ: 60);

Замужем наживешься как мёду напьешься (НМ: 54);

Отцы ели клюкву, а у детей — оскомина на зубах (НМ: 80);

Тёща ласкова — печёт блины маслены (НМ: 93);

Не научишь детей работать, так и сухарика не принесут (НМ: 77) и др.

В последнем примере отмечается также ценность **труда**.

Проведенное исследование позволило выявить большое количество русских паремий с пищевым компонентом (10,8% от общего числа единиц, представленных в словаре). Выявленные ключевые лексемы представляют как универсальные, так и специфические продукты питания, наименования которых представляют метафорические образы, играющие важную роль в репрезентации ценностных ориентаций русских и их традиций питания как представителей земледельческой культуры. Упоминание некоторых продуктов (ягод, грибов и др.) связано со спецификой климатических условий.

Функционирование гастрономического компонента во французских паремиях

Проведенный нами ранее анализ (Нелюбова, Сёмина, Казлаускене, 2020; Нелюбова, 2023ab) показал подробное представление гастрономических компонентов во французском паремиологическом фонде. Из общего количества французских паремий, объединенных по тематическому принципу в словаре пословиц и поговорок французского языка¹ и составивших 2007 единиц без учета пословиц франкоязычных стран, путем сплошной выборки была получена картотека пословиц с гастрономическим компонентом, составившая 311 единиц, или 15,5% от общего числа пословиц.

Проведенное исследование показало, что пословицы гастрономической тематики позволяют, в первую очередь говорить о гастрономии как об отдельной ценности французской культуры. Отметим в данной связи специальную объемную рубрику *La nourriture, la table* ‘Еда, стол’, а также подрубрики *La vigne, les vendanges et le vin* ‘Лоза, сбор винограда, вино’ в рубрике *Le travail de la terre* ‘Земледелие’. В связи с наличием данных рубрик нами был вычислен процент представления каждой выявленной ценности относительно общего числа пословиц о гастрономии. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Количество единиц с гастрономическим компонентом в тематических рубриках словаря французских пословиц и поговорок, в %
Table 3. The number of units with a gastronomic component in the thematic headings of the dictionary of French proverbs and sayings, in %

№	Тематическая рубрика	Количество единиц с гастрономическим компонентом рубрики (от общего числа паремий с гастрономическим компонентом)
1.	<i>La nourriture, la table</i> ‘Еда, стол’	28
2.	<i>Le travail de la terre</i> ‘Земледелие’	15
3.	<i>Les objets usuels</i> ‘Предметы быта’	15
4.	<i>Le bestiaire</i> ‘Мир диких животных’	10
5.	<i>Les animaux domestiques</i> ‘Домашние животные’	9
6.	<i>La nature</i> ‘Природа’	5
7.	<i>L’homme: le corps, les actes, la vie</i> ‘Человек: тело, поступки, жизнь’	4
8.	<i>La vie domestique</i> ‘Домашняя жизнь’	3
9.	<i>La religion</i> ‘Религия’	2,6
10.	<i>Les échanges et les biens</i> ‘Обмен и блага’	2
11.	<i>Conditions et milieux sociaux</i> ‘Социальные условия и слои’	2
12.	<i>Les relations humaines</i> ‘Человеческие взаимоотношения’	1
13.	<i>Les métiers et le monde du travail</i> ‘Ремесла и труд’	0,6
14.	<i>La guerre et les armes</i> ‘Война и оружие’	0,6
15.	<i>Le drap et l’habit</i> ‘Белье и одежда’	0,3
16.	<i>Les voyages</i> ‘Путешествия’	0,3

¹ Montreynaud F., Pierron A, Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006.

Поскольку в данном словаре тематика рубрик выстроена вокруг метафорических образов, формирующих значение паремий, то она лишь частично пересекается с ценностями. Более детальный анализ соотношения смысла пословиц с основными ценностями позволил произвести подсчет представленности единиц с гастрономическим компонентом в различных группах единиц, посвященных определенным ценностям. Результаты приведены в *таблице 4*.

Таблица 4. Количество единиц с гастрономическим компонентом в словаре французских пословиц и поговорок с точки зрения отражения ценностей, в %
Table 4. The number of units with a gastronomic component in the dictionary of French proverbs and sayings in terms of reflecting values, in %

№	Ценности — антиценности	Количество единиц с гастрономическим компонентом
1.	<i>La richesse — la pauvreté</i> 'Богатство — бедность'	8
2.	<i>La vie, la santé</i> 'Жизнь, здоровье'	5,5
3.	<i>La famille</i> 'Семья'	4,8
4.	<i>Le travail</i> 'Труд'	4,5
5.	<i>L'homme</i> 'Человек'	4,2
6.	<i>La religion</i> 'Религия'	3,9
7.	<i>L'ivrognerie</i> 'Пьянство'	3,2
8.	<i>Le pouvoir et le statut social</i> 'Власть и социальное положение'	1,9
9.	<i>L'économie</i> 'Бережливость'	1,6
10.	<i>La gourmandise</i> 'Обжорство'	1,3
11.	<i>Le goût</i> 'Вкус'	1,3
12.	<i>La paix — la guerre</i> 'Мир — война'	1,3
13.	<i>L'amour</i> 'Любовь'	1
14.	<i>L'amitié</i> 'Дружба'	0,6
15.	<i>Les connaissances</i> 'Знания'	0,6
16.	<i>La justice</i> 'Правосудие'	0,6
17.	<i>La bonté</i> 'Доброта'	0,6
18.	<i>La beauté</i> 'Красота'	0,3

Поскольку все выявленные пословицы имеют непосредственное отношение к ценности *la nourriture* 'еда', которая в таблицу включена не была. Отметим, что в качестве одной из ценностей во французском материале нами был выделен *l'homme* 'человек' на основании следующих факторов. «Во французских паремиях <...> акцент делается на человеке как индивидуальности» (Нелюбова, 2022а: 481), в отличие от тувинских и русских, где он представлен в основном как член определенной группы (семьи, народа) или с точки зрения характеристики его моральных качеств. В рубрике о человеке французского словаря дается полный набор его характеристик: от физических

и физиологических до моральных. Данный факт связан с принадлежностью французской культуры к культурам индивидуалистского типа, а тувинской и русской — к культурам коллективистского типа, что неоднократно подчеркивалось нами в ряде работ, посвященных паремиографическому материалу различных языков (Нелюбова, 2022ab и др.).

Подробная характеристика и аксиологический анализ объемного иллюстративного материала французских паремий с гастрономическим компонентом, в основном взятого из рубрики *La nourriture, la table* 'Еда, стол', отдельных подрубрик рубрик *Le travail de la terre* 'Земледелие' и *Les objets usuels* 'Предметы быта' словаря французских пословиц и поговорок (Montreynaud, Pierron, Suzzoni, 2006) и обоснованием выделения отдельной ценности *la gastronomie, la nourriture* 'гастрономия, еда', а также связи ее с сопредельными ценностями, ценностными диадами и качествами человека (*les connaissances* 'знания', *la paix* 'мир', *la vie — la mort* 'жизнь — смерть', *la santé — la maladie* 'здоровье — болезнь', *la religion* 'религия', *la richesse — la pauvreté* 'богатство — бедность', *le travail* 'труд', *l'amitié* 'дружба', *l'économie* 'экономность', *la tempérance* 'умеренность') были представлены нами ранее (Нелюбова, Сёмина, Казлаускене, 2020: 975–980; Нелюбова, 2023a: 459–461; Нелюбова, 2023b: 768, 770–771; Нелюбова и др., 2023: 940–942; и др.), ввиду чего в рамках данной статьи остановимся лишь на отдельных примерах.

Самый большой процент французских гастрономических паремий после тех, которые представлены в рубриках, непосредственно связанных с едой и демонстрирующих ее ценность, связан с тематикой материального достатка — аксиологической диадой *la richesse — la pauvreté* 'богатство — бедность'. Пословицы «отражают амбивалентность отношения французов к власти денег и способу их получения, негативные последствия богатства и бедности, отрицательную оценку скупости, ответственность богатых по отношению к близким и к обществу» (Байрамова, Москалева, 2013: 36). Среди семантических доминант французских пословиц о богатстве выделяют следующие: уважительное отношение к богатому, богатство позволяет наслаждаться жизнью; богатство зарабатывают постепенно; разбогатевший человек может приобретать плохие качества (Егорова, 2012: 128).

В нашем материале о незавидной судьбе бедных людей и неравенстве их возможностей с богатыми идет речь в пословице

Celui qui est né pour un petit pain n'en aura jamais un gros (DPD: 85) 'У того, кто родился для маленького хлеба, большого никогда не будет'¹,

где бедность выступает как антиценность, как и в пословице

Là où pain fault [manque], tout est à vendre (DPD: 85) 'Там, где не хватает хлеба, все продается',

в которой о бедности говорит недостаток или отсутствие хлеба. Хлеб в данном случае служит метафорическим образом-символом достатка и сытости.

В ряде паремий осуждается *l'avarice* 'скупость': *L'avare crierait famine sur un tas de blé* (DPD: 121) 'Скупой закричал бы о голоде на куче зерна'. В данном примере имеется в виду, что скупой человек стал бы жаловаться на бедность и среди изобилия, которое символизирует в данном случае куча зерна. Ценность *l'économie, l'épargne* 'бережливость, накопления' в контексте необходимости иметь запасы на случай нужды отражена в пословице *Il faut garder une poire pour la soif* (DPD: 15) 'Нужно приберечь грушу на случай жажды'.

Гастрономическая метафора используется и в пословицах о важной роли и экономической выгоде скромных и повседневных материальных благ по сравнению с предметами роскоши: *On vend au marché plus de harengs que de soles* (DPD: 117) 'На рынке продается больше сельди, чем морского языка', то есть дешевый товар раскупают быстрее, чем дорогой.

Говоря о французском культурном сообществе в ракурсе гастрономии, необходимо отметить, что особым напитком является вино, а виноделие — традиционной отраслью. Компонент *le vin* 'вино', наряду с компонентом *le pain* 'хлеб', является самым частотным. Французские паремии показывают как благотворное, так и вредное влияние данного напитка на здоровье и настроение человека. Последнее наблюдается в случае его чрезмерного употребления или плохого качества вина. Положительная и отрицательная оценка дается примерно в равном количестве случаев. Например,

¹ Переводы французских пословиц и поговорок выполнены авторами статьи.

о пользе вина находим в следующих пословицах, связанных с аксиологической диадой *la santé — la maladie* ‘здоровье — болезнь’:

Vin sur lait c'est santé lait sur vin c'est venin (DPD: 39) ‘Вино после молока — здоровье, молоко после вина — болезнь (яд)’;

Qui vin ne boit après salade est en danger d'être malade (DPD: 39) ‘Кто не пьет вино после салата, рискует заболеть’.

Паремии призывают к чувству меры в употреблении вина:

Pain tant qu'il dure mais vin à mesure (DPD: 86) ‘Хлеб (ешь), пока он есть, а вино (пей) в меру’

и предупреждают, что чрезмерное употребление даже хорошего вина лишает человека ума:

Bon vin, mauvaise tête (DPD: 38) ‘Хорошее вино, дурная голова’,

где *l'intelligence* ‘ум’ выступает как ценность. В данном примере ум обозначен метафорически с помощью лексемы *tête* ‘голова’. От привычки злоупотреблять алкоголем трудно отказаться, как и от других вредных привычек и в целом от своей природы, о чем говорится в пословице *Qui a bu boira* (DPD: 39) ‘Кто пил, тот и будет пить’ (рус.: Горбатого могила исправит).

Кроме того, ряд единиц выражает традиции, связанные с употреблением вина, которые в некоторых случаях являются метафорическим выражением различных жизненных ситуаций: пословица *Quand le vin est tiré, il faut le boire* (DPD: 38) ‘Когда вино достали, нужно его выпить’, как и ее вариант *Vin versé, il faut le boire* (DPD: 38) ‘Когда вино налито, нужно его выпить’ (рус.: *Взялся за гуж — не говори, что не дюж*) призывают доводить до конца начатое дело. В пословице *Bon vin, bon éperon* (DPD: 38) ‘Хорошо вино, хороша и дорога (шпора, отрог)’ и в ее варианте *Bon vin, bon cheval* (DPD: 38) ‘Хорошо вино, хороша и дорога (лошадь)’ образ хорошего вина символизирует вкусную еду, после которой дорога кажется легкой.

Проведенный анализ позволил констатировать широкое разнообразие пищевых компонентов во французских паремиях. Приведем выявленные гастрономические компоненты, обозначающие продукты питания и напитки (см. также: Денисенко, Нелюбова, 2024: 32): *la nourriture, le manger* ‘еда’, *le boire* ‘питье’, *la boisson* ‘напиток’, *le vin* ‘вино’, *l'eau* ‘вода’, *le pain* ‘хлеб’, *le miel* ‘мед’, *l'oeuf* ‘яйцо’, *l'omelette* ‘омлет, яичница’, *le sel* ‘соль’, *le beurre* ‘масло’, *la farine* ‘мука’, *la chair* (в значении *la viande*) ‘мясо’, *le boeuf (viande de boeuf)* ‘говядина’, *le veau* ‘телятина’, (*chair de*) *mouton* ‘баранина’, *l'agneau* ‘ягненок’, *le jambon* ‘окорок’, *le chapon* ‘каплу́н’, *le poulet* ‘курица, цыпленок’, *le lièvre* ‘заяц’, *la bécasse* ‘бекас’, *la perdrix* ‘куропатка’, *l'os* ‘кость’, *le lait* ‘молоко’, *le lard* ‘сало’, *la soupe* ‘суп’, *le bouillon* ‘бульон’, *la sauce* ‘соус’, *le fromage* ‘сыр’, *le poisson* ‘рыба’, *la truite* ‘форель’, *la saule* ‘морской язык’, *l'anguille* ‘угорь’, *le(s) hareng(s)* ‘сельдь’, *le saumon* ‘лосось’, *la carpe* ‘карп’, *le brochet* ‘щука’, *le vairon* ‘пескарь’, *le(s) chou(x)* ‘капуста’, *le piment* ‘острый перец’, *la carotte* ‘морковь’, *l'oignon* ‘лук’, *les ciboules* ‘зеленый лук’, *le blé*, *le froment* ‘пшеница’, *le seigle* ‘рожь’, *l'avoine* ‘овес’, *le levain* ‘дрожжи’, *le fruit* ‘фрукт, плод’, *la poire* ‘груша’, *la pomme* ‘яблоко’, *le melon* ‘дыня’, *la cerise* ‘вишня’, *les mûres* ‘шелковица’, *le raisin* ‘виноград’, *le pâté*, *la tourte* ‘пирог’, *la moutarde* ‘горчица’, *le vinaigre* ‘уксус’, *la salade* ‘салат’, *la noix* ‘орех’, *l'amande* ‘миндаль’, *la gaufre* ‘вафля’, *le biscuit* ‘печенье, сухарь’, *le rhum* ‘ром’, *le rouge* ‘красное вино’, *le blanc* ‘белое вино’.

Исследование позволило выявить большое количество французских паремий с пищевым компонентом (15,5% от общего числа единиц, представленных в словаре). Выявленные ключевые лексемы отличаются разнообразием и представляют как универсальные, так и специфические продукты питания, наименования которых обладают метафорической символикой, играющей важную роль в отражении ценностных ориентаций французов как представителей земледельческой и винодельческой культуры, имеющей богатые гастрономические традиции, в том числе ввиду специфики климатических условий и географического положения страны. Среди специфических компонентов французских паремий обращают на себя внимание обозначения различных видов мяса, птицы и рыбы, упоминания соуса и приправ, а также различных видов напитков, что связано с многообразием продуктов, используемых во французской кухне.

Заключение

Исследование аксиологического аспекта функционирования гастрономических компонентов в тувинском паремиологическом материале на фоне русского и французского подтвердило мысль о

том, что «сопоставительный аксиологический анализ паремий языков суперэтносов и коренных народов России с неродственными языками, позволяет определить широкий спектр универсальных и специфических элементов» (Нелюбова, 2022а: 477).

В тувинском материале был обнаружен достаточно высокий процент паремий с пищевым компонентом (12,8%). Типично употребление наименований различных видов мяса, молочных продуктов и зерна, то есть традиционных продуктов питания, выступающих в качестве символической основы репрезентации различных ценностей и ценностных диад: труд — лень, дружба, семья, народ, богатство — бедность, слово, красота. Еда в тувинских паремиях рассматривается в большей степени как жизненная необходимость, а не как ценность, что проявляется также и в русском материале.

Русские гастрономические паремии также демонстрируют связь с широким спектром ценностей, однако составляют самый невысокий процент единиц (10,8%). Самый высокий процент пословиц и поговорок с пищевым компонентом и их разнообразие выявлены во французских пословицах и поговорках (15,5%), что связано с развитой во французской культуре гастрономической традицией. Во французском словаре, в отличие от тувинского и русского, имеется отдельная рубрика, посвященная еде и столу.

Изучение материала трех языков, являющегося составной частью евразийского паремиологического континуума, позволило выявить важную роль и аксиологический потенциал пищевого компонента в выражении ценностного смысла паремий. Данные компоненты имеют определенную символику, отражают гастрономические традиции представителей тувинского, а также русского и французского этносов и позволяют установить как универсальные, так и специфические особенности восприятия ценностей и ряда жизненных ситуаций.

Специфика функционирования пищевых компонентов трех языков обусловлена рядом факторов, тесно связанных между собой и взаимно обусловленных. Речь идет об особенностях исторического развития, географического положения, климата, направления хозяйственной деятельности и традиций питания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакарова, М. А., Омарова Ф. Т. (2016) Концептуализация понятия еда во французской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Вып. 5–3. С. 66–68.

Байрамова, Л. К., Москалева, Д. Р. (2013) Пословицы как составная часть аксиологической фразеологии французского языка // Филология и культура. № 3 (33). С. 32–37.

Борисова, А. А., Эбзеева, Ю. Н. (2019) Гастрономическая лексика как одна из особенностей нигерийского варианта английского языка // Russian Journal of Linguistics. Т. 23. № 3. С. 820–836. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-820-836>

Бочина, Т. Г. (2023а) Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань : Издательство Казанского университета. 286 с.

Бочина, Т. Г. (2023b) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Денисенко, А. В., Калинина, Ю. М. (2023) Репрезентация лексем «голова» / «баш», «сердце» / «чурек» и «язык» / «дыл» в русских и тувинских фразеологизмах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 88–98. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.6>

Денисенко, В. Н., Нелюбова, Н. Ю. (2024) Вербализация концепта ЕДА во французском паремиологическом фонде // Когнитивные исследования языка. № 1 (57). Ч. II. С. 31–34.

Егорова, В. Ф. (2012) Концепт «Богатство» в пословичной картине мира русского, якутского и французского народов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. № 12. С. 127–129.

Иванов, Е. Е. (2022) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2023) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Иванов, Е. Е., Монгуш, Ш. В. (2023) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Иванов, Е. Е., Маслова, В. А., Мокиенко, В. М. (2022) Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М. : РУДН. 406 с.

Карасик, В. И. (2015) Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. № 1. С. 25–35.

Кацюба, Л. Б. (2009) Своеобразие национально-культурных моделей строения паремиологического текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. № 25 (158). С. 11–17.

Ковшова, М. Л. (2016) Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД. 456 с.

Красных, В. В. (2016) Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис. 493 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) *Хой эди* для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Мал-маган. Тувинцы — скот — мясо (2023) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ч. Х. Санчай, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны, А. В. Монгуш; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 152 с.

Мамбетова, Г. Т., Шингарева, М. Ю., Дмитриук, Н. В., Стычева, О. А. (2023) Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом рука как способ формирования лингвокультурной компетенции (на материале русского, казахского, тувинского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.8>

Маркелова, Т. В., Петрушина М. В. (2019) Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М. : Институт современного искусства. 232 с.

Мокиенко, В. М. (2010) Современная паремиология (лингвистический аспект) // Мир русского слова. № 3. С. 6–20.

Нелюбова, Н. Ю. (2022a) Репрезентация ценностей в карельском паремиологическом фонде (на фоне паремий неродственных языков) // Вестник угроведения. Т. 12. № 3(50). С. 476–485. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485>

Нелюбова, Н. Ю. (2022b) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Нелюбова, Н. Ю. (2022c) Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах // Вестник Челябинского государственного университета. № 9 (467). С. 169–177. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10922>

Нелюбова, Н. Ю. (2023a) Метафорическое представление гастрономического культурного кода во французских, русских и тувинских паремиях: аксиологический аспект // Когнитивные исследования языка. № 2 (53). С. 458–465.

Нелюбова, Н. Ю. (2023b) Репрезентация концепта ЕДА в русских и французских пословицах: лингвоаксиологический анализ // Когнитивные исследования языка. № 3(54). С. 767–772.

Нелюбова, Н. Ю., Дугалич, Н. М., Кадилина, О. А., Кол, Ч. Ш. (2023) Лингвоаксиологический анализ калмыцких пословиц и поговорок с пищевым компонентом (на русском и французском паремиологическом фоне) // Oriental Studies. Т. 16. № 4. С. 929–947. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947>

Нелюбова, Н. Ю., Семина, П. С., Казлаускене, В. (2020) Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // Russian Journal of Linguistics. Т. 24. № 4. С. 969–990. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>

Ничипорчик Е. В. (2023a) Логика развития темы «Розум. Кемлівасць. Дурасць» в электронном словаре белорусских пословиц // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. Вып. 3 (15). С. 135–148.

Ничипорчик, Е. В. (2023b) Тематическое объединение пословиц об уме и глупости в паремиологическом словаре В. И. Даля // Славянская фразеология и паремиология: сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред. Е. И. Тимошенко и др. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины. 243 с. С. 164–170.

Павловская А. В. (2022a) Человек есть то, что он ест. Пищевые системы мира. М. : Ломоносовъ. 288 с.

Павловская, А. В. (2022b) Страсти вокруг мяса, или Пища кочевников. Как еда разделила людей на «своих» и «чужих». М. : Ломоносовъ. 242 с.

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Степанов, Ю. С. (2004) Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический проект. 992 с.

Чеснокова О. С., Фернандес Санчес, Ю. В. (2017) Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса // Вестник Томского государственного университета. № 425. С. 50–58.

Alyoshin, A., Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. Scandinavian Philology. Vol. 21. Issue 1. P. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 11 (2). P. 198-212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 19.02.2024 г.

Дата принятия: 10.03.2024 г.

REFERENCES

Abakarova, M. A. and Omarova F. T. (2016) Conceptualization of the concept of food in the French language picture of the world. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, issue 5–3, pp. 66–68. (In Russ.).

Bairamova, L. K. and Moskaleva, D. R. (2013) Proverbs as an integral part of the axiological phraseology of the French language. *Filologiya i kul'tura*, no. 3 (33), pp. 32–37. (In Russ.).

Borisova, A. A. and Ebzeeva, Yu. N. (2019) Gastronomic Vocabulary as a Feature of Nigerian English. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 3, pp. 820–836. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-820-836>

Bochina, T. G. (2023a) *The proverb is said for centuries: selected works on Russian paremiology*. Kazan', Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 286 p. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2023b) Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, issue 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) A proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Issue 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Denisenko, A. V. and Kalinina, Yu. M. (2023) Representation of lexemes 'head' / 'bash', 'heart' / 'churek' and 'tongue' / 'dyl' in Russian and Tuvan phraseological units. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 88–98. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.6>

Denisenko, V. N. and Neliubova, N. Yu. (2024) Verbalization of the concept of FOOD in the French paremiological Foundation. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 1 (57), part II, pp. 31–34. (In Russ.).

Egorova, V. F. (2012) The concept of "Wealth" in the proverbial picture of the world of the Russian, Yakut and French peoples. *Intellektual'nyi potentsial XXI veka: stupeni poznaniia*, no. 12, pp. 127–129. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022) Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2023) Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Neliubova, N. Yu. (2021) Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E. and Mongush, Sh. V. (2023) The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–83. a (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Ivanov, E. E., Maslova, V. A. and Mokienko, V. M. (2022) *The Legacy of the Bible in the languages and cultures of the peoples of Russia and Belarus*. Moscow, RUDN. 406 p. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2015) Linguistic and cultural values in discourse. *Inostrannye iazyki v vysshei shkole*, no. 1, pp. 25–35. (In Russ.).

Katsiuba, L. B. (2009) The peculiarity of national and cultural models of the structure of the paremiological text. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, no. 25 (158), pp. 11–17. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2016) *The linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture*. 3rd ed. Moscow, LENAND. 456 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2016) *Dictionary and grammar of linguoculture: Fundamentals of psycholinguoculturology*. Moscow, Gnozis. 493 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).

- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *The national character of Tuvans*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility. *Etnografiia*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)
- Mal-magan. Tuvans – cattle – meat (2023)* / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Ch. Kh. Sanchai, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy and A. V. Mongush; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 152 p. (In Russ.).
- Mambetova, G. T., Shingareva, M. Yu., Dmitriuk, N. V. and Stycheva, O. A. (2023) Comparative analysis of phraseological units with somatism hand as a way of linguocultural competence formation (on the material of Russian, Kazakh, Tuvan and English languages). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 109–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.8>
- Markelova, T. V. and Petrushina M. V. (2019) *Evaluative statements in the communicative space of the Russian language*. Moscow, Institut sovremennogo iskusstva. 232 p. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (2010) Modern paremiology (linguistic aspect). *Mir russkogo slova*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.).
- Neliubova, N. Yu. (2022a) Representation of values in the Karelian paremiological fund (against the background of proverbs of unrelated languages). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, pp. 3(50), pp. 476–485. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485>
- Neliubova, N. Yu. (2022b) Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
- Neliubova, N. Yu. (2022c) Axiological function of animalistic images in French and Tuvan proverbs. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (467), pp. 169–177. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10922>
- Neliubova, N. Yu. (2023a) Metaphorical representation of the gastronomic cultural code in French, Russian and Tuvan parodies: the axiological aspect. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (53), pp. 458–465. (In Russ.).
- Neliubova, N. Yu. (2023b) The representation of the concept of FOOD in Russian and French proverbs: a linguo-axiological analysis. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 3(54), pp. 767–772. (In Russ.).
- Neliubova, N. Yu., Dugalich, N. M., Kadilina, O. A. and Kol, Ch. Sh. (2023) Linguoaxiological Analysis of Kalmyk Proverbs and Sayings with Food-Related Components: A Perspective from European Paremiological Contexts. *Oriental Studies*, vol. 16, no. 4, pp. 929–947. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947>
- Neliubova, N. Yu., Semina, P. S. and Kazlauskene, V. (2020) Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 4, pp. 969–990. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>
- Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii, N. D. (2023) The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>
- Nichiporchik E. V. (2023a) The logic of the development of the theme “Rose. Kemlivac. Durast” in the electronic dictionary of Belarusian proverbs. *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya Istoriia. Iazykoznanie*, issue 3 (15), pp. 135–148. (In Russ.).
- Nichiporchik, E. V. (2023b) Thematic association of proverbs about intelligence and stupidity in V. I. Dahl's paremiological dictionary. In: *Slavic phraseology and paremiology: a collection of scientific articles. Issue 3* / ed. by E. I. Timoshenko et al. Gomel', GGU im. F. Skoriny. 243 p. Pp. 164–170. (In Russ.).
- Pavlovskaja A. V. (2022a) *A man is what he eats. Food systems of the world*. Moscow, Lomonosov. 288 p. (In Russ.).
- Pavlovskaja, A. V. (2022b) *Passions around meat, or Nomad food. How food divided people into “friends” and “strangers”*. Moscow, Lomonosov. 242 p. (In Russ.).
- Soian, A. M. (2023) The image of the horse in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>
- Stepanov, Yu. S. (2004) *Constants: Dictionary of Russian Culture*. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.).
- Suvandii, N. D. (2023) Cher ‘earth’ in Tuvan paroemias. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>
- Chesnokova O. S. and Fernandes Sanches, Yu. V. (2017) The gastronomic thesaurus of the Spaniards and Basques through the prism of humorous discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 425, pp. 50–58. (In Russ.).
- Alyoshin, A. and Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. *Scandinavian Philology*, vol. 21, issue 1, pp. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 11 (2), pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 19.02.2024.

Acceptance date: 10.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.7

Статья

Характеристики человека в тувинских загадках (на полевом и лексикографическом материале)

Айланмаа М. Соян

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье проанализированы тувинские загадки, в которых отражены этапы жизненного цикла человека, строение тела человека, его органы. В качестве материала исследования привлекается авторская картотека, составленная из лексикографических источников и материала фольклорных экспедиций в Сут-Хольский, Тес-Хемский, Дзун-Хемчикский, Улуг-Хемский, Бай-Тайгинский, Овюрский кожууны Тувы, которые автор собирал в 2014–2023 гг.

Рассматривается онтогенез человека от рождения до старости, отраженный в тувинских загадках. Для изображения частей тела используются разные тропы, чаще всего — метафорический эпитет. Описываются физиологические качества, физическая и интеллектуальная деятельность человека, отношения людей в обществе.

Ключевые слова: загадка; человек; тувинцы; тувинская культура; части тела; метафора

Для цитирования:

Соян А. М. Характеристики человека в тувинских загадках (на полевом и лексикографическом материале) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.7>

Соян Айланмаа Мылдыргыновна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. М. Сата, 9. Эл. адрес: soyan-a@mail.ru

SOYAN, Ailanna Myldyrgynovna, Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 9 M. Sat St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: soyan-a@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2749-0076

Human characteristics in Tuvan riddles (based on field and lexicographic material)

Ailanmaa M. Soyán

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes Tuvan riddles that reflect the stages of human life, the structure of the human body and its organs. The author uses her own card file as research material, compiled from various lexicographic sources and materials from folklore expeditions in the Sut-Khol, Tes-Khem, Dzun-Khemchik, Ulug-Khem, and Bai-Taiga kozhuuns (districts) of Tuva that she collected between 2014 and 2023.

The ontogeny of a person from birth to old age is considered in Tuvan riddles. Different tropes are used to describe body parts, with metaphorical epithets being most common. The physiological characteristics, physical and intellectual activities of a person, as well as people's interactions in society, are described.

Keywords: riddle; human; Tuvan; Tuvan culture; body parts; metaphor

For citation:

Soyan A. M. Human characteristics in Tuvan riddles (based on field and lexicographic material). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 112-124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.7>

Введение

Человек является центральным объектом, изображаемым как в разных жанрах фольклора и в видах искусства, так и в художественных произведениях. Согласно постулатам антропоцентрической лингвистики, «в триаде человек — окружающий мир — язык центральное место принадлежит человеку. Информация о мире, окружающем человека, перерабатываясь в его сознании, вербализуется в языке как хранилище информации» (Ломакина, 2018: 15).

Рассмотрение паремиологических единиц в системе позволяет представить более полную характеристику паремии в зависимости от ее признаков.

В последние годы паремии вне зависимости от типа (загадки, приметы, пословицы) рассматриваются как знаки культуры (Бредис и др., 2022; Бредис, Иванов, 2022; Ломакина, 2022), как свод представлений о ценностных установках народа (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Нелюбова, Ломакина, Мирзаева, 2023; Нелюбова и др., 2023), как когнитивная структура (Ломакина, 2023; Иванов, 2023; Серегина, 2016) и др.

Как отмечает Н. И. Файзуллина, загадка — это малый жанр фольклора, который представляет собой трехчастное единство, построенное на коммуникативной основе, имеющее целью трансляцию накопленных знаний при помощи постановки проблемного вопроса (Файзуллина, 2018: 125).

Разные аспекты тувинских народных загадок исследованы в работах А. С. Тогуй-оола (Тогуй-оол, 2001), С. М. Сат¹, Г. Н. Курбатского (Курбатский, 2001), А. А. Балыва (Балыва, 2020), О. С. Чесноковой, Т. Ф. Усманова (Чеснокова, Усманова, 2022), Т. Г. Бочиной (Бочина, 2023), Е. Е. Иванова, Ш. В. Монгуш (Иванов, Монгуш, 2023), А. М. Соян (Соян, 2023), А. М. Соян, О. В. Ломакиной (Соян, Ломакина, 2024).

Биология человека на материале тувинских загадок была рассмотрена в книге Г. Н. Курбатского «Тувинцы в своем фольклоре» (Курбатский, 2001: 132–135) в историко-этнографическом аспекте.

Функционирование числового и цветового кодов в тувинских загадках о человеке проанализировано в статье Т. Г. Бочиной (Бочина, 2023: 6–20).

Цель данной работы — исследование образа человека в тувинских загадках о человеке, о фазах его бытия, о теле человека. Материалом исследования являются загадки, собранные автором во время экспедиций в разные кожууны Республики Тыва — Сут-Хольский (2014), Тес-Хемский (2015), Дзун-Хемчикский (2017), Улуг-Хемский (2019), Бай-Тайгинский (2022), Овюрский (2023). Было опрошено около 100 человек в возрасте от 7 до 82 лет. Беседы велись на тувинском языке. Материал, записанный от информантов и приведённый в данной статье, прежде не был опубликован.

В качестве материала работы привлечены и загадки, которые опубликованы в сборнике «Тыва улустун тывызыктары», составленном А. Т. Дугаржап².

В статье выделены группы загадок, отражающих этапы жизненного цикла человека и содержащих компоненты-соматизмы, указывающие на тело человека.

Этапы жизненного цикла человека

О жизненном цикле человека написано во многих работах тувинских ученых М. Б. Кенин-Лопсана (Кенин-Лопсан, 1994: 7–8), Г. Д. Сундуй (Сундуй, 2009: 79–126), Е. В. Айыжы (Айыжы, 2015) и др.

Тувинцы считали, что возраст человека делится на семь этапов и сравнивали его с семью звёздами Чеди-Хаана — Большой Медведицы: с 1 до 3-х лет — *чаш назын* ‘младенческий, детский возраст’, с 3-х до 15 лет — *элээди уруглар* ‘подростки’, с 16 до 29 лет — *аныяктар* ‘молодёжь’, с 30 до 45 лет — *ортун назын* ‘средний возраст’, с 46 до 61 лет — *улуг назын* ‘взрослые’, с 61 до 81 лет — *кырганнар* ‘старые, старость’, с 81 и старше — *чөнүүр назын* ‘престарелый возраст’ (Кенин-Лопсан, 1994: 7–8).

Информант Д. Б. Тойбухаа интерпретировала значение сакрального числа чеди ‘семь’ следующим образом: «Семь для тувинца — это (семь периодов жизни — А. С.): *ылчыргай назын* ‘хрупкий возраст’, *чаш назын* ‘младенческий, детский возраст’, *элээди назын* ‘отрочество’, *аныяк назын* ‘молодость’, *ортумак назын* ‘средний возраст’, *кырган назын* ‘старость’, *чөнээн назын* ‘престарелый возраст’³.

Следует отметить, что трактовка сути данного числа в культуре и фольклоре тувинцев разная. В данном случае в нём содержится информация об этапах жизненного цикла человека.

В загадках о фазах бытия человека отражено этнокультурное своеобразие мировосприятия тувинцев. При описании нахождения ребёнка в утробе матери женщина уподобляется чёрной скале, дитя — белой лодыжке:

*Кара хая баарында ак кажык*⁴ ‘Белая бабка перед черной скалой’⁵.

Использование лексемы *кажык* ‘бабка, лодыжка’ подчёркивает маленький размер плода, а *хая* ‘скала’ указывает на человека высокого роста.

У тувинцев отсчет жизни человека идёт с внутриутробного развития. Как отмечает Е. В. Айыжы, «различные возрастные периоды определялись цветовой гаммой костей» (Айыжы, 2015: 415). В работе С. Натпит-оол указаны своеобразные обозначения возрастов с использованием слова *кажык* ‘бабка’: «с рождения до 3-х лет — *кежжир-кажык* (*кежжир* ‘хрящ’, *кажык* ‘бабка’) — младенчество, от 3-х до 15 лет —

¹ Сат С. М. Тывызыктар [Загадки] // Тыва улустун аас чогаалы. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1976. С. 115-131.

² Тыва улустун тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2011. 255 с. (На тув. яз.).

³ Тойбухаа Достаңмаа Бадыевна, 1945 г.р. прож. в с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района.

⁴ Куулар Кара-кыс Сурун-ооловна, 1940 г.р., прож. в с. Дус-Даг Овюрского района.

⁵ Здесь и далее в переводах без ссылки на источник перевод выполнен автором статьи — А. С.

көк кажык ‘синий кажык’, от 16 до 40 лет — ак кажык ‘белый кажык’, от 40 до 61 лет — сарыг кажык ‘жёлтый кажык’, от 61 и старше — хемирти кажык ‘огрызок кажык’ — период угасания¹.

В тувинских загадках грудной ребёнок изображается как чамзылыг кижиги ‘пользующийся большими правами’, курут куруттаан ‘сделавший курут — вид сушёного творога’, мөңзүгүр кара боттуг ‘с неотёсаным чёрным телом’, чаи балык ‘маленькая рыбка’, Допай (антропоним), кызыл аас кырган ‘беззубый дед, беззубая старуха’².

Приведём примеры:

Сыг-сыг чоруктуг,

Сыйбың калдар аъттыг,

Мөң-мөң чоруктуг,

мөңзүгүр кара боттуг³.

‘Быстро едзящий,

С рассеянным мухортым конём,

Скачущий, едзящий,

с неотёсаным чёрным телом’.

В данной загадке эпитетами описывается младенец, которого качают в колыбели.

Тепселиг аът мунмас Допай,

Деспиде эът чивес Допай⁴.

‘Допай, не едзящий на коне с седлом, на котором украшенная узорами кожа,

Допай, который не ест мясо в корыте’.

В тексте загадки указывается на то, что ребёнок пока не достиг такого возраста, когда он станет ездить на коне и кушать мясо. Его бережно называют уменьшительным именем Допай.

В обеих вышеприведенных загадках упоминается конь, выступающий символом тувинской культуры, преданным другом человека.

Сүүр тей, Сүт-Хөл,

Чаан-балык — чаи энерек⁵.

‘Заостренная сопка, Сут-Холь,

Рыба-слон — маленький энерек’.

Гиперболой сүүр тей ‘холм с заостренной вершиной’ обозначена грудь матери, под Сүт-Хөл ‘Сут-Холь’ (букв. ‘Молочное озеро’) подразумевается молоко матери, подвижный младенец называется чаан-балык ‘рыба-слон’. Отличительной особенностью рыбы-слона является хоботок. При кормлении грудью рот ребёнка уподобляется хоботку. Лексема энерек не встречается в словарях тувинского языка и повседневной речи тувинцев. Можно предположить, что она имеет связь со словом эне ‘прабабушка’. Энерек является языковой реалией и, возможно, означает ребёнка, имеющего прабабушку.

В загадке о родничке у младенца голова изображена метафорой чалым ‘скала’, а родничок ассоциируется с чашей:

Чалым ортузунда

Чаңгыс шыргай⁶.

‘Посреди неприступной скалы

Одна чаша’.

¹ Натпит-оол С. Методические основы изучения тувинского детского фольклора // Башкы. 1993. № 5. С. 64–66.

² Тыва улустун тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Типография КЦО «Аньяк», 2011. С. 48–49.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же.

⁵ Монгуш Наталья Маңнай-ооловна, 1963 г.р., прож. в с. Суг-Аксы Сут-Хольского района.

⁶ Она же.

При изображении образа новорожденного используется и лексема *куда* 'сват', которая разукрашена эпитетом *джи чок* 'беззубый'.

Г. Н. Курбатским отмечено, что

«фазы бытия уподоблены различным временам суток. В младенчестве загадка выделяет следующие моменты: нахождение в чреве матери — “на ночь спорбится в тесноте : в этот период младенец уже живёт биологически активной, земной жизнью”; рождение — “на заре выскользнет” <...>. Сидение — “утром, как стела, сидит”. Ползание — “в полдень на четырёх опорах»,

«утром на четырёх ногах” <...>. Большую часть жизни “днём” человек “на двух ногах”. “В молодости, когда растёшь, голова чёрная, зубы белые”. “Вечером”, т. е. в старости, “на трёх ногах”, т. е. ходит с палкой <...>. “В сумерках (т. е. в старости) человек ляжет”, т. е. умрёт» (Курбатский, 2001: 134–136).

Человек в тувинских загадках изображается как *шүүк мөгө* 'борец, который побеждает', *коңгувай* — существо, от которого животные боятся из-за его негативных деяний. *Коңгувай* // *конгумай* — «человек, презрительное иносказательное выражение; чаще встречается в сказках о животных: человек в восприятии животных, с длинными конечностями, круглой головой, глубоко впавшими глазами...»¹.

Таким образом, в тувинских загадках изображены этапы жизненного цикла человека от рождения до самой смерти. В утробе матери младенец сравнивается с белой лодыжкой, в детском возрасте — с подвижной маленькой рыбкой. Взрослый человек уподобляется скале. Для изображения фаз бытия используются различные части суток: утро, день, вечер, ночь.

Тело человека

Выделяется группа загадок о строении тела человека и о его органах.

Голова характеризуется метафорическими эпитетами *борбак даш* 'круглый камень', *чадыр өг* 'шалашевидная юрта', *берт даг* 'труднодоступная гора', *борбак тей* 'овальная сопка', числовым эпитетом *бир даг* 'одна гора' и называется топонимами *Кара-Даг* (букв. 'чёрная гора'), *Хаан-Уула* (букв. 'королевская гора'), *Калдак сыны* 'хребет Калдак', *Каңгай* (букв. 'огромный'), что отражает вещевой и ландшафтный код культуры. Например:

*Борбак тейниң кырында чеди үңгүр*².

'Над круглым холмом имеется семь нор'. («Семь нор» представляют собой глаза, уши, ноздри, рот.).

Борбак тейим бодунда үттерлиг,

*үт бүрүзү үүле-херээн бүдүрген*³.

'У моей круглой сопки имеются дыры,

Каждая дыра выполняет свою работу'. (Метафорой *үт* 'дыра' выражены глаза, уши, рот, ноздри.).

Беш билигжи алышкылар

*Берт дагда чурттаан*⁴.

'Пятеро образованных (умных) братьев

Живут на крутой горе'. (В тексте загадки ум, глаза, уши, рот, нос очеловечены и названы братьями.).

Волосы изображаются метафорическими эпитетами *сая*, *түме чылгы* 'миллион, десять тысяч табунов', *муң кара хой* 'тысячи черных овец', *кара ыяш* 'чёрное дерево', *кара тал* 'чёрный тальник', *долгай сыра* 'скрученное засохшее дерево', *дозур мэс* 'чёрная солнечная сторона горы'.

¹ Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994. С. 435.

² Оюн Руслана, 1970 г.р., прож. в г. Кызыл.

³ Хомушку Севил Чылбак-ооловна, 1953 г.р., прож. в с. Тээли Бай-Тайгинского района.

⁴ Тыва улустуң тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2011. С. 42.

Приведём примеры.

*Кара талдың дазылы чок*¹.

‘У чёрного тальника нет корня’.

Сая, түме чылгыны

*Чаңгыс урук-биле сүрер*².

‘Миллион, десять тысяч табунов

Гоняют одним шестом (с петлёй, арканом)’.

В загадке расческа изображена метафорой урук ‘шест (с петлёй, арканом для поимки лошадей)’.

Торга соктаан долгай сыра,

*Торлаа озттаан дозур мээс*³.

‘Скрученное засохшее дерево, по которому стучит дятел,

чёрная солнечная сторона горы, где щиплет траву куропатка’.

В данном тексте загадки олицетворением изображены расческа — *торга* ‘дятел’ и перхоть на голове — *торлаа* ‘куропатка’.

Тувинцы представляли чушкуу ‘затылок’ глубоким колодцем — *ханы кудук*, одним колодцем — *чаңгыс кудук*, заячьей лёжкой — *кодан чыдыны*.

Кара-Дагның артында

Ханы кудук,

Чадыр өгнүң ындында

*Чаңгыс кудук*⁴.

‘За Кара-Дагом

Глубокий колодец.

За шалашевидной юртой

Один колодец’.

Карак ‘глаз’ является очень важным органом, который помогает человеку воспринимать мир в самых разных красках.

Как отмечает Г. Н. Курбатский,

«загадки подробно и точно характеризуют глаз. “В пиалу (глазная впадина) полосатый шарик положен”.

“В пещере (глазная впадина) пегая корова (или червивый козёл) лежит”. “Пегая лошадь моя, волосом огороженная”. “Пегий телёнок мой в волосяном хлеву”. “На берегу озера (глазное яблоко) — изобилие парчи, много волов, гусей сидит”, “много людей озеро обзрывают” (ресницы). “Пегого телёнка моего мальниковым кнутом бью”, “на берегу озера — синяя ткань” (брови). На наружной оболочке глазного яблока чётко выделяется зрачок: “хөө дег кара, хөл кавайлы”, “туң дег ак” — чёрный, как сажа, в озере-колыбели, как раковина — туң, белом. Загадки удивляются беспредельной, всепроникающей силе человеческого зрения: “сожмёшь — в ладони поместится (ладони не наполнит, ладони хватает), откроешь — в степи не уместится, рассыплешь — свет покроет”, “в недоступное мне место круглый чёрный мой дошёл”» (Курбатский, 2001: 133).

В загадках, приведённых информантами, встретились примеры, где глаза называются родными людьми — сёстрами, братьями, близнецами, которые никогда не увидят друг друга без зеркала:

Ийи угбашкы шуптузун көрүп турар,

*бот-боттарын көрбес*⁵.

¹ Сат Хевек Дуган-ооловна, 1935 г.р., прож. в с. Бажын-Алаак Дзун-Хемчикского района.

² Тыва улустуң тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Типография КЦО «Аньяк», 2011. С. 53.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Семис-оол Айран Вячеславович, 2014 г.р., прож. в пгт. Хову-Аксы Чеди-Хольского района.

‘Две сестры видят всё,
Но друг друга не видят’.

*Ийи акышкы даг өттүр көржүп чадап турар*¹.

‘Два брата не могут взглянуть друг на друга через гору’.
В данном примере нос изображён метафорой *даг* ‘гора’.

*Мээң четпээн черимде
Борбак-карам чеде берди*².

‘Куда я сам не дошёл,
Любимая моя дошла’.

Глаз в разных тувинских загадках представлен метафорическими эпитетами: *ала хураган кежи* ‘шкура пегого ягнёнка’, *ала шары* ‘пегий вол’, *ала чаваа* ‘пегий стригун’, *ала өшкү* ‘пегая коза’, *ала буга* ‘пегий бык-производитель’, *аяк долу ала туң* ‘полная чаша пёстрой раковины’, *кара кодан* ‘чёрный заяц’, *ала хөл* ‘пёстрое озеро’; *караңнаан, чивеңнээн каас оранның эртинелери* ‘мелькающие, блестящие драгоценности красивой местности’, *кара хөл* ‘чёрное озеро’, *борбак хөл* ‘овальное озеро’, где содержится указание на зооморфный и ландшафтный код культуры; *числовыми эпитетами: ийи хөл* ‘два озера’, *ийи карам* ‘две чёрные мои’.

Мы встретили другой вариант загадки про глаз:

*Ала сааскан
Хыл кажсаалыг*³.

‘У пёстрой сороки
Волосяной хлев’.

Про глаза спящего человека имеется загадка:

*Ийи дүктүг эвт чыпшынычыл калды,
мен-даа таалап калдым*⁴.

‘Два мяса с волосным покровом прилипли друг к другу,
А я наслаждался’.

Кулак ‘ухо’ характеризуется следующими метафорическими эпитетами: *авамның тип берген өө* ‘юрта, установленная мамой моей’, *хажызында кастаглыг аскыр* ‘сбоку жеребец с поводьями’, *кастактыг аскыр* ‘жеребец с поводьями’, *ийде чартыы чок хой* ‘полуовца на склоне’, а также называется антропонимом *Дыңнаарбай* (от слова *дыңнаар* ‘слышать’).

Мы записали следующие оригинальные загадки про ухо:

*Бээжинден келген хөкпежимни
Беш чыл көрүп шыдавадым*⁵.

‘Я не смог увидеть свою синицу,
Прилетевшую из Пекина’.

В тексте загадки ухо по своей форме уподобляется синице.

*Мээс кырында чарык деспи*⁶.

‘На солнечной стороне горы (лежит) разбитое корыто’.

Думчук ‘нос’ в тувинских загадках изображается как *даг* ‘гора’, *сарыг кырлаң* ‘жёлтый горный хребет’, *амырга* ‘дудка’, *чудук* ‘бревно’, ноздри — *үңгүр* ‘нора’, *үт* ‘дыра’.

¹ Кажыкай Батыр, 2004 г.р., прож. в с. Арыг-Узю Улуг-Хемского района.

² Кужугет Лариса Арылдаевна, 1940 г.р., прож. в с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района.

³ Бышкак Роза Девер-ооловна, 1966 г.р., прож. в с. Кызыл-Даг, Бай-Тайгинского района.

⁴ Сарыглар Григорий Седенович, 1952 г.р., прож. в с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района.

⁵ Бышкак Роза Девер-ооловна, 1966 г.р., прож. в с. Кызыл-Даг, Бай-Тайгинского района.

⁶ Сарыглар Нура Карыма-уруу, 1945 г.р., прож. в с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района.

Приведём примеры:

Ийи хөлдүн ортузунда

Ийленчек сарыг кырлаң¹.

‘Между двумя озерами

Наклонный жёлтый хребет’.

Ийи хөл ортузунда даг².

‘Между двумя озерами гора’.

По форме нос уподобляется горе, хребту.

Кирбиктер ‘брови’ описываются метафорическими эпитетами *кара челээштер* ‘чёрные радуги’, *кара шивээ* ‘чёрная крепость’, при описании ресниц (тув. *карак кирбии*) люди обращали внимание на их множество: *амытан чон* ‘народ’, *алдан шериг* ‘шестьдесят войск’, *көвей кижги* ‘много людей’, *хаак* ‘тальниковый кнут’, *хөй кас* ‘много гусей’.

Чүрек ‘сердце’ — один из самых важных органов человека. При его изображении часто используется образ шамана, бубна. Сердцебиение представляется звукоподражаниями внезапному шуму *дирт-дирт*, *серт-серт*.

Чүрек ‘сердце’ изображают метафорическими эпитетами: *кашпал иштинде калга хам* ‘монгольский шаман в ущелье’, *чалым хая иштинде чаңгыс хам* ‘единственный шаман внутри неприступной скалы’, *чарык иштинде хам* ‘шаман в расщелине’, *куй иштинде хам* ‘шаман внутри пещеры’, *сарыг-кидис чадыр* ‘чум из старого войлока’, *кызыл тей* ‘красная сопка’, *хүрең торгу тон* ‘коричневое шёлковое пальто’, *бедик баштыг хүрең тайга* ‘бурая тайга с высокой вершиной’, *бажы бедик хүрең тайга* ‘бурая тайга с высокой вершиной’.

Приведем примеры.

Кашпал иштинде

Калга хам хамнап чыдар³.

‘В ущелье шаманит

Монгольский шаман’.

Бедик баштыг хүрең тайгам

Белинде меңгизи эривес,

бажы бедик хүрең тайгам

баарында хөртүү сенмес⁴.

‘На склоне бурой тайги моей с высокой вершиной

Ледник не тает.

У подножия бурой тайги моей с высокой вершиной

Сугроб не убывает’.

В загадке нарисовано сердце и сало вокруг него.

Приведём аналогичный пример:

Хөөкүй-оол хөвөң чучактыг⁵.

‘У Хоокүй-оола хлопковое пальтецо’.

В тексте сердце называется антропонимом *Хөөкүй-оол*, что буквально означает ‘бедный парень’.

¹ Тыва улустуң тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Типография КЦО «Аньяк», 2011. С. 63.

² Семис-оол Айран Вячеславович, 2014 г.р., прож. в пгт. Хову-Аксы Чеди-Хольского района.

³ Тыва улустуң тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Типография КЦО «Аньяк», 2011. С. 40.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Сарыглар Зинаида Кызыл-ооловна, 1956 г.р., прож. в с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района.

Мээ ‘мозг’, важный орган интеллектуальной деятельности человека, в тувинских загадках нарисован следующими метафорическими эпитетами: *муңгаш хууң иштинде мыйырак тарак* ‘маленькая простокваша внутри закрытого ведра’, *бүдүн көңгүлде мүмей тарак* ‘маленькая простокваша внутри целого кувшина’, *ак доңга иштинде мамы тарак* ‘маленькая простокваша внутри белого кувшина’, *Мүхүл хаанның эртинези* ‘драгоценность хана Мухюля’, *борбак хааржак иштинде боду бүткен алдын* ‘внутри круглого ящика самородок — золото’.

Из данных примеров видно, что в них присутствует и изображение головы человека с помощью названий разных предметов по внешнему сходству: *муңгаш хууң* ‘закрытое ведро’, *бүдүн көңгүл* ‘целый кувшин’, *ак доңга* ‘белый кувшин’, *борбак хааржак* ‘круглый ящик’. А антропонимом *Мүхүл хаан* ‘хан Мухюль’ изображен сам человек. По историческим данным, Мухюль был умным, храбрым, сообразительным корейским принцем.

Мүхүл хаанның эртинези

*Муңгаш көңгүл иштинде*¹.

‘Драгоценность хана Мухюля

Находится внутри закрытого кувшина’.

В следующей загадке метафорическим эпитетом изображены извилины мозга:

Сөөк аптара иштинде

*Сөзү номчуттунмаан бижик*².

‘Внутри сундука, сделанного из костей,

(находится) непочитанное письмо’.

В тувинских загадках зубы и язык часто изображаются вместе. *Диштер* ‘зубы’ представлены разными видами тропов: *үжен ийи ак чылгы* ‘тридцать два белых табуна’, *үжен ийи хая* ‘тридцать две белых скал’, *муң кижги* ‘тысяча человек’, *ак хаялар* ‘белые скалы’, *ак чал* ‘белая дамба’, а также называются антропонимом *Ак-кыс* (букв. ‘белая девушка’), в ряде из которых упомянут колоратив *ак* ‘белый’.

Дыл ‘язык’ характеризуется метафорическими эпитетами *шилги аскыр* ‘красновато-рыжий жеребец’, *калчаа шилги* ‘озорной красновато-рыжий’, *куй иштинде кулунчак* ‘жеребёночек в пещере’, *чаңгыс кижги* ‘единственный человек’, *кызыл маңгыс* ‘красное чудовище’.

Приведём пример.

Куу тулуп

*Сөөк боошкуннуз*³.

‘У серого мешка без швов

Имеются завязки из костей’.

Рот предстаёт в образе бесшовного мешка, а зубы представлены узелками из костей.

Про губы совсем мало загадок. Среди тувинцев очень распространена загадка:

Дег-дег дээрге, дегбес,

Дегбе-дегбе дээрге, дээр.

‘Скажешь “касайся-касайся”, не дотрагиваются,

Скажешь “не касайся-не касайся”, дотрагиваются’.

Г. Н. Курбатский интерпретирует причину такого произношения следующим образом: «Загадка характеризует артикуляцию. Губам нельзя приказать “дег-дег” (касайся-касайся), т. к. согласные “д” и “г” язычные. Нельзя приказать губам и “дегбе-дегбе” (не касайся-не касайся), т. к. согласный “б” губной» (Курбатский, 2001: 134).

¹ Тыва улустун тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2011. С. 41.

² Там же. С. 42.

³ Бышкак Роза Девер-ооловна, 1966 г.р., прож. в с. Кызыл-Даг, Бай-Тайгинского района.

Хин ‘пупок’ является символом неразрывной связи матери и ребёнка. В тувинских загадках для его изображения применяются числовые и метафорические эпитеты: *үттүг хая иштинде чаңгыс ыргай* ‘единственная ирга внутри скалы с отверстием’, *оргу шөлде чаңгыс кудук* ‘единственный колодец посреди ровного поля’, *чал ортузунда чаңгыс оңгар* ‘единственная яма посреди насыпи’, *чалым хая ортузунда чаңгыс ыргай* ‘одна ирга посреди неприступной скалы’.

Эгин ‘плечо’ представляется козлом-производителем с выборочно стриженной шерстью, который щиплет траву на горном хребте. *Баар* ‘печень’ в загадках — сын хана, у которого стойбище черно-коричневое, а *өт* ‘жёлчь’ — дочь нояна с зелёно-жёлтой одеждой.

При создании образа пальцев рук используются эпитеты и метафорические эпитеты, например: *белде беш кадай* ‘пятеро женщин у подножия горы’, *беш кижги* ‘пятеро человек’, *беш алышкы* ‘пятеро братьев’, *ортулуктуң он ыяжы* ‘десять деревьев острова’, *Межеликтиң беш ыяжы* ‘пять деревьев Межелика’, *он оол* ‘десять парней’, *он өг* ‘десять юрт’, *он кырган* ‘десять стариков’, *он шуваганчы* ‘десять старух’, *он алышкы* ‘десять братьев’, *онза найыралдыг он алышкы* ‘очень дружные десять братьев’, *он хелиң* ‘десять гелунгов’, *он кижги* ‘десять человек’, где используются нумеративы *беш* ‘пять’ и *он* ‘десять’. *Дыргак* ‘ноготь’ ассоциируется с камнем, со скалой: *ак даш* ‘белый камень’, *калбак даш* ‘плоский камень’, *калбак хая* ‘плоская скала’.

Данные примеры указывают на особенности мировосприятия тувинцев, отражают их культуру. К примеру, десять пальцев рук напоминают десять юрт. Общеизвестно, что юрта является традиционным жилищем кочевых народов. Термин *хелиң* ‘гелунг’ используется в буддизме и означает название ламского чина.

Приведем примеры.

Он хоочун

*Дош чүгктен чору*¹.

‘Десять ветеранов

Тащат лёд’.

Десять ветеранов — пальцы, лёд — это ногти.

*Он оол оналаа көрүнчүктүг*².

‘У десятиртых братьев имеются десять зеркал’.

В данном примере ногти уподобляются зеркалам.

Буттар ‘ноги’ в тувинских загадках показаны как *ийи шилги* ‘два коня красновато-рыжей масти’, *киш чаагы* ‘щёки соболя’. Продемонстрируем примеры:

Ийи шилгини мунган,

*Ийи кымчыны кымчыланган*³.

‘Ездит на двух красновато-рыжих конях,

С двумя кнутами бьёт’.

В загадке изображена ходьба человека.

*Беш баштыг ийи кулдуң чүгктенчизи тудуш*⁴.

‘У двух пятиголовых рабов неразделимый груз’.

Нога представлена метафорическим эпитетом *беш баштыг ийи кул* ‘два пятиголовых раба’, под *тудуш чүгктенчи* ‘неразделимый груз’ понимается тело человека.

Таким образом, в тувинских народных загадках разными тропами изображены различные соматизмы. Как показали примеры, чаще всего используются метафорические эпитеты, а также встречаются антропонимы и топонимы. Во всех загадках отслеживается изображение предметов в

¹ Бышкак Роза Девер-ооловна, 1966 г.р., прож. в с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района.

² Тыва улустуң тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2011. С. 51.

³ Калдан Ангыр Алдай-оолович, 2004 г.р. прож. в с. Кызыл-Чыраа Тес-Хемского района.

⁴ Тыва улустуң тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2011. С. 60.

тесной связи с культурой, бытом, способом хозяйствования, ландшафтными особенностями, ролью нумеративов, своеобразием мировосприятия народа в целом.

Заключение

В устно-поэтическом творчестве тувинцев имеется группа загадок, отражающих этапы жизненного цикла человека. В текстах данных фольклорных произведений сохранена информация об этнокультурном своеобразии мировосприятия тувинцев. Человек в них изображен с периода зачатия до самой смерти.

Особо выделяется группа загадок о строении тела человека и о его органах, где используются соматизмы.

Язык загадок о человеке богат разными тропами, среди которых доминируют метафорические эпитеты.

В анализируемых загадках скрупулёзно созданы образы частей тела человека и его органов, которые приводят к выводу о том, что человек понимался движущей силой жизни, носителем своеобразной культуры, хранителем традиций, посредником между поколениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айыжы, Е. В. (2015) Категория «Возраст» и отношение к нему в традиционной культуре тувинцев // Казанский педагогический журнал. № 5–2. С. 415–421.

Балыва, А. А. (2020) Антитеза в тувинских и русских загадках (на материале устного народного творчества) // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : материалы VI Международной науч.-практич. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (30 июня — 3 июля 2020 г.) / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 154 с. С. 13–14.

Бочина, Т. Г. (2023) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Иванов, Е. Е. (2023) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Монгуш, Ш. В. (2023) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Кенин-Лопсан, М. Б. (1994) Тыва чоннуң бурунгу ужурлары [Традиционная этика тувинцев]. Кызыл : Издательство «Новости Тувы». 192 с. (На тув. яз.).

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 464 с.

Ломакина, О. В. (2018) Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / под ред. В. М. Мокиенко. М. : РУДН. 344 с.

Ломакина О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Ломакина О. В. (2023) Ценностные константы русского мира: когнитивный анализ паремий // Когнитивные исследования языка. № 3–1 (54). С. 745–750.

Нелюбова, Н. Ю., Дугалич, Н. М., Кадилина, О. А., Кол, Ч. Ш. (2023) Лингвоаксиологический анализ калмыцких пословиц и поговорок с пищевым компонентом (на русском и французском паремиологическом фоне) // *Oriental Studies*. Т. 16. № 4. С. 929–947. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947>

Нелюбова, Н. Ю., Ломакина, О. В., Мирзаева, С. В. (2023) ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. Т. 14. № 3. С. 595–615. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

Серегина, М. А. (2016) Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект // *Вопросы когнитивной лингвистики*. № 1. С. 19–25.

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Соян, А. М., Ломакина, О. В. (2024) Образ юрты в тувинской паремиологии: когнитивный подход // *Когнитивные исследования языка. Выпуск № 1 (57): Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте. Часть II*. С. 103–107.

Сундуй, Г. Д. (2009) *Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания*. Кызыл : Институт развития национальной школы. 168 с.

Тогуй-оол, А. С. (2001) *Шинчилелдер [Исследования]*. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 96 с. (На тув. яз.)

Файзуллина, Н. И. (2018) Структурная организация русской и английской народной загадки // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. № 3. С. 124–132.

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. Т. 13. № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Дата поступления: 20.02.2024 г.

Дата принятия: 08.03.2024 г.

REFERENCES

Aiyzhy, E. V. (2015) The category of “Age” and the attitude towards it in the traditional culture of Tuvans. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, no. 5–2, pp. 415–421. (In Russ.).

Balyva, A. A. (2020) Antithesis in Tuvan and Russian riddles (based on the material of oral folk art). In: *Actual problems of research of ethnoecological and ethnocultural traditions of the peoples of the Sayano-Altai : materials of the VI International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, graduate students and students (June 30 – July 3, 2020) / ed. by E. D. Mongush*. Kyzyl, Izd-vo TuvGU. 154 p. Pp. 13–14. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2023) Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Ivanov, E. E. (2023) Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E. and Mongush, Sh. V. (2023) Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Kenin-Lopsan, M. B. (1994) *Traditional ethics of Tuvans*. Kyzyl, Izdatel'stvo «Novosti Tuvy». 192 p. (In Tuv.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore: historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izd-vo. 464 p. (In Russ.).

- Lomakina, O. V. (2018) *Phraseology in the text: functioning and idiostyle*. Moscow, RUDN. 344 p. (In Russ.).
- Lomakina O. V. (2022) Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>
- Lomakina O. V. (2023) Value Constants of the Russian World: cognitive analysis of paroemias. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 3–1 (54), pp. 745–750. (In Russ.).
- Neliubova, N. Yu., Dugalich, N. M., Kadirina, O. A. and Kol, Ch. Sh. (2023) Linguoaxiological Analysis of Kalmyk Proverbs and Sayings with Food-Related Components: A Perspective from European Paremiological Contexts. *Oriental Studies*, vol. 16, no. 4, pp. 929–947. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947>
- Neliubova, N. Yu., Lomakina, O. V. and Mirzaeva, S. V. (2023) LABOR in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 3, pp. 595–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>
- Seregina, M. A. (2016) Paremia as a form of representation of people's knowledge in language: cognitive and structural aspect. *Issues of cognitive linguistics*, no. 1, pp. 19–25. (In Russ.).
- Soian, A. M. (2023) The image of the horse in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>
- Soian, A. M. and Lomakina, O. V. (2024) The image of the yurt in Tuvan paremiology: a cognitive approach. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. Issue № 1 (57): Modern languages and cultures: variability, functions, ideologies in the cognitive aspect, part II, pp. 103–107. (In Russ.).
- Sundui, G. D. (2009) *The world of childhood in nomadic Asia: the experience of spiritual and moral education*. Kyzyl, Institut razvitiia natsional'noi shkoly. 168 p. (In Russ.).
- Togui-ool, A. S. (2001) *Research*. Kyzyl, Tyvanyng nom ündürer cheri. 96 p. (In Tuv.)
- Faizullina, N. I. (2018) The structural organization of the Russian and English folk riddles. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 3, pp. 124–132. (In Russ.).
- Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022) Images of Nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish Riddles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Submission date: 20.02.2024.

Acceptance date: 08.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.8

Статья

Юрта и ее детали в тувинских загадках

Tatyana G. Bochina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation

В статье анализируются лингвокультурные и лингвокогнитивные особенности тувинских загадок о войлочной юрте.

Объектом исследования являются тувинские загадки об артефактах в функции предмета действительности, закодированного в загадке (энигмате). Источником послужил сборник тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского 2021 г. издания, из которого методом сплошной выборки отобрано 297 загадок об артефактах тувинской культуры. Составлены рейтинги номинативной плотности и частотности тематических групп загадок о традиционных артефактах. Загадки о юрте занимают в них высокие места.

Демонстрируется, что юрта и ее детали кодируются загадками в рамках архетипических биномов «верх — низ», «внешний — внутренний», «закрытый — открытый», «подвижный — неподвижный», «живой — неживой», «природный — культурный». При этом для метафорического описания чаще всего используются антропоморфный, зоо- и биоморфный коды культуры, то есть артефакты описываются посредством метафоризации натурфактов.

Ключевые слова: загадка; тувинский фольклор; тувинский язык; модель мира; культурный код; архетипическая оппозиция; юрта

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Для цитирования:

Бочина Т. Г. Юрта и ее детали в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 125-140. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8>

Бочина Татьяна Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистического образования для иностранных студентов Казанского (Приволжского) федерального университета. Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. Эл. адрес: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

BOCHINA, Tatyana Gennadievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistic Education for International Students, Kazan (Volga Region) Federal University. Postal address: 18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation. E-mail: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

ORCID ID: 0000-0002-2606-2985

Article

The yurt and its details in Tuvan riddles

Tatyana G. Bochina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation

The article analyzes the linguistic and cultural features of Tuvan riddles related to felt yurts. The study focuses on Tuvan riddles related to artifacts in their enigmatic function (objects of reality encoded in riddles). The source for the study was a collection of Tuvan riddles compiled by G. N. Kurbatsky, from which 297 riddles were selected using continuous sampling method. Ratings of the thematic groups and frequency of riddles have been compiled. Based on the findings, the mysteries of the yurt occupy prominent positions in this context. It has been demonstrated that the yurt and its various parts are encoded through a series of riddles, which are embedded within the archetypal oppositions of “top – bottom”, “outside – inside”, “open – closed”, “moving – stationary”, and “animate – inanimate”. At the same time, anthropomorphic, zoomorphic, and biomorphic cultural codes are often used to metaphorically describe artifacts, in other words, objects are described through the metaphorization of natural phenomena.

Keywords: riddle; Tuvan folklore; Tuvan language; worldview; cultural code; archetypal opposition; yurt

Financing

The article was written within the framework of the Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University.

For citation:

Bochina T. G. The yurt and its details in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 125-140. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8>

Введение

Современная парадигма лингвистики, сочетающая антропоцентризм, междисциплинарность и функционализм, характеризуется пристальным вниманием к малым жанрам фольклора, бурным оживлением паремиологических исследований разных лингвокультур (Бочина, 2023; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Бредис, Иванов, 2022; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Alyoshin, Ivanov, 2023; Иванов, 2023; Ломакина и др., 2023; Нелюбова, Ломакина, Мирзаева, 2023; Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021), в том числе тувинской (Иванов, 2022; и др.).

Минимальный объем паремий, их прецедентная сущность, стереотипность и афористичность содержания привлекают ученых, изучающих особенности мировидения разных народов, этнических картин мира и его «строительного материала», ведь «чем лапидарнее текст, тем весомее слово, тем больше частей данного универсума оно обозначает» (Лотман, 1996: 91). Данное наблюдение справедливо не только для пословиц и поговорок, но и для загадок, корпус которых «является своеобразным толковым словарем модели мира, где отгадка — это слово, а описательная часть — его дефиниция» (Цивьян, 1978: 65). Можно сказать, что денотаты загадок (энигматы, или отгадки) выполняют функцию лексикона модели мира, а сигнификаты (энигматоры, или кодирующие тексты) являются метафорическим образом мира.

Двухчастной структуре энигматического текста соответствует и двусторонность обучающей функции загадки. С одной стороны, отгадки указывают на элементы мира, которые должен познать ребенок, с другой — описательная часть указывает на особенности устройства соответствующего фрагмента мира. Соответственно, обучающая функция загадки имеет прагматический и когнитивный уровни («о чем» знать и «что об этом» знать).

В последние годы опубликовано немало научных исследований кодов тувинской культуры (Сатанар, 2022), в том числе пространственного (Воробьев, Фаткуллина, Кужугет, 2023); природного (Иванов, Монгуш, 2023; Николаева и др., 2023; Чеснокова, Усманов, 2022b), пищевого (Чеснокова, Усманов, 2022a). Таким образом, актуальность статьи мотивируется научной значимостью познания лингвокультурных особенностей репрезентации культурных кодов энигматическими текстами. Важность описания предметного кода тем более очевидна в связи с тем, что артефакты являются наиболее очевидными, доступными чувственному восприятию, особенностями этнической материальной культуры.

Целью данной статьи является выявление лингвокультурных и лингвокогнитивных особенностей тувинских загадок о войлочной юрте. Достижению данной цели будет способствовать решение следующих задач: на основе количественного анализа определить место тематической группы «юрта» в системе загадок об артефактах; определить лингвокультурные особенности описания дома в загадках о войлочной юрте; описать соотношенность загадок о юрте с архетипическими оппозициями модели мира.

В качестве источника анализа использован сборник тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского 2021 г. издания¹, который содержит 1121 загадку; из него методом сплошной выборки было отобрано 297 загадок об артефактах, связанных с юртой.

Загадки о юрте на фоне загадок о других артефактах

Артефакт, или рукотворный предмет, продукт материальной культуры, — это «любой искусственно созданный объект, имеющий как определённые физические характеристики, так и знаковое, символическое содержание»². Знаковость и символичность артефакта проявляются по-разному в различных сферах жизнедеятельности человека.

Семиотика жанра загадки заключается в том, что денотаты энигматического текста проецируются на систему универсальных оппозиций, описывающих модель мира. Соответственно, и загадки о предметах материальной культуры являются знаками и символами специфики этноса, особенностей его мировидения, трансляторами «социально-культурной информации и жизненно-смысловых значений»³.

С целью выявления значимых в тувинской культуре артефактов в рассматриваемом сборнике были проанализированы разделы «Загадки о быте» и «Загадки о хозяйстве». Из них методом сплошной выборки были извлечены загадки с денотатом-артефактом (за исключением предметов нового быта и хозяйства⁴) и классифицированы на группы: «юрта», «предметы домашнего обихода», «кухонная утварь», «одежда, обувь, украшения», «инструменты», «артефакты коневодства», «оружие», «артефакты курения».

Далее определен рейтинг номинативной плотности разных групп путем подсчета денотатов загадок, при этом учитывались не только лексемы, номинирующие артефакт, но и словосочетания, обозначающие детали артефакта. Данный факт принципиален для жанра, поскольку загадки рассчитаны не на отгадывание, а на заучивание (Цивьян, 1978: 83), следовательно, точное воспроизведе-

¹ Тыва тывызыклар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021.

² Артефакт [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/артефакт> (дата обращения: 15.01.2024).

³ Значение-слова/артефакт [Электронный ресурс] // Картаслов.ру — Карта слов и выражения русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/артефакт> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴ В количественном анализе не учитывались загадки из разделов «Новый быт» и Новая хозяйственная деятельность» сборника: Тыва тывызыклар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021.

ние отгадки. Думается, что на значимость тематической группы загадок можно экстраполировать известное положение когнитивной лингвистики о том, что «чем выше номинативная дробность, расчлененность той или иной денотативной сферы, тем большую важность имеют репрезентируемые совокупностью этих средств концепты в сознании носителей языка в данный период, на данном этапе развития общества и мышления...» (Попова, Стернин, 2001: 98).

На следующем этапе был определен рейтинг частотности тематических групп на основе подсчета загадок на одну тему. Результаты количественного анализа представлены в таблице (см. табл. 1).

Таблица 1. Тематическая классификация тувинских загадок об артефактах
Table 1. Thematic classification of Tuvan riddles about artifacts

№	Тематическая группа	Кол-во номинаций	Рейтинг номинативной дробности	Кол-во загадок	Рейтинг частотности
1.	Юрта	35	1	51	2
2.	Кухонная утварь	33	1	62	1
3.	Артефакты коневодства	29	2	34	4
4.	Инструменты	26	3	44	3
5.	Одежда и обувь, украшения	24	3	31	4
6.	Предметы домашнего обихода	21	3	41	3
7.	Оружие	22	3	24	5
8.	Артефакты курения	5	4	10	6
	Итого:	195		297	

Количественный анализ дает наглядное представление о том, что центральное место в корпусе тувинских загадок об артефактах занимает группа «юрта» (тув. *өг*), ибо к числу наиболее дробных групп относятся загадки о юрте и кухонной утвари (именно данный факт объясняет выделение последней группы из более общей по тематике «предметы домашнего обихода»). Однако соотношение числа денотатов к количеству загадок (35:51 — у первой группы, 33:62 — у второй) говорит о большей номинативной плотности тематической сферы «жилище» (0,69 против 0,53). Таким образом, загадки о родном доме — *өг* 'юрте' — являются наиболее значимыми в сфере энигматических текстов о материальной культуре тувинцев, что отражает важность дома в тувинской модели мира. Это тем более справедливо, если учесть, что и кухонная утварь, и другие предметы домашнего быта наполняют внутреннее пространство юрты, в связи с чем группа «юрта» при широком ее понимании включает 154 загадки и 84 артефакта-денотата.

Өг 'юрта' как круглый огороженный мир

Традиционное жилище тувинцев *өг* 'юрта', безусловно, является архетипическим (т. е. древнейшим, при этом сохраняющим свою значимость в нормативно-ценностном пространстве современной культуры) артефактом. Сегодня юрта сохраняет свою функцию жилища лишь для животноводов и потеряла свою значимость как жилья для тувинцев, ставших городскими и сельскими жителями. Тем не менее она обрела новые формы бытования в литературе, архитектуре, дизайне интерьера и одежды, в питании, педагогике, логотипах и сувенирах и т. д. (Тувинцы. Родные ... , 2022: 118–137; Өвүс ..., 2022).

Известно, что в корпусе загадок разных этносов дом занимает важнейшее место в моделировании мира и концептуализации пространства (Цивьян, 1978). В отличие от русского языкового сознания, в котором пространство представлено как нечто бескрайнее, раздольное, беспредельное, не имеющее

четких границ, в тюрко-монгольском культурном мире, частью которого является тувинская культура, пространство воспринимается носителями языка как «замкнутая сфера или окружность, в центре которой находится *дом, семья, родные, близкие*» (Воробьев и др., 2023: 157; курсив источника. — Т. Б.). Именно юрта как место проживания семьи является исходным центром тувинского пространственного кода (там же: 158); от средоточия человеческого микромира подобно кругам на воде расходятся другие локусы микро- и макромира, воспроизводящие форму круга юрты.

В загадках тувинский дом — *өг 'юрта'* — представляет собой жилище, обладающее следующими признаками: прочное, огороженное, возвышающееся, круглой формы.

*Дең-дең дөңгелчик,
Дөгээ баары кажалаң,
Салаа-салаа садыргай,
Сыны меге, тырыкы (ТТТЗ: 459¹).*

(Өг).

Бугристая-бугристая кочка,
У подножья горы огороженная,
Пальцы-пальцы хрустящие,
Стан могучий и круглый.

(Юрта).

Как видим, в данной загадке представлены основные признаки стереотипного жилья тувинца: *өг 'юрта'* — по форме круглая, возвышающаяся как гора, с точки зрения сидящего на полу человека, имеющая стены, огораживающие и защищающие своих жильцов.

Показательно, что в группе загадок об устройстве юрты было обнаружено только два текста с денотатом *өг 'юрта'* и 45 — с описанием ее конструктивных элементов. Ранее лингвисты отмечали, что внимание к мельчайшим деталям в тувинских загадках связано с принципом преобладания описательных элементов над лирическими, а также признаковой детерминантой тюркских языков (Чеснокова, Усманов, 2022а: 298).

Такое общетюркское внимание к деталям обеспечивает эффективную реализацию важнейшей функции загадки — познавательной. Энигматические тексты сообщают детям о том, как устроен мир, так, в многочисленных загадках о юрте подробно воспроизводятся особенности ее конструкции:

«Стены юрты образует деревянный каркас из 6 (или больше) звеньев складной решетки, установленных вертикально по кругу. Крыша — куполообразная, из тонких длинных палок, привязанных одним концом к решетке, а другим вставленных в деревянный круг, служащий одновременно и дымовым отверстием»².

О том, на сколько подробно в корпусе загадок представлены элементы конструкции юрты, ярко свидетельствует перечень отгадок: *өг ханазы* 'решетка юрты', *өгнүң хана-карактары* 'клетки юрточной решетки', *өг ханазының черде дээп турар уштары* 'нижние концы деревянных решеток юрты', *хана бажы* 'верхние перекрытия решеток', *хана көгү* 'кожаная скрепка деревянной решетки', *чадырның алажызы, улун (ынаа)* 'тонкая жердь, служащая стропилом в юрте', *ынаа салдырыы, илдирге* 'ремень в виде петли, волосная верёвочная петля для скрепления жердей (решеток)', *өгнүң дүндүү* 'дымовое отверстие', *хараача, ынаа* 'большой обруч дымового отверстия', *багана (магана)* 'жердь, поддерживающая верхний обруч юрты', *дүндүкте багана бажы* 'вершина подпорки — багана в дымовом отверстии юрты', *өреге (өгнүң өрегези)* 'войлочное покрывало дымохода', *өреге баа* 'ремни войлочного покрывала дымохода юрты', *ширтект, чээк* 'войлочный коврик, обшлаг, обшивка', *эжик* 'дверь', *эргин чаактары* 'косяки двери', *өг куру* 'лента для опоясывания, обвязка, (опояска) юрты', *кожалаң, өг куру* 'лентообразная волосная верёвка, снаружи опоясывающая остов юрты'.

Очевидно, что многие конструктивные элементы «видятся» как состоящие из более мелких частей (дымовое отверстие — обруч дымового отверстия, жердь, поддерживающая обруч, вершина этой подпорки, войлочное покрывало и его ремни).

¹ Здесь и далее загадки и их перевод на русский язык цитируются по изданию: Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021. Здесь и далее в скобках указано сокращенное название издания (ТТТЗ) и номера загадок, ответы на которые приводятся в сборнике под теми же номерами в разделе «Отгадки».

² Быт и традиции тувинцев. Жилище [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Тыва. Дзен. 2022, 6 июля. URL: https://dzen.ru/a/YsKIIxyfFS_Nsba3 (дата обращения: 15.01.2024).

Важным обучающим фактором является и наличие многосложных загадок, в которых показываются разные конструктивные элементы во взаимодействии, а также процесс сборки — разборки переносного жилища, изготовления войлочного коврика:

*Аран-аран аралашты,
Алды кокай туткулашты,
Чээрен, чээрен чергелешти,
Чеди кокай хербелешти (ТТТЗ: 466).*

(Өг ханазының аксын кириштирери).

Черед-черед чередуются,
Шесть волков кусаются,
Дзерены, дзерены равняются.
Семь волков дерутся.

(Разбор остова юрты).

— *Иштиң чүү чарды?*
— *Чече чарды.*
— *Чүү үндү?*
— *Ириң үндү.*
— *Чүү сукту?*
— *Чири сукту (ТТТЗ: 467).*

(Өг ханазы, көктеп турганы,
көктээш, баглап алганы).

— Что проколлот твой живот?
— Сверло проколлоло.
— Что вышло оттуда?
— Гной.
— Что впихнули туда?
— Плотную сыромятную кожу.

(Юрточные решётки, изготовление их,
соединение ремнём).

Чаңгыс хойнуң шыыры көвей (ТТТЗ: 494).

(Ширтек сыры).

У одной овцы много вытопанного снега.

(Прошивка, простёгивание войлочного коврика).

К обозначенным выше причинам внимания к деталям в тувинских загадках (признаковая детерминанта в языке, преобладание описания над лиричностью) следует добавить и частное прагматическое основание: в традиционной культуре большое значение придавалось умению быстро и правильно собрать и разобрать юрту, поэтому в социализации ребенка знание ее конструктивных деталей и особенностей весьма значительно.

Оппозиция «верх — низ» в загадках о юрте

В энигматической группе өг 'юрта' наиболее детально разработано конструктивное устройство верха юрты (26 загадок) и ее стен (19 загадок), иначе говоря, те элементы постройки, которые служат границами между внешним миром и миром человека и его семьи, что, безусловно, связано как с особенностями самой юрты, так и с культурной значимостью крыши и стен дома в моделировании мира, их когнитивной связанностью с рядом архетипических оппозиций (верх — низ, внешний — внутренний, закрытый — открытый, подвижный — неподвижный, живое — неживое, природное — культурное). Правда, в отличие от пословичного жанра, в котором наличие обеих частей биннома является важнейшим лингвокогнитивным принципом народных речений (Бочина, 2023; Селиверстова, 2022), в загадках архетипические оппозиции актуализируются, как правило, одним своим членом.

Из 51 загадки о юрте лишь в одной оппозиция «верх — низ» представлена обоими компонентами, в ней пространственная вертикаль маркируется контрастом формы низа (пола, покрытого коврами) и кровли юрты:

Дөртү калбагар,
Ийизи элдегер (ТТТЗ: 461).

(Өг адаа, дээвицрлер).

Четверо плоских,
Двое выпуклых.

(Низ юрты, войлочная кровля юрты).

В трех загадках указывается на жердь, соединяющую низ и верх юрты *багана* (*магана*), еще одна загадка посвящена нижним деталям конструкции юрты:

Куйда кула агттың кулаа көстүп тур (ТТТЗ: 484).

Багана (*магана*).

В пещере ухо саврасого коня видно.

(Жердь, поддерживающая верхний обруч юрты; подпорка).

Муң кушкаш чер соктады (ТТТЗ: 464).

(Өг ханазының черде дээп турар уштары).

Тысяча птиц землю клюёт.

(Нижние концы деревянных решёток юрты, касающиеся земли).

Подавляющее же большинство текстов загадок (25) из тех, что описывают вертикаль тувинского жилища, указывают на верхние конструктивные элементы: *хана бажы* ‘верхние перекрытия решеток’, *ынаа* ‘жерди-стропила’, *өгнүң дүндүү* ‘дымовое отверстие’, *хараача* ‘обруч дымового отверстия’, *өреге* (*өгнүң өрегези*) ‘войлочное покрывало дымохода юрты’ и др.

Дөө аалдың, дуу аалдың өшкүзүнүң мыйызы олуй-солуй
(ТТТЗ: 472).

(*Хана бажы*).

У того аала, у этого пала
Рога коз крест-накрест.

(Верхние перекрытия решёток — секций юрты).

Бурбуудайны муң кижги чүктээн (ТТТЗ: 481).

(*Хараача, ынаа*).

Бурбудаая тысяча человек на спине носит.

(Большой обруч дымового отверстия наверху юрты для закрепления жердей-стропил в пазах-прорезях; длинные тонкие жерди, служащие стропилами в юрте).

Такая детальная проработка верха юрты в загадках мотивирована аксиологической выделенностью в модели мира именно данной части бинома *верх — низ*, а также существенность верхней границы между микро- и макромиром.

Оппозиция «внутреннее — внешнее» в загадках о юрте

В модели мира дом является связующим звеном между человеком и миром, т. е. внутренним и внешним, в загадках о войлочной юрте также зафиксирована эта диалектическая связь людей, населяющих юрту (*ишти* ‘живот’), и выхода во внешний мир (*тейи дежик* ‘дырявая макушка’):

Тейи дежик,
Ишти курттуг (ТТТЗ: 460).

(Тербе өг: өгнүң дүндүү, өгде кижилер).

Макушка дырявая,
Живот червивый.

(Войлочная юрта: дымовое отверстие юрты,
люди в юрте).

Еще раз подчеркнем, что в тувинской лингвокультуре өг ‘юрта’ имеет значение не просто дома, но дома, где живет семья.

В ряде загадок внутреннее пространство юрты кодируется посредством образов пещеры, колодца, тайги, стойбища.

Кудукта хува инектиң кудуруу көстүп тур,
Хувагада кула бениң кулаа көстүп тур (ТТТЗ: 652).

(... Дүндүкте багана бажы).

Из колодца хвост соловой коровы виден,
Из чаши уши саврасой кобылицы видны.

(... вершина подпорки — багана в дымовом
отверстии юрты).

Куй иштинде кулун дешкилеп тур,
Аргада ак баштыг ашак олур (ТТТЗ: 574).

(От, төш).

В пещере жеребёнок скачет,
В тайге белоголовый старик сидит.

(Огонь, печь).

Улуг сарыг коданындан
Улаастайлаан оглум Улаан-шимээн барды (ТТТЗ: 587).

От чаштанчызының өг дүндүүнче көдүрүлгени.

Из большого жёлтого стойбища
В Улясутай поехавший мой сынок Притих-затих.

(Искры, исчезающие в дымовом отверстии
юрты).

Оппозиция «закрытое — открытое» в загадках о юрте

Двойственная роль дома — с одной стороны, защищать, ограждать микромир человека, а с другой — связывать микро- и макромир, подразумевает его амбивалентность, способность быть замкнутым и незамкнутым, закрытым и открытым пространством. Крепость юрты обеспечивает не только твердость звеньев деревянной решетки, но и надежность их соединения.

Дөңден-дөңден, дөңден курттулан,
Хая-хаяа хаяалан (ТТТЗ: 482).

(Хараача, ынаа)

Конец с концом связаны,
Скала со скалою соединены.

(Большой обруч дымового отверстия наверху
юрты для закрепления жердей — стропил
в пазах — прорезях; длинные тонкие жерди,
служащие стропилами в юрте).

Совсем не случайно целый ряд загадок описывает различные элементы крепления: *ынаа салдырыы*, *илдирге* ‘верёвочная петля для скрепления жердей’, *хана көгү* ‘кожаная скрёпка деревянной решётки’, *өг куру* ‘обвязка, (опояска) юрты’:

Узун оол удазын эзеңгилиг (ТТТЗ: 478).

(Ынаа салдырыы, илдирге).

Длинный парень с нитяными стременами.

(Ремень в виде петли; волосяная верёвочная петля для скрепления жердей (решёток) в юрте).

Аар ийде адыг богдунуп чыдыр,
Бээр ийде бег богдунуп чыдыр (ТТТЗ: 474).

(Хана көгү).

На северном склоне медведь удавливается.
На южном склоне бег вешается.

(Кожаная скрёпка деревянной решётки, служащей стеной юрты).

Бирээзи бо чарыкты куду баткан,
Бирээзи дөө чарыкты куду баткан (ТТТЗ: 500).

(Өг куру).

Один на эту сторону вниз спустился,
Другой на ту сторону вниз спустился.

(Лента для опоясывания, обвязка, (опояска) юрты).

Амбивалентность дома обеспечивает в первую очередь дверь, которая закрывает либо открывает макромир, впускает в микромир либо выпускает из него человека. Именно признак подвижности, связанный с функцией артефакта, является мотиватором отгадки тувинского энигматического текста о двери, что в описательной части загадки выражается глаголами *калбаң* ‘качается’, *дапың* ‘замахивается’, *шапың* ‘останавливается’ (заметим, что этот же признак характерен для загадок китайских и монгольских тувинцев, см.: Юша, 2021: 30):

Үне калбаң,
Кире калбаң (ТТТЗ: 496).

(Эжик).

Выходишь — качается.
Входишь — качается.

(Дверь).

Даады дапың,
Далыма шапың (ТТТЗ: 498).

(Эжик).

Постоянно замахивается.
Останавливается избитая

(Дверь).

Другим элементом тувинской юрты, отвечающим за выход во внешний мир, является дымовое отверстие в крыше; его функция открывания — закрывания осуществляется с помощью *өреге* (*өгнүң өрегези*) ‘войлочное покрывало’, которое *чанар*, *келир* ‘приходит, уходит’ и *ажылдаар* ‘работает’:

Эртен чанар,
Кежээ келир (ТТТЗ: 487).

(Өреге (өгнүң өрегези)).

Утром уходит,
Вечером приходит.

(Войлочное покрывало дымохода юрты).

Эртен чанар саглай,
Кежээ келир саглай (ТТТЗ: 488).

(Өреге (өгнүң өрегези)).

Утром уходит лохматый,
Вечером приходит лохматый.

(Войлочное покрывало дымохода юрты).

Өг ‘юрта’ кочевника лишена окон в традиционном понимании некоевых народов, которые осмысливают окна как глаза дома, обеспечивающие визуальную связь с внешним миром и пропускаю-

щие внутрь солнечный свет. Данную функцию в юрте выполняет дымовое отверстие в крыше, благодаря которому

«юрту можно назвать своеобразной обсерваторией. Через верхний проем взрослые определяли погоду на следующий день, показывали детям расположение звезд, рассказывали о звездах, о созвездии Большой Медведицы, легенды и мифы, связанные со звездами, с небом. Через дымовое отверстие определялись часы, время: раннее утро, время, когда можно начинать доить коров, время, когда можно отгонять скот на пастбища, время обеда, когда можно пригнать скот на стоянку, время вечерней дойки» (Шойдук, 2019: 305).

Эта специфичная для кочевников роль дымохода (совершенно нетривиальная для некоевых народов) — визуальная связь с внешним миром, способ ориентации во времени — отражается текстами загадок, в которых описание покрывала, открывающего или закрывающего «окно в мир», осуществляется указанием на время посредством оппозиций *утро — вечер, лето — зима*:

*Кежээ келир саглай,
Дүлүм ээтиг саглай,
Эртен келир саглай,
Кечим шайлыг саглай* (ТТТЗ: 489).

(Өреге (өгнүң өрегеги)).

Вечером приходит лохматый,
С порцией мяса лохматый,
Утром приходит лохматый,
С восьмушкой чая лохматый.

(Войлочное покрывало дымохода юрты).

*Дөңгүр-караның энчээ
Дөрт бурундуктуг,
Чаңгыс бурундуу
Чай, кыш чок ажылдаар* (ТТТЗ: 490).

(Өреге (өгнүң өрегеги)).

У чёрно-лысого покрывало войлочное
С четырьмя поводьями,
Один повод
И летом, и зимой работает.

(Войлочное покрывало дымохода юрты).

Столь высокая значимость дымового отверстия, определяемая его полифункциональностью как в бытовой, так и в духовной жизни тувинцев объясняет очеловечивание артефакта, выбор для кодирования имени собственного.

*Салаа-булаа сандаргай,
Сайын меге төгөрик* (ТТТЗ: 483).

(Хараача, ынаа).

Пальцы-пальчики разбросаны,
Силач Сайын круглый.

(Большой обруч дымового отверстия наверху юрты для закрепления жердей — стропил в пазах — прорезях; длинные тонкие жерди, служащие стропилами в юрте).

Бурбуудайны муң кижги чүктээн (ТТТЗ: 481).

(Хараача, ынаа).

Бурбудая тысяча человек на спине носит.

(Большой обруч дымового отверстия наверху юрты для закрепления жердей — стропил в пазах — прорезях; длинные тонкие жерди, служащие стропилами в юрте).

Оппозиции «живое — неживое», «природное — культурное» в загадках о юрте

Особую важность для жанра загадки имеют оппозиции *живое — неживое, природное — культурное*, поскольку в описательной части загадки и в отгадке чаще всего сочетаются реалии разного порядка,

принадлежащие, как правило, к разным классификационным категориям¹. Так, многие артефакты юрты метафорически изображаются посредством натурфактов, среди которых можно особо выделить единицы антропоморфного, зооморфного и биоморфного кодов культуры.

Почти в каждой третьей загадке о юрте та или иная ее деталь описывается посредством образа человека с использованием терминов родства, имен собственных (см. примеры выше), общих и гендерных наименований, оценочных лексем. Так, при описании кожаной скрепки используются образы матери и отца, стропило зашифровано как высокая девушка или голосистый парень, веревочная петля представлена в тексте как длинный парень, обруч дымового отверстия замещен в энигматической части образом глупца, а жерди-стропила — множеством людей:

*Артыңда адаң чудуруун аннып олур,
Мурнуңда иең дылын уштуп олур* (ТТТЗ: 473).

(Хана көгү).

Сзади твой отец кулаком потрясывает.
Впереди твоя мать язык показывает.

(Кожаная скрепка деревянной решётки,
служащей стеной юрты).

*Узун уруг
Ужунда, бажында сыртыктыг* (ТТТЗ: 476).

(Улун (ынаа)).

У высокой девушки
У головы и ног подушки.

(Тонкая жердь, служащая стропилом в юрте).

Узун оол удазын эзеңилиг (ТТТЗ: 478).

(Ынаа салдырыы, илдирге).

Длинный парень с нитяными стремянами.

(Ремень в виде петли; волосная верёвочная
петля для скрепления жердей (решёток) в юрте).

Мугулайны муң кижичушкуулады (ТТТЗ: 479).

(Хараача, ынаа).

Глупца тысяча человек в затылок колют.

(Большой обруч дымового отверстия наверху
юрты для закрепления жердей — стропил
в пазах — прорезях; длинные тонкие жерди,
служащие стропилами в юрте).

Столь же часто (больше четверти загадок о юрте) на особенности деталей в загадке указывают зоонимические образы, прежде всего одомашненных животных: коня, кобылицы, коровы, козла (козы), валуха (кастрированного барана):

Куйда кула агттың кулаа көстүп тур (ТТТЗ: 484).

(Багана (магана)).

В пещере ухо саврасого коня видно.

(Жердь, поддерживающая верхний обруч юрты;
подпорка).

При этом в большинстве случаев эксплуатируется один и тот же признак — рога животного, с помощью которого кодируются верхние концы решеток, соединенных крест-накрест:

¹ Абдрашитова М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Томск, 2012. С. 9.

Кыр инээмниң мыйыстары олуй-солуй (ТТТЗ: 462).

(Тербе бажының солушкаа).

У чалой коровы моей рога крест-накрест.

(Стены — решетки войлочной юрты).

*Ишкинниң хаязы —
Ирт, сергениң мыйызы (ТТТЗ: 470).*

(Хана бажы).

Скалы Ишкина —
Рога валуха и козла.

(Верхние перекрытия решёток — секций юрты).

В тувинских загадках о войлочной юрте образы диких зверей встречаются редко (ведь дом — защита микромира человека от мира внешнего, часто враждебного), исключением являются образы медведя и волка, которые в мифах, верованиях тувинцев считались предками народа Тувы (Чолдак-оол, 2022: 17) и которым долгие годы поклонялись:

*Аар ийде адыг богдунуп чыдыр,
Бээр ийде бег богдунуп чыдыр (ТТТЗ: 474).*

(Хана көгү).

На северном склоне медведь давивается.
На южном склоне бег вешается.

(Кожаная скрёпка деревянной решётки,
служащей стеной юрты).

*Аран-аран аралашты,
Алды кокай туткулашты,
Чээрен, чээрен чергелешти,
Чеди кокай хербелешти (ТТТЗ: 466).*

(Өг ханазының аксын кириштирери).

Черед-черед чередуются,
Шесть волков кусаются,
Дзерены, дзерены равняются.
Семь волков дерутся.

(Разбор остова юрты).

Как отмечает знаток тувинской культуры М. Б. Кенин-Лопсан, «юрта сравнима с Чеди-Хааном — Большой медведицей, потому что юрта не стоит на одном месте в течение четырех времен года, а кочует с одной стоянки на другую» (Кенин-Лопсан, 2006: 34).

В шести загадках о юрте описательная часть содержит природные образы: горы, скалы, лес, реки, родник:

*Бо дагның көгүн тырттарымга,
Дөө даг шимчеди (ТТТЗ: 503).*

(Өг куру).

Зелень этой горы рвал —
Та гора зашевелилась.

(Пояс юрты).

*Бөлүк шыргада
Чаңгыс шыргай дедир үнген (ТТТЗ: 475).*

(Чадырның алажызы).

Среди чащи
Одна лесина растопырилась

(Тонкая жердь, служащая стропилом в чуме).

Сен ыңай бат,
Мен бээр кээйн,
Булуктуг кара сугга ужуражыыл (ТТТЗ: 502).

(Кожалаң, өг куру).

Ты туда спускайся,
Я сюда приду,
У горного родника встретимся.

(Лентообразная волосяная верёвка, снаружи
опоясывающая остов юрты; опояска (пояс) юрты).

Именно данные природно-ландшафтные образы чаще всего актуализируются в тувинской лингвокультуре (Николаева и др., 2023: 54).

Заключение

По данным корпуса загадок в центре тувинской модели мира, безусловно, находится өг 'юрта', которая вместе с наполняющими ее предметами домашнего обихода породила более половины загадок об артефактах. Обучающая функция энигматических текстов о доме реализуется на двух уровнях: поверхностном и глубинном. Поверхностный (прагматический) слой связан с передачей знаний об устройстве юрты; большое количество ее мельчайших деталей, репрезентированных многочисленными загадками, свидетельствует о высокой значимости самого артефакта в жизни народа. Особенно детально разработаны те элементы постройки, которые служат границами между внешним миром и миром человека и его семьи.

Глубинный (когнитивный) уровень фиксирует место артефакта в модели мира, соотносённость рукотворного предмета с той или иной универсальной оппозицией описания мира. С этой точки зрения, юрта и ее детали кодируются в рамках архетипических биномов «верх — низ», «внешний — внутренний», «закрытый — открытый», «подвижный — неподвижный», «живой — неживой», «природный — культурный». При этом для метафорического описания чаще всего используются антропоморфный, зоо- и биоморфный коды культуры, другими словами, артефакты описываются посредством метафоризации натурфактов.

Перспектива исследования видится в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом анализе тувинских загадок о других группах артефактов, в том числе не только в роли энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке), но и энигматора (кодирующей, описательной части).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочина, Т. Г. (2023) Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 286 с.

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Воробьев, В. В., Фаткуллина, Ф. Г., Кужугет, Ш. Ю. (2023) Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 153–170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.

Иванов, Е. Е. (2022) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2023) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Монгуш, Ш. В. (2023) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Ломакина, О. В., Сайтбатталов, И. Р., Сайтбатталова, Ю. А., Хушкадамова, Х. О. (2023) Отражение религиозно-теологических представлений ислама в башкирских, узбекских и таджикских пословицах в свете теории культурно-языкового трансфера // Oriental Studies. Т. 16. № 4. С. 914–928. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-914-928>

Лотман, Ю. М. (1996) О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб. : Искусство. 846 с.

Нелюбова, Н. Ю., Ломакина, О. В., Мирзаева, С. В. (2023) ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 3. С. 595–615. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

Николаева, Е. К., Селиверстова, Е. И., Ломакина, О. В., Сувандии, Н. Д. (2023) Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Өвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / сост. : Ч. К. Ламажаа [и др.] ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 85 с.

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2001) Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки. 191 с.

Сатанар М. Т. (2022) Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний // Новые исследования Тувы. № 1. С. 211–224. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Цивьян, Т. В. (1978) Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. № 10. С. 65–84.

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022a) Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 294–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022b) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Чолдак-оол, Ш. В. (2022) Отражение нематериальной культуры тувинцев в гидронимии Тувы // Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире. № 2. С. 13–23.

Шойдук, Л. Ш. (2019) Юрта — древнее жилище тувинцев // Искусство Евразии. № 3 (14). С. 302–316. DOI: <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.022>

Юша, Ж. М. (2021) Жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (30). С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Alyoshin, A., Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Scandinavian Philology. Vol. 21. Issue 1. P. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Дата поступления: 09.02.2024 г.

Дата принятия: 08.03.2024 г.

REFERENCES

- Bochina, T. G. (2023) *The proverb is said for centuries: selected works on Russian paremiology*. Kazan', Izd-vo Kazanskogo un-ta. 286 p. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Vorob'ev, V. V., Fatkullina, F. G. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2023) Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>
- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional Tuvan culture*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 232 p. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2022) Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>
- Ivanov, E. E. (2023) Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>
- Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaja, J. A. (2021) The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>
- Ivanov, E. E. and Mongush, Sh. V. (2023) The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>
- Lomakina, O. V., Saitbattalov, I. R., Saitbattalova, I. A. and Khushkadamova, Kh. O. (2023) Religious and Theological Concepts of Islam in Bashkir, Uzbek and Tajik Proverbs: A Perspective from the Theory of Cultural and Linguistic Transfer. *Oriental Studies*, vol. 16, no. 4, pp. 914–928. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-914-928>
- Lotman, Yu. M. (1996) *About poets and poetry: An analysis of the poetic text. Articles and research. Notes. Reviews. Performances*. St. Petersburg, Iskusstvo. 846 p. (In Russ.).
- Neliubova, N. Y., Lomakina, O. V., Mirzaeva, S. V. (2023) LABOR in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 3, pp. 595–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>
- Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii, N. D. (2023) The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakass, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>
- Övüs. *The return of the Tuvan yurt* (2022) / comp. by Ch. K. Lamazhaa et al., ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ.).
- Paremiology without Borders* (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).
- Paremiology at the crossroads of Languages and Cultures* (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).
- Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2001) *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh, Istoki. 191 p. (In Russ.).
- Satanar M. T. (2022) Codes in modeling the world of Tuvan and Yakut epic tales]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 211–224. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>
- Seliverstova, E. I. (2022) Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>
- Tuvans. Native people* (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).
- Tsiv'ian, T. V. (1978) The house in the folklore model of the world (based on the material of the Balkan riddles). *Trudy po znakovym sistemam*, no. 10, pp. 65–84. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022a) Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 294–316 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Chesnokova, O. S., Usmanov, T. F. (2022b) Images of Nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish Riddles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Choldak-ool, Sh. V. (2022) Reflection of the intangible culture of Tuvans in the hydronymy of Tuva. *Rodnye iazyki i kul'tury v sovremennom izmeniaiushchemsia mire*, no. 2, pp. 13–23. (In Russ.).

Shoiduk, L. Sh. (2019) The Yurt is an ancient dwelling of Tuvans. *The art of Eurasia*, no. 3 (14), pp. 302–316. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.022>

Yusha, Zh. M. (2021) The genre of riddle in folklore of the Tuvans of Russia, China, and Mongolia. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaiia*, no. 2 (30), pp. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Alyoshin, A., Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. *Scandinavian Philology*, vol. 21, issue 1, pp. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Submission date: 09.02.2024.

Acceptance date: 08.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.9

Статья

Река в тувинской паремике: образность и символика (на фоне центральноазиатского паремиологического континуума)

Ольга В. Ломакина

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Елена К. Николаева, Елена И. Селиверстова

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация,

Луиза Н. Гишкаева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируются тувинские паремии с компонентом река, собранные приемом сплошной выборки из лексикографических источников (сборников пословиц).

Паремии, в которых присутствуют упоминания о реке, воде, относятся к группе единиц, вербализующих природно-ландшафтных код культуры. Метафорическое понимание реки, ее глубины, ширины, могущества опирается на древние представления народов о силе природы. В анализируемых паремиях показано единство народа, его сила и мощь, что иллюстрирует коллективное начало этноса. Приведены примеры, характеризующие интеллектуальные способности и представляющие характер конкретного человека. Показано, что анализируемые паремии содержат символику силы народа, ассоциируются с Родиной, подчёркивают важность родных мест для человека, ассоциируемых с рекой.

Тувинские примеры сопоставляются с подобными паремиями алтайского, хакасского и бурятского языков.

Ключевые слова: паремия; пословица; лингвокультура; тувинский язык; тувинский фольклор; природно-ландшафтный код культуры; река

Статья подготовлена в рамках проекта № 050738-0-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Ломакина О. В., Николаева Е. К., Селиверстова Е. И., Гишкаева Л. Н. Река в тувинской паремике: образность и символика (на фоне центральноазиатского паремиологического континуума) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 141-151. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.9>

Ломакина Ольга Валентиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адреса: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru

Николаева Елена Каировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9–11. Эл. адреса: elena_kairgovna@mail.ru; e.nikolaeva@spbu.ru

Селиверстова Елена Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9–11. Эл. адреса: e.seliverstova@spbu.ru

Гишкаева Луиза Нахидовна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адреса: gishkaeva_ln@pfur.ru

Article

The River in Tuvan paremics: imagery and symbolism (against the background of the Central Asian paremiological continuum)

Olga V. Lomakina

RUDN University, Russian Federation,

Elena K. Nikolaeva, Elena I. Seliverstova

St. Petersburg State University, Russian Federation,

Luisa N. Gishkaeva

RUDN University, Russian Federation

The article analyzes Tuvan paremics with a river component, collected through a continuous sampling from lexicographic sources (proverb collections). These paremics that refer to rivers, water, are part of a group of units that verbalize the natural landscape code of a culture. The metaphorical interpretation of rivers, their depth, width, and strength is based on ancient ideas about the power of nature among different peoples. The analyzed paremics show the unity and strength of the people, illustrating the collective origins of an ethnos. They also provide examples that characterize a person's character and intellectual abilities. It is demonstrated that the symbolism of the motherland and the importance of one's native places in relation to rivers is widely shared. Tuvan examples are compared to similar proverbs from Altai, Khakass, and Buryat.

Keywords: paremic; proverb; linguistic culture; Tuvan language; Tuvan folklore; natural landscape code of culture; river

Financing

The article was prepared within the framework of project No. 050738-0-000 of the Grant Support System for scientific projects of the RUDN.

For citation:

Lomakina O. V., Nikolaeva E. K., Seliverstova E. I. and Gishkaeva L. N. The River in Tuvan paremics: imagery and symbolism (against the background of the Central Asian paremiological continuum). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 141-151. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.9>

LOMAKINA, Olga Valentinovna, Doctor of Philology, Professor; Leading Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6, Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail addresses: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-0298-5678

NIKOLAEVA, Elena Kairovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. Postal address: 7-9-11, Universitetskaya Embankment, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. E-mail addresses: elena_kairovna@mail.ru; e.nikolaeva@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0002-2449-3490

SELIVERSTOVA, Elena Ivanovna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Department of Russian for the Humanities and Sciences, St. Petersburg State University. Postal address: 7-9-11, Universitetskaya Embankment, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: e.seliverstova@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0003-2020-0061

GISHKAEVA, Luisa Nakhidovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia. Email address: gishkaeva_ln@pfur.ru

ORCID ID: 0000-0001-7627-5375

Введение

Символика четырёх стихий — воды, земли, огня и воздуха — находит отражение в фольклоре разных народов. «Вода — стихия изменчивая, коварная и противоречивая» (Голубева, 2023: 204), символ «очищающей и плодоносящей силы природы» (там же), «основа жизни, из вод первобытного океана в большинстве мифов рождается мир» (там же).

Понятия родины как защитницы в тувинской культуре распространяется не только на землю, но и на реку, гору, род и предков, «духи которых остаются на земле вместе с духами природных объектов» (Тува. Родная ... , 2023: 71). Водоёмы традиционно были местом заселения при выборе жилья, в т. ч. отдельными этническими группами. Например, группа соянов компактно проживает по р. Эрзину, р. Тес, р. Нарыну (Потапов, 1969: 60).

Основными природными водоёмами в Туве являются реки и озёра. По данным А. Д. Самбуу, в Туве более 8 тыс. рек, главной из которых является река Енисей (Улуг-Хем), образуемая у Кызыла двумя истоками — Большой Енисей (Бий-Хем) и Малый Енисей (Каа-Хем); свыше 400 озёр с пресной и солёной водой¹.

Река как источник жизни — один из самых древних мотивов в представлениях многих коренных народов Сибири (Непомнящих, 2023: 206), поэтому особенно важно обратиться к проявляющимся в паремиях смыслом, вербализованным с использованием образа реки.

Цель статьи — проанализировать тувинские паремии с компонентом — наименованием природного водоёма, описать их образный строй и символику. Сравнительно-сопоставительный анализ данной группы паремий позволяет выявить универсальное и специфичное центральноазиатского континуума паремиологического континуума на фоне других языков центральноазиатского континуума (алтайского, хакасского и бурятского) для характеристики восприятия окружающего мира.

Описание паремиологической системы тувинского языка, составляющего основной объект нашего внимания в данной работе, является одним из актуальных направлений современной лингвистики, о чем свидетельствуют многочисленные работы последних лет. Так, Е. Е. Иванов, развивая логический подход к паремийному материалу, представленный в свое время на материале восточных пословиц Г. Л. Пермяковым (Пермяков, 1988), предложил типологию тувинских пословиц с позиций логики и аксиологии (Иванов, 2022ab). Идея универсальности тувинской паремии доказывается Ю. А. Петрушевской, использовавшей для сопоставления материал тувинского и европейских языков (Петрушевская, 2023). Развивается последовательно в трудах отечественных ученых и противоположный подход, направленный на обнаружение в тувинских паремиях именно специфического — проявлений этномаркированной семантики (Зиновьева, Алёшин, 2023; и др.) Паремиологический фонд тувинского языка рассматривается в русле антропоцентрической научной парадигмы — в лингвокультурологическом, лингвоаксиологическом и когнитивном аспектах (Ломакина, 2022; Иванов, 2023b; Соян, Ломакина, 2024; Нелюбова, 2023; и др.).

Признавая важность природно-ландшафтного кода культуры, отражающего «климатические особенности региона с учетом его географического расположения», исследователи обращаются в тувинским пословицам, рассматриваемым на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких единиц и содержащим образ горы (Николаева и др., 2023; Сувандии, 2023; и др.).

Материалы и методы

В основе данного исследования — понимание паремиологии как самостоятельного лингвистического направления (Бочина, 2023; Мокиенко, 2010; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020), а пословиц — как народных афоризмов, отражающих действительность в обобщенной форме (Иванов, 2022cd).

¹ География и ландшафты Тувы: учебно-методическое пособие / сост. А. Д. Самбуу. 2-е изд., испр. и доп. Кызыл: ТувГУ, 2018. С. 44.

Материалом исследования послужила авторская картотека, включающая паремии тувинского, алтайского, хакасского и бурятского языков, содержащие в качестве компонентов наименования природных водоёмов. Источниками стали паремиографические сборники перечисленных языков¹, а также примеры из научной литературы, в частности, монографии Н. Р. Ойроткиновой «Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров» (Ойроткинова, 2012). Всего в статье проанализировано около 30 паремий с компонентом *река*, из них тувинских — 7; алтайских — 14; хакасских — 6; бурятских — 2.

В процессе проведения данного исследования использовались историко-этимологический, описательно-аналитический, лингвокультурологический методы, метод структурно-семантического моделирования для объективного межъязыкового сопоставления паремиологических единиц с учетом результатов в области этнолингвокультурологии и аксиопаремиологии (Бредис, Иванов, 2021, 2022; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Иванов, 2023а; Нелюбова, Ломакина, Мирзаева, 2023; Alyoshin, Ivanov, 2023; Селиверстова, 2019; и др.).

«Река» как компонент тувинских паремий: общая характеристика

В тувинском фольклоре текстообразующим потенциалом обладают следующие лексемы, относящиеся к ландшафтному коду культуры и называющие естественные водоёмы: *хем* / *суг* ‘река’, *хөл* ‘озеро’, *дамырак* ‘ручей’.

В тувинском языке лексемы *хем* и *суг* выступают как синонимы, при этом слово *хем* однозначно², а *суг* является полисемантом. Дефиниционный анализ лексемы *суг* показывает, что переносное значение 2. ‘река’ связано с прямым значением 1. ‘вода’ путём метонимического переноса ‘часть — целое’³.

Анализ лексикографических источников показал, что в используемых для выборки сборниках представлены паремии с компонентами *суг* и *хем* ‘река’:

Таблица 1. Компоненты *суг* и *хем* в тувинских паремиях
Table 1. Components of “sug” and “khem” in Tuvan paremias

«Тувинские пословицы и поговорки» М. Хадаханэ, О. Саган-оола	«Матпаадыр»	«Словарь пословиц и поговорок» Б. К. Будупа
<p><i>Дамырактар чыылгаши, хем болур, Тарамыктар чыылгаши, күш болур</i> (ТПП: 20);</p> <p>Хем келдейбес, чон чолдайбас (ТПП: 20);</p> <p><i>Ады арт ажа бээр, Сураа суг кеже бээр</i> (ТПП: 122);</p> <p><i>Даг көрбейн, эдээң азынма, Суг көрбейн идиң ужулба</i> (ТПП: 128).</p>	<p><i>Кара доңат хем доңурган, Кара сагыш бодун доңурган</i> (М: 126);</p> <p>Суг көрбейн, идиң ужулба, Эчизинге четпейн, далашпа (М: 133);</p> <p>Суг көрбейн идиң ужулбас, Сураан дыңнааш, шугулдап болбас (М: 136);</p> <p><i>Даг көрбейн, эдээң азынма, Суг көрбейн идиң ужулба</i> (М: 142).</p>	<p><i>Ады арт ажа бээр, Сураа суг кеже бээр</i> (ППТН: 13);</p> <p><i>Дамырактар чыылгаши, хем болур, Тарамыктар чыылгаши, күш болур</i> (ППТН: 24);</p> <p><i>Даг көрбейн, эдээн азынма, суг көрбейн, идиң ужулба</i> (ППТН: 23);</p> <p>Хем келдейбес, чон чолдайбас (ППТН: 58).</p>

¹ Паремии тувинского языка приводятся по изданиям: Матпаадыр: сборник детского фольклора / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2021. Далее в тексте статьи ссылки на примеры из этого сборника оформлены следующим образом: (М: страница); Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020, далее: (ППТН: страница); Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966, далее: (ТПП: страница). Паремии алтайского языка приводятся по изданию: Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н. Р. Ойроткиновой, С. П. Рожновой. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010, далее: (АПП: страница). Паремии хакасского языка приводятся по изданию: Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптыргастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021, далее: (МС: страница). Паремии бурятского языка приводятся по изданию: Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020, далее: (ППБ: страница).

² Тувинско-русский словарь: около 22.000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 473.

³ Там же. С. 389.

В структурном плане все приведённые выше и представленные для анализа тувинские паремии двучастны, что характерно для тувинской паремиологии в целом (см., например: Зиновьева, Алёшин, 2023). Особенность оформления двухчастных паремий как тувинского, так алтайского, хакасского и бурятских языков, рассматриваемых в данной статье, состоит в том, что соединение двух параллельных частей осуществляется без использования сравнительного союза; эту связь носители языка восстанавливают сами в соответствии с логикой мышления, привычными пословичными структурами и традиционной системой этномаркированных ценностей.

Обращает внимание метонимический перенос (синекдоха), в основе которого — название разных водоёмов: *Дамырактар чыылгаш, хем болур, Тарамыктар чыылгаш, күш болур* 'Ручьи сольются — река, Люди объединяются — сила' (ППТН: 24).

Примечательно, что в сборнике «Матпаадыр» составители приводят паремии, имеющие одинаковый план содержания ('Не стоит предпринимать что-либо, пока не осуществишь задуманное') и вариативный план выражения (повторяется часть паремии, включающая компонент *суз*).

Образный потенциал тувинской паремии с компонентом «река»

Наименования конкретных фрагментов действительности и их переосмысление лежит в основе языковой образности, на базе которой строятся многие паремии.

Анализ авторской картотеки выявил паремии, в основе которых различные, воспринимаемые перцептивно образы: с одной стороны, это река как природный водоём, иллюстрирующий ландшафтный код культуры, с другой — обувь как пример вещественного кода культуры:

Суг көрбейн, идиң ужулба, Эчизинге четпейн, далашпа (М: 133) 'Не увидев реки, не снимай обувь, Не торопись, не добившись цели' (перевод Н. Д. Сувандии);

Суг көрбейн идиң ужулбас, Сураан дыңнааш, шугулдап болбас (М: 136) 'Нельзя снимать обувь, не увидев реки, Нельзя сердиться, услышав слухи' (перевод Н. Д. Сувандии);

Даг көрбейн, эдээң азынма, Суг көрбейн идиң ужулба (М: 142) 'Не увидев горы, не откидывай подол, Не увидев реки, не снимай обувь' (перевод Н. Д. Сувандии).

В тюркских и монгольских языках содержатся примеры паремий подобной структурно-семантической модели.

Ср.: хакас. *Суға кіргелекте, / Өдік суурба* (МС: 75) 'До реки не дойдя, / Обувь не снимай';

бур. *Горхо хараагүй аад, гуталаа бү тайла, гуужамар харангуй гулдаһаяа бү бэлдэ* 'Не увидев речки, не снимай обувь, не видя рыбы, не готовь снасти' (ППБ: 74);

алт. *Су курбейчи, эдюк чечпе* 'Не выдавши воды, обуви не скидывай'¹.

О том, что не стоит опережать события и действовать, не примерившись к осуществлению предстоящей деятельности, тувинцы говорят, реализуя в обеих частях представления о реке и горах. В бурятском фольклоре отмечается важное «содержимое» реки — рыба. Наличие подобных примеров позволяет говорить о примере интернациональных пословиц, являющихся «общими для тех языков, отношения между которыми имеют характер языкового родства или языковых контактов» (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1006): тувинский язык является генетически близким другому тюркскому языку — хакасскому — и ареально близок бурятскому и алтайскому языкам.

Зооморфные образы присутствуют и в других пословицах, при этом они иллюстрируют различные жизненные ситуации, характеризуют человека. В хакасской паремии *Чылыҕ суҕда палых полчаң, / Чымыйҕанда хылых полчаң* (МС: 53) 'В тёплой реке рыба бывает, / У тихого характер бывает'² на образе рыбы выстроен алогизм: рыба обычно водится в холодной воде, тихий человек обычно не проявляет характер. Бурятская пословица *Ангар ехэ далайн горхо лан байхада, абарга ехэ загаһанай араахай лан байхада* 'Когда Ангара река была речушкой, когда огромная рыба была мальком' (ППБ: 29) метафорически связана с периодом детства, характерном для каждого человека. В алтайской пословице *Сууга — балык, сүүшке кыс керек* 'Для реки — рыба, для любви девушка нужна' (АПП: 159) река — это не просто

¹ Алтайские инородцы: сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / под ред. А. А. Ивановского. М., 1893. С. 222.

² Перевод наш. — Авт.

обычная среда обитания рыбы, это то, без чего невозможно существование последней. Здесь используется семантика сравнения: показана необходимость любви в жизни человека. Богатая рыбой река ассоциируется с речью, высказанной неприязненной или порочащей фразой, которая способна доставить немало неприятностей: алт. *Jaan сууда балык көп, жаман сөстө коомой көп* 'В большой реке рыбы много, в дурном слове зла много' (АПП: 105). Зло здесь может быть, как нам представляется, воспринято и как содержательно-эмотивная сторона сказанного, т. е. говорящий высказался в гневе и потому очень зло, и как намек на возможные последствия подобной речи. Образ рыбы, таким образом, становится эталоном значительного количества чего-либо, представляет множество.

Паремии, будучи антропоцентрически заряженным знаком, отражают палитру характеристик как отдельного человека, так и этноса в целом. В тувинской паремии *Дамырактар чыылгаиш, хем болур, тарамыктар чыылгаиш, күш болур* 'Ручьи сольются — река, люди объединяются — сила' (ППТН: 24) образ могучей реки — в сравнении с ручьями, ее образующими, — предстает как метафора народа. Сила людей в их единении — этот мотив обнаруживается и в иных тувинских паремиях; ср.: *Чаңгыс кезек от болбас, чаңгыс кижги кижги болбас* 'Одно полено — не костёр, один человек — не народ' (ППТН: 64), — имплицитно и здесь реализуется идея могущества, поскольку первая часть паремии, задающая направление трактовки целого, говорит о бесполезности, «бессилии» одного полена; ср.: рус. *Одна головня и в печи не горит, а две и в поле не тухнут*¹.

Для реки в качестве важного признака выступают в паремике ее ширина и глубина, делающие ее серьезным препятствием на пути идущего: тув. *Ады арт ажа бээр, Сураа суг кеже бээр* 'Слава его перевал перейдет, Слух о нем реку переплывет' (ППТН: 13). Как видим, в паремии параллельно располагаются две образно вербализуемые возможности преодоления трудностей — «перейти перевал» и «переплыть реку».

В следующей тувинской паремии *Кара доңат хем доңурган, Кара сагыш бодун доңурган* (М: 126) 'Бесснежный мороз реку заморозил, Коварство себя заморозило' (перевод Н. Д. Сувандии) используется приём олицетворения: для представления коварства как антиценности используется образ замёрзшей воды в реке.

В алтайской паремике наблюдаются отдельные совпадения в использовании образа реки (суу), при этом обнаруживается значительно большее разнообразие векторов осмысления признаков и функций реки в жизни человека. Образ реки проецируется на многие явления социальной жизни за счет акцентов на разных признаках реки: вербализируется восприятие реки как быстрой и широкой и потому представляющей трудность для путника, которая может быть преодолена двумя способами, что отразилось в таких двухчастных паремиях-вариантах о важности согласия среди людей: *Агын сууны кўрле кечер, / Ас улус жўплў женер* 'Быстротечную реку по мосту переходят; Малочисленный народ согласием побеждает' (АПП: 129); *Агын сууда сал јакшы, / Ас улуста јўн јакшы* 'Быстрая река когда с мостом — хорошо, Малочисленный народ когда в согласии — хорошо' (АПП: 129); *Агын сууны салла, / Ас улус жўплў* 'Быструю реку по мосту [переходят]; Мало людей согласием [живут]' (АПП: 129). Кроме того, алтайцы считают, что содержать семью так же трудно, как и перейти реку, но, согласно народной мудрости, в обоих случаях находится выход: *Суу кечере торо до ползо, ат керек, / Јуртты кўдўре алу да ползо, эр керек* 'Чтобы реку перейти, хотя и худой, конь нужен; чтобы поднимать семью, нужен, пусть и глупый, муж' (Ойроткинова, 2012: 133). В паремии *Јаан сууда кечў јакшы, / Јаан јаштунын керсўзи јакшы* 'На большой реке мост хорош, среди старых и молодых мудрый хорош' (АПП: 71) проводится параллель между ценностно маркированными сущностями — не просто полезными, но необходимыми мостом через реку и рассудительным, опытным человеком, превосходящим своей мудростью людей любого возраста. Другой экстралингвистический признак реки — ее способность иметь рукава — отразился в паремии *Эки тилдў кижги — эки айры суудый* — 'Двуязыкий человек — [Как] река с двумя рукавами' (АПП: 37), где речь идет о двуличности, лживости человека, ведущего себя по-разному в зависимости от обстоятельств и личных выгод.

Вопреки бытующей у алтайцев традиции поддержания близких отношений между детьми двух сестер паремией отмечается прямо противоположная ситуация как нарушающая этот принцип — между детьми нет не только общих игр, но и взаимовыручки в трудной ситуации: *Пўлў кижги пўрўкле*

¹ Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 192.

шавышпас, сууга кирзе, тартышпас ‘Дети двух сестер шапками не дерутся; когда в реку войдут — руки [друг другу] не подают’ (Ойроткинова, 2012: 225).

Алтайская паремия *Суу түбине таш артар, / Албаты ортодо јаманы артар* ‘На дне реки камень останется, в народе о плохом [молва] останется’ (АПП: 25) доказывает положение о многоплановости¹ и поливариантности прочтения пословицы вне конкретного контекста. Эта способность допускает расстановку различных акцентов позволяет предложить две версии трактовки данной паремии, например: «Как река не бывает без камней, так и в народе всегда найдется кто-л. плохой»; ср. в некоторых языках образ «черной овцы». Вторая возможность использования данной паремийной единицы — это характеристика человека, память о котором как о совершившем что-либо недостойное, навсегда остается в народе негативной.

В хакасских паремиях образ полноводной и глубокой реки (*суҕ*) метафорически соотносится с умом человека: *Улуҕ тасхылдаң / Ағын суҕ төридір, / Хыйға кізідең / Чахсы чоох сыҕадыр* ‘С высоких тасхылов (‘гор’) / Рождаются полноводные реки, У умного человека речь мудра’ (МС: 56); *Тирең суҕ-ның кичии чоғыл, / Сөске кірбестің сағазы чоғыл* ‘У глубокой реки брода нет, У глупого человека ума нет’ (МС: 100).

Символика реки в паремике

«Символьное наполнение предмета позволяет говорить об обретении словом новых смыслов, порой скрытых, при этом анализируемая лексема характеризуется лабильностью и может выступать когнитивной базой» (Ломакина, 2017: 205) фразеобразования и паремиобразования.

У тувинцев река получает символическое восприятие. В следующей паремии река символизирует неиссякаемое, вечное: *Хем келдейбес, чон чолдайбас* ‘Река не обмелеет, народ не оскудеет’ (ПШТН: 58). Здесь запечатлен опыт наблюдения за природными циклами и временами года: река, даже становясь жарким летом менее полноводной, не исчезает с лица земли, превращаясь в нечто малозаметное, и не утрачивает своей значимости. Метафора реки становится символом постоянства народа — но не столько, на наш взгляд, количественной его сохранности, сколько знаком народного духа и силы.

Для каждого человека важное значение имеет Родина. Символом родины, родных мест для народов центральноазиатского континента являются горы и реки. Эта семантика формируется в алтайской паремии за счет использования двух сравнительных конструкций с двумя парами биномов — образов отца и матери, с одной стороны, а с другой — горы (*туу*) и реки (*суу*) как особенностей знакомого с детства, привычного ландшафта: *Айландыра турган туулары азырап койгон адазындый. Эбирип аккан суулары эмизип койгон энезиндий* ‘Горы, стоящие вокруг, словно отец, вырастивший. Реки, текущие вокруг, словно мать, вскормившая грудью’ (Ойроткинова, 2012: 120). Как видим, в сочетании единиц разных культурных кодов также проявляются особенности мифологического мышления алтайцев.

В составе другого биннома — в сочетании с компонентом *јер* ‘земля’ — образ реки используется в паремии, акцентирующей ценность своего, родного: алт. *Јерим бар деп, јерсип тур, суум бар деп, суузан тур* ‘Говоря “есть у меня земля”, люби свою землю, Говоря “есть у меня реки”, люби свою реку’ (АПП: 155). Как пишет Н. Р. Ойроткинова, в текстах древнетюркских памятников зафиксирована номинация родины, состоявшая из двух слов *јер-суу* (‘земля-река’) — тем самым обозначалось жизненно важное для человека пространство. Прием «расчленения парного слова» характеризуется исследователем как типичный для разных поэтических жанров — героического эпоса, пословиц, загадок (Ойроткинова, 2012: 229).

Как и в алтайских, в хакасских паремиях река ассоциируется с родиной, началом начал для человека: *Суҕлыҕ кізі сууна айланчаң, Иблиг кізі ибге айланчаң* ‘Имеющий реку к реке возвращается, имеющий дом домой возвращается’ (МС: 104); *Чирім нар тін, Чирсип турадыр, Суум нар тін, Сухсап турадыр* ‘Говоря, что имею свою землю, Тоскую по [своей] земле (‘Родине’), Говоря, что имею свою реку, Тоскую по [своей] реке’ (МС: 112).

Река выступает как символ силы народа в алтайской паремии *Ағын сууда балык бар, / Албатыда арға бар* ‘В быстрой реке рыба есть, в народе спасение есть’ (АПП: 127). Здесь интересно имплицитное

¹ А. Крикманн писал о семантической неопределенности пословицы, значение которой уточняется лишь в речи (Крикманн, 1984): контекст служит вспомогательным средством семантизации паремии.

указание на то, что сила народа — через цепочку аллюзий «река — (много) рыба» и «народ (много людей) — спасение» — в образе жизни людей, составляющих народ.

Заключение

Как показало проведенное исследование тувинской паремии, компоненты *хем* и *суг* 'река' обладают паремиобразующим потенциалом, однако анализируемая группа не является обширной (7 единиц). В количественном отношении преобладает семантическая доминанта 'Не стоит предпринимать что-либо, пока не осуществишь задуманное', нашедшая отражение как в тувинском, так и хакасском, алтайском и бурятском паремиологическом фондах.

Общий обзор тувинских, алтайских, хакасских и бурятских паремий, содержащих компонент 'река', показало активность использования природно-ландшафтного кода культуры, что объясняется экстралингвистическими особенностями региона проживания носителей языка и культуры — наличием немалого количества рек и, безусловно, пониманием их важности. Метафорическое понимание реки, ее глубины, ширины, могущества опирается на древние представления народов о силе природы, ее стихиях, что важно для понимания лингвокультуры центральноазиатского континуума. Река в паремиологии тувинского, алтайского, бурятского и хакасского языков обладает богатой образностью. Для изображения силы, могущества и единства народа используется образ реки, а также образы живой и неживой природы. В ряде пословиц тувинского, алтайского и хакасского языков показан характер человека, его интеллектуальные способности.

Анализ символики показывает проявление коллективного начала в паремиях представленной группы. В тувинской пословице река является символом постоянства народа, в алтайских и хакасских паремиях река ассоциируется с родиной и родными места, одна из алтайских паремий отражает реку как символ силы народа.

Благодарности

Авторы благодарят к. ф. н., доц. Н. Д. Сувандии за помощь в переводе тувинских паремий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочина, Т. Г. (2023) Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань : Издательство Казанского университета. 286 с.
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.
- Голубева, М. (2023) Главное в истории мифологии. Ключевые сюжеты, темы, образы, символы. М. : Манн, Иванов и Фербер. 224 с.
- Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2023) Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом *сөс* на иноязычном фоне // Новые исследования Тувы. № 3. С. 21–35. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>
- Иванов, Е. Е. (2022a) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>
- Иванов, Е. Е. (2022b) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2022c) Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Иванов, Е. Е. (2022d) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Иванов, Е. Е. (2023a) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е. (2023b) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Крикманн, А. (1984) Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремиологические исследования: сб. ст. / под ред. Г. Л. Пермякова. М. : Глав. ред. вост. лит.-ры. 320 с. С. 149–177.

Ломакина, О. В. (2017) От языкового символа — к символическому художественному тексту // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Т. 8. № 3. С. 205–207.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Мокиенко, В. М. (2010) Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. № 3. С. 6–20.

Нелюбова, Н. Ю. (2023) Метафорическое представление гастрономического культурного кода во французских, русских и тувинских паремиях: аксиологический аспект // Когнитивные исследования языка. № 3–1 (54). С. 458–465.

Нелюбова, Н. Ю., Ломакина, О. В., Мирзаева, С. В. (2023) ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 3. С. 595–615. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

Непомнящих, Н. А. (2023) Мифологема реки в прозе писателей — представителей коренных народов Севера и Сибири // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 204–217. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/82/15>

Николаева, Е. К., Селиверстова, Е. И., Ломакина, О. В., Сувандии, Н. Д. (2023) Образ горы в тувинской паремии как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Ойроткинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск : Институт филологии. 354 с.

Пермяков, Г. Л. (1988) Основы структурной паремиологии. М. : Главная редакция восточной литературы. 236 с.

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Селиверстова, Е. И. (2019) Представления об удаче и неудаче в русской и чешской фразеологии: образные способы передачи жизненного опыта // West-East. Т. 2–2. № 1. С. 15–21.

Соян, А. М., Ломакина, О. В. (2024) Образ юрты в тувинской паремиологии: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. № 1–1 (57). С. 103–107.

Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Тува. Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Alyoshin, A., Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // *Scandinavian Philology*. Vol. 21. Issue 1. P. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Дата поступления: 02.02.2024 г.

Дата принятия: 05.04.2024 г.

REFERENCES

Bochina, T. G. (2023) *A proverb has been said for centuries: selected works on Russian paremiology*. Kazan, Kazan University Publishing House. 286 p. (In Russ.).

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Bulletin of Moscow University. Issue 19: Linguistics and intercultural communication*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Golubeva, M. (2023) *The main thing in the history of mythology. Key plots, themes, images, symbols*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber. 224 p. (In Russ.).

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2023) Tuvan paroemias of comparative semantics with the component *cœc* as compared to foreign language material. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Ivanov, E. E. (2022a) Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022b) Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022c) Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Ivanov, E. E. (2022d) Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E. (2023a) Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Ivanov, E. E. (2023) Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Krickmann, A. (1984) Experience in explaining some semantic mechanisms of the proverb. In: *Paremiological studies: collection of articles* / ed. by G. L. Permyakova. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 320 p. Pp. 149–177. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2017) From a linguistic symbol to the symbolism of a literary text. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya "Gumanitarnyye nauki"*, vol. 8, no. 3, pp. 205–207. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Mokienko, V. M. (2010) Modern paremiology (linguistic aspects). *Mir russkogo slova*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.).

Nelyubova, N. Y. (2023) Metaphorical representation of the gastronomic cultural code in French, Russian and Tuvan parodies: axiological aspect. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 3–1 (54), pp. 458–465. (In Russ.).

Neliubova, N. Y., Lomakina, O. V., Mirzaeva, S. V. (2023) LABOR in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 3, pp. 595–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

Nepomnyashchikh, N. A. (2023) Mythologeme of the river in the prose of writers – representatives of indigenous peoples of the North and Siberia. *Siberian Journal of Philology*, no. 1, pp. 204–217. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/82/15>

Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii, N. D. (2023) The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Oynotkinova, N. R. (2012) *Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres*. Novosibirsk, Institute of Philology. 354 p. (In Russ.).

Permyakov, G. L. (1988) *Fundamentals of structural paremiology*. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 236 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2023) Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the daily life of Tuvans*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2019) Ideas about luck and failure in Russian and Czech phraseology: figurative ways of conveying life experience. *West-East*, vol. 2–2, no. 1, pp. 15–21. (In Russ.).

Soyan, A. M. and Lomakina, O. V. (2024) The image of a yurt in Tuvan paremiology: a cognitive approach. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 1–1 (57), pp. 103–107.

Suvandii, N. D. (2023) *Cher 'earth' in Tuvan paroemias*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Tuva. Native Land (2023) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suwandii. St. Petersburg, Nestor-History. 344 p. (In Russ.).

Alyoshin, A. and Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. *Scandinavian Philology*, vol. 21, issue 1, pp. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Submission date: 02.02.2024.

Acceptance date: 05.04.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.10

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья

**Кадак — шарф подношения и освящения
(из истории традиции)****Чимиза К. Ламажаа***Независимый исследователь, Российская Федерация,
Мендыганым Дж. Шаймерденова**Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова, Казахстан*

В статье анализируются особенности использования ритуального шарфа кадак в истории тувинской этнической культуры.

Этимологические исследования показывают, что название заимствовано из тибетского языка и появилось в тувинском — в результате влияния тибетской буддийской и добуддийской культур, при значительном посредничестве монгольской культуры, также принявшей буддизм. Это подтверждается и в заимствовании практик. Мирный синтез буддизма и шаманизма Тувы привел к тому, что и ритуальные шарфы кадак стали использоваться широко и шаманами в их практиках. Многочисленные свидетельства очевидцев шаманистских обрядов и быта конца XIX — начала XX в. и последующие этнографические исследования показывают, что кадак считается традиционным ритуальным предметом тувинских шаманов. Это заимствование органично соединилось с практикой использования шаманами разноцветных лент чалама. Кадаки также использовались и в буддийских религиозных ритуалах.

Помимо религиозного предназначения у кадаков в Туве распространилось и значение преподношения, которое изначально было и в тибетской добуддийской культуре. Эта традиция также соединилась с имевшейся у тувинцев традицией одаривания лентами-шкурками.

Прочное укоренение традиции использования кадаков в тувинской культуре было подчеркнуто в государственной символике Тувинской Народной Республики, а также восстановлено в постсоветское время (в гербе).

Сложная история традиций лент и шарфов в Туве позволяет говорить о том, что регион занимает определенное место в обширном и многослойном ареале «ленточно-флажочной» культуры степного пояса Евразии.

Ключевые слова: тувинская культура; ритуальная лента; традиционная обрядность; шаманизм; буддизм; церемониальный шарф; кадак; приветствие; этикет; ленточно-флажочная культура

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Шаймерденова М. Дж. Кадак — шарф подношения и освящения (из истории традиции) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 152-176. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.10>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, независимый исследователь, Россия, г. Москва. Эл. адрес: lamazhaa@tuvva.asia

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна — кандидат исторических наук, профессор; профессор кафедры «История Казахстана и социальные науки» Казахской национальной академии искусств имени Темирбека Жургенова. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, ул. Панфилова, 127. Эл. адрес: mena.mdsh@gmail.com

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Independent Researcher, Moscow, Russian Federation. E-mail: lamazhaa@tuvva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

SHAIMERDENOVA, Mendyganym Dzhamalbekovna, Candidate of Historical Sciences, Professor; Professor, Department of "History of Kazakhstan and Social Sciences", Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts. Postal address: 127 Panfilova St., 050000, Almaty, Kazakhstan. E-mail: mena.mdsh@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3731-0622

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Article

**Kadak is a scarf of offering and consecration
(from the history of tradition)****Chimiza K. Lamazhaa**

Independent researcher, Russian Federation,

Mendyganym J. Shaimerdenova

Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Kazakhstan

The article analyzes the history of the traditional Tuvan ritual scarf, or “kadak”. Etymological research shows that the name of the scarf is derived from the Tibetan language, and it came into use in Tuvan culture as a result of the influence of both Tibetan Buddhist and non-Buddhist traditions, with significant influence from Mongolian Buddhism. This can be seen in the adoption of practices and rituals from both traditions.

The peaceful coexistence of Buddhism and Shamanism in Tuvan society led to the widespread use of kadak scarves by shamans in rituals. Eyewitness accounts from the late 19th and early 20th centuries, as well as subsequent ethnographic research, confirm that kadaks become an integral part of the shamanic tradition in Tuva.

Kadaks were not only used in shamanic rituals, but also in Buddhist religious ceremonies. They were often paired with colored chalama ribbons, which were also an important part of shamanic practice. Kodaks were also used in Buddhist religious rituals in Tuva. In addition to their religious significance, the symbolism of the offering, which originated in Tibetan pre-Buddhist culture, was also adopted. This tradition was combined with the Tuvan custom of presenting ribbons made from animal skins.

The strong connection between Kodaks and Tuvan culture is evident in the symbols used by the Tuvan People’s Republic, which was restored after the Soviet era. The complex history of ribbons in Tuva shows that the region is part of a larger, diverse culture of ribbons and flags that spans the Eurasian steppes.

Keywords: Tuvan culture; ritual ribbon; traditional rituals; shamanism; Buddhism; ceremonial scarves; kadak; greeting; etiquette; culture of ribbons and flags

For citation:

Lamazhaa Ch. K., Shaimerdenova M. J. Kadak is a scarf of offering and consecration (from the history of tradition). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 152-176. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.10>

Введение

Современную социокультурную жизнь тувинцев, так же как социокультурное пространство Тувы, на которой эта жизнь протекает, невозможно представить без всевозможных ритуальных лент и флагов: чалама, кадак, хей-аът-тугу и пр. (Ламажая, Санчай, Монгуш, 2023). Они «стали одной из примет современной тувинской этнической культуры, одним из маркеров ее возрожденной в XXI в. новой традиционности» (там же: 346). Однако, до недавнего времени этот важный аспект этнической культуры практически не изучался несмотря на то, что в других регионах распространения подобной традиции исследования уже активно проводятся (там же). За исключением уже процитированной работы, в тувиноведении эта тема еще оставалась нетронутой. Можно сказать, что работа только начата и углубление в аспекты ритуальной ленточной культуры в Туве показывает новые интересные грани, которые позволят расширить как представление об истоках этнической культуры, особенностях ее религиозной и обрядовой жизни, изменениях и взаимообогащениях традиций и современном состоянии.

Каждый отдельный вид объектов, условно названный нами общим термином «ритуальные ленты», может рассматриваться как важный элемент культуры. Он может пониматься как элемент культурного

наследия, материальное воплощение концепта культуры — важнейшей идеи культуры, выраженной в определенной лексике («словоформе»), диалектически связанной с человеческой активностью (Ламажаа, 2023; Тува: Родная ... , 2023: 8–27). Таким важным элементом культуры тувинцев (и не только тувинцев, но ряда других этносов) выступает шарф приветствия, подношений и благословения — *кадак* (*хадак*) — тонкий мягкий шелк разных цветов в форме широкой ленты¹, который во многом (как и лента *чалама*, см.: Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 347–348) воплощает идею *ыдык* ‘святого, святости’ (Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023).

В данной статье мы, опираясь уже на имеющиеся предварительные результаты (изложенные в статье: Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023), проанализируем наиболее важные аспекты истории традиционного ритуального шарфа *кадак*: этимологию, происхождение и значение данного вида ритуальных лент, особенности ее использования в шаманизме, в буддизме, в повседневной традиционной жизни тувинцев; виды *кадаков*; его присутствие в государственной символике Тувы; и, наконец, зададимся вопросом о распространенности этой традиции в более широком культурном ареале, в котором Тува занимает определенное место.

Всестороннее исследование этого объекта материальной культуры тувинцев нуждается в комплексном, междисциплинарном исследовании с вниманием к результатам нескольких наук (филологии, истории, этнографии, религиоведения, социальной и культурной антропологии, даже культурной географии), а также соответственно и разных методов. Соответственно нашими источниками выступила литература нескольких групп: словари, справочники; путевые записи путешественников конца XIX — начала XX в.; научные исследования разных лет не только тувинской культуры, но и других регионов, входящих в поле внимания соответственно обсуждаемым темам; а также собственные наблюдения за этнокультурной жизнью современников и Интернет-публикации последних лет. Исторические сюжеты иллюстрированы также фотографиями с современными вариантами функционирования традиции.

Этимология, происхождение, значение

Б. И. Татаринцев пишет, ссылаясь на М. Ряснену, что слово *кадак* — тибетское заимствование в монгольском языке, откуда оно было перенесено в тувинский². На тибетском языке оно носит название *хада* (в латинской транскрипции *khata*, *kha-btags* (Modi, 1918: 111; Martin, 2016), на монгольском — *хадаг*, или как пишут российские авторы *хадак* (Жуковская, 2002: 16, 36 и пр.). В тувинском языке встречаются варианты и *кадак*, и *хадак* в связи с территориальными особенностями: как пишет Б. И. Татаринцев, в речи жителей западных и центральных районов Тувы ряд слов содержит начальные слабые [д] и [к], соответствующие сильным [т] и [х] в речи населения восточных районов (Татаринцев, 1976: 98–99).

Хотя часто *кадаки* воспринимаются прежде всего элементом (и показателем) буддийской культуры, тибетская традиция шарфа *хада* сама по себе не является буддийской. Исследователи полагают, что традиция молитвенных флагов и лент тибетского буддизма восходит к добуддийской религии Бон³ (Rabten, 2003: 153). Среди легенд о происхождении *хада* называется, например, история некоего миссионера Чжанцянь из династии Хань, который был отправлен с дипломатической миссией в западные регионы. Он проезжал мимо Тибета и подарил шелка вождю местного племени. В то время шелка были церемониальными подношениями, символизовавшими чистую дружбу. Таким образом, племена считали это этикетом проявления дружелюбия и желаний, к тому же он передался с центральных равнин, поэтому продолжали использовать его до сих пор. У тибетцев также есть

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. С. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. С. 215. В статье далее мы будем использовать два варианта написания этого предмета: на тувинском языке *кадак* — курсивом, в неизменном виде, а также как заимствование в русском языке, без курсива, со склонениями русского языка (*кадаки*, *кадаков* и пр.).

² Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 3. С. 39.

³ Сегодня Бон считается высокосинкретичным религиозным комплексом, обусловленный встречей с индийскими (и, возможно) другими формами буддизма, поэтому его нельзя считать просто коренным или добуддийским, хотя в нем встречаются и древние пласты (Wedemeyer, 2004: 66).

религиозное объяснение происхождения *хада*: они говорят, что *хада* была лентой феи¹. Еще одна версия: в Тибете в прошлом тибетцы использовали шкуры животных для изготовления подарков. Люди носили овечью шерсть на шее, дарили ее друг другу. Со временем простую шерсть заменил шарф *хада*².

Тем не менее в способах приветствия у тибетцев, как пишет Дж. Моді, церемониальный шарф раньше занимал далеко не первое место. Он насчитал семнадцать способов, начиная от высовывания языка, наклона головы или общего поклона, чесания головы — до вручения шарфа в знак вежливости и приложения его к отправляемому посланию (Modi, 1918: 114–115). При это само дарение шарфа, обмен платками он считал старым обычаем, пришедшим из Индии (там же: 122–123). О том же писал, например, У. Рокхил. Он считал, что использование церемониальных шарфов восходит к глубокой древности в Азии. Упоминания о них находятся в старых буддийских произведениях, изображения — на древних буддийских барельефах в Индии (Rockhill, 1894: 239). Оттуда обычай, по его мнению, распространился и на Китай (там же).

Тибетский *хада* — материя шириной, как правило, около 20–30 см и длиной до 1–2 м. Тибетцы считают, что белая *хада* олицетворяет чистоту и удачу, поэтому большинство *хада* выполнены в белом цвете. Некоторые из них разноцветные: синего, белого, желтого, зеленого и красного цветов. Синий символизирует небо, белый — облако, зеленый — речную воду, красный — защитника дхармы, а желтый — землю³. Сами тибетцы ее ткнут из пряжи. *Хада* преподносят всякий раз, когда происходит некое торжественное событие или прибывает важный гость издалека, наносится визит вождю или совершается прощальное путешествие (Юаньпэн, Алексеева, Тинтин, 2020: 26–27). Он считается важнейшим элементом этикета тибетского народа — обязательным в церемонии приветствия (Modi, 1918: 111; Li Tao, Jiang Hong Ying, 2003: 58, 61) и даже называется «характеристикой нации»⁴. Тибетцы *хада* называют «шарфом счастья» (*scarf of happiness*) (Modi, 1918: 111).

Лишь впоследствии ритуальные ленты, флаги и пр. стали в тибетском буддизме чрезвычайно распространенными, войдя также в состав буддийской символики (Бир, 2011: 80, 85, 136, 144, 176, 197 и др.).

В Туве и других регионах распространения буддизма как шелковые ленты *кадак*, так и религиозные флаги, также стали неперенными элементами буддийской ритуальности. Тем не менее, и первоначальный смысл использования *кадак* (*фото 1*) — шарф подношения, приветствия — в тувинской культуре также стал чрезвычайно распространенным, поскольку они оказались близки и добуддийским традициям. Поэтому практически сразу *кадаки* стали не только символами буддизма. Они органично соединились с традициями ритуальных лент и подношений у тувинцев-шаманистов (*фото 2*). Как отмечают авторы тувинско-русского словаря, главным предназначением *кадак* является преподношение важным, почитаемым лицам⁵.

Основное отличие *кадак* от *чалама*: *кадак* — шелковый и по размерам больше⁶. Такое же отличие есть и у других региональных традиций. Например, Э. В. Екеева и Э. А. Белекова описывают алтайские ленты *дьялама* (*кыйра*) также, как явно более узкие, чем *кадак*: 3–4 см шириной и 70–90 см длиной (Екеева, Белекова, 2018: 15).

¹ Chloe Xin. Presenting Hada in Tibetan Culture [Электронный ресурс] // Tibet Vista. 2023, 10 июня. URL: <https://www.tibettravel.org/tibetan-buddhism/847.html> (дата обращения: 12.03.2024).

² Khata: The Tibetan Scarf Symbolizing Respect and Blessing [Электронный ресурс] // Go to Tibet. 2023, 12 июля. URL: <https://www.gototibet.com/blog/khata.html> (дата обращения: 12.03.2024).

³ А. Давид-Неэль пишет, что цвета шарфов различались в зависимости от района Тибета: «В Южном и Центральном Тибете *кхадаки* белого цвета. В Северном Тибете, в провинции Кхам и в Монголии они голубого цвета. Причина этого в том, что в этих странах соблюдают китайские обычаи, а белый цвет в Китае — цвет траура, следовательно, не является благоприятным» (см.: Давид-Неэль, 2004: 20).

⁴ Ли М. Репрезентация национальной культуры Тибета в творчестве китайских художников 60-х годов XX века — начале XXI века: дисс. ... канд. искусств. Владивосток, 2019. С. 100.

⁵ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука, 2002. Т. 3. С. 39.

⁶ Симчит К.-М. А. Лексика шаманизма в тувинском языке : автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. С. 15.

Фото 1. Кадак пяти цветов. Фото Ч. Санчай, 2023 г.
Photo 1. Kadak of five colors. Photo by Ch. Sanchai, 2023.

Фото 2. Кадаки, повязанные у одного из древних святилищ в Туве. Фото Ч. Ламажаа, 2021 г.
Photo 2. Kadaks tied at one of the ancient sanctuaries in Tuva. Photo by Ch. Lamazhaa, 2021.

Кадак как обрядовая инновация шаманизма

В тувинской традиционной культуре, как и в других культурах распространения шаманизма, *кадак* нередко считается атрибутом шаманистских верований, причем даже этнографами. В литературе тувиноведения по крайней мере гораздо больше описания использования кадака именно в обрядах шаманизма, чем буддизма.

Шаманский погребальный обряд у тувинцев Л. П. Потапов описывал, упоминая *кадак*: «Завертывали тувинцы только тело покойного, а на лицо ему клали хадак (шелковый платок), после чего обращали его головой в сторону восхода солнца» (Потапов, 1969: 374). Он же описал фигурку женщины, вырезанную из дерева и окрашенную в красный цвет. Она была завернута в *кадак* вместе с маленькой бронзовой курительной трубкой, а все вместе это составляло ритуальный инвентарь, погребенный с шаманом в районе Кара-Холя и Монгун-Тайги (Потапов, 1960: 228).

Г. Н. Потанин написал про шаманскую куклу, на которую были повязаны хадак, а под хадаком «еще другой красный шелковый доскуток»¹. Также Е. К. Яковлев отмечал в увиденном им ээрена тувинского шамана одновременное наличие и шелкового кадака, и лент *чалама* (Яковлев, 1900: 101–102). Г. Е. Грумм-Гржимайло даже использует специальный термин «хадак-эрень» для обозначения «белого платка с нашитыми по верхнему борту пучками лент преимущественно белого цвета, чередующимися с шелковыми хадаками и шкурками белки-летяги (*Sciuropterus volans*), далее — шкуры кабарги (торгу, торбу [тооргу], орла (изыр [эзир]), совы (амарга) и другие предметы, ...»². Е. К. Яковлев также упоминает «хадак ирень»³.

Г. Н. Потанин упоминал о том, что во время камлания урянхайского шамана в Кобдо желающие узнать свое будущее клали ему в бубен свои подарки, в том числе и *хадак* («голубую шелковую тряпку»⁴). Большое количество хадаков, по его словам, также были развешаны на стенах юрты шамана с другими «лоскутьями»⁵. (См. использование кадаков в современной шаманской практике Тувы, *фото 3*).

Л. П. Потапов, описывая ритуал освящения лошади шаманом, в том числе он указывал, что после окуривания дымом можжевельника (*артыш*) и обмазывания частей тела животного маслом, к гриве, хвосту и удила затем привязывали и ленты *ыдыы* (ленты святости), и хадаки:

«... к гриве, хвосту и удилам привязывали ленточки (ыдыы⁶) и шелковые платки (хадаки). Ленточки и платки могли быть разных цветов, но к удилам привязывали только красные (иногда, за отсутствием таковых, привязывали пучок красных ниток). Ленточки к ыдыку привязывал старший брат или сыновья больного. Во время обряда шаман все время упрасивал ыдыка-лошадь принять болезнь хозяина на себя. <...> Когда лошадь отпускали, с нее снимали уздечку и отвязывали с удил красную ленточку (или нитки), которые клали потом на грудь больному» (Потапов, 1969: 364).

Также этнограф описал камлание шамана хадаком, а не бубном (там же: 380).

¹ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 474.

² Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 609.

³ Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). С. 250.

⁴ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 406.

⁵ Там же.

⁶ Очевидно, речь шла о *чалама*.

Фото 3. Кадаки, повязанные над шаманским «алтарем», в месте проведения дагылга, Барун-Хемчикский район.

Фото Ч. Ламажаа, 2021 г.

Photo 3. Kadaks tied above the shamanic "altar" at the dagylga venue, Barun-Khemchik district, Tuva.

Photo by Ch. Lamazhaa, 2021.

Ф. Я. Кон описал ситуацию, когда в пути он со спутниками изнывал от жажды в таежной местности и не мог обнаружить воды¹. Его спутник — тувинец «Сарых-бай», как он пишет его имя, «уныло восклицал»: «Джелама чок²», указывая на то, что в дороге не встречается *оваа* и мест повязывания *чалама* и *кадак*. Через некоторое время им встретились и дерево с многочисленными повязками («По внешнему виду это деревцо напоминало украшенную рождественскую елку»³), а также стала приближаться гроза. Сопровождающий шуточно предложил: «Кодак керек⁴». Кон достал шарф и тот «с напускной торжественностью» повесил его на дереве, при этом до этого обрядов он не совершал, подчеркивает в описании путешественник. То есть *кадак* рассматривался сам как жертвоприношение, достаточное для того, чтобы вызвать дождь.

Г. Е. Грумм-Гржимайло отмечал наличие прикрепленных на жерди хадаков в освященных шаманистских местах (*оваа дагыыр*)⁵. Также перечислял общим списком и ленты в подобных местах и Е. К. Яковлев: «Оба тагын [оваа дагыыр] — моление на особых местах, указываемых шаманами, на которых возводится громадный шалаш их хвороста в виде шарообразной юрты; внутри приносятся подарки, навешиваются идолы, листки с ламайскими молитвами, снаружи навешиваются кругом обо и на особых тычинках масса разнородных ленточек, тряпиц, кадаков [хадак] и пр. (чалама)»⁶.

Более того, даже сам ученый-инсайдер, знаток тувинской традиционной культуры М. Б. Кенин-Лопсан в описании атрибутов ритуалов шамана называл шелковые платки *кадактар*, которые крепились в отверстие *кузунгу* — специального ритуального зеркала (Кенин-Лопсан, 2009: 92). С помощью шелкового платка *кузунгу* сам крепился к жерди в юрте шамана (там же). С его (*кадак*) помощью, по сведениям автора, шаманы привязывали к себе приобретенное Небесное тело (железный предмет, редкий *ээрэн* для особо могущественных шаманов) (там же: 98–99).

Кенин-Лопсан также упоминал о разновидностях *кадак*, выделяя особо дорогой шелковый с кратким названием *хип*, который, по его словам, в старой Туве приравнялся по стоимости к лучшему скакуну. При этом большой шаман имел специальный *өзек ээрэн* (ядро), состоящий из пятидесяти (!) *хип* (там же: 101). Из *кадар хип* также делался *Шагар ээрэн* (*Ээрэн* «Жалить», в написании автора) (там же: 108). Сам *Шагар ээрэн* понимался как злой дух, отличался обидчивостью и суровостью, мог «ужалить» (видимо, вызвать травму, болезнь). Но в его функции входило строгое соблюдение взрослыми и детьми древних обычаев, связанных с культом домашнего очага.

Тем не менее применение шаманами лент *хадак* Н. Л. Жуковская назвала одной из обрядовых инноваций в ходе модернизации шаманства (Жуковская, 1977: 141). То же фиксируется и в других регионах. Так, исследователи алтайской культуры считают, что у алтайцев с появлением бурханизма *жалама* стали заменять *кыйра* (Шерстова, 2010: 209) — двумя парными ритуальными лентами шириной до 5 см и длиной около 1 м, которые повязывали к ветвям березы и лиственницы⁷.

¹ Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX — начало XX в.). С. 532–533.

² Т. к. *чалама чок* 'нет чалама'.

³ Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию ... С. 533.

⁴ Т. е. *кадак керек* 'нужен кадак'.

⁵ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 604.

⁶ Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). С. 245.

⁷ Алтайский этнографический словарь / редкол.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), С. В. Абысова, Д. А. Аткунова, М. С. Дедина, С. Д. Дилекова, Т. В. Метреева, Э. Г. Торусhev, А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2023. С. 188, 189, 328.

Кадак в буддийской культуре

Кадаки также сопровождали буддийские практики и ритуалы. Однако, упоминаний их в этом аспекте в тувинской историографии гораздо меньше.

Так, например, рассматривая отдельно шаманский и «ламаистский»¹ виды похорон, Л. П. Потапов описывал один из «ламаистских» видов в Эрзинском районе (причем умерший был Камбы-ламой):

«Обряд проходил следующим образом: умершего клали ничком, голым, с остриженными волосами и ногтями; накрывали его белым шелковым покрывалом, на котором золотой краской были написаны молитвы; поверх покрывала укладывали крестообразно два хадака (серого цвета), вытянув нижний вдоль спины, а второй — поперек первого...» (Потапов, 1969: 397).

А. В. Адрианов наблюдал, как гости, заходя в юрту, молитвенно воздевали руки, делали земной поклон «бурханам» (бурганам), прикасались головой к «божнице», на которой те стояли, а затем обменивались хадаками². В данном случае, правда, обмен состоялся уже после преклонений перед богами, и сразу переходил в область повседневных практик гостеприимства.

В. А. Ошурков, побывавший в Туве по поручению Русского географического общества, и посетивший хурээ в устье реки Барлыка на западе Тувы в 1902 г., отмечал, что во внутренность храма была «увешана занавесами и рядами цветных лент, спускающихся с потолка»³. И хотя в тексте ленты прямо не называются *кадак*, *хадак*, тем не менее очевидно, что это не могли быть *чалама*.

О том, насколько великой считалась сила кадака, например, говорится в сказке «Сказка про хитрого Болдан-Сенги», которую записал Ф. Я. Кон⁴ (Орус-оол, 2010: 193). В фольклорном тексте Болдан-Сенги, спасаясь от чертей и гнева Эрлик-хана⁵, выстроил себе внутри горы многослойный дом, «слои» которого состояли последовательно из железа, дерева, стекла, шелка и «ходака». И когда Эрлик-хан наслал на землю большой потоп, то все дома слоями были уничтожены, кроме внутреннего. Ф. Я. Кон объяснил это так:

«"Ходак [кадак]" — тонкая шелковая ткань, подносимая для выражения почета; она же употребляется и при молениях. Этим объясняется, почему дом их "ходака" мог уцелеть. "Ходак" недоступен для чертей»⁶.

Поскольку буддизм ассимилировался с местными культурами — домашанистскими и шаманистскими, то исследователи также отмечают и такие интересные обряды, которые выполнялись ламами, как моление с целью очищения от грехов, и в нем упоминается использование шелковых тканей. Так, В. П. Дьяконова описывает моление «оваа дагин»: перед молением ламы выбирали место старинного оваа около хурээ (если оно не находилось, то его выбирали и строили заново). Они устраивали гадание имеется ли рядом хозяин местности, если находили его, то вырывали яму, в него помещали домашнее животное (выбор животного определялся ламой по фишке). Яма должна была быть такой глубины,

¹ Устаревший термин, т. е. буддийский.

² Адрианов А. В. Шага (Сойотский Новый год) // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). С. 316–317.

³ Ошурков В. А. Отчет о поездке, совершенной летом 1902 года в Западные Саяны Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 3. Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII — начало XX вв.). С. 252.

⁴ Кон Ф. Я. Сказка про хитрого Болдан-Сенги // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX — начало XX в.). С. 477–483.

⁵ Эрлик-хан — повелитель царства мертвых.

⁶ Кон Ф. Я. Сказка про хитрого Болдан-Сенги // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX — начало XX в.). С. 482.

чтобы была видна только спина животного. В яму также клались седло (если был выбран баран или бык), нож, мелкие вещи, в том числе хадаки. В целом считалось, что в яму надо положить девять *эртине*.

«Затем яму забрасывали землей, пока животное не скрывалось из вида. Животное должно было кричать в яме в течение всего дня, и считалось, что его крик услышит хозяин местности, обратит внимание на *оваа*. После этого здесь ставился восьмигранный деревянный столб, сделанный настоятелем храма — камбу ламой» (Дьяконова, 1977: 192).

О том, как использовались хадаки в буддийской ритуальной культуре тувинцев XIX — начала XX в. (см. кадак около развалин старого Устуу-Хурээ, *фото 4*; кадаки, повязанные перед новым храмом Тувы — Тубтен Шедруб Линг — *фото 5*), отчасти можно понять, условно экстраполируя описания А. М. Позднеева из монастырей Монголии (Позднеев, 1887). Мы учитываем не просто тибетские корни тувинского буддизма, а тот факт, что буддизм пришел сюда через Монголию (в XVIII в.) (Берзин, 1992: 24), и в целом тувинский буддизм, как пишет Т. Берзин, имел значительно более тесные связи с Монголией, чем бурятский (там же: 25).

По сведениям Позднеева, в монгольских храмах хадаки были из шелковой и бумажной материи, окрашивались обычно в четыре цвета: желтый, черный, белый и сиреневый. Самые длинные шелковые хадаки были длиной, как он пишет, в 2–3 маховые сажени¹, но также и в 1,5–2 аршина². Такие хадаки делались с украшениями: на некоторых были вытканы изображения бурганов (по большей части бургана Аюши, покровителя долгоденствия) — *вандан*; на других (обычно желтых) кружки шелками радужных цветов — *соном*; малые хадаки (1–3/4 аршина) без бурганов, вышитые цветами — *дашы хадак*; и, наконец, хадаки без всяких украшений называются *самбай* (Позднеев, 1887: 100–101).

А. М. Позднеев упоминает о том, что сосуд бумба, наполненный всякими священными драгоценностями (душистые и лекарственные травы; золото, серебро, кораллы, жемчуг, опалы, рубины и сапфиры; листья, исписанные молитвами), оборачивалась в желтый хадак и помещалась в «склеп» — центр квадратного места, предназначенного для постройки нового храма (там же: 24–25). Хадаки — непременная часть украшений, который развешиваются в «бесчисленном множестве» перед бурганями (богами) (там же: 107). Они также повязываются на стрелу, которая втыкается в *сором* — высокую окрашенную треугольную пирамиду из теста. Пирамида устанавливается на особом столе, окружается лампадами, жертвенными чашками, и освящается во время специального служения.

Также хадаки (сразу несколько штук) украшали жезл *чжукбо* одного из лам *зэбкуй*, который следил за порядком и тишиной во время богослужений в кумирнях и который никогда не должен был расставаться со своим жезлом (там же: 157).

Хадаки были одним из важных видов даров. Например, они вручались, по сведениям Позднеева, когда родители отдавали ребенка в монастырь на учебу. Происходила целая церемония, когда родные собирали будущего послушника, приезжали в назначенный день в храм и устраивали прием в устанавливаемой рядом юрте. Сюда приходили ламы и мальчик должен был одаривать их подарками, в том числе хадаками (там же: 130–131). Девять шелковых хадаков с изображением Аюши фигурируют в числе даров хубилгану (святому человеку, перерожденцу) от местного князя во время церемонии признания хубилгана (там же: 257). Во время приемов хубилгана знатные гости никогда не уходят без подарков. Позднеев описывает, что они вручаются, как только оживленный разговор между хозяином и гостем начинает истощаться, ламы прислужники тут же подают ламе подарок для гостя вместе с хадаком и *зангя* (освященными шелковыми нитями желтого цвета в связке) (там же: 261).

Хадаки также фигурируют в процессе молений. А. М. Позднеев отмечает *хадак*, который также может заменяться особым чистым шелковым платком. Его держит один из лам, которые читают молитву во время богослужений в монастыре (там же: 339). «Громадный» *хадак* в руках хашинов хана упоминается во время мистерии Цам при монастыре (там же: 399), как приветственный дар появляющимся маскам.

Из приведенных примеров складывается ощущение, что хадаки служили только дарами и маркерами святости, сами были весьма почитаемы. Однако, в описаниях Позднеева встречается и хадак для отирания *толи* (зеркала) (там же: 207).

¹Маховая сажень — старорусская единица измерения, равная расстоянию в размах обеих рук, по концы средних пальцев.

²Аршин — старорусская единица измерения длины, равная длине руки от кончиков пальцев до плеча.

Фото 4. Кадаки, повязанные у развалин старого Устуу-Хурээ, Дзун-Хемчикский район. Фото Ч. Санчай, 2023 г.
Photo 4. Kadaks tied at the ruins of the old Ustuu-Khure, Dzun-Khemchik district, Tuva.
Photo by Ch. Sanchai, 2023.

Фото 5. Кадаки, повязанные перед Центральным Тувинским Буддийским Монастырем Тубтен Шедруб Линг, г. Кызыл.
Фото Ч. Санчай, 2024 г.
Photo 5. Kadaks tied in front of the Central Tuvan Buddhist Monastery Tubten Shedrub Ling, Kyzyl. Photo by Ch. Sanchai, 2024.

Если же взглянуть на использование кадака (хадака) в тибетском буддизме, то здесь история еще более разнообразная. Бурятский-российский буддолог Г. Цыбиков побывал в Тибете (в столице страны Лхасе и окрестных монастырях) с 1899 по 1902 г. в группе паломников, и оставил дневниковые записи путешествия, которые были опубликованы. Он писал, что кадаки не только выступали для тибетцев и паломников Тибета как ценный дар, подношение¹, но и даже как своего рода пропуск для того, чтобы приблизиться к недоступному в обычное время Далай-ламе и получить от него благословение². Они были и платками для вытирания пота, например, прорицателю³, средством оплаты (уличным актерам, наряду с деньгами и едой (цзамба)⁴, а также как вознаграждением духовным лицам⁵. Одна прорицательница, например, подвязала хадаки в конце короткой толстой палки так, что, по словам Г. Цыбикова, та напоминала своего рода бич⁶.

Например, помимо традиционного значения его как дара, он может встречаться в тибетских источниках в самом неожиданном контексте. Например, в одном из тибетских преданий о превращении души умершего в злого духа рассказывается об ученом и благочестивом перерожденце монастыря Дрэпун Соднам-Дагпа, который жил в XVII в. Он был настолько затравлен многочисленными завистниками и заговорщиками, что покончил собой, забив глотку хадаком (Герасимова, 1989: 241). В другом случае хадак выступил средством удушения опального хутухты в 1900 г. в Центральном Тибете⁷. Э. Мартин пишет о важном значении хадака в тибетской международной дипломатии: например, он отправлялся в качестве подтверждения подлинности послания от Далай-ламы (Martin, 2016: 59). Исследовательница даже упоминает о том, что хадак могли использовать в качестве катапульты для метания денежных подарков артистам (там же: 60).

В целом Э. Мартин подчеркивает, что несмотря на определенное традиционное место церемониального шарфа в тибетской культуре, которую должен был почитать каждый тибетец, вплоть до самого Далай-ламы, тем не менее даже верховный правитель Тибета в исключительных случаях мог отходить от традиционных вариантов использования кадака и в целом относиться гибко к ритуальной практике, при необходимости менять ее (там же).

Тем самым, мы видим, что история тувинских кадаков, уходящая корнями в тибетскую и монгольскую, полна не только религиозного значения и почитания. В литературе тувиноведения мы также можем обнаружить упоминания о кадаках не только в религиозном, ритуальном смысле⁸.

Кадак как традиционное подношение

Как мы уже сказали, тувинцы стали активно использовать *кадак* и в его исконном, добуддийском значении — как предмет приветствия, подношения (*фото б*). Это произошло, поскольку для этого были свои культурные предпосылки.

Н. Ф. Катанов в начале XX в. писал, что в качестве подарков тувинцы раньше использовали «тадазын» (*дадаазын*) — белую полоску выделанной козлиной кожи. Сам «тадазын» исследователь называет подарком⁹. Изначально *кадак* был дорогим и недоступным предметом, поскольку он завозился из Монголии и Китая. Тем не менее постепенно его использование стало расширяться:

¹ Цыбиков Г. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 годах. М.: Ломоносов, 2011. С. 66, 82, 133, 135, 149, 154, 163, 169.

² Там же. С. 196.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 130.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Так, П. П. Маслов назвал один шелковый *кадак* ценой за 30 операций по кастрации лошадей у одного местного мастера: Маслов П. П. Конец Урянхая. Путевые очерки // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). С. 659.

⁹ Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл: ТИГИ при Правительстве РТ, 2011. С. 181, 201.

Фото 6. Кадаки в руках танцовщиц в русско-тувинском хороводе.

Фото А. Магавал, 2021 г.

Photo 6. Kodaks in the hands of dancers in the Russian-Tuvan round dance.

Photo by A. Magaval, 2021.

как отмечает сам Катанов, «тадазын» был заменен завозимым кадаком¹. Его массовое использование было зафиксировано этнографами первой половины XX в. как уже устоявшаяся традиция.

Е. К. Яковлев считает, что сама по себе стоимость «тодазын» (ленты замши), которая преподносилась наравне с кадак, не была важна, т. к. она была знаком внимания, а потому уже была ценной. Ее поднесение почти всегда отдаривалось. Например, богатч или чиновник почти каждого, кто преподнес им «тодазын», отдаривал конем, коровой, бараной и т. д.²

Кадак дарили во время сватовства³ (см. современную форму использования, фото 7), для выражения благодарности, в том числе ламам⁴. Также его использовали и в качестве взяток чиновникам⁵.

Ф. Я. Кон, прибыв в Туву в 1902 г., заранее узнал о том, какой здесь существует церемониал «для того, чтобы подчеркнуть, что человек прибыл с самыми дружественными намерениями»⁶, и подойдя к старшему чиновнику, преподнес ему «ходак» и со словами «амыр, амыр» обе руки положил на его руки повыше локтя.

¹ Там же. С. 329.

² Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века / сост. А. К. Кужутет. Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 68.

³ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 429; Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 633.

⁴ Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл: ТИГИ при Правительстве РТ, 2011. С. 210.

⁵ Там же. С. 316.

⁶ Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию /// Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX — начало XX в.). С. 369.

Фото 7. Повязывание рук невесты и жениха кадаками. Фото В. Папын, г. Кызыл, 2022 г.
Photo 7. Tying the hands of the bride and groom by kadaks. Photo by V. Papyn, Kyzyl, 2022.

Л. П. Потапов называл *кадак* в числе других ценных вещей (серебряных, халата хозяина, халата его старшего сына, буддийских книг) в большом *аптара* — главном сундуке тувинской юрты (Потапов, 1969: 154). О ценности кадака как подарка также упоминал С. И. Вайнштейн (Вайнтшейн, 1991: 81). Кадаки выступают в числе материальных благ, которые циркулировали в экономике региона. М. В. Монгуш называет 116 кусков кадака среди прочих товаров (причем количество кадака значительно превышает количество плиток чая, табака, шелка, обуви и пр.), которые в Улясутае в 1858 г. получили посылные хемчикского угерды¹ Очура от китайской торговой фирмы Чэнхэ. Чтобы затем расплатиться с китайцами, угерда распорядился собрать с казны двух хурээ (Бай-Кара и Сарыг-Булун) необходимое количество скота для выплаты его долга. К концу 1859 г. долг был погашен за счет 4 коней, 5 кобыл, 16 быков, 1 жеребенка, 66 овец и различных шкурок (Монгуш, 2001: 62–63).

Так, Л. П. Потапов подробно описывал сватовство тувинцев Монгун-Тайги, когда сваты приезжали к родителям невесты с дарами, в том числе кадаками:

«Войдя в юрту родителей будущей невесты, сваты рассаживались, и отец жениха, вступавший в роли главного свата, наливал чашку араки, почтительно преподносил ее на шелковом платке матери невесты

¹ Угерда — представители местной знати (наследственные правители), управлявшие в Туве и утвержденные в должности цзян-цзюнем во времена колонизации Урянхайского края Маньчжурской империей Китая.

и сообщал, что он приехал сватать ее дочку за своего сына. Мать невесты принимала чашку правой рукой, перекладывала ее в левую, затем, обмакнув в вино указательный палец правой руки, мазала вином себе лоб, после чего снова брала чашку в правую, немножко отливала из нее и возвращала свату, а кадак (платок) клала на деревянный столик в переднем углу, на котором стояли бурханы. Вторую чашку араки (также на шелковом хадаке) главный сват подавал отцу невесты. Тот, принимая вино, выпивал его, а хадак клал также на столик к бурханам. Затем сваты угощали вином прочих присутствующих в юрте родственников невесты, причем старшим из них по возрасту первую чаши араки преподносили также на хадаке. Каждый из них, приняв чашку, выпивал вино, а хадак клал к себе за пазуху» (Потапов, 1969; 234–235; см. также: 244–245).

Впоследствии мать невесты все кадаки, сложенные у статуэток буддийских богов, перекладывала, по словам Л. П. Потапова, в специальный личный ящичек невесты (там же: 235).

На одном из предсвадебных обрядов начала знакомства родственников с двух сторон *шай бузар* 'разбивания чая' плитка чая также обязательно подносилась на кадаке (Биче-оол, 2018; 69; Лама-жаа, Майны, 2020: 409).

Если же родители невесты не принимали предложение другой стороны, не хотели отдавать дочь за сына этих людей, то *кадак* был в числе обязательных вещей для возврата даров (Потапов, 1969: 236).

Рождение ребенка у тувинцев также сопровождалось обрядами, в которых кадаки играли роль ценных даров. Так, молодые родители благодарили повитуху на празднике трех дней после рождения ребенка, дарили той *кадак* голубого цвета вместе с овечьей шкуркой, плиткой чая, куском белом материи (там же: 270). Такой же *кадак* (голубой — если стригли мальчика, и красный — если девочку) подвешивался к ножницам, с помощью которых на трехлетие ребенка проводился обряд первой стрижки волос. В него впоследствии заворачивали отрезанные волосы и прятали в главный *антара* (там же: 270–272).

Например, только один *кадак*, без других подарков, пишет Л. П. Потапов, лама получал, если совершал обряд над умершим ребенком (там же: 394).

А. К. Кужугет также отмечает, что кадаки стали использоваться тувинцами для приветствий, во время обмена жестами *чолукишууру* на праздник Шагаа (нового года по лунному календарю). До буддизма тувинцы, пишет она, протягивали друг другу обе руки, приветствуя друг друга, а позже стали использовать *кадак*, держа его на вытянутых руках¹.

Тем самым, подношение кадаков у тувинцев органично «легло» на имеющуюся добуддийскую традицию подношений подарков. Произошла только замена на привозной предмет, ценность которого была разной в зависимости от вида и размера. Тем не менее, надо подчеркнуть, что шелковые изделия были известны предкам тувинцев в результате давних торговых связей Китая с тюрками Саяно-Алтая начиная с IV–III вв. до н. э.² Так, Р. Н. Безертинов пишет о том, что женщины хуннской империи в результате торговли с Китаем сменили одежду из шерсти на шелковые платья (Безертинов, 2011: 130). Ю. С. Кайлачакова пишет, что с VI–VIII вв. н. э. на территории Саяно-Алтая у тюркских народов появился термин *torqu* 'шелк'³, от которого затем образовались локальные термины: *торко* — у алтайцев, *торгы* — у хакасов и *торгу* — у тувинцев⁴.

¹ Кужугет А. К. Традиционный этикет тувинцев в контексте этической культуры (по трудам путешественников и ученых конца XIX–XX века): учебное пособие. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2019. С. 16.

² Серегин Н. Н. Особенности использования китайского шелка в ритуальной практике раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии / Н. Н. Серегин // Алтай — Россия: через века в будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 260-летию добровольно вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай: в 2 томах, Горно-Алтайск, 09–12 июня 2016 года. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. Т. 1. С. 126–129.

³ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Ленинград: Наука, 1969. С. 578.

⁴ Кайлачакова Ю. С. Китайский шелк как компонент традиционной культуры тюрок Саяно-Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов: 20-летию кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ посвящается, Барнаул, 01–31 августа 2008 года / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 45.

Классификация кадаков

Как мы уже упомянули выше, опираясь на сведения Позднеева, кадаки традиционно были разными.

Если Катанов, как мы пишем выше, считал, что хадаки заменили собой *дадаазын*, то А. В. Адрианов наблюдал их одновременное использование и считал, что хадаки из плотной канфы и другой шелковой материи — это подарки богатых людей (у тех, кто менее состоятельный — хадак из редельного шелка и коленкора), а *дадаазын* — узкий ремешок в полметра длиной — подношение бедняков¹.

Л. П. Потапов отмечал, что кадаки дарились разных размеров: самый большой — «айжы» — преподносился отцу невесты, поменьше — «сержи» — матери невесты; малого размера — «самбай» — прочим родственникам невесты (Потапов, 1969: 245–246). И кадаки в качестве дара сопровождали все предсвадебные церемонии и саму свадьбу (там же: 248, 253, 257, 258, 259, 262, 263, 264).

Б. И. Татаринцев уточняет данные названия:

айжы — самый дорогой (в монгольском языке ему соответствует *вандан*), имеет в длину 60 маховых саженей и цену лошади; название айжы восходит к имени буддийского божества Аюши, который считался покровителем долголетия и его изображение было выткано на шарфах;

сержи — средний по ценности *кадак*; происхождение слова Татаринцев затруднился точно назвать, но предположил, что оно также (по аналогии с *айжы*) восходит к имени какого-то божества. Вручается (матери невесты) вместе с *айжы кадак* (отцу невесты);

самбай — *кадак* самого низшего сорта, бумажный *кадак* (и иногда даже слово *самбай* сопровождается эпитетом *хирлиг* 'грязный'). Филолог подчеркивает, что сам факт вручения «грязного самбая» свидетельствовал, по-видимому, о бедности того лица, кому он принадлежал (Татаринцев, 2009: 70–71).

Данный тип ритуальных лент сейчас можно условно разделить также на следующие группы — в зависимости от цели использования, а также тех, кто их использует:

— во-первых, кадаки используются прежде всего в буддийских ритуалах священнослужителями — ламами (для повязывания на статуэтки, жезлы, оборачивания священных книг и пр.), а также верующие (те могут приносить на ритуалы кадаки, используя их для подношения даров ламам, повязывая в местах поклонения буддийским святым местам — ступам, возле храмов).

— во-вторых, кадаки повязываются шаманами и людьми во время и после шаманистских ритуалов — на объекты освящения: на деревья, шесты, в местах *оваа*, на животных и пр. Часто кадаки используются вместе с *чалама* (Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 352).

— в-четвертых, кадаки используются верующими дома, в нерелигиозных учреждениях в качестве специального средства для хранения ценных священных предметов (в них оборачивают сборники сутр, фигурки богов, их подкладывают под фигурки в «красных уголках» и пр.);

— в-пятых, сами кадаки преподносят в качестве дара или вместе с другими дарами: при приеме ценных гостей, во время церемониалов, ритуалов, вручения подарков, которые передаются, уложенными на шарфы на обеих руках.

Цветовые различия кадаков (см. на *фото 1*) содержат определенные традиционные смыслы, которые транслируются тувинскими просветительскими инициативами следующим образом: белый — символ изначальной чистоты, чистых помыслов; синий — обозначает Вечное синее небо, символ гармонии, согласия и спокойствия; жёлтый — символ буддизма, плодородия, умножения и достатка, постоянства и неизменности, тепла, жизни; красный — символ сохранности и безопасности, а также притягивает все благие качества; зелёный — символ цветущей земли, благой активности, плодородия, пробуждения и устранения любых препятствий, символ роста и процветания².

¹ Адрианов А. В. Шага (Сойотский Новый год) // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). С. 316–317.

² Обычай преподнесения кадака (хадака) [Электронный ресурс] // Органы ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва. Официальный сайт. URL: <https://uzags.rtyva.ru/events/6534/> (дата обращения: 31.03.2024). См. также: Кадак деп чүл? [Электронный ресурс] // Культурное наследие Тувы. URL: <https://old.kntuva.ru/2021/10/11/кадак/> (дата обращения: 31.03.2024). При этом работники культуры опираются на описания из книги тувинского литератора, автора учебников и пособий по тувинской культуре Ч. М. Чульдума: Чулдүм Ч. М. Шагаам-сузуглелим: төөгү, ужурлар, оюннар, мөөрейлер, хөктүг-чугаалар. Кызыл, 1999.

Считается, что эти трактовки цветов восходят к тибетским-буддийским, однако, очевидно, что эти значения могут трактоваться в локальных традициях по-разному. Если же взглянуть на исследование тибетской буддийской цветовой символики, то мы выясним, что пять цветов, согласно буддийским канонам, в восходят к пяти основным элементам: земле (желтый, золотой), воде (белый), огню (красный), воздуху (зеленый) и пространству (синий). Цвета могут считаться как «отцовские», «материнские» и результат их смеси, т. е. существует определенная цветовая иерархия (Курасов, 2020: 12, 13; Бир, 2011: 14–32). В целом, цветовая символика тибетского буддизма гораздо более сложная, однако, конечно и в других ритуальных практиках простых верующих цветовые решения основных ритуальных предметах стали проще.

Кадак в государственной символике Тувы

Традиция использования *кадак* в тувинской культуре, как мы показали, является заимствованной, тем не менее она настолько органично, как и сам буддизм, в рамках которого она была привнесена, вошла в культурную жизнь тувинцев, что достаточно быстро стала считаться традиционной. Более того, в начале XX в. она вошла в государственную символику. И с этим значением *кадак* остается до сих пор.

Так, *кадак* белого цвета присутствовал на печати Правительства Танну-Тувинской Народной республики, на которой было нарисовано Колесо Учения в золотом обрамлении в форме жемчужин (Бичелдей, Монгуш, 2019: 5, 6 (рисунок 3 с реконструкцией эмблемы)). Символ окаймлен *кадаком* по всему ободу. Как пишут исследователи государственной символики времен Тувинской Народной Республики Б. Б. Монгуш и К. А. Бичелдей, с 1922 г. эта эмблема начала выполнять функцию государственного герба молодого государства, хотя в этот период государственные символы ТНР еще не были утверждены (там же: 5–6). Помимо этого, *кадак* присутствует и на знаменах Правительства ТНР, а также флагах ЦК ТНРП в 1920-е гг. (там же: 10–11)

Впоследствии в связи с переменами, происходившими в политической и социальной жизни Тувы, с внедрением коммунистической идеологии, советской политики, государственная символика стала «терять» буддийские элементы. Как пишут исследователи, тогда происходил геральдический феномен «исправления» гербов автономий РСФСР от «национальных» до «советских», в который оказалась вовлечена и Тувинская Народная Республика, будучи еще отдельным государством (Рахимов, Азнабаев, Фролова, 2022: 231). *Кадак* оставался еще в 1925–1930-х гг. на флаге ТНР, но не на гербе (который приобрел типично советские очертания с серпом и граблей, а также колосьями зерна, обвитыми красными лентами) (Бичелдей, Монгуш, 2019: 14). На флаге 1930 г. *кадака* уже нет (там же: 20).

Здесь надо сказать и о том, что общее использование *кадака*, шелковых тканей в советское время стало ограничено. Начало его исчезновения было отмечено О. Менхен-Хелфеном, который побывал в Туве в 1929 г. и написал, что после запрета русскими импорта из Китая¹, в Туву перестали поступать шелковые ткани. Поэтому, например, женщины, как заметил немецкий исследователь, украшавшие раньше свою верхнюю одежду спереди шелковыми лентами и кусками материи цветов радуги, перестали это делать: «этот декоративный прием уходит в прошлое»². Если у тувинцев раньше был безграничный выбор тканей также для головных уборов, то «сегодня не осталось ничего из бывшего изобилия»³.

¹ Историки пишут не столько о запрете, сколько о том, что российское правительство взяло под свой контроль товары, необходимые для снабжения армии, особенно импортные, с началом Первой мировой войны (История Тувы, 2007: 18). В целом из Китая в Туву в 1920-х гг. продолжала поступать мануфактура, правда в гораздо меньшем объеме, чем из СССР (там же: 180).

² Менхен-Хелфен О. Путешествие в Азиатскую Россию // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках. Об Урянхайе — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах. О древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 6. Танну-Тувинская-Народная Республика (1921–1944 гг.). С. 274.

³ Там же.

В постсоветское время буддийские символы вернулись в государственную символику буддийских регионов. В Туве также, как в ряде других стран и регионов России (в Монголии¹, Бурятии², Калмыкии³, Агинском Бурятском округе Забайкальского края⁴), *кадак* стал геральдическим символом в гербе.

На гербе республики (авторы Иван Салчак, Олег Лазеев, утвержден в 1992 г.) в основании фигуры всадника, скачущего навстречу солнцу, расположен белый *кадак*, на котором изображена надпись «Тыва».

Рис. 1. Герб Республики Тыва.

Fig. 1. Coat of Arms of the Republic of Tuva.

Смысловое значение изображения ленты *кадак*, согласно статье 10 Закона Республики Тыва «О государственных символах Республики Тыва», состоит в отражении гостеприимства и дружелюбия народа Республики Тыва⁵. При этом, белый цвет государственной символики выражает чистоту и благородство общественной морали, открытость и самостоятельность государственной политики⁶.

Такого же белого цвета *хадак* (калм. *хадыз*) на гербе Республики Калмыкия, поскольку указывает на мирные взгляды и дружеские отношения со всеми народами⁷. А вот в гербе Республики Бурятия *хадак* изображен голубого цвета. Как отмечают А. А. Трипольская и А. Ю. Чистяков, голубые *хадаки* популярны именно в бурятской культуре, здесь голубой *хадак* преподносят родственникам, друзьям, уважаемым и почитаемым гостям. В целом, подчеркивают они, Далай-лама сразу определяет выходцев из Бурятии, прибывших на его учения, по синему цвету *хадаков*⁸.

Таким образом, *кадак* как маркер возрожденной в XXI в. новой традиционности тувинцев⁹ подчеркнут ныне и в государственной символике республики¹⁰.

¹Төрийн сүлд [Электронный ресурс] // Монгол Улсын Их Хурал. URL: <https://www.parliament.mn/nn/2369/#gallery-2> (дата обращения: 02.04.2024).

²Закон о государственном гербе Республики Бурятия [Электронный ресурс] // Народный хурал Республики Бурятия. URL: <https://www.parliament.mn/nn/2369/#gallery-2> (дата обращения: 02.04.2024).

³О республике. Символика [Электронный ресурс] // Правительство Республики Калмыкия. URL: <http://www.kalmregion.ru/o-respublike/simvolika/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴Закон Забайкальского края от 05 октября 2009 года N 231-33К «О символах Агинского Бурятского округа Забайкальского края» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://www.kalmregion.ru/o-respublike/simvolika/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵Конституционный закон Республики Тыва «О государственных символах Республики Тыва» от 31 декабря 1996 г. № 697 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/922220596> (дата обращения: 02.04.2024).

⁶Там же.

⁷Трипольская А. А., Чистяков А. Ю. Буддийские символы в гербах Республик Бурятия и Калмыкия // Геральдика: исследования и практика: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 20–22 февраля 2020 года. Т. 104. СПб.: Издательство «Государственный Эрмитаж», 2021. С. 355.

⁸Там же. С. 354.

⁹Или, характеризуя социокультурное явление и процесс, как мы писали также — как проявление этнокультурного неотрадиционализма (Ламажая, Санчай, Монгуш, 2023: 364; Попков, 2023: 212).

¹⁰См. также: Сат С. Ч., Иргит А. Ш. Государственные символы Тувы на современном этапе // Вестник ИрНТУ. 2013. № 12 (83). С. 414–416.

Однако, массовое использование кадаков в ритуалах повязывания стало вызывать и ряд проблем: организационных, экологических и пр. Органы государственной власти региона, отвечающие в том числе за соблюдение традиционных норм, выпускают соответствующие инструкции, разъяснения. Например, органы ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва, по материалам Центра традиционной тувинской культуры и ремесел, публикуют для чего нужен этот шарф, что означают его цвета и как его необходимо правильно дарить¹. А экологические ведомства и буддийские организации призывают к соблюдению экологической чистоты (см.: Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 361–364; в Бурятии: Доржигушаева, Киплюкс, 2023).

Ареалы «ленточно-флажочной» культуры

Если широкое распространение лент шаманизма *чалама* в Туве (Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 347–348) позволяет в том числе регион однозначно отнести к ареалу распространения сибирского шаманизма (Жеребина, 2009; и др.²), то рассмотрение традиции кадаков усложняет «ареальный» вопрос. Более того, приходится говорить о сложной структуре общего ареала «ленточно-флажочной» культуры евразийского материка.

Под этим термином — «ленточно-флажочная культура» — мы подразумеваем культуру (культуры), в которой распространены разнообразные ритуальные ленты, шарфы, флаги повязывания и подношений. Такую культуру легко опознавать благодаря визуальным знакам — разноцветью лент и флажков на разных объектах по всей территории (деревьях, деревянных и пр. сооружениях, на объектах религиозного характера). Кроме того, в ней чаще всего в традиции гостеприимства, одаривания также входит элемент подношения, одаривания ценным куском ткани.

Как мы уже отмечали, ряд исследований касался темы ритуальных лент или были полностью посвящены им в отдельных регионах России: Алтае, Бурятии, Хакасии, Калмыкии, а также в Монголии, Тибета и даже в регионах Центральной Азии³ (Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 346). Тем не менее все эти исследования локальны по своему характеру и нам не удалось обнаружить ни одной работы, которая бы поднимала вопросы общего ареала данной традиции, подобно обобщающим работам по ареалам распространения, например региональных форм шаманизма (как уже выше сказано, например, сибирского) или буддизма (Берзин, 2006; Леонтьева, 2012; и др.), в целом религиозного ландшафта большого региона распространения шаманистско-буддийской культуры Сибири (Религиозный ландшафт ..., 2014, 2015, 2017).

А между тем, на наш взгляд, эта тема также чрезвычайно интересна и позволяет взглянуть не только на культурную карту мира под новым углом, но и проанализировать вопросы культурных влияний целого континента — Азии. В данной работе мы только коснемся этой темы в виде постановки проблемы, поскольку она не является целью исследования.

Шелковые шарфы приветствий и подношений *кадак*, *хадак* (и в других вариантах названий), как мы уже сказали, своим распространением обязаны буддийской культуре. Тем не менее происхождение их добуддийское, родственное шаманизму (упомянув о тибетской религии Бон, отметим, что исследователи предпочитают считать ее более сложной религиозной традицией, чем шаманизм). В самой тибетской культуре эти шарфы связаны прежде всего с традициями гостеприимства и одариваний. Эти смыслы органично соединились со смыслами, которые несут в шаманизме ритуальные, жертвенные ленты, выражающие идеи святости, освященности (тув. *ыдык*) (Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023: 228, 235), то есть даров богам. Эта же традиция оказалась востребованной в религиозной практике самого буддизма с его почитанием учителей, Учения, получением благословения и пр., соответственно одаривание шарфами стало важной частью ритуальной жизни.

¹ Обычай преподнесения кадака (хадака) [Электронный ресурс] // Органы ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва. Официальный сайт. URL: <https://uzags.rtyva.ru/events/6534/> (дата обращения: 31.03.2024).

² Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия / сост. Т. Ю. Сем. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

³ Терлецкий Н. С. К вопросу о роли лоскутов ткани (латта-банд) на мазарах Центральной Азии // Лавровский сборник: материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2007 года. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2007. С. 118–122.

Именно поэтому очевидно, там, где буддизм ассимилировался с местными религиозными системами — шаманизмом, традиции соединились и образовали такой «взрыв» визуального «разноцветья», который часто считают одним из явных признаков, маркеров буддийской культуры региона.

Тем не менее, помимо шаманистско-буддийских регионов Азии (прежде всего тюрко-монгольских народов), на континенте есть и другие регионы, в которых также встречается традиция повязывания лент на разные объекты, ритуального использования лент. Так, например, ленты *салама* важны в ритуальной культуре якутов (Федорова, 2023: 312, 427), традиционной религией которых считается тенгрианство или тенгризм (там же: 7).

В странах Центральной Азии (которые в советские времена называли Средней Азией), например, в Кыргызстане существует традиция намогильных шестов с хвостом яка, которая восходит к обычаям воинственных кыргызов позднего Средневековья и Нового времени, населявших горы и долину Тянь-Шаня, расположенной ныне на территории Кыргызстана, Казахстана, Китая (Синьцзян-Уйгурского автономного района) и Узбекистана. Как пишут Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко и Ш. Орозбекова, в этой культуре важное место занимало древковое колющее оружие (копья и пики) (Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2016). К их наконечникам, верхней части древков крепились знамена, флаги, вымпелы с разными полотнищами (или пучки волос, хвосты). Также у юрты, или прямо в юрте (через отверстие в кошме) устанавливали копье, на котором развевался белый платок *желек* (там же: 163). В погребальной обрядности также использовались флаги (там же: 164). По мнению авторов, эта традиция — общая для скотоводческих народов степного пояса Евразии и восходит к традициям древних тюрков (там же: 165).

Об архаическом сооружении *туг* (уйгурского происхождения) народов центральноазиатского региона писал и В. Н. Басилов (Басилов, 1992: 87–88). Его устанавливали в юрте, вкапывали в землю и обвешивали лоскутами материи. Ученый ссылался на мнение С. Е. Малова, который полагал, что уйгурский *туг* играл ту же самую роль, что и дерево в шаманских обрядах народов Сибири. То есть он, по существу, заменял дерево и должен был быть обязательно увешан лентами. При этом шаманы Центральной Азии не имели ритуальной одежды, подобной сибирским шаманам, но тем не менее, подчеркивает Басилов, «это не значит, что здесь вообще отсутствовала шаманская обрядовая одежда» (там же: 89). Например, лоскуты ткани и ленты украшали специальный посох *баксы* (шамана) восточных казахов (там же: 76). Куски белой и красной ткани вешали на разные стены дома и шаманы узбеков Хорезма (там же: 87).

К сожалению, в современных исследованиях казахской культуры работ о проявлениях «ленточно-флажочной» культуры нет. Тем не менее, обрывочные упоминания в литературе присутствуют. Более того, З. К. Сураганова пишет, что «привязывать лоскутки в местах поклонения — широко распространенная традиция у казахов. Полоски материи или оторванные от одежды лоскуты приносились в жертву духам деревьев, отсюда и их название — “деревья в лохмотьях”» (Сураганова, 2009: 100). В народном эпосе казахов, подчеркивает она, также есть упоминания о ритуале, связанном с лентами. Например, в одном из таких произведений мать героя, считая, что заросли колючих кустарников являются местом, обладающим чудотворной силой, срывает с себя платок и, разорвав его на ленты, вешает их на эти кусты (там же: 65). До сих пор путники в Казахстане практикуют повязывание лент на деревьях на горных перевалах (*фото 8*).

Об этом также говорит Б. Каирбеков, казахский поэт, исследователь и популяризатор традиционной казахской культуры¹. По его словам, на перевалах люди вешали тряпицы разных цветов с пожеланием доброго пути. Они символизировали пуповинную связь с хозяином местности. Каирбеков также описывает черно-белую веревку *ала жип*, которая символизирует противоположности. И несмотря на то, что *ала* переводится как «пестрый», тем не менее речь идет не о простой «пестроты», это священная связь (поэтому горы Алатау, например, правильнее, по мнению Б. Каирбекова, переводить как Священные горы). *Ала жип* повязывалась к верблюду; использовалась в похоронной обрядности; применялась в обряде *тұсау кесу* ‘перерезания пут’ (перерезания веревки, повязанной крест-накрест, восьмеркой на ножки ребенка, когда он вставал на ноги и делал первые шаги) (Каирбеков, 2011: 86).

¹ По информации У. М. Бахтикиреевой, передавшей нам содержание беседы с Б. Каирбековым (апрель 2024 г.).

Фото 8. Повязывание лент на дерево на перевале Медео, Казахстан, 2000 г.

Фото из архива У. М. Бахтикреевой.

Photo 8. Tying ribbons on a tree at Medeo pass, Kazakhstan, 2000.

Photo from the archive of U. M. Bakhtikireeva.

В целом, если глубже исследовать проблему появления «ритуально-ленточной культуры» и ее особого расцвета в регионах шаманистско-буддийской культуры, то очевидно следует рассматривать совокупность факторов.

Заключение

Таким образом, углубленное рассмотрение истории, этимологии одного из ярких и заметных элементов тувинской традиционной культуры — шарфа приветствий, благословения и подношений — *кадак*, не только, собственно, освещает неисследованные традиции тувинской этнической культуры, но открывает нам новые аспекты тувинского культурогенеза. Мы выясняем, что эта традиция заимствованная, тем не менее она органично соединилась с подобной собственной тувинской традицией (подношений лент даров). Несмотря на то, что традиция шелковых шарфов пришла с буддийским влиянием на регион, благодаря наличию в тувинском шаманизме широкого использования лент *чалама*, использование кадаков приняло такой массовый характер в шаманистских практиках, что практически сразу он стал считаться и элементом шаманистской культуры. Кадаки были важны не только для буддийских ритуалов, они заменили и элементы подношений в ритуалах гостеприимства, одаривания.

Все это быстрое внедрение и принятие кадаков в тувинскую традиционную культуру отразилось и на государственной символике Тувы, и сейчас без данных шелковых шарфов невозможно представить социокультурную жизнь тувинцев.

Но, помимо всего этого, если учитывать еще более глубокую историю не только самих шарфов гостеприимства, но и в целом использования лент, флажков в культурах Тувы и других регионов России и мира, мы обнаруживаем новые грани культурной карты мира.

Благодарности

Благодарим за помощь с подбором литературы и информации, с иллюстрациями — коллег из Тувинского государственного университета: кандидата филологических наук Надежду Дарьевну Сувандии, кандидатов культурологии Шенне Борисовну Майны и Чойган Херел-ооловну Санчай; а также доктора филологических наук, профессора Российского университета дружбы народов Улданай Максutowну Бахтикирееву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басилов, В. Н. (1992) Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука. 328 с.
- Безергинов, Р. Н. (2011) Китай и кочевой мир (1500 лет до н. э. по 220 год н. э.). Казань : Издательство «Слово». 208 с.
- Берзин, А. (1992) Тибетский буддизм: Его история и перспективы развития. М. : Традиционная медицина. 31 с.
- Берзин, А. (2006) Избранные труды по буддизму и тибетологии. М. : Открытый Мир. 208 с.
- Бир, Р. (2011) Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / пер. с англ. Л. Бубенковой. М. : Ориенталия. 428 с.
- Бичелдей, К. А., Монгуш, Б. Б. (2019) Государственные символы Тувы: герб, флаг и гимн, денежные и почтовые знаки. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша. 112 с.
- Биче-оол, С. М. (2018) Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан : Журналист. 126 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 294 с.
- Герасимова, Г. М. (1989) Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 317 с.
- Давид-Неэль, А. (2004) Посвящения и посвященные в Тибете. М. : Центрполиграф. 236 с.
- Доржигушаева, О. В., Киплюкс, А. В. (2023) Экологизация традиции завязывания зурам, хадаков и хий-морин на местах поклонения в Республике Бурятия // Новые исследования Тувы. № 4. С. 328–343. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.23>
- Дьяконова, В. П. (1977) Религиозные культы тувинцев // Памятники культуры народов Сибири народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в. / отв. ред. Д. А. Ольдерроге. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение. 235 с. С. 172–216.
- Екеева, Э. В., Белекова, Э. А. (2018) Культурная атрибутика в традиционном мировоззрении алтайцев. Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский Институт алтаистики им. С. С. Суразакова». 119 с.
- Жеребина, Т. (2009) Сибирский шаманизм: этнокультурный атлас. СПб. : Амфора ; ТИД Амфора. 623 с.
- Жуковская, Н. Л. (1977) Ламаизм и ранние формы религии. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. 199 с.
- Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М. : Восточная литература. 246 с.
- История Тувы (2007) / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. 430 с.
- Каирбеков, Б. (2011) Национальные обычаи и традиции. Казахский этикет. Алматы : б. и. 109 с.
- Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл : ТИГИ при Правительстве РТ. 383 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2009) Тувинские шаманы. М. : ООО «ИПЦ «Маска»». 325 с.
- Курасов, С. В. (2020) Цветовая семиотика буддийского искусства Тибета: жанр танка // Language. Philology. Culture. Т. 10. Вып. 1–2. С. 10–19.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. Т. 13. № 2. С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Ламажаа, Ч. К., Санчай, Ч. Х., Монгуш, А. В. (2023) Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 344–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Леонтьева, Л. (2012) Путеводитель по буддизму. Иллюстрированная энциклопедия. М. : Эксмо. 256 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве. Новосибирск : Наука. 197 с.

Ойноктинова, Н. Р. (2015) О некоторых результатах полевого исследования современного обрядового фольклора алтайцев // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 1(28). С. 50–55.

Орус-оол, С. М. (2010) Фольклорные материалы в семитомнике «Урянхай. Тыва дептер» // Новые исследования Тувы. № 3. С. 184–202.

Позднеев, А. (1887) Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. СПб. : Тип. Императ. акад. Наук. 492 с.

Попков, Ю. В. (2023) Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // Этнография. № 3 (21). С. 203–223. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)

Потапов, Л. П. (1960) Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции / отв. ред.: Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, Ленинградское отд-ие. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. 317 с. С. 171–237.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 400 с.

Рахимов, Р. Н., Азнабаев, Б. А., Фролова, И. В. (2022) Образ всадника в лучах солнца: геральдические кейсы Башкортостана и Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 226–240. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.15>

Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии (2014) / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. Т. 1: Поздняя древность — начало XX в. 214 с.

Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии (2015) / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. Т. 2: XX в. 194 с.

Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии (2017) / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Алтайский государственный университет. Т. 3: Конец XX — начало XXI в. 190 с.

Сураганова, З. К. (2009) Обмен дарами в казахской традиционной культуре. Астана : КАМ-Медиапринт. 192 с.

Татаринцев, Б. И. (2009) Избранные научные труды. Кызыл : Тываполиграф. 287 с.

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 130 с.

Тува: Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Худяков, Ю. С., Борисенко, А. Ю., Орозбекова, Ж. (2016) Символика копий, бунчуков и знамен в традиционной культуре кыргызов (Тянь-Шаня и Алатая) // Этнографическое обозрение. № 3. С. 162–179.

Шерстова, Л. И. (2010) Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Томский гос. ун-т. 285 с.

Юаньпэн, Х., Алексеева, Г. В., Тинтин, Ц. (2020) Тибетская культура бассейна реки Хуанхэ в творчестве современных китайских художников // ИКОНИ. № 4. С. 25–37.

Яковлев, Е. К. (1900) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск. Вып. IV. Описание Минусинского музея. 357 с.

Martin, E. (2016) Gift, Greeting Or Gesture: The Khatak And The Negotiating Of Its Meaning On The Anglo-Tibetan Borderlands // Himalaya. № 35(2). P. 56–72.

Modi, J. J. (1918) Tibetan salutations and a few thoughts suggested by them // Anthropological Papers. Part II; Papers read before the Anthropological Society of Bombay; The British India Press, 1918. 369 p. P. 110–123.

Li Tao, Jiang Hong Ying (2003) Tibetan customs. China Intercontinental Press. 126 p.

Rabten, T. (2003) A brief discussion of the origin and characteristics of the decorative design on Tibetan rlung rta (prayer flags) // Proceedings of the tenth seminar of the IATS. Vol. 13: Art in Tibet / ed. by E. Lo Bue. 2011. xi, 336 p.

Rockhill, W. W. (1894) Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892. Washington : Smithsonian institution. XX, 413 с.

Wedemeyer, C. K. (2004) Bon // Encyclopedia of Buddhism / Ed. by R. E. Buswell. New York [etc.] : Macmillan Reference. Vol. 1: A-L. 1042 p. P. 66–68.

Дата поступления: 10.04.2024 г.

Дата принятия: 20.04.2024 г.

REFERENCES

- Basilov, V. N. (1992) *Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Moscow, Nauka. 328 p. (In Russ.).
- Bezertinov, R. N. (2011) *China and the nomadic world (1500 BC to 220 AD)*. Kazan', Slovo Publ. 208 p. (In Russ.).
- Berzin, A. (1992) *Tibetan Buddhism: Its history and Development Prospects*. Moscow, Traditsionnaia meditsina. 31 p. (In Russ.).
- Berzin, A. (2006) *Selected works on Buddhism and Tibetology*. Moscow, Otkryti Mir. 208 p. (In Russ.).
- Bir, R. (2011) *Encyclopedia of Tibetan Symbols and Ornaments / transl. from Engl. by L. Bubenkovoii*. Moscow, Orientaliia. 428 p. (In Russ.).
- Bicheldei, K. A. and Mongush, B. B. (2019) *State symbols of Tuva: coat of arms, flag and anthem, monetary and postal signs*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo im. Yu. Sh. Kiunzegesha. 112 p. (In Russ.).
- Biche-ool, S. M. (2018) *Traditional marriage and family relations among Tuvans and their transformation in the Soviet period*. Abakan, Zhurnalist. 126 p. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (1991) *The world of the nomads of Central Asia*. Moscow, Nauka. 294 p. (In Russ.).
- Gerasimova, G. M. (1989) *Traditional beliefs of Tibetans in the cult system of Lamaism*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 317 p. (In Russ.).
- David-Neel', A. (2004) *Initiations and initiates in Tibet*. Moscow, Tsentrpoligraf. 236 p. (In Russ.).
- Dorzhi-gushaeva, O. V. and Kipliuk, A. V. (2023) Ecologization of the tradition of tying zurams, khadaks and khii-morins at places of worship in the Republic of Buryatia. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 328–343. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.23>
- D'iakonova, V. P. (1977) Religious cults of Tuvans. In: *Cultural monuments of the peoples of Siberia, the peoples of Siberia and the North (the second half of the XIX — the beginning of the XX century / ed. by D. A. Ol'derroge*. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 235 p. Pp. 172–216. (In Russ.).
- Ekeeva, E. V. and Belekova, E. A. (2018) *Cult attributes in the traditional worldview of the Altai people*. Gorno-Altai, BNU RA «Nauchno-issledovatel'skii Institut altaistiki im. S. S. Surazakova». 119 p. (In Russ.).
- Zherebina, T. (2009) *Siberian Shamanism: an Ethnocultural Atlas*. St. Petersburg, TID Amfora. 623 p. (In Russ.).
- Zhukovskaia, N. L. (1977) *Lamaism and early forms of religion*. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 199 p. (In Russ.).
- Zhukovskaia, N. L. (2002) *Nomads of Mongolia. Culture. Traditions. Symbolism*. Moscow, Vostochnaia literatura. 246 p. (In Russ.).
- The history of Tuva (2007) / ed. by V. A. Lamin*. Novosibirsk, Nauka. 430 p. (In Russ.).
- Kairbekov, B. (2011) *National customs and traditions. Kazakh etiquette*. Almaty, s. n. 109 p. (In Russ.).
- Katanov, N. F. (2011) *Essays of the Urianhai land. Diary of a journey performed in 1889 on behalf of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society*. Kyzyl, TIGI pri Pravitel'stve RT. 383 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2009) *Tuvan shamans*. Moscow, OOO «IPTs "Maska"». 325 p. (In Russ.).
- Kurasov, S. V. (2020) The color semiotics of Tibetan Buddhist art: the genre of the tank. *Language. Philology. Culture*, vol. 10, issue 1–2, pp. 10–19. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Kontsepty kul'tury: forma, ideia, sotsial'naia reguliatsiia. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Tuvan Wedding Rites: from Establishment of Family Ties to Social Presentation. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Lamazhaa, Ch. K., Sanchai, Ch. Kh. and Mongush, A. V. (2023) Ritual ribbons and flags in the practical activities of contemporary Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 344–370. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>
- Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The Sacred in Tuvan Culture: Past and Modernity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Leont'eva, L. (2012) *A guide to Buddhism. The Illustrated Encyclopedia*. Moscow, Eksmo. 256 p. (In Russ.).
- Mongush, M. V. (2001) *The history of Buddhism in Tuva*. Novosibirsk, Nauka. 197 p. (In Russ.).
- Oinotkinova, N. R. (2015) On some results of a field study of the modern ceremonial folklore of the Altaians. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, no. 1(28), pp. 50–55. (In Russ.).

- Orus-ool, S. M. (2010) Folklore materials in 7-volume “Uryankhay. Tyva Depter” book. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 184–202. (In Russ.).
- Pozdneev, A. (1887) *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia*. St. Petersburg, Tip. Imperat. akad. Nauk. 492 p. (In Russ.).
- Popkov, Yu. V. (2023) Ethnocultural Neotraditionalism: Reflexive Integration Theoretical Model. *Etnografiia*, no. 3 (21), pp. 203–223. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)
- Potapov, L. P. (1960) Materials on the ethnography of the Tuvans of the Mongun-Taiga and Kara-Khol districts. In: *The works of the Tuvan complex archaeological and ethnographic expedition* / ed. by L. P. Potapov. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, Leningradskoe otd-ie. Vol. 1: Materials on archeology and ethnography of Western Tuva. 317 p. Pp. 171–237. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1969) *Essays on the everyday life of Tuvans*. Moscow, Nauka. 400 p. (In Russ.).
- Rakhimov, R. N., Aznabaev, B. A. and Frolova, I. V. (2022) The image of a horseman in the sunlight: Heraldic cases of Bashkortostan and Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 226–240. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.15>
- The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia* (2014) / ed. by P. K. Dashkovskii. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta. Vol. 1: Late antiquity – the beginning of the twentieth century. 214 p. (In Russ.).
- The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia* (2015) / ed. by P. K. Dashkovskii. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta. Vol. 2: The twentieth century. 194 p. (In Russ.).
- The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia* (2017) / ed. by P. K. Dashkovskii. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta. Vol. 3: The end of the XX – beginning of the XXI century. 190 p. (In Russ.).
- Suraganova, Z. K. (2009) *Exchange of gifts in the Kazakh traditional culture*. Astana, KAM-Mediaprint. 192 p. (In Russ.).
- Tatarintsev, B. I. (2009) *Selected scientific works*. Kyzyl, Tyvaoligraf. 287 p. (In Russ.).
- Tatarintsev, B. I. (1976) *Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 130 p. (In Russ.).
- Tuva: Native land* (2023) / Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Kuzhuget Sh. Yu., Mainy Sh. B. and Sanchai Ch. Kh.; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).
- Khudiakov, Iu. S., Borisenko, A. Iu. and Orozbekova, Zh. (2016) The symbolism of spears, bunchukas and banners in the traditional culture of the Kyrgyz (Tien Shan and Alai). *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 162–179. (In Russ.).
- Sherstova, L. I. (2010) *Burkhanism: the origins of Ethnicity and religion*. Tomsk, Tomskii gos. un-t. 285 p. (In Russ.).
- Iuan'pen, Kh., Alekseeva, G. V. and Tintin, Ts. (2020) Tibetan culture of the Yellow River Basin in the works of modern Chinese artists. *IKONI*, no. 4, pp. 25–37. (In Russ.).
- Yakovlev, E. K. (1900) *An ethnographic review of the non-native population of the Southern Yenisei Valley*. Minusinsk. Issue IV. Description of the Minusinsk Museum. 357 p. (In Russ.).
- Martin, E. (2016) Gift, Greeting or Gesture: The Khatak and The Negotiating of Its Meaning On The Anglo-Tibetan Borderlands. *Himalaya*, no. 35(2), pp. 56–72.
- Modi, J. J. (1918) Tibetan salutations and a few thoughts suggested by them. In: *Anthropological Papers*. Part II; Papers read before the Anthropological Society of Bombay; The British India Press, 1918. 369 p. P. 110–123.
- Li Tao and Jiang Hong Ying (2003) *Tibetan customs*. China Intercontinental Press. 126 p.
- Rabten, T. (2003) A brief discussion of the origin and characteristics of the decorative design on Tibetan rlung rta (prayer flags). In: *Proceedings of the tenth seminar of the IATS*. Vol. 13: Art in Tibet / ed. by E. Lo Bue. 2011. xi, 336 p.
- Rockhill, W. W. (1894) *Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892*. Washington, Smithsonian institution. XX, 413 p.
- Wedemeyer, C. K. (2004) Bon. In: *Encyclopedia of Buddhism* / Ed. by R. E. Buswell. New York [etc.], Macmillan Reference. Vol. 1: A-L. 1042 p. Pp. 66–68.

Submission date: 10.04.2024.

Acceptance date: 20.04.2024.

Гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,

Галина Ф. Балакина

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация

В статье анализируются гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва при выборе населением способов улучшения материального положения, склонности и интересе к традиционным занятиям, миграционным намерениям. Статья основывается на результатах социологического опроса населения Тувы, проведённого в 2023 г. (выборка — 421 чел.).

Выявлено, что женщины Тувы социально более активны по сравнению с мужчинами. Для повышения уровня дохода семьи женщины выбирают чаще оптимальные стратегии: получение дополнительного образования и смену профессии. Для женщин более характерна склонность к риску, желание не ограничиваться небольшим твердым заработком, а также поиск своей рыночной ниши для повышения доходов.

В адаптивных стратегиях населения республики выявлена общая тенденция, связанная со стремлением к высокооплачиваемому городскому труду, миграции за пределы республики. Женщины демонстрируют меньший интерес к традиционным занятиям тувинцев как профессиональному виду деятельности и адаптивной стратегии, а также большую склонность к рыночным видам деятельности, предпринимательству, связанным с риском, чем мужчины. Женщины Тувы более ориентированы на инновационные виды деятельности. Анализ миграционных намерений респондентов показал, что женщины больше предпочитают межрегиональные направления миграции в сравнении с внутрирегиональным. Мотивы миграционных намерений связаны со стремлением к устройству на более высокооплачиваемую работу, должность, получению детьми более высокого уровня образования, воссоединению с родственниками.

Ключевые слова: Республика Тыва; социальная адаптация; адаптивный ресурс; адаптивная стратегия; гендерное различие; традиционное занятие; межрегиональная миграция; гендер

Статья подготовлена в рамках исследования по проекту Российского научного фонда № 23-28-10009 «Социально успешные и неуспешные адаптационные практики этнорегиональных общностей в условиях масштабных инновационных изменений (на примере Республики Тыва)», <https://rscf.ru/project/23-28-10009/>

Для цитирования:

Натсак О. Д., Балакина Г. Ф. Гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 177-192. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11>

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, учёный секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

Балакина Галина Фёдоровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: balakina.gal@yandex.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Gender differences in adaptive strategies of the population of the Republic of Tuva

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva,
Russian Federation,

Galina F. Balakina

Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS, Russian Federation

The article analyzes gender differences in the adaptive strategies of the population of the Republic of Tuva in terms of choosing ways to improve their financial situation. It also examines the propensity and interest of the population in traditional occupations and migration intentions, based on the results of a recent sociological survey conducted in 2023 among the population of Tuva (sample is 421).

The study found that Tuvan women tend to be more socially active than men. In order to increase their family income, they often choose optimal strategies such as obtaining additional education or changing their profession. They are more willing to take risks, seek to avoid being limited to a fixed income, and search for new market niches to increase their income. In the adaptive strategies of the population in the Republic of Tuva, a general trend has been identified that is related to the desire for well-paid urban jobs and migration outside the republic. Women show less interest in traditional Tuvan occupations as a professional activity and adaptive strategy, and a greater propensity for market-related activities and entrepreneurship than men. Tuvan women are more focused on innovative activities.

An analysis of respondents' migration intentions revealed that women of Tuva prefer interregional migration over intraregional migration. The motives for migration intentions include the desire to find a better-paid job, a promotion, to provide their children with a higher level of education, and to be reunited with relatives.

Keywords: Republic of Tuva; social adaptation; adaptive resource; adaptive strategy; gender difference; traditional occupation; interregional migration; gender

Financing

The article was prepared as part of a study on the project of the Russian Science Foundation No. 23-28-10009 "Socially successful and unsuccessful adaptation practices of ethno-regional communities in the context of large-scale innovative changes (on the example of the Republic of Tuva)", <https://rscf.ru/project/23-28-10009/>

For citation:

Natsak O. D. and Balakina G. F. Gender differences in adaptive strategies of the population of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 177-192. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11>

Natsak, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1833-4810

Balakina, Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., 667007 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2387-7190

Введение

Особенности социально-экономических процессов в современной России определяют актуальность поиска путей выхода из возникающих кризисных ситуаций с активизацией региональных факторов экономического развития, успешных моделей адаптации народов и культур, а также составляющих их социальных и гендерных общностей, к современным социальным и экономическим изменениям. Разработка научно обоснованной программы перспективного социально-экономического развития регионов должна учитывать специфику возможностей развития прогрессивных форм хозяйствования в условиях экономических преобразований, включенность социальных и гендерных общностей в трансформационные процессы. Здесь важным является исследование как формальных, так и неформальных институтов: культурного и социального капитала, особенностей адаптации к новым реалиям, в том числе в гендерном аспекте, специфики семейно-бытового уклада, интенсивности и направленности миграционных процессов, социальной динамики.

Иллюстрацией существенных гендерных различий адаптации к условиям регионального рынка труда служат данные официальной статистики. Так, в 2021 г. Республика Тыва занимала нижние строчки в рейтинге российских регионов по уровню занятости и уровню занятости в трудоспособном возрасте (48,8% и 56,0% соответственно), среди безработных по полу 63,3% составляли мужчины, женщины лишь 36,7%, а уровень безработицы у мужчин достигал 19,6%, опережая показатель у женщин — 10,7%¹. Среднедушевые денежные доходы населения республики в 2021 г. имели минимальные значения среди субъектов РФ, по уровню которых Тыва занимала 83-е место в России².

Целью представленного исследования является выявление гендерных различий в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва. Исходя из указанной цели были сформулированы следующие задачи исследования: проанализировать социально-демографические характеристики, особенности в экономической активности мужчин и женщин в Тыве, а также поведенческие различия в экономике, представления о способах улучшения материального положения, отношении к традиционным видам хозяйственной деятельности, миграции, к возможным рискам в предпринимательской деятельности.

Общетеоретической и методологической основой исследования выступили работы отечественных авторов, изучавших социологию адаптации, адаптационную специфику сельских локальных сообществ: П. М. Козыревой, А. И. Смирнова (Козырева, Смирнов, 2016), Л. В. Корель (Корель, 2005), О. В. Нечипоренко (Нечипоренко, 2008, 2011).

Работа основана на анализе результатов социологического исследования «Социально успешные и неуспешные адаптационные практики этнорегиональных общностей в условиях масштабных инновационных изменений (на примере Республики Тыва)», проведенного Тувинским институтом комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН (ТИКОПР СО РАН) под руководством Г. Ф. Балакиной в Республике Тыва в апреле — мае 2023 г. с участием сотрудников Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ (ТИГПИ). Был использован количественный метод социологического исследования — личное интервью по формализованному опроснику. Дизайн выборки исследования был сформирован в соответствии с актуальными данными о социальной, демографической, этнонациональной структуре и территориальному распределению населения республики на 1 января 2023 г. Был опрошен 421 человек трудоспособного возраста — жители городов и сельских территорий по репрезентативной выборке по полу, возрасту, занятости и уровню образования. Территориальная выборка включала в себя 5 городских и 9 сельских населенных пунктов: городов Кызыла, Ак-Довурака, Шагонара, Чадана, Турана и кожуунов (Кызылского, Пий-Хемского, Каа-Хемского, Улуг-Хемского, Тандинского, Овюрского и Эрзинского). Среди опрошенных женщины составили 53,2%, мужчины — 46,8%; 28,7% респондентов были в возрасте от 18 до 30 лет, 44,4% — 31–50 лет; 85,1% тувинцев, 12,3% русских и 2,6% — представители других национальностей (хакасов, бурят, киргизов, белорусов); 14,6% имели среднее общее (полное и неполное) образование, 32,7% — среднее специальное и 52,7% — высшее, включая

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2022. С. 142, 143, 155, 168. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 11.10.2023).

² Там же. С. 199.

незаконченное образование, что в основном соответствует параметрам Всероссийской переписи населения 2020 г. по Туве.

Источниковую базу исследования составили официальные статистические данные Росстата¹.

Обзор литературы

Гендерные аспекты адаптивных стратегий населения в российской научной литературе являются недостаточно изученными. Поэтому в первую очередь для авторов были важны работы зарубежных исследователей, посвященные гендерным различиям в склонности к риску в кризисных условиях экономики (Buratti, Cesaroni, Sentuti, 2018; Powell, Ansic 1997; Dwyer, Gilkeson, List 2002; Rad, Yazdanfar, Öhman, 2014). Постановка вопроса межполовых различий в адаптивных ресурсах, потенциале, стратегиях в доходной группе бедного населения в России ставилась Г. Б. Кошарной, Л. Ф. Каримовой (Кошарная, Каримова, 2018).

Зарубежные социологи, психологи активно изучают гендерные различия в склонности к риску в кризисных условиях. Так, исследование А. Буратти и Ф. М. Сезарони, посвященное сравнительному анализу стратегий предпринимателей разных полов, показало, что в одних и тех же экономических условиях кризиса мужчины и женщины делают разный выбор стратегий: по сравнению с мужчинами женщины имели меньшую склонность к наступательным стратегиям (инновациям, развитию, росту) (Buratti, Cesaroni, Sentuti, 2018: 393). Экспериментальное исследование поведения мужчин и женщин М. Пауэлла и Д. Ансика выявило то, что мужчины женщины придерживаются разных стратегий принятия финансовых решений (Powell, Ansic, 1997: 605). При принятии инвестиционных решений женщины проявляют меньшую склонность к риску, чем мужчины, однако влияние пола ослабевает в условиях, когда принятие решения зависит от уровня знаний о финансовых рынках и инвестициях — к такому выводу пришли американские исследователи П. Д. Дуайер, Дж. Гилкесон и Дж. Лист (Dwyer, Gilkeson, List, 2002: 151). Есть работы, анализирующие гендерные различия в восприятии и оценке рисков на примере рассмотрения кредитных заявок (Rad, Yazdanfar, Öhman, 2014). В указанных исследованиях общим является идея о том, что женщины в меньшей степени, чем мужчины, склонны к рискам.

В отечественной научной литературе готовность к риску наряду с целеполаганием, уверенностью рассматривается как субъективно-личностный ресурс, необходимый для социальной адаптации (Мозговая, 2023: 50).

Вопросы адаптации населения Республики Тыва к современным социально-экономическим кризисным условиям и вызовам активно исследовались в рамках сибирского макрорегиона в работах одного из соавторов данной статьи Г. Ф. Балакиной и других исследователей: З. В. Анайбан, С. П. Тюхтеновой (Балакина, Анайбан, 1995; Анайбан, Тюхтенева, 2008). В качестве отдельного предмета исследования рядом авторов рассматривались этнорегиональные особенности адаптации к изменяющимся условиям регионального рынка труда в Туве (Балакина, Кылыгдай, 2015) и риски развития человеческого потенциала республики (Балакина, 2022). Однако авторами практически не затрагивались гендерные аспекты адаптационных процессов.

В современных исследованиях адаптационные стратегии населения республики Г. Ф. Балакина изучает с точки зрения успешных и неуспешных социальных практик (Балакина, 2023).

Миграция является одной из форм реагирования на изменение социальной среды, по своим мотивационным основам она наряду со сменой места работы, профессии, рода занятости исследователями характеризуется как проявление активного типа экономического поведения, и, соответственно, относится к прогрессивно-инновационному типу адаптационных стратегий (Нечипоренко, 2011: 85).

Различные аспекты миграционной активности населения Республики Тыва, а также социально-демографические последствия профессиональных и образовательных потоков миграции исследовались в работах также Г. Ф. Балакиной, З. В. Анайбан (Балакина, Анайбан, 2016), Н. В. Бадмаевой, О. Д. Нат-

¹ Юбилейный статистический сборник «60 лет вхождения Республики Тыва в состав Российской Федерации». Кызыл. 2004; Труд и занятость в России в 2021 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm (дата обращения: 10.10.2023); ЕМИСС. Главная страница [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58487> (дата обращения: 11.10.2023).

сак (Бадмаева, Натсак, 2021), Т. К. Ростовской, Е. Н. Васильевой (Ростовская, Васильева, 2023), К. А. Чернышева, Е. В. Митягиной, Н. В. Чернышевой, Е. Ю. Петрова (Чернышев и др., 2023), в которых также не освещались гендерные особенности. Исследования социально-экономической адаптации населения Тувы в период реформ, а также в условиях активизации миграционных процессов с использованием гендерного подхода предпринимались З. В. Анайбан (Анайбан, 2005, 2019).

Современное положение тувинских женщин в экономике, предпринимательстве и семье анализировались в гендерных исследованиях О. Д. Натсак (Натсак, 2021ab; 2022ab; 2023), гендерные аспекты структурных особенностей социального самочувствия населения Тувы описаны в работе Т. Г. Анисимовой без акцента на динамику процессов адаптации (Анисимова, 2023).

То есть, мы видим, что в научных исследованиях последних 10–15 лет недостаточно уделено внимание изучению специфики реагирования на современные вызовы гендерных групп, их адаптационных процессов.

Стратегия экономики

Одной из адаптивных стратегий в кризисных социально-экономических условиях является переход на режим экономии и ограничений, отказ от обычного уровня потребления, а также от таких важных демографических событий, как регистрация брака, рождение ребёнка.

В. П. Козырева, А. И. Смирнов относили адаптивные стратегии, основанные на экономии, к малопродуктивным механизмам, затрудняющим адаптационные процессы (Козырева, Смирнов, 2016: 134). Несмотря на свою малопродуктивность с точки зрения изменения среды, условий, положения, в котором оказались индивиды, экономия становится доступным и рациональным способом приспособления к социальной реальности в условиях многодетности большинства семей в Туве, дефицита рабочих мест в сельской местности и материальных возможностей для самозанятости, организации своего дела, но только если это краткосрочная мера. На вопрос «Какие чувства окрепли у окружающих Вас людей за последний год?» 16,7% женщин в сравнении с 15,5% мужчин ответили: «усталость, безразличие, растерянность», что позволяет говорить о более высокой степени депривации и фрустрации в женском сообществе Тувы.

В рамках нашего исследования 2023 г. респондентам был задан вопрос о том, от каких важных решений им и их семье пришлось отказаться. Анализ ответов (табл. 1) выявил то, что для мужчин актуальным и ощутимым явился отказ от приобретения крупных покупок (товаров длительного пользования), решения жилищного вопроса, а также от женитьбы, рождения ребёнка. Женщины в большей мере, чем мужчины, отказываются от затрат, которые имеют непосредственное отношение к качеству жизни, а именно, от туристического отдыха, санаторно-курортного лечения, медицинских услуг, привычной структуры питания, поездок к родственникам, а также запланированного уровня и качества образования для детей.

Таблица 1. Ответы на вопрос «От чего Вам пришлось отказаться в сложившихся условиях в стране?», в %
Table 1. Answers to the question “What did you have to give up in the current conditions in the country?”, in %

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
От продолжения образования	7,6	6,3
От любимой работы	4,6	2,7
От покупки товаров длительного пользования	18,8	16,3
От приобретения жилья	21,8	16,3
От туристических поездок	21,8	28,5
От лечения в санаториях и курортах	10,7	16,7
От врачебных услуг	7,6	14,0
От привычного рациона питания	3,0	7,2
От поездок в гости к родным и близким	5,1	8,1
От планов по образованию детей	2,0	5,9
От создания брака, рождения ребенка	8,1	6,3
Не отказывался ни от чего	32,0	30,3

Прим.: Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа.

В режиме экономии мужчины и женщины также по-разному себя проявляют, придерживаются разных поведенческих моделей. Анализ ответов на вопрос «Если Вам приходится экономить, на чём Вы обычно экономите?» выявил тот факт, что женщины в целом больше экономят, а также придерживаются самоограничения практически во всём: в приобретении одежды, обуви, получении бытовых услуг, проведении досуга, питании, карманных расходах, приёме гостей, проведении отпуска. Виды экономии, в которых больше проявили себя мужчины, чем женщины, это – покупка спиртных напитков и приобретение одежды и обуви (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Если Вам приходится экономить, на чём Вы обычно экономите?», в %
Table 2. Distribution of answers to the question “If you have to save, what do you usually save on?”, in %

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
Приобретении одежды и обуви	31,7	24,6
Получении бытовых услуг	6,7	17,5
Культурных развлечениях	31,7	42,1
Карманных расходах	18,3	24,6
Питании	6,7	8,8
Покупке спиртных напитков	28,3	19,3
Приёме гостей, походах в гости	15,0	19,3
Проведении отпуска	41,7	42,1
Другое	3,3	7,0
Затрудняюсь ответить	3,3	3,5

Прим.: Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Несмотря на различия в структуре расходов, на которых мужчины и женщины более склонны экономить, очевиден тот факт, что экономия как вынужденный способ адаптации к условиям дефицита финансовых ресурсов сохраняет свою актуальность среди опрошенного населения в целом.

Способы улучшения материального положения

На особенности социально-экономической модели поведения женщин на фоне мужчин также указывают результаты анализа ответов респондентов на вопрос о предпочтительных способах улучшения текущего материального положения семьи. В целях изменения своего текущего материального положения склонны искать вторичную занятость для дополнительного дохода 56,5% мужчин и 53,7% женщин Тувы. Можно заметить, что статистически значимой разницы нет. Дополнительная или вторичная занятость при наличии постоянной работы рассматривается исследователями как специфический адаптационный ресурс (Попова, Седова, 2004: 31).

Данный адаптивный способ является пассивным, и носит корректирующий характер, направленный не на кардинальное изменение среды, условий, характера занятости, а на недопущение ухудшения экономического положения семьи. Обучение и получение новых навыков, знаний и дальнейшее их применение имеет потенциал изменения социально-профессионального статуса человека. И с этой точки зрения они носят активно-преобразующий характер. К смене профессии и получению дополнительно образования готовы 45,2% мужчин и 54,8% женщин; 37% мужчин и 63% женщин отметили свою готовность к обучению новым навыкам.

Отношение к работе, поиск занятости и традиционные виды деятельности

Большинство опрошенных мужчин и женщин Тувы рассматривают работу как главный источник обеспечения семьи, заработка. Вместе с тем, характеризуя своё отношение к работе, женщины в большей степени, чем мужчины, отмечали возможность реализации своего потенциала, творческую составляющую работы. Так, 20,6% женщин считает, что благодаря работе они могут реализовать свой потенциал, что их работа интересна, такой же позиции придерживалось 15,7% мужчин. 16,6% женщин и 6,1% мужчин указали на то, что они ценят свой коллектив, свою работу.

Различия в отношении к работе детерминируют дифференциацию предпочтений при поиске работы. В условиях отсутствия доступных рабочих мест мужчины готовы рассматривать все имеющиеся варианты занятости, даже те, которые снижают их прежний социальный статус, женщины в большей степени стремятся к работе, близкой или полностью совпадающей с их специальностью. Женщины больше, чем мужчины, обращаются в органы занятости и официально оформляют статус безработных. 14,4% женщин и 10,8% мужчин не искали работу по разным причинам, такая разница, как мы полагаем, вызвана тем, что, как правило, разные виды государственной поддержки семей с детьми, преимущественно получают женщины (табл. 3). В определённых ситуациях основным источником доходов женщин, имеющих детей, становятся социальные пособия и выплаты.

Таблица 3. Ответы на вопрос «Какие меры Вы предпринимали для трудоустройства?», в %
Table 3. Answers to the question “What measures have you taken for employment?”, in %

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
Искал любую работу	46,7	32,9
Искал работу по полученной специальности	33,3	43,2
Выезжал в другие населённые пункты для поиска работы	4,6	4,5
Получил официальный статус безработного	1,0	2,3
Не занимался поиском работы, потому что в городе / селе, в котором я живу, нет работы	3,6	2,3
Поиск работы мне не нужен был, так как я в достаточной степени обеспечен материально	0,0	0,5
Не искал работы по иным причинам	10,8	14,4
Всего	100,0	100,0

Мужчины и женщины почти в равной степени имели опыт поиска работы в других населённых пунктах.

Стратегия возврата к натуральному хозяйству

В период социально-экономического кризиса 1990-х гг. достаточно жизнеспособной адаптивной стратегией являлись возврат к мелкособственническому натуральному хозяйству, организация небольших фермерских хозяйств. Структурные изменения, происходящие в современном тувинском обществе, проявляются, в том числе, в усиливающемся сокращении числа занятых в сельскохозяйственной отрасли.

Официальная статистика показывает, что сокращается количество и доля занятых в сельскохозяйственной отрасли: в 2000 г. занятые в сельском и лесном хозяйстве в общей численности занятых составляла 16,94%¹, то в 2010 г. — 7,87%, в 2020 г. — 6,58%, это 6,7 тыс. чел.² Для сравнения приведём данные о количестве членов сельскохозяйственных производственных кооперативов (СПК) двух сопредельных регионов — Республики Тыва и Республики Хакасия. В Хакасии членов СПК 861 чел., в то время как в Тыве — 112 чел.³ Среди индивидуальных предпринимателей (ИП) Республики Тыва, по данным 2022 г., число ИП, работавших в отрасли «Сельское и лесное хозяйство, рыболовство,

¹ Юбилейный статистический сборник «60 лет вхождения Республики Тыва в состав Российской Федерации». Кызыл, 2004. С. 28.

² Труд и занятость в России в 2021 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm (дата обращения: 10.10.2023).

³ ЕМИСС. Главная страница [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58487> (дата обращения: 11.10.2023).

рыбоводство», составило 13,4%¹. Эти данные показывают тенденцию снижения привлекательности аграрного, животноводческого направлений хозяйственно-экономической и профессиональной деятельности у населения Тувы.

Как показало наше исследование, эта тенденция, прежде всего, характерна для женщин. Женщин меньше привлекают сельскохозяйственные направления деятельности, как организация фермерского хозяйства. 46,5% опрошенных мужчин и 61% женщин отрицательно ответили на вопрос, хотели бы они заниматься фермерским хозяйством.

Мужчин, желающих заниматься традиционными видами хозяйства в условиях отсутствия любой другой работы, также мало. Например, отгонным животноводством и оленеводством хотели бы заниматься лишь 9% мужчин и 2,4% женщин, земледелием — 15,9% мужчин и 11,7% женщин. При этом 48,7% мужчин и 30,6% женщин заинтересованы в разведении сельскохозяйственных животных в личном подсобном хозяйстве (табл. 4). Такие занятия, как сбор и заготовка дикоросов, производство войлочных, шерстяных и кожаных изделий, а также выполнение работ в сфере традиционных культов как возможные направления адаптационной стратегии, из которых будут извлекать доходы, не вызывают заинтересованности у респондентов обоих полов. Также то, что входит в структуру домашнего производства и домашней неоплачиваемой работы для нужд семьи, является приемлемым для опрошенных. И в них в большей степени заинтересованы женщины по причине исторически установившегося гендерного разделения домашнего труда. Это касается огородничества, садоводства, домашних заготовок, шитья национальной одежды.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Какой вид традиционных занятий Вы бы выбрали, если бы Вы оказались безработным?», в %

Table 4. Distribution of answers to the question “What kind of traditional occupation would you choose if you were unemployed?”, in %

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
Земледелие	15,9	11,7
Разведение скота в личном подсобном хозяйстве	48,7	30,6
Огородничество и садоводство	25,4	39,8
Сбор дикоросов	7,9	10,7
Изготовление домашних консервов	7,9	13,6
Отгонное животноводство, оленеводство	9,0	2,4
Пошив национальных костюмов	8,5	17,5
Изготовление войлочных, шерстяных и кожаных изделий	9,0	8,3
Ведение деятельности в сфере традиционных культов	3,7	2,4
Другое	3,7	9,2

Таким образом, мы в Туве также наблюдаем ситуацию, описанную российскими исследователями применительно к другим регионам: малый товарный коэффициент, высокий уровень трудозатрат, прежде всего, ручного труда в условиях отсутствия крупных хозяйств агрохолдингового типа приводит к снижению актуальности для населения натурально-адаптационной модели (Нечипоренко, 2011: 89; Шмаков, Сердюкова, 2013: 97). Сельскохозяйственный труд в таких условиях не улучшает материального положения селян. В этой связи население ориентировано на ведение личных подсобных хозяйств в тех объёмах, которые нужны для удовлетворения потребностей частного домохозяйства.

¹ Рассчитано по данным: ЕМИСС. Главная страница [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58487> (дата обращения: 11.10.2023).

Мы видим снижение роли традиционных, архаических способов приспособления к изменяющимся экономическим и социальным условиям и усиливающееся стремление к «городской» занятости, дающей более высокий уровень доходов, чем сельский труд, на что указывала О. В. Нечипоренко (Нечипоренко, 2008: 109).

С этой позиции сельский труд в восприятии респондентов рассматривается как социально малоэффективная практика. И женщины Тувы более чувствительны к этим социальным сигналам.

Итак, в отличие от некоторых результатов региональных исследований адаптационных стратегий бедного населения в России, согласно которым активные стратегии более характерны для мужчин, в то время как женщинам свойственны более пассивные стратегии (Кошарная, Каримова, 2018: 31), в Туве мы наблюдаем противоположную ситуацию.

Готовность к риску

Наше исследование показало, что женщины Тувы больше склонны к рискам, нежели мужчины. Мужчины по сравнению с женщинами чуть более консервативны и демонстрируют большее неприятие рисков. В данном случае мы под готовностью к риску понимаем готовность к возможным негативным последствиям решения о смене вида и характера деятельности, места жительства. Готовность к риску мы исследовали через анализ мотивации к занятию предпринимательством, как видом деятельности, сопряжённым с рисками, и миграционных намерений, так как смена условий, среды, места жительства также связана не только с возможностями улучшения жизни, но и с рисками потерь. В вопросах респондентам мы не использовали напрямую слово «риск».

При наличии условий выбора большая часть опрошенных предпочла бы выбрать небольшой, но твёрдый заработок — такой позиции придерживались 52,3% мужчин и 47% женщин (таб. 5).

Таблица 5. Ответы на вопрос «Если бы у Вас была возможность выбора, какой из предложенных вариантов Вы бы выбрали?», в %
Table 5. The answers to the question “If you had the opportunity to choose, which of the suggested options would you choose?”, in %

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
Иметь невысокую, но стабильную оплату труда	52,3	47,5
Много трудиться и получать высокую зарплату	13,7	14,3
Иметь собственное дело	24,4	29,6
Затрудняюсь ответить	7,6	7,2
Другое	2,0	1,3

Как видно из таблицы, среди тех, кто хотел бы иметь своё дело, женщин больше (29,6%). Такой вариант ответа выбрали 24,4% опрошенных мужчин. Примерно такую ситуацию мы наблюдаем в ведомственной статистике. Среди индивидуальных предпринимателей и самозанятых в Туве количественно в незначительной степени лидируют женщины (Натсак, 2022а: 79). Практически одинаково важно для обоих полов много работать и хорошо зарабатывать (13,7% мужчин и 14,3% женщин выбрали такой ответ). Такое распределение ответов указывает на то, что для большинства мужчин и женщин важна стабильность, и они склонны к сохранению статуса-кво. Тогда как 43,9% женщин, в сравнении с 38,1% мужчин, готовы открыть собственное дело, много трудиться для повышения дохода семьи, что более соответствует потребностям современной рыночной экономики.

В позиции респондентов относительно факторов, препятствующих выбору предпринимательства как основного вида деятельности, в обеих гендерных группах позиции схожие. В первую очередь респонденты указывают на нехватку средств (50,8% мужчин и 53,2% женщин), на высокие налоги (18,5% и 17,1%) и отсутствие гарантий в правовой защите (16,9% и 17,6%).

Миграция

Характерной особенностью миграционного поведения населения Тувы в первое десятилетие постсоветского периода была этническая дифференциация: впервые как массовое явление обозначилась внутренняя миграция из села в город, и она в большей степени была характерна для коренного тувинского населения; межрегиональная миграция была свойственна представителям других этносов. Материалы Всероссийских переписей населения 2002–2020 гг. подтверждают динамику изменения национального состава населения в сторону моноэтнизации.

Однако со временем тенденция изменилась: тувинцы всё более активно начали участвовать в межрегиональных миграционных потоках (см.: Абылкаликова, Баймурзина, Баталова, 2023; Ахметова, 2022). Этому способствовал ряд факторов: образовательная миграция молодёжи, социокультурная и экономическая адаптация обучающейся молодёжи в городах России; повышение образовательного уровня населения республики и конкурентоспособности в сфере занятости, что позволило сформироваться профессиональным потокам в межрегиональной миграции; влияние ценностей космополитизма, глобального мира, стирающее значение привязанности к малой родине в жизненных стратегиях современных тувинцев; неравномерность демографического и экономического развития российских регионов. Если уровень зарплатных, статусных притязаний, а также запросов в таких базовых характеристиках качества жизни, как безопасность, образовательные перспективы детей, развитость социальной инфраструктуры, не удовлетворяются при имеющемся уровне социально-экономического развития республики, часть населения, опираясь на свои адаптивные ресурсы в виде молодого трудоспособного возраста, удовлетворительного состояния здоровья, высокого уровня образования, опыта жизни в иноэтнической, иноязычной среде, а также материальные ресурсы, принимает решение о выезде в другие российские регионы.

Чем больше индивид понимает существующий разрыв между его желанием выживания, социально-профессиональной самореализации, улучшения своих статусных позиций, материального положения и реальными возможностями для их достижения в конкретном населённом пункте, районе, республике, тем вероятнее он будет принимать решение о смене социальной среды — переезде.

Рост требовательности к социально-экономической среде проживания, возможностям реализации профессионального, личностного потенциала современных людей способствует усилению миграции, особенно среди молодёжи. Российские исследователи Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева с учётом возрастно-половой структуры населения Тувы посчитали, что доля молодёжи в республике, претендующей на обучение в образовательных организациях профессионального образования, в ближайшие 10 лет будет только расти. Ограниченное количество бюджетных мест в вузе в регионе, высокая стоимость обучения будет способствовать росту образовательной миграции среди тувинской молодёжи (Ростовская, Васильева, 2023: 207). По данным, приведённым в работе К. А. Чернышева, Е. В. Митягиной и др., именно на молодёжь приходится 46% всех типов миграционных перемещений населения Тувы (Чернышев и др., 2023: 72).

Следует отметить, что помимо образовательной миграции молодёжи, трудовой миграции специалистов потенциал межрегиональной миграции, связанной с выполнением низкоквалифицированного труда, также высок, чему способствует постпандемийная конъюнктура на рынке труда в России, связанная с ощутимым недостатком рабочей силы, которую не обеспечивает текущий уровень трудовой миграции из постсоветских республик Центральной Азии.

Наше исследование показало, что в потенциальной миграционной подвижности населения республики этническая принадлежность теряет определяющее значение. Этот вывод можно сделать на примере ответов на вопрос о том, на что готовы респонденты для улучшения материального положения. Одним из вариантов ответов был переезд на новое место жительства, который выбрали 14,3% русских и 13,6% тувинцев (табл. 6). Разница по частоте ответов между русскими и тувинцами составила 0,7%.

На вопрос «Хотели бы Вы изменить место жительства?» утвердительно ответили 42,9% русских и 40,9% тувинских респондентов (табл. 7). Мы видим, что в этом вопросе разрыв в положительных ответах русских и тувинцев составил 2%.

Эти данные показывают, что уровень потенциального миграционного движения имеет очень близкие значения как среди русских, так и тувинцев. В этом мы усматриваем доминирование общих социальных и экономических мотивов в миграционных планах, нежели этнических.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Если Ваше материальное положение Вас не устраивает, на что Вы готовы, чтобы его улучшить?», в %
 Table 6. Distribution of answers to the question “If your financial situation does not suit you, what are you ready to do to improve it?”, in %

Варианты ответов	Русские (мужчины и женщины)	Тувинцы (мужчины и женщины)
Заняться чем-то новым для дополнительного заработка	42,9	46,4
Пойти учиться для получения востребованной профессии	28,6	21,8
Пройти переобучение для актуализации профессиональных знаний;	14,3	16,4
Переехать на новое место жительства	14,3	13,6
Другое	0,0	0,0

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы изменить место жительства?», в %
 Table 7. Distribution of answers to the question “Would you like to change your place of residence?”, in %

Варианты ответов	Русские (мужчины и женщины)	Тувинцы (мужчины и женщины)
Да	42,9	40,9
Нет	42,9	39,1
Другое	14,3	19,1

Место жительства хотели бы сменить 42,5% опрошенных мужчин и 40,4% женщин. Миграционный выезд за пределы Республики Тыва для представителей обоих полов является более привлекательным, чем перемещение между другими районами, населёнными пунктами или переезд в столицу республики.

Однако женщины в большей степени, чем мужчины, заинтересованы в межрегиональной миграции. Так, 81,3% женщин и 62,5% мужчин из тех, кто готов к миграции, рассматривают выезд в другие российские регионы. Города республики в меньшей степени привлекают женщин, чем мужчин (табл. 8).

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Если да, то куда бы желали переехать?», в %
 Table 8. Distribution of answers to the question “If so, where would you like to move to?”, in %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
В другой город Республики Тыва	31,3	18,7
В сельскую местность Республики Тыва	6,3	0,0
За пределы республики	62,5	81,3

Особенность миграционных намерений женщин заключается в направлении исключительно в города, переезд в сельскую местность республики женщины и вовсе не рассматривают.

На тенденцию феминизации межрегиональных миграционных потоков из Тувы указывали Н. В. Бадмаева и О. Д. Натсак по итогам своего исследования 2021 г. (Бадмаева, Натсак, 2021: 202). Указанное явление подтверждается также данными официальной статистики. В 2021 г. по гендерному составу выбывающего мигрирующего контингента по всем типам лидировали женщины: всего выбыло 7003 женщины и 5101 мужчина. 77,4% женщин и 77,2% мужчин находились в трудоспособном возрасте. В другие регионы из Тувы выехало 3224 женщины и 2484 мужчин, выбыло в рамках республики 3719 женщин и 2460 мужчин¹.

В структуре причин, по которым респонденты планируют межрегиональную миграцию и выехать из Тувы, женщины чаще, чем мужчины, указывали работу — 17,5% и 9,8% соответственно (табл. 8).

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Если Вы намерены переехать за пределы Республики Тыва, то не могли бы Вы указать причину Вашего переезда?», в %
Table 9. Distribution of answers to the question “If you intend to move outside the Republic of Tuva, could you indicate the reason for your move?”, in %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Переезжаю из-за смены места работы	9,8	17,5
Переезжаю по семейным обстоятельствам	1,6	10,5
Из-за неустroенности быта	9,8	7,0
Из-за обострения межнациональных отношений	0,0	1,8
Желание жить на исторической родине	1,6	1,8
Из-за неудовлетворительной экологической обстановки	6,6	5,3
Другое	4,9	5,3

В целом трудовой фактор по весу находится на первом месте в структуре причин для обоих полов. Для женщин на втором месте — семейные обстоятельства и на третьем — неустroенность быта в текущем месте проживания. Для мужчин наряду с работой одинаковое ранговое место занимает неустroенность быта, на втором месте — неудовлетворительная экологическая обстановка.

Заклучение

В рассмотренных адаптационных стратегиях (стратегии экономии, поиска способов улучшения материального положения, возврата к натуральному хозяйству, миграции, отношения к традиционным видам занятости) населения Тувы выявляются гендерные различия. При преобладании пассивных стратегий женщины Тувы более социально активны по сравнению с мужчинами и демонстрируют готовность к получению дополнительного образования и к смене профессии, менее склонны отказываться от продолжения образования.

По итогам предпринятого исследования авторы отмечают, что в поисках работы женщины больше, чем мужчины, ориентированы на работу по специальности. Для них работа не только способ

¹ ЕМИСС. Главная страница [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58487> (дата обращения: 11.10.2023).

обеспечения семьи, источник дохода, но и возможность реализации своего потенциала, для них важны эмоциональные аспекты работы в хорошем коллективе с интересными людьми.

С темпоральной точки зрения использование пассивной практики экономии в течение продолжительного времени приводит к хроническим депривациям, отрицательно влияет на эмоциональную сферу — социальное самочувствие, степень оптимизма и удовлетворённость жизнью. Эти сферы также составляют часть адаптивных ресурсов индивидов, с этой точки зрения их ухудшение означает уменьшение ресурсов, достаточных для положительных изменений. Также низкие доходы населения, необходимость жить в режиме жесткой экономии детерминируют высокую степень фрустрации, раздражения, тревоги, растерянности в особенности среди женщин.

Для женщин более характерна склонность к рыночным видам деятельности, связанным с риском, чем для мужчин. Женщины Тувы более ориентированы на инновационные виды деятельности, они в меньшей степени заинтересованы в традиционных видах хозяйственной деятельности тувинцев как в профессиональном виде деятельности, так и адаптивной стратегии, показывают большую склонность к предпринимательству по сравнению с мужчинами.

Анализ миграционных намерений респондентов показал, что женщины ориентированы больше на межрегиональное направление миграции, нежели на внутрирегиональное. Триггерами миграционных настроений женщин становится устройство на более высокооплачиваемую работу, должность, стремление к получению детьми более высокого уровня образования, воссоединению с родственниками. В способах улучшения текущего материального положения гендерные различия заметны в большей склонности женщин к рыночным типам поведения: готовности открыть свой бизнес, связанный с инновационными сферами занятости, много работать для получения высокого дохода.

То есть можно констатировать, что для женщин Тувы характерны более высокая, чем у мужчин, склонность к рыночным формам деятельности, инновациям, повышенные миграционные настроения, более высокая активность при выборе адаптационных стратегий, которая сдерживается низким уровнем доходов населения, что детерминирует «зеркальность» гендерной активности населения Тувы с низкими доходами в сравнении с бедными жителями других регионов страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Анайбан, З. В. (2005) Женщины Тувы и Хакассии в период российских реформ. М. : Институт востоковедения РАН. 243 с.

Анайбан, З. В. (2019) Социальная адаптация мужчин и женщин в период активизации современных миграционных процессов (на примере Тувы) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН : в 2 ч. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, И. О. Дементьев, М. Г. Шендерюк. Калининград : Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. Ч. 1. 535 с. С. 225–228.

Анайбан, З. В., Тюхтенева, С. П. (2008) Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период) / под ред. Н. М. Горбуновой. М. : Институт востоковедения РАН. 217 с.

Анисимова, Т. Г. (2023) Структурные особенности социального самочувствия населения Тувы: гендерный аспект // Гуманитарий Юга России. Т. 12. № 3 (61). С. 13–21.

Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Балакина, Г. Ф. (2022) Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Балакина, Г. Ф. (2023) Адаптационные стратегии населения Республики Тыва: проблемное поле исследования и мнения экспертов // Новые исследования Тувы. № 3. С. 193–206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / отв. ред. З. И. Калугина. Новосибирск : Наука. 140 с.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2016) Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. № 10 (390). С. 85–92.

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Козырева, П. М., Смирнов, А. И. (2016) Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф. Вып. 14. 496 с. С. 133–171.

Корель, Л. В. (2005) Социология адаптаций = Sociology of adaptations : вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука. 415 с.

Кошарная, Г. Б., Каримова, Л. Ф. (2018) Адаптационные стратегии бедного населения в регионе (гендерный аспект) // Социально-экономические явления и процессы. Т. 13. № 103. С. 27–32.

Мозговая, А. В. (2023) Адаптация женщин к социальным изменениям : ресурсный потенциал // Женщина в российском обществе. № 2. С. 47–59. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.4>

Натсак, О. Д. (2021a) Гендерные и демографические особенности рынка труда Республики Тыва: тенденции и перспективы // Народонаселение. Т. 24. № 2. С. 120–130. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.11>

Натсак, О. Д. (2021b) Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 2. С. 120–143. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

Натсак, О. Д. (2022a) Женское предпринимательство в условиях трансформации социальной структуры современного тувинского общества // Вестник Института социологии. Т. 13. № 4. С. 68–93. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.850>

Натсак, О. Д. (2022b) Распределение гендерной власти в современной тувинской семье // Теория и практика общественного развития. №2 (168). С. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>

Натсак, О. Д. (2023) Неполные семьи и монородительские практики женщин в современном тувинском обществе. Абакан : Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова. 240 с.

Нечипоренко, О. В. (2008) Адаптационные стратегии сельских локальных сообществ: новые аспекты типологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 6. № 2. С. 108–114.

Нечипоренко, О. В. (2011) Эволюция адаптационных стратегий сельского социума в процессе аграрного реформирования // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 9. Вып. 1. С. 85–91.

Попова, И. П., Седова, Н. Н. (2004) Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования. № 2(238). С. 31–42.

Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н. (2023) Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект // Новые исследования Тувы. No 3. С. 207–219. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13>

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодёжи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Шмаков, В. С., Сердюкова, Ю. С. (2013) Особенности применения технологий многомерного анализа в исследовании адаптационных реакций сельского социума // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 11. № 4. С. 93–100.

Buratti, A., Cesaroni, F. M., Sentuti, A. (2018) Does gender matter in strategies adopted to face the economic crisis? A comparison between men and women entrepreneurs // Entrepreneurship. Development tendencies and empirical approach. Ed. by L. Mura. Intech. 472 p. P. 393–412. DOI: <https://doi.org/10.5772/intechopen.70292>

Dwyer, P. D., Gilkeson, J. H., List, J. A. (2002) Gender differences in revealed risk taking: evidence from mutual fund investors // Economic letters. № 76. P. 151–158.

Powell, M., Ansic, D. (1997) Gender differences in risk behavior in financial decision-making: an experimental analysis // *Journal of Economic Psychology*. № 18. P. 605–628.

Rad, A., Yazdanfar, D., Öhman, P. (2014) Female and Male risk aversion: An empirical study of loan officers' assessment of SME loan applications // *International Journal of Gender and Entrepreneurship*. № 6 (2). P. 121–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/IJGE-02-2013-0012>

Дата поступления: 30.11.2023 г.

Дата принятия: 26.01.2024 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I., Baimurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Migration of the population in Tuva according to the All-Russian Census of 2020. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Anaiban, Z. V. (2005) *Women of Tuva and Khakassia during the period of Russian reforms*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN. 243 p. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2019) Social adaptation of men and women during the period of activation of modern migration processes (on the example of Tuva). In: *Women and men in the migration processes of the past and present*. Materials of the XII International Scientific Conference of the Russian Association of Women's History Researchers of the N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences: in 2 parts / ed. by N. L. Pushkareva, I. O. Dement'ev and M. G. Shenderiuk. Kaliningrad, Baltiiskii federal'nyi universitet im. Immanuila Kanta. Part 1. 535 p. Pp. 225–228. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. and Tiukhteneva, S. P. (2008) *Ethnocultural adaptation of the population of Southern Siberia (modern period)*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN. 217 p. (In Russ.).

Anisimova, T. G. (2023) Structural features of the social well-being of the population of Tuva: gender aspect. *Humanities of the South of Russia*, vol. 12, no. 3 (61), pp. 13–21. (In Russ.).

Akhmetova, G. F. (2022) Migration processes in national republics with different levels of human development: the cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Balakina, G. F. (2022) Risks in human development in ethnic communities of the Republic of Tuva (1999–2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 20–33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Balakina, G. F. (2023) Adaptation strategies of the population of the Republic of Tuva: The problematic field of research and expert opinions. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 193–206. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Modern Tuva: socio-cultural and ethnic processes*. Novosibirsk, Nauka. 140 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (2016) Features of ethno-regional migration in Tuva. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10 (390), pp. 85–92. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Ethnoregional models of adaptation to the labor market in Tuva*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.).

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Kozyreva, P. M. and Smirnov, A. I. (2016) Features and trends of adaptation of Russians to changing conditions in the post-Soviet period. In: *Reforming Russia: Yearbook [collection of scientific articles]* / ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novyi khronograf. Issue 14. 496 p. Pp. 133–171. (In Russ.).

Korel', L. V. (2005) *Sociology of adaptations: questions of theory and methodology*. Novosibirsk, Nauka. 415 p. (In Russ.).

Kosharnaia, G. B. and Karimova, L. F. (2018) The adaptation strategy of the poor population in the region (gender aspect). *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy*, vol. 13, no. 103, pp. 27–32. (In Russ.).

Mozgovaia, A. V. (2023) Women's adaptation to social changes: resource potential. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 47–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.4>

Natsak, O. D. (2021a) Gender and demographic features of the labor market of the Republic of Tuva: trends and prospects. *Population*, vol. 24, no. 2, pp. 120–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.11>

Natsak, O. D. (2021b) Gender asymmetries of modern Tuvan family revisited. *Biulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 2, pp. 120–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

- Natsak, O. D. (2022a) Women's Entrepreneurship in the Republic of Tuva: Motives, Barriers and Opportunities. *Vestnik instituta sotziologii*, vol. 13, no. 4, pp. 68–93. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.850>
- Natsak, O. D. (2022b) The distribution of gender-based authority in the modern Tuvan family. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 2 (168), pp. 28–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>
- Natsak, O. D. (2023) *Single-parent families and single-parent practices of women in modern Tuvan society*. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo im. V. M. Torosova. 240 p. (In Russ.).
- Nechiporenko, O. V. (2008) Adaptation strategies of rural local communities: new aspects of typology. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filosofii*, vol. 6, no. 2, pp. 108–114. (In Russ.).
- Nechiporenko, O. V. (2011) The evolution of adaptation strategies of rural society in the process of agrarian reform. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filosofii*, vol. 9, issue 1, pp. 85–91. (In Russ.).
- Popova, I. P. and Sedova, N. N. (2004) Additional employment in successful adaptation strategies of the population. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2(238), pp. 31–42. (In Russ.).
- Rostovskaia, T. K. and Vasil'eva, E. N. (2023) Challenges of educational migration of Tuvan youth: Demographic aspect. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 207–219. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13>
- Chernyshev, K. A., Mitiagina, E. V., Chernysheva, N. V. and Petrov, E. Yu. (2023) Incidence and directions of educational migration of Tuvan youth. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>
- Shmakov, V. S. and Serdiukova, Yu. S. (2013) Features of the use of multidimensional analysis technologies in the study of adaptive reactions of rural society. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filosofii*, vol. 11, no. 4, pp. 93–100. (In Russ.).
- Buratti, A., Cesaroni, F. M. and Sentuti, A. (2018) Does gender matter in strategies adopted to face the economic crisis? A comparison between men and women entrepreneurs. In: *Entrepreneurship. Development tendencies and empirical approach*. Ed. by L. Mura. Intech. 472 p. P. 393–412. DOI: <https://doi.org/10.5772/intechopen.70292>
- Dwyer, P. D., Gilkeson, J. H. and List, J. A. (2002) Gender differences in revealed risk taking: evidence from mutual fund investors. *Economic letters*, no. 76, pp. 151–158.
- Powell, M. and Ansic, D. (1997) Gender differences in risk behavior in financial decision-making: an experimental analysis. *Journal of Economic Psychology*, no. 18, pp. 605–628.
- Rad, A., Yazdanfar, D. and Öhman, P. (2014) Female and Male risk aversion: An empirical study of loan officers' assessment of SME loan applications. *International Journal of Gender and Entrepreneurship*, no. 6 (2), pp. 121–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/IJGE-02-2013-0012>

Submission date: 30.11.2023.

Acceptance date: 26.01.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.12

Статья

Трансформация транспортной доступности и развитие туризма в Тоджинском кожууне Республики Тыва

Мария В. Куклина

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация,

Наталья Е. Красноштанова

Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы, Российская Федерация,

Денис А. Дирин

Тюменский государственный университет, Российская Федерация,

Виктор Н. Богданов

Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы, Российская Федерация,

Андрей И. Труфанов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация

В статье выявляются закономерности социальных процессов во взаимосвязях и взаимовлиянии развития туризма, транспортной инфраструктуры и местного сообщества в Тоджинском кожууне Республики Тыва. Интерес к данной территории обусловлен значительными переменами в ней, связанными с введением в эксплуатацию дороги Кызыл — Тоора-Хем (2009 г.) и недавним (2022 г.) открытием моста, связавшим берега Большого Енисея.

Также в ходе обследования зафиксировано отношение социума к происходящим изменениям в рассматриваемой сфере. Актуальная проблема заключается в том, что в реализации территориальных и отраслевых планов развития, часто возникают противоречия между участниками, вовлеченными в этот процесс. Возможные расхождения обусловлены разнонаправленными интересами (индивидуальными и групповыми) множественных представителей различных сторон. Характерные противоречия проявляются в отношениях коренного населения к развитию туризма.

Авторы выделили ряд групп населения с разноплановыми интересами, демонстрирующих различное отношение к освещаемой проблеме: представители администрации — как с оптимизмом и перспективой экономического развития, так и с проведением дополнительной профилактической работы; представители учреждений бюджетной сферы и пенсионеры — с осторожностью, но пониманием большей доступности к медицинским и образовательным услугам; представители организаций, прямо или косвенно связанных с обслуживанием туристов — с возможностью получения дополнительного дохода; представители организаций, не связанных с туризмом — нейтрально без конкуренции населения; не связанных с туризмом — двоякое, противоречивое, с пониманием как плюсов в развитии транспортного сообщения и минусов от воздействия на культурную и природную среду.

Ключевые слова: удаленная территория; коренные малочисленные народы Сибири; туризм; транспортная удаленность; транспортная доступность; Тоджинский кожуун; Тыва

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РСМТ в рамках научного проекта № 20–57–44002; теоретико-методические аспекты взаимовлияния транспорта, туризма и местных сообществ исследованы в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 23–27–00429).

Для цитирования:

Куклина М. В., Красноштанова Н. Е., Дирин Д. А., Богданов В. Н., Труфанов А. И. Трансформация транспортной доступности и развитие туризма в Тоджинском кожууне Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 193–208. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.12>

Куклина Мария Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры автоматизации и управления Иркутского национального исследовательского технического университета. Адрес: 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83, каб. И-222. Эл. адрес: kuklina-kmv@yandex.ru

Красноштанова Наталья Евгеньевна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории теоретической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. Адрес: 664033, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, д. 1, каб. 418. Эл. адрес: knesun@mail.ru

Дирин Денис Александрович — кандидат географических наук, доцент, директор Школы исследования окружающей среды и общества Тюменского государственного университета. Адрес: 625003, Россия, г. Тюмень ул. Володарского, 6. Эл. адрес: d.a.dirin@utmn.ru

Богданов Виктор Николаевич — кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории картографии, геоинформатики и дистанционных методов Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. Адрес: 664033 Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, д. 1, каб. 439. Эл. Адрес: victvss@gmail.com

Труфанов Андрей Иванович — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент института информационных технологий и анализа данных Иркутского национального исследовательского технического университета. Адрес: 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83, каб. В-210А. Эл.адрес: troufan@gmail.com

Article

Transformation of transport accessibility and tourism development in Todzhinsky kozhuun of the Republic of Tuva

Maria V. Kuklina*Irkutsk National Research Technical University, Russian Federation,***Natalia E. Krasnoshtanova***V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Russian Federation,***Denis A. Dirin***Tyumen State University, Russian Federation,***Victor N. Bogdanov***V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Russian Federation,***Andrey I. Trufanov***Irkutsk National Research Technical University, Russian Federation*

The article reveals the patterns of social processes in the interactions and mutual influence influences between the development of tourism, transport infrastructure and the local community in the Todzhinsky kozhuun of the Republic of Tuva. Interest in this territory is due to significant changes associated with completion of the Kyzyl — Toora-Khem Road in 2009 and the recent opening of the bridge connecting the banks of the Great Yenisei in 2022. Various details of the study were established using a set of sociological and statistical methods.

Also, during the study, the attitude of society to the ongoing changes in the field under consideration was recorded. The actual problem lies in the fact that contradictions often arise between the participants involved in the process of implementation of territorial and sectoral development plans. Possible disagreement is conditioned by multidirectional interests (individual and group) of multiple representatives of different parties. Characteristic contradictions are manifested in the attitude of the indigenous population of remote territories to the development of tourism.

The authors identified a number of populations with diverse interests with diverse interests, demonstrating different attitudes to the problem being covered: representatives of the administration — both with optimism and the prospect of economic development, and with additional preventive work; representatives of public sector institutions and pensioners — with caution, but understanding greater accessibility to medical and educational services; representatives of organizations directly or indirectly related to the service of tourists — with the possibility of obtaining additional income; representatives of organizations not related to tourism — the population is neutral without competition; those not related to tourism are twofold, contradictory, with an understanding of both the advantages in the development of transport links and the disadvantages of the impact on the cultural and natural environment.

Keywords: remote territory; indigenous peoples of Siberia; tourism; transport remoteness; transport accessibility; Todzhinsky kozhuun; Tuva

Financing

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the scientific project No. 20-57-44002. Theoretical and methodological aspects of the mutual influence of transport, tourism and local communities were investigated within the framework of the project of the Russian Science Foundation (project No. 23-27-00429).

For citation:

Kuklina M. V., Krasnoshtanova N. E., Dirin D. A., Bogdanov N. V. and Trufanov A. I. Transformation of transport accessibility and tourism development in Todzhinsky kozhuun of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 193-208. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.12>

KUKLINA, Maria Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Automation and Control, Irkutsk National Research Technical University. Postal address: office I-222, 83 Lermontov St., 664074, Irkutsk, Russia. E-mail: kuklina-kmv@yandex.ru [ORCID ID: 0000-0002-9571-2144](https://orcid.org/0000-0002-9571-2144)

KRASNOSHTANOVA, Natalia Evgenievna, Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Theoretical Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS. Postal address: room 418, 1, Ulan Batarskaya St., 664033, Irkutsk, Russia. E-mail: knesun@mail.ru [ORCID ID: 0000-0001-7643-6693](https://orcid.org/0000-0001-7643-6693)

DIRIN, Denis Alexandrovich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Director, School of Environmental and Society Research, Tyumen State University. Postal address: 6 Volodarsky St., 625003, Tyumen, Russia. Email: d.a.dirin@utmn.ru [ORCID ID: 0000-0001-5876-6218](https://orcid.org/0000-0001-5876-6218)

BOGDANOV, Viktor Nikolaevich, Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Cartography, Geoinformatics and Remote Methods, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS. Postal address: room 418, 1, Ulan Batarskaya St., 664033, Irkutsk, Russia. E-mail: victvss@gmail.com [ORCID ID: 0000-0002-5479-3187](https://orcid.org/0000-0002-5479-3187)

TRUFANOV, Andrey Ivanovich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Institute of Information Technology and Data Analysis, Irkutsk National Research Technical University. Postal address: office B-210A, 83 Lermontov St., 664074, Irkutsk, Russia. E-mail: trufan@gmail.com [ORCID ID: 0000-0002-6967-3495](https://orcid.org/0000-0002-6967-3495)

Введение

В проблеме устойчивого существования и развития сложных социально-экономических и экологических комплексов на удаленных и труднодоступных территориях ключевой, в научном и практическом смысле, присутствует транспортная компонента. Транспортная сеть способствует социально-экономическому развитию и повышению качества жизни за счет организации эффективных людских и материальных потоков (Берман, 2020).

Высокая мобильность коренных народов Сибири отмечается давно, транспортные пути даже в самых труднодоступных и слабоосвоенных районах в том или ином виде присутствовали всегда. При этом проблемы транспортной доступности в кочевых культурах понимаются иначе, чем в оседлых (Konstantinov, 2009). Здесь доступность не является проблемой. Например, на Ямале факт отъема земли у оленеводов добывающими компаниями не является главным предметом обсуждения (Forbes et al., 2009). Оленеводы больше обеспокоены сложностями миграции оленей, связанными с деятельностью этих компаний. Сегодня, с распространением глобальных транспортных связей, право человека на передвижение считается одним из основных прав (Cresswell, 2006).

В эпоху социализма среди кочевых народов СССР пропагандировался и продвигался оседлый образ жизни (Рагулина, 2014). Новые экономические связи, трансформация связей культурных, техническое и технологическое освоение новых коллективных и индивидуальных транспортных средств не могли не сказаться на степени мобильности местного населения (Казначеев, 2012). При этом, коренное население удаленных и труднодоступных местностей, по большей части, оставалось задействовано в традиционных формах хозяйствования, приспосабливаясь и развиваясь в рамках социалистической экономики.

Самым серьезным образом взгляд коренных жителей на мобильность, связанную с передвижением между поселениями, изменился в связи с мощнейшим развитием авиатранспортных маршрутов на громадных просторах Сибири. С изменением предшествующего политического и экономического уклада в постсоветской России трансформация и реструктуризация транспортной системы затронула, в первую очередь, сферу авиационного транспорта, обслуживающую удаленные труднодоступные районы. Значительные сокращения субсидий привели к тому, что многие отдаленные территории оказались изолированными как друг от друга, так и от ключевых транспортных узлов («Большой земли»), где проживает основное население административного субъекта. Было время, когда межпоселенческая мобильность осуществлялась крайне редкими (до одного раза в месяц) авиарейсами, альтернативой которым были автомобильные пробеги по труднопреодолимому бездорожью или малопроездимым грунтовыми дорогам.

Труднодоступность является следствием недостаточной освоенности несмотря на то, что именно такие территории потенциально богаты полезными ископаемыми. Традиционно подобные районы или их участки привлекательны для ресурсодобывающих отраслей, для которых, как правило, малонаселенность и отсутствие какой-либо инфраструктуры не является значительным препятствующим фактором к промышленному освоению. И, как следствие, разрабатываются общие программы и продвигаются частные проекты по добыче и переработке природных богатств, многообещающие для осваивающих компаний, но неоднозначно воспринимаемые местным населением. Отношение представителей местного сообщества к таким проектам освоения территории может различаться от крайне позитивного (как сулящим экономический рост и улучшение условий жизни) до полного отторжения (с очевидностью, наносящим ущерб природе и трансформирующим традиционный образ жизни).

Тоджинский кожуун (район) Республики Тыва Российской Федерации представляет собой характерный пример ресурсодобывающей модели освоения труднодоступной территории. Развивая дорожно-транспортную инфраструктуру, повышая степень доступности территории, горнодобывающая промышленность создает благоприятные условия для проникновения и других отраслей экономики, в том числе туризма.

При этом бессистемное и непродуманное туристское освоение ранее труднодоступных районов наряду с общим развитием транспортной сети без глубокого понимания культурных, социальных и природных ценностей, присущих территории, провоцирует столкновение и конфликт интересов участвующих сторон и влечет угрозы традициям и устоям коренного населения. Поэтому на первый план выходит выявление и анализ сложной взаимозависимости разных групп местного населения.

Целью настоящего исследования является выявление закономерностей социальных процессов во взаимосвязях и взаимовлиянии развития туризма, транспортной инфраструктуры и местного сообщества в Тоджинском кожууне Республики Тыва. Авторы попытались выявить объективные изменения степени транспортной доступности, связанные со строительством моста через реку Бий-Хем и их социально-экономические последствия; а также изучить мнения, оценки и представления местных жителей по широкому кругу вопросов транспортной доступности.

В ходе нашего исследования были собраны отзывы и мнения ряда групп заинтересованных сторон, гипотетически имеющих разные интересы и установки относительно результатов развития транспорта и туризма на изучаемой территории, среди которых: представители администрации; представители учреждений бюджетной сферы (медицины, образования, культуры) и пенсионеры; представители организаций, прямо или косвенно связанные с обслуживанием туристов (владельцы и сотрудники гостиницы, кафе и магазинов, водители маршруток и такси, сотрудники заповедника, оленеводы); представители организаций, не связанных с туризмом, в том числе, тех, чья деятельность потенциально вступает в противоречие с туристским развитием территории (в первую очередь, горнодобывающих). При постановке задачи планирования устойчивого развития территории требуется глубокое понимание спектра связей всех возможных участников социального взаимодействия.

Хронологически исследование охватывает 2021–2023 гг. Сбор полевых материалов осуществлялся во время летних экспедиций в 2021 и 2022 гг. Обработка и обобщение собранных данных производилась в 2022–2023 гг.

Материалы и методы

Использованные методы исследования включают глубинные и групповые интервью с местными жителями, невключенное наблюдение, экспертные интервью, анализ статистических данных, муниципальных отчетов и архивных материалов. Полевые исследования проводились в августе 2021 и июле 2022 гг. в Тоджинском кожууне. Респонденты были набраны методом «снежного кома». Интервью проводилось на русском языке. Продолжительность интервью составляла от двадцати пяти до девяноста минут. Общее количество интервью — 30.

В качестве респондентов выступали представители администрации, образовательной сферы, медицины, культуры, туристской сферы, предприниматели, водители маршрутного транспорта и др. Профессиональная принадлежность респондентов представлена в *таблице 1*. Возрастные категории респондентов варьировались от 18 до 75 лет. Среди опрошенных 60% (18 человек) составили тувинцы-тоджинцы, 30% (9 человек) — «приезжие»¹ тувинцы, 10% (3 человека) — русские.

Таблица 1. Профессиональная принадлежность респондентов
Table 1. Professional affiliation of the respondents

	Сфера деятельности	Количество респондентов	
		Чел.	%
1	Администрация	8	27
2	Представители организаций бюджетной сферы (медицины, образования, культуры) и пенсионеры	9	30
3	Представители организаций прямо или косвенно связанные с обслуживанием туристов (владельцы и сотрудники гостиницы, кафе и магазинов, водители маршруток и такси, сотрудники заповедника, оленеводы)	9	30
4	Представители организаций, не связанных с туризмом (лесохозяйственная, горнодобывающая промышленность)	4	13

¹ К «приезжим» в Тоджинском кожууне относят тувинцев, приехавших из других районов Республики Тыва. Из наших респондентов, относящихся к числу «приезжих», 7 человек — работники администрации с. Тоора-Хем, административного центра Тоджинского кожууна, 1 респондент работает в сфере медицины, ещё 1 — в сфере культуры.

Интервью включало 4 основных тематических блока вопросов: транспортная доступность территории; экологические условия; развитие туризма; деятельность добывающих компаний.

Территория исследования

Тоджинский кожуун (Тоджа) занимает всю северо-восточную часть Республики Тыва и граничит с Каа-Хемским, Кызылским и Пий-Хемскими кожуунами республики, Иркутской областью, Бурятией и Красноярским краем (рис. 1). Его площадь составляет 44,8 тыс. км². С севера Тоджа ограничена Восточным Саяном, с юга — хребтом Академика Обручева, и Западным Саяном — с запада. Центральная часть представлена обширной Тоджинской котловиной, основными реками которой являются Большой Енисей, Азас, Хамсара. На дне котловины расположены достаточно крупные и живописные озера — Нойон-Холь и Тоджа (Азас).

Рис. 1. Тоджинский кожуун Республики Тыва. Составитель В. Н. Богданов.
 Fig. 1. Tostzhinsky kozhuun of the Republic of Tuva. Compiled by V. N. Bogdanov.

Это один из самых малонаселенных районов не только Республики Тыва, но и России. Здесь проживает 6667 чел.¹ Таким образом, средняя плотность населения составляет 0,15 чел./км².

Муниципально-территориальное устройство Тоджинского кожууна включает 6 сумонов (сельских поселений). Население района проживает в 7 сёлах (табл. 2).

¹ Численность городского и сельского населения по полу по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 1. Численность и размещение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 28.01.2023).

Таблица 2. Муниципально-территориальное устройство и населенные пункты Тоджинского кожууна Республики Тыва, по данным переписи 2020 г.¹
Table 2. Administrative-territorial structure and settlements of the Todzhinsky kozhuun of the Republic of Tuva, according to the 2020 census.

№	Сумон (сельское поселение)	Площадь, км ²	Населённый пункт (село)	Численность населения, чел.	Доля от численности населения района, в %
1	Азасский	27,21	с. Адыр-Кежиг	1289	19,4
2	Ийский	34,61	с. Ий	1122	16,8
3	Сыстыг-Хемский	13,31	с. Сыстыг-Хем	84	1,2
4	Тоора-Хемский	24,56	с. Тоора-Хем	3264	48,9
			с. Салдам	576	8,6
5	Чазыларский	1,52	с. Чазылары (Хамсара, Хам-Сыра)	104	1,6
6	Ырбан	8,68	с. Ырбан	228	3,5

Административный центр — с. Тоора-Хем — расположен в Тоджинской котловине, на реке Бий-Хем (Большой Енисей), при впадении в него реки Тоора-Хем. В селе Тоора-Хем с численностью населения 3264 чел. проживает 48,9% всего населения кожууна. Расстояние от с. Тоора-Хем до Кызыла наземным путём составляет 230 км, водным — 285 км, воздушным — 170 км.

Автомобильный участок Бояровка — Тоора-Хем представляет собой транспортную артерию, классифицируемую как дорога общего пользования регионального и межмуниципального значения. Она включает в себя участки автомобильной дороги с учетным номером 93Н-35 протяженностью 23 км и участки автозимника с учетным номером 93Н-34 общей протяженностью 147 км. Ее строительство было завершено в 2009 г. Круглогодичное содержание этого отрезка дороги взяла на себя китайская компания ООО «Лунсин»¹. Во времена СССР для перевозки пассажиров на многих региональных маршрутах широко привлекалась малая авиация. В настоящее время воздушное сообщение Кызыл — Тоора-Хем осуществляется авиапредприятием ООО «АвиаГео». Транспортным обслуживанием населения кожууна занимаются частные перевозчики. Межрайонными транспортными сообщениями организовано сообщение по маршруту Кызыл — Тоора-Хем — Кызыл на автомобилях высокой проходимости марки «УАЗ», «УРАЛ». Сёла Ий, Адыр-Кежиг и Салдам связаны с районным центром — с. Тоора-Хем также грунтовыми дорогами. До остальных сёл сейчас можно добраться только на лошадях и/или речным транспортом². Протяженность автомобильной трассы от Тоора-Хема до ближайшей железнодорожной станции г. Абакана составляет 630 км (Дабиев, Дабиева, 2015).

В этническом отношении в населении района преобладают тувинцы-тоджинцы (44,7%), которые считаются субэтнической подгруппой тувинцев (Монгуш, 2010: 8–9; Ламажаа, 2017). Также значительную часть населения район составляют собственно тувинцы (33,6%) и русские (19,8%)³. Тувинцы-тоджинцы составляют абсолютное большинство населения в четырех сёлах: Адыр-Кежиг, Ий, Хам-Сыра и Сыстыг-Хем. В сёлах Тоора-Хем и Салдам (которые фактически слились территориально) помимо тоджинцев живут также тувинцы и русские. Село Ырбан — преимущественно русское.

¹ Ензак Л. ГОК «Лунсин» работает на Туву [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2015, 2 июля. URL: <https://tuvaprvda.ru/arkhiv/gok-lunsin-rabotaet-na-tuvu/> (дата обращения: 20.06.2023).

² Туристический паспорт муниципального образования «Тоджинский кожуун Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Администрация Толжинского кожууна: официальный сайт. URL: http://todzhinsky.ru/page.php?corulenco=omsu&id_omsu=17/ (дата обращения 10.11.2022).

³ Численность городского и сельского населения по полу по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 1. Численность и размещение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 28.01.2023).

Система хозяйственной деятельности тувинцев-тоджинцев включала в себя: круглогодичный охотничий промысел, а также кочевое горно-таёжное оленеводство с круглогодичными «вертикальными» перекочевками (Вайнштейн, 1961). Оленеводство было вьючно-верховое, с доением, при необходимости с забоем домашних оленей на мясо (Даваа, 2017). Здесь расположен самый южный ареал разведения северного оленя в мире. Изолированность от крупных центров расселения обеспечила высокую степень сохранности уникальных традиционных культурных ландшафтов (Dirin, Fryer, 2020). На территории Тоджинского кожууна зарегистрированы 14 территориально-соседских и родовых общин коренных малочисленных народов тувинцев-тоджинцев¹. В перечень мест традиционного проживания и видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации от Республики Тыва отнесены сельские поселения (сумы) Азасский, Ийский, Сыстыг-Хемский, Чазыларский Тоджинского кожууна (Кукулина, Дашпилов, 2013). Официально закрепленных за общинами территорий традиционного природопользования на территории Тоджинского кожууна до сих пор нет, однако эта тема весьма актуальна, и поднимается тувинцами-тоджинцами на различных уровнях.

Результаты исследования

Проникновение многочисленных добывающих предприятий на территорию Тоджинского района способствовало значительному развитию транспортной инфраструктуры.

В 2022 г. введён в эксплуатацию возводившийся с 2020 г. мост через реку Большой Енисей. Использование прежде для переправы парома для связи поселений с районным центром усложняло и удорожало перевозки.

«У нас организована пекарня и мы продаем хлеб в 30 точках в трех поселках: Адыр-Кежиг, Ий, Тоора-Хем. Я по своей работе хочу сказать, мы по 300–400 мешков привозили на большом “Урале” до берега, потом сюда, несли эти мешки к лодке, на которой перевозили. Да, паром был иногда, иногда не был, весной же не бывало. То есть оттуда на лодку, потом с лодки на другом берегу уже на машину, потом здесь, у нас на этом были большие потери. Я по своей работе скажу — очень хорошо, что мост. Один раз со склада загрузили и все» (жен., 60 лет, местный житель, с. Тоора-Хем, июль 2022 г.).

В 1990-е годы в связи с политическим и экономическим переустройством авиационное обслуживание глубинных территорий было практически свернуто и для населения наступили тяжелые времена, так, что продолжительность поездок до административного центра Республики — г. Кызыл могла составлять 2 и 3 недели.

«Дорога у нас такая не асфальтированная. Тем не менее, она у нас появилась. Когда-то в 2000-х годах, от Кызыла до Тоора-Хема, — райцентра, — доезжали в течение 2–3 недель, и это было 15–16 лет назад» (жен., 26 лет, представитель администрации, июль 2022 г.).

«Плюсы (при отсутствии дорог) — это, конечно же: сохранение природы, быта, обычаев. Это самое главное. Минусы, сразу видно, в связи с отдаленностью — отсталость. У нас нет тут новостроек, заметили? Если в Кызыле, например, можно строить школу или детский сад за 100 млн, у нас получается 130–140, и вопрос: где взять эти проценты? Поэтому получаем отказ...» (муж., 40 лет, с. Тоора-Хем, август 2021 г.).

«У нас развитие идет полным ходом. Когда у нас дорог не было, не велось и строительство. Мы жили в своем мире, который отделился от внешнего развития, вот жили, не выходя, не выезжая, потому что дороги не было, куда возить детей если в дороге проводили до 4 недель. Народ жил за счет рыбы, дикоросов, ягод, орехов, охоты. Вели традиционный образ жизни. Только после строительства дороги появились строительные объекты. Мы начали участвовать в проектах по государственным программам, за счет этих программ появилась дорога, у нас начали доставлять все строительные материалы, началось строительство моста. Именно за счет этих федеральных государственных программ возвели объекты культуры — спортзалы, скверы, площадки» (жен., 26 лет, представитель администрации, июль 2022 г.).

Строительство моста повлияло на снижение стоимости транспортных расходов, вследствие чего в с. Тоора-Хем и близлежащих поселениях Ий и Адыр-Кежиг наблюдается появление новостроек в частном секторе, а также строительство новых магазинов и кафе. Например, в с. Тоора-Хем в 2021 г.

¹ Коренные малочисленные народы Республики Тыва. [Электронный ресурс] // Агентство по делам национальностей Республики Тыва. URL: [нацполитика-тыва.пф/tuvincy-todzhincy/](http://naцполитика-тыва.пф/tuvincy-todzhincy/) (дата обращения: 20.06.2023).

население обслуживало единственное кафе, в 2022 г. действовало уже четыре. Важно, что сотовый оператор был один, в 2022 г. услуги связи стали оказывать четыре сотовых оператора.

«Если раньше мы не могли подать заявки на программы финансирования из-за дорог, специальной техники у нас нет, то сейчас у нас наблюдается динамичное развитие, растет и население. Раньше со связью проблемы были, работал только “Мегафон”, интернета не было, оптоволокна не было, большие тарелки стояли в организации, и то не все работали, и получается за счет дороги связь появилась, “Теле 2”, “МТС”, и интернет начал работать, и в 2019 г. оптоволокно появилось. ... Мы были оторваны, получается, от всего, от цивилизации. Сейчас вся молодежь и дети сидят, и взрослые сидят в *Instagram*¹, в “ВКонтакте”. Раньше такого не было, еще 2 года назад не было. Элементарно созвониться не было возможности. Раньше свет отрубали, а значит и связи не было. Раньше уже автоматически знали график, когда свет отключат, заранее еду готовили, а сейчас нормально, и день и ночь — свет, и дорога, и связь. Много магазинов открылось, если раньше было 4–5, то сейчас на каждом шагу. Раньше в таких убогих избушках магазины были, то сейчас построен двухэтажный магазин, там мебельный салон, там же и кофейня открылась» (жен., 26 лет, представитель администрации, июль 2022 г.).

Усилиями компании ООО «Лунсин» продолжают работы по укреплению дорожного полотна трассы Кызыл — Тоора-Хем. Местные жители в опросах отмечали существенные плюсы новых транспортных возможностей:

«Дорога у нас появилась со строительством, выполненным компанией “Лунсин” в 2006–2007 гг. До этого с советских времен, у нас дороги практически не было. Летали либо вертолеты, либо катера “Заря”, по реке. За счет горнодобывающих компаний у нас проложены дороги, плюс еще то, чего мы так долго ждали — строительство моста» (жен., 26 лет, представитель администрации, июль 2022 г.);

«Всё развитие идет если дорога есть, у нас дорога была, моста не было, распутица всё время была, осенью и весной. Это почти месяц без дорог, ждем пока лед встанет. Потом летом, когда лед растает, жизнь начинается, машины начнут ездить. А теперь если дорога есть, если дорога хорошая, жизнь бурлит...» (жен., 27 лет, представитель администрации, июль 2022 г.).

Кроме того, с 2020 г. Голевская горнорудная компания осваивает Ак-Сугское медно-порфировое месторождение, расположенное в Тоджинском районе. При этом данная компания приняла на себя обязательства по обустройству автомобильной дороги Туран — Ырбан и строительству ЛЭП 220 кВ². Местные жители ждут строительства этой дороги, чтобы ездить за продуктами и хозяйственными товарами «за Саяны»: «Основные поставщики наши в магазины возят товары из Кызыла, но если у нас Голевская откроет дорогу, то мы будем ездить даже не в Кызыл, а за Саяны за товарами.» (жен., 35 лет, представитель администрации, июль 2022). В данном исследовании общее понятие «за Саяны», которое подразумевает территорию в целом за пределами Республики Тыва (Ламажаа, 2014), конкретизировано до территории соседней Хакасии.

При всех сложностях, тем не менее, для возможного авиационного сообщения между Кызылом и Тоджей, в районном центре поддерживается посадочная площадка «Тоора-Хем». Этот аэродром эксплуатирует Тоджинское авиационное отделение ГАУ РТ «Авиалесоохрана», осуществляющее охрану лесов с использованием самолетов АН-2³.

Поскольку основными дорогами, связывающие Тоора-Хем с республиканским центром и остальными районами Тувы, являются дороги с грунтовым покрытием, для организации транспортного сообщения необходимы автомобили повышенной проходимости. Здесь, безусловно, самыми предпочтительными оказались автомобили модельного ряда УАЗ. Из-за отсутствия муниципального автобусного сообщения между республиканским центром и центром Тоджи, местные жители самостоятельно организовали маршрут от Кызыла до Тоора-Хема и обратно. В 2021 г. до строительства моста в день уходило около 5–6 машин в направлении Кызыла, со строительством моста в день может уходить

¹ Социальная сеть компании *Meta* (США), ныне запрещенная в РФ.

² Рассмотрен ход реализации проекта по освоению Ак-Сугского месторождения [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2021, 23 апреля. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/economy/44774/ (дата обращения 20.10.2022).

³ «Тува Авиа». Главная страница [Электронный ресурс] // Авиакомпания «Тува Авиа»: официальный сайт. URL: <http://avia-tuva.ru> (дата обращения 10.10.2022).

до 12 машин из Кызыла до Тоора-Хема и обратно. Всего на маршруте можно наблюдать более 40 машин ежедневно. Также было отмечено, что появилась группа в мессенджере *Viber* «Попутчики»:

«Сорок с лишним машин, это которые ездят. А со сломанными, которые на ремонте вообще много: 60 с лишним... Сейчас мост построился, много стало попутчиков, группу создали в *Viber*... Но, если вы поедете с попутчиками и сломаетесь вы будете долго ждать помощи, никто не поможет. А если у нас (маршрутка), то за день сразу же исправим. Приедут, помогут. А если вообще сломался, то приедут, пересадят на другую» (муж, 40 лет, с. Тоора-Хем, водитель маршрутки, июль 2022 г.).

То есть, в связи со строительством моста наблюдается увеличение пассажиропотока. Но общее состояние грунтовой дороги хотя и остается удовлетворительным, однако существуют высокие риски поломок и аварийных ситуаций.

Тоджинскому и Монгун-Тайгинскому кожуунам Республики Тыва как территориям, отличающимся суровым климатом и ограниченной транспортной доступностью, официально присвоен статус территорий, приравненных по условиям проживания к районам Крайнего Севера, несмотря на южное расположение в пределах Сибири.

Значительная часть населения Тоджинского района продолжает воспроизводить традиционные типы природопользования: полукочевое (отгонное) животноводство, охота, рыбная ловля, сбор растений-дикоросов.

Характерно, что сложность высокогорного рельефа отличает территорию Тоджи от других оленеводческих районов России. Использование современного транспорта, типичного для тундры и лесотундры: снегоходов и вездеходов с колесами низкого давления, зачастую, не годится для преодоления горных склонов. В прежние, советские времена заброс в Саянскую горную тайгу бригад промысловиков и вывоз из тайги продукции зачастую осуществлялся вертолетным транспортом (весьма характерный порядок организации перевозок в Тофаларии, см.: Рассадин, 2005).

Сохранению традиционного природопользования во многом способствовал ряд таких факторов, как опора на местные традиции оленеводства, а также значительная изолированность Тувы и культурные устои ее населения (Донаное, 2006). поголовье оленей в советские годы составляло до 15000 голов. В постсоветский период численность оленей сократилось в десять раз, но в последнее время благодаря республиканским проектам оленеводство постепенно возрождается. Общее число поголовья оленей в районе по последним данным составляет 1960 голов¹. В целях поддержки оленеводства за последние годы Минсельхозпродом РТ были закуплены и переданы оленеводам снегоходы, палатки, рации, солнечные электростанции и продуктовые наборы. Так, в 2022 г. также были переданы надувные лодки, снегоходы, палатки, спутниковые телефоны, солнечные станции общей стоимостью более 7 миллионов рублей. В этом, 2023 г. решением Правительства Тувы была увеличена субсидия на 1 голову оленя с 1500 рублей до 2236 рублей. Все эти меры поддержки направлены на сохранение поголовья оленей².

Сами оленеводы также подчеркивают возрастающее внимание со стороны государства:

«В последнее время больше стало поддержки, раз через 2–3 года они палатки всем раздают, в основном оленеводы в палатках живут, последний раз 6 “Буранов” давали, а сейчас уже 12, года 2–3 назад, 6 “Буранов” раздали, в этом году тоже 6, спутниковые телефоны, больше десяти в тот раз, не каждому оленеводу, а каждой палатке» (жен., 57 лет, оленевод, июль 2022 г.).

Администрация также способствует продаже таких продуктов как сыр и молоко, произведенных оленеводами:

«Когда к нам в Тоджу приезжают гости, администрация ставит чай с молоком, сыр на стол... И на праздники наши, по просьбе администрации, мы делаем сыр и привозим на продажу и молока тоже немного» (жен., 57 лет, оленевод, июль 2022 г.).

¹ Отчет о результатах деятельности Тоджинского кожууна Республики Тыва за 2021 г. [Электронный ресурс] // Администрация Толжинского кожууна: официальный сайт. URL: http://todzhinsky.ru/page.php?id_omsu=13&level=1&id_level_1=27 (дата обращения 25.11.2022)

² В рамках фестиваля оленеводов в Тоджинском районе обсудили меры поддержки этого вида животноводства в Туве [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2023, 26 февраля. URL: https://rtuva.ru/press_center/news/activity/51382/ (дата обращения: 28.09.2023).

Самобытность, аутентичность и эндемичность культурных ландшафтов горно-таёжных оленеводов, а также разнообразие и пейзажная аттрактивность девственных природных ландшафтов, богатые биологические ресурсы, многочисленные источники минеральных вод, делают Тоджинский район потенциально весьма привлекательным для развития туризма.

Согласно туристскому паспорту Тоджинского кожууна 2020 г.¹ наиболее перспективными видами туризма в районе с учетом тенденций туристического спроса на российском рынке являются: лечебно-оздоровительный; событийный (проводятся фестиваль оленеводов Тоджинского кожууна, национальный праздник «Наадым», Международный день коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, республиканский конкурс с тоджинскими зарисовками «Тожуаяннары»); культурно-познавательный; рекреационный туризм на озера Азас, Доруг-Хол, Олбук). Муниципальная инициатива расширения базы на озере Азас получила поддержку в рамках мероприятий по созданию и развитию проектов в сфере туризма².

Из разведанных на территории Тоджи 32 минеральных источников; большой популярностью пользуются для лечебных целей воды источников «Чойган», Кизи-Хемский, Олбукский, Маймалыш (Мыя-Хаш).

Минеральные источники традиционно используются как промежуточный пункт туристскими группами, заходящими из Бурятии и посещающими пик Топографов, а также группами водных туристов, переходящих затем в истоки р. Бий-Хем к озеру Кара-Балык. Отсюда они совершают сплав по реке. Давняя туристская тропа проходит по р. Кок-Хем, захватывая уникальный каскад водопадов у истока реки Бий-Хем из оз. Устю-Кок-Холь. В настоящее время тропа находится на территории заповедника «Азас», образованного в 1985 г. с целью сохранения и изучения природного фонда северо-восточной Тувы (фото 1, 2).

Заповедник, располагаясь в центральной части Тоджинской котловины, включает в себя приустьевую часть оз. Азас и далее вытянут в широтном направлении вдоль р. Азас до водораздела Восточного Саяна, по которому проходит граница Тувы с Бурятией.

В заповеднике разработаны две туристические тропы, планируется запуск еще двух туристических маршрутов в связи увеличением потока туристов из-за ввода в эксплуатацию моста у с. Тоора-Хем.

Статистика количества туристов по району в целом неполная, большинство туристов — это «дикари», отдыхающие на озере Азас (диаграмма 1).

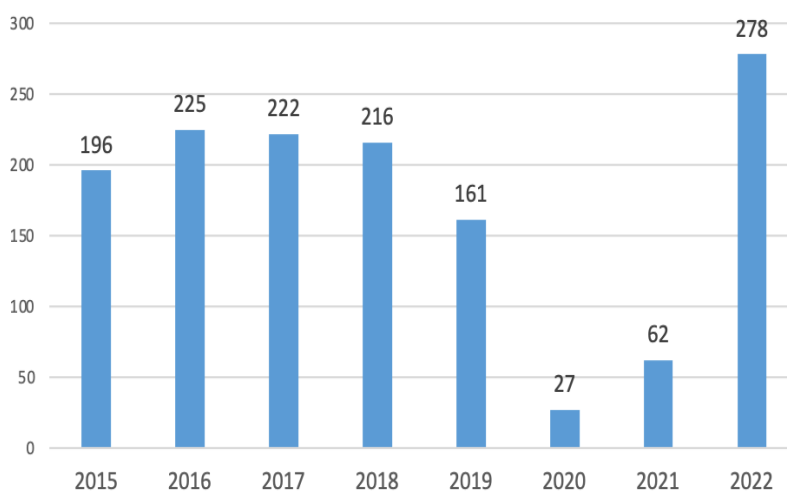

Диаграмма 1. Численность туристов, посетивших заповедник «Азас» в 2015–2022 гг., чел., по данным заповедника «Азас». Diagram 1. The number of tourists who visited the reserve “Azas” in 2015–2022, people, according to the reserve “Azas”.

¹ Туристический паспорт муниципального образования «Тоджинский кожуун Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Администрация Тоджинского кожууна. URL: http://todzhinsky.ru/page.php?copylenco=omsu&id_omsu=17/ (дата обращения: 10.11.2022).

² Доходы от туризма в Туве в 2022 году выросли на 71% [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2022, 1 декабря. https://rtyva.ru/press_center/news/tourism/50207/ (дата обращения: 10.01.2023).

Фото 1. Озеро Азас. Фото Э. А. Батоцыренова, июль 2022 г.
Photo 1. Lake Azas. Photo by E. A. Batotsyrenov, July 2022.

Фото 2. Палатки на берегу озера Азас. Фото Э. А. Батоцыренова, июль 2022 г.
Photo 2. Tents on the shore of Lake Azas. Photo by E. A. Batotsyrenov, July 2022.

Туристический поток на территории района в 2018 г. зарегистрирован в количестве 3,7 тыс. чел., в 2019 г. — более 6 тыс. чел. Статистическая информация по количеству коллективных средств размещения (КСР), представлена на сайте Росстата также не в полном объеме¹. Так общее количество КСР в Тоджинском кожууне составляет 7 единиц в 2021 году, 5 единиц в 2020 году и с 2016 по 2018 гг. только по 2 КСР.

Динамика численности туристов по данным заповедника «Азас»², отражающая общую тенденцию увеличения количества туристов представлена на *диаграмме 1*. Уменьшение числа туристов в 2020–2021 гг. связано с ситуацией по COVID-19, а резкое увеличение турпотока в 2022 г., вероятно, связано с введением в эксплуатацию моста через Енисей в с. Тоора-Хем.

В 2022 г. администрация заповедника в связи увеличением количества заявок на отдых решила продлить туристский сезон до 31 августа.

Тенденция роста турпотока в район не так ярко отражаемая статистическими данными заповедника «Азас» подтверждается результатами интервьюирования местного населения. В целом местными жителями отмечается значительное увеличение количества туристов, связанное со строительством моста.

«До прошлого года, до момента строительства моста наш район считался самым отдаленным и труднодоступным, но со строительством нового моста туристический поток вырос многократно» (жен., 26 лет, представитель администрации, июль 2022 г.).

В то же время следует констатировать крайне низкий уровень развития туристской инфраструктуры. Местные жители относятся неоднозначно к развитию туризма. Это можно увидеть из анализа интервью, которое выявляет ряд различных мнений местных жителей относительно тем развития туризма (*табл. 3*).

Таблица 3. Отношение местного населения к развитию туризма и туристам (результаты интервью)
Table 3. The attitude of the local population to the development of tourism and tourists (interview results)

Последствия развития туризма в Тоджинском районе	
Позитивные	Негативные
<p>«Иностранцы приезжали до ограничений по COVID: китайцы, турки, из Литвы. Приезжали и научные работники из Таджикистана, других стран; из Владивостока, Хабаровска. Туристов таблеточки (автомобиль УАЗ. — Авт.) увозят/привозят... Туристов некоторые возят на верховье Енисея, там водопад есть, просто посмотреть возят... Количество постояльцев не убавляется, постоянно заселяются. На работу сюда приезжают, командированные. Когда пандемия была, туристов и командировочных не было, сюда редко приезжали. ... Туристов много было перед ковидом, с других регионов приезжали. ... Когда мост построят, сюда будут чаще приезжать» (жен., 74 года, представитель турбизнеса, с. Тоора-Хем, август 2021 г.).</p>	<p>«Как построили мост, так стало очень много туристов. Мы не ожидали такого количества туристов, очень много мусора и шума теперь на Азасе...» (жен., 27 лет, представитель администрации с. Тоора-Хем, июль 2022 г.).</p>

¹ Паспорт муниципального образования: коллективные средства размещения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?o pt=93650000200620072008200920102011201220132014201520162017201820192020202120222023 (дата обращения 10.10.2022).

² Данные получены от сотрудника заповедника Азас в виде таблицы Excel во время интервью в административном здании заповедника Азас в с.Тоора-Хем (июль, 2022 г.).

<p>«Туристов у нас немерено. Я не знаю, вывозят ли туристы рыбу, думаю, что нет. Они больше для души ездят. У меня есть знакомые, которые возят этих туристов. Но это именно про туристов, а браконьеры бывают» (жен., 35 лет, местная жительница, с. Тоора-Хем, август 2021 г.)</p>	<p>«Туристы фотографируются с лилиями, срывают лилии, скоро их не останется» (муж., 40 лет, местный житель, с. Тоора-Хем, июль 2022 г.)</p>
<p>«Да, резкий скачок, туристы поехали, особенно в выходные, на озеро минимум 300 человек. Со своими палатками, еще домики есть, там база отдыха. За счет этого туристического потока и экономика растет» (жен., 26 лет, представитель администрации, июль 2022 г.).</p>	<p>«Даже если приезжих мало, они, отдыхая, постоянно оставляют за собой мусор. То есть, если база отдыха “Азас” не так развита была, даже мусорных контейнеров не ставили, а сейчас идет наплыв туристов, с ними и мусор, и алкоголь, получается у нас там идет постоянная профилактическая работа, проводится дежурство на озере в летний период» (жен., 26 лет, представитель администрации, июль 2022 г.)</p>

Представитель администрации отмечает как плюсы от развития туризма (в виде роста экономики), так и минусы в виде мусора, шума, проблем с алкоголем и необходимостью контроля за ситуацией.

«Общественное место необходимо контролировать, много проблем, связанных с алкоголем. На будущий год мы планируем сделать платный въезд на озеро» (жен., 26 лет, представитель администрации, июль 2022 г.).

Положительный взгляд со стороны жителей Тоджинского кожууна на развитие туристической сферы стал формироваться в связи с возможностью получения ими дополнительного дохода от продажи сувенирной продукции, оказания транспортных услуг и предоставления жилья.

С этой точки зрения организация праздников «День оленевода» и «Наадым» может рассматриваться с двух позиций: как инструмент поддержки этнической культуры и традиций, и как составляющая в развитии событийного и этнотуризма, имеющего экономическую значимость для местного социума.

При этом труднодоступность данного района способствует сохранению традиционного образа жизни коренного населения, его культуры и языка, что только увеличивает интерес и привлекательность территории со стороны туристов.

Освоившие традиционные ремесла и занятия местные мастерицы — участники этих массовых праздников, дают им положительную оценку. Эти мероприятия предоставляют дополнительные возможности обменяться опытом, приобрести новые знания и реализовать продукцию.

В удаленности и труднодоступности территории своего проживания местное население, с одной стороны, видит серьезное преимущество, обеспечивающее спокойствие, размеренность, безопасность, неизменность традиций и устоев. С другой стороны, местные осознают и недостатки, те, что препятствуют доступу к медицинским, образовательным и иным услугам, значительно удорожают любые привозимые товары.

Стратификация групповых интересов

Множественность вопросов в рамках проблемы развития транспортной инфраструктуры в ранее труднодоступных местностях как фактора, способствующего продвижению туризма, касается мнения и отношения участников туристской отрасли со стороны компаний и туристов, заинтересованных в освоении территории, так и со стороны представителей местного социума, задействованных в обслуживании приезжих. Как правило, наблюдается согласованность интересов у упомянутых сторон, поставляющих и потребляющих качественные услуги за счет эффективного транспортного обслуживания туристов. Эти услуги заключают в себе удобные средства доставки современными транспортными средствами и средства информационной поддержки.

Мы выделили несколько групп населения с разными интересами по освещаемым вопросам. В первую группу вошли представители администрации, которая обладает правами по созданию благо-

приятных условий для развития туризма¹ и в то же время имеет контролирующие полномочия по отношению к данной сфере. Учеными отмечалось, что для российской практики муниципального управления характерна низкая готовность местных органов власти к конвертации имеющихся ресурсов в развитие туризма (Фролова, Рогов, Рябова, 2020). К этому следует добавить малочисленность успешных примеров и отработанных организационных механизмов.

Местные жители, имеющие собственные культурные традиции и устои, формируют следующую группу рассматриваемой социальной системы. В большинстве своем участники этой группы в Тоджинском районе вовлечены в традиционное природопользование, и воспроизводят традиционные культурные ландшафты, что дополняет привлекательность территории для потенциальных туристов. Эта группа населения, не связанная напрямую с туристской отраслью, с одной стороны положительно оценивая перспективы, обусловленные ее развитием транспортной инфраструктуры, с другой стороны — с опаской относится к возможной доступности территории для лиц, потенциально несущих угрозы со стороны, конкурируя с местными жителями на экономической, культурной и природной площадках. Участники этой группы характеризуются стремлением одновременно с одной стороны получить преимущества за счет развития дорожно-транспортной системы, обеспечивая более широкие возможности передвижения как в пределах местности, так и вовне, дополнительных выгод от присутствия туристской отрасли, и с другой — ограничить и свести к минимуму влияние на местную природу и культуру, сопутствующее такому развитию.

Следующая группа представлена работниками предприятий, в наибольшей степени несущих угрозы экологии — промышленных добывающих и обрабатывающих компаний. Региональные, национальные и международные компании проявляют интерес к нетронутым сырьевым запасам территорий, удаленных от основных транспортных артерий. При этом проблема взаимодействия туристической и промышленных отраслей в плане обеспечения труднодоступной местности необходимой дорожной инфраструктурой остается малоизученной.

Рассмотренные группы населения с их разноплановыми интересами и видением приоритетов будущего, погруженных в технологическую и природную среду, представляют собой систему, ожидающую детальных междисциплинарных исследований, нацеленных на создание правовых и организационных механизмов устойчивого развития территорий.

Заключение

Транспортная инфраструктура Тоджинского кожууна претерпела значительные изменения в последние десятилетия. Разработка месторождений повлекла за собой улучшение транспортной доступности: появление грунтовой дороги, строительство моста, связавшего два берега Енисея, уменьшение времени в пути. Это, помимо прочего, спровоцировало спонтанное увеличение количества туристов. При этом наличие объективно высокого туристско-рекреационного потенциала (Dirin et al., 2023), улучшение транспортной доступности и высокого внутреннего спроса на новые туристские направления, без сомнения, обеспечат быстрое кратное увеличение турпотока в район.

Исходя из результатов проведенного исследования можно сделать вывод, что в настоящее время местное сообщество скорее позитивно относится к происходящим переменам — улучшению транспортной освоенности территории кожууна и росту числа туристов, оценивая их как возможность повышения уровня жизни и расширения сферы приложения труда. В то же время уже сейчас есть опасения развития негативных эффектов данных процессов, прежде всего, ухудшение состояния окружающей среды и нарушение привычного образа жизни (уединённости, неторопливого темпа жизни).

Пока местное население при имеющемся количестве туристов не опасается прихода крупных внешних инвесторов, с которыми придётся конкурировать за ресурсы (прежде всего, за земельные участки, имеющие выгодное географическое положение с точки зрения инфраструктурной обеспеченности и близости туристских достопримечательностей). Однако, опыт других регионов бурного

¹ Статья 3.3. Права органов местного самоуправления по созданию благоприятных условий для развития туризма. [Электронный ресурс] // Федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10273> (дата обращения: 28.01.2023).

туристского освоения, подтверждает реальность таких угроз. В связи с этим, необходимо уже сейчас в стратегии социально-экономического развития и в схеме территориального планирования кожууна предусмотреть условия и механизмы эффективного взаиморазвития быстро растущей туристской отрасли и сложившихся на данной территории уникальных этнокультурных систем, основанных на традиционных отраслях природопользования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берман, Н. Д. (2020) Влияние транспортной инфраструктуры на устойчивое развитие: тенденции и проблемы // Международный журнал перспективных исследований № 2 (10). С. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.12731/2227-930X-2020-2-7-14>

Вайнштейн, С. В. (1961) Тувинцы-тоджинцы. М. : Издательство восточной литературы. 215 с.

Дабиев, Д. Ф., Дабиева, У. М. (2015) Социально-экономическая характеристика Тоджинского района Тувы // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 9 (3). С. 520–522.

Даваа, Е. К. (2017) Система культуры тувинцев-тоджинцев (конец XIX — начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4. С. 62–64.

Казначеев, Д. А. (2012) Влияние транспортной инфраструктуры на развитие экономики региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. № 2(2). С. 64–69.

Куклина, В. В., Дашпилов, Ц. Б. (2013) Конструируя карту транспортного сообщения «Саянского перекрёстка» // Tartaria Magna. № 2. С. 12–40.

Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 152–165.

Ламажаа, Ч. К. (2017) Проблемы определения и изучения субэтнических групп тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.1>

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный музей этнологии. 358 с.

Рагулина, М. В. (2014) Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Сибири: тенденции и парадоксы развития // Известия Иркутского государственного университета. Т. 7. С. 116–128.

Рассадин, И. В. (2005) Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН. 190 с.

Фролова, Е. В., Рогач, О. В., Рябова, Т. М. (2020) Деятельность муниципальных органов власти по развитию культурно-познавательного туризма: проблемы, ресурсы и новые возможности // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 210–228.

Cresswell, T. (2006) The Right to Mobility: The Production of Mobility in the Courtroom // Antipode. № 38. P. 735–754. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2006.00474.x>

Dirin, D. A., Fryer, P. (2020) The Sayan borderlands: Tuva's ethnocultural landscapes in changing natural and sociocultural environments // Geography, Environment, Sustainability. № 13(1). P. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-76>

Dirin, D., Rasputina, E., Kuklina, M., Krasnoshtanova, N., Trufanov, A., Batosirenov, E., Lysanova, G. (2023) Potential for Tourism and Recreation in the Todzhinsky Kozhuun (District), Republic of Tyva, RF // Sustainability. № 15. 11087. DOI: <https://doi.org/10.3390/su151411087>

Donahoe, B. (2006) Who Owns the Taiga? Inclusive vs. Exclusive Senses of Property among the Toju and Tofa of Southern Siberia // Sibirica. № 5. P. 87–116.

Forbes, B., Stammler, F., Kumpula, T., Meschtybd, N., Pajunena, A., Kaarlejarvi, E. (2009) High resilience in the Yamal-Nenets social-ecological system, West Siberian Arctic, Russia // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. Vol. 106. P. 22041–22048. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0908286106>

Konstantinov, Yu. (2009) Roadlessness and the Person: Mode of Travel in the Reindeer Herding Part of the Kola Peninsula // Acta Borealia. № 1. P. 27–49. DOI: <https://doi.org/10.1080/08003830902951524>

Дата поступления: 13.07.2023 г.

Дата принятия: 25.10.2023 г.

REFERENCES

- Berman, N. D. (2020) Influence of transport infrastructure on sustainable development: trends and challenges. *International Journal of Advanced Studies*, no. 2 (10), pp. 7–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.12731/2227-930X-2020-2-7-14>
- Vainshtein, S. V. (1961) *Tuvan-Todzhin people*. Moscow, Izatel'stvo vostochnoi literatury. 215 p. (In Russ.).
- Dabiev, D. F. and Dabieva, U. M. (2015) Socio-economic characteristics of the Todzhinsky district of Tuva. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, no. 9 (3), pp. 520–522. (In Russ.).
- Davaa, E. K. (2017) The cultural system of the Tuvan-Todzhin people (late XIX — early XX centuries). *Istoricheskoe, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4, pp. 62–64. (In Russ.).
- Kaznacheev, D. A. (2012) The impact of transport infrastructure on the development of the region's economy. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, no. 2(2), pp. 64–69. (In Russ.).
- Kuklina, V. V. and Dashpilov, Ts. B. (2013) Designing a map of the transport connection of the “Sayan crossroads”. *Tartaria Magna*, no. 2, pp. 12–40. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasayan Tuvans: lifestyle, values, ideals. *New research of Tuva*, no. 3, pp. 152–165. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2017) Sub-ethnic groups of the Tuvans : problems of definition and research. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.1>
- Mongush, M. V. (2010) *One nation: three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in a comparative context*. Osaka, Natsional'nyi muzei etnologii. 358 p. (In Russ.).
- Ragulina, M. V. (2014) Traditional nature management of the indigenous peoples of Siberia: trends and paradoxes of development. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 7, pp. 116–128. (In Russ.).
- Rassadin, I. V. (2005) Economy, life and culture of the Tofalars. Ulan-Ude, Buriatskii nauchnyi tsentr Sibirskogo otdeleniia RAN. 190 p. (In Russ.).
- Frolova, E. V., Rogach, O. V., Riabova, T. M. (2020) Activities of municipal authorities in the development of cultural and educational tourism: problems, resources and new opportunities. *Public Administration Issues*, no. 3, pp. 210–228. (In Russ.).
- Cresswell, T. (2006) The Right to Mobility: The Production of Mobility in the Courtroom. *Antipode*, no. 38, pp. 735–754. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2006.00474.x>
- Dirin, D. A. and Fryer, P. (2020) The Sayan borderlands: Tuva's ethnocultural landscapes in changing natural and sociocultural environments. *Geography, Environment, Sustainability*, no. 13 (1), pp. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-76>
- Dirin, D., Rasputina, E., Kuklina, M., Krasnoshtanova, N., Trufanov, A., Batosirenov, E. and Lysanova, G. (2023) Potential for Tourism and Recreation in the Todzhinsky Kozhuun (District), Republic of Tyva, RF. *Sustainability*, no. 15, p. 11087. DOI: <https://doi.org/10.3390/su151411087>
- Donahoe, B. (2006) Who Owns the Taiga? Inclusive vs. Exclusive Senses of Property among the Toju and Tofa of Southern Siberia. *Sibirica*, no. 5, pp. 87–116.
- Forbes, B., Stammler, F., Kumpula, T., Meschtybd, N., Pajunena, A. and Kaarlejarvi, E. (2009) High resilience in the Yamal-Nenets social-ecological system, West Siberian Arctic, Russia. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 106, pp. 22041–22048. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0908286106>
- Konstantinov, Yu. (2009) Roadlessness and the Person: Mode of Travel in the Reindeer Herding Part of the Kola Peninsula. *Acta Borealia*, no. 1, pp. 27–49. DOI: <https://doi.org/10.1080/08003830902951524>

Submission date: 13.07.2023.

Acceptance date: 25.10.2023.

Сельско-городское взаимодействие в Туве (по материалам интервью с уроженцами Овюрского района)

Инна С. Тарбастаева

Институт филологии Сибирского отделения Российской Академии наук,
Российская Федерация

В статье анализируются особенности сельско-городского взаимодействия в Республике Тува. Источником исследования выступили полуструктурированные глубинные интервью с сельскими и городскими жителями (бывшими сельскими) из Овюрского района, проводившиеся в 2022 г.

Ключевой особенностью сельско-городского взаимодействия в тувинском обществе является его интенсивность, плотность контактов между городскими и сельскими жителями. Опираясь на концепцию потоков движения (rural-urban flows) Д. К. Линча, автор выделяет несколько основных направлений: хозяйственные потоки продовольствия из села в город, трудовые сезонные потоки родственников из города в село, образовательные потоки школьников из села в город и этнокультурные потоки из города в село.

Плотное неформальное экономическое взаимодействие происходит, прежде всего, за счет содержания общей чабанской стоянки. Между родственниками, которые в этом участвуют, происходит обмен продовольствием, рабочей силой. В тувинских селах распространена практика перевода детей в городские школы с проживанием у родственников, что приводит к переполненности городских учебных заведений. В свою очередь сельские территории служат важной духовной составляющей для городских жителей, которые наделяют их сакральным статусом и местом сохранения тувинского языка и традиционной культуры.

Автор делает вывод, что за счет сельско-городского взаимодействия жители пытаются преодолеть существующие социально-экономические трудности, компенсировать дефицит социальных, институциональных благ.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; Кызыл; Овюр; сельско-городское взаимодействие; чабанская стоянка; продовольствие; родственники; дагылга

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01475 «Песенная традиция овюрских тувинцев XXI в. в условиях сельско-городской миграции»).

Для цитирования:

Тарбастаева И. С. Сельско-городское взаимодействие в Туве (по материалам интервью с уроженцами Овюрского района) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 209-224. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.13>

Тарбастаева Инна Семеновна — кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской Академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Эл. адрес: Inna-tarbasteva@yandex.ru

TARBASTAEVA, Inna Semenovna, Candidate of Philosophy, Junior Research Associate, Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Inna-tarbasteva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-1921-9411

Rural-urban interaction in Tuva (based on interviews with natives of the Ovyursky District)

Inna S. Tarbastaeva

Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article analyzes the characteristics of rural-urban interactions in the Republic of Tuva. The study was based on semi-structured in-depth interviews conducted in Ovyursky District in 2022 with rural and urban residents, as well as former rural residents who have now become urban residents.

One of the key features of rural-urban relations in Tuvan society is their intensity, which is reflected in the density of interactions between rural and urban inhabitants. Drawing on D. K. Lynch's concept of rural-urban flows, the author identified several main types: economic food transfers from rural areas to cities, seasonal labor migration from cities to villages, educational transfers of schoolchildren from villages to cities, and ethnocultural exchanges from cities to rural areas. Dense informal economic interaction occurs primarily due to the maintenance of a shared shepherd's parking lot. There is an exchange of food and labor between relatives who participate in this activity. In Tuvan villages, the practice of sending children to urban schools with relatives is common, leading to overcrowding in urban education institutions. In turn, rural areas provide an important spiritual component for city dwellers, giving them a sense of sacredness and a place where they can preserve the Tuvan language and culture.

The author argues that due to rural-urban interactions, residents are attempting to overcome socioeconomic challenges and compensate for the lack of social benefits and institutional support.

Keywords: Tuva; Tuvans; Kyzyl; Ovyur; rural-urban; shepherd's camp; food; relatives; dagylga

Financing

Research is executed with financial support of RNF (No. 22-28-01475. Project «The Song Tradition of the Ovyur Tuvans of the XXI century in the Conditions of Rural-Urban Migration»).

For citation:

Tarbastaeva I. S. Rural-urban interaction in Tuva (based on interviews with natives of the Ovyursky District). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 209-224. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.13>

Введение

Для социальных наук взаимодействие городской и сельской действительности становится все более актуальной темой. Исследователи отходят от строгой дихотомии «город — село» и обращаются к изучению многоплановых связей между этими территориальными образованиями. Если для российских регионов характерно три основных типа взаимодействия — трудовая сельская миграция в города, миграция городских дачников летом (Полян, 2014) и миграция «новых деревенских» — исконно городских жителей, осознанно сделавших выбор в пользу сельской местности (Нефедова, 2013: 27), то село-городское взаимодействие в Туве имеет свою специфику.

Тувинские села и Кызыл, по сути, единственный город в республике¹, находятся в регулярном хозяйственном и культурном взаимодействии, который одинаково важен для проживающих в них (селах и

¹ Е. Е. Тиникова отмечает, что «численность населения городов Чадана, Шагонара и Турана составляет менее 12 тыс. жителей, то есть ниже принятой в стране квалитетической нормы городского поселения в статусе города. Они сохраняют статус города, так как имели его раньше, или благодаря историческим событиям» (Тиникова, 2022: 140).

Кызыле). Для городских тувинцев связь с селом является важной составляющей их социальной жизни: в районе на чабанских стоянках разводится скот, который является основой питания в традиционной культуре этноса (Мал-маган. ... , 2023). На чабанские стоянки во время школьных каникул отправляют детей, чтобы они познакомились с животноводческим бытом, прониклись кочевой культурой. На фоне ухудшения владения тувинским языком среди городских детей (Биткиева, Цыбенова, 2022) село рассматривается родителями как аутентичная языковая среда для ребенка, что также добавляет значимости сельскому социуму.

Изучение село-городских связей позволяет рассматривать тувинские села и город не изолировано друг от друга, а во взаимовлиянии и регулярном обмене экономическими, социальными, культурными ресурсами. Благодаря такой исследовательской оптике становится возможным раскрыть социокультурное значение села для городских тувинцев, показать особенности семейной неформальной экономики, которая складывается вокруг чабанских стоянок, а также выявить роль городских родственников как помощников для получения доступа к недостающим образовательным, экономическим ресурсам.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей хозяйственного, социального, культурного село-городского взаимодействия в Туве. В качестве эмпирической базы выбран отдаленный приграничный Овюрский район. Представляется, что в силу его транспортной труднодоступности существующие село-городские связи с Кызылом можно рассматривать наиболее яркими, репрезентативными иллюстрациями, применимыми к остальным районам республики. Источником исследования выступили глубинные полуструктурированные интервью с сельскими и городскими жителями (бывшими сельскими) тувинской этнической принадлежности, проводившиеся мной в октябре 2022 г. на русском языке. Всего было опрошено 35 человек, из них 15 человек — жители сел района: Саглы, Хандагайты, Дус-Даг, Солчур, Ак-Чыраа. Вопросы касались мотивации переезда, адаптационных ресурсов и удовлетворенности жизнью в городе, в селе, установки на ведение традиционного животноводства, возвратной миграции. Также я опиралась на личные наблюдения из опыта проживания в республике, общения с друзьями, коллегами и широким кругом знакомств.

Важное концептуальное значение для исследования имеет работа К. Д. Линча «О взаимодействии между городом и деревней» (Lynch, 2005). В настоящей статье реализован его подход: рассматриваются потоки движения ресурсов, людей между районами республики и Кызылом. Кроме этого, я опиралась на социологическое исследование тувинских сел, проведенное С. П. Татаровой, Н. А. Затеевой (Татарова, Затеева, 2017), а также на работы тувинистов-экономистов, посвященные личным подсобным хозяйствам животноводов (Севек, Тайбыл, Даржаа, 2020).

Село-городское взаимодействие как научное знание

На протяжении длительного времени в общественных науках признавалась дихотомия «город — село» как принципиально разные социокультурные системы. В основе такого подхода лежало экономическое обоснование разделения труда, рыночного обмена промышленной и сельскохозяйственной продукцией (Смит, 2007; Ricardo, 1999; Mill, 1888). Считалось, что драйвером экономического развития является исключительно город как основной центр, где сосредоточены технологические и интеллектуальные ресурсы. За селом же оставалась роль аграрной периферии, поставщика избыточной рабочей силы, эксплуатируемого городом. Социологи традиционно изучали процессы урбанизации и рурализации, миграционные отношения также в рамках строго деления «город-село» (Зиммель, 2018; Тённис, 2002; Park, 1952, 1967; и др.).

Однако в последние годы в социальных науках набирает популярность изучение взаимодействия сельских и городских территорий. В рамках своих дисциплинарных направлений экономисты, географы, социологи разрабатывают новые подходы к осмыслению связей между селом и городом. Впервые идея село-городского континуума возникла у П. А. Сорокина и К. Циммермана в 1920–1930-х гг. Страна рассматривается ими как целостная система без четкого деления на «сельское» и «городское», сам континуум понимается как череда плавных переходов от села к городу как идеальных типов либо «поля» (места, ареала) их взаимодействия и взаимопроникновения (Sorokin, Zimmerman, 1929). Продолжая идею социологов-классиков, А. Трейвиш разрабатывает типологию село-городского континуума применительно к регионам России (Трейвиш, 2016).

Исследователи обращают внимание на многоаспектность и сложность современных интеграционных связей между селом и городом. Увеличивается мобильность людей, физическое расстояние все меньше и меньше ограничивает социальные отношения. Стремление выйти на мировые рынки увеличивает нагрузку на экспорт сельских товаров, а быстрорастущие города влияют на экологию в сельской местности¹. Все это приводит к изменению в характере производства и потребления, финансовых, миграционных сельско-городских связях.

В 2005 г. К. Д. Линч выделил и проанализировал целые потоки движения (*rural-urban flows*) товаров, людей и идей между городами и сельской местностью в странах третьего мира. При этом каждый из потоков — людей, еды, природных ресурсов, денег, идей — может работать в любом направлении. Ключевое утверждение К. Линча состоит в том, что такая «изменчивость часто является преднамеренной стратегией тех, кто живет в сельских и городских районах, чтобы максимально использовать свои возможности для получения средств к существованию» (Lynch, 2005: 36). По его мнению, такой подход обеспечивает более глубокое и гибкое понимание географии отношений между городскими и сельскими районами, поскольку больше фокусируется на отношениях и пересечениях, чем на различиях. Пожалуй, работа К. Линча до настоящего времени является наиболее фундаментальной в области изучения сельско-городского взаимодействия, и его исследовательский фокус на потоках движения между селом и городом успешно используется другими учеными (Тимошенко, 2014; Корухина, Куклина, 2014; Кузьмицкая, 2022; и др.).

Так, И. А. Авдеева, И. А. Скрипиль выявили тенденции изменения в сельско-городских взаимосвязях, анализируя потоки трех видов: 1) экономические потоки (капитала — государственного и частного; труда — маятниковые миграции, поездки людей на работу в город; товаров — торговля), 2) потоки информации и 3) потоки инноваций как следствие отношений власти (сельской и городской) (Авдеева, Скрипиль, 2018: 23). Такое межсекторное взаимодействие, по их мнению, говорит о процессах интеграции села и города. Авторы делают важный практический вывод: государственных средств для развития сельской местности недостаточно, этот источник, как правило, ограничен, поэтому нужно искать возможности в сотрудничестве сельских и городских территорий, располагающих различными ресурсами (там же: 115). Итак, наблюдается переход от классической схемы «городской центр — сельская периферия» к более размытым моделям взаимодействия.

Для тувиноведения подобный подход имеет особую ценность. Мы наблюдаем, что в республике существует непрерывная сеть обмена хозяйственными, трудовыми, финансовыми и культурными благами между селом и городом. Далее будут рассмотрены основные потоки взаимодействия в территориальном пространстве «Овюрский район — Кызыл», ранжированные мной по степени регулярности и насыщенности: хозяйственные из села в город (продукты питания); трудовые из города в село (человеческие ресурсы для помощи содержания чабанских стоянок); «школьные» потоки из города в село (воспитание детей в традиционном духе); этнокультурные потоки из города в село (сакрализация родной земли).

Хозяйственные потоки продовольствия из села в город

Наиболее интенсивное социально-экономическое взаимодействие между городом и Овюрским районом складывается вокруг животноводческой деятельности. На протяжении многих лет данный муниципальный район занимает лидирующие места по поголовью мелкого рогатого скота (Даржаа, Тайбыл, 2019), имеет большой аграрный потенциал и считается самым плодовитым животноводческим районом республики. Среди местных жителей набирает популярность такая форма собственности как крестьянско-фермерские хозяйства. На момент исследования в 2022 г. действовало 59 шт., из них больше половины начали свою работу в период с 2017 по 2021 гг.², что свидетельствует о благоприятном микроэкономическом климате на территории района.

¹ Haan L. J. de, Quarles van Ufford P. About Trade and Trust. The question of livelihood and social capital in rural-urban interactions. Re-Aligning Actors In A Urbanizing World: Governance And Institutions From A Development Perspective, 2002.

² Решение № 168 от 05.03.2019 г. Об итогах исполнения комплексной программы социально-экономического развития Овюрского кожууна Республики Тыва (2006–2018 годов) за 2018 год [Электронный ресурс] // Администрация муниципального района «Овюрский кожуун Республики Тыва». URL <https://ovur.rtyva.ru/node/4049/> (дата обращения: 09.10.2023).

Мигрировавшие в город овюрцы убеждены, что в условиях экономической нестабильности именно наличие скота в районе является гарантом надежности и стабильности. Сельские родственники-чабаны, которые содержат общие семейные стада животных, по-прежнему играют важную роль в социальном благополучии городских жителей. Именно они являются основным поставщиком мясных, молочных продуктов питания, и, таким образом, обеспечивают продовольственную безопасность родственников. Вот так об этом говорит городской информант, бывший житель Хандагайты:

«Тувинцы экзистенциально держатся на том, что там, в районе, есть свой скот. У нас принято раз в три месяца съездить в район и привести барашка из своей доли скота. Когда родственники, которые живут в районе и держат общий семейный скот, собираются приехать в город, то обязательно звонят нам: вам взять барашка?» (муж., 29 лет).

Как правило, поток мясных продуктов из сел идет по направлениям: 1) внутри семьи, когда снабжают мясом городских родственников; 2) продажа перекупщикам; 3) самостоятельная продажа через сельскохозяйственные рынки, собственными силами; 3) сдача живого скота в мясозаготовительные центры. Так, пишут исследователи, «в Кызыле насчитывается шесть государственных “точек”: три мясных отдела в больших торговых центрах и три сельскохозяйственных рынка. Но, помимо этого, много частных мясных магазинов, где торгуют индивидуальные предприниматели, которые закупаются у чабанов почти всех районов Тувы и перепродают мясо в городе» (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2002: 161-162). Одна из информанток рассказала нам, что предпочитает покупать мясо на кызылской ярмарке у своих односельчан из Саглы. Это дает ей возможность не только финансово поддержать знакомых, но и общаться с ними, узнавать местные новости, и в это время почувствовать себя среди своих близких.

Бывшие сельские жители вносят существенный вклад в поддержание животноводства и продовольственного обмена. Среди наших информантов встречались предприимчивые люди, которые, даже переехав в город, продолжали держать скот в районе или перевозили в соседние районы поближе к Кызылу. Регулярные поездки на чабанскую стоянку порождают маятниковую миграцию¹ (Миграционные процессы ... 2013: 12; Дьячкова, Моисенко, 2021: 207–208), которая создает дополнительный поток финансовых, человеческих ресурсов к сельским территориям. По словам одной из информанток, «в процентном соотношении, наверное, не так уж много людей владеют скотом и стараются в городе работать и еще держать скот с помощью каких-то людей, помощников, им платят ежемесячно». Содержание скота в районе от городских жителей требует логистической ловкости — нужно успевать проводить плановые мероприятия со скотом (стрижка овец, заготовка сена). Регулярные поездки в отдаленный Овюрский район требуют и немало финансовых затрат. Родственницы информантки на свадьбу подарили десять коз, коров, лошадей, которых она держит на стоянке. Сами проживают в Кызыле, и в любое свободное время выезжают в район.

«Сложно, конечно, но они стараются успевать. Все время надо решать вопросы. Бывает, например, сезон сенокоса, а ты работаешь в городе и не можешь самостоятельно помочь родственникам. Тогда нужно нанимать людей. Нужно быть смелым, чтобы на расстоянии держать скот» (женщина, 35 лет).

Практика содержания скота в районе при постоянном проживании в городе требует отдельного детального изучения, поскольку она характерна не только для жителей данного района, но и в целом для выходцев из других районов республики. В настоящее время подобной статистики, разумеется, не ведется, и трудно сказать, какой процент городских жителей имеют скот на чабанских стоянках. Хотя, на мой взгляд, изучение современных практик управления скотоводческим хозяйством в гибридном формате (в будни работа в городе, на выходных в районе на чабанской стоянке) весьма актуальное для тувиноведения направление. Это важный вопрос, поскольку в настоящее время в условиях интенсивной миграции возникают ситуации, когда вся семья уезжает из села и передать скот некому. Судя по нашим информантам, тувинцы переживают подобное стечение обстоятельств как серьезную коллективную потерю. Речь идет не только о потере продовольственных ресурсов, но об утрате стабильности, уверенности в завтрашнем дне.

¹ Маятниковая миграция — условное название регулярных, обычно — ежедневных, поездок населения из одного населённого пункта (места жительства) в другой — на работу или учёбу и обратно (Миграционные процессы ... , 2013: 12). Похожее определение дают П. А. Дьячкова, Н. Л. Мосиенко: «Маятниковые миграции населения ... представляют собой такой вид пространственной мобильности, при котором индивид не меняет своего постоянного места жительства, однако значительную часть времени проводит в другом месте с целью работы, отдыха, смены деятельности (Дьячкова, Моисенко, 2021: 207–208).

Сейчас же среди тувинцев считается большой удачей, если в селе остаются родственники (*төрөл* на тувинском языке), т. е. «круг своих родных людей» (Ламажаа, 2021а: 15), которые получают скот и хозяйство от старшего поколения и продолжают преумножать его. Здесь наблюдается парадоксальная ситуация: с одной стороны, профессия чабана не является такой же престижной как работа в государственных органах, служба в силовых ведомствах (см: Анайбан, 2018; Дабиев, 2018), в то же время сами чабаны имеют высокий социальный статус и пользуются уважением в тувинском обществе. Один из наших информантов — горожанин с почтением рассказал про своего дядю, крупного животновода в Овюрском районе, который держит стадо, включающее скот многих родственников. Приведем цитату:

«У дяди не просто его хозяйство, а всей семьи. У меня там тоже есть определенное количество коров, овец. Распределение идет по всем родственникам. И все это хозяйство держит он один. Дядя перенял наш скот от дедушки, и несет определенную ношу. Часто бывает в городе, заходит в Министерство сельского хозяйство. Его там чиновники все знают и уважают» (муж., 29 лет).

Стоит отметить и ценностное значение чабанской стоянки для сельских и городских родственников. Ее наличие благотворно влияет на весь психологический микроклимат в родне — это место единения, сближения, приложения общих усилий для достижения полезного всем результата. Люди чувствуют, что с родственниками их связывает не просто кровное происхождение, но и вполне конкретное практическое дело предков, которое требует постоянного сотрудничества и активного участия каждого члена большой семьи.

Итак, фиксируя текущие хозяйственные потоки продовольствия из овюрских сел в город, следует отметить, что «город» в данном направлении выступает не просто пассивным потребителем продуктов питания (как в известном выражении, «село кормит город»), а включенным, активным субъектом, заинтересованным в сохранении реальной практической связи с животноводческим делом. Переезжая в Кызыл, овюрцы стараются сохранять как можно дольше свое участие в разведении скота в районе. Можно сказать, что урбанизационные процессы выталкивают деревенских жителей в город, но не разрывают связей с селом как местом, обеспечивающим продовольственную безопасность. Сказанное будет справедливым и по отношению к другим районам республики. Потоки мясных и молочных продуктов питания стекаются в столицу через частные контакты, сельскохозяйственные ярмарки, а городские тувинцы стараются быть причастными к разведению скота в районах.

Трудовые сезонные потоки родственников из города в село

Следующий вид хозяйственного взаимодействия логично вытекает из первого, и заключается в непосредственной помощи городских родственников чабанам («город — селу»). Несмотря на территориальную удаленность Овюрского района от столицы и до 2022 г. полное отсутствие регулярного автобусного сообщения, бывшие сельские жители и городские родственники прикладывают усилия, чтобы оказать посильную помощь и облегчить быт чабанам. Основные потоки, которые идут круглогодично: продукты питания, инвентарь, перевод денежных средств, выезд на сезонные работы (стрижка овец, заготовка сена), приезд и труд детей на школьных каникулах. Не будет преувеличением сказать, что сеть таких потоков «пульсирует» по всей республике, по ней текут жизненно важные ресурсы для чабанов, без которых занятие животноводством в текущих социально-экономических условиях затруднено. Из рассказа ныне горожанина, выходца из Солчура:

«Когда наступает сельхозвремя (весна, осень), мои двоюродные братья, сестры приезжают на чабанскую стоянку, чтобы помочь. В зимнее время отправляют продукты через знакомых, таксистов, но обычно через родственников. Самые основные — это мука, макароны, сигареты, масло» (муж., 30 лет).

Другая информатика называется подобный вид участия в хозяйственной деятельности чабанов «шефством»:

«Опять же чабанам всегда помогаем. Это шефство у нас называется. Каждую весну едем в чабанскую стоянку, и нам определенную работу дают. Кто-то стрижет коз, кто-то чистит коровник, кошару кто-то очищает» (жен., 37 лет).

Бывают случаи, когда регулярных приездов городских родственников на сезонные работы оказывается недостаточно. Как сказала одна из информанток, «нужны руки на стоянке», то есть помощь на повседневной основе. Если на чабанской стоянке проживает семья из двух взрослых и детей, то трудовых ресурсов не хватает. Женщина с детьми проживает в селе, поскольку им нужно посещать

школу. Получается, что на самой стоянке остается мужчина и в лучшем случае один или два помощника. В роли помощника часто выступают родственники, но их труд небезвозмездный, а оплачивается — живым скотом или деньгами (по рассказам, примерно 10–15 тысяч в месяц). Если мужчина на стоянке остается один, то не всегда удается сохранить скот:

«Был у меня брат. Он после бабушки и дедушки долгое время держал скот, сам, один. Но он говорит, очень было тяжело ему, потому что он один, без жены, сам доил, сам пас. Потом тоже перебрался в город, бросил это дело» (жен., 35 лет).

К сожалению, без должного экономического участия городских родственников чабанам сохранять, а главное — преумножать стадо бывает достаточно сложно. Почему же, казалось бы, традиционное животноводство, являющиеся основой экономического развития региона оказалось в такой ситуации? Что касается Овюрского района, то здесь роль играет удаленность, транспортная труднодоступность, а также отсутствие пунктов сбыта продукции, что существенно снижает прибыль местных животноводов. Жители вынуждены на собственных машинах отвозить скот в столицу: плата за место на субботних ярмарках и расходы на бензин порой еле покрывают себестоимость скота. Горожанин, бывший сельский житель рассуждает:

«У сестры было около 800 коз. Даже тысячником иногда была, а сейчас оставила. Мясо некуда сбыть — везти в Кызыл накладно. После стрижки шерсть некуда девать. Просто сжигали, бросали овечью шерсть. Кожу, вроде бы, принимают, а шерсть некуда. В Абакан за гроши вези...? Лучше бы в Овьуре создали прием шерсти. Как раньше были заготовительные конторы. Они бы покупали, собрали и со всего района бы повезли в Новосибирск, да, хоть куда. А так по одной вези — это накладно. И почему бы не открыть маленькие заводы, фабрики? Тогда бы еще лучше было бы. Как в Монгун-Тайге: тушенку выпускают, говядину, мясо яка, из баранины тушенку. А в Овьуре ничего нет» (муж., 68 лет).

О том, что содержание скота не всегда экономически выгодно, упомянули несколько из числа опрошенных нами информантов, в том числе банковский работник в сфере кредитования частного бизнеса. Согласно ее оценкам, из-за отсутствия логистики сбыта фермерской продукции чабаны могут покрыть лишь базовые потребности семьи. Ситуация выглядит следующим образом:

«Когда мы составляли калькуляцию барана, то его себестоимость составляет 6 тысяч рублей, а на рынке он продается от 6 до 8 тысяч. Доставка до города, забой и раздел туши, место на ярмарке, жить два дня в городе в это время — это все расходы. Вот из-за этих всех нюансов выходит, что они не зарабатывают почти. И не будешь же часто забивать скот» (жен., 37 лет).

Хоть информанты отмечали положительный эффект от губернаторских проектов, направленных на поддержку молодых семей, желающих заняться животноводством («Кыштаг для молодой семьи», «Корова кормилица»), общий нарратив относительно экономической целесообразности разведения скота показался нам достаточно пессимистичным. Приведем цитату:

«У нас тоже немного мелкого скота рогатого, несколько коров и табун лошадей. Я в городе работаю, я вот свою зарплату, свои свободные деньги трачу на содержание нашего скота, понимаете? Надо сено, надо корма для всех лошадей, собак, продукты да бензин, потому что мы часто ездим, отец ездит на стоянку, там дядя, отец, брат приезжает и уезжает постоянно, мы там в движении находимся» (муж., 42 года).

Республиканские экономисты также бьют тревогу: личные подсобные хозяйства тувинских животноводов показывают низкую эффективность и не приносят дохода. Основная причина — это отсутствие механизма реализации продукции для дальнейшей переработки, за счет которой и должна увеличиваться доходная база семьи чабанов. Так, специалисты обращают внимание, что «ранее экономически выгодные виды продукции животноводства (молоко, шерсть и шкура) в настоящее время для чабанов не приносят дохода из-за их не организованных пунктов приема продукции, а экономическая эффективность скотоводческих хозяйств достигается только за счет производства баранины и говядины» (Севек, Тайбыл, Даржаа, 2020: 468). Но и здесь есть сложность: чтобы сбыть мясо, нужно доставить его на рынок самостоятельно, а значит выехать со стоянки, или заплатить посредникам, что снизит выручку. По расчетам Р. С. Тайбыл, Ч. Б. Даржаа, проведенным в 2019 г., «рыночная цена (от 4 до 7 тыс. руб. за голову) несправедлива в сопоставлении с трудовыми и временными затратами, которые несет хозяйство в процессе выращивания скота» (Тайбыл, Даржаа, 2019: 59).

Таким образом, за счет регулярного, плотного включения в хозяйственные процессы городских родственников, включая бывших сельских, чабаны получают необходимые ресурсы, доступ к которым через государственные, рыночные механизмы бывает затруднен. Можно сказать, что вокруг чабанской

стоянки образуется своеобразное село-городское микроэкономическое пространство, которое можно отнести к разряду «неформальной» экономики, помогающей поддерживать более качественный уровень жизни в тувинских селах.

Поток сельских школьников в городские учебные заведения

К специфике село-городских связей в Туве можно отнести широко распространенную практику проживания сельских детей в домах городских родственников во время обучения в школе, среднем или высшем учебных заведениях. В Овюрском районе в 2018–2019 гг. из 1187 школьников район покинул 41 школьник (из них 35 поступили в средние учебные заведения). В 2019–2020 гг. этот показатель составил 43 человека, а в 2020–2021 гг. — 31 человек¹. Родители отправляют школьников учиться в город, как правило, после 4–9 классов, а семья родственников-горожан принимает в свой дом и присматривает за ними все это время. Иногда в семьях проживают студенты, когда случаются трудности с получением общежития. В этом плане городские родственники выступают как «фундамент», материальная основа для профессионального старта сельской молодежи.

Сравнивая мотивы переезда тувинцев, хакасов и алтайцев, О. Л. Лушникова отмечает, что тувинцы покидают села в большей степени из-за стремления к лучшей жизни, из-за низкого уровня жизни в сельской местности, из-за безработицы (Лушникова, 2021: 118). Среди наших информантов также встречались те, кто переехал в город школьниками и проживал у родственников дома. Женщина вспоминает свою мотивацию переезда:

«В городе можно получить образование. Мама посчитала (и я с ней согласна), что образование там лучше, качественнее. В Кызыле я проживала в квартире у своего двоюродного брата. Он работал, а я училась. Мама, папа остались в селе. Младший брат вместе со мной приехал учиться» (жен., 35 лет).

Сельские школы проигрывают городским в качестве образования в силу объективных причин: нехватки педагогических кадров, финансирования, скудности материально-технического оснащения. Проведя исследование состояния школьного образования сельских поселений в Туве, в том числе опросив сельчан, имеющих детей школьного возраста (65,4% от общей выборки), С. П. Татарова, Н. А. Затеева делают неутешительный вывод: несмотря на все усилия, уровень подготовки выпускников тувинских сельских общеобразовательных школ по-прежнему не соотносится с уровнем полученного образования в городе (Татарова, Затеева, 2018: 30). Играет роль и низкий уровень подготовки по русскому языку сельских школьников (Саая и др., 2021), что часто также служит причиной перевода в городскую школу.

Информантка из Солчур рассказывает:

«У нас в селе никто не говорил на русском языке. Чтобы хорошо им владеть, получить образование, мы уезжали в город» (жен., 35 лет).

Вместе с тем надо отметить, что в нарративах опрошенных информанты не встречается четкой негативной коннотации в отношении сельского образования: его не называли «плохим», «некачественным», «слабым», «отстающим». Люди проговаривали эту ситуацию, оперируя сравнительными оборотами «в городе лучше», «там русский язык», «потом поступить в вуз можно». Наоборот, в воспоминаниях собеседников школьные годы окрашены ностальгией, учителя вспоминаются с теплотой и благодарностью, а дружба с сельскими одноклассниками часто длится годами.

Поток сельских школьников в городские школы, по словам информантки (30 лет, Дус-Даг), которая в настоящее время работает в системе образования, в особенности был интенсивным в 1995–2015 гг. Она связывает его с колоссальным отставанием в материально-техническом плане — «на всю школу у нас был один компьютер». Ситуация меняется и если раньше перевод в городскую школу казался единственным способом включения ребенка в современные образовательные процессы, то сейчас, по ее мнению, сельские школы не уступают городским. Информантка высоко оценила реализацию национальных проектов «Образование», «Цифровая экономика», благодаря которым технологическое неравенство постепенно выравнивается. Если раньше в селах не было интернета, то с 2018 г. ведутся активные работы по проведению мобильного интернета, дающего доступ к цифровым

¹ По данным Управления образования Республики Тыва по Овюрскому муниципальному району, с которым автор смог ознакомиться по личному запросу.

сервисам, в самые отдаленные населенные пункты¹. А с 2021–2022 гг. в сельских школах открываются специальные образовательные центры «Точки роста» с интерактивным оборудованием для учебного процесса². К тому же, по ее мнению, сельским учителям легче найти индивидуальный подход к каждому ученику, а в городе из-за сильной переполненности, когда в классе учатся по сорок человек, а школа работает в три смены — педагогам трудно уделить внимание каждому ребенку. В таких условиях адаптация сельских детей к городским условиям протекает сложнее и возможно ухудшение успеваемости.

В настоящее время поток сельских школьников в Кызыл на фоне увеличения сельско-городской миграции остается острой проблемой общественности. Городские учебные заведения переполнены в 2–2,5 раза допустимого значения, а общий прирост школьников ежегодно составляет около 1000 человек. Региональные власти пытаются решить проблему строительством новых школ³.

Итак, на протяжении всей учебы дети проживают в доме у родственников, по сути, будучи включенными в другую нуклеарную семью. За это время у ребенка формируются близкие отношения с двоюродными, троюродными братьями и сестрами. По словам информантов, городские родственники крайне редко отказываются принимать детей. Как правило, они соглашаются и помимо обеспечения кровом и пищей, оказывают всяческую поддержку в адаптации детей к городским условиям. Помощь заключается в посещении родительских собраний, покупке необходимых канцелярских товаров, предоставлении временной городской регистрации, необходимой для зачисления в учебное заведение и т. д. Они становятся законными представителями ребенка на территории города и несут за него социальную ответственность перед обществом и органами власти.

Родители из села отправляют мясную и молочную продукцию, покупают одежду, дают деньги на личные расходы школьников. Переезд детей в город на учебу воспринимается как позитивное событие: ожидается, что ребенок получит качественные знания и овладеет русским языком на достаточном уровне, чтобы поступить в дальнейшем в вуз. На каникулы школьники приезжают домой в район и поддерживают связь с бывшими одноклассниками. Так, у человека по окончании школы формируется два круга одноклассников, с которым он, как правило, сохраняет общение на всю жизнь — сельские и городские.

Результаты интервью показали, что среди овюрцев проживание детей у родственников во время учебы считается естественным, общепринятым видом взаимопомощи⁴. С одной стороны, подобная семейная солидарность свидетельствует о крепких кровнородственных связях, готовности принять на себя долгосрочные обязательства по отношению к родне. О семейных традициях тувинцев написано большое количество трудов (Дулов, 1951; Ламажаа, 2021b; Куулар, 2022; и др.).

Это подтверждают и мои собеседники. Приведу цитату из интервью с информанткой из Хандагайты:

«Родственная связь — это самая большая ценность; это необходимость в нашем суровом климате. И в печали, и в радости мы вместе. Если кто-то учится в других городах, то помогаем, чтобы дети наших родственников получили образование. Моей старшей дочери как-то помогли — отправили документы. Бабушка давала мясо, заготовки. Родственная связь не дает тувинцам “упасть”» (жен., 62 года).

¹ В Туве голосованием выбирают малые села для подключения к мобильному интернету [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2022, 8 ноября. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/economy/49913/ (дата обращения: 18.07.2023).

² В Туве одновременно открыли 25 центров образования «Точка роста» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2021, 23 ноября. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/education/46453/ (дата обращения: 18.07.2023).

³ Мэр Кызыла Карим Сагаан-оол: Столица Тувы должна быть городом, а не большой деревней [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2021, 4 февраля. <https://www.tuvaonline.ru/2021/02/04/mer-kyzyla-karim-sagaan-ool-stolica-tuvy-dolzha-byt-gorodom-a-ne-bolshoy-derevney.html> (дата обращения: 18.07.2023).

⁴ Среди исследований близких к этой тематике можно выделить работы В. В. Галиндабаевой, посвященные межпоколенческой заботе о детях в бурятских семьях (Галиндабаева, 2014, 2015). Мигрируя из села в город на заработки, матери вынуждены делегировать воспитание детей женщинам старшего поколения расширенной семьи или рода. Как отмечает автор: «Материнство на расстоянии в Бурятии не стигматизируется, а вписывается в идеологию расширенного материнства, которая воспроизводится в бурятских семьях в силу культурных и исторических факторов» (Галиндабаева, 2015: 7).

С другой стороны, это некий общественный консенсус по отношению к образованию как к ценному ресурсу, источнику социального благополучия¹. Ради получения качественного образования молодого поколения вся семья и родственники готовы претерпеть определенные трудности: одни отпустить ребенка из дома, другие — принять его, помогать материально и морально поддерживать. Для подробного исследования необходим анализ сведений о выбывших учащих из разных районов в республике в динамике. Очевидно, что городская инфраструктура оказалась не готова к такому интенсивному потоку школьников, о чем свидетельствует проблема переполненности кызылских школ. На примере Овюрского района мы видим, что улучшение материально-технической базы образовательных учреждений, а также общее оздоровление социально-экономического климата в местных селах по сравнению с 1990–2010 гг., положительно сказались на уменьшении оттока детей из района. Тем не менее образовательный поток присутствует и, по всей видимости, будет увеличиваться, если не будет продолжаться сокращаться разрыв в качестве жизни овюрских сельских территорий от городского уровня.

Этнокультурные потоки городских жителей в районы

И, наконец, еще одним видом сельско-городского взаимодействия в Туве являются этнокультурные потоки — проведение городскими тувинцами в районах ритуалов и обрядов (*дагылга*, *саң салыры*, паломничество в святые места и т. д.).

Практически все опрошенные информанты рассказывали про проведение обряда *дагылга*, который ежегодно проводится в родовых местах в сельской местности (Дагылга: тувинские ..., 2021; Майны, 2023). Тувинцы верят: если сделать подношение духам местности, провести обряд в точном исполнении, то можно рассчитывать, что удача будет благоволить. Примечательно, что для наших собеседников не имеет значение, кто будет проводить обряд освящения: лама или шаман. В их нарративах оба данных статуса равнозначны и релеванты для установления контакта с духами местности.

Помимо духовного смысла тувинцы видят в обряде *дагылга* пользу для установления крепких родственных связей. Об этом высказались многие собеседники, но мы приведем лишь некоторые цитаты. Так, мужчина из Солчура считает, что:

«люди каждый год должны видаться, чтобы было взаимопонимание. Я заметил, что третье поколение уже не знают друг друга. Если их не собирать вместе по таким поводам как *дагылга*, то молодежь даже если на улице встретятся, то пройдут мимо» (муж., 46 лет).

Жизнь в городе, по мнению информантов, способствует отдалению родственников между собой, каждая семья погружается в собственные заботы, и родные встречаются только на праздничных мероприятиях. Дом в селе, отчий дом, и самое главное наличие чабанской стоянки с общим скотом, наоборот, объединяет и сближает всех. А обряд *дагылга* для современных тувинцев является символом единства и общности рода, дает возможность почувствовать себя частью большой сплоченной семьи.

В следующем высказывании видно, как для женщины важно сохранить близкую связь с родственниками второго и третьего поколений и она готова прилагать для этого усилия со своей стороны:

«В этом мероприятии (т. е. *дагылга*. — И. Т.) обычно собирается весь род. Знакомятся, чтобы не было такого, что двоюродные, троюродные не знают друг друга. Смысл этого мероприятия в том, чтобы всей родней, всем родом собраться и отблагодарить свое место, место рождения. Чтобы дальше младшие поколения друг друга знали и дружили, держали связь между собой» (жен., 40 лет).

Городским жителям с плотным рабочим графиком и лимитированными отпусками выбраться из рабочих будней для совершения обряда — задача не из простых. Тем не менее, люди стараются подстроить свои планы, чтобы не пропустить обряд. Вот цитата из интервью женщины, которая живет в Москве, свидетельствующая о важности посещения родных мест — ради этого она поменяла сферу деятельности в столице, чтобы иметь возможность ездить в район:

¹ Так, результаты опроса, проведенного в 2020 г. С.-С. В. Куулар, показали, что «сегодняшняя молодежь предпочитает не торопиться с заведением семьи и рождением детей. Для нее ценностно важным стало получение образования, хотя часть молодежи сначала обзаводится семьей, а затем поступает в специальные учебные заведения» (Куулар, 2020: 41).

«Я раньше планировала свой отпуск, чтобы была возможность приехать на *дагылга*. В Москве отпуск был всего две недели, и я стала пропускать наше семейное мероприятие. Затем я ушла из банка, в том числе и по этой причине. Сейчас я могу свободно прилетать и встречаться с родственниками. Обычно я организатор встреч с одноклассниками, так как в школьные годы была старостой» (жен., 40 лет).

Кроме этого, городские тувинцы ездят на праздничные мероприятия, похороны, встречу одноклассников в сельской школе или в отпуск (в село). Бывают случаи, когда люди чувствуют сильную потребность в возвращении к родным местам и регулярно приезжают в район. Информантка из Солчура рассказала нам следующий случай:

«Место, где мы родились, даёт нам силу. У меня есть одноклассник-бизнесмен. Он очень занятой. Тем не менее говорит: я не могу, мне надо обязательно ездить домой раз в два месяца, чтобы набраться сил, отдохнуть. У него прямо такая потребность есть. Иногда он берет с собой одноклассников на выходные в район, и они вместе к понедельнику возвращаются в город» (жен., 40 лет).

Надо сказать, что многие овюрцы, которые сейчас проживают в Кызыле, отмечали, если бы дорожная сеть была более развитой и комфортной, то они гораздо чаще бы приезжали в район. Местные власти занимаются этим вопросом: обновили автодороги Хандагайты-Ак-Чыраа¹, отремонтировали мост в с. Саглы, который ежегодно в весенний период размывало водой². В 2022 г. открылся автобусный маршрут «Хандагайты — Кызыл — Хандагайты». Однако трудности остаются. Например, проехать в Саглы на обычной легковой машине достаточно сложно, поэтому у всех сельских жителей есть легковые машины. По этой же причине, как сказала нам одна из информанток, в село часто не заезжают с гастролями артисты, ансамбли, и это существенно обедняет культурную жизнь села.

Стоит отметить роль домов культуры в Овюрском районе по поддержанию коммуникаций с уехавшими в город земляками. Добившихся творческой, профессиональной реализации людей приглашают выступить с концертами, лекциями, творческими встречами. Так, дома культуры выступают социальной площадкой, связывающей «село» и «город» в сеть обмена культурными благами. Внимание со стороны успешных овюрцев улучшает внутренний микроклимат сельского социума, усиливает чувство достоинства, легитимности сельского сообщества в собственных глазах, а ныне городским жителям помогает удовлетворить потребность в значимом для них контакте с родной землей.

Однозначно, что культурные потоки горожан в села будут увеличиваться по мере развития процесса возрождения национальной тувинской культуры (Харунова, 2010; Зыкин, 2019 и др.). Сейчас ключевым этнокультурным событием, стягивающим городских жителей в районы республики, является обряд *дагылга*, который приобрел массовый характер с 2000-х гг. (Дагылга: тувинские ..., 2021: 4). Есть основания полагать, что с новым этапом развития буддизма в регионе популяризируются паломничества к святым религиозным объектам, также расположенным в сельских территориях (буддийская ниша суме в Чаа-Хольском районе, храм Устуу-Хурээ в Дзун-Хемчикском районе и др.). Как показывают исследования, посещение культовых буддийских мест среди современных верующих тувинцев носит вторичный характер (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020 : 144). Однако наблюдается положительная динамика: так, в мае 2022 г. впервые состоялся молитвенный тур вокруг горы Хайыракан в Улуг-Хемском районе в честь 30-летия визита Далай-Ламы XIV в Туву³.

Добавлю, что городские этнокультурные потоки увеличатся, если сельские поселения станут более доступными. Необходимо открытие новых межмуниципальных рейсов, поскольку в настоящее время действуют всего три маршрута: «Кызыл — Ак-Довурак — Кызыл», «Кызыл — Хандагайты — Кызыл» и «Кызыл — Эрзин — Кызыл», что явно недостаточно в масштабах республики⁴.

¹ В Овюрском районе по просьбам жителей ... [Электронный ресурс] // TMG news. 2022, 7 июля. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/v-ovyurskom-rajone-obnovlyayut-avtodorogu-handagajty-ak-chyraa/> (дата обращения: 16.04.2023).

² Военные приступили к строительству моста в селе Саглы приграничного Овюрского кожууна Тувы [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2021, 30 июня. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/06/30/voennye-pristupili-k-stroitelstvu-mosta-v-sele-sagly-prigranichnogo-ovyurskogo-kozhuuna-tuvy.html> (дата обращения: 16.04.2023).

³ Буддисты Тувы совершили кору ... [Электронный ресурс] // TMG news. 2022, 7 мая. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/buddisty-tuvy-sovershili-koru-vokrug-gory-khaiyakan/> (дата обращения: 16.04.2023).

⁴ Миндортранс Тувы запустит новые межмуниципальные автобусные маршруты [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2023, 13 января. URL https://rtyva.ru/press_center/news/transport/50862/ (дата обращения: 03.10.2023).

Заклучение

Несмотря на увеличивающуюся сельско-городскую миграцию, сельские территории продолжают играть важную социокультурную роль для тувинского общества. Специфика сельско-городского взаимодействия в Туве заключается в интенсивной, плотной связи сельской и городской действительности. Прежде всего, связывают эти два социума чабанские стоянки, в которых содержится скот сельских и городских членов семьи. Такая коллективная хозяйственная деятельность родственников запускает непрерывные круглогодичные потоки обмена продовольствием (продукты чабанам — мясо городским), финансами, трудовыми ресурсами. Яркой отличительной региональной особенностью сельско-городского взаимодействия являются этнокультурные потоки городских тувинцев в районы, связанные с традиционным представлением о родной земле как месте предков, дающей жизненные силы.

Сельские жители с помощью городских родственников получают необходимые ресурсы, доступ к которым затруднён из-за несовершенства государственной системы образования, здравоохранения, социального обеспечения. Взаимодействие с городскими жителями в текущих тяжёлых социально-экономических условиях помогает сохранять стабильность и поддерживать функционирование тувинского сельского сообщества.

Данные результаты исследования могут быть полезны для пересмотра значения сельской жизни в Туве, а также применимы к планированию стратегического развития тувинских сельских территорий, решению вопросов, связанных с увеличением миграции сельского населения в город.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеева, Т. Т., Скрипиль, И. А. (2018) Взаимодействие городских и сельских территорий в экономическом пространстве региона. Краснодар : Кубанский государственный университет. 170 с.
- Анайбан, З. В. (2018) Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–131. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>
- Биткеева, А. Н., Цыбенова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>
- Галиндабаева, В. В. (2014) Межпоколенная забота в семьях сельских мигрантов в Бурятии: гендерный аспект // Теория и практика общественного развития. № 18. С. 35–37.
- Галиндабаева, В. В. (2015) Идеология расширенного материнства: забота о детях сельских мигранток в Бурятии // Журнал исследования социальной политики. № 1. С. 7–20.
- Дабиев, Д. Ф. (2018) Профессиональные предпочтения населения Тувы в контексте экономической культуры // Новые исследования Тувы. № 2. С. 132–148. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.7>
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Даржаа, Ч. Б., Тайбыл, Р. С. (2019) Животноводческие хозяйства в Республике Тыва // Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования : сборник статей X Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н. Ф. Кузнецова. Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 284 с. С. 62–64.
- Дулов, В. И. (1951) Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX в. (до 1917 г.) // Советская этнография. № 4. С. 57–76.
- Дьячкова, П. А., Мосиенко, Н. Л. (2021) Анализ маятниковых миграций в городской агломерации: социологические опросы и большие данные // Мир экономики и управления. Т. 21. № 4. С. 205–228. DOI: <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-4-205-228>
- Зиммель, Г. (2018) Большие города и духовная жизнь : пер. с нем. М. : Strelka Press. 12 с.
- Зыкин, А. В. (2019) Проблема возрождения традиционной культуры тувинского этноса в постсоветский период // Человек и культура. № 1. С. 23–31. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.1.28729>
- Корюхина, И. Ю., Куклина, В. В. (2014) Взаимодействие города и села в пространствах пригорода (случай Иркутска) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 3. С. 14–21.

Кузьмицкая, А. А. (2022) Взаимодействие города и села в современном обществе // Актуальные вопросы экономики и агробизнеса. Сборник трудов XIII Международной научно-практической конференции / отв. ред. О. В. Дьяченко. Кокино : Брянский государственный аграрный университет. 638 с. С. 604–608.

Куулар, С.-С. В. (2020) Ценностные приоритеты современной тувинской семьи: опыт исследования // Мир науки, культуры, образования. № 6 (85). С. 40–42. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-40-42>

Куулар, С.-С. В. (2022) Традиции родства у тувинцев как фактор духовнонравственного воспитания личности // Проблемы современного образования. № 2. С. 115–123. DOI: <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2022-2-115-123>

Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) *Хой ээди* для тувинцев. идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Социальные общности и социальные связи тувинцев в XIX — начале XXI в. // Ермолаевские чтения. Материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики / отв. ред. В. С. Чигжит. Кызыл : Издательский отдел Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. 284 с. С. 7–10. DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-7-10>

Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Лушникова, О. Л. (2021) Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 3. С. 113–125. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-3/113-125>

Майны, Ш. Б. (2023) Представления о чер 'земле' современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 38–63. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Мал-маган. Тувинцы — скот — мясо (2023) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ч. Х. Санчай, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны, А. В. Монгуш; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 152 с.

Миграционные процессы в современном городе (2013) / под ред. М. В. Афонин, Л. Д. Руденко. Ярославль : Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. 106 с.

Нефедова, Т. Г. (2013) Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М. : Ленанд. 456 с.

Полян, П. М. (2014) Территориальные структуры — урбанизация — расселение: теоретические подходы и методы изучения. М. : Новый хронограф. 785 с.

Саая, С. К., Танзы, М. В., Сафонов, К. В., Шершнева, В. А. (2021) Математическая подготовка школьников и студентов в Республике Тыва в условиях двуязычия // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. № 3 (57). С. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-57-3-286>

Севек, В. К., Тайбыл, Р. С., Даржаа, Ч. Б. (2020) Анализ экономической эффективности типовых этнических хозяйств Республики Тыва // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 223. № 3. С. 468–477. DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-468-477>

Смит, А. (2007) Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо. 960 с.

Тайбыл, Р. С., Даржаа, Ч. Б. (2019) Современные проблемы кочевого хозяйства в этническом регионе (на примере Республика Тыва) // Проблемы устойчивого развития региона: сборник статей IX школы-семинар молодых ученых России, посвященная 70-летию академика РАН Арнольда Кирилловича Тулохонова / отв. ред. П. Л. Палеев, Е. Ц. Пинтаева. Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ). 274 с. С. 57–60.

Татарова, С. П., Затеева, Н. А. (2017) Социальные процессы в современном сибирском селе (на примере республик Бурятия и Тыва). Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК. 192 с.

Татарова, С. П., Затеева, Н. А. (2018) Система образования как фактор развития сельского социума в республиках Бурятия и Тыва // Гуманизация образования. № 6. С. 29–34.

Тённис, Ф. (2002) Общность и общество. Основные понятия чистой социологии : пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Владимир Даль. 452 с.

Тимошенко, М. А. (2014) Взаимодействие города и села как фактор экономического роста сельских территорий ЮФО // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. № 14. С. 124–130.

Тиникова, Е. Е. (2022) Урбанизация Тувы в советский и современный периоды // Азиатские исследования: история и современность. № 1. С. 132–141.

Трейвиш, А. И. (2016) Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 52–70.

Харунова, М. М.-Б. (2010) Проблемы возрождения национальной культуры в Туве в постсоветский период // Новые исследования Тувы. № 2 (6). С. 62–70.

Lynch, K. (2005) *Rural-urban interaction in the developing world*. London ; New York : Routledge. 209 p.

Mill, J.S. (1888) *Principles of Political Economy with Some of their Applications to Social Philosophy*. London : Longmans, Green, Reader & Dyer. 591 p.

Park, R. E. (1952) *The urban community as a spatial pattern and a moral order* // Park R. E. *Human community. The city and Human Ecology*. Glencoe (Ill) : The free Press. 278 p. P. 165–177.

Park, R. E. (1967) *The City as a Social Laboratory* // Park R. E. *On Social Control and Collective Behavior/ Selected Papers*. Ed. and with introduction by Ra lph H. Turner. Chicago ; London : Phoenix Books, The University of Chicago Press. 274 p. P. 3–18.

Ricardo, D. (1999) *On the Principles of Political Economy and Taxation (The Works and Correspondence of David Ricardo)* / Ed. by P. Sraffa, M. H. Dobb. London : Library of Economics and Liberty. 333 p.

Sorokin, P., Zimmerman, C. (1929) *Principles of rural-urban sociology*. New York : Holt. 652 p.

Дата поступления: 25.07.2023 г.

Дата принятия: 27.11.2023 г.

REFERENCES

Avdeeva, T. T. and Skripil', I. A. (2018) *Interaction of urban and rural territories in the economic space of the region*. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennyi universitet. 170 p. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2018) Employment and socio-professional orientations of contemporary Tuva's youth. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–131. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Galindabaeva, V. V. (2014) Intergenerational care in rural migrant families in Buryatia: gender aspect. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 18, pp. 35–37. (In Russ.).

Galindabaeva, V. V. (2015) The ideology of extended motherhood: caring for the children of rural migrants in Buryatia. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, no. 1, pp. 7–20. (In Russ.).

Dabiev, D. F. (2018) Career preferences of Tuva population in the context of economic culture. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 132–148. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.7>

Dagylga: Tuvan rites of consecration in the XXI century (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.).

Darzhaa, Ch. B. and Taibyl, R. S. (2019) Livestock farms in the Republic of Tyva. In: *The competitive potential of the region: assessment and efficiency of use* : collection of articles of the X International Scientific and practical Conference / ed. by N. F. Kuznetsova. Abakan, Khakasskii gosudarstvennyi universitet im. N. F. Katanova. 284 p. Pp. 62–64. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1951) Remnants of the communal-tribal system and tribal way of life among Tuvans in the XIX – early XX century (before 1917). *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 57–76. (In Russ.).

D'iachkova, P. A. and Mosienko, N. L. (2021) The Analysis of Commuting Migrations within the Urban Agglomeration: Sociological Surveys and Big Data. *World of Economics and Management*, vol. 21, no. 4, pp. 205–228. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-4-205-228>

Zimmel, G. (2018) *Big cities and spiritual life*: transl. from Germ. Moscow, Strelka Press. 12 p. (In Russ.).

Zykin, A. V. (2019) The problem of reviving the traditional culture of Tuvan ethnos during the post-Soviet period. *Man and Culture*, no. 1, pp. 23–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.1.28729>

Koriukhina, I. Iu. and Kuklina, V. V. (2014) The interaction of the city and the village in the spaces of the suburbs (the case of Irkutsk). *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniia*, no. 3, pp. 14–21. (In Russ.).

Kuz'mitskaia, A. A. (2022) Interaction of city and village in modern society. In: *Current issues of economics and agribusiness*. Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference / ed. by O. V. D'iachenko. Kokino, Brianskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. 638 p. Pp. 604–608. (In Russ.).

Kuular, S.-S. V. (2020) Value priorities of the modern tuvan family: research experience. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (85), pp. 40–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-40-42>

Kuular, S.-S. V. (2022) Traditions of kinship among tuvans as a factor of spiritual and moral education of the individual. *Problemy sovremennogo obrazovaniia*, no. 2, pp. 115–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2022-2-115-123>

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility. *Etnografiia*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) The Main Issues of the Study of Kinship and Kin Groups of Contemporary Tuvans: Passportization, Terminology and Maintenance of Kinship. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Social communities and social ties of Tuvans in the XIX – early XXI century. In: *Ermolaev readings. Materials of the jubilee V scientific and practical conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Tuvan People's Republic* / ed. by V. S. Chigzhit. Kyzyl, Izdatel'skii otdel Natsional'noi biblioteki im. A. S. Pushkina Respubliki Tuva. 284 p. Pp. 7–10. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-7-10>

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to the faith. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Lushnikova, O. L. (2021) Altay people, Tuvans, Khakass people: involvement in urban processes. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 113–125. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-3/113-125>

Mainy, Sh. B. (2023) Perceptions of 'cher' ('earth') among contemporary Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 38–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Mal-magan. Tuvans — cattle — meat (2023) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Ch. Kh. Sanchai, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy and A. V. Mongush; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 152 p. (In Russ.).

Migration processes in a modern city (2013) / ed. by M. V. Afonin and L. D. Rudenko. Yaroslavl, Yarosl. gos. un-t im. P. G. Demidova. 106 p. (In Russ.).

Nefedova, T. G. (2013) *Ten topical questions about rural Russia. The geographer's answers*. Moscow, Lenand. 456 p. (In Russ.).

Polian, P. M. (2014) *Territorial structures — urbanization — settlement: theoretical approaches and methods of study*. Moscow, Novyi khronograf. 785 p. (In Russ.).

Saaia, S. K., Tanzy, M. V., Safonov, K. V. and Shershneva, V. A. (2021) Mathematical training of schoolchildren and students in the Republic of Tuva under the conditions of bilingualism. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, no. 3 (57), pp. 17–26. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-57-3-286>

Sevek, V. K., Taibyl, R. S. and Darzhaa, Ch. B. (2020) Analysis of the economic efficiency of typical ethnic farms of the Republic of Tuva. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 223, no. 3, pp. 468–477. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-468-477>

Smit, A. (2007) *A study on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow, Eksmo. 960 p. (In Russ.).

Taibyl, R. S. and Darzhaa, Ch. B. (2019) Modern problems of nomadic economy in an ethnic region (by the example of the Republic of Tuva). In: *Problems of sustainable development of the region: collection of articles of the IX school-seminar of young scientists of Russia, dedicated to the 70th anniversary of Academician Arnold Kirillovich Tulokhonov* / ed. by P. L. Paleev and E. Ts. Pintaeva. Ulan-Ude, Buriatskii nauchnyi tsentr Sibirskogo otdeleniia RAN (Ulan-Ude). 274 p. Pp. 57–60. (In Russ.).

Tatarova, S. P. and Zateeva, N. A. (2017) *Social processes in modern Siberian villages (on the example of the Republics of Buryatia and Tuva)*. Ulan-Ude, Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks FGBOU VO VSGIK. 192 p. (In Russ.).

Tatarova, S. P. and Zateeva, N. A. (2018) The education system as a factor in the development of rural society in the Republics of Buryatia and Tuva. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, no. 6, pp. 29–34. (In Russ.).

Tennis, F. (2002) *Community and society. Basic concepts of pure sociology*: transl. from Germ. by D. V. Skliadneva. St. Petersburg, Vladimir Dal'. 452 p. (In Russ.).

Timoshenko, M. A. (2014) Interaction between cities and villages as a factor of economic growth in rural areas of the Southern Federal District. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendentsii razvitiia*, no. 14, pp. 124–130. (In Russ.).

Tinikova, E. E. (2022) Urbanization of Tuva in the Soviet and modern periods. *Aziatskie issledovaniia: istoriia i sovremennost'*, no. 1, pp. 132–141. (In Russ.).

Treivish, A. I. (2016) Rural-urban continuum: the fate of representation and its relation to spatial mobility of the population. *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 3, no. 1, pp. 52–70. (In Russ.).

Kharunova, M. M.-B. (2010) Problems of the revival of national culture in Tuva in the post-Soviet period. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 62–70. (In Russ.).

Lynch, K. (2005) *Rural-urban interaction in the developing world*. London, New York, Routledge. 209 p.

Mill, J. S. (1888) *Principles of Political Economy with Some of their Applications to Social Philosophy*. London, Longmans, Green, Reader & Dyer. 591 p.

Park, R. E. (1952) The urban community as a spatial pattern and a moral order. In: Park R. E. *Human community. The city and Human Ecology*. Glencoe (Ill), The free Press. 278 p. Pp. 165–177.

Park, R. E. (1967) The City as a Social Laboratory. In: Park R. E. *On Social Control and Collective Behavior/ Selected Papers*. Ed. and with introduction by Ralph H. Turner. Chicago; London, Phoenix Books, The University of Chicago Press. 274 p. P. 3–18.

Ricardo, D. (1999) *On the Principles of Political Economy and Taxation (The Works and Correspondence of David Ricardo)* / Ed. by P. Sraffa and M. H. Dobb. London, Library of Economics and Liberty. 333 p.

Sorokin, P. and Zimmerman, S. (1929) *Principles of rural-urban sociology*. New York, Holt. 652 p.

Submission date: 25.07.2023.

Acceptance date: 27.11.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.14

Статья

Студенческая семья глазами тувинской молодежи

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Российская Федерация,

Ольга А. Золотарева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация,

Екатерина Н. Васильева

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Российская Федерация,

Дмитрий В. Накисбаев

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье представлены результаты Всероссийского социологического исследования «Студенческая семья России» (2022 г.), полученные по Республике Тыва. Описываются брачные и репродуктивные установки тувинской студенческой молодежи в возрасте от 18 до 25 лет (учащихся Тувинского государственного университета), дана оценка готовности молодежи к созданию студенческих семей.

В ходе исследования установлено, что регистрация брака не является ведущим мотивом для семейной жизни студенческой молодежи в Республике Тыва; откладывание рождения ребенка на более позднее время у студентов связана с их уязвимым экономическим положением. Особую значимость для повышения рождаемости в ранних молодых возрастах приобретает вопрос социальной триады: семья — образование — занятость.

Молодым студенческим семьям важно достигать определенной экономической самостоятельности и вузы могут этому способствовать, предоставляя возможности для совмещения получения образования и работы. Сформулированы первоочередные дополнительные меры, которые должны оказывать положительное влияние на решения студенческой молодежи как о создании семьи (при том официально регистрируя брак), так и о рождении ребенка.

Ключевые слова: тувинцы; Тыва; Тувинский государственный университет; студенческая семья; модель семьи; зарегистрированный брак; рождаемость

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н., Накисбаев Д. В. Студенческая семья глазами тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 225-242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.14>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Золотарева Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4. Эл. адрес: OAMahova@yandex.ru

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: vasilevaen@yandex.ru

Накисбаев Дмитрий Владимирович — кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: nakisbaev-dv@rudn.ru

Student family through the eyes of Tuvan youth

Tamara K. Rostovskaya

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS,
Russian Federation,*

Olga A. Zolotareva

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation,

Ekaterina N. Vasilieva

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS,
Russian Federation,*

Dmitriy V Nakisbaev

RUDN University, Russian Federation

The article presents the results of a nationwide sociological study “Student Families of Russia”, conducted in the Republic of Tuva in 2022. The study focuses on the marital and reproductive attitudes of students aged 18–25 in Tuva, specifically those attending Tuvan State University. The aim of the study was to assess the readiness of these young people to form families while studying.

The findings of the study indicate that marriage registration does not appear to be the primary motivation for students in Tuva when it comes to establishing a family. Instead, postponement of childbirth until a later age is linked to their unstable economic situation. This highlights the importance of addressing issues such as family, education, and employment to increase the birth rate among young people. It is important for young families to achieve economic independence, and universities can help them do so by providing opportunities to combine education and work. We have formulated priority additional measures that will have a positive impact on student youth’s decisions about starting a family and having children.

These measures include supporting registered marriages and helping students with childcare. This will encourage more young people to start families and have children, which will help to increase the birth rate in Tuva.

Keywords: Tuvans; Tuva; Tuvan State University; student family; family model; registered marriage; birth rate

For citation:

Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A., Vasilieva E. N. and Nakisbaev D. V. Student family through the eyes of Tuvan youth. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 225–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.14>

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333, Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1629-7780

ZOLOOTAREVA, Olga Anatolyevna, Candidate of Economics, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University. Postal addresses: 27, building 4, Lomonosovsky prosp., 119333, Moscow, Russian Federation. E-mail: OAMahova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7339-7510

VASILIEVA, Ekaterina Nikolaevna, Doctor of Sociology, Associate Professor; Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333, Moscow, Russian Federation. E-mail: vasilevaen@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0460-5539

NAKISBAEV, Dmitriy Vladimirovich, Candidate of Political Science, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: nakisbaev-dv@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-0600-7639

Введение

Перспективы демографической ситуации определяются моделью демографического поведения молодых поколений. Формирование государственной демографической и семейной политики не может не учитывать особенности целеполагания студенческой молодежи, готовности молодежи к созданию молодых и студенческих семей. Модель молодой семьи разработана при подготовке Концепции государственной политики в отношении молодой семьи¹, а сегодня активно обсуждаются вопросы концептуального осмысления феномена студенческой семьи.

29 февраля 2024 г. в ежегодном Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации В. В. Путин среди «вопросов, решение которых считается принципиально важным для уверенного, долгосрочного развития страны»², определил значимость создания условий, позволяющих студентам, аспирантам, создавшим молодые семьи, учиться, работать и воспитывать детей.

Рост внимания к проблемам студенческой семьи подтверждается проведением 20 февраля 2024 г. в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации заседания рабочей группы экспертного совета Комитета по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства на тему «О разработке законодательства о мерах поддержки студенческих семей»³, на котором, во-первых, главой комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Н. Останиной была отмечена необходимость поддержки студенческих семей, во-вторых, было определено, что «депутатам предстоит, наконец, узаконить “студенческую семью”»⁴, в-третьих, депутатом Госдумы О. Коробовой было сказано: «Работа по поддержке студенческих семей уже ведется, но нам предстоит выяснить, что нужно им, чтобы крепче встать на ноги»⁵.

При этом на заседании было также отмечено: «Еще восемь лет назад коллеги из Института демографических исследований выделили студенческую семью в отдельную группу и настойчиво рекомендовали нам, депутатам, отдельно законодательно урегулировать эту группу»⁶.

В тоже время возникает ряд вопросов, во-первых, действительно ли повлияют иницилируемые меры поддержки студенческой семьи на изменение брачных и репродуктивных планов студенческой молодежи? Во-вторых, можно ли прогнозировать, что меры поддержки окажут влияние на рост брачности и рождаемости в среде студенческой молодежи во всех регионах России?

Получить ответы на поставленные вопросы позволяет Всероссийское социологическое исследование «Студенческая семья России», инициированное Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН) и проведенное в апреле-мае 2022 г. Исследование было призвано получить комплексные данные как о мотивах брачного и репродуктивного поведения, так и о необходимых, по мнению студенческой молодежи, мерах поддержки студенческих семей.

Особый интерес представляют данные, полученные в ходе опроса студенческой молодежи Республики Тыва, т. к. в республике складывается благоприятная ситуация для роста рождаемости, что позволяет использовать данные по тувинской молодежи как модельные и сравнивать их с данными по другим регионам. Результаты указанного исследования частично публиковались (Ростовская, Кучмаева, Васильева, 2023) с целью оценить востребованность социальной политики, реализуемой государством и вузами в отношении развития и поддержки института студенческой семьи (на примере Республики Тыва). В настоящем исследовании представлены еще не опубликованные результаты.

¹ Письмо Минобрнауки России от 08.05.2007 № АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98438/ (дата обращения: 05.02.2024).

² Послание Президенту Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации. 2024, 29 февраля. URL: <http://duma.gov.ru/news/58905/> (дата обращения: 29.02.2024).

³ Сегодня в Государственной Думе (20 февраля 2024 г.) [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации. 2024, 20 февраля. URL: <http://duma.gov.ru/news/58841/> (дата обращения: 29.02.2024).

⁴ Студенческая семья получит в России статус и поддержку [Электронный ресурс] // Российская газета. 2024, 20 февраля. URL: <https://rg.ru/2024/02/20/studencheskaia-semia-poluchit-status-i-podderzhku.html> (дата обращения: 29.02.2024).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Целью нашей работы является описание брачных и репродуктивных установок среди тувинской студенческой молодежи, что позволит сделать выводы о готовности молодежи к созданию студенческих семей. Основные задачи исследования: охарактеризовать современное состояние рождаемости в Республике Тыва и структурировать полученные эмпирические данные.

Объектом исследования являются брачные и репродуктивные установки студенческой молодежи (в возрасте от 18 до 25 лет) из числа бакалавров и магистров, обучающихся на очной форме обучения Тувинского государственного университета (ТувГУ). Предмет исследования — мотивы, лежащие в основе брачных и репродуктивных установок студенческой молодежи ТувГУ.

Теоретико-методологическая основа исследования

С начала XXI в. в России активно формируется и реализуется семейно-демографическая политика, о чем свидетельствует большое число публикаций (Абылкаликов, Баймурзина, 2022; Агеев, Золотарева, 2023; Антонов, Лебедь, Соколов, 2010; Гурко, 2019; Ондар, Доспан-оол, 2017; Рыбаковский, 2015; и др.). Однако динамику основных показателей, характеризующих результативность проводимой политики, нельзя интерпретировать однозначно ни в целом по России, ни по ее регионам, в частности по Республике Тыва (Ростовская, Кучмаева, Золотарева, 2022). Основная причина этого — смещение ценностей у современной молодежи в сторону материальных, что подтверждается множеством исследований, в частности международных (Fernandez, Antonio, 1997; Billari, Wilson, 2001; и др.). Они показывают одну общую тенденцию: «начало семейной жизни отодвигается к более позднему возрасту и одновременно увеличивается период времени между завершением образования, началом трудовой деятельности и рождением первого ребенка»¹. Указанная тенденция подробно освещалась в работах ученых-фамилистов (Ростовская, Кучмаева, 2015) и ведущих демографов (Антонов, Лебедь, Соколов, 2010; Персидская, 2019; и др.²).

В основе исследований брачного и репродуктивного поведения лежат задачи выявления мотивов вступления в брак, создания семьи, рождения детей (Bongaarts, Feeneu, 1998; Ryder, 1980). Значимость исследований мотивов создания студенческой семьи имеет специфику, т. к. они накладываются на мотивацию и стратегии получения образования (Allison, 2023; Hawkins, Amato, Kinghorn, 2013; Ростовская, Кучмаева 2015), поэтому успешное совмещение образовательных и семейных задач требует значительных ресурсов, которые не всегда есть у студенческой молодежи.

Несмотря на ряд уже имеющихся результатов, исследования, посвященные вопросам студенческой семьи, не теряют значимость и актуальность. Следует отметить авторский вклад Т. К. Ростовской, О. В. Кучмаевой, Е. А. Князьковой в изучение различных аспектов функционирования молодой и студенческой семьи, определении ее правового статуса (Ростовская, Кучмаева, 2015; Ростовская, Князькова, 2022), а также региональные исследования общественного мнения студенческой молодежи о семье (Денисов, 2012; Багирова, Шубат, 2017; Татарова, Бочиктуева, 2009; Саралиева, Егорова, Рябинская, 2022; и др.³).

Связано это с тем, что проведенные исследования отечественных ученых, посвященные вопросам студенческой семьи, являются локальными (региональными) и выявляют специфику именно для территорий, на которых они проводились. Более того, ряд исследований, по сути, представляют собой попытки наглядного представления эмпирических данных посредством простейших методов группировки или графической визуализации информации, позволяющих получить характеристики ценностных и брачно-семейных ориентиров студенческой молодежи. Например, был сделан вывод, что «лишь 13 % респондентов хотели бы воспроизвести модель поведения родителей в собственных семьях <...> Примером для многих студентов является семья не предыдущего поколения (родителей), но прадедушек — студенческие семьи бабушек и дедушек» (Андрюшина, Панова, 2022: 211).

¹ Захаров С. В. Перспективы рождаемости в России. Второй демографический переход [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: <https://strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod> (дата обращения: 15.02.2024).

² Там же; Климантова Г. И. Государственная семейная политика современной России: перспективы и социальные риски // Социальная политика и социология. 2008. № 6. С. 23–31.

³ Уварова Н. Н. Современное студенчество и его ценностное отношение к семье [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ. 2012. № 3. URL: <https://ppipold.idnk.ru/index.php/-3-2012/9-2011-02-24-12-27-14/-3-2011/257-2011-09-29-10-54-12> (дата обращения: 12.02.2024).

Большой вклад в изучение студенческой молодежи внесли исследования Т. А. Гурко (Гурко, 2019), также с В. С. Тарченко, по результатам которых можно сделать вывод, что увеличивается количество студентов, которые планируют завершить образование, до вступления в брак и рождения детей (Гурко, Тарченко, 2019). Молодежь Республики Тыва сегодня не является исключением. Это подтверждается опубликованными результатами исследования О. Е. Ноянзиной, С. Г. Максимовой и Д. А. Омельченко (Ноянзина, Максимова, Омельченко, 2023). По данным проведенного авторами исследования иерархия ценностей тувинской молодежи представлена следующим образом: цели материального успеха (59,6%), профессиональный успех (42,6%), образовательные цели (38,5%); создание семьи (32,9%). Тем не менее, в Республике Тыва сохраняется традиция многодетности благодаря традиционным семейным нормам тувинцев, составляющих абсолютное большинство населения региона (Зырянова, Попова, 2018). Именно поэтому Республика Тыва является уникальным регионом России — в регионе растет рождаемость (Абылкаликов, Баймурзина, 2022), поэтому важно не только видеть факторы, объясняющие демографические тенденции (специфику брачного и репродуктивного поведения тувинцев), но и выявить сохраняются ли установки в молодежной среде.

Исследования факторов, влияющих на специфику ценностных ориентаций и демографического поведения тувинцев, мы можем найти в работах тувиноведов и других специалистов (Доржу, 2019; Ойдуп, Калгыдай, 2012; Анайбан, Балакина, 2022; Бадмаев и др., 2020; Персидская, 2019; Попков, 2021; и др.). Комплексный подход, представленный в работах анализирующих специфику представлений студенческой молодежи, помог систематизировать данные о проблемах, с которыми сталкиваются тувинские семьи (Татарова, 2016), в том числе в области получения детьми высшего образования (Харунова, 2020).

Интересны данные исследования Ч. К. Ламажаа, направленного на анализ проблем раннего родительства, выявлено две противоположные тенденции — гиперопека и безответственность как возможные негативные итоги раннего родительства (Ламажаа, 2021: 66). Данную точку зрения разделяет и О. Д. Натсак, фиксируя неблагоприятные тенденции увеличения числа отложенных регистраций брака и роста внебрачной рождаемости. Основная причина — неготовность молодежи нести моральную и материальную ответственность за семью, что в результате ведет к увеличению количества бедных материнских семей (Натсак, 2022).

В тоже время в исследованиях представлений тувинской студенческой молодежи о семье и браке было установлено, что почти половина респондентов (46,2%) относятся к вступлению в брак во время учебы в вузе лояльно, категорически негативно — 31,5%; а главной причиной вступления в брак как для юношей, так и для девушек называется любовь (78%) (Ондар, Доспан-оол, 2017).

В этой связи считаем необходимым представить отдельно результаты исследования моделей семьи и демографического поведения студенческой молодежи по уникальному, с точки зрения демографического развития, региону — Республике Тыва.

Методология социологического исследования и характеристика выборки

На первом этапе исследования мы охарактеризовали современное состояние рождаемости в Республике Тыва. Несмотря на достигнутый рост суммарного коэффициента рождаемости в отчетном (2022 г.) в сравнении со значениями базисного (2006 г.) как в целом по России, так и по Республике Тыва (*диаграмма 1*), необходимо акцентировать внимание на сравнительные характеристики его ежегодных изменений.

Суммарный коэффициент рождаемости как на федеральном уровне, так и на уровне исследуемого региона стабильно возрастал с 2006 по 2015 гг., но интенсивность изменений в разные годы была не одинаковой. Например, в 2007 г. в сравнении с 2006 г. в Республике Тыва рост показателя составил 26,9%, в то время как по России в целом — 8,5%; в 2008 г. в сравнении с 2007 г., наоборот, более существенный рост был характерен для показателя по России в целом (6,1%), а не по Республике Тыва (3,9%).

Переломным годом, сменившим тенденцию роста суммарного коэффициента рождаемости на сокращение его значений, для Республики Тыва стал 2015 г., в то время как для России в целом — 2016 г. (на год позднее). При этом суммарный коэффициент рождаемости в Республике Тыва за период с 2015 по 2022 гг. в среднем ежегодно уменьшался на 4,0%, в России за период с 2016 по 2022 гг. — на 3,2%.

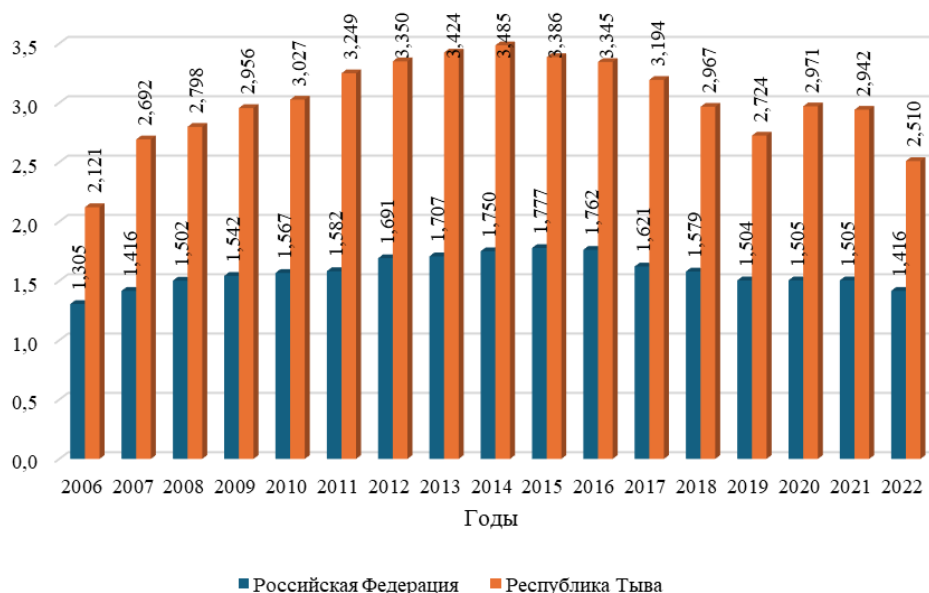

Диаграмма 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Республике Тыва за период с 1990 по 2022 гг.¹
 Diagram 2. Dynamics of the total fertility rate in the Republic of Tuva for the period from 1990 to 2022.

Анализ динамики возрастных коэффициентов рождаемости у женщин молодого репродуктивно-го возраста (от 15 до 30 лет) также свидетельствует о колеблемости и различиях в показателях (таб. 1).

Таблица 1. Возрастные коэффициенты рождаемости у женщин молодого репродуктивного возраста (от 15 до 30 лет), ‰²
 Table 1. Age-specific fertility rates for women of young reproductive age (from 15 to 30 years), ‰

Годы	Российская Федерация			Республика Тыва		
	15-19 лет	20-24 года	25-29 лет	15-19 лет	20-24 года	25-29 лет
2006	28,2	87,8	78,4	42,0	143,1	117,3
2007	28,3	89,5	86,9	52,1	168,6	150,4
2008	29,3	91,2	92,4	57,8	176,2	147,1
2009	28,7	90,5	95,9	62,5	180,1	161,7
2010	27,0	87,5	99,2	65,6	191,4	157,1
2011	26,7	87,5	99,8	74,9	211,7	163,1
2012	27,3	91,3	106,6	76,9	227,2	159,4
2013	26,6	89,9	107,6	68,3	251,2	164,0
2014	26,0	89,8	110,2	68,6	255,9	167,6
2015	24,0	90,0	112,6	64,3	254,4	167,3

¹ Составлено авторами по материалам: Демография [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#> (дата обращения: 30.01.2024); Население [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32956> (дата обращения: 30.01.2024).

² Составлено авторами по материалам: Демография [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#> (дата обращения: 30.01.2024); Население [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32956> (дата обращения: 30.01.2024).

2016	21,5	87,2	111,5	58,2	233,3	176,0
2017	18,4	81,2	100,1	51,4	194,3	185,5
2018	16,1	78,4	96,5	41,7	163,6	182,6
2019	14,6	74,8	91,2	34,9	142,9	169,4
2020	14,1	73,6	92,6	37,6	141,7	175,9
2021	13,5	70,6	94,8	38,8	137,1	166,7
2022	13,4	65,7	90,1	33,4	125,9	133,9

Если в динамике общероссийских показателей фиксируется переход к старению рождаемости в 2008 г., когда коэффициент рождаемости у женщин в возрасте 25–29 лет превысил значение коэффициента рождаемости у женщин в возрасте 20–24 года и до сегодняшнего дня в молодом репродуктивном возрасте большие значения коэффициента рождаемости характерны для женщин в возрасте 20–24 года, то в Республике Тыва данный процесс наблюдается с 2018 г.

Среди особенностей рождаемости в молодом репродуктивном возрасте также следует выявить существенный процент внебрачной рождаемости, который характерен для населения Республики Тыва (диаграмма 2).

При этом как в России в целом, так и в Республике Тыва уровень внебрачной рождаемости с увеличением возраста сокращается, оставаясь в Республике Тыва довольно весомым — в 2022 г. 62% от общего числа рождений.

Значения рассмотренных показателей: суммарного коэффициента рождаемости, возрастных коэффициенты рождаемости у женщин молодого репродуктивного возраста (по 5-ти летним группам в рамках возраста 15–30 лет) и уровня внебрачной рождаемости в населении (у тех же 5-ти летних групп) — в Республике Тыва значительно выше общероссийских, что обосновывает необходимость проведения дополнительных региональных исследований, данные которых позволили бы выявить специфику представлений о желаемых моделях семьи и демографическом поведении, в частности у студенческой молодежи, а также определить возможности замедления процесса старения рождаемости или перелома данного тренда за счет репродуктивного потенциала студенческих семей.

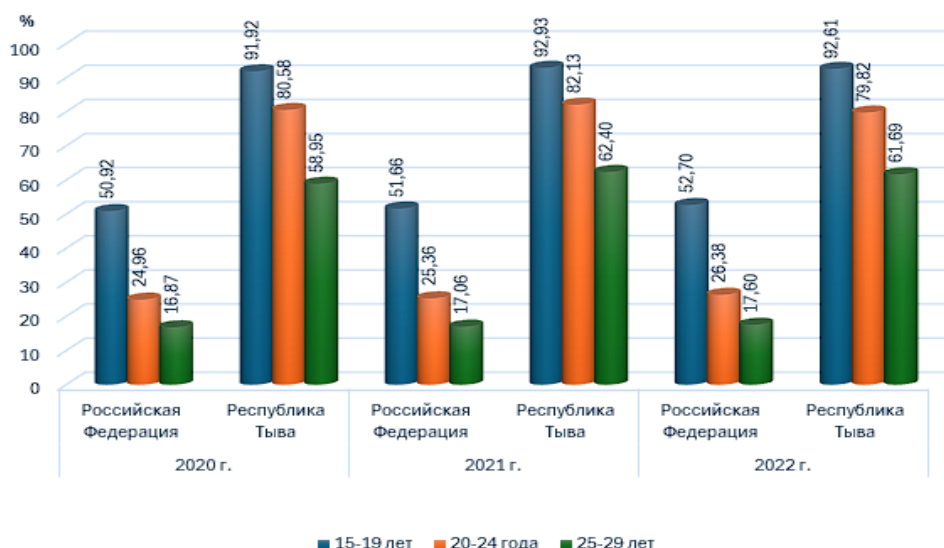

Диаграмма 2. Динамика внебрачной рождаемости в населении от 15 до 30 лет в Российской Федерации и Республике Тыва¹.
Diagram 2. Dynamics of out-of-wedlock birth rate in the population aged 15 to 30 years in the Russian Federation and the Republic of Tyva.

¹ Составлено авторами по материалам: Региональная статистика [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/> (дата обращения 29.03.2024).

Одна из исследовательских гипотез, формулировка которой основана на предварительно ранее рассмотренных данных о внебрачной рождаемости населения в возрасте от 15 до 30 лет и которую предстоит либо подтвердить, либо опровергнуть полученными эмпирическими данными авторского социологического исследования и их анализом, сводится к тезису: в системе мотивации студенческой молодежи в Республике Тыва регистрация брака для семейной жизни не играет принципиального значения.

Другая гипотеза сводится к тому, что для изменения демографической ситуации, прежде всего, характеризующейся старением рождаемости (которая подтверждается вышеприведенным анализом данных Росстата) из-за откладывания рождения ребенка на более позднее время, необходима разработка и реализация специальных мер поддержки студенческой семьи, которые должны быть определены непосредственно для студентов, официально зарегистрировавших брак во время обучения в вузе. Это в свою очередь отразится на увеличении рождаемости в ранних молодых возрастах, а также будет способствовать уменьшению доли внебрачных рождений у молодежи, прежде всего, в возрастах от 15 до 24 лет (студенческом возрасте).

На втором этапе исследования были собраны эмпирические данные, полученные по результатам авторского регионального исследования, проведенного специалистами ИДИ ФНИСЦ РАН в 2022 г. на базе Тувинского государственного университета среди студентов — бакалавров и магистров. Исследование проведено методом анкетного опроса, выборка квотная (n=133, в соответствии с данными официальной статистики, это 2,6% студентов организаций высшего образования в Республике Тыва)¹.

Структура выборки по учащимся очной формы обучения в ТГУ представлена на диаграмме 3.

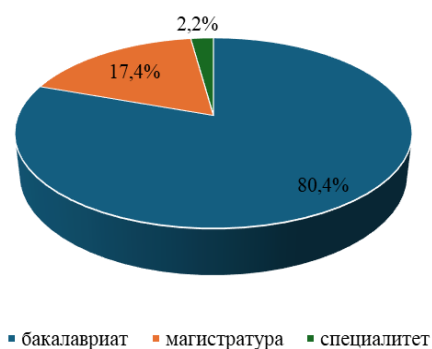

Диаграмма 3. Структура респондентов Тувинского государственного университета по форме обучения².
Diagram 3. Structure of respondents at Tuvan State University by form of study.

Среди респондентов 21,2% уже состоят в браке, еще 4,8% проживают одни, вне семьи. Остальные студенты пока проживают с родительской семьей. Практически у всех опрошенных студентов, состоящих в браке, уже есть дети (18,5%) — это студенты в возрасте 23 лет и старше. При этом в числе опрошенных 52,1% работают и 28,3% собираются устроиться на работу в ближайшее время.

Желаемая модель семьи

Характеризуя мотивацию студенческой молодежи ТувГУ на создание семьи, следует обратить внимание на их систему ценностей, наглядное представление которой дает диаграмма рассеяния среднего балла ответов с квартильными границами статистических характеристик (диаграмма 4).

¹ Статистическая форма ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры», данные за 2021 г.: Высшее образование [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения 28.06.2022).

² Составлено по данным авторского социологического исследования.

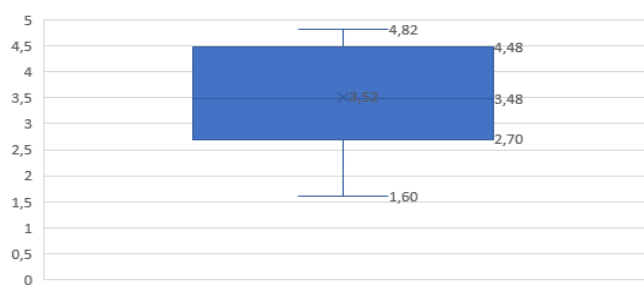

Диаграмма 4. Диаграмма рассеяния среднего балла по ответам респондентов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими суждениями, касающимися семейной жизни?» (оценка по 5-балльной шкале)¹.

Diagram 3. The scatter plot of the average score according to the respondents' answers to the question: "How much do you agree with the following judgments concerning family life?" (score on a 5-point scale)

Границы, в которых распределены значения ответов респондентов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими суждениями, касающимися семейной жизни?», находятся в пределах от 1,60 балла до 4,82 баллов, границы $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{4}$ квартилей характеризуются значениями 2,70 и 4,48 баллов.

Судя по ответам, студенты ТувГУ придерживаются современных взглядов на организацию семейной жизни. Отмечено веяние тенденций достижения гендерного равенства в супружеских парах (первые семь позиций, характеризующееся баллами выше среднего), особо следует здесь подчеркнуть как материальный аспект («ничего страшного, если в семье женщина зарабатывает больше мужчины» — балл выше значения границы $\frac{3}{4}$ квартиля и составляет 4,65), так и карьеру («карьера такая же важная часть жизни, как и семья, и для мужчины, и для женщины» — также балл выше значения границы $\frac{3}{4}$ — 4,52). В системе ценностей брака и семейной жизни у молодежи отмечается сформированное понимание значимости отцовства: в верхнем квартиле значение балла по ответу — «мужчина должен активно включаться в воспитание ребенка, уход за ним» (4,78 балла); выше средней границы значение балла по ответу — «отец — важная часть в жизни ребенка, ребенка трудно вырастить счастливым без отца» (4,12 балла). Это определяет важность участия мужчины / отца в воспитании и жизни ребенка несмотря на возможность распада брака (особенно, с учетом того, что далеко не все респонденты выразили позицию: «брак является пожизненной связью и не должен расторгаться»).

Нижний квартиль (значения балла меньше 2,70 — границы $\frac{1}{4}$) характеризует ответы, которые не являются приоритетными в системе ценностей молодежи, их отмечает довольно немногочисленная часть опрошенных. По результатам исследования, многодетность по мнению респондентов не определена в приоритетных ценностях: значение балла по ответу — «в семье должно быть много (3 и более) детей» ниже значения границы $\frac{1}{4}$ и равен 2,65.

Довольно несущественную роль, тем не менее отчасти признанную, в системе ценностей молодежи имеют зарегистрированный брак и наличие детей (по ответам: «брак должен быть зарегистрированным, сожительство — это не настоящая семья» (3,00), «у женщины / мужчины должен быть хотя бы один ребенок» (3,22) и «семья может быть счастливой и без детей» (3,48 — граничное медианное значение) — баллы находятся в границах от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$).

Выявленные результаты, прежде всего, определяют необходимость формирования / популяризации в молодежной студенческой среде образа благополучия семьи, основанного на зарегистрированном браке и наличии детей в семье.

Таким образом, студенческая семья глазами молодежи Тувинского государственного университета — это гендерно-равные семьи как в вопросах материального обеспечения семей и трудового статуса мужчины и женщины в семье, так и в контексте условий жизни самой семьи, распределении семейных обязанностей, включая воспитание детей.

¹ Близость значения к 5 баллам, говорит о большей степени согласия респондентов с тем или иным утверждением; верхний квартиль — свыше $\frac{3}{4}$ — определяет наиболее важные / приоритетные характеристики брака и семейной жизни молодежи; нижний квартиль — менее $\frac{1}{4}$ — наоборот, среди ценностей позволяет выявить несущественные.

Мотивы и преграды для рождения ребенка

Предваряя аналитику барьеров и преград для рождения ребенка в студенчестве, целесообразно представить распределение ответов студентов ТувГУ о желании родить ребенка во время обучения (диаграмма 5).

Большая часть респондентов на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы у Вас родился ребёнок, пока Вы учитесь в вузе?» ответили однозначно — «Нет» (57,1%). При этом относительно существенная часть обучающихся (26,2%) сказали о желании родить ребенка во время обучения, в том числе 4,8% из них в случае заключения брака, 16,7% ответивших затруднились с ответом.

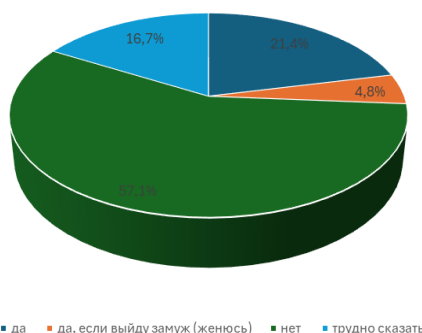

Диаграмма 5. Структура ответов студентов ТувГУ на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы у Вас родился ребёнок, пока Вы учитесь в вузе?», в % от ответивших.

Diagram 5. Structure of TuvSU students' answers to the question: "Would you like to have a child while you are studying at the university?", in % of respondents.

Анализ мотивов, которыми руководствуются студенты, отвечающих о готовности родить ребенка во время обучения, показал, что наиболее значимыми из них (оказывающими наибольшее влияние на решение студентов) являются: желание родить ребёнка в более молодом возрасте, что во многом будет определять дальнейшую жизнь; имеющаяся беременность и любовь к детям. Указанные мотивы охватывает очень разные аспекты жизни: от отношения к детям, ценности детей в личной картине мира, до конкретных жизненных обстоятельств (в частности, возможного отношения к незапланированной беременности). Перечисленные причины, способствующие готовности родить ребенка во время обучения, по ответам имеют средний балл более 4 (таблица 2).

Таблица 2. Ранжированный средний балл мотивов, которыми руководствуются студенты ТувГУ, желающие, чтобы у них родился ребенок в процессе обучения в вузе (оценка по 5-балльной шкале).

Table 2. Ranked average score of motives that guide TuvSU students who want to have a child while studying at the university (rating on a 5-point scale)

Мотивы	Балл
Лучше родить ребёнка в более молодом возрасте, тогда он во многом будет определять то, как будем строить свою жизнь	4,4
Я (моя супруга) уже беременна	4,3
Очень люблю детей	4,3
Дети — это главное в жизни	3,9
Чем дальше откладывать рождение ребёнка, тем больше будешь задумываться, не отложить ли ещё или вообще лучше жить без детей	3,8

Мотивы	Балл
Появление ребёнка хорошо повлияет на наши взаимоотношения с супругом(ой)	3,7
Если откладывать, то рождению ребёнка может помешать состояние здоровья	3,7
Появление ребёнка делает человека более взрослым	3,5
Молодая, студенческая семья при наличии ребёнка может пользоваться какими-нибудь льготами	3,0

Мотивы, по которым средний балл более 3,5 и менее 4 достаточно важны для студентов: дети — это главное в жизни; появление ребёнка хорошо повлияет на наши взаимоотношения с супругом(ой); если откладывать, то рождению ребёнка может помешать состояние здоровья; чем дальше откладывать рождение ребёнка, тем больше будешь задумываться, не отложить ли ещё или вообще лучше жить без детей. Меньше всего студенты думают при принятии решения о деторождении о льготах для молодых семей с детьми (средний балл составил 3).

Студенты и студентки ТувГУ, ответившие категорично «Нет» на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы у Вас родился ребёнок пока Вы учитесь в вузе?», основными аргументами, объясняющими нежелание иметь ребенка в процессе обучения в вузе, указали (таблица 3): не смогу должным образом учиться и получить хорошее образование (средний балл — 4,6); слишком рано начинать семейную жизнь в студенческие годы (средний балл — 4,3); с рождением ребенка будут серьёзные материальные проблемы (средний балл — 4,2), не с кем будет оставлять ребёнка, чтобы ходить на лекции и занятия (средний балл — 4,1).

Таблица 3. Ранжированный средний балл по оценкам студентами ТувГУ причин нежелания иметь детей в процессе обучения в вузе (оценка по 5-балльной шкале)

Table 3. Ranked average score according to TuvSU students' assessment of the reasons for their reluctance to have children while studying at the university (rating on a 5-point scale)

Причины нежелания	Балл
Не смогу должным образом учиться и получить хорошее образование	4,6
Вообще слишком рано начинать семейную жизнь в студенческие годы	4,3
Будут серьёзные материальные проблемы	4,2
Не с кем будет оставлять ребёнка, чтобы ходить на лекции и занятия	4,1
Могут быть проблемы с работой после вуза и это негативно повлияет на перспективы профессиональной деятельности	3,8
Будут проблемы с жильём	3,7
Я ещё не встретил(а) человека, с кем я хотел(а) иметь детей	3,7
Сейчас не принято рожать ребёнка в таком молодом возрасте	2,8

Меньше всего студенты уделяют внимание такой причине, как мнение окружающих, что «в обществе сейчас не принято рожать в таком молодом возрасте» (средний балл — 2,8).

При этом в молодежной студенческой среде ТувГУ наблюдается тенденция «откладывания» рождения ребенка на более старшие возраста, характерное в целом для России и ее регионов (Калачикова, Короленько, 2018).

Формирование такой репродуктивной установки у студентов ТувГУ, как откладывание рождения ребенка на некий временной лаг после окончания вуза, связано, прежде всего, с необходимостью достичь определенного материального достатка, решить квартирный вопрос, а также приобрести необходимый профессиональный опыт (диаграмма 6).

Диаграмма 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если вы хотели бы подождать с рождением ребенка еще несколько лет после окончания вуза, то почему?», % к числу опрошенных (ответы «Влияет очень существенно»).

Diagram 6. Distribution of respondents' answers to the question: "If you would like to wait a few more years after graduating from university to have a child, why?", % of the number of respondents (answers "It affects very significantly").

Следовательно, вновь подтверждается установка, что первоочередными мерами, способствующими омоложению рождаемости, должны быть те, которые позволят молодежи достичь экономической самостоятельности, в частности, совмещать семью и работу, а также будут способствовать улучшению качества жизни.

Меры поддержки молодой студенческой семьи

В условиях, когда решение молодой семьи отложить рождение ребенка еще на несколько лет после окончания вуза определяется в большей мере экономическими причинами, возникает необходимость в анализе информированности студентов о реализуемых мерах поддержки студенческой семьи. Студенческая семья априори нуждается в поддержке со стороны разных акторов: родительской семьи, государства, образовательной организации и некоммерческого сектора. Это обусловлено экономической несостоятельностью молодой семьи в связи с тем, что супруги (или один из них) находятся на этапе получения профессионального образования и чаще всего не имеют доходов, достаточных для обеспечения всех членов семьи. При рождении детей ситуация осложняется дополнительной иждивенческой нагрузкой. В этом случае поддержка молодых студенческих семей становится необходимым условием их материального благополучия. При этом позиция учебного заведения играет ключевую роль в содействии созданию молодых семей.

Всего 19% студентов, из числа тех, кто состоит в браке или имеет детей, в проведенном исследовании отметили, что в их университете созданы все условия для учёбы семейных людей. При этом в распределение ответов на вопрос: «Нуждаетесь ли Вы в дополнительной информации о возможностях получения мер поддержки и помощи для студенческих семей?» студенты ТувГУ показали высокую заинтересованность в получении информации о мерах поддержки молодой семьи (диаграмма 7).

Студенты ТувГУ также считают, что реализация специальных мер поддержки студенческой семьи — «очень важно и значимо для изменения демографической ситуации в стране» — 67,4% опрошенных (Ростовская, Кучмаева, Васильева, 2023: 123).

Анализ статистических характеристик распределения ответов студентов ТувГУ о возможных дополнительных мерах помощи студенческим семьям, которые позволят увеличить вероятность рождения ребенка в них, проведен на основе выделения квартильных групп по среднему баллу оценки

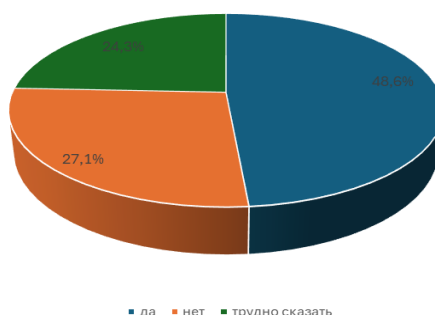

Диаграмма 7. Структура ответов студентов ТувГУ на вопрос: «Нуждается ли Вы в дополнительной информации о возможностях получения мер поддержки и помощи для студенческих семей?», в % от ответивших.
 Diagram 7. Structure of TuvSU students' answers to the question: "Do you need additional information about the possibilities of obtaining support measures and assistance for student families?", in % of respondents.

(диаграмма 8). Применение данной методологии позволило сегрегировать рассматриваемые меры поддержки на наиболее предпочтительные для студентов (значение балла входит в верхний квартиль — выше границы $\frac{3}{4}$, равной 4,32 балла) и те, которые, можно сказать, для молодежи являются второстепенными (значение балла меньше 3,96 — границы $\frac{1}{4}$ — нижний квартиль).

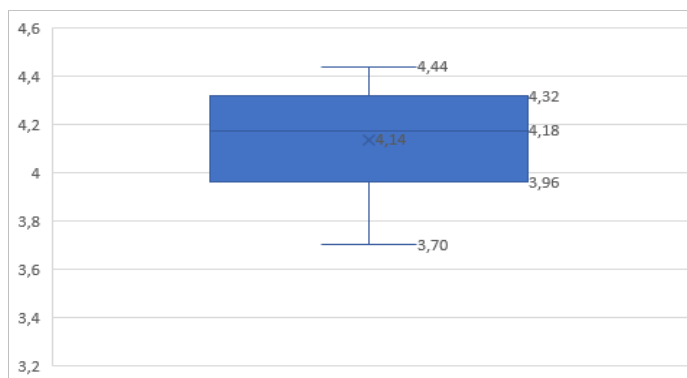

Диаграмма 8. Диаграмма рассеяния среднего балла оценки студентами ТувГУ дополнительных мер помощи, влияющих на вероятность рождения ребенка в студенческой семье (оценка по 5-балльной шкале).
 Diagram 8. Scatter plot of the average score of TuvSU students' assessment of additional assistance measures that affect the likelihood of having a child in a student family (rating on a 5-point scale).

Среди мер верхнего квартиля: повышение стипендий (надбавка к стипендии) при рождении ребенка для одного из супругов в студенческой семье (4,44 балла) — должна быть реализована на уровне вуза; и дополнительное повышение государственных пособий на ребенка в возрасте до 1,5 лет для одного из супругов студенческой семьи (4,38 балла) — должна быть реализована на государственном уровне.

В квартиль с границами от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$, в котором также представлены довольно распространенные ответы среди студенческой молодежи ТувГУ, вошли дополнительные меры, такие как: оказание помощи непосредственно со стороны образовательной организации в трудоустройстве супругов в студенческой семье с возможностью работы в дистанционном режиме (4,3 балла); содействие студенческим семьям в получении жилья (4,25 балла) и предоставление возможности обучения по индивидуальному графику для родителей в студенческой семье (4,2 балла). Указанные меры должны быть реализованы, прежде всего, на уровне вуза, в частности, образовательные учреждения могут предоставлять для студентов, официально зарегистрировавших брак, отдельные комнаты в общежитиях, тем самым создавая им условия для рождения детей.

В квартиль с границами от $\frac{1}{4}$ (3,96 балла) до $\frac{1}{2}$ (4,18 баллов) вошли: помощь в организации призора за ребенком; расширение возможностей дистанционного образования для родителей в студен-

ческой семье и расширение возможностей дистанционной занятости для родителей в студенческой семье (совершенствование законодательства).

Меньше всего студенты ТувГУ акцентировали внимание на дополнительных мерах поддержки, связанных с помощью в организации семейного отдыха и предоставлением дополнительных льгот по кредитам, в том числе ипотечным, для студенческой семьи — указанные меры составили нижний квартиль.

Заключение

Республика Тыва, бесспорно, представляет регион, к которому прикован особый интерес, что обосновано расширенным естественным воспроизводством населения и уровнем рождаемости в регионе, существенно превышающим среднероссийский (Ростовская, Кучмаева, Золотарева, 2022). Однако, динамика возрастной рождаемости вскрывает существующую в регионе проблему старения рождаемости, которая требует к себе особого внимания, в частности в контексте анализа возможностей изменения ситуации за счет репродуктивного потенциала студенческих семей.

Обе гипотезы по данным социологического исследования подтвердились: в системе мотивации студенческой молодежи ТувГУ регистрация брака не является приоритетной, откладывание рождения ребенка на более позднее время определяется материальными факторами, при этом вероятность принятия решения о рождении ребенка возрастает при наличии мер поддержки.

В целом, данные проведенного исследования подтвердили необходимость решения материальных проблем, которые позволят достичь более высокой реализации репродуктивного потенциала и омоложения рождаемости. Молодежь ТувГУ говорит о значимости для них мер поддержки, среди которых самыми актуальными являются те, которые позволят завершить обучение и обеспечить молодой студенческой семье приемлемый уровень жизни. Вузы имеют высокий потенциал содействия благополучию студенческих семей, что будет способствовать росту их числа. Здесь важно обратить внимание на два аспекта. Первый заключается в том, что для молодых пар без детей ключевым является жилищный вопрос, поэтому можно рекомендовать вузам, в том числе ТувГУ, возобновить опыт семейных общежитий для студентов, оформивших брак официально, что не только будет способствовать укреплению супружеского союза, но и положительно повлияет на вероятность рождения детей. Второй — в содействии достижения экономической самостоятельности молодой семьи благодаря расширению возможностей гибкого обучения для супружеских пар, официально заключивших брак, что позволит студенческим семьям совмещать триаду: образование — занятость — семья. Здесь у вузов высок потенциал развития дистанционного образования, которое дает возможность молодежи также работать и иметь собственный доход. Рождение ребенка в молодой студенческой семье обостряет не только вопрос финансовой состоятельности, но и задачу продолжения образовательного процесса без ухода в академический отпуск.

Таким образом, у молодежи будет формироваться ориентация на благополучную семью — семью, основанную на зарегистрированном браке, с детьми, характеризующуюся материальной самостоятельностью.

Полученные результаты исследования могут быть положены в основу разработки дополнительных мер поддержки студенческих семей, что будет способствовать преодолению выявленных негативных изменений демографических процессов в регионе (старение рождаемости, высокая внебрачная рождаемость). Также представленные результаты исследования брачных и репродуктивных установок могут стать основой сравнительных исследований мотивации к браку и родительству студенческой молодежи в регионах России с разными демографическими тенденциями.

Благодарности

Авторский коллектив выражает благодарность руководству Тувинского государственного университета в лице ректора О. М. Хомушку и проректора по научной работе Е. Д. Монгуша за содействие и помощь в проведении социологического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>
- Агеев, А. И., Золотарева, О. А. (2023) Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. Т. 30. № 2. С. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71>
- Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2022) Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы // Социологические исследования. № 2. С. 151–156. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>
- Андрюшина, Е. В., Панова, Е. А. (2022) Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // Искусство управления. Т. 11. № 2. С. 200–219. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-200-219>
- Антонов, А. И., Лебедь, О. Л., Соколов, А. А. (2010) Удовлетворенность жизнью, семья и брак в России и Европе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (97). С. 64–72.
- Багирова, А. П., Шубат, О. М. (2017) Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. № 7. С. 126–131. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517070145>
- Бадмаев, В. Н., Уланов, М. С., Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2020) Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы, № 1. С. 35–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>
- Гурко, Т. А. (2019) Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. № 2. С. 65–80. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6410>
- Гурко, Т. А., Тарченко, В. С. (2019) Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. № 7. С. 102–113. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250005797-9>
- Денисов, С. Б. (2012) Социальная помощь студенческой семье в СССР: историко-правовой анализ // Вестник Мордовского университета. Т. 22. № 1. С. 67–72.
- Доржу, З. Ю. (2019) Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 144–156. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>
- Зырянова, М. А., Попова, М. А. (2018) Факторный анализ процессов рождаемости в северных регионах России // Север и рынок: формирование экономического порядка. Вып. 3. Ч. 59. С. 111–121.
- Калачикова, О. Н., Короленко, А. В. (2018) Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. Т. 21. № 4. С. 109–121.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>
- Натсак, О. Д. (2022) Материальная самооценка жителей Республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований) // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 1. С. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.1.10>
- Ноянзина, О. Е., Максимова, С. Г., Омельченко, Д. А. (2023) Традиционное и модернизационное в конструировании ценностных оснований жизненных перспектив молодежи (Тува и другие регионы) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 154–169. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.9>
- Ойдуп, Т. М., Кылыгдай, А. Ч. (2012) Особенности межэтнических связей населения тувинско-монгольского приграничья // Социологические исследования. № 6. С. 136а–140.
- Ондар, Л. М., Доспан-оол, Д. В. (2017) Представления тувинской студенческой молодежи о семье и браке // Научно-педагогическое обозрение. № 1. С. 72–80. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-1-72-80>
- Персидская, О. А. (2019) Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 3. С. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.4>
- Попков, Ю. В. (2021) Идентичность, социокультурный потенциал, ценностные ориентации и оценка перспектив цивилизационного будущего у тувинских и русских студентов Сибири // Новые исследования Тувы. № 1. С. 217–227. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.12>
- Ростовская, Т. К., Князькова, Е. А. (2022) Институциональные основы становления студенческой семьи как ресурса демографического развития России // Вестник Южно-Российского государственного технического уни-

верситета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Т. 15. № 1. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-169-179>

Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В. (2015) Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. № 3. С. 85–90.

Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В., Васильева, Е. Н. (2023) Институциональные ресурсы поддержки и развития института студенческой семьи: региональные аспекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 112–126. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.6>

Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В., Золотарева, О. А. (2022) К вопросу построения рейтинга регионов по целевым индикаторам результативности семейно-демографической политики // Проблемы развития территории. Т. 26. № 4. С. 80–97. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.4.120.6>

Рыбаковский, Л. Л. (2015) Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. № 9. С. 62–70.

Саралиева, З. Х. М., Егорова, Н. Ю., Рябинская, Е. С. (2022) Брак и семья студентов в условиях трансформации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Т. 15. № 1. С. 193–208. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-193-208>

Татарова, С. П. (2016) Ценностные ориентации населения Республики Тыва (по материалам опроса жителей сел и городов) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 20–37.

Татарова, С. П., Бочиктуева, С. Д. (2009) Проблемы функционирования студенческой семьи в современном российском обществе (на материалах исследования студенческих семей Республики Бурятия). Улан-Удэ : Изд-во полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ. 111 с.

Харунова, М. М. Б. (2020) В каждой семье — не менее одного ребенка с высшим образованием // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. Социальные и гуманитарные науки. № 3 (64). С. 53–64.

Allison, R. (2023) “Why wait?": Early marriage among Southern college students // Journal of Marriage and Family. Vol. 85, Issue 4. P. 923–940. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12910>

Billari, F. C., Wilson, C. (2001). Convergence towards diversity? Cohort dynamics in the transition to adulthood in contemporary Western Europe // MPIDR Working Paper WP-2001-039. Rostock, Max Planck Institute for Demographic Research. 30 p. DOI: <https://doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2001-039>

Bongaarts, J., Feeney, G. (1998) On the Quantum and Tempo of Fertility // Population and Development Review. Vol. 24. No. 2. P. 271–291.

Fernandez, C., Antonio, J. (1997) Youth Residential Independence and Autonomy. A Comparative Study // Journal of Family Issues. Vol. 18 (6). P. 576–607.

Hawkins, A. J., Amato, P. R., Kinghorn, A. (2013) Are Government-Supported Healthy Marriage Initiatives Affecting Family Demographics? A State-Level Analysis // Family Relations. Vol. 62. Issue 3. P. 501–513. DOI: <https://doi.org/10.1111/fare.12009>

Ryder, N. (1980) Components of temporal variations in American fertility // Demographic patterns in developed societies. Ed. by R. W. Hiorns. London : Taylor & Francis. 218 p. P. 11–54.

Дата поступления: 29.02.2024 г.

Дата принятия: 20.03.2024 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. and Baimurzina, G. R. (2022) Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011-2020: a comparative study. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Ageev, A. I., Zolotareva, O. A. (2023) Demographic Policy in Russia: Performance Evaluation. *Voprosy statistiki*, vol. 30, no. 2, pp. 53–71. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71>

Anaiban, Z. V., Balakina, G. F. (2022) Social expectations and value orientation of the contemporary students of Tuva. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 151–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>

Andriushina, E. V. and Panova, E. A. (2022) The Impact of State Policy on the Family Strategies of the Student Youth. *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 200–219. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-200-219>

Antonov, A. I., Lebed', O. L., Sokolov, A. A. (2010) Life satisfaction, family and marriage in Russia and Europe. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3 (97), pp. 64–72. (In Russ.).

Bagirova, A. P. and Shubat, O. M. (2017) Family and parenthood through the prism of student opinions. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 126–131. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517070145>

Badmaev, V. N., Ulanov, M. S., Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P., Antonov, V. I. and Ochirova, O. A. (2020) Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 35–49. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

Gurko, T. A. (2019) Student's Attitudes to Parenthood and the Social Roles of Men and Women. *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naia praktika*, no. 2, pp. 65–80. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6410>

Gurko, T. A. and Tarchenko, V. S. (2019) Dynamics of Students' Marital Attitudes and Plans. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 102–113. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250005797-9>

Denisov, S. B. (2012) Social assistance to the student family in the USSR: historical and legal analysis. *Vestnik Mordovskogo universiteta*, vol. 22, no. 1, pp. 67–72. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2019) Interethnic interaction of Russian and Tuvans in Soviet and Post-Soviet Tuva: the case of ethnically mixed families. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 144–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Zyrianova, M. A. and Popova, M. A. (2018) Factor analysis of fertility processes in the northern regions of Russia. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka*, issue 3, part 59, pp. 111–121. (In Russ.).

Kalachikova, O. N. and Korolenko, A. V. (2018) Models of reproductive behavior of the population (based on the materials of the Vologda Oblast). *Narodonaselenie*, vol. 21, no. 4, pp. 109–121. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuvans' Views on Children: Changes of the Attitudes in Socio-cultural Transformations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Natsak, O. D. (2022) The material self-assessment of the Tuvan families in the context of the poverty studies (based on the materials of sociological research). *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, vol. 18, no. 1, pp. 120–135. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/isprr.2022.18.1.10>

Noianzina, O. E., Maksimova, S. G. and Omel'chenko, D. A. (2023) The traditional and the modern in constructing axiological foundations of youth's life prospects (Tuva and other regions). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 154–169. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.9>

Oidup, T. M. and Kylgydai, A. Ch. (2012) Features of interethnic relations of the population of the Tuvan-Mongolian border area. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 136a–140. (In Russ.).

Ondar, L. M. and Dospan-ool, D. V. (2017) Representation of the Tuvan student youth about family and marriage. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 72–80. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-1-72-80>

Persidskaia, O. A. (2019) The role of value orientations of young Tuvans in the spatial development of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 41–51. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.4>

Popkov, Yu. V. (2021) Identity, socio-cultural potential, value orientations and assessment of the prospects of the civilizational future among Tuvan and Russian students in Siberia. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 217–227. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.12>

Rostovskaia, T. K. and Kniaz'kova, E. A. (2022) The institutional foundations of the formation of the student family as a resource of demographic development in Russia. *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, vol. 15, no. 1, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-169-179>

Rostovskaia, T. K. and Kuchmaeva, O. V. (2015) Young Russians' ideas about family life: a sociological perspective. *Voprosy upravleniia*, no. 3, pp. 85–90. (In Russ.).

Rostovskaia, T. K., Kuchmaeva, O. V. and Vasil'eva, E. N. (2023) Institutional Resources to Support and Develop the Institution of Student Family: Regional Dimensions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 16, no. 2, pp. 112–126. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.6>

Rostovskaia, T. K., Kuchmaeva, O. V. and Zolotareva, O. A. (2022) On Building Regions' Rating by Target Indicators of the Effectiveness of Family and Demographic Policy. *Problems of territory's development*, vol. 26, no. 4, pp. 80–97. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.4.120.6>

Rybakovskii, L. L. (2015) The concept of demographic policy in Russia: development experience and ways to improve. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 62–70. (In Russ.).

Saraliev, Z. Kh. M., Egorova, N. Yu. and Riabinskaia, E. S. (2022) Marriage and family of students in the context of transformation. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*, vol. 15, no. 1, pp. 193–208. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-193-208>

Tatarova, S. P. (2016) Value orientations of the population of the Republic of Tuva (a study of an opinion poll of urban and rural residents). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 20–37. (In Russ.).

Tatarova, S. P. and Bochiktueva, S. D. (2009) *Problems of functioning of the student family in modern Russian society (based on the materials of the study of student families of the Republic of Buryatia)*. Ulan-Ude, Izd-poligr. kompleks FGOU VPO VSGAKI. 111 p. (In Russ.).

Kharunova, M. M. B. (2020) Each family has at least one child with higher education. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 1. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki, no. 3 (64), pp. 53–64. (In Russ.).

Allison, R. (2023) “Why wait?": Early marriage among Southern college students. *Journal of Marriage and Family*, vol. 85, issue 4, pp. 923–940. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12910>

Billari, F. C. and Wilson, C. (2001) Convergence towards diversity? Cohort dynamics in the transition to adulthood in contemporary Western Europe. In: *MPIDR Working Paper WP-2001-039*. Rostock, Max Planck Institute for Demographic Research. 30 p. DOI: <https://doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2001-039>

Bongaarts, J. and Feeney, G. (1998) On the Quantum and Tempo of Fertility. *Population and Development Review*, vol. 24, no. 2, pp. 271–291.

Fernandez, C. and Antonio, J. (1997) Youth Residential Independence and Autonomy. A Comparative Study. *Journal of Family Issues*, vol. 18 (6), pp. 576–607.

Hawkins, A. J., Amato, P. R. and Kinghorn, A. (2013) Are Government-Supported Healthy Marriage Initiatives Affecting Family Demographics? A State-Level Analysis. *Family Relations*, vol. 62, issue 3, pp. 501–513. DOI: <https://doi.org/10.1111/fare.12009>

Ryder, N. (1980) Components of temporal variations in American fertility. In: *Demographic patterns in developed societies*. Ed. by R. W. Hiorns. London, Taylor & Francis. 218 p. Pp. 11–54.

Submission date: 29.02.2024.

Acceptance date: 20.03.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.15

Статья

Неполные семьи в Туве и Казахстане: статистико-демографический взгляд на проблему

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН;
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве
Республики Тыва, Российская Федерация,

Айнур С. Еламанова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье представлен сравнительный анализ статистико-демографического измерения неполных семей в Туве (Россия) и Казахстане на современном этапе. Рассматриваются ключевые факторы, влияющие на причины распространения семей с неполной структурой. В качестве источников были использованы итоги Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009, 2021 гг.; материалы текущей демографической статистики, касающиеся гендерных характеристик населения Тувы и Казахстана, рождаемости, в том числе, вне брака, ожидаемой продолжительности жизни, брачной структуры рассматриваемых обществ, коэффициентов разводимости, а также экономического положения и доходной стратификации семей разных типов.

В результате социодемографических трансформаций и в Туве, и Казахстане наблюдается рост монородительских семей, однако удельный вес нуклеарных неполных семей в Казахстане выше, чем в Туве. Количественная гендерная дифференциация в структуре современного населения более выражена в Туве, чем в Казахстане, что в свою очередь влияет на брачную структуру населения. В казахском обществе уровень брачности выше по сравнению с тувинским. В Туве доля незарегистрированных супружеских союзов более чем в два раза выше, чем в Казахстане, что отрицательно влияет на качество семейной структуры населения.

Показано, что структура причин формирования и типология неполных семей в Туве и Казахстане имеют существенные различия. Для казахстанского общества более свойственно общественное порицание и осуждение внебрачной рождаемости и одинокого материнства. Для обоих обществ характерен высокий уровень рождаемости, однако имеются заметные различия в уровне внебрачной рождаемости и подростковой фертильности, которые являются причиной формирования неполных семей. В Туве они — выше.

Распад семьи в результате развода практически в равной степени характерен для обоих регионов. Неполные семьи потенциально подвержены риску бедности, особенно детской бедности, и социальной неустойчивости, эти риски высоки для тех монородителей, кто воспитывает более одного ребенка, детей с инвалидностью, имеет невысокий уровень образования

Ключевые слова: внебрачная рождаемость; структура семьи; монородительская семья; одинокое материнство; монородительская практика; социализация детей; Республика Тыва; Казахстан

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Натсак О. Д., Еламанова А. С. Неполные семьи в Туве и Казахстане: статистико-демографический взгляд на проблему // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 243-262. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.15>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: gostovskaya.tamara@mail.ru

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, учёный секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

Еламанова Айнур Султановна — докторант Казахского национального университета им. аль-Фараби. Адрес: 050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: yelamanova.ainur@gmail.com

Single-parent families in Tuva and Kazakhstan: a statistical and demographic view of the problem

Tamara K. Rostovskaya

*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;
RUDN University, Russian Federation,*

Organa D. Natsak

*Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva,
Russian Federation,*

Ainur S. Elamanova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article presents a comparative analysis of the statistical and demographic characteristics of single-parent families in Tuva (Russia) and Kazakhstan at the present stage. It considers the key factors that influence the prevalence of these families. The sources used are the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020, as well as the National Population Censuses of the Republics of Kazakhstan in 2009 and 2022. The article also uses materials on current demographic statistics, including gender characteristics, fertility rates, life expectancy, marriage patterns, divorce rates, and economic situations and income stratifications of different family types in Tuva and Kazakhstan.

As a result of socio-demographic transformations, both Tuva and Kazakhstan have seen an increase in single-parent households, but the proportion of nuclear single-parent households in Kazakhstan is higher than in Tuva. The quantitative gender differentiation in the structure of the modern population is more pronounced in Tuva compared to Kazakhstan, which in turn affects the marriage structure of the population. In Kazakh society, the rate of marriage is higher than in Tuvan society. In Tuva, the proportion of unregistered marriages is more than double that of Kazakhstan, which has a negative impact on the quality of family life for the population.

It has been shown that there are significant differences in the structure and typology of reasons for the formation of single-parent households in Tuva and Kazakhstan. Public censure and stigmatization of illegitimate births and single parenthood are more common in Kazakh society. Both societies have a high birthrate, but there are significant differences in out-of-wedlock and adolescent fertility rates, which lead to the formation of single-parent families. These rates are higher in Tuva.

Divorce is equally common in both regions, leading to single-parent households. These families are at risk of poverty and social instability, especially for those raising multiple children, children with disabilities, or with a low level of education.

Keywords: illegitimate birth rate; family structure; single-parent family; single motherhood; single-parent practice; socialization of children; Republic of Tuva; Kazakhstan

For citation:

Rostovskaya T. K., Natsak O. D. and Elamanova A. S. Single-parent families in Tuva and Kazakhstan: a statistical and demographic view of the problem. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 243-262. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.15>

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences; Professor, Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: Bldg. 1, 6 Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation; 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1629-7780

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1833-4810

YELAMANOVA, Ainur Sultanovna, Doctoral student, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi village, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: yelamanova.ainur@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-0098-1040

Введение

Актуальность исследования неполных семей определена статистически значимыми изменениями, которые всё более явно мы наблюдаем в сфере брака и семьи в современных обществах. Для изучения этого вопроса мы взяли Туву и Казахстан, два близких общества, но разных по влиянию религиозных институтов, общественного мнения и государственной политики в сфере семьи, брака и рождения детей. В Туве и Казахстане, как показывают итоги последних двух переписей населения (Всероссийской переписи населения 2010 и 2020 гг., Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 и 2021 гг.), растёт число монородительских (неполных) семей, возглавляемых как матерями, так и отцами. Следует отметить, что по особенностям этнической структуры Тува и Казахстан схожи: общества являются полиэтническими, но преобладающее большинство составляют представители коренного, титульного этноса — тувинского и казахского соответственно, а переписи населения показывают изменения в этой структуре, связанные с ростом доли казахов и тувинцев. Движение в сторону моноэтнизации населения более характерно для Тувы. В 2021 г. казахи в Казахстане составляли 70,4%, русские — 15,5%¹, в Республике Тыва в 2020 г. 85,2% — тувинцы, 9,48% — русские².

И в Туве, и в Казахстане формы брака и их функции становятся более гибкими, подвергаясь воздействию изменяющихся культурных ценностей, уровня жизни и социальных практик. Эти процессы характерны для многих стран мира, и по прогнозам исследователей число монородительских семей будет только расти. Меняется и структура причин-оснований формирования неполных семей, вес которых имеет дифференцированный характер в зависимости от специфики государственной политики, религиозных и иных ограничений, жёсткости или либеральности социальных норм. Между тем, как справедливо отмечают В. Г. Доброхлеб и О. А. Ефанова, важно изучение семейного потенциала общества, ядро которого составляют браки, как структурной компоненты человеческого потенциала (Доброхлеб, Ефанова, 2023: 99).

Объектом исследования стали неполные семьи в Туве и Казахстане, предметом — причины и факторы влияющие на формирование неполных семей, а также некоторые особенности их функционирования.

Целью статьи является сравнительный анализ монородительских семей на примере тувинского и казахского обществ, который, как мы полагаем, позволит выделить факторы, играющие определяющую роль в возникновении неполных семей, выявить влияние глобальных, страновых и региональных трендов.

Исходя из указанной цели были определены следующие задачи: выявить современные демографические тенденции в Туве и Казахстане, в том числе динамику изменения доли неполных семей; проанализировать причины и факторы, влияющие на формирование неполных семей; исследовать проблемы экономического положения неполных семей.

В статье использованы методы статистико-демографического и сравнительного анализа.

Теоретико-методологическую основу исследования составили структурно-функциональный и ценностный подходы, применяемые в социологии семьи, а также теория демографических переходов.

Новизна работы заключается в сопоставительно-сравнительном анализе особенностей неполных семей в тувинском и казахском обществах на современном этапе, которые представляют собой малоизученную тему в исследовательской литературе.

Информационную базу исследования составили статистические данные Федеральной службы государственной статистики РФ, Бюро Национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

¹ Краткие итоги. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. Нур-Сұлтан: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2022. С. 11.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Том 5. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 05.01.2023).

Обзор литературы

Говоря о степени изученности темы, нужно отметить тот факт, что за последние десятилетия вопросы, связанные с одиноким материнством, а также с различными аспектами жизнедеятельности неполных семей все чаще становятся предметом социально-демографических и социологических исследований. При этом оптика исследований и подходы к этой теме имеют специфику, которая зависит от культурных, социальных и экономических особенностей страны, региона, этнического сообщества. Большинство исследований, посвященных неполным материнским семьям в американской социологии, к примеру, строились на основе следующих дискурсов: с точки зрения связи расы и бедности; негативных последствий неполной семьи для жизненных шансов детей и матери; влияния политики социального обеспечения на них (Banerjee, Chacko, Piya, 2020: 6). Европейские исследования направлены на выявление связи структуры семьи с бедностью, а неполные семьи рассматриваются как условие, усугубляющее неравенство в доходах, несмотря на возрастающую вовлечённость женщин в рыночную трудовую занятость (Kollmeyer, 2012).

В российских исследованиях есть разные предметные направления, касающиеся изучения неполных семей: социальные проблемы одиноких матерей; влияние структуры семьи на развитие личности и благополучие детей; стратегии самоопределения женщин как глав неполных семей; особенности повседневных практик одиноких матерей; причины появления одинокого материнства; социальная эксклюзия и уязвимость одиноких матерей. Мы отметим лишь те, которые важны для нашего исследования.

Социальный портрет одиноких матерей на основе социологических исследований был сконструирован Т. К. Ростовской, О. А. Хасбулатовой и И. Н. Смирновой (Ростовская, Хасбулатова, Смирнова, 2022, 2023).

В. М. Смирновой и О. В. Селивановой исследовались масштабы и социально-экономические проблемы неполных семей в России, роль социальной поддержки в снижении их бедности (Смирнова, Селиванова, 2023). Е. М. Андреева, Д. Г. Бычков изучали вопросы микроэкономики социальной поддержки государством семей при рождении ребёнка, в том числе в неполных семьях (Андреева, Бычков, Феоктистова, 2018). Эффективность пособий в снижении бедности разных типов семей — полных и неполных — изучалась в исследовании Е. Е. Гришиной и Е. А. Цацуры (Гришина, Цацура, 2023).

В отличие от российских исследований работ по вопросам неполных семей, внебрачной рождаемости в Казахстане немного. Трансформации в сфере брака и семьи в условиях рыночной экономики и роста международной миграции в постсоветских государствах Центральной Азии исследованы французским и нидерландским исследователями Дж. Клеузиу, Дж. Макбрайен, которые отмечали тенденцию роста в регионе, в том числе Казахстане, числа семей с одним родителем и внебрачных сожительства (Cleuziou, McBrien, 2020). В исследовании В. Аганджяняна, П. Домараджу и Л. Недолужко об экономическом положении, этнических различиях, а также браках и рождаемости на сравнительном примере Казахстана и Кыргызстана, находим выявление тенденции роста внебрачных союзов, сожительства в быстро меняющихся обществах постсоветской Центральной Азии без указания количественных параметров распространения этого явления, при этом отмечается, что в Казахстане и Кыргызстане, в отличие от стран Запада, сожительства не так распространены (Agadjanian, Dommaraju, Nedoluzhko, 2013: 209, 201).

В Казахстане нет специальных исследований по экономике неполных семей. Вместе с тем нужно отметить работы Д. М. Темирбаевой, А. А. Легостаевой, Г. Т. Сейтовой, Т. П. Притворовой, в которых исследуются динамика доходов и модели воспроизводства населения в целом с акцентом на неравенство между малодетными и многодетными домохозяйствами, отмечается высокая доля детей в первом квинтиле и проблемы детской бедности (Темирбаева, Легостаева 2020; Сейтова, Притворова 2008). Отмечая углубляющиеся стратификационные диспропорции между группами по количеству детей, Т. П. Притворова, Н. Н. Гелашвили, Д. М. Темирбаева подчеркивают важность расчёта показателей хронической и детской бедности, так как именно они, по их мнению, представляют собой принципиально важный показатель для оценки эффективности государственной социальной политики (Притворова, Гелашвили, Темирбаева, 2023: 135).

Что касается Тувы, то рассматриваемая тема применительно к Туве исследовалась с разных точек зрения. В 2000 г. в Туве было проведено социологическое исследование «Семья — брак — родители — дети» Институтом философии и права СО РАН и Тувинским государственным университетом. Ре-

зультаты исследования были представлены в работе Г. С. Гончаровой, Л. Я. Савельевой (Гончарова, Савельев, 2004). В монографии были проанализированы семейная структура и семейно-брачные отношения, а также семейные ценности населения Республики Тыва. Весьма ценны результаты исследований А. Р. Михеевой, в работах которой проанализированы социально-демографические проблемы тувинцев и других коренных народов Сибири, включая вопросы сверхвысокой внебрачной рождаемости (Михеева, 2008). И. В. Антонович, Н. С. Ремнева, А. А. Хувускаал анализировали особенности работы с неполными семьями в сравнении с Алтайским краем (Антонович, Ремнева, Хувускаал, 2013). А. М. Куулар изучала вопросы жизнестойкости подростков из неполных семей (Куулар, 2018). Современные трансформации брачной обрядовой культуры тувинцев исследовались Ч. К. Ламажаа и Ш. Б. Майны (Ламажаа, Майны, 2020).

Причины формирования неполных семей, социальные и экономические аспекты их жизнедеятельности и монородительские практики неполных семей в Туве, а также вопросы внебрачной рождаемости входят в поле внимания одного из авторов данной статьи О. Д. Натсак (Натсак, 2022, 2023).

Новизна представленной работы заключается в сравнении важных вопросов трансформации современной семьи, а именно социально-демографических и экономических факторов, способствующих формированию неполных семей в Туве и Казахстане на основе анализа данных из последних переписей населения, не до конца осмысленных и изученных с позиции трансформаций, произошедших в межпереписные периоды.

Современные демографические тенденции в Туве и Казахстане

Основой для исследования генезиса неполных семей важен общий анализ демографических процессов, а также особенностей поло-возрастной структуры населения. Общей характеристикой демографических процессов в Туве и Казахстане в постсоветский период является снижение брачности и рождаемости, рост разводимости в кризисных условиях, постепенная стабилизация темпов рождаемости в посткризисный период.

Анализ гендерной структуры населения показал, что и для Тувы, и Казахстана характерен количественный перевес женщин. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2021 г. показали, что на 1000 женщин приходилось 945,6 мужчин, в структуре населения по полу женщины составили 51,4%, мужчины — 48,6%¹. Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2020 г., в Туве на 1000 мужчин насчитывалось 1117 женщин (52,8%, мужчин — 47,2%)². Несмотря на структурную схожесть, количественная гендерная дифференциация в Туве более выраженная, чем в Казахстане, что, в свою очередь, влияет на брачную структуру населения.

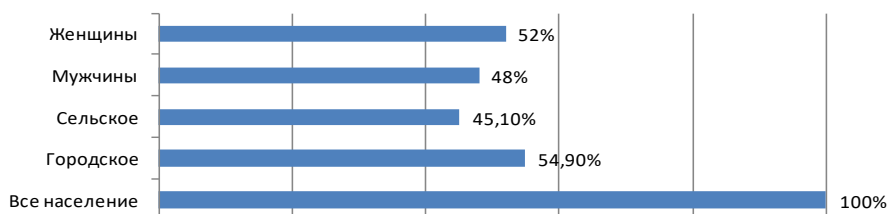

Диаграмма 1. Состав населения Республики Тыва по полу и типу поселения, по данным на 1 января 2022 г.¹
 Diagram 1. The composition of the population of the Republic of Tuva by gender and type of settlement, as of January 1, 2022.

¹ Краткие итоги. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Нур-Сұлтан, 2022. С. 7–8.

² Итоги Всероссийской переписи населения — 2020. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno-polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 04.01.2024).

³ Статистический ежегодник Республики Тыва №1.37.5 РТ. Красноярск: Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике (Красноярскстат), 2022. С. 37–38.

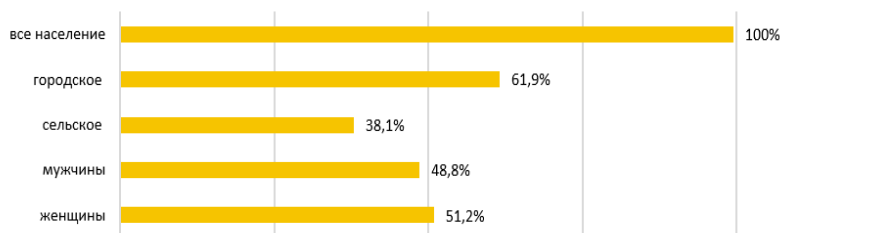

Диаграмма 2. Состав населения Республики Казахстан по полу и типу поселения¹.
Diagram 2. The composition of the population of the Republic of Kazakhstan by gender and type of settlement.

Как показано на диаграммах 1 и 2, уровень урбанизации населения в Казахстане выше, чем в Туве. Рост урбанизации населения способствует распаду традиционной патриархальной модели семьи.

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) населения Республики Казахстан в 2022 г. составила 74,44 лет, мужчин — 70,26 лет, женщин — 78,41 лет; городского населения — 74,73 лет; сельского населения — 73,94 лет². Гендерный разрыв в ОПЖ населения Казахстана, как и в Туве, существенный — 8,15 лет в пользу женщин. В Туве межполовая разница в ОПЖ в 2021 г. составила 8,3 лет. В отличие от Казахстана, где между сельским и городским населением наблюдается незначительный разрыв в ОПЖ (0,7 лет), в Туве он более заметен — 6 лет, у мужчин — 62,6, женщин — 70,9.

По итогам 2022 г. в Туве наметились разнонаправленные движения: значение показателя среди женщин пошло вверх, среди мужчин — вниз (диаграмма 3). ОПЖ в целом по всему населению, а также в разрезе полов в Казахстане выше, чем в Туве, при этом тенденции схожи: женщины и в Туве, и в Казахстане имеют более высокий показатель по сравнению с мужчинами (диаграмма 4), сельское население — более низкий, чем городское.

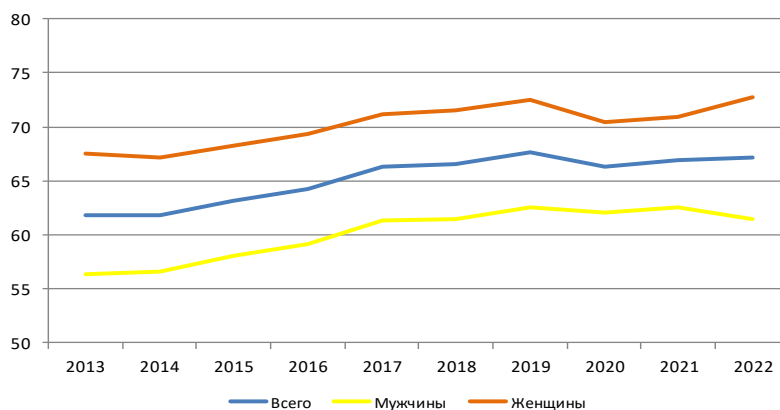

Диаграмма 3. Ожидаемая продолжительность жизни в Республике Тыва (2013–2022)³.
Diagram 3. Life expectancy in the Republic of Tuva (2013–2022).

¹ Численность населения Республики Казахстан по полу и типу местности [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6370/> (дата обращения: 04.01.2024).

² Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (2022) [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. 2022. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6375/> (дата обращения: 27.12.2023).

³ Статистический ежегодник Республики Тыва №1.37.5 РТ. Красноярск: Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике (Красноярскстат), 2022. С. 45–46; Демографический ежегодник России 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 04.01.2024).

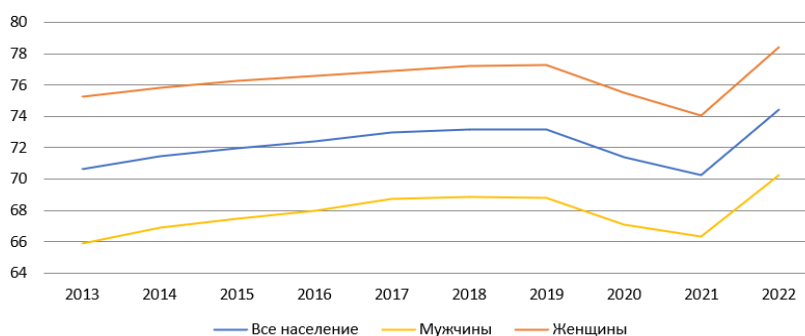

Диаграмма 4. Ожидаемая продолжительность жизни в Республике Казахстан (2013–2022)¹.
Diagram 4. Life expectancy in the Republic of Kazakhstan (2013–2022).

Изучение состояния в браке мужчин и женщин показывает также одинаковые черты, характерные для Тувы и Казахстана: превалирует зарегистрированная форма брака; доля мужчин, проживающих в зарегистрированном браке, превышает долю женщин с аналогичным статусом; среди вдовых и разведённых женщин больше, чем мужчин. Лиц мужского пола со статусом «никогда не состоявший в браке» и в Туве, и в Казахстане больше, чем женщин. Вместе с тем мы наблюдаем разницу в глубине гендерных различий и некоторые принципиальные отличия (таблица 1).

Таблица 1. Состояние в браке мужского и женского населения² Тувы и Казахстана, в %³.
Table 1. The marital status of the male and female population of Tuva and Kazakhstan, in %

Брачный статус	Республика Тыва		Республика Казахстан	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Состоящие в браке	59,9	51,1	63,1	58,9
в зарегистрированном браке	43,3	36,4	57,0	52,4
в незарегистрированном супружеском союзе	16,6	14,7	6,1	6,5
Официально разведенные	1,6	2,91	4,5	7,0
Вдовы	3,8	12,9	2,4	8,4
Никогда не состоявшие в браке	28,6	24,5	30,4	25,7

¹ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (2022) [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6375/> (дата обращения: 27.12.2023).

² Необходимо отметить тот факт, что состояние в браке в рамках Всероссийской переписи населения 2020 г. описывалось в отношении мужского и женского населения 16 лет и более, Национальной переписи населения Республики Казахстан 2021 г. — 15 лет и более. Соответствующие доли населения по Республике Тыва рассчитаны авторами на основе данных указанной переписи.

³ Таблица построена по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 04.01.2024); по итогам Национальной переписи населения Республики Казахстан 2021 г. Брак и семья. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Бюро национальной статистики, 2023 г. 147 с.

Во-первых, доли состоящих в браке мужчин и женщин в структуре населения в Казахстане выше, чем в Туве, это касается также населения обоих полов, проживающего в зарегистрированном браке. Эти факты указывают на более высокий уровень брачности в казахском обществе по сравнению с тувинским.

Во-вторых, доли мужчин и женщин, состоящих в незарегистрированных супружеских союзах, среди тувинского населения более чем в два раза выше, чем аналогичные показатели в Казахстане.

В-третьих, по доле разведённых среди населения обоих полов мы видим, что разводы — более частое явление в Казахстане по сравнению с Тувой.

В-четвёртых, как выше указывалось, вдовых женщин в Туве и Казахстане больше, чем вдовых мужчин, что является следствием повышенной смертности мужского населения; гендерный разрыв среди вдовых как среди казахского, так и среди тувинского населения составляет более чем три раза. Вместе с тем мы наблюдаем более высокую долю вдовых женщин в брачной структуре тувинского населения по сравнению с казахским, данный факт свидетельствует об остроте проблемы, связанной с мужской смертностью в Туве.

В-пятых, полагаем, что гендерные различия в структуре населения, которое обозначило свой статус как «никогда не состоял в браке», связано с более ранним вступлением женщин в брачные отношения по сравнению с мужчинами. К примеру, в возрастной группе 15–19 лет в Казахстане в незарегистрированном браке по данным переписи 2021 г. состояли 19851 девушка и 1706 юношей, количественная разница между полами в этой группе составила более чем 11 раз; в зарегистрированном браке — 17 843 девушек и 11 153 юношей¹. Всероссийская перепись населения 2020 г. показала, что в Туве в незарегистрированном браке проживало 111 юношей, 286 девушек, разница составила 2,5 раза. В зарегистрированном браке состояло 34 юноши и 73 девушек, относящихся к возрастной группе 16–19 лет².

Для режима воспроизводства населения Тувы и Казахстана характерен высокий суммарный коэффициент рождаемости (далее — СКР), при этом в Казахстане он выше, чем в Туве. В 2022 г. СКР в Туве составил 2,510³, в Казахстане — 3,05⁴. Повышение рождаемости имеет непосредственное влияние на изменение доли внебрачных рождений.

Анализ формирования неполных семей в Туве показал, что в структуре причин наиболее значимой является внебрачная рождаемость. По данным 2021 г., внебрачные рождения в Туве составили 59,2% в общем числе всех рождений. В Казахстане мы наблюдаем следующую ситуацию: во-первых, доля внебрачных рождений по сравнению с Тувой и Россией в целом в настоящее время минимальна, во-вторых, с 2005 г. происходит заметное снижение числа и сокращение их доли в общей статистике рождений. В 2005 г. в зарегистрированном браке рождалось 75,6% детей, следовательно, 14,4% вне брака, то в 2022 г. зарегистрированный брачный статус имели матери 93,5% родившихся живыми детей⁵. Из приведённых данных можно сделать вывод о том, что вне брака родилось всего 6,5% детей. Как мы полагаем, такое снижение доли внебрачных рождений в общем числе рождений в Казахстане является результатом некоторых демографических процессов, к которым относятся рост общей рождаемости за последние годы и изменение этнического состава населения Республики Казахстана, сопровождающееся усилением азиатского компонента. Социокультурные причины связаны с распространением традиционалистских установок и ценностей в вопросах семьи и брака, по мере усиления которых растут порицание и критика внебрачных рождений в кругу родственников и обществе.

¹ Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2021 г. Брак и семья. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Бюро национальной статистики, 2023 г. С. 8.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 04.01.2024).

³ Демографический ежегодник России 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 04.01.2024).

⁴ Дети Казахстана. Статистический сборник. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2023. С. 15.

⁵ Там же. С. 17.

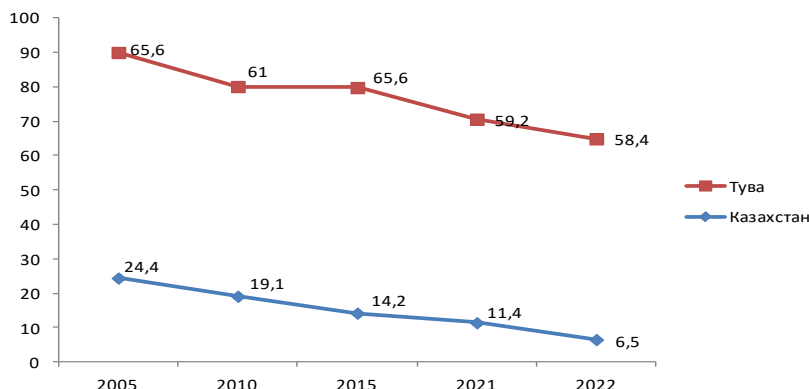

Диаграмма 5. Динамика доли родившихся вне зарегистрированного брака в Туве и Казахстане (2005–2022)¹.
 Diagram 5. Dynamics of the proportion of those born out of registered marriage in Tuva and Kazakhstan (2005–2022).

На диаграмме 5 мы видим общую тенденцию уменьшения доли внебрачных рождений и в Туве, и Казахстане за рассматриваемый период, однако снижение по Казахстану имеет линейный характер, в Туве наблюдается некоторая волатильность. Снижение доли внебрачных рождений в Казахстане связывают с повышением рождаемости и ростом доли вторых, третьих и последующих рождений, которые в большей степени характерны для зарегистрированных союзов². В Казахстане исследователи отмечают структурный сдвиг и трансформацию в сторону многодетности, который происходит в последние годы (Темирбаева, Легостаева, 2020: 288, 291). В Туве колебания в показателях внебрачной рождаемости также увязаны с изменением общей рождаемости и очередности, с 2015 г. выросло

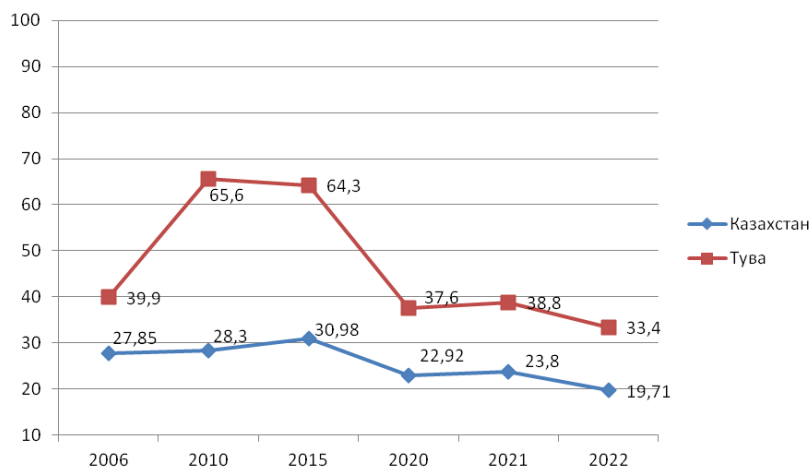

Диаграмма 6. Динамика подростковой рождаемости в Туве и Казахстане за 2005–2020 гг. (число родов на 1000 девушек в возрасте 15–19 лет).
 Diagram 6. Dynamics of teenage fertility in Tuva and Kazakhstan for 2005–2020 (number of births per 1000 girls aged 15–19 years).

¹ Данные по Республике Казахстан взяты из отчета: Анализ положения в области народонаселения Республики Казахстан. Нур-Султан: Министерство экономического национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. 2019. С. 29; по Республике Тыва — из сборников «Демографический ежегодник России» за 2006, 2012, 2017, 2023 гг.: Демографический ежегодник России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 10.01.2024).
² Анализ положения в области народонаселения в Республике Казахстан. Отчёт. Нурсултан: Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике, 2019. С. 29.

число третьих и последующих рождений, а в 2020 г. лидерство по количеству рождений перешло от вторых рождений к третьим (Натсак, 2023: 44). Вместе с тем показатель доли детей, рождающихся у матерей, не состоящих в зарегистрированном браке, в Туве в 8 раз превышает аналогичный показатель в Казахстане.

Известно, что рождения в раннем возрасте, как правило, бывают внебрачными. Анализ возрастной структуры рождаемости показывает, что коэффициент подростковой фертильности в Казахстане выше, чем в России — 21,9 и 15,0 соответственно¹. Если сравнивать рождаемость среди девушек в возрасте 15–19 лет на 1000 человек женского населения в данной возрастной группе, то значение показателя в Туве превышает значение по Казахстану (диаграмма 6).

Из 1826062 женщин Казахстана, которые в ходе Национальной переписи населения в 2021 г. указали, что «никогда не состояли в браке», 1180834, или 64,6% отметили, что имеют детей². Из всего количества женщин (7096604 чел.), 16,6% родили и воспитывают детей вне брака. Обращает на себя внимание тот факт, что по числу рождённых детей женщины со статусом «никогда не состоявшие в браке», не отличаются от женщин, находящихся в браке, и имеют от 1-го до 10 детей, а наибольшее количество детей у них являются третьими по очерёдности рождения. На данном этапе нет возможности определить, является ли эта ситуация следствием скрытой неформальной полигинии³ или конкубината⁴.

Подытоживая данный раздел, отметим, что по таким демографическим показателями, как половая структура населения, продолжительность жизни, в Туве более выражены условия, способствующие ухудшению брачной структуры населения, формированию неполных семей, хотя характер тенденций одинаков и для Тувы, и для Казахстана.

Показатели внебрачной рождаемости, подростковой фертильности в Туве высоки и на фоне среднероссийского значения, и по сравнению с аналогичными показателями в Казахстане. В Казахстане в настоящее время наблюдается существенное снижение внебрачной рождаемости и минимальное значение данного показателя. Несмотря на снижение доли внебрачных рождений за последние годы, проблема накопленной суммы внебрачной рождаемости и монородительских семей стала весьма актуальной и для Тувы, и для Казахстана.

Неполные семьи в статистическом измерении

Материалы последних переписей населения показывают, что и в тувинском, и казахском обществах наблюдается тенденция роста числа домохозяйств, состоящих из одиноких матери или отца с детьми, однако по удельному весу монородительских семей Казахстан опережает Туву (таблица 2). В Казахстане мы видим парадоксальную ситуацию — как выше отмечалось, происходит снижение числа внебрачных рождений при росте числа домохозяйств, состоящих из монородителей и детей. Можно предположить, что для Казахстана более значимыми причинами образования неполных семей является распад семьи в результате развода или смерти одного из супругов.

Рассмотрим материалы последних переписей населения в части нуклеарных неполных семей, не затрагивая расширенные семьи, в которых также присутствуют неполные семейные ячейки, состоящие из матери или отца и детей по причине разницы статистической методологии, применяемых в переписях в России и Казахстане.

В Туве в 2020 г. 11157 из 78054 домохозяйств или 14,3% состояли из матери и детей, а также 1436 или 1,8% — из отца и детей⁵.

¹ Дети Казахстана. Статистический сборник. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2023. С. 17.

² Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан. Брак и семья. Астана: Комитет национальной статистики, 2023. С. 125.

³ Полигиния — форма брака, при которой мужчина состоит в брачных отношениях с несколькими женщинами. Эта форму брака ещё называют многожёнством.

⁴ Конкубинат — фактическое сожительство мужчины и женщины.

⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Том 8. Число и состав домохозяйств [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozajstv (дата обращения: 05.01.2023).

В Казахстане в 2021 г. 676253 домохозяйств из 5610605 состояли из матери и детей, что равняется 22,5% всех домохозяйств¹. Домохозяйства, возглавляемые одинокими отцами и включающие детей, составили 3,5% (103900)².

Таблица 2. Количество и удельный вес домохозяйств, состоящих из матери с детьми и отца с детьми, в общем числе домохозяйств в Республике Тыва и Республике Казахстан³

Table 2. The number and proportion of households consisting of a mother with children and a father with children in the total number of households in the Republic of Tuva and the Republic of Kazakhstan

Число домохозяйств	Республика Тыва			Республика Казахстан		
	2010 г.	2020 г.	Динамика	2009 г.	2021 г.	Динамика
Всего домохозяйств	74 443	78 054	+3611 (+4,8%) ⁴	4391759	5619605	+1227846 (+28%)
Домохозяйства, состоящие из матери и детей	8 311 (11,2%)	11 157 (14,3%)	+2846 (+34,2%)	452 730 (10,3%)	656 253 (22,5%)	+203523 (+44,9%)
Домохозяйства, состоящие из отца и детей	958 (1,28%)	1 436 (1,8%)	+478 (+49,9%)	68 256 (1,5%)	103 900 (3,5%)	+35644 (+52,2%)

В результате анализа доли домохозяйств, включающих семейные ячейки с неполной структурой в Туве и Казахстане, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, и в Туве, и Казахстане растет удельный вес таких домохозяйств в целом, количественный рост в межпереписные периоды отмечен как по одиноким материнским, так и по одиноким отцовским семьям. Однако темпы роста в Казахстане выше, чем в Туве.

Во-вторых, как выше отмечалось, общий удельный вес домохозяйств, состоящих из неполной семьи во главе с матерью или отцом детей, в общей структуре домохозяйств всех типов в Казахстане в 2021 г. превысил аналогичный показатель в Туве (суммарно по отцовским и материнским неполным семьям — 26% и 16, 1% соответственно).

Необходимо отметить, что отцовские семьи, как правило, образуются в результате вдовства, материнские семьи — в результате внебрачного рождения детей, а также развода.

Если приведённые выше данные дополнить количеством неполных семейных ячеек, состоящих из матери или отца с детьми, которые проживают внутри сложных по своей структуре семей, то в Туве по материалам переписи 2020 г., общий удельный вес домохозяйств, включающих неполные семьи, составлял 26,17%.

Выявить число семейных ячеек с неполной структурой, которые входят в состав сложных по структуре семей в Казахстане, по материалам переписей не представляется возможным, так как

¹ Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан. Домашние хозяйства Республики Казахстан. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2023. С. 5–6.

² Там же.

³ Таблица построена на основе данных Всероссийских переписей населения 2020, 2020 гг.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Том 6. Число и состав домохозяйств [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 05.01.2024 г.); Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Том 8. Число и состав домохозяйств [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozuyajstv (дата обращения: 05.01.2023 г.); Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан. Домашние хозяйства Республики Казахстан. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2023. С. 5–6.

⁴ Динамика и проценты рассчитаны авторами.

неполные семейные ячейки не вычленяются в структуре сложных по составу расширенных семей в рамках переписи населения.

Изменяющиеся значения показателей брачности и разводимости

Рассмотрим показатели брачности и разводимости¹, которые не только предопределяют характер рождаемости в целом, распространённость внебрачных рождений, но и формируют специфику семейной структуры населения.

Таблица 3. Общие коэффициенты брачности и разводимости в Республике Тыва² и Республике Казахстан в 2005–2022 гг.³

Table 3. General marriage and divorce rates in the Republic of Tuva and the Republic of Kazakhstan in 2005–2022

Годы	Республика Тыва		Республика Казахстан	
	Браки	Разводы	Браки	Разводы
2000	3,6	1,5	6,11	1,84
2005	5,3	1,4	8,12	2,14
2010	6,8	2,0	9,97	2,55
2015	5,6	1,7	8,48	3,04
2020	5,0	1,8	6,87	2,56
2021	4,6	3,1	7,38	2,54
2022	7,3	3,3	6,54	2,27

Как показано в таблице 3, до 2022 г. общий объем брачности в Тыве был ниже, чем в Казахстане, и с 2010 г. он снижался, что указывает на распространённость незарегистрированных супружеских союзов, при наличии детей такие семьи формально имеют статус неполной семьи. Минимальный коэффициент брачности за последние 22 года в Тыве составлял 3,6 в 2000 г., в Казахстане он был почти в два раза выше — 6,11 также в 2000 г. В Тыве незарегистрированная модель формирования семьи более распространена, и эта тенденция приобрела долгосрочный характер. В 2022 г. коэффициент брачности в Тыве резко вырос до 7,3, превысив значение данного показателя в Казахстане. В Казахстане в 2010 г. был достигнут максимум, но затем началось снижение уровня брачности и сокращение числа браков.

Разводы — серьёзная причина формирования монородительских семей. Как показывают данные с 2000 по 2020 гг., коэффициент разводимости в Казахстане был выше, чем в Тыве. И по Тыве, и Казахстану в переходный период трансформации экономики, политики и социальной структуры и экономики был характерен рост разводов. В 2021 г. в Тыве произошел скачок в статистике разводов, которая в 2022 г. продолжила рост. Полагаем, что этот рост был связан, в том числе с введением новой формы государственной социальной поддержки родителей, одиноко воспитывающих детей и имеющих уровень дохода ниже установленной границы бедности.

Эти процессы связаны как с ослаблением императива полной семьи в системе ценностей в постсоветский период, повышением мобильности населения, так и с закономерностями демографических

¹ Общие коэффициенты брачности и разводимости вычисляются как отношение соответственно числа заключенных и расторгнутых в течение календарного года браков к среднегодовой численности населения.

² Демографический ежегодник России (за 2002, 2006, 2012, 2017, 2021, 2023 гг.) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 05.02.2024).

³ Брак и семья 2023 [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/upload/iblock/d6a/scokehmhb277ui99s7l0ssd08izdt8blt/Брак%20и%20семья.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).

переходов. Полагаем, что, исходя из этих тенденций, можно ожидать роста числа неполных семей, если не будет целенаправленного влияния со стороны государственных, религиозных и иных общественных институтов, на ценности и социальные нормы в обществе, которое будет учитывать новый баланс личной свободы, свободы приватной жизни и социального регулирования.

Отложенная регистрация брака

Одной из причин образования формально неполных семей и фактических сожительства без регистрации брака в Туве является недостаток финансовых ресурсов, необходимых для свадебного торжества. Ч. К. Ламажаа и Ш. Б. Майны в исследовании трансформации свадебной обрядности тувинцев впервые отметили такую функциональную роль современной обрядности как социальная презентация, которая соединяет в себе самые разные традиции, новации и заимствования и содержит значительное число проблем (излишняя театрализация, значительные расходы на проведение, соревновательность сторон родственников, расточительство дарами и пр.) (Ламажаа, Майны, 2020: 405, 416). Причину же указанные авторы видят в трансформации традиции в условиях возрожденных межродовых отношений (там же).

Полагаем, что транслируемые современными соцмедиа модели потребления также способствуют формированию стремления к пышным и затратным торжествам, к которым в условиях бедности населения родители, родственники и сами молодые пары готовятся не один год, за этот период могут родиться дети в незарегистрированном супружеском союзе, а молодые родители разойтись по причине нестабильности такого партнерства. Такая ситуация способствует образованию формально неполных семей, незарегистрированных супружеских союзов, рождению внебрачных детей (Натсак, 2023: 134–136).

В новейшей истории постсоветских государств Центральной Азии мы видим прецеденты, когда, исходя из понимания углубляющейся социальной стратификации, правительствами были предприняты попытки регулировать неоправданно высокие брачные расходы, связанные с пониманием престижа и престижного потребления, с помощью законодательных актов. Такой ограничительный подход был, например, применён в Узбекистане, Таджикистане.

Показательно обоснование принятия такого документа в Узбекистане, где в 2019 г. было принято совместное постановление Законодательной палаты и Сената «О дальнейшем совершенствовании системы регулирования свадеб, семейных торжеств, торжеств и церемоний», в котором указывалось на недопустимость игнорирования социального положения других, расточительность, демонстрация своего материального положения:

«...некоторые граждане влезают в долги из-за роскошных свадебных церемоний и огромных расходов на их проведение и уезжают работать за границу, чтобы избежать этого... Сама эпоха диктует строгое регулирование свадеб, семейных торжеств, праздников и обрядов с целью положить конец этим обстоятельствам, стабилизировать социально-духовный климат в семьях, обеспечить социальную справедливость в обществе, сформировать культуру бережливости у населения, особенно молодежи»¹.

Однако такие попытки воспринимаются как проникновение и вмешательство государства в приватные зоны жизни социума.

В Казахстане же данная проблема стала предметом специального анализа со стороны французских ученых из Центра по изучению России, Кавказа, Центральной Европы и Центральной Азии и казахстанских ученых из разных аналитических институтов². Сложившаяся специфика экономики свадеб в Казахстане также приводит избеганию регистрации брака и незарегистрированным супру-

¹ Ўзбекистон Республика Олий Мажлиси Конунчилик Палатаси кегашинг ва Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Сенати Кенгашининг. Куйма Карори «Туйлар, Оилавий тантаналар, маърака ва маросимлар утказилишини тартибга солиш тизимини янада такомиллаштириш тўғрисида [«О дальнейшем совершенствовании системы регулирования свадеб, семейных торжеств, торжеств и церемоний»] [Электронный ресурс] // LexUZ on-line. URL: <https://lex.uz/docs/5153833> (дата обращения: 10.01.2024).

² Гахова Р. «Даже французы не позволяют себе такие затраты» — что о казахстанских свадьбах думают за рубежом [Электронный ресурс] // URL: <https://www.caravan.kz/news/dazhe-francuzy-ne-pozvolayut-sebe-takie-zatraty-chto-o-kazakhstanskikh-svadbakh-dumayut-za-rubezhom-948534/> (дата обращения 10.01.2023).

жески союзам, сожительствам¹. Анализ расходов на брачные торжества показал, что по сравнению с Узбекистаном, Таджикистаном, Францией в Казахстане — самые высокие затраты. Такая ситуация снижает коэффициент брачности. Перспективы ограничительного регулирования лимитов расходов на свадебные торжества в Казахстане эксперты оценивают скептически с учётом либеральности общественных отношений².

Полагаем, что патриархальный дискурс, транслирование традиционных ценностей семьи в публичном пространстве играет важную роль. В Казахстане внимание на рост разводов и рождений вне брака, в результате которых образуются неполные семьи с детьми, на государственном уровне было обращено в 2016 г., когда Указом Президента Республики Казахстан была утверждена Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 г. с соответствующим планом мер и действий³. Маркерами неблагоприятного развития демографических процессов стало то, что каждый третий брак в Казахстане распадается, каждый пятый ребенок проживает в монородительской семье.

Объявление Указом Президента Российской Федерации 2024 г. Годом семьи⁴ позволяет ожидать того, что поддержка и распространение ценностей полной семьи станет важной компонентой государственной семейной и демографической политики.

Особенности экономического положения неполных семей

Немаловажным фактором, влияющим на формирование неполных семей вследствие развода или внебрачного рождения детей, является возрастающая экономическая самостоятельность современных женщин, которые благодаря профессиональному образованию и компетенциям, мобильности и экономической активности могут самостоятельно при поддержке государства содержать и воспитывать детей. Это обстоятельство способствует тому, что по сравнению предыдущими этапами женщины в настоящее время в большей степени готовы на развод или внебрачные рождения. Хотя в данном вопросе мы должны учитывать достаточно острые проблемы детской бедности и хронических деприваций, сверхзанятости женщин, выполняющих оплачиваемую работу на рынке труда и неоплачиваемую домашнюю работу в монородительских семьях.

Однако экономический статус женщин зависит от уровня образования и занятости женщин, а также может отличаться от страны к стране, иметь региональные дифференциации внутри одного государства. С этой точки зрения следует отметить тот факт, что в Казахстане, например, уровень женской занятости (женщин — 59,8%, мужчин — 71,4%)⁵ и экономической активности (женщин — 78,7%, мужчин — 85,3%)⁶ ниже, чем у мужчин. В Туве в постсоветский период долгое время наблюдалась противоположная ситуация: женщины опережали мужчин по уровню занятости, в 2022 г. впервые уровень женской занятости снизился, а мужской — вырос и стал опережать показатель среди женщин (женщин — 51,6%, мужчин — 53,5%)⁷.

В России с мая 2022 г. предусмотрены государственные меры поддержки родителей с низкими доходами, одиноко воспитывающих детей в возрасте 8–17 лет. И Республика Тыва была получателем наибольшей доли субсидий на эти выплаты из-за максимальной доли детей данного возраста в общей

¹ Там же.

² Там же.

³ Указ Президента Республики Казахстан об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан №384 от 6 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // Онлайн.Закон.КЗ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37778759 (дата обращения: 11.01.2023).

⁴ Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года семьи» № 875 от 22 ноября 2023 г. [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵ Основные индикаторы рынка труда в Республике Казахстан [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/publications/6132/> (дата обращения: 10.01.2024).

⁶ Уровень экономической активности (в трудоспособном возрасте) с разбивкой по полу [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=20&slug=-16&cat_id=7&lang=ru (дата обращения: 11.01.2024).

⁷ Труд и занятость в России 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения 13.01.2024).

численности населения (Смирнов, Селиванова, 2023: 705). Пронаталистская¹ политика государства в России направлена на увеличение численности населения посредством повышения рождаемости, в этой связи любое рождение ребёнка влечёт за собой соответствующие выплаты государства, что мы наблюдаем на примере стимулирования первых рождений. В этой связи экономические условия для финансового и материального содержания женщинами монородительских семей в России, в Туве более благоприятные, чем в Казахстане. Однако, как мы подчёркивали, неполные семьи чаще, чем полные семьи, находятся в состоянии бедности или под риском бедности.

Бедность неполных семей подразумевает, в первую очередь, *детскую бедность*. Рассмотрим её.

Доля населения Казахстана, имеющая доходы ниже прожиточного минимума, по данным 2021 г. составила 5,2%, и имела тенденцию к незначительному росту по сравнению с 2018 г.² Сопоставление этого показателя с российским (11,9% в 2021 г.) показывает, что масштабы бедности населения в последней выше. Однако за последние 5 лет в отличие от Казахстана в России наблюдается уменьшение доли населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. Такая тенденция характерна и для Тувы (29,4% в 2021 г.)³, но значение показателя по сравнению с другими российскими регионами в республике остаётся высоким.

В Казахстане же, как отмечают исследователи, применявшие индекс Сен-Шоррокс-Тона за период 2018–2022 для изучения уровня, глубины и остроты бедности, индекс все годы имел среднее значение 0,98 и варьировался в пределах 0,83, но в 2022 г. впервые за 10 лет стал больше единицы (Притвоврова, Гелашвили, Темирбаева, 2023: 141). Этот рост они связывают не только с нормативно-правовыми актами, но с характеристиками расширенного контингента, который под влиянием этих изменений попал в группу бедных (там же).

Несмотря на тот факт, что общий показатель бедности в Казахстане низкий, 41,9% бедного населения составляют дети в возрасте от 0 до 14 лет⁴. Если рассматривать распределение детей по децильным⁵ группам, то 14,4% казахских детей находится в I группе наименее обеспеченного населения. Чем выше детность в домохозяйствах, тем выше риск попадания в категорию бедных.

В Республике Тыва наибольшая концентрация малоимущего населения (63,6%) в сельских населённых пунктах, в городах лишь 36,4%. Распределение малоимущего населения Тувы по основным социально-демографическим группам показывает, что 83,8% малоимущих домохозяйств состоят из 3 и более человек, 83,2% — это домохозяйства, имеющие детей до 18 лет⁶.

Распределение малоимущего населения в Туве по возрасту за 2021 г. показывает, что доля детей до 16 лет в нём составляла 45,0%, в то время как по России данный показатель составляет 39,7%⁷. В 2018 г. он составлял 46,9%, в 2019 г. — 47,2%⁸. Как видим, в результате ввода новых мер поддержки семей с детьми уровень детской бедности в Туве в 2021 г. снизился.

¹ Пронаталистская политика — демографическая политика, направленная на стимулирование и поощрение роста рождаемости в целях увеличения количества населения.

² Дети Казахстана. Статистический сборник. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2023. С. 80.

³ Социально-экономические индикаторы бедности населения в 2015–2021 гг. С. 77–79. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 28.12.2023).

⁴ Дети Казахстана. Статистический сборник. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2023. С. 83.

⁵ Распределение населения на децильные группы используется для анализа неравенства доходов. Децильные группы представляют группы населения (домашних хозяйств), образованных через деление населения (домашних хозяйств) на 10 численно равных частей, которые ранжируются по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов (доходов) в порядке их возрастания.

⁶ Социально-экономические индикаторы бедности населения в 2015–2021 гг. С. 75. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ Социально-экономические индикаторы бедности населения в 2015–2021 гг. С. 24. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 10.05.2023).

⁸ Социальное положение и уровень жизни населения России 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13212> (дата обращения: 11.05.2023).

С учётом того, что уровень демографической нагрузки за счёт населения моложе трудоспособного возраста практически одинаково высокий и в Туве (578 в 2022 г.)¹, и в Казахстане (540 в 2022 г.)², проблема детской бедности является одинаково актуальной проблемой для них.

В зависимости от типа неполные семьи в разной степени подвержены бедности. Монородительские семьи с одинокими матерями весьма разнообразны и отличаются в зависимости от количества детей, способности совмещения матерью родительских функций и трудовой деятельности, наличием либо отсутствием поддержки. Уровень образования и финансовое положение как важнейшие индикаторы социального положения имеют определяющее значение в особенностях потребления — чем выше они у одинокой матери, тем материально благополучнее неполная семья. Однако для многих неполных семей с детьми характерны ограниченное потребление, депривации, режим экономии.

В целом бедности более всех подвержены неполные семьи, в которых:

- мать, воспитывающая более одного ребенка и в одиночку выполняющая функции материального обеспечения семьи;
- мать с одним ребенком, чья социореадаптация затруднена отсутствием профессионального образования, отсутствием источника дохода и поддержки близких;
- матери детей с инвалидностью. Чаще всего, матери детей с ограниченными возможностями здоровья не работают, чтобы ухаживать за ребёнком.

Необходимо отметить существующие социокультурные различия системе ценностей населения Тувы и Казахстана, которые непосредственно влияют на экономическое положение неполной материнской семьи, образовавшейся вследствие внебрачного рождения ребёнка. В Казахстане зачастую родители и родственники осуждают одиноких молодых матерей, особенно в сельской местности, где беременность вне брака нередко считается позором. Молодые матери либо отказываются от родительских функций (оставляют ребенка в детском доме или на улице), либо обращаются за помощью в специализированные организации, где им помогают пройти процесс социореадаптации через социальную, психологическую и материальную поддержку (Еламанова, Авсыдыкова, 2021: 125).

В Туве же социологическое исследование, в рамках которого изучалось отношение респондентов к внебрачной рождаемости, одиноким матерям и их детям, показало отсутствие общественного и родственного порицания, осуждения внебрачной рождаемости (Натсак, 2023: 243). Нет одобрения, но и нет стигматизации женщин, родивших вне брака. В современном тувинском обществе происходит «привыкание» к распространённости неполных семей, внебрачной рождаемости, детям, которые воспитываются без отца и его регулярной финансовой поддержки. Выживанию таких семей способствует родственная помощь, а также государственные социальные пособия, выплаты. Однако из внимания общества упускается то, что положение детей в сегодняшних неполных семьях со всеми вытекающими экономическими, культурно-образовательными, социально-психологическими последствиями бедности определяет качество человеческого потенциала населения в будущем, закладывает основы будущего социального неравенства, так как доходная стратификация и обусловленное ею социальное неравенство создаёт неравные стартовые условия для детей, в первую очередь, из бедных неполных семей.

Заключение

Трансформация институтов брака и семьи, распространённость неполной структуры семей являются глобальным трендом, связанным с эволюцией их функций в условиях постиндустриального общества. Доля неполных семей в общей структуре семей и их социально-экономические характеристики имеют страновые особенности и варьируются в зависимости от комплекса факторов, как государственная политика в сфере демографии и семьи, экономическое положение и уровень жизни, социокультурная, в том числе, религиозная специфика и общественное мнение.

¹ Демографический ежегодник России 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 04.01.2024).

² Дети Казахстана. Статистический сборник. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2023. С. 15.

Для постсоциалистического развития Тувы и Казахстана был характерен рост внебрачной рождаемости, разводов и числа неполных семей с детьми. Стабилизация социально-экономических процессов после транзитивного периода привела к частичному восстановлению и улучшению демографических показателей, однако, несмотря на различия в масштабе, для Тувы и Казахстана в настоящее время характерны одни и те же тенденции.

Сравнительный анализ доли внебрачной рождаемости в общем числе рождений в Туве и Казахстане и наблюдаемых тенденций в этом вопросе позволяет утверждать, что рождения детей вне зарегистрированного брака остаётся статистически значимой причиной формирования неполных семей, однако вес и значение этого показателя в структуре причин разнятся в Туве и Казахстане. Для Казахстана он менее актуален, чем для Тувы. Проблема распада семьи в результате разводов практически в равной степени значима.

В Туве уровень брачности до 2022 г. был ниже, чем в Казахстане, однако в Казахстане выше удельный вес нуклеарных неполных семей. И в Туве, и в Казахстане наблюдаются тенденции роста числа домохозяйств, состоящих из одиноких матери или отца с детьми.

Изменяющиеся стандарты потребления на современном этапе требуют высоких затрат на мероприятия, сопровождающие заключение брака, что выступает фактором, способствующим откладыванию регистрации брака и фактическим сожительствам.

Тувинское и казахское общества демонстрируют разные тенденции в восприятии внебрачной рождаемости, одинокого материнства — в отличие от первого для последнего более свойственно общественное порицание и осуждение. Особенности демографической политики России и Казахстана определяют разные системы мер социальной поддержки родительства, материнства и стимулирования рождаемости. В этой связи одинокие матери в рассматриваемых обществах сталкиваются с отличающимися друг от друга комплексами барьеров и затруднений, вместе с тем материальные депривации, трудности в социализации детей как следствия неполной структуры семей являются общими.

В статье показано, что структура причин формирования и типология неполных семей в Туве и Казахстане имеют существенные различия. Такой фактор, как присутствие в общественном дискурсе Казахстана осуждения внебрачной рождаемости, приводит к материнским отказам от новорожденных, и, наоборот, отсутствие порицания, в первую очередь, со стороны родителей и старших родственников в Туве способствует тому, что внебрачная рождаемость, являющаяся одной из главных причин образования неполных семей, становится обычной социальной практикой.

Для монородительских семей Тувы и Казахстана характерны высокие риски бедности и сопутствующей детской бедности. Материальное положение, социальное самочувствие семей, возглавляемых женщинами, социальная реадaptация одиноких матерей, воспитывающих несовершеннолетних детей, зависит не только от мер государственной поддержки, но и от образовательного уровня, экономической активности и занятости, материального положения самих женщин. Неполные семьи сегодня закладывают основы социального неравенства завтрашнего дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева, Е. М., Бычков, Д. Г., Феоктистова О. А. (2018) Микроэкономика социальной поддержки государством семей при рождении ребенка // Экономика труда. Т. 5. № 4. Октябрь-декабрь. С. 1359–1374. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.5.4.39482>

Антонович, И. В., Ремнева, Н. С., Хувускаал, А. А. (2013) Сравнительный анализ социальной работы с неполными семьями в Республике Тыва и Алтайском крае // Инновационные практики социальной работы с семьей / И. В. Антонович и др. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета. 224 с. С. 177–212.

Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Nonparel. 286 с.

Гришина, Е. Е., Цацура, Е. А. (2023) Адресные выплаты на детей 3–7 и 8–17 лет: доступность, результативность и уроки для единого пособия // Народонаселение. Т. 26. № 3. С. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.7>

Доброхлеб, В. Г., Ефанова, О. А. (2023) Семейный потенциал как составляющая человеческого потенциала регионов России // Народонаселение. Т. 26. № 4. С. 99–109. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.9>

Еламанова, А. С., Авсыдыкова, К. А. (2021) Жас жалгызбасты аналарды дағдарыс орталықтары жадғайында социореадаптациялау (Алматы қаласының мысалында) [Социореадаптация молодых одиноких матерей в условиях кризисных центров (на примере г. Алматы)] // Психология және социология сериясы. № 3 (78). С. 124–134. DOI: <https://doi.org/10.26577/JPSS.2021.v78.i3.11>

Куулар, А. М. (2018) Жизнестойкость подростков из неполных семей на примере Республики Тыва // Научные труды Тувинского государственного университета : сборник материалов ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ. 20 октября 2018 г. Вып. XVII / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 247 с. С. 179–181.

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. № 13 (2). С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Михеева, А. Р. (2008) О причинах сверхвысокой внебрачной рождаемости у коренных народов Сибири: факты и гипотезы // Экономика России и Сибири: прошлое, настоящее, будущее : материалы научной конференции, посвящённой 50-летию юбилею Института экономики и организации промышленного производства СО РАН / отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск : Изд-во Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. 290 с. С. 276–281.

Натсак, О. Д. (2022) Трансформация репродуктивной модели тувинской семьи: историческая ретроспектива и современные тенденции // Социологическая наука и социальная практика. Т. 10. № 2 (38). С. 52–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>

Натсак, О. Д. (2023) Неполные семьи и монородительские практики женщин в современном тувинском обществе / отв. ред. Т. К. Ростовская. Абакан : Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова. 240 с.

Притворова, Т. П., Гелашвили, Н. Н., Темирбаева, Д. М. (2023) Актуализация системы монетарной бедности в Казахстане // Экономика Центральной Азии. Т. 7. № 2. С. 135–150. DOI: <https://doi.org/10.18334/asia.7.2.117784>

Ростовская, Т. К., Хасбулатова, О. А., Смирнова, И. Н. (2022) Социальный портрет категории одиноких матерей в российском обществе : концептуальные подходы // Женщина в российском обществе. № 4. С. 15–21. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.2>

Ростовская, Т. К., Хасбулатова, О. А., Смирнова, И. Н. (2023) Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. № 1. С. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.3>

Сейтова, Г. Т., Притворова, Т. П. (2008) Детская бедность в Республике Казахстан: состояние и стратегии преодоления // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 1. С. 93–96.

Смирнов, В. М., Селиванова, О. В. (2023) Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. Т. 10. № 5. С. 695–714. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.10.5.117824>

Темирбаева, Д. М., Легостаева, А. А. (2020) Домохозяйства с детьми в Казахстане: модели воспроизводства и динамика доходов // Экономика Центральной Азии. Т. 4. № 4. С. 288–310. DOI: <https://doi.org/10.18334/asia.4.4.41223>

Agadjanian, V, Dommaraju, P., Nedoluzhko, L. (2013) Economic fortunes, ethnic divides, and marriage and fertility in Central Asia: Kazakhstan and Kyrgyzstan compared // Journal of Population Research. № 30. P. 197–211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12546-013-9112-2>

Banerjee, P., Chacko, S., Piya, B. (2020) Paradoxes of Being and Becoming South Asian Single Mothers: The Enclave Economy, Patriarchy, and Migration // Women, Gender, and Families of Color. Vol. 8. №. 1. P. 5–39.

Cleuzio, J., McBrien, J. (2020) Marriage quandaries in Central Asia // Oriente Moderno. №. 100. P. 121–146. DOI: <https://doi.org/10.1163/22138617-12340246>

Kollmeyer, C. (2012) Family structure, female employment, and national income inequality: A cross-national study of 16 Western countries / LIS Working Paper Series. No. 579. Luxembourg : Luxembourg Income Study (LIS). 23 p.

Дата поступления: 26.01.2024 г.

Дата принятия 07.02.2024 г.

REFERENCES

Andreeva, E. M., Bychkov, D. G. and Feoktistova O. A. (2018) The Microeconomics of Social Protection of Families With Small Children in Russia. *Ekonomika Truda*, vol. 5, no. 4, pp. 1359–1374. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18334/et.5.4.39482>

Antonovich, I. V., Remneva, N. S. and Khuvuskaal, A. A. (2013) Comparative analysis of social work with single-parent families in the Republic of Tyva and the Altai Territory. In: *Innovative practices of social work with the family* / I. V. Antonovich et al. Barnaul, Izd-vo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 224 p. Pp. 177–212. (In Russ.).

Goncharova, G. S. and Savel'ev, L. Ya. (2004) *Family and marriage relations among the peoples of Siberia: problems, trends, prospects* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Nonparel'. 286 p. (In Russ.).

Grishina, E. E., Tsatsura, E. A. (2023) Targeted allowances for children aged 3–7 and 8–17: accessibility, effectiveness and lessons for unified benefit. *Population*, vol. 26, no. 3, pp. 77–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.7>

Dobrokhleb, V. G. and Efanova, O. A. (2023) Family potential as a component of the human potential of Russian regions. *Population*, vol. 26, no. 4, pp. 99–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.9>

Elamanova, A. S. and Avsydykova, K. A. (2021) Socioreadaptation of young single mothers in the conditions of crisis centers (on the example of Almaty). *The Journal of Psychology & Sociology*, no. 3 (78), pp. 124–134. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26577/JPoS.2021.v78.i3.11>

Kuular, A. M. (2018) The resilience of adolescents from single-parent families on the example of the Republic of Tyva. In: *Scientific works of Tuvan State University: a collection of materials of the annual scientific and practical conference of teachers, staff and graduate students of TuvSU*. October 20, 2018, Issue XVII / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, Izd-vo TuvGU. 247 p. Pp. 179–181. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Tuvan Wedding Rites: from Establishment of Family Ties to Social Presentation. *Oriental Studies*, no. 13 (2), pp. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Mikheeva, A. R. (2008) On the causes of the ultra-high illegitimate birth rate among the indigenous peoples of Siberia: facts and hypotheses. In: *Economics of Russia and Siberia: past, present, future: materials of the scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Institute of Economics and Industrial Production SB RAS* / ed. by V. V. Kuleshov. Novosibirsk, Izd-vo Instituta ekonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva SO RAN. 290 p. Pp. 276–281. (In Russ.).

Natsak, O. D. (2022) Transformation of the Reproductive Model of the Tuvan Family: Historical Retrospective and Current Trends. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, vol. 10, no. 2 (38), pp. 52–71. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>

Natsak, O. D. (2023) *Single-parent families and single-parent practices of women in modern Tuvan society*. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo im. V. M. Torosova. 240 p. (In Russ.).

Pritvorova, T. P., Gelashvili, N. N. and Temirbaeva, D. M. (2023) Updating Kazakhstan's monetary poverty indicator system. *Ekonomika Tsentral'noi Azii*, vol. 7, no. 2, pp. 135–150. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18334/asia.7.2.117784>

Rostovskaia, T. K., Khasbulatova, O. A. and Smirnova, I. N. (2022) Social portrait of single mothers in Russian society: conceptual approaches. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 15–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.2>

Rostovskaia, T. K., Khasbulatova, O. A. and Smirnova, I. N. (2023) Single mothers in Russian society: strokes to a social portrait. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.3>

Seitova, G. T. and Pritvorova, T. P. (2008) Child poverty in the Republic of Kazakhstan: status and coping strategies. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, no. 1, pp. 93–96. (In Russ.).

Smirnov, V. M. and Selivanova, O. V. (2023) Single-parent household in Russia: scale, problems and social assistance. *Ekonomika Truda*, vol. 10, no. 5, pp. 695–714. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18334/et.10.5.117824>

Temirbaeva, D. M. and Legostaeva, A. A. (2020) Households with children in Kazakhstan: the model of reproduction and the dynamics of income. *Ekonomika Tsentral'noi Azii*, vol. 4, no. 4, pp. 288–310. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18334/asia.4.4.41223>

Agadjanian, V., Dommaraju, P. and Nedoluzhko, L. (2013) Economic fortunes, ethnic divides, and marriage and fertility in Central Asia: Kazakhstan and Kyrgyzstan compared. *Journal of Population Research*, no. 30, pp. 197–211. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.1007/s12546-013-9112-2>

Banerjee, P., Chacko, S. and Piya, B. (2020) Paradoxes of Being and Becoming South Asian Single Mothers: The Enclave Economy, Patriarchy, and Migration. *Women, Gender, and Families of Color*, vol. 8, no. 1, pp. 5–39.

Cleuzio, J. and McBrien, J. (2020) Marriage quandaries in Central Asia. *Oriente Moderno*, no. 100, pp. 121–146. DOI: <https://doi.org/10.1163/22138617-12340246>

Kollmeyer, C. (2012) *Family structure, female employment, and national income inequality: A cross-national study of 16 Western countries* / LIS Working Paper Series, no. 579. Luxembourg, Luxembourg Income Study (LIS). 23 p.

Submission date: 26.01.2024.

Acceptance date: 07.02.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.16

Статья

Взаимодействие коренных малочисленных народов: жизнестойкость и устойчивость развития отдалённых и труднодоступных территорий

Виктория В. Филиппова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Российская Федерация,

Мария В. Куклина, Андрей И. Труфанов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация,

Антонина Н. Саввинова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Российская Федерация,

Наталья Е. Красноштанова

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Российская Федерация,

Алла С. Федорова, Анна П. Итегелова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Российская Федерация,

Дмитрий В. Кобылкин

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Российская Федерация

В статье рассмотрены территориальные связи тувинцев-тоджинцев Тоджинского кожууна Республики Тыва, сойотов Окинского района Республики Бурятия, тофаларов Нижнеудинского района Иркутской области, эвенков Тындинского района Амурской области и Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия). Это территории традиционного проживания коренных малочисленных народов из разных субъектов Российской Федерации, представляющие собой отдаленные и труднодоступные территории.

Исследование направлено на поиск оптимального набора показателей устойчивого развития на локальном уровне для территорий с проживанием коренных народов, сохраняющих традиционные формы природопользования. Авторы считают, что определение таких показателей можно осуществить через применение междисциплинарной сетевой концепции с онтологиями, моделями и индикаторами, которые показывают согласованность хозяйственной деятельности, экологического равновесия, этнокультурного и социального комфорта.

Выявлены типы социальных связей, присутствующие в трех блоках топологического поля: семейные (родственные) отношения, культурное взаимодействие, хозяйственная деятельность и традиционное жизнеобеспечение. Основные выводы авторы видят в стратификации и детализации связей жителей территорий по типу и масштабам взаимодействия.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы; Тыва; Бурятия; Якутия; Амурская область; Иркутская область; отдаленная территория; труднодоступная территория; сетевой анализ; устойчивое развитие

Исследование, содержащее сведения о Тоджинском кожууне Республики Тыва, Тофаларии Нижнеудинского района Иркутской области и Окинском районе Республики Бурятия, подготовлено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-57-44002 «Междисциплинарная сетевая платформа моделирования социально-экономических и экологических процессов на трансграничных территориях РФ и Монголии с ограниченной транспортной доступностью». Исследование в Тындинском районе Амурской области и Нерюнгринском районе Республики Саха (Якутия) осуществлено за счет гранта РНФ 21-17-00250 «Межрегиональные и внутрирегиональные коммуникации коренных малочисленных народов Севера в условиях глобальных вызовов: история и современность».

Для цитирования:

Филиппова В. В., Куклина М. В., Труфанов А. И., Саввинова А. Н., Красноштанова Н. Е., Федорова А. С., Итегелова А. П., Кобылкин Д. В. Взаимодействие коренных малочисленных народов: жизнестойкость и устойчивость развития отдалённых и труднодоступных территорий // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 263-284. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.16>

Филиппова Виктория Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1, каб. 402. Эл. адрес: Filiprovav@mail.ru

Куклина Мария Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры автоматизации и управления Иркутского национального исследовательского технического университета. Адрес: 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83. Эл. адрес: kuklina-kmv@yandex.ru

Труфанов Андрей Иванович — кандидат физико-математических наук, доцент Института информационных технологий и анализа данных Иркутского национального исследовательского технического университета. Адрес: 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83. Эл. адрес: troufan@gmail.com

Саввинова Антонина Николаевна — кандидат географических наук, доцент эколого-географического отделения Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Адрес: 677017, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 48, каб. 746. Эл. адрес: sava_73@mail.ru

Красноштанова Наталья Евгеньевна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. Адрес: 664033, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, д. 1, каб. 418. Эл. адрес: knepun@mail.ru

Федорова Алла Семеновна — заведующий научно-исследовательской лабораторией электронных-картографических систем, старший преподаватель эколого-географического отделения Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Адрес: 677017, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 48, каб. 746. Эл. адрес: fedas78@mail.ru

Итегелова Анна Петровна — старший преподаватель, лаборант эколого-географического отделения Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Адрес: 677017, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 48, каб. 742. Эл. адрес: itegelova@mail.ru

Кобылкин Дмитрий Владимирович — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. Адрес: 664033, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, д. 1, каб. 399. Эл. адрес: agrembrandt@inbox.ru

Interaction of indigenous minority peoples: resilience and sustainable development of remote and hard-to-reach territories

Viktoriya V. Filippova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Maria V. Kuklina, Andrey I. Trufanov

Irkutsk National Research Technical University, Russian Federation,

Antonina N. Savvinova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russian Federation,

Natalia E. Krasnoshtanova

V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Alla S. Fedorova, Anna P. Itegelova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russian Federation,

Dmitry V. Kobylkin

V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article examines the territorial relations of the Tuvan-Todzhin residents of Todzhinsky Kozhuun in the Republic of Tuva, the Soyots of Okinsky District in the Republic of Buryatia, the Tofalars of Nizhneudinsky District in the Irkutsk Region, the Evenks of Tyndinsky District in the Amur Region, and the Neryungrinsky District in the Sakha Republic (Yakutia). These areas are home to indigenous minority groups from different regions of Russia, who live in remote and hard-to-access territories. The research aims to find the optimal set of indicators for sustainable development at the local level for indigenous communities that preserve traditional forms of environmental management. The authors believe that this can be achieved through the application of a meta-disciplinary approach, using ontologies, models, and indicators to show the consistency of economic, ecological, ethnocultural, and social aspects.

Three types of social connections are identified in the topological field: family (kinship) relationships, cultural interaction, and economic activity. Traditional life support is also considered. The main conclusion is the stratification and detailed analysis of connections between residents based on the type and scale of their interactions.

Keywords: indigenous peoples; Tuva; Buryatia; Yakutia; Amur region; Irkutsk region; remote territory; hard-to-reach territory; network analysis; sustainable development

The study containing information about the Todzhinsky kozhuun of the Republic of Tuva, the Tofalaria of the Nizhneudinsky district of the Irkutsk region and the Okinsky district of the Buryatia Republic was prepared with the financial support of the RFBR and the IOCNSM within the framework of the scientific project No. 20-57-44002 "Interdisciplinary network platform for modeling socio-economic and environmental processes in the transboundary territories of the Russian Federation and Mongolia with limited transport accessibility". The research in the Tynda district of the Amur region and the Neryungri district of the Sakha Republic (Yakutia) was carried out at the expense of the grant of the Russian National Fund 21-17-00250 "Interregional and intraregional communications of indigenous peoples of the North in the context of global challenges: history and modernity".

For citation:

Filippova V. V., Kuklina M. V., Trufanov A. I., Savvinova A. N., Krasnoshtanova N. E., Fedorova A. S., Itegelova A. P. and Kobylkin D. V. Interaction of indigenous minority peoples: resilience and sustainable development of remote and hard-to-reach territories. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 263-284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.16>

FILIPPOVA, Viktoriya Viktorovna, Candidate of History, Senior Researcher, Department of the Arctic Research, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 1 Petrovskogo St., 677027, Yakutsk, Russia. Email: Filippovav@mail.ru [ORCID ID: 0000-0002-3900-918X](https://orcid.org/0000-0002-3900-918X)

KUKLINA, Maria Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Automation and Control, Irkutsk National Research Technical University. Postal address: 83 Lermontova St., 664074, Irkutsk, Russian Federation. Email: kuklina-kmv@yandex.ru [ORCID ID: 0000-0002-9571-2144](https://orcid.org/0000-0002-9571-2144)

TRUFANOV, Andrey Ivanovich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Institute of Information Technologies and Data Analysis, Irkutsk National Research Technical University. Postal address: 83 Lermontova St., 664074, Irkutsk, Russian Federation. Email: trufan@gmail.com [ORCID ID: 0000-0002-6967-3495](https://orcid.org/0000-0002-6967-3495)

SAVVINOVA, Antonina Nikolaevna, Candidate of Geography, Associate Professor, Ecology and Geography Department, Institute of Natural Sciences, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Postal address: 48 Kulakovskogo St., office 746, 677017, Yakutsk, Russian Federation. E-mail: sava_73@mail.ru [ORCID ID: 0000-0002-3314-7688](https://orcid.org/0000-0002-3314-7688)

KRASNOSHTANOVA, Natalia Evgenievna, Candidate of Geography, Senior Researcher, V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 1 Ulan-Batorskaya St., 664033 Irkutsk, Russian Federation. Email: knesun@mail.ru [ORCID ID: 0000-0001-7643-6693](https://orcid.org/0000-0001-7643-6693)

FEDOROVA, Alla Semenovna, Head, Research Laboratory of EMS, Senior Lecturer, Ecology and Geography Department, Institute of Natural Sciences, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Postal address: 48 Kulakovskogo St., office 746, 677017 Yakutsk, Russian Federation. E-mail: fedas78@mail.ru [ORCID ID: 0000-0002-1592-9504](https://orcid.org/0000-0002-1592-9504)

ITEGLOVA, Anna Petrovna, Senior lecturer, Laboratory assistant, Ecology and Geography Department, Institute of Natural Sciences, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Postal address: 48 Kulakovskogo St., office 742, 677017 Yakutsk, Russian Federation. E-mail: itegelova@mail.ru [ORCID ID: 0000-0002-2641-0660](https://orcid.org/0000-0002-2641-0660)

KOBYLKIN, Dmitrii Vladimirovich, Candidate of Geography, Senior Researcher, V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 1 Ulan-Batarskaya St., office 399, 664033, Irkutsk, Russia. Email: agrembrandt@inbox.ru

Введение

Территории проживания коренных малочисленных народов России характеризуются отдаленностью и труднодоступностью, что обусловлено суровыми природными и климатическими условиями. В свою очередь, эти условия определяют отсутствие круглогодичных дорог, что и становится сдерживающим фактором развития территорий.

В региональных исследованиях понятие «отдаленность» / «удаленность» связано с понятием «транспортная доступность». В зарубежных исследованиях, в частности, в Канаде и Австралии разработаны индексы удаленности, которые определяют уровень доступа к предприятиям здравоохранения¹ в Европе доступность рассчитывается для прогнозирования и расчетов экономической деятельности². В отечественных исследованиях разработки также связаны с ролью транспортной инфраструктуры в России, где основное внимание уделяется изучению влияния транспортных расходов на себестоимость продукции (Безруков, Дашпилов, 2010).

В современный период в российской науке практически нет монографий и научных статей, которые бы комплексно исследовали понятие «отдаленный регион», специфику и содержание такой юридически значимой категории³. Толковые словари не дают определения, что является отдаленным регионом. Нормативно-правовые акты используют конструкцию «отдаленный регион» в различных контекстах, например, Постановление Правительства РФ № 169 от 19.03.2002 «О Федеральной целевой программе “Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года”»⁴. В Республике Саха (Якутия) постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 23 декабря 2021 г. № 536 «О дифференцировании населенных пунктов Республики Саха (Якутия) по транспортной доступности и отдаленности для обеспечения жизнедеятельности населения» утвержден Перечень ограниченно доступных, отдаленных и труднодоступных населенных пунктов для завоза жизненно-важных товаров, и продуктов⁵. Приказом Министерства связи и массовых коммуникаций РФ № 616 от 5.12.2016 г.⁶ был установлен критерий определения труднодоступных и отдаленных местностей, где разрешено вовсе не применять контрольно-кассовые техники. Единого понимания, как и единого определения отдаленности, ни в юридической литературе, ни в правовой деятельности не сложилось. По мнению В. С. Бредневой, под отдаленным регионом понимается территория (один или несколько субъектов Российской Федерации, или его часть), располагающаяся на значительном расстоянии от федерального центра (столицы), реже как территория, удаленная от различных объектов социальной инфраструктуры и крупных транспортных артерий⁷.

Авторы понимают под *отдаленной территорией* территорию, жители поселений которой не имеют регулярного подключения ко всему спектру современных социально-экономических процессов, поддерживаемых в крупных населенных пунктах — концентраторах в силу географических, природно-

¹The Australian Population and Migration Research Centre, Metropolitan Accessibility (2015) [Электронный ресурс] // Remoteness Index of Australia (Metro ARIA), AURIN. URL: https://www.adelaide.edu.au/apmrc/research/MetroARIA_InfoSheet.pdf (дата обращения: 03.06.2023).

²Nelson A. Travel time to major cities: A global map of Accessibility [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <http://forobs.jrc.ec.europa.eu/products/gam/> (дата обращения: 03.06.2023).

³Бреднева В. С. Отдаленный регион как правовая категория (на примере Сахалинской области) // Государство и право: теория и практика: материалы I Международной научной конференции (г. Челябинск, апрель 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 11–15.

⁴Постановление Правительства Российской Федерации от 19 марта 2002 г. № 169 «О Федеральной целевой программе “Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года”» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/3374/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.ru%2f (дата обращения: 02.06.2023).

⁵Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 23.12.2021 № 536 «О дифференцировании населенных пунктов Республики Саха (Якутия) по транспортной доступности и отдаленности для обеспечения жизнедеятельности населения» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202112290009> (дата обращения: 02.06.2023).

⁶Приказ Минкомсвязи России от 05.12.2016 № 616 «Об утверждении критерия определения отдаленных от сетей связи местностей» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.12.2016 N 45053) [Электронный ресурс] // Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210021/ (дата обращения: 02.06.2023).

⁷Бреднева В. С. Отдаленный регион как правовая категория ... С. 12.

климатических факторов и сопутствующей неразвитости транспортной и/или информационной инфраструктуры, и иных условий, препятствующих этому доступу.

В виду того, что устойчивое развитие отдаленных и труднодоступных поселений обеспечивается наличием сбалансированного социального взаимодействия между множественными акторами сложной сетевой системы, целью исследования данной статьи является анализ межпоселенной, межрайонной и межрегиональной связности мест проживания коренных малочисленных народов по ключевым взаимосвязям, которые проявляются на локальном уровне, а в существующих показателях устойчивого развития генерализируются и остаются незамеченными.

Объектом исследования являются территории проживания коренных малочисленных народов, представляющие собой отдаленные и труднодоступные районы; предметом — социальные взаимодействия на территориях проживания коренных малочисленных народов.

Территориями исследования являются Тоджинский кожуун Республики Тыва, Окинский район Республики Бурятия, Тофалария (Нижнеудинский район) Иркутской области, Нерюнгринский район Республики Саха (Якутия) и Тындинский район Амурской области, где авторами проведены полевые исследования в 2020–2023 гг.

Авторы, в числе которых историки, географы, математики, экономисты, рассматривают ключевые типы социального взаимодействия разного масштаба (локальные, районные и региональные) на территориях проживания коренных малочисленных народов, обеспечивающие их устойчивое развитие.

Основу топологического поля нашего исследования составляет сеть населенных пунктов отдаленных и труднодоступных территорий, в котором проживают представители малочисленных этносов. Современные сети поселений — это результат проведенной государственной политики советского периода, включавшее процессы перевода кочевого населения на оседлый образ жизни и укрупнение поселков, новое административное районирование, в результате которого родственные этносы оказались в разных субъектах и/или районах.

Обзор литературы

В последние десятилетия приобретают важность исследования, проведенные в местах традиционного проживания коренных этносов, где отдаленность и удаленность осмысливаются иным образом в кочевых культурах, нежели в оседлых (Konstantinov, 2009). Так, отмечается, что изоляция от внешнего мира в виде отказа от дорог может быть осознанным выбором отдельных локальных сообществ (Schweitzer, Povoroznyuk, Schiesser, 2017).

Развитие на территориях проживания коренных малочисленных народов, характеризующихся отдаленностью и труднодоступностью, происходит иначе, чем в других регионах. По мнению В. В. Филипповой, жители видят устойчивость развития своих мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в их отдаленности и труднодоступности. Для коренных малочисленных народов характеристика отдаленности становится относительной и зависит от образа жизни: кочевого, сельского и городского (Филиппова, 2020).

Очевидно, что сообщества, ведущие кочевой, сельский или городской образ жизни, имеют разный опыт взаимодействия с внешним миром. В зависимости от образа жизни и опыта взаимодействия населения с внешним миром по-разному осмысливаются и ощущаются проблемы ограничений транспортной доступности. По сравнению с оседлым населением, постоянно проживающим в поселениях, представители кочевого менее зависимы от изменения социально-экономических условий, но более — от природно-климатических. Слабые надежды на повышение устойчивости труднодоступных районов и поселений сопряжены с развитием коммуникаций и технологий, которые в связи с социальным капиталом и социальными сетями позволяют частично поддерживать кочевые и сельские сообщества. Существующие различия редко принимаются во внимание при принятии решений и планировании территориального развития (Куклина, Филиппова, 2019). В связи с этим, особенно важным становится анализ показателей устойчивого развития территорий, населенных малочисленными этносами.

Глобальная система показателей для целей в области устойчивого развития была разработана Межучрежденческой группой экспертов по показателям Целей устойчивого развития и согласована

на 48-й сессии Статистической комиссии Организации Объединенных Наций, состоявшейся в марте 2017 г. Согласно целям устойчивого развития, глобальная система показателей включает 17 целей, 168 задач и 232 индикатора¹. Одно только количество данных показателей говорит о сложности достижения устойчивого развития.

Использование большого количества целей и индикаторов устойчивости не всегда является показателем эффективности при разработке государственных программ устойчивого социально-экономического развития территорий. Указанная система показателей устойчивого развития территорий часто неприменима на локальном уровне, она в лучшем случае работает на уровне регионов, а этот уровень сглаживает этнокультурную, социальную, демографическую неоднородность территорий. Эта проблема особенно актуальна для регионов Сибири и Дальнего Востока, занимающих большие площади и характеризующихся высоким этнокультурным разнообразием.

Изучение устойчивости сообществ, расположенных в отдаленных и труднодоступных районах является многомерным, поскольку оно зависит от географических характеристик региона, исторических предпосылок, социокультурной и институциональной среды, текущей государственной политики и так далее. Поэтому важно принимать во внимание показатели, важные для органов власти и организаций/учреждений местного уровня, позволяющие всесторонне учитывать разнородные качественные и количественные данные социально-экономического развития, уделяя особое внимание мнениям местных жителей, в частности в местах проживания коренных малочисленных этносов.

Примеры исследований устойчивости на локальном уровне подчеркивают важность включения субъективной составляющей, т.е. изучение восприятия местным населением, происходящих процессов и тенденций развития (Мутовин, Судьин, 2014; Byakagaba, Mugagga, Nnakayima, 2019; Storey, 2010). Очень ценно совместное использование качественных и количественных методов для исследований устойчивости на локальном уровне (Sinha, Bhattacharya, Banerjee, 2007; Rinzin, Vermeulen, Glasbergen, 2007).

Например, в недавней работе (Krasnoshtanova, 2023), выполненной для северных территорий Иркутской области, характеризующейся большим количеством удаленных и труднодоступных поселений, а также проживанием в некоторых из них малочисленных народов, использованы количественные данные сформированные на основе данных статистики (доступной для уровня поселений) и материалов социально-экономического развития, в том числе по временным отрезкам: динамика численности населения и коэффициента естественного прироста, динамика изменения количества социокультурных и образовательных объектов, динамика изменения доходов бюджета поселения на душу населения, количество видов транспортного сообщения, наличие общин коренных малочисленных народов и практик традиционного природопользования, уровень диверсифицированности экономики и др. Эти данные дополнены оценкой субъективного восприятия местным населением перспектив развития их поселения в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Результаты количественного анализа интерпретированы с использованием материалов интервью и полевых наблюдений.

Социальные взаимодействия находятся в центре интересов исследований как отдельного индивида, так групп и сообществ. Наблюдается множественность и типов взаимодействия, и сфер общения, где эти взаимодействия проявляются (родственные, дружеские, профессиональные, и т. д.). Исследователи при этом отмечают, что единого стандартизированного подхода к систематизации такого рода взаимодействий до настоящего времени не выработано (Hoppler, Segerer, Nikitin, 2022). Внести некоторую ясность и осуществить прорыв в этом направлении призвана сетевая парадигма, объединяющая в себе сетевые онтологии, концепции, подходы и модели (Barabasi, Albert, 1999; Ghoshal et al, 2014; Gates et al, 2019). Современные исследователи, используя набор различных методов сетевого моделирования, в их многослойном (Dickison, Magnani, Rossi, 2016; Oselio, Liu, Hero, 2018; Bródka, Kazienko, 2018; Dragić, Keynan, Ilany, 2021), взаимозависимом (Han, Wen, Miao, 2018; Lev-Ari et al., 2021), комбинированном (Berestneva et al., 2023) и динамическом (Friemel, 2011) толковании, и которые, зачастую, рассматриваются как инновационные средства, продвигают современную постановку проблем социальных отношений (Erikson, 2018).

¹SDG Indicators. Global indicator framework for the Sustainable Development Goals and targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс]// Sustainable Development Goals. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/indicators-list/> (дата обращения: 03.06.2023).

В рамках сетевой парадигмы формируется общий и единый взгляд в использовании, казалось бы, разнородных методов и различных данных, изначально неструктурированных или плохо структурированных. Основопологающая идея сетевой парадигмы заключается в том, что вне зависимости от природы системы и ее наполнения, и функций ключевым фактором, определяющим системное поведение, является топология.

Характерно, что сетевая парадигма изначально содержит в себе подходы, которые нацелены на устранение преград, возникающих между различными областями науки и практики (Schwartz, 2021; Omodei, De Domenico, Arenas, 2017), что вне зависимости от природы, наполнения и функций системы ключевым фактором, определяющим системное поведение, является ее сетевая структура (топология)¹. Сетевая парадигма накапливалась и вызревала долгие годы, но ярко проявилась в последние два десятилетия, с формальным становлением «науки о сетях», или науки о сложных сетях, по определению А. Горяшко, Л. Самохина и П. Бочарова (Goryashko, Samokhine, Bocharov, 2019), при этом и до последнего времени наследуется неустойчивость и конфликтность в использовании как понятий, так и мер, индикаторов и терминологии (Weijnen, Herder, Bouwmans, 2008), в том числе и вопрос о надежности (Guimerà, Sales-Pardo, 2009), что только добавляет у исследователей энергии и стремления в преодолении и разрешении противоречий.

Социологи обратились к эффективным средствам сетевого анализа в связи с повсеместным использованием электронной почты, мессенджеров и онлайн-сервисов социальных сетей (Kleinberg, 2008). Однако, даже без поддержки современными информационными технологиями и вне зависимости от масштаба социальные явления требуют прояснения их сетевой структуры.

Для традиционных социальных сетей, включающих максимум сотни акторов, в отличие от масштабных онлайн-социальных сетей с множественными онлайн-данными, поддерживаемыми производительными вычислительными ресурсами остро стоит вопрос о доступности данных и их сборе. Значительны шансы, что именно сетевые показатели окажутся эффективными маркерами устойчивости мета-системы (Berestneva et al., 2023). При этом вопрос о надежности сетевых данных, который вызывает серьезную озабоченность во всех областях науки о сетях (Guimerà et al., 2009), дополнительно стимулировал проведение полевых работ в настоящем исследовании.

В течение последних полутора десятков лет анализ социальных сетей выдвинулся из социологии, обогатился подходами статистической физики и оформился в качестве значимой методологии исследования разномасштабных социальных систем (Dunbar, 2018; Mehra et al., 2009).

Использование онтологии междисциплинарных исследований позволяет объединить знания и методы из различных научных дисциплин: естественных и гуманитарных. Это позволяет создавать более полные и точные сетевые модели, учитывающие множество аспектов и взаимосвязей между ними (Труфанов и др., 2018; Landi et al, 2018). Онтология междисциплинарных исследований также позволяет систематизировать знания и методы из различных дисциплин, что упрощает обмен информацией между учеными и специалистами из различных областей. Это также способствует развитию новых направлений исследований и создания новых технологий на основе сетевых моделей взаимодействия (Lordan, Sallan, 2020; Kuklina et al, 2022).

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы методы сетевого анализа, сравнительно-географический и статистический методы, анализ муниципальных отчетов, паспортов социально-экономического развития, стратегий развития территорий, архивных и полевых материалов, методы социологических исследований (интервьюирование, анкетирование населения).

В виду отсутствия в настоящее время объективных критериев, позволяющих оценить разномасштабные связи, они были качественно намечены и выявлены в ходе полевых исследований, осуществлённых авторами. Полевые исследования в Нерюнгринском районе Якутии и Тындинском районе Амурской области проводились в сентябре 2021 г., в Окинском районе Республики Бурятия в

¹ Ikehara K., Clauset A. Characterizing the structural diversity of complex networks across domains // Complex network. 2017. URL: abs/1710.11304. <https://arxiv.org/abs/1710.11304> (дата обращения: 03.06.2023).

августе 2020 г. и октябре 2021 г., в Тоджинском кожууне (районе) Республики Тыва в августе 2021 и июле 2022 гг., в Тофаларии (Нижнеудинский район) Иркутской области в феврале 2023 г.

Во время полевых работ удалось осуществить перекрестную верификацию проанализированных данных на основе стратегий и паспортов социально-экономического развития исследуемых территорий. Методы исследования, которые мы использовали для сбора полевых материалов, включают также неформализованное и глубинное интервью, анкетирование и включенное наблюдение. Вопросник состоял из 24 вопросов на русском языке, соответствующих задачам исследования и структурированных по четырем блокам. Первый блок — это вопросы, касающиеся расселения и родственных связей с соседними районами, поселениями. Второй блок состоял из вопросов о социально-экономической ситуации поселков и традиционных отраслях хозяйственной деятельности. Третий блок включал вопросы, связанные с языковой ситуацией и культурными мероприятиями. Четвертый блок содержал вопросы, связанные с транспортным сообщением. Каждому из четырех блоков соответствует свойственная им топологическое поле взаимодействующих элементов (акторов), ориентирующее как интервьюеров, так и респондентов.

Респонденты на местах полевых работ отбирались с использованием метода снежного кома, опираясь на возможности социальных сетей. Продолжительность интервью составляла от двадцати пяти до девяноста минут, в среднем пятьдесят минут. Среди респондентов были представители местных сообществ из разных профессиональных сфер, в том числе работники местных администраций, образования, медицины, туристской отрасли, предприниматели и др.

В Тоджинском кожууне для анализа социального взаимодействия в рамках данной статьи мы взяли районный центр Тоора-Хем, где у нас было проведено большая часть интервью (в 2021 г. — 16 интервью, в 2022 г. — 13 интервью).

В Окинском районе социальные связи общего топологического поля рассматриваются на примере районного центра пос. Орлик, где мы взяли в 2020 г. — 12 интервью, в 2021 г. — 9 интервью.

Для анализа социальных связей в Тофаларии был выбран пос. Алыгджер, где проживает большая часть респондентов-тофаларов, принявших участие в настоящем исследовании. Количество интервью в Алыгджере в 2023 г. — 17.

В Нерюнгринском районе в единственном месте компактного проживания эвенков в данном муниципальном образовании было взято 33 интервью. В соседнем Тындинском районе местами традиционного расселения эвенков являются 3 поселения: Усть-Нюкжа, Усть-Уркима и Первомайское. В наши исследования были включены два последних, где в Усть-Уркиме было взято 17 интервью, а в с. Первомайское — 12.

На основе анализа интервью были выявлены типы взаимодействия, характерные для мест проживания коренных малочисленных народов Севера, далее была проведена их типология на: родственные связи; культурное и хозяйственное взаимодействие.

В данном исследовании инструментом сетевого анализа выступило программное обеспечение ГИС – QIS 3.16. С использованием данной ГИС программы были построены модели поселенческой сети (где были проведены полевые исследования) в виде графа. На основе графа были выявлены положения отдельных узлов — центральность. Центральность показывает позиционную характеристику узла (в данном случае исследованные поселения), которая определяет его потенциальные возможности стать инициатором и участником взаимодействий в сети.

Сетевое взаимодействие, заложенное в любой социальной системе, в нашем случае коренные социумы, имеет закономерность. Авторы считают, что механизм социального взаимодействия можно рассматривать в контексте информационно-технического и математического обеспечения, способствующей устойчивому северных территорий. Современное социальное взаимодействие может выступить средством решения задач, поставленных перед всеми органами государственного и социального управления. Для выявления сложных взаимозависимых социально-экономических и этнокультурных процессов на изучаемой территории, характеризующейся отдаленностью и труднодоступностью, и преобладающим коренным малочисленным населением была разработана сетевая модель социального взаимодействия жителей поселений. Узлами сети являются поселения, ориентированные связи определяют агрегированные отношения, стратифицированные по роду занятий между узлами- поселениями. Создание сетевой модели позволит в будущем выявить новые метрики, индикаторы, и дает возможность провести оценку устойчивого развития северных

территорий. С помощью разработанной модели на примере вышеуказанных поселений был проведен анализ сетевого взаимодействия мест проживания малочисленных этносов.

Территории исследований

Авторами для апробации сетевой модели социального взаимодействия жителей были выбраны поселения пяти обособленных регионов. Общность выбранных локальных сообществ состоит в преобладании в структуре населения поселений малочисленных этносов и в их занятости традиционными отраслями хозяйственной деятельности. Для изучения взаимодействия удаленных и отдаленных территорий выбор пал на приграничные районы. Первый кейс представляют районы, входящие в так называемый «Саянский перекресток» – территорию в пределах горной системы Восточного Саяна (Калихман Т., Калихман А., 2011).

Российская часть Саянского перекрестка включает в себя Тоджинский кожуун Республики Тыва, Тофалария – горную часть Нижнеудинского района Иркутской области, Окинский район Республики Бурятия. Для полноты сравнения в исследовании также рассматривался Тункинский район Республики Бурятия, граничащий с упомянутыми районами. Другим важным примером послужили Нерюнгринский район Республики Саха (Якутия) и Тындинский район Амурской области, имеющие также тесные связи между собой (рис. 1).

Выбор вышеуказанных районов для проведения исследований в значительной степени был обусловлен проживанием в них коренных малочисленных народов России: тувинцев-тоджинцев, то-

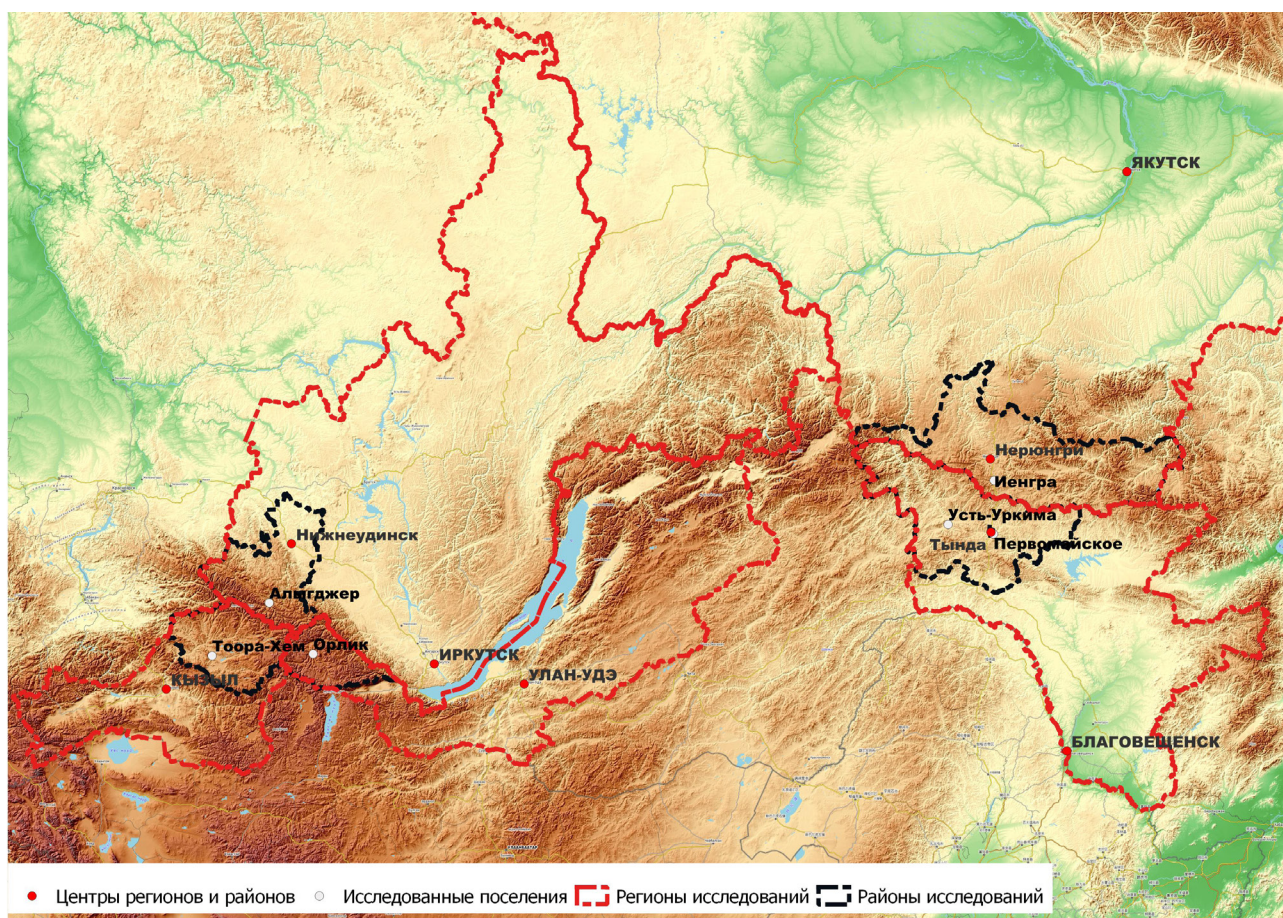

Рис. 1. Карта территорий исследования. Составлено авторами на основе OpenTopoMap.
 Fig. 1. Map of the research territories. Compiled by the authors based on OpenTopoMap.

фаларов, сойотов и эвенков. Данные этносы имели и имеют хозяйственно-культурную общность, что способствует наличию разноплановых связей между жителями, проживающими по разные стороны границ — региональных и районных.

Авторы на примере данных обособленных регионов апробировали сетевую модель взаимодействия в местах проживания коренных малочисленных народов Севера: насколько выявленные ключевые типы взаимодействия функционируют у представителей малочисленных этносов, проживающих в разных природно-географических условиях и административно-территориальных единицах. Краткие характеристики районов исследования приведены в *табл. 1*.

Таблица 1. Характеристика районов исследования
Table 1. Characteristics of the study areas

Территории исследований	Площадь районов, тыс. км ²	Районный центр	Расстояние от районного центра до столицы региона	Население района, чел.	Этнический состав населения, в %
Тоджинский кожуун Республики Тыва	44,8	п. Тоора-Хем	230 км до Кызыла	6649	тоджинцы — 44,0 тувинцы — 33,6 русские — 19,8
Окинский район Республики Бурятия	26,6	п. Орлик	700 км до Улан-Удэ	5452	сойоты — 59,9 буряты — 33,3 прочие — 6,8
Тофалария Нижнеудинский район Иркутской области	21,6	г. Нижнеудинск	520 км до Иркутска	1244	тофалары — 61,3 русские — 36,7 прочие — 2,0
Тындинский район Амурской области	83,3	г. Тында	824 км до г. Благовещенск	13013	русские — 81,2 корейцы — 2,7 татары — 1,1 эвенки — 0,4 прочие — 14,6
Нерюнгринский район Республики Саха (Якутия)	98,8	г. Нерюнгри	808 км до г. Якутск	74900	русские — 78,0 украинцы — 6,2 эвенки — 1,4 прочие — 14,4.

Прим.: составлено на основе официальных сайтов муниципальных образований, паспортов социально-экономического развития.

Родственные связи

«Саянский перекресток» — такое название было дано Т. П. Калихман и А. Д. Калихман региону современного проживания коренных малочисленных народов: тоджинцев (Тоджинский кожуун Республики Тыва), тофаларов (Нижнеудинский район Иркутской области), сойотов (Окинский район Республики Бурятия) и духа или цаатанов (Хубсугульский аймак Монголии) (Калихман Т., Калихман А., 2011, 2020). Население, проживающее в данном регионе, являются близкородственными группами оленеводов и охотников. Вместе с тувинцами центральных районов в советское время оно рассматривалось как единый тувинский этнос. Ч. К. Ламажаа считает, что это было связано с идеологическими установками советского государства в формировании тувинского этноса как со-

циалистического (Ламажаа, 2017: 8). В настоящее время тофалары и сойоты представляют собой две самостоятельные этнические единицы (Монгуш, 2012: 62). Развитию сойотов и тофаларов как самостоятельных этнических образований способствовало их проживание в других регионах в оторванности от тувинской политической организации и «материнского» этноса (Ламажаа, 2017: 12-13).

Территориально тофалары делились на три группы, различавшиеся своим родовым составом: *сонгуу ааллар* 'западные аалы' занимали северо-западную часть Тофаларии, *бурунгуу ааллар* 'восточные аалы' кочевали в юго-восточной части и *ортаа ааллар* 'срединные аалы' занимали центральное место между западными и восточными группами (Тюркские народы ... , 2008: 262, 264). Тофалары являются потомками населения, входившего в XVII в. в пять административных улусов «Удинской земли» Красноярского уезда: Карагасский (род Сарыг-Каш), Кангатский (род Каш), Югдинский (род Кара-Чооду), Сильпигурский (род Ак-Чооду или просто Чооду) и Маньчжурский (род Четпей), возникший на месте распавшегося Кубалитского улуса. Это деление сохранялось вплоть до 1960-х годов, т. к. за каждым родом при кочевой жизни был закреплен определенный район кочевания и охотничьих угодий (Рассадин, 1971: 4–5).

Среди современных тофаларов, живущих в поселках Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара на территории Нижнеудинского района Иркутской области не отмечалось деления на особые этнографические группы. Этот народ, хотя и был всегда малочисленным, обычно характеризовался как единый с однотипной материальной и духовной культурой (Тюркские народы ... , 2008: 264).

Что касается этнического состава коренного населения высокогорной Оки, здесь Б. С. Дугаров на сравнительно изолированной территории при небольшой численности населения было 15 родов и подродов, делившиеся «на две основные группы: монголо-бурятскую и тюркско-сойотскую» (Дугаров, 1983). Б. Э. Петри выделял 4 хозяйственные группы у окинских сойотов: оленная (оз. Ильчир); переходная от оленеводства к скотоводству (верховья речек — истоки р. Белая); скотоводы (долина р. Ока); беженцы (экономические — разорившиеся оленеводы, спустившиеся с Ильчира к подножию горы Мунку-Сардыка и политические — в пределах Монголии) (Петри, 1927).

Тувинцы-тоджинцы, отличающиеся особенностями хозяйствования, хорошо освещены в трудах исследователей (Вайнштейн, 1961) признаны этнографической группой тувинского населения, выделяющиеся от основного массива определенными особенностями в языке, в материальной и духовной культуре, однако функционирующие в территориальных рамках материнского этноса и участвующие в процессах внутриэтнической консолидации (Кузеев, Бабенко, 1992).

На основе интервью, полученных в ходе полевых работ, были выявлены родственные связи: между жителями приграничных поселений Тоджинского кожууна и Тофаларии, а внутри Тоджинского кожууна тесные родственные связи между всеми поселениями района.

«У нас в Тофаларии родственники живут. Вот граница Тоджи и сразу идет граница Иркутской области Тофаларии. Раньше род Ак жили вот там наверху, где село Хамсара, сейчас Чазылары называется. Там в тайге они там жили, на своих стоянках оленеводческих, дороги с Кызыла не было. ... Дети у них все в Тофаларии учились в интернате... У этих детей даже место рождения Алыгджер стоит. Наши там замуж повыходили, поэтому там родственников много. Видите, Тофалария была ближе, чем Тува» (жен., 57 лет, Тоора-Хем).

Жители Окинского района имеют тесные родственные связи с жителями соседнего Тункинского района. Внутри Окинского района также тесные родственные связи между поселениями этой территории.

«Из Тоджи здесь несколько семей жили, переехали сюда в Алыгджер в 1946 или 1949, возвратились в 1950-х. А мама здесь уже осталась. Замуж вышла... В Ие у меня родственники живут. Там дяди жили у нас, тети; сейчас уже двоюродные сестры, братья, у них тоже помногу детей. ... Раньше часто приезжали, еще мама живая была. Они тоже оленеводы в основном были и приезжали сюда, им даже сюда ближе было приехать за продуктами, чем доехать до Тоджи. Приезжали они с ребятишками, еще наше поколение на русском хорошо разговаривали, а приводили ребятишек, вот те совсем не разговаривали по-русски, только по-тувински. Потом я уже ездила туда, многие уже хорошо разговаривают по-русски» (жен., 65 лет, Алыгджер).

Иенгринских и тындинских эвенков называют «джугджырскими» эвенками по территории их расселения по отрогам Джугджыра (Яблонового и Станового хребтов). По данным Г. М. Василевич в районе нашего исследования проживают потомки витимо-олекминских, верхнеалданско-зейских и

учурско-зейских эвенков (Василевич, 1969: 8). Названия групп эвенков в основном даны по названиям рек, который они населяли в этом регионе: это р. Олёкма, Алдан, Томмот, Учур, Чульман, Мая, Зея. Из трех населённых пунктов Тындинского района, где проживают эвенки, два составляют олекминскую группу эвенков — Усть-Уркима и Усть-Нюкжа. Оба населённых пункта располагаются на р. Нюкжа — притока реки Олекма (Филиппова, Саввинова, Фонда, 2020). Жители сёл Первомайское и Иенгра относятся к потомкам верхнекалданско-зейской и учурско-зейской групп, места кочевья которых оказались по обе стороны границ якутско-амурского приграничья.

В годы советской власти до 1950-х гг. иенгринская группа эвенков проживала на территории Тимптонского района Якутской АССР, а тындинская — в Желтулакском районе Амурской области. В 1953 г. состав Тындинского (бывшего Желтулакского) района была включена территория Нюкжинского района (эвенки с. Усть-Уркима и с. Усть-Нюкжа), в разное время бывшая частью Витимо-Олёкминского национального округа Восточно-Сибирского края и Читинской области. Известный тунгусовед Г. М. Василевич считала, что эвенки Тимптонского и Желтулакского районов по своему происхождению являются сородичами эвенков, кочующих по правым притокам Амура на территории Маньчжурии (роды: Буллэ, Буягир, Хэбгинкур, Сологон, Канкагир, Кэлтэгир, Монго) (Василевич, 1950: 169). Другой исследователь-тунгусовед советского периода В. А. Туголуков высказал свое мнение, что на территории Тимптонского района Алданского округа Якутской АССР проживали рода (Анабырский, Баягир, Буллет, Денма, Калтагир, Лонгорку, Нюрмаганский), которые являются выходцами с р. Виллой (Туголуков, 2013: 135).

Родственные связи жителей с. Иенгра и с. Усть-Уркима подтверждаются в интервью, собранными в ходе экспедиций:

«...есть родственники в Усть-Уркиме, я сама оттуда родом, замуж вышла и приехали в Иенгру работать с мужем. Всю жизнь здесь проработали, дети и внуки тоже здесь живут. Постоянно ездили в Усть-Уркиму к родственникам отдыхать в отпуск. В данное время мы с мужем хотим переехать обратно в Усть-Уркиму, там у меня живет родная сестра...» (жен., 65 лет, с. Иенгра);

«У меня муж из Иенгры, с ним познакомились во время спортивных соревнований в рамках Дня оленевода в с. Иенгра. Поженились и живем в Усть-Уркиме, работаем учителями в школе. Часто ездим в Иенгру к родственникам и заодно там покупаем оптом продукты, потому что там дешевле и выбора больше» (жен., 37 лет, с. Усть-Уркима);

«Мой дедушка Д.¹ взял девушку с Иенгры, сосватался в тайге по эвенкийским традициям. Ранее была лесная дорога между Иенгрой и Усть-Уркимой, роды встречались посередине, проводили встречи, сватовство. Ее племянница замуж вышла за парня из Иенгры. Он ее забрал, и живут в тайге» (жен., 38 лет с. Усть-Уркима).

Родственные связи в рассмотренных нами районах проявляются в виде посещения родственников. Если эвенки Южной Якутии и Амурской области ездят друг к другу в гости на автомобилях и/или на поезде, то тофалары и тоджинцы могут использовать в одну поездку разные виды транспорта.

В летнее время до Тофаларии из Нижнеудинска можно долететь только на вертолете, исключением является специальная техника, которая используется в редких случаях. В зимнее время возможно использование «зимника» (зимней дороги). От Нижнеудинска до Красноярска/Иркутска можно использовать поезд или автомобиль, а от Красноярска/Иркутска до Кызыла самолет или автомобиль. И уже от Кызыла до центра Тоджинского кожууна или других поселений автомобиль.

Из интервью:

«Я давно там была, лет 5–6 назад. Там фестиваль был коренных малочисленных народов “Земля моих предков”... Я из Иркутска летела до Кызыла, а наши ехали через Абакан, тяжело тоже. Я до Тоджи не доехала, давление подскочило, я дорогу очень плохо переношу. Две сестры мои доехали до Тоджи и муж мой» (жен., 65 лет, с. Алыгджер).

¹ Особенностью работы с респондентами в отдалённых и труднодоступных сельских поселениях является довольно частое нежелание местных жителей раскрывать персональные данные, многие информанты просили не указывать свои полные имена. Учитывая их пожелания, интервью проводилось на условиях конфиденциальности, а цитаты респондентов должны были сохранить статус анонимности, особенно по темам, связанным с неофициальной занятостью. В этой связи авторы ограничились указанием инициалов информанта, указанием примерного возраста, пола и места проживания.

Соответственно, сложность транспортного сообщения обуславливает редкость поездок родственников друг к другу. Хотя наши респонденты как уже было отмечено ранее, говорили, что в прежние времена их родственники перемещались на оленях.

«Мой отец учился в интернате в Тофаларии, потому что он говорил, мой дедушка был оленевод с бабушкой они за один световой день они доезжали до Алыгджера (Тофалария) на оленях...» (жен., 57 лет, п. Тоора-Хем).

Для проведения сетевого анализа выявленных связей были построены модели поселенческой сети (где были проведены полевые исследования) в виде графа. Графы, построенные с использованием, ГИС-технологий показывают, что среди тувинцев-тоджинцев, тофаларов и сойотов наиболее тесные родственные связи имеются между тувинцами-тоджинцами и тофаларами (рис. 2А), у эвенков наблюдается между Иенгрой, Усть-Уркимой и Первомайском (рис. 2Б).

Культурное взаимодействие

В районах исследования выделены основные типы культурного взаимодействия, это: проведение совместных праздников на определенных территориях, работа этнокультурных центров, предназначенная для поддержания и презентации этнокультуры. Типология позволяет говорить о вариативности культурного взаимодействия — как внутри самого этноса, так и между этносами, а также с другими этносами.

Поддержание этнокультуры в первую очередь зависит от деятельности и инициативности сотрудников этнокультурных центров, активности местного населения. Во всех районных центрах изучаемых территорий имеются этнокультурные центры, занимающиеся развитием народного творчества. Творческие коллективы, а также отдельные мастера регулярно участвуют в конкурсах и выставках в региональных центрах, а также активно принимают участие в праздниках.

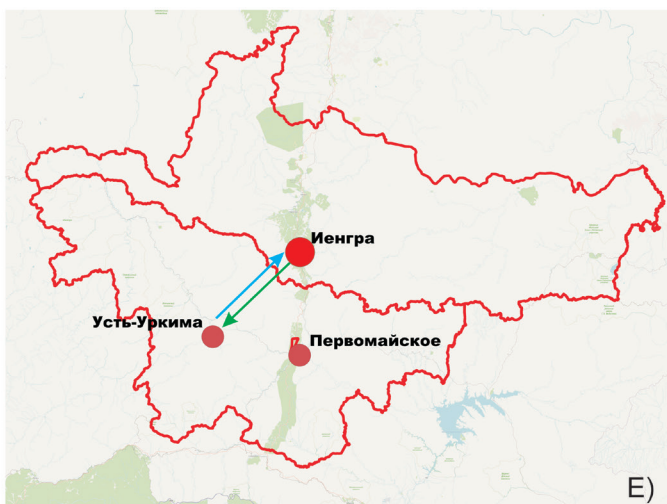
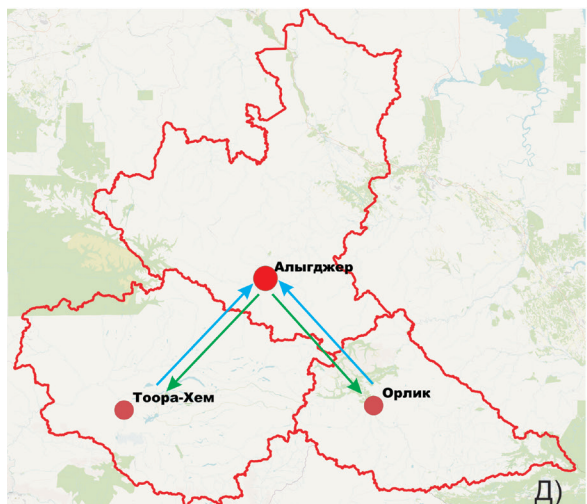
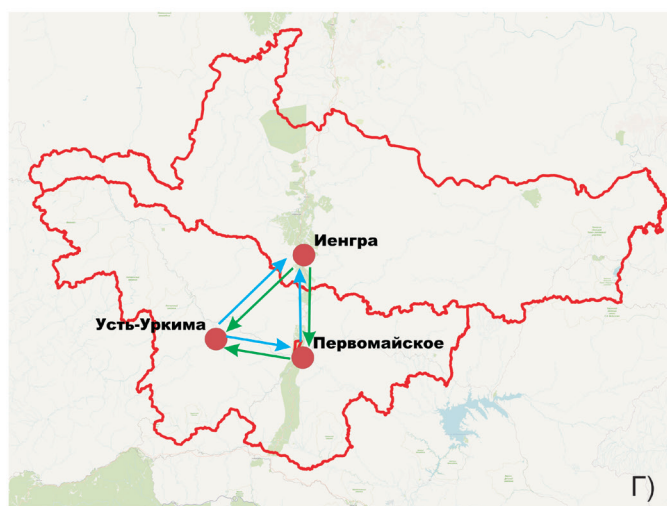
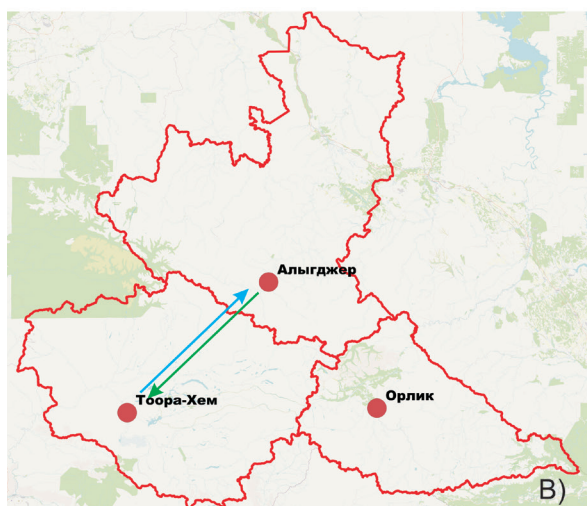
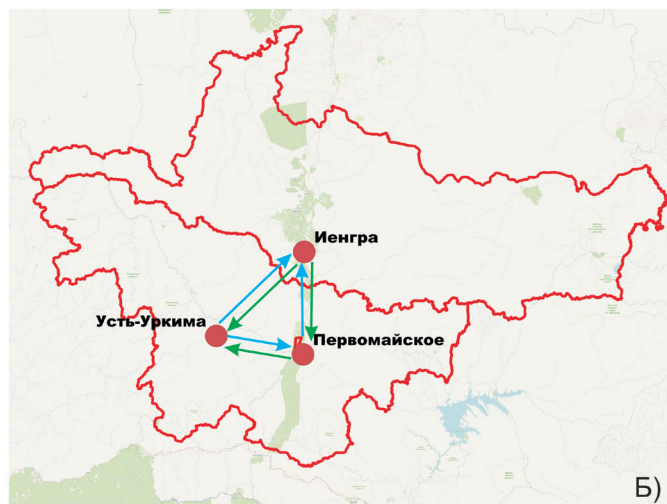
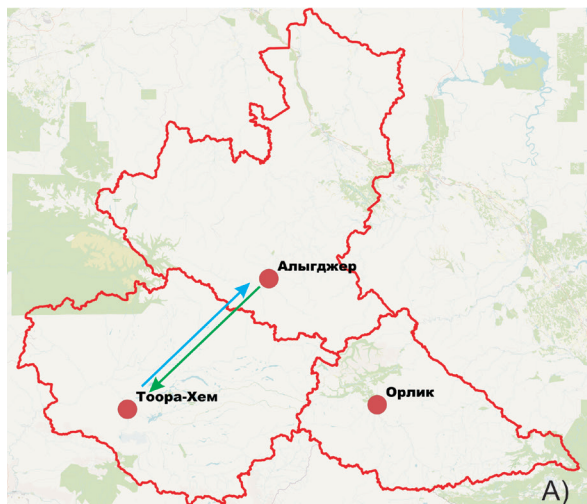
Географическая близость территорий позволяет проводить межрайонные и внутрирайонные совместные праздники. Это также хорошо видно на построенных графах (рис. 2А). Наиболее ярким примером взаимодействия являются культурные связи, проявляющиеся в презентации этнокультур в других территориях России и за рубежом. Праздники традиционной (этнической) культуры являются важными культурными событиями, которые собирают всех жителей районов, а также гостей из других регионов России и из соседней Монголии, способствуя развитию и укреплению связей между жителями этих территорий.

Например, праздники «Сур-Харбан», «Эб модоной наадан», «Наадан» (монгольские названия праздников). Например, праздник «Эб модоной наадан» («Древо дружбы») по очереди проводят и участвуют следующие районы: Тункинский, Окинский, Хубсугульский аймак Монголии сомон Ханх. В тоже время есть и межрегиональные связи с не приграничными территориями, но связными общими видами традиционной деятельности. Так, например, на «Фестиваль оленеводов» в Тодже приглашаются оленеводы из Республики Саха (Якутия) и из Монголии (сомон Цагааннур).

Наши респонденты из исследуемых районов делились яркими впечатлениями, а также рассказывали о новых знакомствах и установлении дружеских связей после участия в таких культурных мероприятиях. Помимо этнических праздников проводятся различные выставки и конкурсы творческих работ. Например, осенью 2022 г. этнокультурный центр Тофаларии из пос. Алыгджер проводил выставку своих работ в Иркутске¹.

Развитие культурных связей населения, проживающего в эвенкийских поселениях Усть-Нюкжа, Усть-Уркима и Первомайский Амурской области и Иенгра Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия), способствует объединению и общению эвенков этих двух приграничных регионов, которые исторически связаны друг с другом. В эвенкийских поселениях поочередно проводится эвенкийский праздник «Бакалдын», в марте здесь традиционно организуется «День оленевода», на который съезжаются оленеводы со всей области и соседних регионов. Проводятся мастер-классы по пошиву традиционной одежды и унтов, бисероплетению, изготовлению украшений из оленьих

¹ Интервью с Оксаной Германовной Булгатовой — ведущим методистом по работе с КМНС [Электронный ресурс] // ИОГБУК «Центр культуры коренных народов Прибайкалья». URL: <https://etno.pribaikal.ru/2022/12/06/bukgativa-interview/> (дата обращения: 02.06.2023).

→ входящие связи ← исходящие связи

А и Б - родственные связи; В и Г - культурные связи; Д и Е - хозяйственные связи

Рис. 2АБВГДЕ. Родственные, культурные и хозяйственные связи исследованных поселений.

Составлено авторами на основе OpenStreetMap.

Fig. 2АБВГДЕ. Kinship, cultural and economic ties of the studied settlements. Compiled by the authors based on OpenStreetMap.

рогов, куда приглашаются эвенкийские мастерицы из Нерюнгринского района. Взаимосвязь между тремя эвенкийскими поселениями хорошо прослеживается и по графу (рис. 2Б и Г). Здесь значение центральности у всех поселений одинаковое, что связано наличием дорог, способствующих въезду/выезду в другие населенные пункты для проведения мероприятий.

С июня 1993 г. в с. Иенгра проходит эвенкийский праздник «Икэнипкэ» («Цветение багульника»), во время которого проводятся обряды, национальные игры, выступления творческих коллективов и др. Также в с. Иенгра ежегодно организуются такие праздники как «Синилгэн», «Хуктывун», конкурсы стойбищ «Урикит инин», конкурс семей «Тэһэл», конкурсы этнических костюмов. В дни праздников приезжают гости из эвенкийских сел Амурской области. Каждый год в марте в Иенгре проходит районный праздник «День оленевода», куда съезжаются представители всех родовых общин, а также охотники и оленеводы, которые проводят со стадами в тайге круглый год. Многие оленеводы-эвенки из Амурской области приезжают со своими оленями и принимают участие в соревнованиях. В текущем 2023 г. состоялся межрегиональный слёт оленеводов Якутии и Забайкалья. Инициаторами и организатором выступила Ассоциация эвенков Якутии, в результате которого в Чаре собрались родственники — олекминчане и каларчане¹.

В культуре большое значение имеет традиционная хозяйственная деятельность, которая также представлена в виде отдельных культурных мероприятий, как «Фестиваль Верблюдов», «День оленевода» и многие другие. Весной 2023 г. в с. Иенгра состоялись первые Международные игры оленеводов, где приняли участие оленеводы из тринадцати российских регионов, а также Исландии, Гренландии, Китая и Монголии. Данное культурное мероприятие объединило разные оленеводческие этносы².

Объединяющими мероприятиями связывающие культуры разных этносов являются общерайонные и региональные праздники, как «День Республики Тыва», «День Республики Саха (Якутия)», «День родного языка и письменности» в Якутии.

Хозяйственное взаимодействие

В исследованных районах традиционными отраслями хозяйства являются охота, рыболовство и оленеводство. Скотоводство характерно для Тоджинского кожууна и Окинского района (табл. 2).

Традиционные хозяйственные виды деятельности сохраняются в кочевых родовых общинах, которые занимаются оленеводством, такими промыслами как охота и рыболовство.

Взаимодействие в хозяйственной деятельности и традиционном жизнеобеспечении проявляется в обмене опытом по разведению оленей тофаларов с сойотами:

«Мы отдали 100 голов в Бурятию для сохранения их этноса, то есть они сойоты и тофалары получается один народ, один язык, то есть они не разговаривают, они не потеряли это, но сельское хозяйство они поддерживают, то есть они охотники, оленеводы. В свое время, когда отдали 100 голов, Б., он в Соробе живет. Ему наш В. показал, как правильно пользоваться, то есть тут порядок воспитания животных, как за ним ухаживать, правила поведения человеческого. Наши ребята им показывали: отел происходит, мы их собираем, привязываем, держим, чтобы они никуда не убежали... Только матка, отелилась важенька, инген³, мы ее меняем очередями. Матка бегаёт, телок стоит. То есть наш В. ездил в Бурятию учил. Вот Б. со ста поднял какое-то большое поголовье. Это 1991 год кажется, когда взяли 100 голов. То есть у нас развал, у них развал. Он забрал 100 голов, поднял до 200 голов» (муж., 40 лет, с. Алыгджер).

¹Межрегиональный день оленевода в Каларском районе [Электронный ресурс] // Без формата. 2023, 7 марта. URL: <https://chara.bezformata.com/listnews/mezhregionalniy-den-olenevoda-v-kalarskom/114961631/> (дата обращения: 02.06.2023).

²Первый международный чемпионат по оленеводству пройдет в Якутии в 2023 году [Электронный ресурс] // Интерфакс-Россия. 2022, 18 февраля. URL: <https://www.interfax-russia.ru/far-east/main/pervyy-mezhdunarodnyy-chempionat-po-olenevodstvu-proydet-v-yakutii-v-2023-godu> (дата обращения: 02.06.2023).

³Инген — самка оленя на тофаларском языке.

Таблица 2. Представленность коренного населения и виды их традиционной хозяйственной деятельности в исследованных территориях

Table 2. Representation of the indigenous population and types of their traditional economic activities in the studied territories

Название поселений	Численность населения (в т. ч. коренные малочисленные народы – в чел. и %)	Традиционная хозяйственная деятельность
п. Тоора-Хем, Тоджинский кожуун, Республика Тыва	3264 (тувинцы-тоджинцы – 59,5% по селу)	Охота и рыболовство, оленеводство, скотоводство
с. Орлик, Окинский район, Республика Бурятия	2555 (сойоты, 59,9% по селу)	Охота, оленеводство, скотоводство
с. Алыгджер, Нижнеудинский район (Тофалария), Иркутская область	521 (тофалары – 45,5% по селу)	Охота и рыболовство, оленеводство
с. Иенгра, Нерюнгринский район, Республика Саха (Якутия)	1103 (эвенки – 77,6% по селу)	Охота и рыболовство, оленеводство
п. Усть-Уркима, Тындинский район, Амурская область	260 (эвенки – 83,8% по селу)	Охота и рыболовство, оленеводство
п. Первомайское, Тындинский район, Амурская область	842 (эвенки – 20,4% по селу)	Охота и рыболовство

Из интервью респондентов было выявлено, что сейчас происходит обмен оленями между Тофаларией, Тоджей и Окой (рис. 2Д). Интересен тот факт, что познакомились оленеводы Тоджи и Тофаларии на конгрессе коренных малочисленных народов Севера в Москве:

«Я лично отвозил в Орлик, ну мы между собой общаемся, мы обменивались быками: я им – своих, они мне – своих. Это с бурятами с сойотами. И в Тоджу отвозил отсюда взял лично 3 быка своих, утащил туда 4 быка, а они мне – своих. Обмен – это нормальная практика, это нужно, чтобы не было близкородственных связей. Нам запрещают меняться с другими породами, тофаларский олень – это самая крупная порода, то есть нам нельзя с эвенками с ненцами еще с кем-то мешать кровь не рекомендуется, только Тоджа и Бурятия» (муж., 40 лет, с. Алыгджер);

«Да, голова на голову менялись и несколько лет пройдет, мы опять менялись, ведь Тоджинские с нами с удовольствием, чтобы поменять оленей. И здесь программа шла, забыл, как называется, что они с Тофаларией обменивались, вот говорят – тофаларский олень, мы его возрождаем. А Окинский район у них в 1963 году последних оленей забили. Они очень много оленей держали, а потом им или не нужен стал. Олень или волк съедал, а потом сейчас они у нас опять покупали» (муж., 67 лет, с. Алыгджер);

«С Тоджей мы же граничим, тайги у нас в верховьях Уды, там недалеко можно перевалить через перевал и рядышком здесь, и по рации охотники общаются наши с тоджинцами... У меня муж все время летом привозил масло, носки вязанные, общается с друзьями. Прямо говорит, у них охотничьи уголья расположены где-то недалеко с вулканом, это место вулканическое на реке Ия и там они коней своих пасут, туда же приезжают пасти коров с Бурятии, также на полянах пасут коров, трава буйная. И, прямо говорят, мужчины доят коров, на пеньках сидят, на пеньках сепараторы стоят, тут же перегоняют. Тут же, говорят, масло делают. И вот муж рассказывал, это было лет 10 назад, общаются до сих пор, коров также пасут. Также они этим живут, ну и друг другу помогают» (жен., 62 года, с. Алыгджер).

Таким образом, в ходе полевых исследований установлено наличие связей между оленеводами Тоджи и Тофаларии, выявлено, что в Окинском же районе оно было утеряно в 1963 г. и восстановлено в начале 1990-х гг., причем в 2000-х гг. количество поголовья значительно уменьшилось, по словам респондентов, но в настоящее время идет процесс восстановления.

В Тындинском районе оленеводство практически утеряно у эвенков с. Первомайское, местное население это связывает с близостью к путям сообщения и отсутствием пастбищ. В с. Усть-Уркима общение в традиционной хозяйственной сфере тоже связано с оленеводством и заключается в найме оленеводов из других эвенкийских поселений (рис. 2Е):

«Молодежи у нас вообще нет оленеводов, на лето ездят ребята, их по пальцам пересчитать можно, человек пять. Живут там какое-то время, но, чтобы остаться, нет такого. ... У них есть тарелка с собой, носят телевидение, красная — от МТС. Они включают генератор, у них все, пожалуйста, телевизор. И постоянные мучения, когда они перекочёвывают, долго это все настраивают. И вот сейчас такая задача построить эти зимовья — уже стационарные. Я говорю: “Ну вы даёте, это ж сколько тарелок надо-то”. Да, а когда у них вот проблемы, сбой у них, нервоз... Тяжело, конечно, когда этим занимается не твоя родня, потому что этими оленями занимаются наемные все. Вопрос: а наемные откуда? Ответ: местные, то есть они за деньги пасут оленей. Это уж когда мама с отцом, с братом, но их не стало, и как-то. Вопрос: а с других регионов оленеводы, например, ищут? Ответ: ищут они, ищут вообще с радостью примут любую семью» (жен., 40 лет, с. Усть-Уркима).

Кроме того, охотники по договоренности (через радиосвязь) могут объединиться для охоты несколькими общинами, и могут использовать охотничьи угодья других общин. В с. Иенгра более половины опрошенных оленеводов и охотников отмечают, что, будучи в тайге, общаются с другими соседними общинами малочисленных народов, в том числе из соседней Амурской области:

«Охота на соболя в Алданской стороне в основном. Соболя сейчас не котируется, черный соболя седой даже 1500 руб. — не выгодно сдавать. Есть родственники кадровые охотники, оленеводы в общинах на Гонаме в Алданском районе. Вся Иенгра переселялась сюда с Сутама. По каким причинам? Расселяли Сутам. Общаемся с другими общинами, с Алданского района, с Амурскими общаемся с Усть-Нюкжи, Усть-Уркимы, на Зее тоже» (муж., 57 лет, с. Иенгра);

«...Встречаемся иногда с другими охотниками Амурской области, иногда договариваемся и охотимся вместе, или же, если у них нету зверя, они приходят на наши территории, или мы к ним идем охотиться ...» (муж., 62 г., с. Иенгра);

«На рыбалку некоторые ездят на р. Зей: там вода чище, и рыба есть. А в пределах с. Иенгра в связи с промышленным освоением идет загрязнение рек — рыболовство исчезает» (муж., 36 лет, с. Иенгра);

«Я в Амурской области работал, там мужик есть знакомый, у него был бригадир — он умер, а два пацана, которые были у него в подчинении, поделили оленей. Он сейчас сам как частник стал, общину не хочет организовывать» (муж., 63 г., с. Иенгра).

Сохранность оленеводства в с. Иенгра по сравнению с соседним Тындинским районом обусловлена функционированием сельскохозяйственных предприятий, основными видами деятельности которых является оленеводство. Кроме того, на территории Иенгринского наслега зарегистрировано 25 родовых общин коренных малочисленных народов, в них задействовано 61 человек, занимающихся оленеводством, охотой и рыболовством.

Заключение

Проведенные исследования на основе анализа топологического поля показали, что удаленность мест проживания коренных малочисленных народов Севера от районных и региональных центров обуславливает поиск альтернативных путей для решения сложившихся проблем, необходимых для жизнеобеспечения, сохранение языка, культуры и традиционных видов хозяйственной деятельности, доставки товаров. В стратегиях социально-экономического развития территорий, в основном рассматривается внутрирайонная связь населенного пункта и его место в развитии района, а межрайонные и межрегиональные связи практически не учитываются. Пример проведенных исследований на двух ключевых территориях Сибири и Дальнего Востока показывает, для коренных малочисленных народов Севера характерно наличие взаимодействия со своими сородичами, проживающими в соседних районах и/или регионах.

Также необходимо отметить значимость сетевой платформы, последовательное и настойчивое продвижение которой представляется необходимым для дальнейшего изучения сложной метасистемы на территории проживания коренных малочисленных народов Севера и ее составляющих: социальной, экономической и природной, изучения, нацеленного на устойчивое развитие данной системы.

При построении графов, оказывающих наличие связей, установлено, что наиболее устойчивыми являются связи, относящиеся к языку, культуре и традиционному хозяйству коренных малочисленных народов Севера. Данные виды связей присутствуют даже в тех местах, где отсутствуют официальные

дороги. По результатам исследований, выполненных на локальном уровне, выявлено, что для важных социальных взаимодействий (родственные, культурные, хозяйственные) в поддержке устойчивого развития изучаемых территорий и их коренных сообществ высокую значимость имеет межрайонный и межрегиональный уровень, однако, в текущих программах социально-экономического развития фокус сделан на внутрирайонных связях. Выявлено, что места проживания коренных малочисленных народов Севера являясь отдаленными и труднодоступными для районных и региональных центров, могут быть намного ближе для других поселений и иметь важное значение для них. Следовательно, в системе показателей устойчивого развития для отдаленных и труднодоступных территорий крайне важно учитывать социальные взаимодействия (их характер и значимость), имеющиеся между представителями коренных малочисленных этносов, выходящие далеко за пределы отдельных муниципальных образований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безруков, Л. А., Дашпилов, Ц. Б. (2010) Транспортно-географическое положение микрорегионов Сибири: методика и результаты оценки // География и природные ресурсы. № 4. С. 5–13.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Наука. 218 с.
- Василевич, Г. М. (1950) По колхозам джугдырских эвенков // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 82. № 2. С. 163–173.
- Василевич, Г. М. (1969) Эвенки: историко-этнографические очерки: (XVIII — начало XX в.). Ленинград : Наука, Ленинградское отделение. 304 с.
- Дугаров, Б. С. (1983) О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов : сборник статей / отв. ред. Т. М. Михайлов. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР. 147 с. С. 90–101.
- Калихман, Т. П., Калихман, А. Д. (2011) «Саянский перекресток» как трансграничный объект всемирного природно-культурного наследия // Известия Русского географического общества. Т. 143. № 1. С. 72–81.
- Калихман, А. Д., Калихман, Т. П. (2020) Концептуальные и парадигмальные основания регионоведения // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания: материалы Международной научной конференции. Иркутск, 7–9 декабря 2020 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск : Издательство ИГУ. 487 с. С. 266–284.
- Кузеев, Р. Г., Бабенко, В. Я. (1992) Этнографические и этнические группы (К проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения : в 2 ч. / отв. ред. Р. Г. Кузеев, В. А. Тишков. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Ч. 1. Этнические и этнографические группы. 172 с. С. 17–38.
- Куклина, В. В., Филиппова, В. В. (2019) Транспортная доступность и образ жизни населения на Севере на примере Республики Саха (Якутия) // География и природные ресурсы. № 2. С. 132–140.
- Ламажаа, Ч. К. (2017) Проблемы определения и изучения субэтнических групп тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.1>
- Монгуш, М. В. (2012) Тофалары и сойоты. Историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. № 2. С. 62–78.
- Мутовин, С. И., Судьин, К. Н. (2014) Инструменты устойчивого развития Северных территорий: опыт региональных исследований. Красноярск : Сибирский федеральный университет. 132 с.
- Петри, Б. Д. (1927) Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные). Иркутск : Тип. изд-ва «Власть труда». 21 с.
- Рассадин, В. И. (1971) Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 251 с.
- Тюркские народы Восточной Сибири (2008) / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука. 422 с.
- Труфанов, А. И., Тухватуллина, А. Ф., Лызин, И. А., Тараник, М. А. (2018) Создание единого комплекса эффективных инструментов сетевого анализа временных рядов // Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине : сборник научных трудов V Международной научной конференции: в 2 ч. Томск : Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Ч. 2 / под ред. О. Г. Берестневой и др. 487 с. С. 323–327.
- Туголуков, В. А. (2013) Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Красноярск : Сибирские промыслы. 335 с.

Филиппова, В. В. (2020) Доступ к территориям традиционного природопользования: мобильность локальных сообществ в условиях промышленного освоения // Кунсткамера. № 1 (7). С. 36–42. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1\(7\)-36-42](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1(7)-36-42)

Филиппова, В. В., Саввинова, А. Н., Фонда, Г. (2020) Эвенки бассейна реки Олёкма: расселение и землепользование в XXI веке // Научный диалог. № 1. С. 495–509. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-1-495-509>

Barabási, A.-L., Albert, R. (1999) Emergence of scaling in random networks // Science. Vol. 286. Issue 5439. P. 509–512. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.286.5439.509>

Berestneva, O. G., Tikhomirov, A. A., Trufanov, A. I., Kuklina, M. V., Kobylkin, D. V., Krasnoshtanova, N. E., Bogdanov, V. N., Istomina, E. A., Batotsyrenov, E. A., Dirin, D. A., Savvinova, A. N., Filippova, V. V., Altangerel, E., Dashdorj, Z. (2023) Network metrics in sustainable development of remote territories // Системный анализ в проектировании и управлении : сборник научных трудов XXVI Международной научно-практической конференции : в 3 ч. / отв. ред. Г. П. Чудесова, А. В. Логинова. СПб. : ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». Ч. 3. 468 с. С. 183–195. DOI: <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id23-475>

Bródka, P., Kazienko, P. (2018) Multilayer Social Networks. In: Alhajj, R., Rokne, J. (eds) Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining. Springer, New York, NY. LXXIII, 3431 p. P. 1408–1422. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4939-7131-2_239

Byakagaba, P., Mugagga, F., Nnakayima, D. (2019) The socio-economic and environmental implications of oil and gas exploration: Perspectives at the micro level in the Albertine region of Uganda // The Extractive Industries and Society. Vol. 6. № 2. P. 358–366. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2019.01.006>

Dickison, M., Magnani, M., Rossi, L. (2016) Moving Out of Flatland. In Multilayer Social Networks / ed. by Dickison M., Magnani M., Rossi L. Cambridge : Cambridge University Press. 79 p. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139941907.001>

Dragić, N., Keynan, O., Ilany, A. (2021) Multilayer social networks reveal the social complexity of a cooperatively breeding bird // iScience. Vol. 24. Issue 11: 103336. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.isci.2021.103336>

Dunbar, R. (2018) The Anatomy of Friendship // Trends in cognitive sciences. Vol. 22. Issue 1. P. 32–51. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2017.10.004>

Erikson, E. (2018) Relationalism and Social Networks. In: Dépelteau, F. (eds) The Palgrave Handbook of Relational Sociology. Palgrave Macmillan Cham. XXI, 686 p. P. 271–287. DOI : https://doi.org/10.1007/978-3-319-66005-9_13

Friemel, T. N. (2011) Dynamics of Social Networks // Procedia — Social and Behavioral Sciences. Vol. 22. P. 2–3. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.07.050>

Gates, A. J., Ke, Q., Varol, O., Barabasi, A.-L. (2019) Nature's reach: narrow work has broad impact // Nature. Vol. 575 (7781). P. 32–34. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-019-03308-7>

Ghoshal, G., Mangioni, G., Menezes, R., Poncela-Casnovas, J. (2014) Social system as complex networks // Social Network Analysis and Mining. № 4: 238. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13278-014-0238-9>

Goryashko, A., Samokhine, L., Bocharov, P. (2019) About complexity of complex networks // Applied Network Science. Issue 4: 87. <https://doi.org/10.1007/s41109-019-0217-1>

Guimerà, R., Sales-Pardo, M. (2009) Missing and spurious interactions and the reconstruction of complex networks. // Proceedings of the National Academy of Sciences / ed. by H. E. Stanley. Boston, MA : Boston University. Vol. 106. No. 53. P. 22073–22078. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0908366106>

Han, Q., Wen, H., Miao, F. (2018) Rumor spreading in interdependent social networks // Peer-to-Peer Networking and Applications. Vol. 11. P. 955–965. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12083-017-0616-y>

Hoppler, S., Segerer, R., Nikitin, J. (2022) The Six Components of Social Interactions: Actor, Partner, Relation, Activities, Context, and Evaluation // Frontiers in Psychology. Vol. 12: 743074. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.743074>

Kleinberg, J. (2008) The convergence of social and technological networks // Communications of the ACM. Vol. 51. № 11. P. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.1145/1400214.1400232>

Konstantinov, Y. (2009) Roadlessness and the person: mode of travel in the reindeer herding part of the Kola Peninsula // Acta Borealia. Vol. 26. Issue 1. P. 27–49. DOI: <https://doi.org/10.1080/08003830902951524>

Krasnoshtanova, N. (2023) Sustainability of Local Communities in a New Oil and Gas Region: The Case of Eastern Siberia // Sustainability. Vol. 15. Issue 2: 9293. DOI: <https://doi.org/10.3390/su15129293>

Kuklina, M., Dirin, D., Filippova, V., Savvinova, A., Trufanov, A., Krasnoshtanova, N., Bogdanov, V., Kobylkin, D., Fedorova, A., Itegelova, A. (2022) Transport Accessibility and Tourism Development Prospects of Indigenous Communities of Siberia // Sustainability. Vol. 14. Issue 3: 1750. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14031750>

Landi, P., Minoarivelo, H. O., Brännström, Å., Hui, C., Dieckmann, U. (2018) Complexity and stability of ecological networks: a review of the theory // Population Ecology. Vol. 60. Issue 4. P. 319–345. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10144-018-0628-3>

Lev-Ari, S., Haidari, B., Sayer, T., Au, V., Nazihah, F. (2021) Noticing how our social networks are interconnected can influence language change // Language, Cognition and Neuroscience. Vol. 36. Issue 1. P. 119–134. DOI: <https://doi.org/10.1080/23273798.2020.1820056>

Lordan, O., Sallan, J. M. (2020) Dynamic measures for transportation networks // PloS one. № 15(12): e0242875. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0242875>

Mehra, A., Marineau, J., Lopes, A., Dass, T. (2009) The coevolution of friendship and leadership networks in small groups. In: Predator's game-changing designs: Research-based tools / ed. by Graen G. B., Graen J. A. : IAP. 247 p. P. 145–162.

Omodei, E., De Domenico, M., Arenas, A. (2017) Evaluating the impact of interdisciplinary research: A multilayer network approach // Network Science. Vol. 5. Issue 2. P. 235–246. DOI: <https://doi.org/10.1017/nws.2016.15>

Oselio, B., Liu, S., Hero, A. (2018). Multilayer Social Networks. In: Cooperative and Graph Signal Processing. Ed. by P. Djuric, C. Richard. Academic Press. 866 p. P. 679–697. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-813677-5.00025-0>

Rinzin, C., Vermeulen, W. J. V., Glasbergen, P. (2007) Public perceptions of Bhutan's approach to sustainable development in practice // Sustainable Development. Vol. 15. P. 52–68. DOI: <https://doi.org/10.1002/sd.293>

Schwartz, G. A. (2021) Complex networks reveal emergent interdisciplinary knowledge in Wikipedia // Humanities and social sciences communications. Vol. 8: 127. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00801-1>

Schweitzer, P., Povoroznyuk, O., Schiesser, S. (2017) Beyond wilderness: towards an anthropology of infrastructure and the built environment in the Russian North // The Polar Journal. № 7 (1). P. 58–85. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2017.1334427>

Sinha, S., Bhattacharya, R. N., Banerjee, R. (2007) Surface iron ore mining in eastern India and local level sustainability // Resources Policy. Vol. 32. Issue 1–2. P. 57–68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2007.06.001>

Storey, K. (2010) Fly-in/Fly-out: Implications for Community Sustainability // Sustainability. № 2. P. 1161–1181. DOI: <https://doi.org/10.3390/su2051161>

Weijnen, M. P., Herder, P. M., Bouwmans, I. (2008) Designing Complex Systems A Contradiction in Terms // Proceedings of Delft Science in Design, A Congress on Interdisciplinary Design. M. Eekhout, R. Visser, T. Tomiyama (Eds). Vol. 3. 288 p. P. 235–254. DOI: <https://doi.org/10.3233/978-1-58603-739-0-235>

Дата поступления: 13.06.2023 г.

Дата принятия: 07.11.2023 г.

REFERENCES

Bezrukov, L. A. and Dashpilov, Ts. B. (2010) Transport-geographical position of microregions of Siberia: methodology and assessment results. *Geografii i prirodnye resursy*, no. 4, pp. 5–13. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvans are Todzhin people. Historical and ethnographic essays*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Vasilevich, G. M. (1950) On the collective farms of the Dzhugdyr Evenks. *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 82, no. 2, pp. 163–173. (In Russ.).

Vasilevich, G. M. (1969) *Evenki: historical and ethnographic essays: (XVIII — early XX century)*. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 304 p. (In Russ.).

Dugarov, B. S. (1983) About the origin of the Okinsky Buryats. In: *Ethnic and historical-cultural ties of the Mongolian peoples: a collection of articles* / ed. by T. M. Mikhailov. Ulan-Ude, BF SO AN SSSR. 147 p. Pp. 90–101. (In Russ.).

Kalikhman, T. P. and Kalikhman, A. D. (2011) Sayan Crossroads as a cross-border object of the World Natural and Cultural heritage. *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 143, no. 1, pp. 72–81. (In Russ.).

Kalikhman, A. D. and Kalikhman, T. P. (2020) Conceptual and paradigmatic foundations of regional studies. In: *IV Gotlib Readings: Oriental Studies and Regional Studies of the Asia-Pacific region in the context of transdisciplinary knowledge: proceedings of an International Scientific Conference*. Irkutsk, December 7–9, 2020 / ed. by E. F. Serebrennikova. Irkutsk, IGU Publ. 487 p. Pp. 266–284. (In Russ.).

Kuzeev, R. G. and Babenko, V. Ya. (1992) Ethnographic and ethnic groups (On the problem of ethnos heterogeneity). In: *The ethnic group and its divisions: in 2 parts* / ed. by R. G. Kuzeev and V. A. Tishkov. Moscow, Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia RAN. Part 1. Ethnic and ethnographic groups. 172 p. Pp. 17–38. (In Russ.).

Kuklina, V. V. and Filippova, V. V. (2019) Transport accessibility and the way of life of the population in the north: a case study of the Sakha (Yakutia) Republic. *Geography and Natural Resources*, no. 2, pp. 132–140. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2017) Sub-ethnic groups of the Tuvans: problems of definition and research. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.1>

Mongush, M. V. (2012) Tofalars and soyots. Historical and ethnographic essay. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 62–78. (In Russ.).

Mutovin, S. I. and Sud'in, K. N. (2014) *Tools for sustainable development of the Northern Territories: the experience of regional studies*. Krasnoirsk, Sibirskii federal'nyi universitet. 132 p. (In Russ.).

Petri, B. D. (1927) *Ethnographic research among small peoples in the Eastern Sayans (Preliminary data)*. Irkutsk, Tip. izd-va «Vlast' truda». 21 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (1971) *Phonetics and vocabulary of the Tofalar language*. Ulan-Ude, Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 251 p. (In Russ.).

Turkic peoples of Eastern Siberia (2008) / ed. by D. A. Funk and N. A. Alekseev. Moscow, Nauka. 422 p. (In Russ.).

Trufanov, A. I., Tukhvatullina, A. F., Lyzin, I. A. and Taranik, M. A. (2018) Creation of a single set of effective tools for time series network analysis. In: *Information technologies in science, management, social sphere and medicine: collection of scientific papers of the V International Scientific Conference: in 2 parts*. Tomsk, Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii politekhnicheskii universitet. Part 2 / ed. by O. G. Berestneva et al. 487 p. Pp. 323–327. (In Russ.).

Tugolukov, V. A. (2013) *The Evenks of Eastern Siberia and the Far East*. Krasnoirsk, Sibirskie promysly. 335 p. (In Russ.).

Filippova, V. V. (2020) Access to the Territories of Traditional Natural Resource Management: Mobility of Local Communities in the Conditions of Industrial Development. *Kunstkamera*, no. 1 (7), pp. 36–42. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1\(7\)-36-42](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1(7)-36-42)

Filippova, V. V., Savvinova, A. N., Fondal, G. (2020) Evenki of River Basin Olyokma: Resettlement and Land Use in the XXI Century. *Nauchnyi dialog*, no. 1, pp. 495–509. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-1-495-509>

Barabási, A.-L. and Albert, R. (1999) Emergence of scaling in random networks. *Science*, vol. 286, issue 5439, pp. 509–512. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.286.5439.509>

Berestneva, O. G., Tikhomirov, A. A., Trufanov, A. I., Kuklina, M. V., Kobylkin, D. V., Krasnoshtanova, N. E., Bogdanov, V. N., Istomina, E. A., Batotsyrenov, E. A., Dirin, D. A., Savvinova, A. N., Filippova, V. V., Altangerel, E. and Dashdorj, Z. (2023) Network metrics in sustainable development of remote territories. In: *System analysis in design and management: collection of scientific papers of the XXVI International Scientific and Practical Conference: in 3 parts* / ed. by G. P. Chudov and A.V. Loginov. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii universitet Petra Velikogo. Part. 3. 468 p. Pp. 183–195. DOI: <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id23-475>

Bródka, P. and Kazienko, P. (2018) Multilayer Social Networks. In: Alhadj, R., Rokne, J. (eds) *Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining*. Springer, New York, NY. LXXIII, 3431 p. P. 1408–1422. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4939-7131-2_239

Byakagaba, P., Mugagga, F. and Nnakayima, D. (2019) The socio-economic and environmental implications of oil and gas exploration: Perspectives at the micro level in the Albertine region of Uganda. *The Extractive Industries and Society*, vol. 6, no. 2, pp. 358–366. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2019.01.006>

Dickison, M., Magnani, M. and Rossi, L. (2016) Moving Out of Flatland. In: *Multilayer Social Networks* / ed. by Dickison M., Magnani M., Rossi L. Cambridge, Cambridge University Press. 79 p. Pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139941907.001>

Dragić, N., Keynan, O. and Ilany, A. (2021) Multilayer social networks reveal the social complexity of a cooperatively breeding bird. *iScience*, vol. 24, issue 11: 103336. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.isci.2021.103336>

Dunbar, R. (2018) The Anatomy of Friendship. *Trends in cognitive sciences*, vol. 22, issue 1, pp. 32–51. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2017.10.004>

Erikson, E. (2018) Relationalism and Social Networks. In: Dépelteau, F. (eds) *The Palgrave Handbook of Relational Sociology*. Palgrave Macmillan Cham. XXI, 686 p. P. 271–287. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-66005-9_13

- Friemel, T. N. (2011) Dynamics of Social Networks. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, vol. 22, pp. 2–3. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.07.050>
- Gates, A. J., Ke, Q., Varol, O. and Barabasi, A.-L. (2019) Nature's reach: narrow work has broad impact. *Nature*, vol. 575 (7781), pp. 32–34. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-019-03308-7>
- Ghoshal, G., Mangioni, G., Menezes, R. and Poncela-Casnovas, J. (2014) Social system as complex networks. *Social Network Analysis and Mining*, no. 4: 238. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13278-014-0238-9>
- Goryashko, A., Samokhine, L. and Bocharov, P. (2019) About complexity of complex networks. *Applied Network Science*, issue 4: 87. <https://doi.org/10.1007/s41109-019-0217-1>
- Guimerà, R. and Sales-Pardo, M. (2009) Missing and spurious interactions and the reconstruction of complex networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences* / ed. by H. E. Stanley. Boston, MA: Boston University. Vol. 106, no. 53, pp. 22073–22078. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0908366106>
- Han, Q., Wen, H. and Miao, F. (2018) Rumor spreading in interdependent social networks. *Peer-to-Peer Networking and Applications*, vol. 11, pp. 955–965. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12083-017-0616-y>
- Hoppler, S., Segerer, R. and Nikitin, J. (2022) The Six Components of Social Interactions: Actor, Partner, Relation, Activities, Context, and Evaluation. *Frontiers in Psychology*, vol. 12: 743074. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.743074>
- Kleinberg, J. (2008) The convergence of social and technological networks. *Communications of the ACM*, vol. 51, no. 11, pp. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.1145/1400214.1400232>
- Konstantinov, Y. (2009) Roadlessness and the person: mode of travel in the reindeer herding part of the Kola Peninsula. *Acta Borealia*, vol. 26, issue 1, pp. 27–49. DOI: <https://doi.org/10.1080/08003830902951524>
- Krasnoshtanova, N. (2023) Sustainability of Local Communities in a New Oil and Gas Region: The Case of Eastern Siberia. *Sustainability*, vol. 15, issue 2: 9293. DOI: <https://doi.org/10.3390/su15129293>
- Kuklina, M., Dirin, D., Filippova, V., Savvinova, A., Trufanov, A., Krasnoshtanova, N., Bogdanov, V., Kobylkin, D., Fedorova, A. and Itegelova, A. (2022) Transport Accessibility and Tourism Development Prospects of Indigenous Communities of Siberia. *Sustainability*, vol. 14, issue 3: 1750. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14031750>
- Landi, P., Minoarivelo, H. O., Brännström, Å., Hui, C. and Dieckmann, U. (2018) Complexity and stability of ecological networks: a review of the theory. *Population Ecology*, vol. 60, issue 4, pp. 319–345. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10144-018-0628-3>
- Lev-Ari, S., Haidari, B., Sayer, T., Au, V. and Nazihah, F. (2021) Noticing how our social networks are interconnected can influence language change. *Language, Cognition and Neuroscience*, vol. 36, issue 1, pp. 119–134. DOI: <https://doi.org/10.1080/23273798.2020.1820056>
- Lordan, O. and Sallan, J. M. (2020) Dynamic measures for transportation networks. *PloS one*. №, no. 15 (12): e0242875. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0242875>
- Mehra, A., Marineau, J., Lopes, A. and Dass, T. (2009) The coevolution of friendship and leadership networks in small groups. In: *Predator's game-changing designs: Research-based tools* / ed. by Graen G. B., Graen J. A., IAP. 247 p. Pp. 145–162.
- Omodei, E., De Domenico, M. and Arenas, A. (2017) Evaluating the impact of interdisciplinary research: A multilayer network approach. *Network Science*, vol. 5, issue 2, pp. 235–246. DOI: <https://doi.org/10.1017/nws.2016.15>
- Oselio, B., Liu, S. and Hero, A. (2018) Multilayer Social Networks. In: *Cooperative and Graph Signal Processing*. Ed. by P. Djuric and C. Richard. Academic Press. 866 p. Pp. 679–697. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-813677-5.00025-0>
- Rinzin, C., Vermeulen, W. J. V. and Glasbergen, P. (2007) Public perceptions of Bhutan's approach to sustainable development in practice. *Sustainable Development*, vol. 15, pp. 52–68. DOI: <https://doi.org/10.1002/sd.293>
- Schwartz, G. A. (2021) Complex networks reveal emergent interdisciplinary knowledge in Wikipedia. *Humanities and social sciences communications*, vol. 8: 127. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00801-1>
- Schweitzer, P., Povoroznyuk, O. and Schiesser, S. (2017) Beyond wilderness: towards an anthropology of infrastructure and the built environment in the Russian North. *The Polar Journal*, no. 7 (1), pp. 58–85. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2017.1334427>
- Sinha, S., Bhattacharya, R. N. and Banerjee, R. (2007) Surface iron ore mining in eastern India and local level sustainability. *Resources Policy*, vol. 32, issue 1–2, pp. 57–68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2007.06.001>

Storey, K. (2010) Fly-in/Fly-out: Implications for Community Sustainability. *Sustainability*, no. 2, pp. 1161–1181. DOI: <https://doi.org/10.3390/su2051161>

Weijnen, M. P., Herder, P. M. and Bouwmans, I. (2008) Designing Complex Systems A Contradiction in Terms. *Proceedings of Delft Science in Design, A Congress on Interdisciplinary Design*. M. Eekhout, R. Visser, T. Tomiyama (Eds). Vol. 3. 288 p. Pp. 235–254. DOI: <https://doi.org/10.3233/978-1-58603-739-0-235>

Submission date: 13.06.2023.

Acceptance date: 07.11.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.17

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Статья

Народный орнамент в советской кинодокументалистике Казахстана и Кыргызстана: этапы фиксирования и осмысления исторической памяти

Нестор А. Маничкин

Французский Институт исследований Центральной Азии, Кыргызстан

Статья посвящена репрезентациям народного орнамента и традиционных ремесел казахов и кыргызов в документальных фильмах, снятых в советское время в Казахстане и Кыргызстане. В связи с орнаментом в такого рода популярных источниках часто рассматривались ассоциированные, символически нагруженные формы визуальной культуры названных народов: петроглифы, тамги, древняя письменность и т. д. Рассматривая кинематограф как один из типов исторического дискурса, автор ищет в нем свидетельства политики памяти. В статье проводится анализ пятнадцати кинодокументов, созданных в период 1936–1984 гг., от репортажей в киножурналах до цельных кинокартин. Изученные фильмы хранятся в Центральном государственном архиве кинофотодокументов и звукозаписей Республики Казахстан и Центральном Государственном архиве кинофотодокументов Кыргызской Республики.

Просмотр и осмысление материалов фильмов позволяет выявить некоторые особенности культурной политики, связанной с вопросами исторической памяти и этнокультурной идентификации. Автор рассмотрел развитие посвященного орнаменту документального кинематографа в контексте освоения и модернизации традиционных ремесел Центральной Азии, эволюции академических представлений о традиционных знаках и символах казахов и кыргызов и деятельности советской интеллигенции. Анализ показывает, как менялись нарративы, образы и художественные особенности, явленные на экранах: если до 1970-х гг. преобладала жесткая идеологическая линия, включавшая апроприацию орнамента, а его связь с исторической памятью либо умалчивалась либо трактовалась сузубо в классовом и соцреалистическом прочтении (авторы — документалисты и репортеры из Москвы и Ленинграда), то затем в фильмах об орнаменте и народном мастерстве казахов и кыргызов все чаще стали появляться темы номадизма, единства природы и человека, наследия предков, характерные для этнометафизики и существенные для созидания национальной идентичности (авторы — режиссеры, сценаристы и художники из Казахстана и Кыргызстана). В особенности это проявилось в тех документальных фильмах, где применялись приемы поэтического кино.

Ключевые слова: Казахстан; Кыргызстан; СССР; казахи; кыргызы; кочевники; орнамент; документальное кино; узор; историческая память; политика памяти; исследования памяти; визуальный сюжет; прикладное искусство

Данное исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант ИРН АР14871932).

Для цитирования:

Маничкин Н. А. Народный орнамент в советской кинодокументалистике Казахстана и Кыргызстана: этапы фиксирования и осмысления исторической памяти // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 285-299. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.17>

Маничкин Нестор Александрович — кандидат исторических наук, исследователь-атташе Французского Института исследований Центральной Азии. Адрес: Кыргызстан, 720017, г. Бишкек, ул. Исанова, д. 24, ап. 26. Эл. адрес: nes.pilawa@gmail.com

MANICHKIN, Nestor Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Research Attaché, French Institute for Central Asian Studies. Postal address: ap. 26, 24, Isanova St., 720017, Bishkek, Kyrgyzstan. E-mail: nes.pilawa@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-9308-0094

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Article

Folk ornament in Soviet documentary films of Kazakhstan and Kyrgyzstan: stages of fixation and comprehension historical memory

Nestor A. Manichkin

French Institute for Central Asian Studies, Kyrgyzstan

The article is dedicated to the representations of folk ornamentation and traditional crafts of Kazakhs and Kyrgyz people in documentary films made during the Soviet era in Kazakhstan and Kyrgyzstan. In conjunction with ornament, such popular sources often explore associated, symbolically charged forms of visual culture of these peoples: petroglyphs, tamgas, ancient scripts, etc. Considering cinema as one of the types of historical discourse, the author is looking for evidence of memory politics in it. The article analyzes fifteen documentary films created during the period of 1936–1984, from reports in newsreels to full-length films. The studied films are archived in the Central State Archive of Film, Photo, and Sound Records of the Republic of Kazakhstan and the Central State Archive of Film, Photo, and Sound Records of the Kyrgyz Republic.

Examining and interpreting the film materials allows for identifying certain features of cultural politics related to questions of historical memory and ethno-cultural identification. The author examined the development of documentary cinematography dedicated to ornamentation in the context of the adaptation and modernization of traditional crafts in Central Asia, the evolution of academic representations of traditional signs and symbols of Kazakhs and Kyrgyz people, and the activities of the Soviet intelligentsia. The analysis demonstrates how narratives, images, and artistic features displayed on screen have changed: if before the 1970s there was a prevailing rigid ideological line, including the appropriation of ornament, and its connection with historical memory was either ignored or interpreted strictly in a class-based and socialist realist reading (with authors being documentarians and reporters from Moscow and Leningrad), then in subsequent films about the ornament and folk art of Kazakhs and Kyrgyz people, themes of nomadism, unity of nature and man, ancestral heritage, characteristic of ethno-metaphysics and essential for the creation of national identity, began to appear more frequently (with authors being directors, screenwriters, and artists from Kazakhstan and Kyrgyzstan). This was particularly evident in those documentary films that employed poetic cinema techniques.

Keywords: Kazakhstan; Kyrgyzstan; USSR; Kazakhs; Kyrgyz people; nomads; ornamentation; documentary film; pattern; historical memory; memory politics; memory studies; visual narrative; applied arts

Financing

This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN grant AR14871932).

For citation:

Manichkin N. A. Folk ornament in Soviet documentary films of Kazakhstan and Kyrgyzstan: stages of fixation and comprehension historical memory. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 285-299. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.17>

Введение

Орнамент, обычно определяемый как узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов, является одним из древнейших видов искусства. Орнаментальные композиции, органично согласованные с окружающей средой и физическими характеристиками вещей, на поверхности которых они нанесены, демонстрируют исторически закрепившиеся, жизненно важные мотивы и образы, в которых емко и лаконично запечатлен мировоззренческий опыт, накопленный со сменой поколений¹.

¹ Буткевич Л. М. История орнамента: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений, обучающихся по специальности «Изобразительное искусство». М. : ВЛАДОС, 2008. С. 41.

Будучи наследием предков, орнамент в наше время *per se* связан с исторической и коллективной памятью. Он может быть охарактеризован не только как «почерк эпохи» (Соколова, 1972), но и как эстетическое выражение тех или иных исторических регионов, макросообществ, объединенных происхождением и культурными связями.

Исследовательница скандинавских древностей А.-С. Греслунд замечает, что с точки зрения *memory studies* орнамент относится к области «памяти вещей» и представляет собой вид материального окружения, нагруженного коллективной памятью и соединяющего наше настоящее с историческим прошлым (Gräslund, 2018: 643). Таким образом орнамент, как и в целом визуальная эстетика, оказывается связанным со структурой и культурой сообществ, а его репрезентация может определяться экономической и политической спецификой их положения (Kolibu et al., 2021).

Изучение орнамента различных эпох и народов, активно развивающееся с конца XIX в., все еще сосредоточено преимущественно в поле культурологии, семантики, истории и теории искусства, и пока редко проводится в русле *memory studies*. Настоящее исследование, объектом которого выступает советское документальное кино Кыргызстана и Казахстана, посвященное соответственно кыргызскому и казахскому народному орнаменту и связанным с ним практикам, а предметом — репрезентация орнамента в этом кино, стремится продемонстрировать некоторые возможности применения теории коллективной памяти в междисциплинарном изучении визуальной культуры. Советский период взят, поскольку именно в это время происходит зарождение и развитие кинематографа в республиках, а также протекают все те сложные исторические процессы, которые закладывают основы и очерчивают контуры будущего национального строительства в эпоху суверенитета.

В соответствии с имеющимися подходами, прошлое анализируется как динамичный феномен, постоянно подвергающийся переосмыслению и интерпретации (Halbwachs, 1992; Warburg, 2010), что отражает процесс формирования культурной памяти как части коллективного знания (Assmann, 2012, 2011). Оставляя за скобками терминологическую и методологическую дискуссию¹, я использую понятие исторической памяти как обобщающее в отношении коллективной, культурной или коммуникативной памяти и одновременно акцентирующее историческое или, точнее, историко-культурное содержимое этой памяти.

Коммуникация является важным механизмом конструирования прошлого, связанного с происхождением сообщества, история которого, воспроизводясь через ритуал, праздник или искусство (в т. ч. кино), становится своего рода *мифом* — аффектированным воспоминанием, которое, с одной стороны, определяется социальной реальностью, а с другой — само ее конструирует, является активной формирующей силой (там же: 92). Подобное конструирование осуществляется как *политика памяти* в т. ч. посредством *медиа памяти*, к которым относят кинематограф — равно документальный или художественный. Трудно переоценить силу воздействия кинематографа, поскольку его продукция представляет собой насыщенную, сложно сконструированную и специально направленную на интеллектуальное и эмоциональное восприятие информацию, способную перезапускать и перестраивать не только мировоззрение, но и саму память человека (Лотман, 1973). Очевидным образом это связано с тем, что кинотехнология позволяет зрителю представлять мир и самого себя вне актуальных форм, свободными для потенциала новой жизни и новых смыслов — в этом смысле кино выходит за пределы средств коммуникации, представляя как поверхность мышления или «имманентное поле смыслов» (Parr, 2010: 159–161; Делёз, 2019).

Исследователи, занимающиеся историческим анализом кинолента, отмечают важность того неочевидного содержания, которое проговаривается помимо желания и читается «между строк» (Волков, Пономарева, 2012: 23). Данное утверждение действительно не только для художественного, но и для документального кино. Исторические реалии, а равно и политика памяти, работающая в этих реалиях, помимо своей артикулированной репрезентации, имеют измерение «неосознанного фона». Отсюда, важно анализировать не только нарративы фильма, но также его сверхрациональный уровень, прямо связанный со стилистикой и формой, со способностью создать образ-время и образ-переживание (Делёз, 2019). Также анализ фильма как культурного явления и канала трансляции коллективной памяти, с антропологической точки зрения, не может обойтись без изучения звукового материала,

¹ Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 85–94.

поскольку воспринимаемая поверхность показываемых предметов не является исключительно лишь визуальной, но является аудиовизуальной (O'Callaghan, 2017). Комплексный подход к культурно-историческому анализу кино и визуальным репрезентациям ранее был опробован на тувинском материале (Брагина, Левина, 2023; Анисимов, Борисова, Калининкова, 2022; Головнев, 2021).

Озвученные соображения были основными во время просмотра и анализа фильмов, снятых в 1930-1980-е гг.: шести в Кыргызской ССР и девяти в Казахской ССР, хранящихся соответственно в Центральном государственном архиве кинофотодокументов и звукозаписей Республики Казахстан (далее — ЦГА КФДЗ РК) и Центральном Государственном архиве кинофотофонодокументов Кыргызской Республики (далее — ЦГА КФФД КР). Целью изучения данных фильмов было обнаружение в советской культурной политике, в частности, в кинематографе, содержательной динамики, т. е. периодов репрезентации народного орнамента и ассоциированной с ним символики. Каковы транслируемые в советском документальном кино смысл, истоки, история существования и развития центральноазиатского орнамента, этого важного элемента этнокультурной и национальной идентичности? И отсюда — каковы этапы в репрезентации орнамента, когда менялись не только основные нарративы и образы транслируемой исторической памяти, но и главные приемы, мотивы и интенции влияния на таковую?

Традиционные ремесла и орнамент в процессе идеологической инструментализации

Народный орнамент в советское время был одной из основных легитимных практик визуального сохранения этноисторической памяти, поскольку не подвергался столь жесткому цензурированию, какому подвергались литература, устное творчество, музыка и особенно традиции, связанные с религией и кочевым бытом. Хотя орнамент прославлялся, а мастерицы-вышивальщицы участвовали в престижных мероприятиях народного хозяйства, он далеко не всегда связывался с древними символами и исторической преемственностью, а этнокультурную насыщенность традиционного орнамента власти подчас дезавуировали и стремились модернизировать его, вписывая в новую советскую эстетику или даже мобилизуя на службу коммунистической пропаганде.

В 1930-х гг. в Алма-Ате и Ташкенте появились настенные блюда с портретами В. И. Ленина и И. В. Сталина, обрамленные орнаментальным декором. В источниках тех лет говорится, что «это производство должно стать массовым», чтобы удовлетворить «наущную потребность народа» иметь в своих традиционных видах искусства образы социалистического строительства¹. Вслед за тарелками появились и металлические изделия с портретами вождей. Позднее в предметы традиционного ремесла попали элементы украинской и русской вышивок. Кыргызские и казахские мастерицы соединяли их с народным орнаментом, добавляя также новую, политически окрашенную символику: гербы советских республик, голубя мира, пятиконечную звезду, серп и молот, а также обозначающее дружбу народов рукопожатие (Мальчик, 2005: 73–74).

Развитие этого процесса отражено в кинодокументалистике советского Казахстана. Для таких фильмов характерна подчеркнута идеологизированная, советская форма подачи материала, репортажный дух, нацеленный на реализацию простой сенсомоторной схемы, когда образ-действие должен вызвать определенную реакцию. В 1964 г. киножурнал «Советский Казахстан» (ЦГА КФДЗ, № 1957) публикует репортаж об орнаменте на портрете В. И. Ленина, вытканном шымкентской мастерицей Насибой Таймановой (илл. 1). Она же годом позже появляется в документальной ленте «Искусство», созданной О. Зекки и И. Чикиноверовым (ЦГА КФДЗ, № 1775). Здесь звучит бравурная музыка с вплетенными в нее «восточными мотивами», а Насиба Тайманова вышивает орнаментальную композицию к юбилею революции (илл. 2).

Кыргызская традиционная вышивка появилась впервые на экране еще в 1936 г., в сюжете из киножурнала «СССР на экране» (ЦГА КФФД КР, № 19). На пленке 35 мм в немой, черно-белой хронике запечатлены вышивальщицы, их сосредоточенные лица и узоры на ткани. По всей видимости, сняты работницы одной из новообразованных артелей.

¹ Казахский народный орнамент. Зарисовки художника Е. А. Клодта / ред. М. Л. Нейман. М.: Государственное издательство искусство, 1939. 10 с.

Илл. 1. Н. Тайманова и ковер с портретом В. И. Ленина. Кадр из киножурнала «Советский Казахстан», 1964 г.
 Fig. 1. N. Taimanova and a carpet with a portrait of V. I. Lenin. A shot from the newsreel "Soviet Kazakhstan", 1964.

Илл. 2. Н. Тайманова готовит орнаментальную композицию к пятидесятилетию Октябрьской революции. Кадр из фильма «Искусство», 1965 г.
 Fig. 2. N. Taimanova is preparing an ornamental composition for the fiftieth anniversary of the October Revolution. A shot from the film "Art", 1965.

Более содержателен 28-й номер киножурнала «Советская Киргизия», вышедший в 1964 г. (ЦГА КФФД КР, № 2761). В нем демонстрирует процесс валяния ковра *шырдак*, одного из самых сложных по своей технике изготовления изделий из войлока у кыргызов. В фильме узоры как бы рифмуются с волнами озера, летящей птицей, плывущей лодкой, колышущейся на ветру травой. Акцент на рабочем процессе, трудовом усилии обрамляется неумолимой динамикой природы, так что создание ковра предстает плодом трудовой дисциплины и волевого освоения материи. Сюжет сменяется обзором орнамента в архитектурных украшениях оперного и драматического театров, а также в театральных костюмах, передающих этнографические образы.

Снова тема орнамента и народного мастерства поднята в 33-м номере того же киножурнала «Советская Киргизия» в 1969 г. (ЦГА КФФД КР, № 3422). Помимо сюжетов про театральную жизнь и достижения колхозов, журнал содержит репортаж о *зергере*¹ Кошалы Кыскараеве. В кадре множество изделий из чеканки, периодически крупным планом даются руки мастера. Закадровый голос сообщает, что уже много лет он «плодотворно трудится в художественном фонде», а «чеканке научился у отца и теперь передает весь свой богатый опыт сыну». Акцент при этом поставлен на советской модернизации народного опыта, а творчество преподносится в первую очередь через призму организованного и прогрессивного труда.

Идеологическая инструментализация орнамента и этнокультурной визуальности народов СССР смягчается к концу 1960-х — началу 1970-х гг. Научно-популярная лента «От надписи на камне» (ЦГА КФДЗ, № 1974), снятая режиссером О. Абишевым, выдержана вполне в конвенциональном духе, но в ней, возможно, впервые для широкого зрителя, казахский орнамент сопоставляется с древнетюркскими рунами и петроглифами, а связь наскальных изображений с декоративно-прикладным искусством обосновывается звучащей в фильме экспертизой выдающихся ученых, археолога С. И. Руденко и академика АН КазССР А. Х. Маруглана. Стоит отметить, что сам О. Абишев — основоположник казахского документального кино, один из первых представителей «национальных кинокадров». В названном фильме искусство древних скотоводов казахов трактуется как «реалистическое», что призвано легитимировать его в соответствии с марксистско-ленинской эстетикой. Старинные узоры и древние письмена — это лишь отправная точка в истории прогресса, триумф коего символизируют печатная литература и первые советские типографии, возникшие благодаря «отеческой заботе» вождя мировой революции В. И. Ленина. Такой прогресс, утверждает фильм, позволил сделать Алматы «одним из культурных центров мира». При этом в фильме, разворачивающем историю символов от наскальной живописи к печати, ничего не говорится ни о казахской латинице, ни о просветительской деятельности джадидов.

Номадический поворот от советской модерности к вневременной этно-метафизике

В большей степени этнокультурная субъектность кочевников ощущается в другом фильме О. Абишева — «Тайна раскрытой ладони» (ЦГА КФДЗ, № 1978). В нем говорится, что современное строительство Мангыстау следует историческому опыту полуострова, демонстрируется подземная архитектура, включая мечеть Шакпак-Ата, а также рассказывается про «древнюю идею степных племён о полном слияния святилища с природой». Этот пантеистический пассаж усилен шумом волн, которые переплетаются со звучанием казахских традиционных музыкальных инструментов.

Совсем иначе звучит тема наследия предков и традиционной визуальной культуры в поэтико-документальной работе «История знака коровы», вышедшей в Казахстане в 1968 г. Создателями фильма были Олжас Сулейменов (автор) и Юрий Мингазитдинов (режиссер). Пожалуй, эту ленту можно назвать первым образцом деколониального кино Казахстана (Маничкин, 2023). Создаваемый О. Сулейменовым одновременно с его поэмой «Глиняная книга» (Сулейменов, 1969), фильм призывает к преодолению господствовавших в советской традиции исторических и культурных нарративов и предлагает трактовку глобальной истории культуры как захватывающей драмы знаков и символов, древнейшим из которых Сулейменов называет «знак коровы» — полумесяц рогов, давший форму первой букве греческого и латинского алфавитов. В этом фильме кочевник Центральной Азии выходит на мировую арену как мощный культурно-исторический актер. Он творчески участвует в глобальной

¹ *Зергер* — у казахов и кыргызов мастер по работе с драгоценными металлами, ювелир.

Илл. 3. О. Сулейменов объясняет историю лунной символики. Кадр из фильма «История знака коровы», 1968 г.
Fig. 3. O. Suleimenov explains the history of lunar symbolism. A shot from the film "The Story of the Cow Sign", 1968

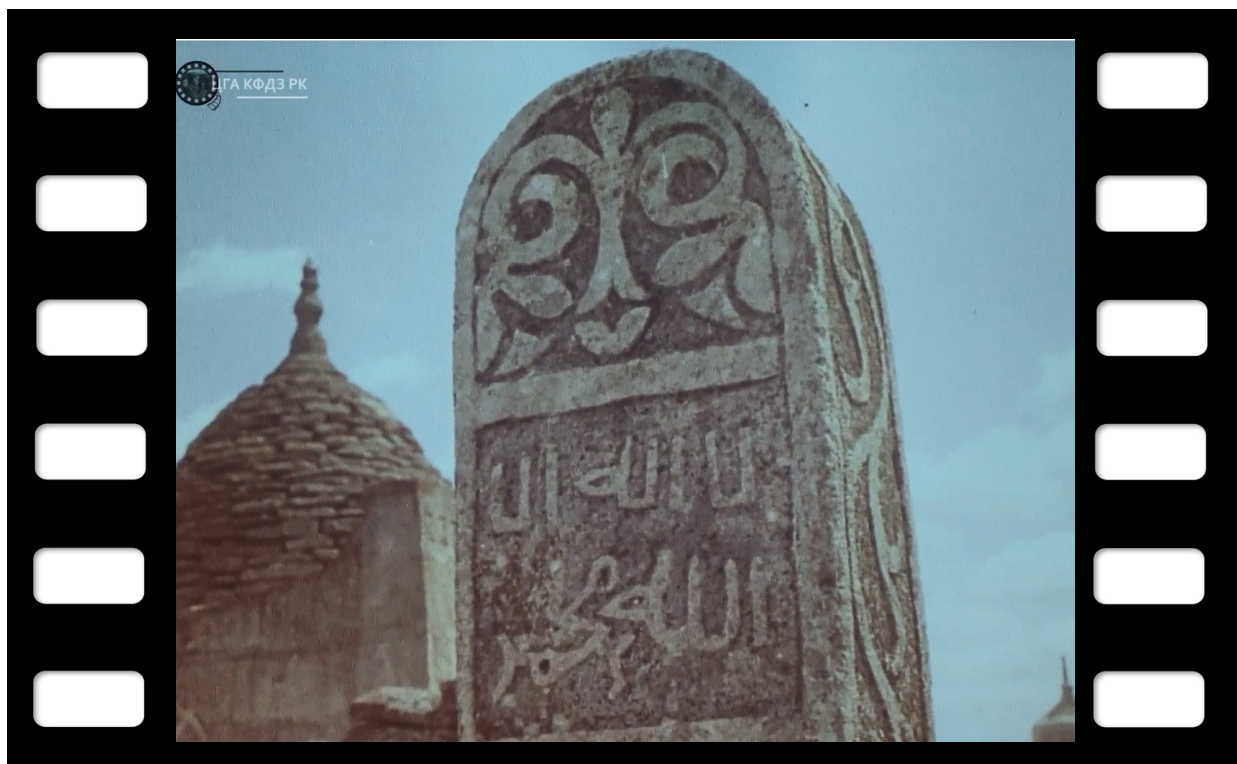
истории, а не прозябает в тени оседлых цивилизаций. Герой и создатель фильма пронесется через Вавилон, Египет, Индию, через древнеславянские и древнетюркские культуры, обнаруживая связь между наскальными изображениями, древними алфавитами, традиционными узорами и знаками на школьной доске. Рев быка, пронзительное звучание духовых инструментов и заклинаящий голос О. Сулейменова словно бы призваны вернуть человеку древнюю поэзию, без которой ни в орнаменте, ни в тамгах, ни в скифских каменных бабах не получится различить «знаки жизни» (илл. 3).

Фильм открывает основные методологические посылы О. Сулейменова, демонстрирует образность письма и символики, передававшей как сверхъестественные, так и насущные значения¹. Как в «Истории знака коровы», так и в последовавших затем книгах и статьях О. Сулейменова², мировая история символов и знаков подается синтетически, так что системы письменности связываются в глобальную символическую и мифопоэтическую драму. Хотя филологи и историки зачастую подвергают критике подобный взгляд, нельзя не отметить, что он хорошо передает поликультурную и многописьменную историческую реальность Центральной Азии, региона, где в древности и средних веках существовало много письменных систем (Эпиграфика Киргизии, 1963: 10–11). Стоит добавить, что обращение к мифопоэтике, предпринятое О. Сулейменовым, в значительной мере повлияло на настроения творческой интеллигенции в Центральной Азии (Крупко, 2023: 64).

Настолько объемно, мощно и широко об исторической визуальности этнокультурного наследия в советско-казахском кино больше не говорили. При этом необходимо отметить, что после «Истории знака коровы», в 1970–1980-х годах, тема исторической преемственности этносов Центральной Азии и древних цивилизаций звучит куда смелее, а этнометафизика номадов все отчетливее пробивается сквозь пелену советских дискурсов. В «Диалоге с историей» (ЦГА КФДЗ, № 3215), вышедшем в 1973 г., О. Абишев показывает семью, на протяжении трех поколений хранящую искусство изготовления и украшения конской сбруи, обнаруживает в коврах *тускиизах* «образы весенней степи и природы», в филигрании серебряных украшений — архитектурные изыски мавзолея Айша Биби, а в андроновской культуре прообразы казахских орнаментов. Фильм М. Байканова «Эти вечные узоры» (ЦГА КФДЗ, № 3798) 1977 г. показывает зрителю серебро, ковры, бурдюки, выкладывание узора по войлоку, вместо

¹ Сулейменов О. К эпохе осознанной взаимозависимости: «...мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом...» // Бильгамеш. 2022. № 8. С. 109.

² См.: Сулейменов О. Глиняная книга, Алма-Ата: Жазушы, 1969; Сулейменов О. Серебряные письма Золотого воина // Техника — молодежи. 1971. № 7. С. 58–59.; Сулейменов О. Язык письма: взгляд в доисторию — о происхождении письменности. Алматы; Рим: San Paolo, 1998. 497 с.; Сулейменов О. К эпохе осознанной взаимозависимости: «...мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом...» // Бильгамеш. 2022. № 8. С. 104–207.

Илл. 4. Орнамент на надгробии. Кадр из фильма «Пламя предков», 1982 г.
 Fig. 4. The ornament on the tombstone. A shot from the movie “The Flame of the Ancestors”, 1982.

комментариев ограничившись свободной энигматичностью музыкального сопровождения. Уже само название фильма появляется на экране написанным стилизованным «орнаментальным» шрифтом, сочетающим плавность арабских литер и типовые элементы центральноазиатского орнамента.

В ленте 1979 г. «Зергерлер» (ЦГА КФДЗ, № 5039) строй петроглифов, *балбалов*¹ и украшений сопровождается тревожным вопросом об исторической памяти и сохранении культурной идентичности: «Свидетель веков, древний мой край, помнишь ли ты своих мастеров?», а в «Пламени предков» (ЦГА КФДЗ, № 4633), вышедшем на экраны в 1982 г., от предков к потомкам устремляется «переливающийся орнамент линий, звуков, красок», причем, холмы, образующие «огромный ритуальный узор», как бы согласуются с печатями, которые ставят на лепешки (илл. 4). Эти более свободные картины, действительно, содержат деколониальные интонации и местами звучат «по-сулейменовски», но напряжение этого звучания не достигает уровня «Истории знака коровы».

Нечто похожее можно наблюдать и в кыргызском кино, правда, здесь поворот к теме номадизма происходит несколько позже, в конце 1970-х гг. Он уже вполне ощутим в ленте «Узоры Ала-Тоо» (1978), снятой режиссером К. Жусубалиевым (ЦГА КФДЗ КР, № 563). Основная тема фильма — единство искусства, человеческой деятельности и природных ландшафтов. Внутри этих ландшафтов люди выделывают узоры из войлока, поливают и катают его под звуки *темир-комуз*², при этом на спинах мастериц лирично звенят традиционные серебряные украшения. В конце фильма камера скользит по коврам и по складкам ткани, ритмизируя узоры под звучащую мелодию. Кадры не сопровождаются каким-либо комментированием и текут свободно, а главными акторами становятся люди и природа.

К связи природы и труда обращается и более поздний (1984 г.), однако в большей степени проникнутый советским модерном и приподнятой торжественной стилистикой фильм У. Джеентаева «Мело-

¹ *Балбал* — тип каменной бабы, чаще всего небольшой, обработанный и имеющий антропоморфные черты каменный столб. *Балбалы* встречаются на обширных территориях проживания древних тюркских племен и связаны с погребальным культом.

² *Темир-комуз* — музыкальный инструмент в виде свободно колеблющегося в проёме рамки язычка, приводимого в движение пальцем, кыргызский варган.

дия узора» (ЦГА КФФД КР, № 836). В нем пасторальная идиллия не чужда присутствию современности: в одном кадре сказитель *манасчи* одет в традиционный халат, а в другом пожилой мужчина колесит на велосипеде. Рассказывая про устройство юрты, диктор употребляет в адрес кыргызов такие эпитеты как «народ-певец» и «народ-творец», сообщает о том, что народное искусство оказывает плодотворное влияние на искусство в целом. Прикладное искусство нужно, чтобы «жизнь стала светлее и добрее». В фильме демонстрируются предметы быта, украшенные орнаментом цинковки, вышиваемый женщиной *ак-калпак*, традиционный белый головной убор кыргызских мужчин. Плавная мелодия соединяет традицию и модерн, село и город: кадр с вышивальщицами сменяется потоком городской жизни, видами на филармонию во Фрунзе (ныне — Бишкек). Национальный орнамент вновь появляется в сюжете про ювелирные украшения и сувенирные поделки из кости и драгоценных металлов. Атональная музыка сопровождает сменяющиеся друг друга ландшафты: работа ремесленников вписывается в классические кыргызские пейзажи.

Фильмы «Эти вечные узоры», «Пламя предков», «Узоры Ала-Тоо» и «Мелодия узора» объединяет мощное присутствие пасторальной тематики и идея близкой связи или даже единства природного и человеческого. Орнамент в этих фильмах звучит подобно тому, как звучит природа, будь то горы или степи, — его мотивы и ритм предстают буквально в единстве аудиального и визуального. Здесь, вслед за специалистами, изучающими тюркские и монгольские культуры, уместно отметить, что такое звучание природной среды соответствует песенной игре и музыке кочевников, призванной установить магическую связь с мирозданием и предками (Дашиева, 2021: 120).

Отдельно необходимо отметить фильм «Тигр задрал двух коров на джайлоо», появившийся на экранах в 1984 г. (ЦГА КФФД КР, № 866, подраздел 45.12.12.). Созданный творческим тандемом супругов, режиссером К. Юсупжановой и сценаристом К. Жусубалиевым, этот фильм объединяет жанры документального и поэтического кино, и является весьма своеобразным творением, не похожим на другие фильмы о кыргызском орнаменте. Хотя формально фильм приурочен к открытию экспозиции прикладного искусства на выставке достижений народного хозяйства, он далеко выходит за пределы этого сюжета и предстает оригинальным кинематографическим эссе о связи времен и культурных формаций, объединенных лирической тайной народного узора (илл. 5).

В центре повествования находится старинная вышивка, созданная Камбюбю Джаанбаевой — прабабушкой советской школьницы, с появления которой внутри обычной городской квартиры начинается кинокартина. Эта школьница — Жамбы Жусубалиева, дочь создателей фильма, ставшая впоследствии, уже в эпоху независимости, журналисткой, философом и арт-куратором. Вышивка содержит орнамент, изображающий сюжет с тигром, задравшим двух коров на пастбище. Орнамент с тигриными мотивами, чаще в виде следа тигра (кырг. *жолборс таман*), давно известен в традиционной культуре кыргызов (Мальчик, 2005: 20; Антипина, 1962: 88). Собираемыми зафиксирован и сюжет, непосредственно задействованный в фильме (Рындин, 2016: 11). Фильм начинается в комнате школьницы Жамбы и ближе к завершению возвращается в нее же — это позволяет организовать сцепку современности и традиции. В традицию словно в вечность зритель погружается через сюжет со старинным узором, ненавязчиво соединенный с живописными пасторальными образами, натурфилософскими рассуждениями о стихиях и времени, изящными миниатюрами художника Белека Кошоева, документальными сценами застолья и работы с войлоком, этнографическими образами женщин в величественных *элечеках*¹, риторическими обращениями к эпическому сказителю Жайсану и множеством иных элементов, включая выходящие за предел кыргызской культуры, такие как творчество Сальвадора Дали или искусство Древнего Египта, — все они, благодаря творческому таланту режиссера, образуют единый, подвижный калейдоскоп.

Комментируя узоры, закадровый голос в «Тигре...» обращается к концепции повествовательного орнамента, выдвинутой М. В. Рындиным. Вставая на сторону теории повествовательного орнамента, творцы фильма «голосовали» за существование своеобразного узорного «письма» у кыргызов, что, вместе с вопросом об исконности или заимствовании растительного орнамента кочевниками у оседлых народов, тогда было предметом споров, в которых противники М. В. Рындина и А. Н. Бернштама, отказывая кыргызам в развитых формах символической репрезентации, транслировали

¹ *Элечек* — кыргызский традиционный головной убор замужних женщин, представляет собой своеобразный тюрбан, на завязывание которого уходит от 15 до 40 метров ткани.

Илл. 5. Убранство юрты. Кадр из фильма «Тигр задрал двух коров на джайлоо», 1984 г.
 Fig. 5. The decoration of the yurt. A shot from the movie "A tiger killed two cows on jailoo", 1984.

модернистский взгляд на кочевничество как «отсталый» или «примитивный» тип цивилизации. В настоящее время эти вопросы составляют одну из тем деколониальной дискуссии¹.

Нужно отметить, что в фильме задействованы и советские, модернизированные орнаменты: женщины выкладывают войлоком красную звезду и большие белые буквы СССР. Однако, советский проект обнаруживается в ткани фильма и в самих узорах не как принципиально новая, революционная эпоха, а скорее как один из элементов в общем круговороте бытия. Миллениаристские² фанфары не прерывают размеренного повествования и тогда, когда на экране появляется «космическая» вышивка одной из кыргызских мастериц, воспроизводящая послание, отправленное в 1964 г. с радиотелескопа Аресибо в Пуэрто-Рико, где были графически представлены данные о биохимии, структуре ДНК и населении Земли. Это изделие демонстрируется под футуристическую музыку *Magic Fly* группы *Space*³, но завершается фильм звучанием варгана и сценой со всадниками: время предстает в циклическом виде, а «тайна кыргызского узора сливается с тайной жизни». Джайлоо как бы впитывает все флуктуации новейшей истории.

Использование в «Тигре...» горлового пения тюркских народов Севера напоминает об этногенетических связях кыргызов и других тюркских и монгольских народов, что заставляет задуматься о евразийском номадизме как таковом. И музыкальные приемы, и ласковый голос повествователя создают ощущение плавного, ритмичного, даже тягучего бытия кочевника — мира, который не прекращается с наступлением городской цивилизации, социализма и космической эры, а скорее растворяет их

¹ Битикчи Э. 40 элементов кыргызской культуры: 11. Повествовательный узор. [Электронный ресурс] // История Кыргызстана и кыргызов. 2014. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:2156 (дата обращения: 05.09.2023).

² Миллениаризм — религиозные или политические представления о грядущей фундаментальной трансформации общества и человеческой повседневности; характерны для линейных моделей исторического времени, в т. ч. для социального эволюционизма и марксизма, учащего о наступлении коммунистического благоденствия.

³ Дебютный студийный альбом французской группы Space, вышедший в 1977 г. Выпускался во многих странах мира на виниле и аудиокассете. Советская версия альбома вышла в 1983 г.

в своей всепринимавшей пластичности. Пользуясь концепцией Ж.-Л. Нанси, различавшего *слышание* и *слушание* (Nancy, 2007), можно сказать, что фильм «Тигр задрал двух коров на джайлоо» имеет два аудиовизуальных измерения: одно, *слышимое*, более или менее соответствующее духу эпохи, даже действующее наглядную советскую событийность, и второе, то, в которое можно *вслушаться*, чтобы через глубокую восприимчивость обнаружить иное и неожиданное, неподцензурное содержание данной работы. В этом фильме, равно как и в казахстанской «Истории звука коровы», при всей их стилистической несхожести, звуковое письмо предстает в качестве недискурсивного и аффективного знания, обретаемого в результате *актов слушания* и содержащего критику конвенционального модернистского дискурса с его иерархичностью и логоцентричностью.

Политика памяти и этапы этнокультурной репрезентации

Кинематограф — это тип исторического дискурса, который может совпадать или не совпадать с господствующей идеологией, конвенциональными взглядами и официальной риторикой. При этом посылы и интенции кино, если они не совпадают с официальными взглядами, выходят за их пределы или, тем более, подрывают их, могут быть зашифрованы в сложной, синтетической образности картины. В любом случае фильмы отражают те или иные события и повороты в истории ментальности, в истории культуры.

Первый период репрезентации народного орнамента в документальном кино Казахстана и Кыргызстана, длящийся примерно с 1930-х гг. до конца 1960-х в случае Казахстана и до конца 1970-х — в случае Кыргызстана, акцентирует орнамент в его советском прочтении, делающем этническую визуальность символическим полем, где классово аффектированный «простой народ», создатель и хранитель ремесел, освободившись от угнетения, выпускает в свой мир новую жизнь — социализм. Начало этому периоду было положено документалистами и репортерами из Москвы и Ленинграда. Они же во многом задали смыслы и мотивы ранней советской репрезентации народного орнамента и традиционных ремесел на киноэкранах. К локальному материалу такие авторы относились с большой долей этнографического ориентализма и в контексте еще большей идеологической доминанты.

Для этого периода характерно появление модернизированных форм орнамента, сочетающих этничность и советские символы. Традиционный орнамент преподносился как «реалистическое искусство», далекое от каких-либо абстракций, и был пассивным материалом, переданным по исторической цепочке из древности в современность, где он разнообразит «национальное по форме, социалистическое по содержанию» искусство казахов и кыргызов, обрабатывается и реализуется для бытового использования, а также представляет способ этнографической, иногда театрально-парадной, ориентальной репрезентации народов СССР. Таким образом историческое прошлое становится проекцией современной политической борьбы, конструируется внутри идеологического или эстетического контекста для настоящего, выражая структуры власти и социальных отношений (Bondar, 1992: 15).

Популяризация народного прикладного искусства, организация его индустрии и одновременно с этим значительное развитие в изучении орнамента и материальной культуры народов Центральной Азии, по-видимому, являются прямыми (через государственный заказ) и косвенными (через общий дискурс) причинами появления целого ряда фильмов, посвященных этническому мастерству и древнему наследию, в 1960–1970-х гг. В то же время к работе активно приступают «национальные кадры» — режиссеры, сценаристы и художники из Казахстана и Кыргызстана, для которых традиционные визуальные формы являются не объективированным «материалом», но формируют живую стихию, родное пространство, где наследие предков соединяется с непосредственно переживаемой современностью. Такие творцы сами — часть субъектности этноисторической памяти, и это обстоятельство вместе с общими культурно-историческими факторами объясняет причины номадического поворота в киноискусстве центральноазиатских республик.

Период 1960–1970-х гг., несмотря на инспирацию производственных процессов сверху, дает плодотворную почву для разворачивания новых дискурсов, стремящихся к редакции или преодолению советской конвенциональности: орнамент все чаще преподносится не как пассивный элемент в процессе творчества и труда, а как своеобразная этноисторическая «точка сборки», живой, активный, связанный с ритмами природы и миром предков миф, как некое послание, содержащие исторические и космологические истины. В орбиту такого внимания также попадают тамги, различные символы, древняя и современная письменность.

Изученный материал позволяет сказать, что с последствиями т. н. «оттепели», по мере распространения идей и настроений «шестидесятников» и включения в творческий процесс представителей интеллигенции, которых в те времена принято было называть «национальными кадрами», т. е. этнических казахов и кыргызов, в кинематографическом отражении народного орнамента и связанной с ним символической визуальности, в советских республиках Центральной Азии происходит разворот от жестких форм социалистического дискурса, от модернизации и идеологической апроприации традиционных ремесел, от установленной через современную гуманитарность идею «вне-историчности» кочевников (Крупко, 2023) — к фиксации исторической памяти самобытных, древних культурных акторов, к этнометафизике номадов с ее своеобразными репрезентациями времени, пространства, социальных и родовых связей, единством человеческого и нечеловеческого (природного) миров. Так закладываются тенденции, ведущие к изменениям в области реализации *политики памяти*.

Заклучение

Таким образом, изучение документальных фильмов позволило обнаружить динамику советской культурной политики и обозначить произошедшую в 1960–1970-х гг. смену образов и нарративов в репрезентации народного орнамента и связанной с ним этнокультурной символики казахов и кыргызов. При этом следует учесть, что «новая волна» фильмов не была однородной. Если в одних фильмах идеи и послы, оппозиционные прогрессистской линии исторического материализма и навязчивым претензиям соцреализма, звучат едва уловимо, просачиваются через нарратив наследия предков, легитимированный в советской культуре посредством концепта «народного искусства», представлены как бы параллельно конвенциональной риторике или завуалированно внутри нее, то в других, особенно в тех документальных фильмах, где ощутимо прямое влияние поэтического кино, они, хотя и ускользают от прямого, подцензурного обнаружения, выходят на передний план при внимательном, проникновенном восприятии. Такой эффект достигается в т. ч. при помощи работы кинематографического образа, который является здесь не объектом, а процессом, движением в мире мысли. Особенно яркими образцами подобного кино можно назвать казахстанскую картину «История знака коровы» (1968 г.) и кыргызстанскую картину «Тигр задрал двух коров на джайлоо» (1984 г.). В них историческое время не исчерпывается актуальным моментом, но разворачивается одновременно в двух направлениях: прошлом и будущем. Ритм и мотивы узора, вплетающего в себя социальную действительность и историческую память, образуют пластичные образы времени, насыщенные культурной памятью и символической репрезентацией.

Появление этих и других фильмов, подающих связующие эпохи материал так, чтобы переразместить место этнокультурных субъектов в мировой истории, ознаменовывает сдвиги в процессах формирования исторической памяти, формирование нового *этнометафизического мифа* на смену прежнему *прогрессистско-модернистскому мифу*. Понимая *миф* как взгляд на историю через призму идентичности (Assmann, 2012), нельзя не отметить знаковость и важность выявленных процессов. Позднесоветская интеллигенция внесла ощутимый вклад не только в популяризацию народного орнамента, но и в донесение идеи его сакральности: орнамент в наше время остается важнейшим способом сохранения и развития этнокультурного богатства и идентичности, внесен в государственную символику, как в случае с флагом Республики Казахстан, сохраняет свою роль источника и средства исторической памяти.

Постсоветские репрезентации народного орнамента также становятся предметом дискуссий, схожих с теми, что ведутся в настоящее время внутри других культур: о вызовах модернистского использования народных ремесел, о редукции священных символов к украшательству, о коммерциализации и семиотическом забвении орнамента. Эти вопросы требуют отдельного исследования. Отмечая, что в Центральной Азии данная проблематика развивается из наследия художников, кинематографистов, исследователей и, разумеется, самих мастеров и мастериц, работавших с орнаментом в советское время, стоит обозначить актуальность изучения постсоветского этнокультурного эстетизма, в т. ч. в связи с постколониальным и деколониальным дискурсом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов, В. Е., Борисова, А. С., Калининкова, Е. Д. (2022) Образы традиционной и современной Тувы в российском этнографическом кино (на примере фильма С. Родниной и А. Меньшова «Планета Тыва») // Новые исследования Тувы. № 1. С. 183–197. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.12>
- Антипина, К. И. (1962) Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. Фрунзе : Издательство АН Киргизской ССР. 288 с.
- Брагина, М. А., Левина, В. Н. (2023) Образ пространства Тувы в Рунете // Новые исследования Тувы. № 4. С. 185–199. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.13>
- Волков, Е. В., Пономарева, Е. В. (2012) Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». № 10 (269). С. 22–25.
- Головнев, И. А. (2021) Образы Тувы в советском кинематографе 1930-х гг. (на примере творчества Бориса Небылицкого) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 119–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.9>
- Дашиева, Л. Д. (2021) Антропология звука в традиционной культуре монгольских народов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (33). С. 118–126. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-3-118-126>
- Делёз, Ж. (2019) Кино : пер. с фр. М. : Ад Маргинем Пресс. 560 с.
- Крупко, И. В. (2023) Переизобретение исторической субъектности казахов в творчестве Олжаса Сулейменова 1960-х гг. // Уральский исторический вестник. № 1 (78). С. 123–132. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)
- Лотман, Ю. М. (1973) Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин : Ээсти раамат. 135 с.
- Мальчик, А. Ю. (2005) История кыргызского народного прикладного искусства: эволюция кыргызского орнамента с древнейших времен до XX в. Бишкек : Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева. 122 с.
- Маничкин, Н. А. (2023) Взаимозависимое становление: поэтическая реинтерпретация символов и образов исторической памяти в Казахстане // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». Т. 10. № 2. С. 334–346. DOI: https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_34_2_334-346
- Рындин, М. В. (2016) Образцы кыргызского орнамента // Кыргызский национальный узор / под ред. И. А. Орбели. Бишкек : Центрально-Азиатская сеть по культуре и искусству. 120 с. С. 8–20.
- Соколова, Т. М. (1972) Орнамент — почерк эпохи. Л. : Аврора. 148 с.
- Эпиграфика Киргизии (1963) / сост. Ч. Джумагулов, отв. ред. А. И. Батманов. Фрунзе : Издательство АН Киргизской ССР. Вып. 1. 70 с.
- Assmann, A. (2011) Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives. Cambridge : Cambridge University Press. 424 p.
- Assmann, J. (2012) Cultural memory and Early Civilization: Writing, Remembrance and Political Imagination. Cambridge : Cambridge University Press. 332 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511996306>
- Bodnar, J. (1992) Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth century. Princeton : Princeton University Press. 312 p.
- Gräslund, A.-S. (2018) Ornamentation // Handbook of Pre-Modern Nordic Memory Studies. Interdisciplinary Approaches. Eds. by J. Glauser, P. Hermann and S. A. Mitchell. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH. Vol. 1–2. 1163 p. P. 643–670.
- Halbwachs, M. (1992) On collective memory. Chicago : The University of Chicago Press. 254 p.
- Kolibu, R. M. P., Sachari, A., Setiawan, P., Rohendi, T. R. (2021) Redefinition of Waruga Ornaments in Minahasa, Indonesia: Actualisation of Pattern and Meaning Transformation from Makam to Mukim // Palarch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology. № 18 (17). P. 259–276.
- Nancy, J.-L. (2007) Listening. New York : Fordham University Press. 108 p.
- O'Callaghan, C. (2017) Beyond Vision: Philosophical Essays. Oxford : Oxford University Press. 240 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198782964.001.0001>

Parr, A. (2010) *The Deleuze Dictionary*. Revised Edition. Edinburgh : University Press. 326 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780748643271>

Warburg, A. (2010) *Atlas Mnemosyne*. Madrid : Ediciones Akal Sa. 188 p.

Дата поступления: 14.12.2023 г.

Дата принятия: 26.02.2024 г.

REFERENCES

Anisimov, V. E., Borisova, A. S. and Kalinnikova, E. D. (2022) Images of Traditional and Modern Tuva in Ethnographic Cinema (based on the film of S. Rodnina and A. Menshov “Tyva Planet”). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 183–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.12>

Antipina, K. I. (1962) *Features of the material culture and applied art of the southern Kyrgyz. Based on materials collected in the southern part of the Osh region of the Kyrgyz SSR*. Frunze, Izdatel'stvo AN Kirgizskoi SSR. 288 p. (In Russ.).

Bragina, M. A. and Levina, V. N. (2023) The image of Tuva's space in Runet. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 185–199. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.13>

Volkov, E. V. And Ponomareva, E. V. (2012) Feature films as a historical source for the study of cultural memory. *Vestnik IuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*, no. 10 (269), pp. 22–25. (In Russ.).

Golovnev, I. A. (2021) Images of Tuva in Soviet Cinema of the 1930s (The Case of Boris Nebylitsky's Creativity). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 119–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.9>

Dashieva, L. D. (2021) Anthropology of sound in the traditional culture of the mongolian peoples. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 3 (33), pp. 118–126. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-3-118-126>

Deleuze, G. (2019) *Movie*: transl. from Fr. Moscow, Ad Marginem Press. 560 p. (In Russ.).

Krupko, I. V. (2023) Subjectivity of the kazakh nomadic culture in the 1960s poetry of Olzhas Suleimenov. *Ural Historical Journal*, no. 1 (78), pp. 123–132. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)

Lotman, Yu. M. (1973) *Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics*. Tallinn, Eesti raamat. 135 p. (In Russ.).

Mal'chik, A. Yu. (2005) *The history of Kyrgyz folk applied art: the evolution of Kyrgyz ornament from ancient times to the twentieth century*. Bishkek, Kyrgyzskii gosudarstvennyi universitet im. I. Arabaeva. 122 p. (In Russ.).

Manichkin, N. A. (2023) Interdependent formation: poetic interpretation of symbols and images of historical memory in Kazakhstan. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «edu.e-history.kz»*, vol. 10, no. 2, pp. 334–346. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_34_2_334-346

Ryndin, M. V. (2016) Samples of Kyrgyz ornament. In: *Kyrgyz national pattern* / ed. by I. A. Orbeli. Bishkek, Tsentral'no-Aziatskaia set' po kul'ture i iskusstvu. 120 p. Pp. 8–20. (In Russ.).

Sokolova, T. M. (1972) *The ornament is the handwriting of the epoch*. Leningrad, Avror. 148 p. (In Russ.).

Epigraphy of Kyrgyzstan (1963) / comp. by Ch. Dzhumagulov, ed. by A. I. Batmanov. Frunze, Izdatel'stvo AN Kirgizskoi SSR. Issue 1. 70 p. (In Russ.).

Assmann, A. (2011) *Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives*. Cambridge, Cambridge University Press. 424 p.

Assmann, J. (2012) *Cultural memory and Early Civilization: Writing, Remembrance and Political Imagination*. Cambridge, Cambridge University Press. 332 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511996306>

Bodnar, J. (1992) *Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth century*. Princeton, Princeton University Press. 312 p.

Gräslund, A.-S. (2018) Ornamentation. In: *Handbook of Pre-Modern Nordic Memory Studies. Interdisciplinary Approaches*. Eds. by J. Glauser, P. Hermann and S. A. Mitchell. Berlin; Boston, Walter de Gruyter GmbH. Vol. 1–2. 1163 p. Pp. 643–670.

Halbwachs, M. (1992) *On collective memory*. Chicago, The University of Chicago Press. 254 p.

Kolibu, R. M. P., Sachari, A., Setiawan, P. and Rohendi, T. R. (2021) Redefinition of Waruga Ornaments in Minahasa, Indonesia: Actualisation of Pattern and Meaning Transformation from Makam to Mukim. *Palarch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology*, no. 18 (17), pp. 259–276.

Nancy, J.-L. (2007) *Listening*. New York, Fordham University Press. 108 p.

O'Callaghan, C. (2017) *Beyond Vision: Philosophical Essays*. Oxford, Oxford University Press. 240 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198782964.001.0001>

Parr, A. (2010) *The Deleuze Dictionary*. Revised Edition. Edinburgh, University Press. 326 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780748643271>

Warburg, A. (2010) *Atlas Mnemosyne*. Madrid, Ediciones Akal Sa. 188 p.

Submission date: 14.12.2023.

Acceptance date: 26.02.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.18

Статья

Общетюркская лексика в наименованиях орудий труда якутского языка (лексические параллели в тюркских языках Сибири)

Алевтина А. Скрябина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Российская Федерация*

В статье рассматриваются наименования орудий труда в якутском языке общетюркского происхождения в сравнении с родственными алтайским, хакасским, тувинским языками. Источниками исследования послужили “Словарь якутского языка” Э. К. Пекарского, “Большой толковый словарь якутского языка” в 15 томах под редакцией П. А. Слепцова, “Алтайско-русский словарь” под редакцией А. Э. Чумакаева и других, “Хакасско-русский словарь” под общей редакцией О. В. Субраковой и “Тувинско-русский словарь” под редакцией Э. Р. Тенишева.

Исходя из сфер употребления, наименования орудий труда в якутском языке делятся автором на 7 групп: 1) наименования орудий для скотоводства; 2) наименования орудий для охоты; 3) наименования орудий для рыболовства; 4) наименования орудий для земледелия; 5) наименований орудий для применения в домашнем хозяйстве; 6) наименований орудий для обработки дерева; 7) наименования орудий для обработки кожи и меха.

Обнаружено, что в исследуемой лексике много архаичных слов, что связано с различными изменениями в жизни, с перестройкой быта и традиций якутов. Исследование лексико-семантических параллелей якутского, алтайского, хакасского и тувинского языков на материале наименований орудий труда выявило 12 основ общетюркского происхождения, что подтверждает древнее родство исследуемых языков и их историческое взаимодействие.

Ключевые слова: якутский язык; алтайский язык; хакасский язык; тувинский язык; бытовая лексика; орудия труда

Для цитирования:

Скрябина А. А. Общетюркская лексика в наименованиях орудий труда якутского языка (лексические параллели в тюркских языках Сибири) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 300-315. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.18>

Скрябина Алевтина Афанасьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адрес: 677027, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1. Эл. адрес: alevtinaskr@gmail.com

SKRYABINA, Alevtina Afanasievna, Candidate of Philology, Research Associate, Yakut language Department, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 1 Petrovskogo St., 677027, Russian Federation, Yakutsk. E-mail: alevtinaskr@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8677-9320

Common Turkic vocabulary in the names of tools of the Yakut language (lexical parallels in the Turkic languages of Siberia)

Alevtina A. Skryabina

*Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article examines the names of tools in the Yakut language, which are of common Turkic origin, in comparison with related Altai, Khakass, and Tuvan languages. Dictionary of the Yakut language edited by E. K. Pekarsky, A large explanatory dictionary of the Yakut language in 15 volumes edited by P. A. Sleptsov, Altai-Russian Dictionary edited by A. E. Chumakaev and others, Khakass-Russian Dictionary edited by O. V. Subrakova; and the Tuvan-Russian Dictionary edited by E. R. Tenishev, were the sources for the research.

Based on the spheres of use, the author has divided the names of tools in the Yakut language into 7 categories: 1) tools for cattle breeding, 2) hunting, 3) fishing, 4) agriculture, 5) household use, 6) wood processing, and 7) leather and fur processing. It was found that many archaic words exist in the studied vocabulary, which can be associated with various changes in life and the restructuring of daily life and traditions among the Yakuts.

The study of lexical and semantic parallels between the Yakut, Altai, Khakass, and Tuvan languages through the names of tools has revealed 12 common Turkic origins, confirming the ancient kinship between these languages and their historical interactions.

Keywords: Yakut language; Altai language; Khakass language; Tuvan language; household vocabulary; tools

For citation:

Skryabina A. A. Common Turkic vocabulary in the names of tools of the Yakut language (lexical parallels in the Turkic languages of Siberia). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 300-315. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.18>

Введение

В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению лексики. Она является не только важным лингвистическим материалом, но и носит в себе ценную культурологическую информацию. «Когда говорят, что язык представляет собой историю народа — его носителя, — пишет К. М. Мусаев, — прежде всего имеется в виду лексика, которая непременно реагирует на все перемены в жизни народа. Ни фонетика, ни грамматика языка не могут показать нам условия жизни народа так полно, как лексика» (Мусаев, 1984: 12).

Словарный фонд тюркских языков, таких как якутский, алтайский, хакасский, тувинский и другие, имеет общетюркский слой, который является основой и не подвержен значительным изменениям, несмотря на быстрое развитие и изменения в обществе. Так, одной из актуальных задач в современной лингвистике является исследование тюркских языков в сравнительном аспекте.

Сравнительным, сравнительно-историческим исследованиям общетюркологического характера посвящены работы О. Н. Бётлингга (Бётлингк, 1990), В. В. Радлова (Радлов, 1911), Л. Н. Харитоновна (Харитонов, 1947), С. Калужинского (Калужинский, 1961), М. Ряснана (Ряснен, 1955), Н. К. Антонова (Антонов, 1971), Е. И. Убрятовой¹, Н. К. Дмитриева (Дмитриев, 1962), Г. В. Попова (Попов, 1986), Г. Г. Левина (Левин, 2001), Н. Н. Широбоковой (Широбокова, 2005), Ю. И. Васильева (Васильев, 2012) и др.

¹Убрятова Е. И. Историческая грамматика якутского языка: учебное пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1985.

Учеными тюркологами Института языкознания РАН Э. Р. Тенишевым, Г. Ф. Благовым, А. В. Дыбо, Л. С. Левитской и др. разработана «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» в шести томах (Сравнительно-историческая ... , 1984, 1986, 1988, 1997, 2002, 2006).

Вопросы, связанные с исследованием лексики отдельных языков в сравнительном аспекте, продолжают привлекать внимание исследователей и в настоящее время. Так, Н. В. Малышевой исследована якутская лексика наименования покрова животных и его видов общетюркского происхождения в сравнении с древнетюркскими и современными тюркскими языками в историческом аспекте (Малышева, 2013). Е. Н. Николаевым проведена лексическая параллель апеллятива *баш/бас* 'голова' в тувинском и якутском топонимиконах (Николаев, 2019). Сравнительному анализу вторичных форм, возникших на основе семантически и функционально соотносимых причастных форм на *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках посвящена статья Г. Г. Филиппова и Б. Ч. Ооржак (Филиппов, Ооржак, 2020). Н. И. Даниловой рассмотрены залоговые формы глагола, их семантическая структура, а также оформляемые на их базе синтаксические конструкции в якутском и тувинском языках в сопоставлении с монгольскими и тунгусскими языками (Данилова, 2020). Статья Ю. П. Борисова посвящена выявлению параллелей и установлению универсалий между якутским олонхо и тувинским эпосом на уровне эпических формул (Борисов, 2020). С. Д. Львова проанализировала на обширном материале сравнительные структуры, присутствующие в текстах якутского олонхо и тувинского эпосов (Львова, 2021). В статье Ф. Н. Дьячковского, А. Р. Тазрановой, Б. Баярсайхана, С. М. Трофимовой, Н. И. Поповой сравнительному анализу подвергается лексико-семантическая группа слов, представляющих наименования способов естественного движения (аллюра) лошади в тюркских и монгольских языках (Дьячковский и др., 2023).

Одним из древнейших пластов лексики якутского языка является лексика орудий труда, которая составляет важную часть словарного состава языка. Изучение данного пласта лексики имеет важное значение, так как позволяет сохранить историческое и культурное наследие, которое постепенно исчезает в повседневной речи. В исследуемой лексике представлено большое количество слов-архаизмов. Лексика, отражающая реалии повседневной жизни и быта якутов, содержит в своем составе слова, имеющие параллели в древнетюркском языке. Исследование этих слов предоставит ценную информацию для воссоздания семантического развития лексики тюркских языков, что является одной из основных задач сравнительно-исторической лексикологии.

В тюркских языках есть ряд исследований в различных аспектах, освещающих лексику орудий труда: Ф. Ф. Гаффаровой — лексики земледелия в татарском языке (Гаффарова, 2000), С. А. Кукаевой — лексики земледелия в ногайском языке¹, Н. В. Ерленбаевой — терминологии орудий ручного труда, режущих и точильных инструментов в алтайском языке², Э. С. Абдуллаевой — названий орудий ручного труда и других предметов бытовой лексики кумыкского языка³, А. Д. Лукмановой — лексики орудий труда в башкирском языке⁴, Р. Г. Гиззатовым — лексики земледелия в башкирском языке⁵, А. Ч. Ооржак — наименований режущих орудий труда в тувинском языке и его диалектах⁶. В якутском языке наименования предметов быта упоминаются на страницах этнографических и исторических исследований (Кулаковский, 1979; Радлов, 1887; Серошевский, 1993; Трощанский, 1903; Худяков, 1969; и др.). Описанию традиционных орудий труда, применяемых в скотоводстве, земледелии, рыболовстве, на охоте посвящена монография З. М. Зыкова (Зыков, 1989). Наименования орудий ручного труда и режущих и точильных инструментов в якутском и алтайском языках представлены в статье А. К. Прокопьевой и П. С. Платонова (Прокопьева, Платонов, 2022). Сравнительному исследованию взаимосвязи якутского и уйгурского языков в отдельно взятой лексико-семантической группе слов, обозначающих названия жилищ, предметов быта, орудий труда, одежды и пищи посвящена статья Н. В. Малышевой⁷. Устаревшие наименования орудий труда, а также некоторые наименования до-

¹ Кукаева С. Ф. Лексика земледелия в ногайском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Махачкала, 2005.

² Ерленбаева Н. В. Бытовая лексика алтайского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005.

³ Абдуллаева Э. С. Бытовая лексика кумыкского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2013.

⁴ Лукманова А. Д. Лексика орудий труда в башкирском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016.

⁵ Гиззатов Р. Г. Лексика земледелия в башкирском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013.

⁶ Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2022.

⁷ Малышева Н. В. Лексико-семантические параллели якутского и уйгурского языков (на материале основ, обозначающих названия жилищ, предметов быта, орудий труда, одежды и пищи) // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 28–32.

машней утвари якутского языка в сравнении с хакасским и алтайским языками рассмотрены в статьях А. А. Скрябиной (Скрябина, 2021, 2022).

Цель настоящего исследования заключается в выявлении лексики общетюркского происхождения в наименованиях орудий труда в сравнении с родственными алтайским, хакасским и тувинским языками. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: выявить и систематизировать наименования орудий труда в якутском языке; исследовать способы образования анализируемых лексем; выявить лексические параллели слов в родственных тюркских языках. Материалы исследования извлечены из толковых, диалектологических, этимологических, двуязычных словарей тюркских языков, из современных работ по лексикологии тюркских народов¹. В работе использовались методы лингвистического наблюдения и сравнительно-исторического анализа, а также методы структурно-семантического анализа.

Наименования орудий труда и инструментов в якутском языке

Орудия труда занимают одно из ведущих мест в традиционно-бытовой культуре якутов. Они применялись во всех основных отраслях производственной деятельности якутов: в скотоводстве, земледелии, охоте, рыболовстве и других подсобных промыслах. Так, в зависимости от сферы применения, номинации традиционных орудий труда в якутском языке могут быть объединены в следующие лексико-семантические группы:

1. наименования орудий для скотоводства:

- а) орудия для косьбы: *хотуур* 'коса', *элитизпкэ* 'коса-литовка', *салбах батас* 'старинная коса';
- б) орудия для уборки сена: *атырдьах* 'вилы', *түгэхтиир атырдьах* (*уллунахтыыр атырдьах*) 'маленькие вилы до 2 м, которыми кладут основания стога', *ортолуур атырдьах* 'вилы до 3 м, которыми мечут середину стога', *кыдама* 'длинные вилы до 4 м', *кыраабыл* 'грабли';
- в) подсобные орудия: *тордуох* 'железный или деревянный крюк'; *оуур* 'шест с веревочной петлей на конце; аркан', *сүһү тиһин аалар игии* 'напильник для удаления костяных отростков на зубах рога того скота';

2. наименования орудий для охоты:

- а) средства для активной формы охоты: *оноҕос* 'стрела, применяемая на охоте', *быыра ох* 'стрела с вилеобразным наконечником', *быыра* 'копье', *үгүү* 'копье, пика', *батас* 'большой нож', *батыа* 'пальма, оружие', *чокуур саа* 'старинное кремневое ружьё', *үрэр саа* 'ружьё', *бэрдээнки* 'пулевое ружьё', *дуктуй* 'старинный охотничий топор', *хотохоон* 'охотничий нож, похожий на пальму, с более широким остриём, длиной в две пяди', *бадаайы* 'большой нож для охоты', *осхор* 'стрела с железным вилообразным наконечником (для охотничьего самострела)';
- б) средства для пассивной охоты: *балтыһа* 'силки для ловли мелких птиц, прикрепленные к деревянному шесту', *туһах* 'волосная петля на зайцев', *куобах туһаҕа* 'петля на зайцев', *айа* 'самострел; охотничий снаряд-ловушка на лосей, зайцев и др. животных', *куобах айата* 'самострел на зайцев', *кыл*

¹ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I: (Буква А); 2005. Т. II: (Буква Б); 2007. Т. IV: (Буква К); 2008. Т. V: (Буква К: күлэһис гын — кээчэрэ); 2011. Т. VIII: (Буква С: с — сөллөҕөр); 2013. Т. X: (Буква Т: т — төһүүлээ); Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М., 1959. Т. I–III; Диалектологический словарь якутского языка / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976; Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969; Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018; Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006; Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I: А–Б; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Б» / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. Т. 2.; Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Вост. лит., 2007 Т. 4; Катанов Н. Ф. Указатель урянхайских слов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903; Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд., 2001; Ерленбаева Н. В. Бытовая лексика алтайского языка: дисс.... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005; Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2022.

туһах 'волосая петля', *уллиһах туһах* 'силки, изготовленные из ивовых прутьев для добычи дичи', *хандаа туһах* 'петля с оцепом на зайца', *сохсо* 'ловушка, пасть (на зверя)', *килэпси* 'ударная ловушка для мелких зверей', *күлүмэ* 'ловушка на медведя', *добуур* 'шест с веревочной петлей на конце; аркан', *кыл добуур* 'петля из одинарного конского волоса, притороченная к доске, для ловли мелких птиц', *паас* 'снаряд, ловушка для ловли песка, пасть', *хапкаан* 'ловушка для поимки зверя, капкан', *чааркаан* 'самодельная ловушка для мелких животных, пушных зверей', *төрүөт* 'охотничьи орудия, снасти', *тиргэ* 'силки, петли из конского волоса на водоплавающую дичь', *кылыылаах сохсо* 'пасть, у которой боковые стенки состоят из ряда колышков, вбитых в землю', *эбиэн* 'острый сердцевидный наконечник стрелы, самострела или черкана', *бидилгэх* 'гибкая заостренная с обоих концов роговая спица, обычно завернутая в приманку', *кылыы үтэр* 'лопатообразное орудие, при помощи которого устанавливается высота и натягивается насторожка самострела поперек тропы зверя', *кэнттик* 'палочка или колышек, на который натягивается силок-насторожка самострела', *тынкырай* 'тонкая горизонтальная палочка в капкане на мелких зверей, на которой вертикально устанавливается сторожок';

3. наименования орудий для рыболовства:

а) индивидуальные средства лова: *атара* 'рыболовный снаряд в виде верши на ручке для ловли карасей на мелководье во время метания икры', *бэрэмээт* 'перемет (рыболовная снасть)', *туу* 'рыболовная снасть, сплетённая из лыка, деревянных пластин и прутьев в виде узкой воронкообразной корзины, верша', *кэлии* 'орудие для ловли рыбы', *ардыа* 'большая верша, морда для ловли карася и другой крупной рыбы', *тирги* 'силки, петли из конского волоса на водоплавающую дичь', *тойон* 'орудие, которым отпугивают рыбу, загоняя в невод', *куйуур* 'рыболовный сак', *анньыы* 'пешня', *ныэрпэ туута* 'мережа для ловли нерпы', *илим* 'рыболовная сеть';

б) средства для коллективной ловли рыб: *мунха* 'большая рыболовная сеть, невод', *баҕадьы* 'большая рыболовная сеть', *ныккэ* 'маленький невод без мотни', *дьөккү* 'сеть с крупной ячейей';

4. наименования орудий труда для земледелия:

а) орудия для обработки почвы: *хойуос* 'заострённый кол для разрыхления земли', *хоруур* 'железный скребок в виде лопаты', *бахымны* 'мотыга', *табыыка* 'мотыга', *туора күрдьэх* 'широкая лопата', *суха* 'соха', *даарда суха* 'якутская соха', *мас тиис* 'борона с деревянными зубьями';

б) орудия для уборки и переработки урожая: *сиэрпэ* 'серп', *солото атырдыаҕа* 'вилы для соломы', *кэлии* 'ступа для толчения зерна', *соҕох* 'пест', *бадьама* 'мельница', *миэлинсэ* 'мельница', *бурдук тардар таас* 'ручная мельница', *суоруна* 'жернова', *тараах* 'борона', *барана* 'борона';

5. наименования орудий для применения в домашнем обиходе:

а) орудия из железа: *быһах* 'нож', *быһычча* 'маленький нож', *быһыя* 'ножик', *аһыыр быһах* 'кухонный нож', *үөттүрэх* 'кочерга, клюка', *күлүүкэ* 'кочерга', *ньообоот* 'совок', *өтүйэ* 'молоток', *кэһиир (кэһиэх)* 'скребок, железная пластинка, которой выскребают нагар в котлах и горшках', *кыптыый* 'ножницы';

б) орудия из дерева: *сиппиир* 'связка веток, прутьев тальника для подметания, веник', *мииннык* 'веник', *харбыыр* 'веник; метла, помело', *муоста харбыыр* 'веник', *олбуор харбыыр* 'метла', *дыэ харбыыр* 'помело', *сигири* 'нежные тальниковые стружки для использования вместо мочалки при мытье чего-л. грубого', *сыбаабыра* 'швабра', *изрэгэй* 'веретено';

6. наименования орудий для обработки дерева:

а) для долбления, выдалбливания: *изт* 'железный нож изогнутой (почти в кольцо) формы, служащий для выдалбливания деревянной посуды', *арбыяа* 'инструмент для долбления лодок, деревянной посуды', *чүүчү* 'инструмент для обработки древесины долблением, долото', *адалҕа* 'железный инструмент с деревянной ручкой из дерева';

б) для сверления: *лаппаарыйа* 'инструмент для сверления отверстий в дереве; бурав, большое сверло', *сэбирилиэк* 'сверло, буравчик', *эрэнэ* 'большое сверло', *бүргэс* 'сверло', *изрэгэй* 'разновидность якутской дрели';

в) для распиливания и резьбы: *чүүчү сүгэ* 'топор с длинным узким лезвием', *эрбии* 'пила', *чаачар эрбии* 'лучковая пила', *аалыах* 'напильник', *игиш* 'напильник', *ойуу быһах* 'маленький нож для резьбы по дереву', *изт быһах* 'ножичек из мягкого железа';

г) для рубки: *сүгэ* 'топор', *тэрээк сүгэ* 'плотницкий топор с широким лезвием', *чохороон сүгэ* 'маленький топорик', *сүлүгэс* 'тяжёлая деревянная дубина';

д) для скобления: *күбүл* 'скобель', *устуруус* 'рубанок', *кынаттаах устуруус* 'двуручный рубанок, медведка', *тиистээх устуруус* 'цинубель', *кэлтэгэй устуруус* 'зензубель косой';

е) для вычерчивания: *сэлэиискэ* 'слепушка', *убалынньык* 'угольник', *чэрчи* 'циркуль';

7. орудия для обработки кожа и меха:

а) из дерева: *талкы* 'деревянный инструмент с зубьями для смягчения кожи', *сүллүгэс* 'колотушка';

б) из железа: *кыһах* 'скобель', *этирик* 'скобель', *кэдэрээн* 'скребок'; *сарыы сүлэр быһах* 'горбатый, тупоконцевой нож, служащий для отделения верхнего эпидерма конской шкуры вместе с волосом', *сүлбэ быһаҕа* 'выгнутый нож для выделки шерсти крупного рогатого скота и лошадей'.

Так, выявленные наименования орудий труда, инструментов и различных приспособлений в якутском языке, дают возможность классифицировать этот пласт лексики по семи основным группам, в основе которых лежит функциональное назначение: для скотоводства, охоты, рыболовства, земледелия, применения в домашнем обиходе, обработки кожи и меха. Наиболее многочисленную группу составляют наименования орудий труда для охоты, что свидетельствует о важности и разнообразии приспособлений и средств ловли добычи в традиционной хозяйственной деятельности якутов.

Способы образования наименований орудий труда

Далее рассмотрим основные способы образования наименований орудий труда, инструментов и различных приспособлений, применяемых якутами в своей хозяйственной деятельности. В якутоведении имеется достаточное количество основополагающих трудов по словообразованию якутского языка, о его грамматической структуре. Основы учения о морфологии якутского языка заложены О. Н. Бётлингком (Бётлингк, 1990), а затем получили дальнейшее развитие в трудах С. В. Ястремского (Ястремский, 1938), Л. Н. Харитоновой (Харитонов, 1947), Е.И. Коркиной (Коркина, 1970, 1979, 1985). В изучение словообразования якутского языка большой вклад внесли Н. К. Антонов¹, Е. И. Убрятова², Г. Г. Филиппов³, Н. Д. Дьячковский⁴, П. А. Слепцов⁵, И. Б. Иванова⁶ и др. Полное и систематическое описание звукового состава и морфологического строя современного якутского литературного изложено в «Грамматике современного якутского языка. Фонетика и морфология» (Грамматика современного ... , 1982). Морфология современного якутского языка описана в учебнике «Современный якутский язык. Морфология», предназначенный для студентов якутского отделения факультета якутской филологии и культуры⁷. Системно-структурное описание морфологических и синтаксических единиц якутского языка представлено в учебном пособии Н. И. Даниловой, Н. И. Поповой, Н. Н. Ефремова «Курс якутской грамматики: система морфологических категорий и синтаксических конструкций: учебное пособие для студентов филологических факультетов ЯГУ»⁸.

Лексика орудий труда якутского языка по своей грамматической структуре состоит из производных и непроизводных основ. По своей звуковой структуре непроизводные основы могут быть односложными: *саа* 'ружье', *туу* 'рыболовная снасть', *ох* 'стрела', двусложными: *сүгэ* 'топор', трехсложными:

¹ Антонов Н. К. Именное словообразование в якутском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1952.

² Убрятова Е. И. Историческая грамматика якутского языка : учебное пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1985.

³ Филиппов Г. Г. Причастие будущего времени на -ыхах и форма на -ыа в якутском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987.

⁴ Дьячковский Н. Д. Саха тылыгар сорох экспрессивнэй-эмоциональнай сыһыарыылар // Саха тыла: лексика, грамматика: научнай үлэлэр хомуурунньуктара / отв. ред Н. Д. Дьячковский; ред. Ю. И. Васильев. Дьокуускай: изд-во ЯГУ, 1993. С. 103–136.

⁵ Слепцов П. А. Саха тылын историята: саха филологиятын уонна култууратын факультетын устудьуоннарыгар үөрэнэр кинигэ [История якутского языка: учебное пособие для студентов факультета якутской филологии и культуры]. Якутскай: ЯГУ, 2007. (На як. яз.).

⁶ Иванова И. Б. Аффиксальное именное словообразование в современном якутском языке (на материале отглагольных имен существительных): дисс. канд. ... филол. наук. Якутск, 2011.

⁷ Саха билинни тыла. Морполоугуя: устудьуонна аналлаах үөрэх кинигэтэ [Современный якутский язык. Морфология: учебное пособие для студентов] / отв. ред. Г. Г. Филиппов. Дьокуускай: Бичик, 2009. (На як. яз.).

⁸ Данилова Н. И., Попова Н. И., Ефремов Н. Н. Курс якутской грамматики: система морфологических категорий и синтаксических конструкций : учебное пособие для студентов филологических факультетов ЯГУ. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004.

ми: *арбыйа* 'инструмент древних якутов для долбления лодок, деревянной посуды' и многосложными: *сэлэпиискэ* 'слепушка' и т. д. Некоторая часть производных существительных образуется от первичных основ самих же существительных. Большинство образуется от глаголов, т. е. путем превращения другой части речи в существительного следующими способами: морфологическим (аффиксальным), синтаксическим (путем сочетания слов) и лексико-семантическим.

Образование наименований орудий помощью аффиксов является наиболее продуктивным. Образование новых слов происходит путем сложения морфологических элементов слова: основы и аффикса или основы с основой. Слова, означающие наименования орудий труда, образуются с помощью следующих аффиксов:

— *продуктивных*:

— *ы* (-*ии*): *эрбии* 'пила', *кэлии* 'орудие для ловли рыбы';

— *ньык*: *убалынньык* 'угольник';

— *непродуктивных*:

— *ыыр* (-*ур*, -*иур*): *харбыыр* 'веник; метла, помело', *хотуур* 'коса', *сиппиур* 'веник', *кэһиур* 'железный скребок', *куйуур* 'рыболовный сак', *хоруур* 'железный скребок в виде лопаты';

— *аан* (-*ээн*): *хапкаан* 'ловушка для поимки зверя, капкан', *чааркаан* 'самодельная ловушка для мелких животных, пушных зверей', *кэдэрээн* 'скребок';

— *ии*: *эрбии* 'пила', *кэлии* 'орудие для ловли рыбы', *игии* 'напильник';

— *ыйа*: *быһыйа* 'ножичек' (*быһах* 'нож'), *арбыйа* 'инструмент для долбления лодок, деревянной посуды';

— *мны*: *баһымны* 'мотыга';

— *ыйа*: *арбыйа* 'инструмент древних якутов для долбления лодок, деревянной посуды: железная часть и ручка как у топора, но с поперечным направлением лезвия', *лаппаарыйа* 'инструмент для сверления отверстий в дереве; бурав, большое сверло';

— *к* (-*ык*, -*ик*): *хартык* 'гальтель', *этирик* 'скобель';

— *ыат* (-*оот*, -*ээт*): *ньолбоот* 'совок', *бэрэмээт* 'перемет (рыболовная снасть)';

— *ых*: *кыһых* 'скобель', *аалых* 'напильник';

— *х*: *быһах* 'нож', *туһах* 'волосная петля на зайцев', *күрдүэх* 'лопата', *үөттүрүх* 'кочерга, клюка', *тараах* 'борона', *соҕох* 'пест';

— *л*: *кыраабыл* 'грабли', *күөбүл* 'скобель';

— *ка* (-*кэ*): *табыыка* 'мотыга', *күлүүкэ* 'кочерга', *сэлэпиискэ* 'слепушка', *ныккэ* 'маленький невод без мотни';

— *ча*: *быһычча* 'ножик';

— *ды*: *баҕады* 'большая рыболовная сеть'.

Среди производных отглагольных существительных наиболее известными формами синтаксического типа являются парные слова и составные существительные. Для названий орудий труда характерны следующие модели:

«N + N»: *мас тиис* 'борона с деревянными зубьями' (досл. дерево + зубы), *муос сүгэ* 'маленький роговый топорик' (досл. рога + топор), *чүүчү сүгэ* 'топор с длинным узким лезвием' (досл. долото + топор);

«N + N» + афф. принадлежности: *сүлбэ быһаҕа* 'выгнутый нож для выделки шерсти крупного рогатого скота и лошадей', *куобах туһаҕа* 'петля на зайцев', *ныиэрпэ туута* 'мережа для ловли нерпы', *соломо атырдыаҕа* 'вилы для соломы';

«O + N»: *кэлтэгэй устуруус* 'зензубель косой';

«N + V»: *чоҕу харыйар тимир* 'кочерга, клюка', *дыэ харбыыр* 'помело', *сүөһү тиһин аалар игии* 'напильник для удаления костяных отростков на зубах рогатого скота', *бурдук тардар таас* 'ручная мельница'.

Одним из способов образования наименований орудий труда является субстантивация отдельных частей речи. При этом они теряют первоначальную семантическую функцию и приобретают предметное значение, например, *харбыыр* 'веник' (гл. *харбаа* 'сгребать'), *хоруур* 'железный скребок в виде лопаты' (гл. *хоруй* 'взрыхлять, вспахивать').

Наименования орудий труда образуются также лексико-семантическим способом: *иэрэгэй* ‘веретено’ — *иэрэгэй* ‘дрель’ — *иэрэгэй* ‘волчок’; производящая основа — существительное *иэрэгэй* образовано путем расширения семантики данного слова.

Так, с точки зрения структуры лексические единицы, обозначающие орудия труда образованы от имяобразующих аффиксов: 2 продуктивных и 14 непродуктивных. Выявлено, что большинство наименований орудий труда и инструментов в якутском языке образованы от глаголов физического воздействия на объект, например, *эрбии* ‘пила’, *кыһыах* ‘скобель’, *аалыах* ‘напильник’, *күрдьэх* ‘лопата’ и др. Большинство наименований орудий труда представлены простыми лексемами. Сложносоставные лексемы в основном образованы по модели «N + N».

Лексические параллели в тюркских языках Сибири

В результате исследования лексико-семантических параллелей якутского, алтайского, хакасского и тувинского языков нами выявлено 12 основ общетюркского происхождения (таб. 1).

Таблица 1. Лексические параллели в якутском, алтайском, хакасском и тувинском языках
Table 1. Lexical parallels in the Yakut, Altai, Khakass and Tuvan languages

Термины на русском языке	Термины на якутском языке	Термины на алтайском языке	Термины на хакасском языке	Термины на тувинском языке
вилы	<i>атырдьах</i>	<i>айрууш</i>	<i>азыр</i>	<i>айыыр</i>
кочерга	<i>күлүүкэ</i>	<i>күлкү</i>	<i>көздс</i>	<i>көзээш</i>
лопата	<i>күрдьэх</i>	<i>күрек</i>	<i>күрцек</i>	<i>хүүрек</i>
нож	<i>быһах</i>	<i>бычак</i>	<i>пычак</i>	<i>билжек</i>
напильник	<i>игиш</i>	<i>эгү</i>	<i>игек</i>	<i>эгээ</i>
метла, веник	<i>сиптиир</i>	<i>сибирги</i>	<i>сыбырғы</i>	<i>ширбиил</i>
топор; молот	<i>балта</i>	<i>малта</i>	<i>палты</i>	<i>балты</i>
шило; сверло	<i>бүргэс</i>	—	<i>пургу</i>	—
скобель; мялка	<i>этирик</i>	<i>эдирек</i>	<i>изрек</i>	<i>эдирээ</i>
кожемялка	<i>талкы</i>	<i>талку</i>	<i>талғы</i>	<i>далгыг</i>
скребок	<i>кыһыах</i>	<i>кынырак</i>	<i>хырғыс</i>	—
ножницы	<i>кыптый</i>	<i>кайчы</i>	<i>хыпты</i>	<i>хачы</i>

Атырдьах — «оту кэбиһэргэ, бугуллуурга аналлаах туттар тэрил (хаппыт титириктэн нарыланан оноһуллубут укка оту батары анньар уһуктаах өттүгэр 30-ча см уһуннаах, ачаах курдук салааны (чохойу), сигэнэн баайан, олордуллар). Сельскохозяйственное орудие для метания и укладки сена в копны, вилы (изготавливаются из сухой лиственницы: к острому концу древка накладывается и завязывается в виде параллельного рога тальниковыми ремешками примерно 30 см вспомогательная остроконечная ветка»¹.

В зависимости от размера различают следующие виды *атырдьах*: *түгэхтиир атырдьах* (уллунхатыыр *атырдьах*) ‘маленькие вилы до 2 м., которыми кладут основания стога’, *ортолуур атырдьах* ‘вилы до 3 м., которыми мечут середину стога’, *кыдама* ‘длинные вилы до 4 м.’. Слово *атырдьах* восходит к древнетюркскому корню *адры* ‘раздвоенный, разветвленный’².

В родственных языках с данным значением обнаружены следующие слова: алт. *айрууш* ‘вилы’³, хак. *азыр* ‘вилы, развилина’⁴, тув. *айыыр* ‘вилы’⁵. В тоджинском диалекте тувинского языка встречается

¹ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылыах улахан тылдьыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I: (Буква А). С. 659.

² Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. С. 15.

³ Алтайско-русский словарь / отв. ред. А.Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. С. 42.

⁴ Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 36.

⁵ Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 46.

фонетический вариант *адыыр* в значении ‘вилы’. В связи с этим Б. И. Татаринцев считает, что «тувинское *айыыр* ‘вилы’ гомогенно с *адыр*- ‘отцеплять; распрягать, выпрягать; отделять, разъединять, разнимать; освободить, избавлять’, *адыр* ‘погоди, стой, сейчас, одну минуту’ и представляет отклоняющийся “йотовый” вариант этого наименования. *Айыыр* по структуре представляет собой производное от глагольной основы *айыр*- ‘разделять(ся), раздваивать’, образованное с помощью аффикса *-р* по типу причастных форм на *а(р)* от глагольных основ с конечным *-р*»¹.

Күлүүкэ — «оһох чоҕун булкуйарга аналлаах, агаар уһуга токур тимир. Кочерга, клюка»². Данное слово образовано от существительного *күл* ‘зола’.

В говорах якутского языка для передачи данного значения употребляются названия *күрүүкэ* ‘клюка’, *күлүүкэ* ‘клюка’, *чоҕу харыйар тимир* ‘кочерга, клюка’³.

В современных тюркских языках бытуют следующие формы данного слова: алт. *күлкү* ‘кочерга, палка с прямо загнутым концом’⁴, хак. *көзөс* ‘кочерга’⁵, тув. *көзээш* ‘кочерга’⁶. Слово *күлүүкэ* восходит к древнетюркскому *küzögü* (*күсэгү*) ‘кочерга; приспособление для перемешивания топлива’⁷.

Күрдьэх — «тугу эмэ (буору, хаары) хаһар, баһар сытыы лэппэгэр эбэтэр уһуктаах төгүрүк төбөлөөх уһун укка олордуллар туттар тэрил. Лопата»⁸.

Данное слово восходит к древнетюркскому *kürgäk* ‘лопата’, ‘весло’⁹. По предположению Р. Г. Ахметьянова, «вероятнее всего, оно образовано от существительного *күргэг* “то, что сгребает”»¹⁰. Мы считаем, что якутское слово *күрдьэх* образовано от глагола *күрт* ‘сгребать’. В отдельных говорах якутского языка встречаются следующие фонетические варианты литературного слова *күрдьэх*: *курдьах*, *күрдьүкэ*, *күдьдьэх*¹¹. В якутском языке имеются пословицы и поговорки, в составе которых наличествует слово *күрдьэх* ‘лопата’: *анара күрдьэх маһа, анара танара маһа* ‘одна половина годится для лопаты, другая — для иконы’ (т. е. хорошее и плохое соседствуют друг с другом).

В родственных тюркских языках исследуемое слово представлено в следующих значениях алт. *күрек* ‘лопата, савок’¹², хак. *күрчек* ‘лопата’¹³, тув. *хүүрек* ‘лопата’¹⁴.

Быһах — «быһарга аналлаах агаар өттө биилээх, уһуктаах уһун синньигэс укка олордуллубут тимир. Нож»¹⁵.

Якутское *быһах* нож образовано от глагола *быс* ‘резать’ + имяобразующего афф. *-х*. Данное слово зафиксировано в древнетюркском словаре в форме *biṣaq, bičäk* ‘то, что режет’: *Biṣaq tartma anda kötürmä sönük* ‘Не извлекай нож и не обглаживай кости’¹⁶. По версии Э. В. Севортяна, данное слово является

¹ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I: А–Б. С. 82.

² Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: в 15 т. Т. IV: (Буква К) / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. С. 626.

³ Диалектологический словарь якутского языка / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976.

⁴ Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. С. 416.

⁵ Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 195.

⁶ Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 257.

⁷ Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. С. 321.

⁸ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ). С. 89.

⁹ Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. С. 328.

¹⁰ Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд., 2001. С. 117.

¹¹ Диалектологический словарь якутского языка / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976.

¹² Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. С. 422.

¹³ Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 219.

¹⁴ Тувинско-русский словарь: около 22000 слов... С. 498.

¹⁵ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. II: (Буква Б) С. 766.

¹⁶ Древнетюркский словарь ... С. 104.

«отглагольным производным от *быч-* / *бич-* ‘кроить, резать’ <от *бы* ~ *би* ‘лезвие’, ‘острие’, ‘нож’ как форма уменьшительности»¹.

В большинстве тюркских языков, в том числе в якутском, алтайском и хакасском языках, исследуемое слово употребляется в вариантах с заднерядным вокализмом: якут. *быһах*, алт. *бычак*, хак. *пыжах*. В тувинском языке употребляется в варианте с заднерядным вокализмом *бижек* ‘нож’². В сравниваемых языках нож имеет широкую сферу употребления, и в зависимости от размера и предназначения имеет различное наименование. В якутском языке зафиксированы следующие названия ножа: *аһыыр быһах* ‘кухонный нож’, *бадаайы* ‘большой якутский нож’, *болот быһах* ‘старинный якутский нож’, *быһыйа* ‘маленький ножик’, *быһычча* ‘ножик’, *быыра быһах* ‘большой метательный нож’, *изт* ‘железный нож’. В алтайском языке наличествуют следующие единицы, передающие понятие ‘нож’: *бычак* ‘нож’, *томырак* ‘складной нож’, *сойоо* ‘ножик из камня’³. В хакасском языке функционируют такие разновидности ножа как: *пычах* ‘нож’, *кестик* кыз. ‘ножик’, *кистик* ‘небольшой ножик, скальпель’, *пiлiг* уст. ‘нож’, *тоңарах* ‘складной нож’, *томырах* саг. ‘складной ножик’ (Абдина, 2021: 1111). В тувинском языке и его диалектах всего зафиксировано 9 названий ножей: «*бижек* ‘нож’, *демиртең бижек* ‘нож без рукоятки’, *сөөктээш* ‘большой охотничий нож’, *саазыыр* ‘большой нож (для рубки мяса)’ *кош бижек* ‘парные ножи’, *кестик* ‘ножик’, *доңгурак* ‘складной нож’, *дүвектээ* ‘ножик для обрезания луковиц сараны’, *хыйырак* ‘ножик’»⁴.

Игии — «сытылыгырга, ааларга аналаах, ыстаалтан оноһуллубут, тонгуулаах туттар сэп. Напильник»⁵.

В словаре Э. К. Пекарского приводится следующее определение: *игии* — подпилоч, напилоч, терпуг⁶. *Игии* ‘напильник’ с уточняющим словом выражает определенный вид орудия: *мас игиитэ* ‘стальной напильник для дерева, терпуг’, *кырыылаах игии* ‘особого рода напилоч’. Как отмечают исследователи, данное слово произошло от тюркской основы *эгэ* ‘точить’: *Ol biçäk igädi* ‘Он точил нож’⁷.

Рассматриваемое слово встречается в сравниваемых языках: алт. *эгү* ‘напильник, подпилоч’⁸, хак. *игек* ‘напильник, рашпиль’⁹, тув. *эгээ* ‘подпилоч, напильник’¹⁰.

Сиппиир — «сиппийэргэ анаан ыарҕа талаҕын баайан оноһулар миинньик. Связка веток, прутьев тальника для подметания, веник»¹¹. *Сиппиир* — «метла, помело, веник, голик (веник с обитыми листьями)»¹².

В якутском языке в значении ‘веник’ также употребляются лексемы *харбыыр* и *минньик*, последний из которых является заимствованием из русского языка. В говорах якутского языка для передачи значения ‘веник’ используются следующие слова: *миинчик*, *мээнньик*¹³, *сыыс мииччик*¹⁴. В древнетюркских памятниках зафиксировано в форме *süpürgü* ‘метла’¹⁵.

¹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Б» / отв. ред. Н.З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. Т. 2. С. 159–160.

² Катанов Н. Ф. Указатель урянхайских слов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903. С. 1226.

³ Ерленбаева Н. В. Бытовая лексика алтайского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005. С. 71.

⁴ Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2022. С. 90–91.

⁵ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. II: (Буква Б) С. 557.

⁶ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М., 1959. Т. III. С. 903.

⁷ Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. С. 204.

⁸ Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. С. 905.

⁹ Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 115.

¹⁰ Тувинско-русский словарь ... С. 605.

¹¹ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. Т. VIII: (Буква С: с — сөллөһөр). С. 418.

¹² Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М., 1959. Т. III. С. 916.

¹³ Диалектологический словарь языка саха = Саха түүлбэ тылын тылдьыта: дополнительный том: содержит около 5000 слов / сост.: М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. С. 122, 131.

¹⁴ Диалектологический словарь якутского языка / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. С. 222.

¹⁵ Древнетюркский словарь ... С. 517.

Имеются параллели в исследуемых языках: алт. *сибирги* ‘веник, метёлка’¹, хак. *сыбырғы* ‘метла, веник, помело’², тув. *ширбиил, ширбиши* ‘метла, веник’³.

Балта — «уус уһанар улахан өтүйэтэ. Большой кузнечный молот»⁴.

В якутском языке лексема *балта* часто используется в паре со словом *сүгэ* ‘топор’: *сүгэ-балта тыл* ‘основательное, серьёзное, убедительное слово’ (букв. ‘слово как топор и молот’). Например, *сүгэ балта курдук эттэ* ‘сказал он, словно топор-молот’ (об умном, степенно говорящем человеке)⁵.

Якутское *сүгэ* ‘топор’ имеет параллель в удаганском диалекте алтайского языка — *суке* ‘маленький топор’⁶. Лексема *балта* ‘топор’ восходит к древнетюркскому *baldu, baltu* ‘топор, секира’⁷ и в значении ‘топор’ встречается в сравниваемых нами языках: алт. *малта* ‘топор’⁸, хак. *палты* ‘топор’⁹, тув. *балды* ‘топор’¹⁰.

Бүргэс — «укка олордуллубут дьөлүтэ анһан үттүүргэ аналлаах тимир тэрил. Шило»¹¹.

В якутском языке для обозначения общего понятия мелких колющих инструментов существует составное собирательное слово *иннэ-бүргэс*. *Иннэ-бүргэс* используется также в переносном значении и может выражать беспокойство, тревожность: *иннэ-бүргэс буол* ‘беспокоить, тревожить кого-л., причинять неудобства кому-л.’. Со словом *тыл* ‘язык’ образуют фразеологизм *иннэ-бүргэс тыл* ‘язвительное слово, колкость’. В древнетюркских памятниках данное слово не зафиксировано.

Имеется параллель в хакасском языке: *пурҕу* ‘сверло’¹². В алтайском языке в значении ‘шило’ функционируют лексемы *шибеей, шибегей*¹³, в тувинском — *шигбей*¹⁴.

Талкы — «тутаахтаах баттыга уонна аллараанһы олоҕо тиистэрдээх, ол икки ардыларыгар кыбыта баттаан тириини имитэр мас тэрил. Деревянный инструмент с зубьями для смягчения кожи, якутская кожемялка»¹⁵.

Для различения видов *талкы* дополнительно используются уточняющие слова, выражающие внешний вид орудия: *миэлинсэ (эриир) талкы* ‘кожемялка в виде мельницы’, *сылгы баһа талкы* ‘конский череп в качестве кожемялки’, *сытыары талкы* ‘кожемялка, изготовленная из обрубка бревна в виде лафета с четырьмя ножками, на лицевой стороне которого вырезаны зубья (букв. горизонтальная мялка)’, *туруору (тобук) талкы (чөҥөчөк талкы)* ‘кожемялка, изготовленная из толстой чурки, на лицевой стороне которой вырезаны зубья (букв. вертикальная мялка)’.

В значении ‘мялка для обработки кожи’ исследуемое слово распространено в сравниваемых языках: алт. *талку* ‘мялка для обработки кожи’¹⁶, хак. *талгы* ‘кожемялка’¹⁷, тув. *далгыг* ‘мялка, (приспособление для выделки кожи)’¹⁸.

¹ Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. С. 586.

² Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 539.

³ Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 575.

⁴ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыгыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. II: (Буква Б). С. 167.

⁵ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М., 1959. Т. I. С. 2378.

⁶ Ерленбаева Н. В. Бытовая лексика алтайского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005. С. 67.

⁷ Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. С. 80–81.

⁸ Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. С. 459.

⁹ Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 343.

¹⁰ Тувинско-русский словарь ... С. 89.

¹¹ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыгыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. II: (Буква Б) С. 639.

¹² Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 400.

¹³ Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. С. 876.

¹⁴ Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 571.

¹⁵ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыгыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. Т. X: (Буква Т: т — төһүүлээ). С. 175.

¹⁶ Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. С. 646.

¹⁷ Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 582.

¹⁸ Тувинско-русский словарь ... С. 146.

Кыһыах — «тирии түүтүн, субатын кыһыйарга эбэтэр сүөһү түүтүн тарыырга аналлаах мас уктаах төкүнүк, биилээх тимир; туох эмэ үрдүкү арагатын кыһыйан ылар анал сэп. Скребок для снятия меха и мездры со шкуры; приспособление для снятия верхнего слоя чего-л.»¹.

Более подробное определение находим в словаре Э. К. Пекарского: «*кысыах* — железная скребелка для скобления шкур, состоящая из железного круга с острыми краями, насаженного на деревянную рукоятку, перпендикулярно к ней; скребок для очистки кожи о шерсти»².

Кыһыах образовано от основы глагола *кыс* 'строгать'. В говорах встречается фонетический вариант литературного *кыһыах* – *кыаһах*³.

Исследуемое слово является общетюркским: «чув. *кашав*-, турк. *ҕашав*, аз. *ҕашов*, тат. *качау*, *кацау*, мар. *кашаргы*»⁴. Слово *кыһыах* нашло отражение и в сравниваемых языках: алт. *кынырак* 'стальной скребок (для выделки кожи)'⁵, хак. *хырҕыс* 'скребок, жестянка для скобления'⁶. В тувинском языке наличествует термин *сивирткииш*, который используется в значении 'скребок'⁷.

Кыптыый — «тиэрбэстии быһыылаах уктаах, икки уһун чараас тимири кириэстии холбоон онгоһуллубут кырыярга аналлаах биилээх туттар сэп. Ножницы»⁸.

Слово *кыптыый* 'ножницы' является общетюркским, в языке древнетюркских памятников оно зафиксировано в форме *qiftu*, *sindu* 'ножницы'⁹. По мнению Р. Г. Ахметьянова, исследуемое понятие произошло от древнетюркского *kap-* 'сжимать по середине'¹⁰. По мнению других исследователей данное слово относится к глаголу *kar-*: *čar-* 'резать, вырезать (из дерева, кожи); отрезать', — из арийского **kar-* 'резать, вырезывать (из дерева)'. Возводится к индоевропейскому **ker-* / *kor-* 'драть, резать; колоть, царапать'¹¹.

В исследуемых языках: алт. *кайчы* 'ножницы'¹², хак. *хыпты* 'ножницы'¹³, тув. *хачы* 'ножницы'¹⁴.

Нами рассмотрены 12 якутских наименований орудий труда общетюркского происхождения, имеющие параллель в родственных алтайском, хакасском и тувинском языках. Выявленные параллели указывают на культурную и языковую взаимосвязь сравниваемых языков и их носителей в историческом прошлом. Исследуемые лексемы находят параллели в древнетюркских языках, что свидетельствует о древности и устойчивости данного пласта. В ходе исследования зафиксировано, что фонетическая структура общетюркской лексики якутского языка, обозначающей наименования орудий труда, имеет тесную взаимосвязь с алтайским языком: як. *быһах* // алт. *бычак* 'нож', як. *күлүүкэ* // алт. *күлкү* 'кочерга', як. *талкы* // алт. *талку* 'кожемялка' и др. Как отмечает Г. Г. Левин, «близость алтайского языка особенно заметна в устойчивости структурных типов и структурно-семантической канвы лексических параллелей»¹⁸.

¹ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ). С. 368.

² Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М., 1959. Т. II. С. 1476.

³ Диалектологический словарь якутского языка / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. С. 135.

⁴ Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд., 2001. С. 96.

⁵ Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. С. 441.

⁶ Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 896.

⁷ Тувинско-русский словарь ... С. 375.

⁸ Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ). С. 287.

⁹ Древнетюркский словарь ... С. 440, 504.

¹⁰ Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд., 2001. С. 87.

¹¹ Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Вост. лит., 2007. Т. 4. С. 274.

¹² Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. С. 260.

¹³ Хакасско-русский словарь / отв. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 893.

¹⁴ Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 471.

¹⁵ Левин Г. Г. Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками): авт. дисс. ... доктора фил. наук. Якутск, 2013. С. 39.

Заклучение

Таким образом, нами рассмотрены наименования основных орудий труда, инструментов, а также различных приспособлений, используемых якутами для успешного ведения своих традиционных отраслей хозяйства. В связи с усовершенствованием некоторых видов орудий, многие традиционные орудия труда потеряли свою актуальность, соответственно ушли в пассивный фонд языка и их наименования.

Лексико-семантический анализ орудийной лексики якутского языка позволил сделать следующие выводы. В основе наименований орудий труда лежат слова тюрко-монгольского происхождения, а также имеются заимствования из тунгусо-маньчжурского и русского языков. В зависимости от сферы употребления орудийная лексика якутского языка классифицирована нами на 7 лексико-семантических групп: 1) наименования орудий для скотоводства; 2) наименования орудий для охоты; 3) наименования орудий для рыболовства; 4) наименования орудий для земледелия; 5) наименований орудий для применения в домашнем хозяйстве; 6) наименований орудий для обработки дерева; 7) наименования орудий для обработки кожа и меха.

Наименования орудий труда в якутском языке образованы морфологическим (при помощи аффиксов), синтаксическим (на базе словосочетаний и путем субстантивации) и лексико-семантическим способами (путем омонимии).

Исследование лексико-семантических параллелей якутского, алтайского, хакасского и тувинского языков на материале наименований орудий труда выявило 12 основ общетюркского происхождения: *игии* 'напильник', *атырдьах* 'вилы', *талкы* 'кожемялка', *күрдьэх* 'лопата', *балта* 'молот', *сиппиир* 'метла', *күлүүкэ* 'кочерга', *быһах* 'ножницы', *кыптый* 'ножницы', *этирик* 'скобель', *кыһах* 'скребок', *бүргэс* 'шило'. Из исследованных лексико-семантических групп наибольшее количество параллелей замечено в группе орудий, применяемых в быту.

Полагаем, что данные, полученные в результате настоящего исследования, могут быть применены в лексикографической практике, для сравнительно-исторических анализов и сопоставительных исследований тюркских языков. Настоящее исследование актуализирует дальнейшее изучение лексики орудий труда тюркских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдина, Р. П. (2021) Наименования посуды и кухонной утвари в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14. № 4. С. 1109–1114. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210140>
- Антонов, Н. К. (1971) Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск : Якуткнигоиздат. 174 с.
- Бётлингк, О. Н. (1989) О языке якутов : пер. с нем. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 646 с.
- Борисов, Ю. П. (2020) Параллели эпических формул в якутском олонхо и тувинском эпосе: сравнительный аспект // Новые исследования Тувы. № 4. С. 250–260. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.17>
- Васильев, Ю. И. (2012) Огузский компонент в якутском языке (фонетический и лексико-семантический аспект). Якутск : Издательский дом Северо-Восточного федерального университета. 357 с.
- Гаффарова, Ф. Ф. (2000) Земледельческая лексика татарского языка. Казань : Дом печати. 176 с.
- Грамматика современного якутского литературного языка (1982) / отв. ред. Е. И. Убрятова. М. : Наука. Т. 1. Фонетика и морфология. 469 с.
- Данилова, Н. И. (2020) Глагольный залог в якутском и тувинском языках в сопоставлении с монгольскими и тунгусскими языками // Новые исследования Тувы. № 1. С. 143–153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.12>
- Дмитриев, Н. К. (1962) Строй тюркских языков: избранные труды / отв. ред. Э. В. Севортян. М. : Издательство восточной литературы. 607 с.
- Дьячковский, Ф. Н., Тазранова, А. Р., Баярсайхан, Б., Трофимова, С. М., Попова, Н. И. (2023) Названия способов движения (аллюра) лошади в тюркских языках Сибири (в сопоставлении с монгольскими) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. № 22 (2). С. 61–73. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-2-61-73>
- Зыков, Ф. М. (1989) Традиционные орудия труда якутов (XIX — начало XX века). Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 148 с.

- Калужинский, С. (1961) Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР / отв. ред. Е. И. Убрятова. Якутск : Кн. изд-во. Вып. 3 (8). С. 5–21.
- Коркина, Е. И. (1970) Наклонения глагола в якутском языке. М. : Наука. 307 с.
- Коркина, Е. И. (1979) Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. Якутск : Якутское книжное издательство. 104 с.
- Коркина, Е. И. (1985) Деепричастия в якутском языке. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 204 с.
- Кулаковский, А. Е. (1979) Научные труды. Якутск : Якутское книжное издательство. 494 с.
- Левин, Г. Г. (2001) Лексико-семантические параллели орхонско-тюркского и якутского языков: (в сравнительном плане с алтайским, хакасским, тувинским языками). Новосибирск : Наука. 188 с.
- Львова, С. Д. (2021) Сравнения в якутском и тувинском эпосах: общее и специфичное // Новые исследования Тувы. № 1. С. 202–216. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.11>
- Мусаев, К. М. (1984) Лексикология тюркских языков. М. : Наука. 228 с.
- Николаев, Е. Н. (2019) Топонимы с основой *баш/бас* в тувинском и якутском языках: лингвокультурологическая интерпретация // Новые исследования Тувы. № 3. С. 205–204. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.13>
- Попов, Г. В. (1986) Слова «неизвестного происхождения» якутского языка: сравнительно-историческое исследование. Якутск : Якутское книжное издательство. 148 с.
- Прокопьева, А. К., Платонов, П. С. (2022) Лексико-семантические параллели якутского и алтайского языков (на материале названий орудий ручного труда и режущих и точильных инструментов) // Алтаистика. № 1(4). С. 5–14.
- Радлов, В. В. (1911) Опыт словаря тюркских наречий. СПб. : Тип. Имп. акад. наук. Т. 4. 2230 с.
- Радлов, В. В. (1887) Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии : пер. с нем. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина. 26 с.
- Рясянен, М. (1955) Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М. : Издательство иностранной литературы. 221 с.
- Серошевский, В. Л. (1993) Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : Ассоциация «Российская политическая энциклопедия». 713 с.
- Скрябина, А. А. (2021) Устаревшая бытовая лексика якутского языка // Успехи гуманитарных наук. № 1. С. 188–191.
- Скрябина, А. А. (2022) Лексико-семантические параллели в наименованиях домашней утвари якутского, хакасского и алтайского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15. Вып. 10. С. 3232–3237. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220523>
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика (1984) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 488 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис (1986) / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева, отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 284 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология (1988) / Э. Р. Тенишев, В. Д. Аракин, Г. Ф. Благова и др. М. : Наука. 560 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика (1997) / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов [и др.]; ред. Э. Р. Тенишев и др. М. : Наука. 799 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции (2002) / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, Э. А. Грунина; отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 768 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка (2006) / под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо. М. : Наука. 908 с.
- Трошанский, В. Ф. (1903) Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань : Типо-литография Императорского университета. 216 с.
- Филиппов, Г. Г., Ооржак, Б. Ч. (2020) Семантика вторичных форм, образованных на основе причастий на *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 312–342. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.11>
- Харитонов, Л. А. (1947) Современный якутский язык. Якутск : Госиздат ЯАССР. Ч. 1: Фонетика и морфология. 313 с.

- Худяков, И. А. (1969) Краткое описание Верхоянского округа. Л. : Наука, Ленинградское отделение. 437 с.
- Широбокова, Н. Н. (2005) Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск : Наука. 272 с.
- Ястремский, С. В. (1938) Грамматика якутского языка. М. : Учпедгиз. 228 с.

Дата поступления: 16.10.2023 г.

Дата принятия: 27.11.2023 г.

REFERENCES

- Abdina, R. P. (2021) Nominations of Dishes and Cookware in the Khakass Language. *Philology. Theory & Practice*, vol. 14, no. 4, pp. 1109–1114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210140>
- Antonov, N. K. (1971) *Materials on the historical vocabulary of the Yakut language*. Yakutsk, Yakutknigoizdat. 174 p. (In Russ.).
- Böhtlingk, O. N. (1989) *About the Yakut language*: transl. from Germ. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 646 p. (In Russ.).
- Borisov, Yu. P. (2020) Parallels of epic formulas in the Yakut olonkho and Tuvan epic: a comparative aspect. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 250–260 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.17>
- Vasil'ev, Yu. I. (2012) *The Oguz component in the Yakut language (phonetic and lexical-semantic aspect)*. Yakutsk, Izdatel'skii dom Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. 357 p. (In Russ.).
- Gaffarova, F. F. (2000) *Agricultural vocabulary of the Tatar language*. Kazan', Dom pečati. 176 p. (In Russ.).
- Grammar of the modern Yakut literary language* (1982) / ed. by E. I. Ubriatova. Moscow, Nauka. Vol. 1. Fonetika i morfologija. 469 p. (In Russ.).
- Danilova, N. I. (2020) Verbal voice in Yakut and Tuvan languages in comparison with Mongolian and Tungus languages. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 143–153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.12>
- Dmitriev, N. K. (1962) *The structure of the Turkic languages: selected works* / ed. by E. V. Sevortian. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 607 p. (In Russ.).
- D'iachkovskii, F. N., Tazranova, A. R., Baiarsaikhan, B., Trofimova, S. M., Popova, N. I. (2023) Horse Gait Terms in Turkic Languages of Siberia (Compared to Mongolic Languages). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, no. 22 (2), pp. 61–73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-2-61-73>
- Zykov, F. M. (1989) *Traditional Yakut tools (XIX — early XX century)*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 148 p. (In Russ.).
- Kaluzhinskii, S. (1961) Some issues of Mongolian loanwords in the Yakut language. In: *Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Yakut branch of the Siberian branch of Academy of Sciences of the USSR* / ed. by E. I. Ubriatova. Yakutsk, Kn. izd-vo. Issue 3 (8), pp. 5–21. (In Russ.).
- Korkina, E. I. (1970) *Verb moods in the Yakut language*. Moscow, Nauka. 307 p. (In Russ.).
- Korkina, E. I. (1979) *Verb personally related modal constructions in the Yakut language*. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 104 p. (In Russ.).
- Korkina, E. I. (1985) *Adverbs in the Yakut language*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 204 p. (In Russ.).
- Kulakovskii, A. E. (1979) *Scientific works*. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 494 p. (In Russ.).
- Levin, G. G. (2001) *Lexical and semantic parallels of the Orkhon-Turkic and Yakut languages: (in comparative terms with the Altai, Khakass, Tuvan languages)*. Novosibirsk, Nauka. 188 p. (In Russ.).
- L'vova, S. D. (2021) Comparisons in the Yakut and Tuvan epics: general and specific. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 202–216. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.11>
- Musaev, K. M. (1984) *Lexicology of the Turkic languages*. Moscow, Nauka. 228 p. (In Russ.).
- Nikolaev, E. N. (2019) Toponyms with the Stem bas/bach in Tuvan and Yakut languages: a lingvoculturological interpretation. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 205–2014. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.13>
- Popov, G. V. (1986) *Words of "unknown origin" of the Yakut language: a comparative historical study*. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 148 p. (In Russ.).
- Prokop'eva, A. K. and Platonov, P. S. (2022) Lexico-semantic parallels of the Yakut and Altaic languages (based on the names of manual labor tools and cutting and sharpening tools). *Altaistics*, no. 1(4), pp. 5–14. (In Russ.).

Radlov, V. V. (1911) *The experience of the dictionary of Turkic dialects*. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk. Vol. 4. 2230 p. (In Russ.).

Radlov, V. V. (1887) *An ethnographic review of the Turkic tribes of Southern Siberia and Dzungaria*: transl. from Germ. Tomsk, Tipo-litografiia Mikhailova i Makushina. 26 p. (In Russ.).

Riasianen, M. (1955) *Materials on the historical phonetics of the Turkic languages*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 221 p. (In Russ.).

Seroshevskii, V. L. (1993) *Yakuts. The experience of ethnographic research*. 2nd ed. Moscow, Assotsiatsiia «Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia». 713 p. (In Russ.).

Skriabina, A. A. (2021) Obsolete household vocabulary of the Yakut language in comparison with other turkish languages (on the material of Yakut folk fairy tales). *Modern Humanities Success*, no. 1, pp. 188–191. (In Russ.).

Skriabina, A. A. (2022) Lexico-Semantic Parallels in the Names of Household Items of the Yakut, Khakass and Altai Languages. *Philology. Theory & Practice*, vol. 15, issue 10, pp. 3232–3237. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220523>

Comparative historical grammar of the Turkic languages: phonetics (1984) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 488 p. (In Russ.).

Comparative historical grammar of the Turkic languages: syntax (1986) / B. A. Serebrennikov, N. Z. Gadzhieva, ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 284 p. (In Russ.).

Comparative historical grammar of the Turkic languages: morphology (1988) / E. R. Tenishev, V. D. Arakin, G. F. Blagova et al. Moscow, Nauka. 560 p. (In Russ.).

Comparative historical grammar of the Turkic languages: vocabulary (1997) / E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov et al.; ed. by E. R. Tenishev et al. Moscow, Nauka. 799 p. (In Russ.).

Comparative historical Grammar of the Turkic languages: regional reconstructions (2002) / E. R. Tenishev, G. F. Blagova, E. A. Grunina; ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 768 p. (In Russ.).

Comparative historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language is the basis. The picture of the world of the Proto-Turkic ethnic group according to the language (2006) / ed. by E. R. Tenishev and A. V. Dybo. Moscow, Nauka. 908 p. (In Russ.).

Troshchanskii, V. F. (1903) *The evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts*. Kazan', Tipolitografiia Imperatorskogo universiteta. 216 p. (In Russ.).

Filippov, G. G. and Oorzhak B. Ch. (2020) Semantics of the secondary forms based on the participles on -byt and -gan in the Yakut and Tuvan languages. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 312–342. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.11>

Kharitonov, L. A. (1947) *Modern Yakut language*. Yakutsk, Gosizdat IaASSR. Part 1: Phonetics and morphology. 313 p. (In Russ.).

Khudiakov, I. A. (1969) *A brief description of the Verkhoyansk district*. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение. 437 p. (In Russ.).

Shirobokova, N. N. (2005) *The relation of the Yakut language to the Turkic languages of Southern Siberia*. Novosibirsk, Nauka. 272 p. (In Russ.).

Iastremskii, S. V. (1938) *Grammar of the Yakut language*. Moscow, Uchpedgiz. 228 p. (In Russ.).

Submission date: 16.10.2023.

Acceptance date: 27.11.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.2.19

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзор

Экономические, технологические, экологические и инфраструктурные проблемы развития Республики Тыва и сопредельных территорий: итоги IV международной научно-практической конференции

Шончалай Ч. Соян

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН,
Российская Федерация

19–20 октября 2023 г. в Кызыле (Россия) на базе Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН прошла IV Международная научно-практическая конференция «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура». На конференции обсуждались результаты очередных исследований экономических, технологических, экологических, и инфраструктурных проблем развития процессов в Республике Тыва и сопредельных территорий. Проблематика исследований охватывала основные направления, представленные докладами на секциях: «Формирование долгосрочной социально-экономической стратегии региона», «Геология и минерально-сырьевой потенциал Тывы и сопредельных территорий», «Современные математические, геоинформационные и дистанционные методы анализа, обработки и отображения природных и антропогенных процессов», «Рациональное природопользование и охрана окружающей среды», «Инновационные технологии как фактор развития современного общества». В обзоре представлены тезисы ряда важных докладов.

Ключевые слова: региональная экономика; ТувИКОПР СО РАН; экология; Тува; экономика Тувы; геология Тувы; минерально-сырьевой потенциал Тувы; обзор

Для цитирования:

Соян Ш. Ч. Экономические, технологические, экологические и инфраструктурные проблемы развития Республики Тыва и сопредельных территорий: итоги IV международной научно-практической конференции // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 316–323. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.19>

Соян Шончалай Чудурукпаевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории региональной экономики Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: Soyana77@mail.ru

SOYANA, Shonchalai Chudurukpaevna, Candidate of Economics, Senior Research Fellow, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsional'naya St., 667007, Kyzyl, Russian Federation. Email: Soyana77@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5734-0482

ACADEMIC LIFE

Review

Economic, technological, environmental, and infrastructural problems of the development of the Republic of Tuva and adjacent territories: results of the IV International Scientific and Practical conference

Sonchalai Ch. Soyán*Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

On October 19–20, 2023, the IV International Scientific and Practical Conference “Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology and Infrastructure” took place in Kyzyl, Russia, at the Tuvinian Institute for Complex Development of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

The conference discussed the results of ongoing research into economic, technological, environmental, and infrastructure issues related to the development of the Republic of Tuva and neighboring regions. The research topics covered the main areas presented in the reports in the following sections: “Formation of a long-term socio-economic strategy for the region”, “Geology and mineral resource potential of Tuva and adjacent territories”, “Modern mathematical, geo-informational and remote methods for analyzing, processing and displaying natural and anthropogenic processes”, “Rational management of nature and environmental protection”, and “Innovative technologies as a factor in the development of modern society”. The review presents abstracts from a number of important reports.

Keywords: regional economy; TuvIKOPR SB RAS; ecology; Tuva; economy of Tuva; geology of Tuva; mineral resource potential of Tuva; review

For citation:

Soyan S. Ch. Economic, technological, environmental, and infrastructural problems of the development of the Republic of Tuva and adjacent territories: results of the IV International Scientific and Practical conference. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 316–323. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.19>

IV Международная научно-практическая конференция «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура» состоялась 19–20 октября 2023 г. в Кызыле (Республика Тыва, Российская Федерация) на базе Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН (ТувИКОПР СО РАН). Организатором научно-практической конференции выступила лаборатория региональной экономики ТувИКОПР СО РАН. Данная конференция проводилась с целью выработки научно-обоснованных предложений по обеспечению динамичного и устойчивого развития регионов Сибири и сопредельных территорий на основе обсуждения и научного анализа результатов исследований экономических, технологических, экологических, и инфраструктурных проблем развития процессов в современных условиях. Задачи конференции по обмену новейшими достижениями науки и научно-практической информацией, определению перспектив и основных путей социально-экономического развития регионов, подходов рационального использования природных ресурсов на обширной территории Сибири достигнуты. Напомним, что предыдущие конференции, также организованные лабораторией региональной экономики, прошли в Кызыле в 2015, 2017 и 2019 гг. (Ооржак, Балакина, 2016; Региональная экономика: ... , 2015, 2017, 2019, 2023; Соян, Балакина, 2018). Проведение нынешней IV-ой конференции особенно актуально для претворения в жизнь Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г.¹ и плана по ее реализации, утвержденных Правительством РФ в 2023 г. В экономике

¹ Распоряжение Правительства РФ от 26 января 2023 г. № 129-р Об утверждении стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г. [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406164313/> (дата обращения: 26.03.2024).

Республики Тыва еще очень много нерешенных проблем, и такого рода конференции — это возможность лишний раз эти проблемы высветить, обрисовать и, конечно, найти решения, способные реально изменить ситуацию в лучшую сторону.

В программный комитет конференции под руководством директора ТувИКОПР СО РАН Р. В. Кужугет, кандидата геолого-минералогических наук, входила Ш. Ч. Соян, кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе ТувИКОПР СО РАН. В оргкомитет конференции входили такие ученые, как Г. Ф. Балакина, доктор экономических наук, заведующая лабораторией региональной экономики ТувИКОПР СО РАН; Х. Б. Бадарчи, кандидат экономических наук, заместитель директора по коммерческим вопросам ТувИКОПР СО РАН; В. В. Заика, доктор биологических наук, главный научный сотрудник лаборатории биоразнообразия и геоэкологии ТувИКОПР СО РАН; Т. М. Ойдуп, кандидат социологических наук, ученый секретарь ТувИКОПР СО РАН; С. Г. Прудников, кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией «Геодинамики, магматизма и рудообразования» ТувИКОПР СО РАН; Л. Х. Тас-оол, кандидат химических наук, заведующая химико-технологической лабораторией ТувИКОПР СО РАН; С. А. Чупикова, кандидат географических наук, старший научный сотрудник ТувИКОПР СО РАН и др. В работе конференции приняли участие представители 35 научно-исследовательских организаций, региональных и местных (муниципальных) органов власти¹.

Программа конференции была разбита на пять тематических секций: секция 1 «Формирование долгосрочной социально-экономической стратегии региона» (руководитель секции — доктор экономических наук Г. Ф. Балакина); секция 2 «Геология и минерально-сырьевой потенциал Тувы и сопредельных территорий» (руководитель — кандидат геолого-минералогических наук С. Г. Прудников); секция 3 «Современные математические, геоинформационные и дистанционные методы анализа, обработки и отображения природных и антропогенных процессов» (руководитель — кандидат географических наук С. А. Чупикова), секция 4 «Рациональное природопользование и охрана окружающей среды» (руководитель — доктор биологических наук В. В. Заика), секция 5 «Инновационные технологии как фактор развития современного общества» (руководитель — кандидат химических наук Л. Х. Тас-оол).

Работу научной конференции открыл директор ТувИКОПР СО РАН, кандидат геолого-минералогических наук Р. В. Кужугет (*фото 1*), поприветствовав и поблагодарив всех участников конференции за совместную работу. Приглашённые гости научного мероприятия — министр экономического развития и промышленности Республики Тыва А. А. Сат, и. о. директора Агентства по науке Республики Тыва Н. О. Монгуш, директор Туvinского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ), кандидат исторических наук В. Д. Март-оол, заместитель директора Туvinского НИИСХ — филиала СФНЦА РАН, кандидат биологических наук Б. М. Луду, советник Главы Республики Тыва А. Д. Бегзи. В рамках пленарного заседания были рассмотрены и заслушаны несколько важных докладов. Модератором выступила заместитель директора по научной работе ТувИКОПР СО РАН Ш. Ч. Соян.

В пленарной части с докладом «Особенности формирования адаптационных стратегий и практик населения Республики Тыва» выступила доктор экономических наук, главный научный сотрудник ТувИКОПР СО РАН Г. Ф. Балакина. В своем докладе Галина Федоровна представила анализ мнения экспертов и результаты опроса населения Республики Тыва об особенностях адаптации жителей к современным трансформационным процессам. Докладчик акцентировала внимание на особенности адаптационных стратегий и практик, специфику процессов адаптации этнорегиональных общностей республики: тувинцев и русских. Ознакомила выявленными особенностями практик адаптации жителей Республики Тыва и их классификацией. Большой интерес участников вызвали определенные автором специфики этнорегиональных моделей встраивания в процессы трансформации в современном обществе.

Директор ТувИКОПР СО РАН, кандидат геолого-минералогических наук Р. В. Кужугет свой пленарный доклад посвятил благороднометалльной минерализации и условиям образования золото-

¹ Общее число участников составило 104 человека, среди них были научные сотрудники, специалисты и преподаватели научных, образовательных и иных учреждений России (Москвы, Новосибирска, Красноярска, Абакана, Иваново и др.), а также зарубежных государств (Белоруссии, Южной Кореи, Румынии, Узбекистана).

Фото 1. Пленарное заседание конференции. Фото Ю. Самбыла, 2023 г.
Photo 1. The plenary session of the conference. Photo by Yu. Sambila., 2023.

медно-порфиrowого месторождения Ак-Суг (Восточный Саян). Он отметил, что при поисках медно-порфиrowого оруденения нахождение различных типов сопутствующих руд несет важную информацию: наличие того или иного типа минерализации указывает на степень сохранности порфиrowо-эпитеpмальных систем и уровень ее эрозийного среза. Полученные результаты могут иметь практическое значение для региональных прогнозно-металлогенических поисков месторождений и рудопроявлений Cu, Ag и Au.

Пленарные доклады по видеоконференцсвязи представили и ключевые партнеры ТуВИКОПР СО РАН из г. Красноярска — заведующая кафедрой системознергетики Красноярского государственного аграрного университета, доктор технических наук, профессор М. П. Баранова. Доклад коллеги был посвящен особенностям сжигания водоугольного топлива из углей разной степени метаморфизма в малой энергетике. Автором определена технологическая и техническая возможность получения и использования водоугольного топлива на теплогенерирующих установках малой и средней мощности, которые используются в системе малой распределенной энергетике. Установлено, что вихревой способ сжигания водоугольного топлива позволяет снизить уровень вредных выбросов в отходящих газах до существенно ниже нормативных значений. Показана возможность использования получаемых при сжигании водоугольного топлива золошлаковых отходов для получения твердеющих закладок.

В пленарной части конференции представил свой доклад на тему «Технологические возможности глубокой переработки тувинских углей» также директор Центра инновационных угольных технологий Сибирского государственного индустриального университета, доктор технических наук, профессор В. И. Мурко. Автор в своем докладе обозначил актуальность проблемы, обусловленную тем, что коксующиеся марки тувинских углей мало пригодны для энергетического использования в существующих котельных агрегатах, а кокс, получаемый из указанных углей, не обладает достаточной прочностью. Профессор предложил эффективные способы переработки тувинских углей с получением товарных продуктов с высокой добавленной стоимостью (синтетические моторные топлива, синтез-газ и др.).

На секции «Формирование долгосрочной социально-экономической стратегии региона» ученые лаборатории региональной экономики ТувИКОПР СО РАН Г. Ф. Балакина, Х. Б. Бадарчи представили доклад о специфике инновационных процессов, обобщенных на базе данных опросов экспертов (руководителей и специалистов ведущих горнодобывающих предприятий, деловых объединений и органов власти региона). Исследование было проведено авторами в июне 2023 г. На официальных статистических показателях они провели анализ общих закономерностей в динамике инновационных процессов в экономике развитых стран и России. Исследователи сформулировали основные характеристики инновационных процессов в Республике Тыва, выявили факторы, способствующие внедрению инноваций, взаимосвязи инновационных процессов с социокультурными реалиями регионального развития. Сделали вывод о необходимости формирования государственной политики по поддержке инноваций и сохранению социокультурного равновесия.

Большой интерес вызвал доклад коллег из ТИГПИ Ч. Б. Даржаа, К. Д. Тас-оол, Р. П. Ширинен об исследовании профессиональных и образовательных стратегий студентов образовательных организаций среднего профессионального образования (СПО) в Республике Тыва. Авторы представили результаты социологического опроса, проведенного в апреле-мае 2023 г. методом онлайн-анкетирования среди выпускников образовательных организаций СПО. В опросе приняло участие 882 респондента. В ходе исследования был проведен анализ образовательных планов, планов трудоустройства, в т. ч. по полученному направлению подготовки, по миграционным настроениям студентов. Сделан вывод о том, что, несмотря на кадровые потребности региона, значительная часть будущих специалистов со средним профессиональным образованием, обучающиеся в образовательных организациях СПО, ориентированы на получение высшего образования и смену своей специальности.

В онлайн-докладе кандидата экономических наук, доцента Е. Л. Андреяновой (Иркутский научный центр СО РАН) «Социальные аспекты и оценка позиций устойчивого развития туризма в региональном масштабе (на примере Сибирского федерального округа)» была представлена степень сформированности позиций устойчивого развития туризма в региональном масштабе (на примере Сибирского федерального округа). Основные выводы определили недостаточную сформированность теоретико-методологических положений концепции устойчивого развития туризма, а также их реализацию в прикладном региональном масштабе. Автор предлагает комплексное внедрение принципов устойчивого развития туризма с целью не только теоретического изучения, но и эмпирического воплощения.

По секции «Геология и минерально-сырьевой потенциал Тувы и сопредельных территорий» интересным был доклад кандидата геолого-минералогических наук Р. В. Кужугет и Н. Н. Анкушева из Института минералогии УрО РАН о составе золота Au-Ag рудопоявления Биче-Кадыр-Оос (Восточный Саян, Россия). Авторы представили результаты исследований минералого-геохимических особенностей и фазового состава золота, условий формирования руд Биче-Кадыр-Оос Au-Ag рудопоявления. Интересный доклад представила кандидат геолого-минералогических наук К. М. Рычкова о тектономагматической активности и изотопного состава гелия на территории Тувы. Территория Тувы характеризуется активной сейсמודинамической, тектонической и вулканической активностью. Вулканические проявления позднего кайнозоя значительно распространены на северо-востоке Тувы и входят в западную часть Южно-Байкальской вулканической области.

Доклад «Опыт создания сайта по аржаанам Тувы с интерактивной картой» кандидата химических наук, доцента, главного научного сотрудника Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления Республики Тыва (НИИ МСПУ РТ) НИИ МСПУ РТ К. Д. Аракчаа, в соавторстве с кандидатом экономических наук, доцентом Новосибирского государственного технического университета И. В. Отвагиной на секции «Математическое моделирование и геоинформационное картографирование природных и антропогенных процессов» вызвал большой интерес у участников конференции. Ученые представили краткие сведения об аржаанах (природных целебных водах) Тувы. Аржааны и аржаанная бальнеотерапия, как неотъемлемая часть тувинской народной медицины, имеют важное значение в жизни коренного населения Тувы, а также представляют большой интерес для гостей республики. На основе аржаанов в Республике Тыва начинает развиваться лечебно-оздоровительный туризм — аржаанный бальнеотуризм. С целью содействия развитию аржаанного бальнеотуризма ученые поставили перед собой задачу создания веб-сайта по аржаанам Тувы. Сайт «Аржааны — целительный дар природы Тувы» (<https://arjaanytuvy.ru/>) создан в 2023 г., докладчиками были представлены основы управления сайтом.

А. А. Ефремов, кандидат экономических наук, доцент из Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники в соавторстве со своими аспирантами Ю. С. Белоцкой и Я. С. Чаюк представил онлайн-доклад о методах, используемых для оптимизации машинно-тракторного парка в сельскохозяйственном производстве: имитационных моделях, системах поддержки принятия решений и моделях линейного программирования. Ученый объяснил, как эти методы могут быть применены в сельскохозяйственном производстве для повышения эффективности, снижения затрат и минимизации воздействия на окружающую среду. Использование методов оптимизации в сельском хозяйстве может привести к принятию более обоснованных решений и помочь фермерам достичь своих экономических, экологических и социальных целей. Доклад был полезным для тувиноведов с практической точки зрения.

О технологических и технических возможностей получения и использования водоугольного топлива на теплогенерирующих установках малой и средней мощности которые используются в системе малой распределенной энергетики выступили коллеги из Красноярского государственного аграрного университета — доктор технических наук М. П. Баранова и доктор технических наук, профессор Сибирского государственного индустриального университета В. И. Мурко на секции «Рациональное природопользование и охрана окружающей среды». Авторами установлено, что вихревой способ сжигания водоугольного топлива позволяет снизить уровень вредных выбросов в отходящих газах до существенно ниже нормативных значений. Показана возможность использования получаемых при сжигании водоугольного топлива золошлаковых отходов для получения твердеющих закладок.

Интересным представился в работе этой секции также доклад «Трансграничные территории Тувы: проблемы, перспективы развития» доктора географических наук, профессора С. С. Курбатской. Автор рассказала о роли трансграничных взаимодействий России и Монголии в развитии заповедного дела на территории объекта всемирного наследия ЮНЕСКО — трансграничного биосферного резервата «Убсунурская котловина».

На секции «Инновационные технологии как фактор развития современного общества» кандидат технических наук, старший научный сотрудник ТувИКОПР СО РАН М. О. Молдурушку, доктор технических наук из Института химии твердого тела и механохимии Сибирского отделения Российской академии наук Н. И. Копылов представили композиционный керамический материал, полученный из сукпакской глины и шламовых отходов отвала Хову-Аксы. Показано, что мышьяк не вымывается из керамических образцов на основе глины со шламом, соответственно полученные материалы экологически безопасны. Ученые химико-технологической лаборатории ТувИКОПР СО РАН под руководством кандидата химических наук М. П. Куликовой К. К. Чульдум и А. Д. Мылдық представили интересный доклад о разработке реагентных режимов флотации угля Каа-Хемского месторождения Тувы. Они ознакомили коллег с результатами исследований о процессах обогащения угля флотацией, перспективными флотационными технологиями, используемыми на обогатительных фабриках в России и за рубежом. Авторами разработан лабораторный стенд флотационного обогащения для изучения возможности понижения параметра основности коксующихся углей Улуг-Хемского бассейна и подбора эффективных технологий по повышению качества угля.

В отличие от предыдущих конференций основной акцент нынешней конференции был направлен на формирование Саяно-Енисейского мезорегиона в составе Республик Тыва и Хакасия, а также Южного макрорайона Красноярского края, который может стать отправным пунктом пространственного развития южных районов Енисейской Сибири, ориентированного на создание каркаса территориальных центров экономического роста, способных формировать и передавать сопредельным субъектам инновационные импульсы развития экономики, в т. ч. выводить периферийные территории на траекторию ускоренного развития. На работах секций обсуждены вопросы масштабного освоения природных ресурсов мезорегиона, реализации крупных инвестиционных проектов, включая создание автомобильного и железнодорожного трансграничных коридоров из России в Монголию и Китай через территорию Республики Тыва. В дебатах участвовали представители как научных и образовательных организаций, так и власти, бизнеса, общества, что позволило выявить основные проблемы социально-экономического развития, в т. ч. причины его неравномерности, и выработать предложения по достижению динамичного развития территориальных систем в современных условиях.

По итогам работы пленарных и секционных заседаний приняты следующие заключения и рекомендации. Считать необходимым продолжать как фундаментальные и теоретические, так и прикладные исследования, направленные на решение экономических и природоохранных задач, в т. ч.:

— научных исследований актуальных вопросов развития экономики Центрально-Азиатского региона: законодательно-правовых, инфраструктурных, технологических и экологических проблем трансграничного сотрудничества; проблем геологии и металлогении месторождений полезных ископаемых и перспектив их промышленного освоения; переработки сырья и отходов производств; актуальных проблем изучения и сохранения биологического разнообразия водных и наземных экосистем, растительного и почвенного покрова; математического моделирования, геоинформационного сопровождения изучаемых явлений и процессов для оценки и прогноза их трендов;

— изучение возможностей и целесообразности дальнейшего развития инфраструктуры Тувы, совершенствования транспортного сообщения с трансграничными регионами Западной Монголии и Северо-Западного Китая, включая строительство транснациональной железной магистрали через территорию Тувы, создание условий для развития туризма (устранение инфраструктурных ограничений или смягчения их действия);

— продолжить мониторинговые исследования по проблемам загрязнения поверхностных вод и влияния его на их биоту;

— необходимо расширить исследования по выявлению геохимических особенностей содержания драгоценных металлов в углях в рамках Улуг-Хемского бассейна для дополнения и уточнения представления о составе, строении и свойствах основного продуктивного пласта Улуг.

Научное собрание постановило рекомендовать Правительству РТ, Министерству экономики РТ, Министерству лесного хозяйства и природопользования РТ, Центру защиты лесов РТ:

— поддерживать стационарные наблюдения в лесах республики по системе мониторинга с применением пространственно обобщенных данных дистанционного зондирования с разными разрешениями;

— развивать и поддерживать инновационные подходы перерабатывающих и сервисных компаний среднего и малого масштаба в регионе с добывающей экономикой с высоким потенциалом кооперации;

— создавать условия для реализации крупных инвестиционных проектов в инновационные промышленные производства, в т. ч. в сельском хозяйстве, туризме;

— способствовать формированию, совершенствованию и реализации законодательных, организационно-технических и финансово-экономических механизмов, обеспечивающих устойчивое развитие лесного комплекса региона;

— усиливать государственную поддержку для решения системных проблем лесного комплекса данного региона, в том числе инфраструктурных и законодательно-правовых условий;

— активизировать усилия по привлечению инвесторов к комплексной переработке углей Улуг-Хемского бассейна в кокс, сорбенты, аналог каменноугольной смолы и другие продукты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ооржак, В. О., Балакина, Г. Ф. (2016) Международная научно-практическая конференция «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура» (г. Кызыл, 14–15 октября 2015 г.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 224–230.

Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура (2015) : материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию ТувИКОПР СО РАН (14-15.10.2015 г., Кызыл, Россия) / отв. ред. Г. Ф. Балакина. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 328 с.

Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура (2017) : материалы 2-й Международной научно-практической конференции (18–20 октября 2017 г. Кызыл, Россия) / отв. ред. Г. Ф. Балакина. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 388 с.

Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура (2019) : материалы 3-й международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию ТувИКОПР СО РАН и 45-летию академической науки в Туве (23–25.10.2019 г., Кызыл, Россия) / отв. редактор В. О. Ооржак. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 520 с.

Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура (2023) : материалы IV-й международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в российской федерации, 300-летию Российской академии наук, году педагога и наставника в Российской Федерации и году народной сплочённости в Республике Тыва (19–20.10.2023, Кызыл, Россия) / отв. ред. Ш. Ч. Соян. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 340 с.

Соян, Ш. Ч., Балакина, Г. Ф. (2018) II Международная научно-практическая конференция «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура» (г. Кызыл, 18–20 октября 2017 г.) // Новые исследования Тувы. № 1. С.174–184. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.15>

Дата поступления: 07.02.2024 г.

Дата принятия: 14.02.2024 г.

REFERENCES

Oorzhak, V. O. and Balakina, G. F. (2016) International research conference “Regional economy: technologies, economy, ecology and infrastructure” (Kyzyl, 14–15 Oct 2015). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 224–230. (In Russ.).

Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology, and Infrastructure (2015): proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of TuvIKOPR SB RAS (October 14–15, 2015, Kyzyl, Russia) / ed. by G. F. Balakina. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 328 p. (In Russ.).

Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology, and Infrastructure (2017): proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference (October 18–20, 2017, Kyzyl, Russia) / ed. by G. F. Balakina. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 388 p. (In Russ.).

Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology, and Infrastructure (2019): proceedings of the 3rd International Scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of TuvIKOPR SB RAS and the 45th anniversary of Academic science in Tuva (October 23–25, 2019, Kyzyl, Russia) / ed. by V. O. Oorzhak. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 520 p. (In Russ.).

Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology, and Infrastructure (2023): proceedings of the IVth International Scientific and Practical conference dedicated to the Decade of Science and Technology in the Russian Federation, the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences, the year of Teacher and mentor in the Russian Federation and the Year of National Unity in the Republic of Tyva (October 19–20, 2023, Kyzyl, Russia) / ed. by Sh. Ch. Soian. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 340 p. (In Russ.).

Soian, Sh. Ch. and Balakina, G. F. (2018) II International scientific conference «Regional economy: technologies, economy, ecology and infrastructure» (Kyzyl, 18–20 Oct. 2017). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 174–184. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.15>

Submission date: 07.02.2024.

Acceptance date: 14.02.2024.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор Ч. К. Ламажаа.

№ 2, 2024

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/62>

*Для иллюстрации обложки использована фотография
Александра Папына.*

Подписано к публикации 05.06.2024 г.

Объем - 40,05 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia